

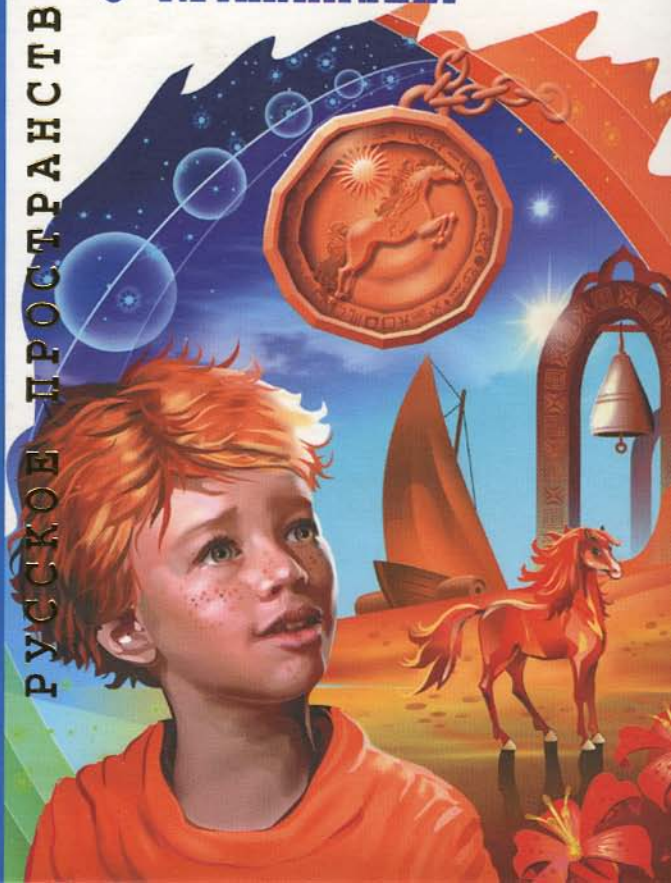
Владислав

КРАПИВИН

ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ
С КРАПИНКАМИ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ:

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Эксмо

Владислав
КРАПІВИН

Владислав
КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ДЫРЧАТАЯ ЛУНА
ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ
ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА
ГОЛУВЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ
В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА
СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ
СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК
МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ
ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...
ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ
МУШКЕТЕР И ФЕЯ
ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав
КРАПИВИН

ОРАНЖЕВЫЙ
ПОРТРЕТ
С КРАПИНКАМИ

Москва
ЭКСМО
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 78

Оформление серии художника *А. Саукова*

• Серия основана в 2005 году

ТОПОЛИНАЯ РУБАШКА

К 78 **Крапивин В. П.**
Оранжевый портрет с крапинками: Роман, повести. —
М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 608 с. — (Отцы-основатели:
Русское пространство).

ISBN 5-699-08253-0

Повести «Оранжевый портрет с крапинками» и «Тополиная рубашка» рассказывают о дружбе, о борьбе Добра со Злом, о приключениях и романтических мечтах, о полетах и межпланетных путешествиях.

В сборник также вошел кинороман о морских приключениях «Яхта «Кречет», или Снова о капитане Румбе», который публикуется впервые.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-08253-0

© Крапивин В. П., 2005
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2005

РЕКВИЕМ

Реквием — это песня печали и памяти. Ее посвящают тем, кого уже нет. Людям, которых любили. Но этот реквием — не о человеке. Он о старом тополе, который был для меня живым, как человек, и любимым, как человек.

Да разве только для меня!

Тополь рос на углу улиц Дзержинского и Герцена, во дворе, где прошло мое детство. Он был самый большой в городе. Сейчас это трудно доказать: у деревьев не бывает документов. Но в те времена все ребята и взрослые знали точно: он самый высокий и самый старый.

Мой дядюшка — дядя Боря, — который живет в Тюмени много-много лет, однажды прислал мне свои стихи о тополе, а к ним приложил небольшую историческую справку:

«Впервые этот тополь я увидел в 1937 году, он был таким же, как теперь, а наша соседка Анна Васильевна рассказывала, что домику, где мы поселились, восемьдесят лет, а когда его строили, тополь уже стоял...»

В стихах, посвященных тополю, дядюшка писал об этом же:

Ты в минувшем веке родился,
И шумишь весь двадцатый наш век,
И с грядущим веком сроднишься,
Коль не сгубит тебя человек.

Опасения дяди Бори оказались не напрасными. Люди срезали тополь...

Я давно уже знал, что приземистого флигеля, куда меня принесли из роддома, больше нет. И что двухэтажный угловой дом, где жили друзья моего детства, тоже снесли. Да

и всего квартала, где шла наша мальчишечья жизнь с деревянными мечами, футболом, воздушными змеями и парусными эскадрами в синих лужах, больше нет.

Ну ладно. Мы теперь взрослые люди и понимаем, что жизнь идет и обветшалые домики должны уступать места новым зданиям. И я хотя и с печалью, но и с пониманием тоже узнал, что на месте нашего флигеля теперь стоянка автомашин, а за ней, на месте старой пекарни (от которой по утрам так дразняще пахло свежими булками), стоит многоэтажное административное здание.

Но тополь-то кому помешал?

Или показалось, что нарушает он гармонию административного ансамбля?

Или испугались, что летом веселый тополиный пух будет залетать в окна кабинетов и легкомысленно оседать на страницах важных деловых бумаг? И спилили...

А ведь он был живой, наш тополь. И он был родной нам.

В своих нехитрых стихах дядя Боря написал:

Жизнь ребячья здесь весело мчалась
Чистым, звонким, как медь, ручейком.
Только память о ней осталась
Под зеленым и шумным шатром...

Даже не верится, что этого шатра больше нет.

Тополь осенял наше детство. Может быть, это звучит слишком романтично и старомодно, только иначе не скажешь. Именно осенял. Да и не только наше. Сколько мальчишек и девчонок выросло под ним — и в прошлом веке, и в нашем, двадцатом. Вырастали, нянчили и учили жить своих детей. Уходили воевать, и случалось, что возвращались. Мне кажется, тополь помнил всех. Всех, кто, сцепившись друг с другом руками, пытался обхватить внизу необъятный ствол. Всех, кто прижимался лбом к бугристой коре и, зажмурившись и нетерпеливо переступая исцарапанными ногами, тараторил:

Раз-два-три-четыре-пять.

Я иду искать.

Кого первого найду —

В темный терем отведу.

Тополь помнил всех, кто ссаживал на коленях кожу, пытаясь добраться хотя бы до первой развилки. Всех, кто, окончив школу, вбегал во двор и радостно лупил по стволу ненужным теперь портфелем.

И тех, кто жил здесь всегда, и тех, кого заносили в наш сибирский город ветры военных эвакуаций...

Тополь не обижался ни на ребят, ни на взрослых. Не обижался, когда по нему били тугими мячами, когда вырезали на его коре инициалы и сердца со стрелами, когда стреляли в него из пугачей. Не обиделся на соседку Василису Тимофеевну, когда она вбила в ствол железный штырь, чтобы привязывать бельевую веревку. Не обиделся, когда в него кузовом впилил грузовик с дровами соседа Ивана Георгиевича. Был наш тополь незыблемый и вечный, как гранитная скала. Что ему какие-то царапины...

Он щедро кидал свою тень на двор, заросший по краям лебедой, крапивой и лопухами, на длинное трехступенчатое крыльцо, где мы любили играть в лото, в фантики или просто сидеть и рассуждать о жизни. (Крыльцо всегда пахло вымытыми досками, а сквозь щели нижней ступеньки прорастали одуванчики.) Иногда мы засиживались на крыльце до позднего вечера. Листва делалась черной, и сквозь нее мерцали живые беспокойные звезды. Сквозь нее или просто среди листьев? Ведь тополь был до неба!

В годы моего детства было у ребят такое выражение: «До неба!» Это значит что-то очень большое. Больше всего на свете. «У меня знаешь сколько фантиков? Целая тыща!», «Подумаешь! А у меня вообще до неба!», «Мама, я тебя знаешь как люблю! Вот так, до неба!»

Тополь наш тоже был «до неба».

И он связан был с небом, с высотой, с полетами. Сколько стрел из наших луков затерялось в его чаще и не верну-

лось на землю! Сколько воздушных змеев запуталось и навсегда сгнуло в его листе... Но мы не обижались на тополь, так же как он не обижался на нас.

Несколько раз ночные июльские грозы, белые от электрических вспышек и оглушительные (сейчас, по-моему, таких и не бывает), обрушивали на тополь молнии и шквалы. И тогда он с грохотом ронял на крышу нашего флигеля громадные горизонтальные ветви. Да что там ветви — целые деревья! Они пробивали кровельные листы, а крыльцо и двор буквально заваливали сучьями с мокрой зеленоватой корой и блестящими от дождя листьями.

Но тополь ничуть не становился меньше, его крона несколько не редела. Я думаю, что свои упавшие ветви тополь с доброй усмешкой просто дарил нам. Утром высказывали мы в сверкающий от солнца и луж двор, ныряли в прохладный воздух, который состоял из свежести и запаха тополиных листьев, вымытых дождевой водой. Холодные листья прилипали к лицу и голым локтям, когда мы стаскивали исполинские сучья к забору.

Из этих сучьев и ветвей мы строили большущий шалаш. Внутри шалаша было как в тополиной роще. Солнце среди листьев зажигалось белыми звездами с такими сверкающими и острыми лучами, что, казалось, они покаливали кожу. А тополиный запах заполнял весь мир. И вся наша жизнь делалась радостной, беззаботной, бесстрашной, потому что мы сливались с этой свежестью, с этим запахом листьев и солнечными звездами. Словно кровь наша перемешивалась с тополиным соком.

А может, и правда перемешивалась? И капелька этого сока осталась в крови до сих пор?

Когда уже не было старых наших домов и улица стала совсем другой, а тополь все еще стоял, он казался мне издалека — из других городов, из взрослой моей жизни —

надежным береговым ориентиром. Он словно возвышался на берегу моря, у самой воды, и можно было подплыть и привязать к стволу свою лодку. Я надеялся, что когда-нибудь так и сделаю. Подойду к тополию, прислонюсь лбом к бугристой коре, закрою глаза и на миг представлю, что все вокруг — как прежде. Услышу голоса приятелей-мальчишек, смех, скороговорку считалки и патефонную песню «Любимый город» из распахнутого окна второго этажа. Это будет совсем недолго. Долго и не надо. Из взрослой жизни не уйдешь, да и нечестно это было бы — убежать от своих дел и забот. Но короткий миг возвращения в детство нужен каждому. Такая вот отчетливая вспышка памяти о том, что было, и о тех, кто был. Без такой памяти трудно быть большим. И каждому настоящему взрослому, по-моему, нужен такой тополь у знакомой пристани, к которому иногда можно привязать свою лодку...

Я утешаю себя тем, что, хотя тополя нет, в памяти моей он стоит всегда. Но все-таки до боли обидно, что его сгубили.

Интересно, как с ним справились эти равнодушные дядьки с пилами и топорами? Наверно, пилили по частям. Иначе, рухнув, тополь мог бы разгромить наш флигель... Ах да, флигеля уже не было. А блестящие «Волги» и «Москвичи» с автоплощадки, конечно, вовремя увели, дело нехитрое...

Наверно, к моей крови и в самом деле примешалась капелька тополиного сока. Поэтому каждый год цветение тополей я встречаю как праздник. Многие люди ворчат, им не нравится пух, оседающий на модные пиджаки, щекочущий лица. Он влетает в комнаты и льнет к полировке современных мебельных стенок и телевизоров. Этот пух для многих — надоедливый сор. А я люблю ласковую, тихую метель июньских дней.

...В мае у тополя дружно разбухли острые почки. Потом кожа почек, похожая на желтые раздвинутые клювики, сыпалась на двор. Она, клейкая и пахучая, липла к санда-

лиям, а на ладонях оставляла похожие на веснушки пятнышки. Тополь окутывался прозрачным зеленым облаком. Скоро облако делалось гуще: рядом с молодыми листиками вывешивались длинные сережки — зеленые стебельки, усыпанные продолговатыми зернышками.

В июне зернышки лопались. Теперь тополиные сережки издали были похожи на цветы черемухи. И весь тополь делался похожим на громадное черемуховое дерево. Но пух тополиных семян был, конечно, совсем не похож на мелкие сыпучие лепестки. Он плыл, плыл, плыл...

Воспоминанием об этой теплой медленной вьюге я и хочу закончить рекевию старому тополю.

С этого же воспоминания начну повесть о тополиной рубашке — одну из незабывшихся сказок своего детства.

СКАЗКИ УЛИЦЫ НАГОРНОЙ

Стоял июнь сорок восьмого года. Цвели тополя. Цвел громадный тополь во дворе на улице Герцена, цвели сотни других тополей на разных улицах и в переулках, над откосами длинного лога и над высоким берегом Туры. Эти тополя мне всегда казались детьми и внуками нашего тополя — самого большого. Ветер бесшумно снимал пушинки с ветвей, и миллиарды их плыли всюду: и у самой травы, и вдоль заборов, и над рыжими от ржавчины крышами, и высоко в синеве. И весь мой путь от улицы Герцена до Нагорной (что тянется по слободе Затюменке от реки, вдоль западных склонов лога) лежал сквозь тихую, пушистую метель. Тысячи летучих семян трогали меня невесомыми мохнатыми лапками.

Я купался в щекочущей метели и в лучах солнца — тоже щекочущих и пушистых. В самом полном смысле купался. На мне и одежды-то было только новые сатиновые трусики (их по маминой просьбе сшила недавно соседка Нюра). В те времена мода была попроще и считалось обычным делом, если мальчишки гуляли по городу в од-

них трусиках и босиком. Можно было так и в кино пойти, и в библиотеку, и в Сад пионеров на улице Республики. Никому и в голову не пришло бы удивляться или сердиться. В теплые дни преимущества такой одежды были самые явные. Для родителей — сплошная экономия, для нас — полное удобство. С берега в речку бултых без всяких хлопот. Когда бежишь — чувствуешь себя как пушинка. Окажешься под ливнем — никакой беды, а одна только радость. Через пару летних недель кожа делалась коричневой, прокаленной и приобретала удивительное свойство: солнечные лучи, ласковость тополиного пуха, пушистые касания ветерков она чувствовала каждой крошечной чешуйкой, а для всяких колючек и ядовитых трав делалась неуязвимой. Не брал нас ни кусачий чертополох, ни сердитый шиповник, ни вечный враг мальчишек — крапива. Та, что густо росла вдоль заборов и несла добровольную сторожевую службу в садах, где зрели мелкие сибирские яблочки. Хозяйками таких садов были всегда пожилые крикливые тетушки.

К таким тетушкам принадлежала и хозяйка на улице Нагорной, где с недавних пор я жил с мамой, отчимом и годовалым братом Лёськой. Вообще-то тетя Тася была ничего, не злая, но при каждом удобном случае говорила, что «робята как котятки, ума ни на грош, а писку цельный ковш, и учить вас уму-разуму надо не как в школе, а постарому». И любила рассказывать, как воспитывала своего племянника. Но я тетю Тасю не боялся. Во-первых, яблочки еще не созрели; во-вторых, я вообще не боялся взрослых.

А вот незнакомых мальчишек я, честно говоря, опасаюсь, хотя уже не маленький был — десятый год. Почему-то в любой новой компании меня быстро начинали дразнить и даже поколачивать. То ли не везло мне на знакомых, то ли мальчишки сразу угадывали мой страх перед ними, а боязливых нигде не жалуют. Поэтому, куда бы наше семейство ни переезжало, я продолжал ходить в ста-

рый двор на улице Герцена. Здесь прошло мое дошкольное детство, здесь друзья были надежные, а недруги — привычные и нестрашные. А на других улицах...

Вот и сейчас я радовался лету, но на всякий случай поглядывал по сторонам.

Мой легонький наряд, несмотря на массу достоинств, страдал все же одним неудобством — ни единого кармашка. И подарок дяди Бори — маленький пластмассовый компас — я нес в кулаке. За него-то я и боялся: не отобрали бы.

Ремешка у компаса не было. Одно ушко отколото, черная пластмасса корпуса — в царапинах. Но мне это даже нравилось: сразу видно — бывалый компас. Может, из экспедиции или с фронта.

Дядя Боря объяснил, что купил компас за пятерку на толкучке, когда искал для бритвы лезвия «Экстра» (бриться грубым «Стандартом» он не любил). Продавал какой-то подвыпивший мужичок: видать, не хватало на стопку. Дядя Боря и купил. А мне сказал:

— Бери, пригодится. У меня в детстве был почти такой же...

Детство дяди Бори мне казалось спрятанным за небывалой толщей времен. Первые двенадцать лет мой будущий дядюшка прожил еще до революции. Случалось, он рассказывал о своей ребячьей жизни и приключениях, и я слушал эти рассказы с интересом, но, по правде говоря, представить дядю Борю мальчиком не мог. А теперь компас будто проколол острой стрелкой тридцать с лишним лет и соединил нас, двух мальчишек. На секундочку, на миг.

Я тихо спросил:

— Неужели ты был такой же, как я?

— Немножко не такой. Темноволосый был, а ты вон как пух тополиный...

Я подумал, что цвет волос — не главное. Похожесть

людей не в этом... Все равно дядя Боря был когда-то такой же...

Компас показался мне чем-то вроде талисмана. Немножко волшебным.

Я сжал подарок в ладони и поспешил домой, чтобы насладиться им не спеша и без помех. Несколько раз по дороге я, оглянувшись, останавливался и включал стрелку. Она — живая — вздрагивала, начинала метаться и наконец поворачивала белое острие в сторону прохладной реки, а черный хвостик к дальнему берегу лога — там, высоко над крышами и тополями кварталов, которые назывались Большое Городище, пылало полуденное солнце.

Но, играя с компасом, я не забывал об осторожности. И правильно. Скоро я услышал гогочущие голоса, гвалт и перебранку. Навстречу двигалась ватага. Видимо, с купанья. Впереди шагал тощий цыганистый Вовка Жмых — известная личность из большого двора на улице Запольной. Я остановился и затрепетал в душе. Ватага могла и не обратить внимания на пацаненка вроде меня, а могла и «прискрестись» ради забавы. Особенно если увидят, что боюсь... А если увидят, что иду независимо, решат: нахальничает малявка. И тоже привяжутся.

Рядом в заборе я заметил оторванную доску. Забор отгораживал от улицы чьи-то чахлые грядки. А за грядками — откос лога.

Щель была узка, но ватага была близко. Кое-кто уже поглядывал на меня. Я стал торопливо протискиваться. Плечо, голова, нога...

— Эй ты! — послышалось с улицы. — А ну стой!

Я рванулся, расцарапал грудь и пузо, зацепился, чуть не оставил на улице единственную свою одежду, подхватил ее и кинулся через гряды. За мной метнулась рыжая косматая шавка. Но я уже катился по откосу сквозь пружинистый бурьян.

Внизу, в глинистой воде Тюменки, я промыл царапи-

ны, на ободранное плечо наклеил подорожник и в таком виде явился домой.

Тетя Тася кормила на дворе кур. Она покосилась на меня.

— Ишь испластался-то... Брюхо будто граблями драл.

Я сообщил тете Тасе, что брюхо мое — как хочу, так и деру.

— Вот они, нонешние-то, — сказала тетя Тася. — Мать-то все по-культурному его воспитывает, а он вон чё... Лучше бы взяла крапиву...

— Вы только одно и знаете, — огрызнулся я.

— Можно и другое. Можно вицу взять...

— Ага! Или ржавым ведьмам отдать, чтоб сварили, — ехидно добавил я.

Тетя Тася рассердилась:

— Не мели языком-то, про чё не знашь...

Я хмыкнул и ушел в дом.

Про ржавых ведьм я кое-что знал. От той же тети Таси. И не только про ведьм, про всякие другие страхи тоже.

Мы переехали в этот дом в январе. Квартиру подыскали нам Управление охоты и рыболовства, в котором работал отчим. Хотя «квартира» — это слишком громко звучит. Была просто комната, разделенная фанерной перегородкой.

Кроме нашей комнаты, были в доме еще две — хозяйкины. И широкая кухня с русской печью. В кухне обитала пожилая квартирантка Нюра. Она помогала тете Тасе по хозяйству. Хозяйство здесь было совсем деревенское. Во дворе — стойло, где жили две коровы и добродушный борзый Борька (я на нем иногда катался верхом). Большой огород, который кончался на берегу лога. В огороде стояла банька.

У тети Таси был взрослый сын, только видели мы его редко. Он все время где-то ездил. И все время то женился, то разводился, на что тетя Тася реагировала философски:

«Ну и холера с им, пушай. Их вон сколь, девок-то! Ладно хоть внуками меня не наградил, а то куда я с имя на старости лет».

На это однажды квартирантка Нюра сказала:

— Ну чё радуешься-то, глупая. Тебе бы сейчас и сидеть с внуками-то. А ты только с телкой да с боровом возишься, а кому это надо? Помрешь — эти животины тебя не вспомнят.

И они с тетей Тасей поругались.

Сама Нюра — рябая высокая тетка — жила одиноко: муж погиб в войну, детей у нее не было. А ей хотелось маленького, чтоб любить и нянчиться. Поэтому она тайком баловала меня: то три рубля сунет на мороженое, то пряником угостит, то просто вздохнет и приласкает. Мне это, по правде говоря, нравилось. Не из-за трешки и пряников, а так... Мама-то все больше с Леськой возилась, отчим был человек угрюмый, и я чувствовал себя слегка неприкаянным. Оставался еще у меня дядя Боря, но мы уже два года жили порознь...

Тетя Тася осуждала Нюру за ласковый характер и любовь к ребятишкам. И рассказывала, что сына своего воспитывала «без нежностей», а он вот «ничё, не глупее других вырос». Однако и сам сын «нежностей» к мамаше не питал, по полгода не казал к ней носа. Нюра так и сказала однажды.

— А Жора! — возразила тетя Тася. — Я его тоже сизмальства воспитывала, а он ко мне лучше, чем к родной матери...

Жора был ее племянник. Здоровый розовый дядька с редкими белобрысыми волосками. Он заведовал ветеринарной лабораторией. Этот Жора и правда испытывал к тетушке необъяснимую привязанность, часто навещал ее, и всегда с подарками.

Впрочем, Жора к моему рассказу отношения не имеет. Просто я впервые услышал про ржавых ведьм, когда тетя

Тася вела очередной разговор про воспитание племянничка.

Но сначала надо вообще рассказать про те разговоры на кухне. Они случались зимними вечерами. Я в такое время уже лежал под одеялом в комнате без света. Моя кровать была придвинута к заколоченной двери, которая раньше вела на кухню. Все «кухонные беседы» были слышны до последнего слова. Леська спал, мне тоже полагалось спать, отчим был в командировке по охотничьим делам, и мама, чтобы совсем не заскучать, часто сидела с тетей Тасей и Нюрой.

Иногда приходили соседки из других домов. Порой пили чай или гадали на картах. Жаловались на свою бабью долю, привычно вздыхали и, бывало, рассказывали, как угадывать сны и приметы, чтобы избежать лишних бед. А отсюда недалеко было и до страшных историй — про домовых, покойников и водяных, с которыми эти тетушки, оказывается, все имели дело.

Их рассказы я слушал, ежась в темноте от цепкого ужаса.

Тетя Тася очень любила истории про злого домового по кличке Суседка.

— ...Я посреди грядок так и села. А он из ботвы-то космату башку выставил да говорит: «Иди-тко сюды, голубушка, иди, не бойсь...» А я вся зачоченела со страху-то, еле языком шевелю. «Зачем, — говорю, — Суседушка, я тебе? Не надо», — говорю... А он сладенько так, а все равно страшно: «Иди, иди сюда, мы с тобой помилуемся...» Тут меня как каленой кочергой по голове... Ой, девоньки, юбку я подхватила и домой без памяти. До утра тряслася, спать не могла...

Нюра сказала что-то неразборчивое, и все долго смеялись. Потом опять потянулся тети-Тасин рассказ:

— ...А как вошла в баню-то — батюшки мои! — он с запечки-то на меня и глядит! У меня ноги-то и отнялись. Я на лавку хлоп, не могу ни рученькой шевельнуть, ни рта

открыть. А он посопел, попыхтел да и вылазит весь. Сам коротусенький, настоящему-то мужику до пупа не будет, а широкий зато, и руки длиннюшши. Рубаха синя-полосата, до полу, а с-под рубахи-то пимы разлапистые, подшитые. Башка космата, а бороденка жиденька. И улыбается так, вроде по-добренькому. Только глазишши-то — вот где страх! — не глазишши, а дырищи черные. И тут я, девоньки, ка-ак...

«Девоньки» так и не узнали, чем окончился очередной контакт тети Таси с нечистой силой. Потому что я завopil:

— Ма-ма!

Страх, который копился во мне, рванулся наконец в этом крике. Не мог я больше. В глуховатом голосе тети Таси, в сумраке комнаты, в проблеске фонаря и тенях на стене таилась необъяснимая жуть, и чудились в углах Суседки, бабы-яги и прочая нечисть. И подступали, подступали и смотрели «черными дырищами»...

Мама влетела в комнату.

— Что с тобой? Приснилось что-то?

За несколько секунд я пришел в себя и понял, какой жуткий позор грозит мне, если откровенно признаюсь в своих страхах. И сердито объяснил:

— Чего тут приснится, если уснуть невозможно? Болтают-болтают всякую ерунду, как тут заснешь! Скажи им, чтоб не так голосили.

Мама все поняла и даже не стала говорить, что нехорошо так выражаться про взрослых. В тот вечер на кухню больше не пошла, а в другой раз сказала соседкам:

— Давайте-ка потише про всякие страхи разговаривать, а то Славка у меня от этого не спит.

— Ох уж, не спит он, — завелась тетя Тася. — Давно уж небось дрыхнет без задних ног. Они как днем-то наскочутся, дак ничё к вечеру не помнят. Одна дурь в ихних головах...

— У тебя как ребенок, так обязательно дурь, — сказала Нюра.

— А то ли я не знаю! С имя без страху-то и не сладить, я по Жорке это поняла. Упрямый был, сладу нет. Говорю ему, говорю по-доброму — хоть бы какой прок. Рукавицы надену, крапиву сорву. «Иди, — говорю, — сюды». Другой бы бежать наладился или «тетечка, больше не буду», а этот набычится только да сопит. Начну его жучить, как оно полагается, а он опять сопит только и не пикнет, паразит такой... Спрашиваю: «Будешь еще пакостить да тетку срамить перед соседями? А он: «Чё я сделал-то?» Совсем уж голову я поломала, как с им управиться, а потом будто кто меня надоумил. «Вот запрю тебя, — говорю, — в баньке на цельную ночь, там с тобой ржавы-то ведьмы не так поговорят. Огонек-то разведут пожарче да в котел тебя...»

— И все ты перепутала, Таисья, — перебила старая соседка Полина. — Сроду никого ржавы ведьмы в котел не совали. Зашекотать они могут али волосы выщипать. А еще мне моя бабка сказывала...

Тетя Тася обиделась:

— Я про что сама знаю, про то и говорю. Кого зашекотать, а кого и в котел, если банный день...

— Заврались вы, бабки, — с зевком сказала Нюра. — Все напутали. Те, которые щекочат, — это русалки. Они в воде водятся.

Тут обиделась Полина:

— Молодые-то, они шибко грамотные... А про русалок мы и сами знам, только сказки это. Русские народные... А ржавы-то ведьмы не по-русалочьи щекочат, не до смерти, а только от их потом лишаи идут, будто ржавчина, и чесотка всякая... У их для щекотки нарочно пальцы волосатые...

Я поежился под одеялом. Но все же слушать про ржавых ведьм было не так страшно, как про Суседку. Да и привык уже. Случалось и сейчас, что страх обволакивал меня с головы до ног, но теперь у него был какой-то слад-

коватый привкус. К страху примешивался интерес, похожий на ожидание жутковатой тайны. Добра от такой тайны не жди, а знать все равно хочется...

МНОГОЭТАЖНЫЕ СНЫ

И вот здесь я начинаю писать про то, чего не было. Не было, и все. Кому неинтересны сказки, дальше может не читать, сразу предупреждаю. Кое-что из этой истории я увидел во сне, кое-что потом придумалось, чтобы в сказке не было запутанности...

Начало мне, конечно, приснилось.

Это был один из тех жутковатых снов, когда невозможно понять: что тебе привиделось, а что случилось уже наяву. Просыпаешься с колотящимся сердцем и думаешь: «Ух, слава богу, это был сон». Но... страх подкрадывается к тебе опять. И то, что пугало, снова рядом. И вновь стараешься убежать, порвать упругие резиновые веревки сна... Проснулся? Или еще нет?

Такие сны я называл многоэтажными.

В тот вечер тоже пришел многоэтажный сон. Только я не спасался из него, а, наоборот, уходил вглубь. Как бы спускался со ступеньки на ступеньку.

Мне снилось, что я лег спать, но уснуть не решаюсь. Знаю: как только засну, сразу увижу что-то жуткое. И поэтому мне страшно уже сейчас.

И все же глубокая дрема охватывает меня. И в этом новом сне (уже вторая ступенька, да?) я снова томлюсь от страха в своей постели. Сквозь ресницы вижу, как ползют по цветастым обоям светлые пятна от уличной лампочки и тени от сиреневых кустов в палисаднике. «Не смотри, — говорю я себе. — Не смотри, Славка... Ой, не надо...» Но не могу удержаться, смотрю. И случается то, что должно случиться: тени превращаются в громадное уродливое лицо. Лицо это беззвучно произносит круглым черным ртом: «Не вздумай заснуть. Хуже будет».

Я понимаю, что будет хуже. Нельзя закрывать глаза. Но чтобы не видеть страшного великаньего лица, я зажмуриваюсь и чувствую, что проваливаюсь в новый сон. И на этом, более глубоком этаже сна вижу, что все по-старому (только лицо чудовища растаяло). Я по-прежнему лежу на своей твердой кровати, съезился и смотрю из-за краешка одеяла сквозь слипшиеся ресницы. Стало светлее. Наверно, разошлись облака, а чистое небо июньской ночи темным не бывает. В комнате белесый полусвет, все видно. Тени на стене стали мягче. Но именно здесь ко мне приходит тот главный, настоящий страх. Сейчас-то и должно случиться то с а м о е. То, ради чего сон...

Кругом все как на самом деле. Трет переносицу кромка жесткого одеяла (я натянул его до глаз). Колет ногу попавшая в постель крошка (это неправда, что во сне люди боли не чувствуют). На улице фыркнул и махнул отблесками фар случайный автомобиль. За перегородкой хныкнул Леська, и мама, не просыпаясь, машинально качнула его кроватку. На кухне постанывает и ворочается на скрипучих полах Нюра. Но все это теперь не имеет ко мне отношения. Все это рядом, но за тройным слоем сна. А у меня теперь один страх, одна задача: больше не смотреть на стену. Потому что как взглянешь, так оно и случится.

«Не смотри, Славка. Ну, пожалуйста, не надо...»

И, обмерев до полной неподвижности, со стоном в каждой жилке, с холодом в животе я расклеиваю ресницы и смотрю на обои широкими, отчаянными глазами.

И, конечно, вижу то, чего ждал.

На первый взгляд ничего особенного. Просто круглые часы в деревянном ободке, с фарфоровым треснувшим циферблатом, черными римскими цифрами и тонкими узорными стрелками.

Старые знакомые часы. Но весь страх в том, что их здесь не может быть. Они были у нас раньше, в моем самом раннем детстве. А потом сломались, механизм рассыпал-

ся, циферблат раскололся, а деревянным ободком я играл — катал вместо обруча по двору и по тротуарам на улице Герцена...

И вот они опять висят. И я не удивляюсь. Я знал заранее, что опять увижу их. И что часовая стрелка будет стоять на двенадцати, а минутная подползает к этому числу. Подползает тихо, но ощутимо. И вот когда подползет... Что поделаешь, именно в полночь такое и случается.

И я, уже готовый к любому ужасу, гляжу не моргая, как две стрелки сливаются в одну. Сейчас раздастся скрежещущий гул, потом первый медный удар, и тогда... Вот! Просыпается в часах дребезжащая пружина... и...

Позвенела немножко и замерла. И дальше ни звука. Наоборот, еще сильнее тишина. Такая, что в ушах нарастает стремительный звон. Но это не опасный звон...

Значит, все? Больше ничего не будет? Можно облегченно вытянуться под одеялом и передохнуть. Страх оказался напрасным. Ух как хорошо...

Он еще не совсем ушел, этот страх, но уже можно дышать. Я встряхиваю головой, чтобы прогнать звон из ушей... Прогоняю... Опять совершенно тихо. Совсем-совсем. И... что?

Сквозь эту тишину проходит еле слышный з в у к... Что такое? Да нет же, это просто во дворе ветка царапнула о забор. Или шевельнулся на насесте петух Петька. Или в соседнем квартале простучали по деревянному тротуару чьи-то босоножки...

Но вот опять...

Нет, не босоножки это. Не ветка, не петух.

Это кто-то осторожно постучал согнутым пальцем в наружную дверь.

Ну и пусть постукивает. Мне-то что? Я буду здесь, с головой под одеялом... Но сквозь одеяло, сквозь ватную тишину снова — то ли стук, то ли царапанье...

Я не вижу, но знаю, чувствую, как в спрятанном под

подушкой компаса повернулась белым наконечником к двери стрелка.

Ну и пусть повернулась. Я ни при чем! Это не ко мне! Кто-нибудь из взрослых проснется, пойдет и спросит: кого там принесло среди ночи?

Не проснутся. Они за тройной границей моего сна. Этот звук слышу только я. Он для меня одного. Это — з а мной...

Не надо вставать, надо съежиться и замереть. Но у сказочных снов свои законы. И я поднимаюсь на слабых ногах. Седоватый сумрак меня окутывает, как туман. И страх снова окутывает — плотный и глухой. В этом тумане и в этом страхе я выхожу в темный коридор (вязаные половники шечочут ступни), медленно иду мимо спящих дверей, против своей воли отодвигаю тяжелую дверь в сени...

В дощатых сенях прохладно, пахнет влажной кадучкой и рогожами. Сумрачно светятся щели. За наружной дверью теперь тихо. Но я знаю — о н и там. Я это чувствую каждым волоском, каждым квадратным миллиметром дрожащей кожи. И не надо отпирать дверь, не надо. Надо тихонько вернуться и забраться в постель. А еще лучше — под кровать. Там, наверно, не найдут...

А ноги сами по себе медленно двигают меня к двери. А руки сами по себе нащупывают холодный дверной крючок и вынимают его из кольца. И дверь тихо-тихо отходит. И я вижу на крыльце их.

Ночь светлая, и я вижу тех, кто пришел за мной, достаточно ясно. Это две тетки в глухих платках и длинных, косматых каких-то платьях (такими я их и представлял). Одна — низкая, квадратная и не то чтобы старуха, но очень пожилая. Другая — высокая и помоложе. Впрочем, лица почти неразличимы, да и страшно мне смотреть на них.

Однако теперь я испытываю какое-то облегчение. Все равно жутко, но уже не так. Это наконец случилось, никому да не денешься. Так что уж все равно. Пусть...

— Вот он, появился, душа ненаглядная, — говорит пожилая тетка хрипловато и недобро. — Ну-ка, давай...

Она деловито разворачивает большущий мешок. Край мешка чиркает меня по ногам грубой тканью и какими-то колючками.

— Ну-ка, берися, — говорит она молодой.

Вдвоем они растягивают верх мешка, и он разверзается передо мной темной пастью. Из «пасти» пахнет гнилой материей, пылью и отрубями. Я хочу отшатнуться, только сил нет.

— Лезь, — требует пожилая. — Неча время тянуть.

Я представляю, как там темно, душно и колюче.

— Не... — беспомощно говорю я. — Не надо...

— Как это не надо? Ну-ка, давай...

— Так полагается, — объясняет высокая. Голос у нее почище и несердитый.

— Ну, пожалуйста, не надо... — бормочу я. — Лучше я... так...

— Чегой-то «так»? — недоверчиво сипит пожилая.

— Я сам пойду. Без мешка...

— Ишь чё надумал. Без мешка дело не делают...

— Да пусть, — говорит высокая. — Не все ль равно?

— Ну, пушай... — ворчливо соглашается квадратная тетка. — Мне чё? Оно и лучше, тяжесть не таскать.

— Тяжести-то в нем... — тихонько говорит высокая. — Ладно, пошли.

Они сходят с крыльца не оглядываясь — знают, что я никуда не денусь. И я заколдованно бреду за ними. Через двор, через огород, между грядок, где хватает за ноги холодная картофельная ботва...

Я понимаю, куда мы идем. К бане. Там, в квадратном окошке с перекрестьем, качается желтый огонек.

Кто там? Что там? И что со мной сделают?

Банька недалеко, но мы идем к ней долго-долго — будто через большое поле. И над нами половинка луны — обесцвеченная в светлом небе.

И вот дверь...

Сколоченная из тяжелых плах, дверь эта отъезжает в

сторону с натужным визгом. Изнутри вырывается запах остывшей бани: влажного дерева, березовых листьев, золы, холодных мочалок. Меня подталкивают вперед. «Проснуться бы», — безнадежно думаю я напоследок. Но теперь такое чувство, что все это не во сне, а по правде. Делать нечего, шагаю в предбанник. Здесь темно, однако приоткрыта дверь в главное помещение (тетя Тася зовет его «мыльня»). Там колеблется свет.

— Иди-иди... — шепотом говорят мне в спину.
Я иду...

Раньше, когда я бывал в этой бане, мыльня казалась мне тесной. Того и гляди зацепишься то за горячую печку, то за лавку с ведрами, то за мохнатые веники на стене.

Но сейчас я увидел, что мыльня стала просторнее. Посреди нее появился щелястый стол из некрашенных досок, вокруг стола — табуреты. Печка с вмазанным в нее котлом словно отодвинулась в угол, полка, на которой парились с вениками, поднялась к потолку. А сам потолок стал выше.

Горели две свечи — на столе и на краю высокой полки. А лампочка у потолка не горела. Оно и понятно: всяким злодеям и нечистой силе электрический свет не по душе. В дальнем углу маячила какая-то машина с деревянным колесом и высокой рамой. Вроде как станок для пыток (я видел такой в трофейном фильме «Собор Парижской Богоматери»). Я подумал об этом отупело и без особой тревоги. В другом углу — у печки — кто-то тяжело возился и кряхтел. Я разглядел пышную грудку тряпья, блестящие очки и цветастый платок. И через несколько секунд понял, что там возится и сопит, сидя на скамье, толстая очкастая старуха с мясистым носом.

У меня из-за спины пожилая тетка сиплым басом сообщила:

— Ну вот, Степанида, привели его, валетика нагаданного. Он и есть...

— Ну, коли есть — сварить да съесть... — в рифму пробубнила старуха.

Меня продрало колючим холодком. Но сквозь новый испуг все же скользнула здравая мысль: «Сразу не сварят, котел-то холодный». Печка не горела, от котла пахло остывшим железом.

Та, что помоложе, недовольно сказала:

— Хватит пугать мальчонку-то. Ты, Степанида, сварить обещаешь, а Глафира на него с мешком... Он сомлеет раньше срока...

— А я чё? Я как по правилам, — все так же сипло огрызнулась квадратная Глафира.

А старуха Степанида сняла очки, глянула на меня булавочными глазками и наставительно пробубнила:

— Как надо, так и делам. Больше пользы будет. С их, с непуганых-то, какой прок?.. Это надо же, до чего костлявый... Ладно, говори.

«Говори» — это уже мне.

— Чего? — прошептал я.

Глафира нагнулась, вполголоса объяснила:

— В чем виноват, все и говори.

Вообще-то в разговорах со взрослыми я был упрям и даже нахален. Заставить меня признаться в какой-нибудь вине и просить прощенья обычно никому не удавалось. Но тут было не до фокусов. У меня сами собой выскочили слова — те, что говорят все прижатые к стенке мальчишки:

— Я больше не буду.

— Чё не будешь, мы и сами знаем, — забурчала Степанида. — Ты давай про то, что было...

— Я же вам ничего не сделал, — жалобно сказал я.

— Не нам, а всем, — строго сказала Глафира. Она и ее приятельница все стояли за моей спиной.

— Про все свои грехи говори, — сказала высокая тетка и, кажется, слегка усмехнулась.

Я повесил голову (и в прямом и в переносном смысле). Грехов было множество. Даже за последние дни. Играл

недавно в чиху по пятаку за кон, а маме сказал, что понарошке. Катался верхом на борове Борьке, несмотря на суровый запрет. Рассорился с мамой, когда она просила меня посидеть с Леськой, чтобы сама могла сходить в мастерскую (а когда все же согласился и мама ушла, со злости хлопнул Леську за то, что он ползал под ногами и гремел сломанной машиной). В магазине устроил недавно скандал. Хлебные карточки уже отменили, но очереди еще случались, и вот я нахально пытался пролезть вперед, врал, что занимал очередь раньше всех, и для убедительности даже заревел (очень уж хотелось поскорее развязаться с делами и махнуть на речку).

Но самое главное — патроны. Я стянул четыре штуки у отчима из берестяной коробки, где он хранил охотничьи припасы. На улице Герцена мы с Толькой Петровым и Амиром Рашидовым выковырили дробь и порох, а гильзы утопили в уборной. Дробью мы стреляли из рогаток, а порох пустили на фейерверк — поздно вечером подожгли на помойке. Туда как раз тащила ведро Толькина соседка Василиса Тимофеевна... Крику было! Но нас, конечно, не поймали, только дядя Боря в тот вечер поглядывал на меня особенно пристально...

Вот такая история была на моей совести.

Но, с другой стороны, сам я похищение патронов грехом не считал. Отчима я не признавал ни за отца, ни даже за дальнего родственника, часто с ним не ладил, он ко мне тоже придирался. Поэтому на дело с патронами я смотрел не как на кражу, а как на месть вредному человеку...

— Ну! — сурово напомнила Степанида. — Чё молчишь-то, будто губы зашил? Все равно все знам. Гляди, сварим...

— Про патроны тоже говорить? — подавленно спросил я.

— Про патроны не будем, — хмуро ответила Степанида и опять надела строгие очки. — Что было, то было, никуда уже не уйдет. Расскажи-ка нам, как у приятеля у своо в школе, которого зовут Вовка Хряк, хотел деньгу старинну

с орлом стащить прямо из его сумки, когда ему у доски стоять было велено...

— Я же не стащил!

— Не стащил, а хотел. И не совести побоялся, а что узнает да побьет... Вот про такие мысли, когда нехорошее дело задумывал, сейчас и говори... А то сразу съедим.

Я опять ужаснулся, хотя, казалось, дальше некуда. Мало ли какие мысли порой у человека в черепушке заводятся! Им ведь не прикажешь, мыслям-то. Иногда такие появятся, что самого себя стыдно. Как тут расскажешь?

— Ладно вам, тетки, — вдруг ясным голосом сказала высокая. — Чего маете мальчишку? Сами видите, какой он есть, а другого и вовсе нету. Не годится, что ль?

— Годится не годится, а по мне, так лучше сразу съесть, — пробубнила Степанида. — Ты, Настя, слишком добрая, вот чё. Молода еще. Гляди, наплачешься.

Высокая Настя засмеялась. А Глафира хрипловато посоветовала:

— На картишках бы ишшо раз проверить... — Она ткнула меня в плечо: — В карты играешь?

Я хотел соврать, что не играю. Но вспомнил: они же все равно все знают. И как мы с Лешкой Шалимовым, Вовкой Покрасовым и Амиром по вечерам на крыльце...

— Маленько. В подкидного... и еще в «пьяницу».

— Пьяницы нам ни к чему, — сказала Настя. — А в подкидного давай. Как раз нас двое на двое. Степанидушка с Глафирой сядет, а мы с тобой.

Меня усадили к столу на гладкий холодный табурет. Я опять вздрогнул. Настя вздохнула, покачала головой, взяла откуда-то (будто прямо из воздуха) серый большущий платок и одним махом закутала меня вместе с табуретом. От платка немного пахло ржавчиной, но он был пушистый, уютный такой, и страх мой поубавился. Может быть, это от тепла, а может быть, я уже устал бояться. То есть я боялся, конечно, только не как раньше, не до жути. И стало даже капельку интересно.

Старуха Степанида со скрипом и охами придвинулась к столу вместе со скамьей. Я разглядел ее получше. «Профессорские» очки в тонкой оправе совсем не подходили этой бабке, и я решил почему-то, что они краденые. Лицо Степаниды было в бурых бородавках, большущих, как соски козьего вымени. На бородавках торчали редкие волоски. Глазки за очками смотрели колюче, не по-старушечьи. Коричневый с черными горошинами платок был новый и торчал твердыми складками. Поверх серого платья на Степаниде косматилась вывернутая мехом наружу безрукавка.

Настя и Глафира тоже сели к столу. Глафира оказалась сбоку, я глянул на нее лишь мельком и даже не запомнил, в чем она. Помню только, что платок был черно-серый, клетчатый, повязанный низко над глазами. А лицо квадратное и какое-то очень равнодушное.

А у Насти лицо было круглое и красивое. Совсем еще не старое. Даже почти молодое. Только морщинки у глаз и тени под нижними веками мешали полной молодости. Зато щеки были гладкие, как у девчонки, и губы красные и пухлые. Из-под зеленого платка торчала темно-рыжая, как старая медная проволока, прядка. А глаза ее оказались желтовато-серые, я это заметил, когда Настя близко глянула на меня и сказала:

— На, тасуй колоду. Умеешь?

Я взял. Карты были твердые, новые. На оборотной стороне, которая называется «рубашка», темнел красно-коричневый узор из листьев и завитушек, а в середине его проступала фигурка глазастой совы. Я сразу вспомнил, что такие карты весной пропали у Нюры. Она долго горевала и все расспрашивала, не видал ли кто случайно. А тетя Тася с явным намеком поглядывала на меня. Однако Нюра сказала: «Чё ты на ребенка-то зря глядишь». А я шепотом обозвал тетю Тасю «свинячьей дурой». Она услышала, наобидничала маме, мне влетело, велели просить прощения. Конечно, я не стал... В общем, было дело...

А карты, значит, вот они! Я даже разозлился: за что страдал?

Я сердито стал тасовать краденую колоду и тут же увидел: нет, не краденая! Это были совсем другие карты. Странные! Карты «наоборот»!

Черви и бубны оказались черные, а пики и трефы — ярко-алые. Кроме них, встречались и совсем незнакомые знаки: крошечные черные коты, коричневые черепа, зеленые листики... Но не это меня больше всего удивило. Поразили фигуры. Королей, валетов и дам рисуют до половины: одна голова вверх, другая вниз. Здесь тоже были половинки, только нижние — от пояса до пяток! Я видел длинные пышные юбки и острые туфельки, красные ботфорты с отворотами, атласные штаны с бантами, разноцветные чулки, башмаки с пряжками и полусапожки со шпорами. Колода оказалась толстенная — наверно, не меньше сотни карт. И, конечно, каждая карта — заколдованная...

— Чё разглядывать, дело делать надо, — сказала Глафира. Взяла у меня колоду, раздала каждому по шесть карт, оставшуюся пачку шлепнула посреди стола. Хихикнула: — Мурки — козыри.

Я увидел, что козыри — черные кошки.

Пошла игра в подкидного. Я осторожно сказал, что боюсь запутаться в незнакомых мастях.

— Как запутаешься — съедим, — пообещала Степанида. Настя неласково зыркнула на нее.

Я не запутался. Хотя и робел, но играл аккуратно. К тому же мне везло: достался козырный туз — одинокий черный кот с задранной хвостом. Его я и выложил в конце игры со скромно-победным видом.

Проигравшие Глафира и Степанида обиженно сопели. Степанида что-то опять буркнула насчет съесть, но себе под нос.

Вторая игра пошла азартно. Тетки с размаха хлопали картами по столу, и всякий раз по доскам стучали желез-

ные браслеты. У каждой был браслет. Я разглядел, что они тяжелые и ржавые. (Интересно, зачем они?) От первых ударов я вздрагивал, потом привык. И вообще потихоньку перестал бояться. Увлёкся. Тем более что на этот раз мы с Настей проигрывали, надо было не зевать. Степанида, видно, прибрала себе немало козырей и довольно хихикала.

— ...А ну, стойте, бабы! — вдруг весело крикнула Настя. Я даже подскочил.

Настя хлопнула свои карты о стол, только одну оставила в пальцах. Проговорила хитровато и ласково:

— А вот и он, листик наш тополиный. А вы-то не верили...

И повернула карту к нам.

Видимо, это был валет масти «зеленый лист»: в углах карты буква В и яркие листочки. Но странный какой-то валет. И дело не в том, что ноги вместо головы (к этому я уже привык). Сами по себе ноги были странные, не «придворные»: в мятых штанах до колен, в коричневых рубчатых чулках — полинялых и с дыркой на щиколотке. В брезентовых полуботинках — одна подошва слегка оттопырилась, как капризная губа.

Рисунок был четкий, будто цветная фотография. И я опять испугался, потому что сразу все узнал: и оттопыренную подошву, и разлохмаченные шнурки (один черный, другой коричневый), и белую кляксу на башмаке (Нюра капнула белилами, когда красила подоконник). В этих башмаках я ходил в школу в апреле — как раз когда у Нюры пропали карты. И дырку на щиколотке я вспомнил: зацепился за щепку, когда мы на школьном дворе помогали разгружать дрова. А самое главное — тут уже не отпрешься, — из кармана штанов торчала рукоять рогатки, оплетенная желтым и красным проводом. Эту рогатку я выменял у Амира на шарикоподшипник для самоката...

— Ну? Разве не похож? — с победной ноткой спросила

Настя. — И белобрысенький такой же, и нос сапожком, и уши оттопыренные да облезлые. Чисто фотокарточка!

«Где они увидели нос и «ухи»?» — подумал я и опять испугался. Глафира хихикнула и подтолкнула меня локтем. Стало щекотно. И мне показалось, что все четыре ноги на карте беспокойно дрыгнулись. Я мигнул. Настя быстро сунула карту под другие.

— Ну дак чё тогда, — скучным голосом сказала Степанида. — Тогда, значит, игре конец...

Они разом вздохнули, сделались неподвижные, задумались про что-то, а про меня, кажется, забыли. Долго мы так сидели в тишине. За окном сделалось светлее. Мне стало зябко, несмотря на платок. Я пошевелился и осторожно спросил:

— Можно я пойду домой?

Они будто проснулись. Громко затрещала свечка на столе. Степанида пробубнила:

— Ишшо чё. Домой... Вон чё надумал...

— Вторых петухов-то еще не было, — недовольно проговорила Глафира — И про оброк не сказали.

— Да ладно вам, — вмешалась Настя. — Чего ему эти петухи ваши? Дитю спать надо... А про оброк можно и до петухов сказать. — Она повернулась ко мне: — Ты вот что послушай... Без выкупа-то тебя отвязать от нас нельзя теперь. А выкуп такой: возьми Глафирин мешок, а завтра наберешь в него пуху тополиного...

— Зачем? — пробормотал я.

— Зачем — это дело длинное. Потом узнаешь.

— Полный мешок? Он во какой... — хмуро сказал я.

— А ты сильно-то не набивай, легонько клади, чтобы пух-то мягкий остался... А помнешь, дак сразу и съедим, — подала голос Степанида.

Я хотел спать и уже совсем не боялся. Я сказал:

— Ох и надоели вы с этим своим «съедим»...

Настя засмеялась, Глафира не то закашляла, не то захихикала опять. А Степанида обиженно откликнулась:

— Я же говорила... Вон они какие, нонешние-то... Шибко грамотные.

...Дальше помню смутно. Вышел из бани. За логом встал золотой рассвет. Я бросил мешок на огородный плетень: больно он мне нужен! Дурак я, что ли, возиться с пухом? Пробрался в дом. Было тихо. Я сразу уснул...

ПОВЕСТИ ВЕЛКИНА

Сами понимаете, утром я решил, что ведьмы мне приснились. А что оставалось думать? Мне помнилось, что сон был страшноватый, но приятный. Сказочный. А ведьмы теперь, когда сияло солнышко, вспоминались вовсе не страшными. Даже Степанида казалась чуточку симпатичной.

Я подумал: не рассказать ли маме такой жутковато-волшебный сон? Маме, однако, было некогда. Перед этим она поссорилась с моим отчимом, а теперь воевала с Леськой, который добыл синьку, разрисовал себя и не хотел мыться. Мама дала Леське шлепка, а мне велела вытащить на помойку мусор.

Помойка была на краю лога, тропинка к ней вела через огород. Я вышел и... присох к земле. На плетне висел большой серый мешок.

Страх меня пробил, как ударом тока, от макушки до пяток. Несколько секунд я смотрел на мешок, будто увидел самих ржавых ведьм. Потом я рассмеялся. Потому что дурак я был: мешок наверняка повесила здесь тетя Тася. Вон она возится у коровьей стайки.

— Тетя Тася, здрасте! Это ваш мешок висит на заплоте? Она выглянула из-под навеса.

— Не мой. Чё это я мешок буду на улице кидать? Чтoб стащили?.. Нюрин, видать, она завсегда растеряха...

На ослабевших ногах я сходил к помойке, вернулся к дому. На крыльце ласково шурилась от утреннего солнышка Нюра.

— Нюра, это твой мешок там висит?

— Не, Славушка. На кой мне мешок? У меня их ни одного нету, я без приданого живу. — Она засмеялась, сходила в дом, вынесла мне горсточку липких карамелек.

Я машинально взял их, сел на ступеньку и задумался.

Мешок неизвестно чей. На плетень попал неизвестно откуда. Но легче уж предположить, что он выпал из пролетавшего ночью самолета, чем поверить в ржавых ведьм. А скорее всего, его принес зачем-нибудь тети-Тасин племянник, или достала где-то мама, приготовила под картошку. Но спрашивать никого я больше не стал. В самой глубине души я чувствовал: все откажутся. А так оставалось хоть какое-то реальное объяснение.

Мешок я спрятал под крыльцо. Никто его не хватился. Я полдня ходил по окрестным переулкам, брал у заборов горсти тополиного пуха, прятал под майку. Когда майка надувалась на животе, я относил добычу во двор и складывал в мешок.

Я понимал, что занимаюсь ерундой. Даже перед самим собой было стыдно. И я убеждал себя, что просто играю. Имею я право играть как хочу? Вот и придумал себе сказку про ржавых ведьм.

Но играл я только наполовину. А наполовину собирал тополиный оброк по правде. Потому что боялся. Это так же, как если запинаешься левой ногой. Знаешь, что никакого несчастья не будет и все приметы — чепуха, а все равно незаметно складываешь пальцы замочком...

К обеду мешок наполнился легким, неслежавшимся пухом на четверть. Тут я как-то сразу устал, обругал себя за глупость, заскучал по друзьям-приятелям и отпросился у мамы на улицу Герцена.

Мы с ребятами сходили на Туру и выкупались, потом с компанией из соседнего большого двора погоняли на пустыре мячик. Затем сыграли два раза в мушкетерскую игру «королевские подвески», и вдруг наступил вечер. И я увидел, что пора домой. И вспомнил, что мешок на три чет-

верти пустой. Опять я выругал себя за дурацкие мысли и боязливость, но... теперь сумерки и время снов были уже близки. И я, вздохнув, подобрал у забора и спрятал под майку несколько горстей пуха — того, что разлетался по окрестным кварталам со старого тополя.

Это мое тайное дело заметил Толька Петров и, конечно, сунулся с вопросом: зачем? Я ничего не мог придумать с ходу и огрызнулся: не суй свой рыжий нос. Это было необдуманно: Толька сразу настроился на кулачный лад. Нас растащил дядя Боря, вовремя вышедший на крыльцо. Он сказал, что честные рыцарские поединки надо устраивать ясным днем, а сейчас уже десятый час. Солнце висело в самом конце улицы большущим красным глобусом. И я направился туда, к этому глобусу. В той стороне была улица Нагорная...

Дома я поужинал и лег спать. То есть не спать, а ждать: случится это или нет? Дом неторопливо затихал. За окнами так же не спеша собирались прозрачные, будто марля, июньские сумерки. А я ждал полуночи, ждал со смесью страха и желания. По-прежнему боялся я ведьм, но... жаль, если сказки больше не будет. И зря я, что ли, собирал пух?.. А если ведьмы рассердятся, что мало? Степанида опять заведет свое: «Съедем, да и дело с концом...» Да ну, чушь все это, не съедят... За такими мыслями я сам не заметил, как оказался на первом этаже сна. Просто понял, что уже сплю. Сказка неслышно звенела в тишине тысячь струн-паутинок. Это звенело во мне ожидание.

Но... звенело, звенело, а дальше — ничего. Часы не появлялись. Сказке чего-то не хватало. От досады мой страх почти исчез. Я встал, будто кто-то посоветовал мне, что делать. Нащупал на столе, среди раскиданных книжек, огрызок синего карандаша и быстро, коряво нарисовал на обоях круг и цифры. И две стрелки: короткая на двенадцати, а длинная — она чуть-чуть не дошла до верхней черты.

И тогда... тогда сказка набрала полную силу. Сидя на кровати, я увидел, как нарисованная длинная стрелка шевельнулась. Я забыл дышать. А стрелка эта тихо двинулась вправо и слилась с другой в одну черту. В ту же секунду я ошутит нервами неслышный стук в дверь...

Все было как вчера. Так же за дверью оказались Настя и Глафира. Так же шли мы через огород к баньке, а в ней мерцал огонек. Я нес на плече тощий мешок с невесомым оброком.

Конечно, Степанида просипела:

— Вот они, нынешние-то, работать им неохота. Ничего не набрал...

— Да ладно, хватит и того, — отозвалась Настя. И добавила непонятно: — Много ль ему надо...

— Ишшо и свалялось, поди, все... Тогда съедем.

Я вздохнул: надоело уже.

Никто меня, конечно, не съел. Сказали, чтобы сел на лавку у окошка и вел себя тихо, «не шебуршался и не мешался». Из темных углов ведьмы достали прялки — я такую видел у тети Таси. Разделили на три охапки тополиный пух, привязали к узорчатым лопаткам на подставках, сели, взяли веретена.

Веретена завертелись, запели, как быстрые волчки, из пуха из-под ведьминых пальцев побежала тонкая серебряная нить.

«Вот оно что! Волшебную пряжу делают...» — догадался я.

Веретена жужжали ровно, минуты бежали однообразно, а мне было нисколечко не скучно. Меня завораживал бег серебрястых нитей. И от мысли, что я вижу колдовство, опять появилось сладковатое замирание.

Ведьмы негромко запели. Вернее, пела Настя — чисто и хорошо, — а Глафира и Степанида лишь хрипловато подтягивали.

Ночью выйду за околицу,
Огоньки погаснут ясные,
А луна, как желто яблочко,
По зелено небу катится...

Не возьму я злата-серебра,
А возьму я медных грошиков.
Прилетит из леса темного
Птица-филин говорящая.

Клюнет птица-филин денежку,
Медный грошик — будто семечко.
Клюнет раз, другой, а с третьего
Скажет мне слова разумные:

«В тихом доме у околицы
Разбуди мальчонку малого.
Пусть мальчонке будет от роду
Девять лет и девять месяцев.

Сшей обновку ему шелкову,
Награди добром да ласкою.
Будет он тебе помощником,
Для цепей тяжелых ключиком».

— Ну, чё про нашу песню скажешь? Али совсем плохо поем? — проворчала в углу Степанида.

— А чё сказать? — откликнулся я с некоторым ехидством. — Если скажу, что плохо, так вы сразу: «Съедим!»

Глафира тихонько закашляла-захихикала. А Настя смотрела серьезно и вопросительно.

Я, конечно, уловил в песне намек. Мне как раз было девять лет и девять месяцев. Но ни обновки, ни особой ласки я пока не видел, поэтому ответил уклончиво:

— Хорошая песня. Только непонятная какая-то. И грустная...

— Ох, батюшки, «грустная», — забубнила старуха Степанида. — Будто есть нам с чего веселиться-то...

— Кабы кто развеселил, — поддержала ее Глафира. — А то мы только и знаем песни выть... Хоть бы ты, Тополёк, рассказал нам что хорошее.

Она впервые назвала меня так ласково. И я от благодарности сразу сказал:

— Я рассказывать плохо умею, а книжку могу почитать, если хотите.

— Какую книжку-то? — оживленно спросила Настя. И даже веретено остановила.

Я мысленно перебрал свои любимые книги. «Робинзон» и «Гулливер», пожалуй, не годились. «Тимур и его команда» тоже не для такой обстановки. «Морские рассказы» Станюковича? Нет, это не для ведьм. И я вспомнил Пушкина. «Повести Белкина»! Там есть рассказ «Гробовщик». Про мертвецов и всякие страхи. Наверно, ведьмам понравится.

— Сейчас принесу! — Я поднялся с табуретки.

— Сбегёт, — нерешительно сказала Степанида. — Он ведь нас все ишшо опасается...

— Да вернусь я, честное пионерское!

— Зачем бегать-то, — возразила Настя. — Ты вспомни, какая книга и где она. Получше вспомни...

— Да помню я!

— Эта, что ль? — Настя махнула веретеном, и знакомые «Повести Белкина» в старых коленкорových корочках оказались на краю стола.

— Ой... — сказал я с испугом. Это было первое явное колдовство, которое сотворили на моих глазах ведьмы. Глафира самодовольно кашлянула. Степанида покряхтела:

— Вот и читай теперя, как хотел, неча бегать-то...

И я стал читать «Гробовщика» вслух. Негромко, старательно, с выражением. Когда я читал его раньше (один, вечером), было жутковато, а сейчас нисколечко, хотя рядом были ведьмы, и волшебство, и вообще сказка.

Слушали меня внимательно. Даже Степанида не кряхтела и не охала. Но когда я кончил, она завозилась и недовольно сказала:

— Ну чё... Тута все дела известные, лучше бы чё другое. Чувствительное...

Глафира скрипуче хихикнула, а Настя проговорила вроде бы в шутку, но с капелькой смущения:

— Нам бы, бабам, про любовь чего-нибудь.

Я немножко обиделся за Пушкина, но сказал, что пожалуйста, можно и про любовь. И прочитал «Метель». Эта повесть ведьмам понравилась.

Глафира проворчала:

— Ну, Тополек, ты это... да... — И закашляла как-то по-особому. А Степанида сняла очки и достала из-под безрукавки большущий платок, от которого на всю баню запахло ржавчиной...

— А я раньше-то и не слыхала, что Пушкин повести писал, — со вздохом сказала Настя. — Думала, он только стихи...

— Стихи-то у Александра Сергеевича тоже есть чувствительные, — проговорила из-за платка Степанида.

А я, утомленный чтением, вдруг понял, что ужасно хочу спать. Хотел спросить, можно ли пойти домой, да лень было. Хорошо сидеть, закутавшись в пушистый Настин платок и привалившись к стенке...

— Робёнок-от спит совсем... — подала голос Глафира.

— Пусть, — отозвалась из уютного сумрака Настя. — Я его сама...

И я утонул в дремоте. И проснулся солнечным утром в своей постели.

«Повести Белкина» оказались на месте — на этажерке рядом с «Робинзоном» и «Гаврошем».

«Значит, все-таки приснилось», — подумал я. И сам удивился, что мне чуточку грустно.

На всякий случай посмотрел под крыльцо: там ли мешок с пухом?

Мешка не было. Но не было там и другого барахла, которое валялось раньше. Видимо, тетя Тася устроила чистку и все оттуда выкинула.

Скоро я перестал думать о приснившихся ведьмах. Мама послала меня за керосином, а после обеда я помчался на улицу Герцена, и там до вечера мы были заняты раз-

ными важными делами: сперва стреляли из рогаток по аптечным пузырькам, потом гоняли в сквере у цирка драный резиновый мяч, потом сидели на крыльце, а дядя Боря рассказывал нам, как устроены фокусы знаменитого циркового артиста Мартина Марчеса... А уж после ужина (когда дядя Боря покормил меня жареной картошкой с луком) была на улице игра в попа-гонялу. Это по дороге две команды гонят палками круглую короткую чурку. Крики на весь квартал и пыль клубами.

Наконец мне попало битой по ноге (по самой косточке — ой-ей-ей...), и я вспомнил, что пора домой.

Когда я, хромая, добрался до Нагорной, были сумерки и меня ждала нахлобучка. Потому что меня черти где-то носят до ночи, а мама должна сходить с ума от беспокойства.

От нахлобучки и боли в ноге настроение у меня было скверное. Я бухнулся в постель, пошмыгал носом и будто провалился в темную яму. Не увидел никаких снов: ни про часы, ни про ночные страхи, ни про ведьм... Но через какое-то время (уж не знаю, через какое) меня разбудил стук.

Я проснулся сразу. Стучали в стекло. Тихонечко. Лампочка на улице не горела, в синем ночном окне я увидел черную голову в платке и плечи. Сердце прыгнуло туда-сюда, хотя я почти не испугался. Сразу узнал Настю.

Зябко ежась и хромая, подошел я к окошку, неслышно отворились створки, которые обычно скрипели.

— Чё не приходишь-то? — шепотом спросила Настя. — Надоело с бабками сидеть? Ты уж не кидай нас пока... Хоть книжечку дочитал бы...

Она говорила не сердито, а вроде бы с неловкостью.

— Али все еще боишься? — спросила она.

— Да не боюсь я... Я не знал, что сегодня тоже надо. Часов-то не было...

— Зачем им каждый-то раз появляться? Ну, пойдем?

Спать уже не хотелось, и я был не прочь навестить

ведьм. То ли немножко привязался уже к ним, то ли просто сказка приманивала. Но на всякий случай я сказал:

— Нога болит...

— Где болит? Ну-ка дай...

Я поставил ногу на подоконник. Настя взяла меня за щиколотку горячими пальцами, тихонько погладила припухшую косточку, дунула на нее:

— Ну вот, больше и не болит.

— Ой... В самом деле не болит... Книжку брать?

— Возьми, Тополёнок, — ласково сказала она. — Да оденься, зябко сейчас.

Я натянул штаны, дернул со спинки стула ковбойку. Легкий стул опрокинулся, грохнул. Я обмер.

— Да не пугайся, — сказала в окошке Настя. — Никто до утра не проснется, я свое дело знаю...

Свечи в баньке на этот раз горели совсем неярко, зато месяц за окном стал пухлый, больше половинки, и светил, как фонарь. От него на серебристой пряже загорелись искорки. Одна свечка стояла на краю стола, Глафира пристроила рядом зеркальце, чтобы на книгу падало больше света. Я, хотя и одетый, кутался для уюта в Настин платок и читал повесть «Выстрел». Веретена тихо жужжали. Степанида шумно вздыхала, Глафира покашливала, Настя сидела неслышно...

Я дочитал до половины, когда снаружи послышались чьи-то шумные, даже нахальные шаги, завизжала дверь в предбаннике... Я ужасно перепугался: решил, что это меня ищут. Вот влетит-то! Я был уверен, что обязательно влетит, если узнают, что провожу время с ведьмами.

Под потолком зажглась яркая лампочка. На пороге появился дядька. Первое, что я испытал, — это радость: дядька был незнакомый. А потом уж разглядел его подробно.

Гость был в длинном черном пиджаке, к которому прилипли травинки. В жеваных парусиновых брюках. На

шее — тощий полуразвязанный галстук. И сам дядька — тощий, длинный и мятый. С острым, вытянутым лицом и горбатым, скособоченным носом. Только прическа его с пробором была аккуратная, даже прилизанная. Блестела под лампочкой.

Дядька покачнулся и веселым голосом сказал:

— Мое почтение, красавицы... «Три девицы под окном пряли поздно вечерком...»

— Тьфу на тебя, окаянный! — рассердилась Глафира. — Чё шляешься по ночам? Свет погаси!

— Виноват-с... — Лампочка погасла. Дядька шагнул к столу. — «Кабы я была царица, говорит одна девица...»

— Кабы я была царица, — пробубнила Степанида, — на порог бы тебя не пускала...

— Степанида Инок... ик... кентьевна внешне всегда строга, — известил нас дядька. — Но в глубине души она человек... ик... редкой доброты и ик... красоты. И я уверен, что она мне даст сегодня десять рублей. И Настенька даст... А два рубля у меня есть...

— Десять пинков тебе, — неожиданно ясным голосом сообщила Степанида. — Хоть бы мальчонки постеснялся, попрошайка.

Дядька нагнулся надо мной.

— Да... Поэтому меня и перестали здесь любить. Появился юный кавалер... Но я не в об... биб... биде. Позвольте представиться, молодой человек. Лев Эдуардович Пяткин. Бывший музыкант театрального оркестра, выпускник консерватории, а ныне...

— А ныне пьяница, — сказала Настя. — Не трогай дитё.

Лев Эдуардович Пяткин по-петушиному дернул головкой, шагнул мимо меня и сел на лавку у окна, загородил месяц. От Пяткина пахло ржавой сыростью и еще — довольно ощутимо — водкой. Так же, как иногда пахивало от моего отчима.

— В ваших словах, Анастасия Вик... икторовна, есть доля горькой истины. Но только доля... С другой стороны...

— С другой стороны, съестъ бы тебя, паразита, — проворчала Степанида — И со всех сторон. Только не сжевать ведь. Одни жилы мозольные.

— Съестъ меня, девушки, никак невозможно, — охотно отозвался Лев Эдуардович. — Многие пытались. Жена, начальство... Судьба... И никак.

— Зато сам себя сглодал, — сказала Глафира. — Дать ему, чѣ ль, два червонца? А то ить не уйдет до утра.

— Дай, голубушка! — возликовал выпускник консерватории. — Дай, и через неделю я верну! Как штык... Долг чести... Вы меня знаете.

— Да уж знаем, — буркнула Степанида. — Опять с дежурства ушел. Вот обожди, узнает хозяин...

— Ну и узнает, — с достоинством возразил Лев Эдуардович. — Что с того? Я человек вольный, я пришел к нему не со страху, а по душевной склонности. Могу так же и уйти...

— «Могу», — хмыкнула Глафира. — Сперва колечко сними, вольный...

Бывший музыкант Пяткин сторбился, поставил на худые колени локти. Помолчал и спросил сумрачно, без прежней игривости:

— Ну так что, ведьмочки? В смысле двух червонцев?

— Бери и уматывай, — вздохнула Глафира.

Когда он ушел, ведьмы долго молчали. Мне казалось, что им стыдно за Пяткина передо мной.

— Вот ведь шалапут, — сердито проговорила Глафира.

— А он кто? — осторожно спросил я. — Тоже?... — И сбился. Как спросить? «Тоже ведьма?» Но он ведь не тетенька. Может, черт? Но какой же он черт... Просто «нечистая сила»? Но тогда, пожалуй, ведьмы обидятся.

— В том-то и беда, что «тоже»... — вздохнула Глафира. Ей, кажется, было немножко жаль Пяткина. — Ну, ты чѣ, Тополѣк, заскучал? Читай давай...

И зажужжали веретена.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ТАНЕЦ

Я стал ходить к ржавым ведьмам почти каждую ночь. П о ч т и — потому, что изредка случалось: набегаюсь за день, а вечером бухнусь в постель и усну (и Настя меня больше не будила). Но чаще бывало, что я просыпался около полуночи, тихонько одевался, выскальзывал в окошко и пробирался в огород, к баньке.

Что меня туда тянуло? Меньше всего сами ведьмы. К тому, что они какая-то нечистая сила, и к их мелкому волшебству я привык, а больше ничего интересного в сиплых и ворчливых тетушках не усматривал. Правда, теперь они стали со мной ласковыми (а Настя вообще всегда была лучше остальных), но не это меня привлекало.

Мне нравилась сама сказка. Ее настроение. Ее звуки, полусвет, загадочность. Нравилось, как жужжат веретена, как мерцают свечки, как звучит мой собственный голос, когда я читаю «Дубровского» или «Пиковую даму». Читать я не уставал. А ведьмы не уставали слушать. Правда, когда кончалась глава или повесть, они говорили: «Отдохни маленько». Несколько минут сидели, вздыхая, потом пели какую-нибудь протяжную песню (только про филина и медный грошик больше не пели), а затем Глафира кашляла и просила:

— Ну, давай дальше, Тополѣк.

И опять они слушали меня, покачивая головами в платках, и луна за окном тоже слушала. Она стала совсем круглолицая и к середине ночи делалась очень яркой.

В ночь, когда луна вошла в полную силу, ведьмы кончили прясть и стали натягивать серебристые нити на раму деревянной машины. Сотни белых искорок забегали по пряже. Я хотел подойти, но Глафира сказала:

— Ты это, Тополѣк... не надо. Дело такое...

А Настя, чтобы я не обиделся, шепнула:

— Потом посмотришь. А сейчас нельзя, сглазить можешь, тогда целый год ждать...

Скоро деревянное колесо машины закрутилось, рама

заскрипела и задвигалась, что-то тихонько зауhalo, и я понял наконец, что в темном углу работает ткацкий станок.

С полчаса мы сидели молча. Я слушал скрип и ритмичные вздохи станка, смотрел на лунные искры и потихоньку начинал понимать, что сказка шагнула на новую ступеньку. Что-то будет впереди... Что? Стало страшновато, но страх был приятный, с примесью тайны...

Однако ничего загадочного не случилось в этот вечер. А случилось дело обычное и неприятное: появился Лев Эдуардович Пяткин.

Я забыл сказать, что после первого своего прихода он заглядывал к нам еще несколько раз. И всегда встречали его с досадой. Ведьмы — потому что он мешал чтению, а я — потому что от него пропадала сказка. Был он всегда шумный, подвыпивший, помятый, молол всякую чепуху и просил взаймы. Мне он однажды принес леденцового петуха на палочке, но я не обрадовался и сердито сунул подарок в карман (карман у штанов потом склеился, и мне попало от мамы). Степанида однажды недовольно проворчала:

— Ходит, ходит... Невесту, чё ли, среди нас ищет?

— Невесту! Денежек на выпивку ищет, вот и все дело, — хмуро откликнулась Глафира. — Те двадцать рублей отдал, а потом опять занял три червонца... Бутылка его невеста.

— Да с чего ему среди нас-то, среди старух, невесту искать, — вздохнула Настя.

Я решил сделать ей комплимент:

— Да что ты, Настя! Ты еще совсем нестарая. И не такие замуж выходят.

— Да? — странным голосом переспросила Настя. — Ну-ка, иди-ка сюды...

Я почувал: что-то не так. Но подошел. Настя аккуратно повернула меня к себе спиной и несколько раз хлопнула по пыльным вельветовым штанам. Небольно, зато очень шумно. Я отскочил. Ни разу в жизни взрослые не задевали меня пальцем. А тут чужая тетка, да еще при свидетелях!

Я собрался вознегодовать... но почему-то не сумел. Только сказал издалека:

— Чё руки-то распускать!

Настя хмыкнула:

— Могу и не руки. Вон веник сниму со стены...

Я отошел к порогу и сообщил:

— Фиг догонишь.

Настя засмеялась:

— «Фиг догонишь»... Ох ты, Тополёчек мой... Да если хочешь, я самолет догону. Делов-то... Да ты не дуй губы-то, я же играючи...

— «Играючи»... — передразнил я для порядка.

А Глафира сказала:

— А чё, Настя, он же дело сказал насчет замужества-то. Аль нет?

— Тьфу на тебя, — ответила Настя несердито, — Сваты нашлись... Уж этот-то Пяткин все равно не ко мне ходит. Обормот мятый.

— И точно, мятый да пьяный, — согласилась Степанида. — Ты, Глафира, смотри...

Но сегодня Лев Эдуардович пришел трезвый. Галстук был завязан аккуратно, парусиновые штаны поглажены (хотя по-прежнему в пятнах). Он раскланялся, вихляя плечами и коленками, присел на лавку и вкрадчиво проговорил:

— Обратите внимание, дорогие дамы, какая луна.

— Ну дак и чё! — отозвалась Глафира. — Луна как луна. Без тебя ее видим.

— Я к тому, что... кхм... Может быть, прогуляться до бочек и... потрянуть стариной, а? Не чувствуете ли вы тако-го предрасположения?

— Не чувствуем, не чувствуем, — торопливо пробубнила в углу Степанида. — Иди-ка ты отседова. Тряхнуть ему, вишь, охота... Нашел молодых.

Однако Настя быстро поднялась и сказала:

— А что, тетки? Неохота разве? Будет врать-то! Луна-

то, она по жилушкам бежит что у молодых, что у старых. А, Степанида?

— Грехи одни... — отозвалась Степанида и шумно заворочалась. — Куды я пойду? Еле двигаюсь...

— Вот и разомнете косточки, — ввернул Лев Эдуардович. — А дойти мы вам поможем. Я и молодой человек...

— Ему-то зачем туда? — недовольно сказала Настя. — Ты, Тополёк, домой ступай.

Но мне ужасно захотелось узнать, куда они собираются. Я чувал какую-то новую тайну. Правда, было и опасение: а куда это идти? А не узнают ли дома?

— Это совсем недалеко, — доверительным шепотом объяснил мне Пяткин. — Там, где склад железного вторсырья. Иначе выражаясь, свалка...

Слова «вторсырье» и «свалка» не вязались со сказкой. Но отступить уже было нельзя, потому что Настя грустно сказала:

— А и ладно, пусть. Все одно скоро придется рассказать...

Опять загадка: про что рассказать? И почему Настя стала печальная?

Но размышлять было некогда, ведьмы уже выбирались из бани.

На огороде пахло сырой картофельной ботвой. Между гряд лежали клочки тумана. Они светились под луной и были похожи на остатки тополиного пуха. Мы оказались на краю лога. Верхушки бурьяна и полыни на заросшем откосе тоже искрились от луны. Вниз вела тропинка. Мы стали спускаться. Сухая глина сыпалась из-под ног. Толстая тяжелая Степанида охала и стонала, хваталась за меня и чуть не раздавила. Я был в сандалиях, кожаные подошвы скользили... В общем, намаялся я, пока спустились. Уж и не до сказок стало.

Но так или иначе мы оказались на берегу Тюменки. Вода журчала и поблескивала. Сладко пахло сырой прибрежной травой, которую мы, мальчишки, называли «зе-

ленка» (она красила ноги в бледно-зеленый цвет, и эти полосы долго не смывались).

Мы пошли тропкой вдоль воды. Кромки высоких берегов лога с избушками и тополями чернели над нами в лунном небе. Степанида держалась теперь за Льва Эдуардовича, и я шел свободно. Настя шагала впереди, а я за ней.

Лог разветвлялся. Мы свернули в сторону от речки и оказались в болотистом тупичке. Под ногами заляпало, сандалии сразу раскисли, по ногам заскребла осока, потом шлепнуло что-то живое — наверно, лягушка. Я тихо ойкнул. Настя оглянулась и сказала шепотом:

— Сейчас придем.

Впереди, на фоне темного склона, подымалось что-то еще более темное. Оттуда крепко несло запахом ржавого железа. На левом запястье у меня ощутимо шевельнулся компас. Я глянул на него и увидел при луне, что стрелка просто сошла с ума: вертится, как пропеллер.

Скоро мы оказались на краю поляны, окруженной кучами железного хлама. Среди высокой мокрой травы торчали металлические бочки. К ним брели через траву темные фигуры. Я пригляделся и увидел, что это тетки — вроде моих знакомых ведьм.

Настя шепнула:

— Дальше не ходи, обожди нас тут, Тополёк.

Я остался, а Настя, Глафира и Степанида пошли к бочкам. Пяткин хихикнул и тоже пошел. В траве и ржавых лужицах кричали лягушки. Я вдруг понял, что они очень дружно кричат. Будто поют мелодию вальса. В самом деле! Это звучало так: «Бум-ква-ква, бум-ква-ква...» Мне даже смешно сделалось: лягушки-музыканты. Но я не успел засмеяться, послышались другие звуки. Кто-то барабанил, кажется, на тазах, гулких железных корытах и какой-то жестяной мелочи (может, Пяткин?). «Там-та-та, там-та-та» — это был основной ритм. Он звучал на фоне медленного (как от пустых бочек) гуденья.

Ведьмы легко повскакивали на бочки. Будто не груз-

ные тетки, а девчонки! Замерли на них, потом вскинули руки, дернулись, крутнулись и заплясали, выгибаясь. Частые удары их каблуков звонко пересыпали звучание железной музыки и лягушачий хор.

Ведьмы закидывались назад, взмахивали широкими рукавами, юбки стремительно мотались вокруг мелькающих ног, платки упали, и волосы металась по воздуху.

Я смотрел, замерев. Что это было? Обычай какой-то? Или такое колдовство? Или ведьмы набирались от луны и железной музыки волшебной силы? Или просто радовались по-своему?..

Сперва мне было интересно и жутковато. Пляска завораживала, а сказочная луна и черные груды железа будто разрастались в воздухе и грозили с гулом рухнуть. Или еще что-то страшное могло случиться...

Но ничего не случилось.

Страх постепенно прошел, а ритм танца совсем захватил меня. Я заметил вдруг, что притопываю сандалиями и дергаю плечами. Заметил — и стало как-то неловко. Я тряхнул головой, оглянулся. Нет, луна и железные кучи были прежними. Ведьмы на бочках все извивались и топали, но теперь я смотрел на это спокойно. Стало даже скучновато. Что-то слишком уж долго они плясали под монотонный железный гул и однообразную дробь. Я подумал, не смыться ли потихоньку домой, но побоялся: вдруг ведьмы обидятся...

Я отошел от края поляны и присел на перевернутое мятое ведро у кособокой хибарки из листового железа, рядом с кривым столбом, на котором висела негоревшая лампочка под жестяным отражателем. Кто-то дребезжаше кашлянул.

Я вскинулся.

Рядом стоял худой старичок со свалывшейся, как ржавая проволока, бороденкой. Старичок смотрел несердито, даже ласково, и я почти не испугался. Но смутился и пробормотал:

— Здравсте...

— Здравствуй и ты, мой хороший, — обрадованным голосом сказал старичок. Запахнул драный ватник, сел напротив меня на другое дырявое ведро (их тут много валялось), беззубо заулыбался. — А я вышел, гляжу: кто-то махонький сидит. Откуль ты? Али заблудился?

— Да нет, я с ними... — Я кивнул в сторону ведьм (было мне за них неловко). — Так... гуляем.

— А-а... — Он ко мне нагнулся, глянул внимательней. — Слышал я... Приголубили они тебя, значит. Ну, ничего, дело хорошее, скушно им одним-то...

— Я им книжки читаю, — пробормотал я. — Они просят, а я... мне ведь не жалко...

— Молодец ты, — дребезжаше сказал старичок. — Ой, молодец... Мне бы внучка такого... — Он вдруг мелко закашлялся и отвернулся.

— А у вас разве нет внуков? — спросил я, чтобы подержать разговор.

— Они есть вроде бы, да только далеко. Тыщу лет уж не видал, не слышал...

— А чего же в гости не съездите? — вежливо поинтересовался я.

— Да куда ж мне... Нам на люди показываться не положено. Хозяин не велит.

— Какой Хозяин?

— Али не слышал? — Старичок поглядел на пляшущих ведьм. — Не говорили они, что ль?

Я помотал головой.

Старичок поскреб проволочную бородку, мелко повздыхал, поежился, но разъяснил с охотой (видать, любил поговорить):

— Хозяин — он кто? Человек такой. Паршивенький, надо сказать, человек, заместо крови в ём одна ржавая жижа. А, однако, силу себе забрал...

Пока я слушал, железный танец зазвучал потише, лягушачий хор сделался отчетливей («бум-ква-ква, бум-ква-

ква»), а пространство кругом словно напружинилось и стало гулким. Каждое слово, каждый вздох в нем отдавались теперь эхом. И казалось, кто-то подслушивал нас. Я ощутил это не только слухом, а всей кожей, по которой пробежали колючие искорки. Стрелка в моем компасе опять рванулась и завертелась.

— А почему у него... у этого Хозяина, сила? — прошептал я. («Сила, сила, сила...» — прошелестело вокруг.)

— А потому, — наставительно отозвался старичок, — что у других силы нету ему противодействовать. Он ведь кого в плен-то себе тянет? У кого какая ржавчина в душе. По-всякому заманивает: кого испугом, кого лаской. Кого насильно берет. А некоторых попросту за бутылку. Вроде как этого, Эдуардыча...

— Вы, папаша, простите, но ерунду вы излагаете, — солидно возразил музыкант Пяткин. Он появился рядом неизвестно откуда. — Я с ним сам познакомился, на совершенно добровольных началах.

— Добровольных али нет, а колечко-то небось носишь, — хихикнул старичок (и кругом шелестяще захихикало эхо).

— А это уж не ваше дело! — Пяткин обиженно отошел. Потом оглянулся, предупредил: — Вы, между прочим, язык попрдержали бы, папаша. Сами знаете, что к чему...

— А чего мне бояться-то? — огрызнулся старичок. — Хуже чем в сторожа он все равно меня не определит. — Он опять повздыхал. — Караулим, караулим эту ржавчину, будь она не по-хорошему помянута. Вот и жизнь прошла, а для чего прошла, не ведаем.

— ...Ведаем, ведаем... — прошел над хибаркой жестяной шепот. И меня опять закололи мурашки.

А сторож вздернул колючую бородку и храбро сказал:

— Он, может, и ведает, а я ничегошеньки... Глупости одни на старости лет. Мне бы внучат нянчить, а я тут дни и ночи знай торчи...

— ...Торчи — не ворчи, — внятно отозвалось в воздухе, и сильнее запахло сырým железом.

Я поехал и спросил, чтобы прогнать страх:

— А зачем он так делает? Ну, Хозяин этот...

— Зачем? А он, вишь, в императоры всемирные метит. Я, говорит, весь мир без всякой войны захвачу, потихоньку. Потому что люди-то сами весь белый свет в свалку ржавую превращают, а я над ржавчиной, мол, хозяин...

— А эти... ну, которые ведьмы... — Я опять смущенно глянул туда, где шел танец. — Они, значит, от него научились колдовству, от этого Хозяина?

— Ясно дело, от него... Хозяину помощники-то нужны, вот и учит. Да только эта наука им не в радость. Невольные они...

— Значит, у него колдовство злое?

Сторож сердито подергал бородку.

— Оно никакое, колдовство-то. Оно просто сила такая. Ну, вроде как электричество. Для чего хошь использовать можно. Когда для света и для радости... — Он взглянул на негоревшую лампочку. — А когда для стула электрического, как американцы эти... Значит, в какие руки попадет, так и будет.

— И магнитное притяжение тоже! — вспомнил я и вытянул руку с компасом. — Вот... Иногда оно чтобы верный путь узнавать, а иногда для магнитных мин, как фашисты придумали...

— Ну, вот то-то... — Старичок погладил компас заскорузлым пальцем. — Ладная вещичка. Но ты гляди, если до Хозяина будешь добираться, стрелку эту дома оставь. Он железо издалека чует, а магнитное особо...

— А зачем мне до него добираться? — спросил я с испугом.

— Да нет, это я так... Ты, главное дело, в себе ржавчины не допускай, чтоб к ему в сети не попасть...

Я хотел было спросить, как это «ржавчина в себе», но не стал. Во-первых, я уже догадывался, что это такое. А во-вторых... стало очень тихо. И воздух сделался опять болотным и душным. И меня начала давить сонливость.

Подошла Настя.

— Ой, Тополёк, спишь совсем!

Она подхватила меня на руки и быстро понесла. Но я не сразу поддался сну. Я спросил шепотом:

— Настя, а правда есть на свете Хозяин? Он вас правда заколдовал?

Она ответила тоже шепотом:

— Потерпи малость. Потом узнаешь.

— Когда узнаю? Завтра?

— Нет, завтра не приходи. Теперь у нас такая работа, что сторонний глаз ни к чему... Срок придет — позовем...

Я огорчился:

— А когда срок-то?

— Потерпи маленько. Скоро...

— Когда скоро-то?

— А вот луна усохнет до половинки...

ОБНОВА

За луной я не следил. Да и невозможно это было, потому что каждый вечер небо загромождали душные грозовые тучи. Громадные такие и непроницаемые.

Грозы я побаивался. Поэтому я плотно затворял окошко, задергивал шторы и, когда ложился в постель, ставил на табурет лампу в самодельном картонном абажуре. Говорил маме, что почитаю перед сном. Но дело было не в чтении. Если комната темная, вспышки грозы пробивают занавеску и озаряют стены жутковатым неподвижным светом — то лиловым, то розоватым, то белым. Иногда после вспышки сильно грохает. А иногда, если гроза далеко, наступает тягучая тишина, а потом накатывается медленный, ленивый такой рокот. Это не так страшно, как близкие разряды, но все равно нервы натянуты.

В один из таких «рокочущих» вечеров я читал толстую книжку про рыцаря Айвенго (выпросил у Лешки Шали-

мова) и прислушивался: не делается ли гроза ближе? Было уже поздно, и мама сказала из-за перегородки:

— Хватит глаза портить. Спи.

— Я еще маленько...

— Кому я говорю!

Пришлось выдернуть вилку из штепселя.

И сразу комната озарилась розовой неторопливой вспышкой. Я напрягся и стал ждать громового удара. Ждал, ждал... Глухой грохот донесся лишь через полминуты. Но за эти полминуты я не успокоился. Наоборот, страх вырос, натянул во мне звенящие струнки, и они отзывались на каждый толчок сердца.

Я вдруг понял, что боюсь не только грозы. Вообще боюсь. Чего-то непонятного. Страх был такой, как тогда, в ночь знакомства с ведьмами.

А может быть, я уже сплю и боюсь во сне? Но я лежу с «растопыренными» глазами. И закрыл бы, да не получается...

Прошло минут пятнадцать. Леська поворочался, похныкал и опять уснул. Мама тоже ровно дышала за стенкой. Гроза то приближалась, то откатывалась. И опять приближалась! И вот зажглась такая молния, будто за окном включили тысячу фонарей (ну и грохнет!). Но не грохало. Я опять вытаращил глаза. Молния угасала очень медленно, и в этом слабеющем свете я успел заметить на стене... знакомые часы!

И стрелки стояли на двенадцати.

Я начал суетливо одеваться. Штаны, ковбойка, сандалии... Черт, никак не застегиваются. Ладно, и так сойдет. Старый свитер (я его надеваю, когда стою в футбольных воротах). Будет, конечно, жарко, зато в плотной одежде чувствуешь себя больше защищенным от грозы... Тут наконец прикатился гром и обрушился на крышу, на меня, как товарный поезд с откоса. Я присел, заткнул уши. И вот этими заткнутыми ушами сквозь ватную глухоту, сквозь замерший грохот грозы и расстояние спящих комнат я ус-

лышал еле ошутимое, но настойчивое постукивание в наружную дверь.

Как в т о т р а з.

Да, я уже понял, я иду!

Хотя я не знаю зачем. Почему именно в грозу? Почему я опять боюсь? Что случилось?

В шелкающих по полу, незастегнутых сандалиях я выскочил в сени (щели засветились от новой вспышки). Откинул крюк. На крыльце стояла Глафира.

— Идем, — как-то неласково сказала она. И пошла, не оглядываясь. Я засеменял следом.

— А Настя где?

— Дошивает, — сумрачно отозвалась Глафира.

— Чего дошивает-то?

— Иди, узнаешь...

Неуютно мне было, нехорошо. Но что делать, я шел, пригибаясь от вспышек. Тяжелая капля ударила меня в шею и поползла под ковбойку...

В бане было светло. Горело несколько свечей, причем у двух стояли зеркала. Старуха Степанида неподвижно сидела в своем углу, и свечи отражались в ее очках. Настя широко махала иглой над куском шелковистой белой ткани.

— Здравсте, — неловко сказал я.

Степанида только очками шевельнула, а Настя будто и не слыхала. Все вскидывала руку с иглой. Глафира подтолкнула меня к скамье, над которой висели мохнатые венники. Сказала глуховато:

— Сымай одежду-то...

У меня обмякли колени и заглодел живот.

— Ка... кую одежду? — пробормотал я.

— Все сымай.

— З-зачем?

Степанида пробубнила из угла:

— Ты будешь слушаться или нет? Узнашь зачем, про это сразу не сказывают...

Я промямлил, что не хочу. И даже подумал, что надо зареветь, но не получилось.

— Давай-давай, — поторопила Глафира. — Хочу не хочу, теперь какая разница? Время пришло.

Я умоляюще взглянул на Настю. Но она как раз встряхивала свое шитье и дула на него. Ее лицо было спрятано за тканью.

И все же она отозвалась на мой отчаянный взгляд:

— Не бойся, Тополёнок, так полагается, чтобы обновку нашу примерить...

Что было делать? Я ослабел от всех своих страхов и спорить больше не мог. Отодвинулся к самому краю скамейки, где было больше тени, потянул через голову свитер, стряхнул сандалики...

Ужасно неловко было раздеваться при тетках, но самое главное даже не это. Главное — как я боялся. Слова Насти про обновку успокоили меня лишь самую капельку. Тем более что и голос у нее нынче был какой-то странный.

А вдруг это уловка? Может, они что-то страшное задумали? Вдруг съедят, как обещали в первую ночь? Нет, котел холодный... Или защекочут, как тетя Тася рассказывала! И весь я покроюсь ржавчиной... Да ладно, живым бы остаться...

Я ежился и путался в пуговицах, а Глафира стояла рядом и шепотом поторапливала, пока я не остался без единой ниточки. Тогда она взяла меня горячими пальцами за бока и вынесла к свету, как выносят самовар.

Поставила на табурет. Хихикнула.

— Весу-то в ём, как в пухе... Дунь, дак и так полетит, без етого...

— Цыц, — сказала Степанида.

Я стоял съезженный, тощий, беззащитный и ничего не понимал.

Но это было совсем недолго. Шагнула ко мне Настя, взмахнула над головой своим шитьем, и по мне пробежа-

ли прохладные шелковые волны — широкая белая одежда накрыла меня до колен.

Только не думайте, что я обрадовался. Я еще больше перепугался. Показалось, что обрядили меня в какой-то саван. А саваны — это же все знают! — наряд для того света.

Настя шагнула назад. Странно улыбнулась. Степанида прищуренно глядела сквозь очки. И наконец сказала она не бубнящим, а ясным голосом:

— Ну, Глафира, давай!

Что они задумали? Что «давай»? Ай!..

Глафира быстро нагнулась и рванула из-под меня табулет! И я грохнулся на пол!

То есть я должен был грохнуться. Но я не хотел. Я схватился за пустоту, чтобы удержаться...

И повис в этой пустоте.

В воздухе повис. В полной невесомости, от которой перепуганно и сладковато замерла душа.

Я дрыгнул ногами. Меня медленно развернуло, опустило к полу. Я уперся ладошками, ощутил свою тяжесть, обалдело вскочил...

И услышал, что ведьмы смеются.

Они не просто смеялись. Они хохотали от радости! Степанида булькала, сипела, вскрикивала, отгибалась назад и хлопала себя по толстому животу. Очки ее упали. Сквозь смех она причитала тонко и с привизгиванием:

— Ох ты, золотце мое! Огонек мой ясенький! Солнышко мое летнее! Ах ты, ласточка моя летучая!

Глафира топталась надо мной и с кашляющим смехом всплескивала руками.

— Ну, Тополёчек! Ну, обрадовал ведьмушек!

Настя подхватила меня, прижала, чмокнула в щеку, покружила, поставила. Горячо сказала:

— Тополёночек наш, спасеньице наше! Ох, молодец!

Я не понимал, почему я спасеньице и молодец. Совсем обалдел. Но сквозь обалделость пришла все же догадка,

что ничего страшного не будет. Наоборот, все мной довольны!

Тут же я осмелел и спросил сердито:

— Чё веселитесь-то? Хоть бы объяснили толком...

— Дак ведь летаешь! — взвизгнула Степанида. — Не понял, что ль? Получилось у нас!..

Настя радостно объяснила:

— Ты же теперь летать можешь. Рубашечка-то твоя из тополиного пуха волшебная получилась. — Она отошла в дальний угол. — А ну, попробуй! Лети ко мне! Ну?

Как это лети? Я не мог. Я не умел. Чего это они выдумали!

— Да не бойсь, — прошептала Глафира. — Ты только захоти. Потянись каждой жилочкой, куды полететь хочешь, постарайся, тогда получится.

Свечи пылали и отражались в зеркалах. Настя смотрела на меня очень большими, очень темными глазами. Потом протянула ко мне руку. Губы ее шевельнулись: «Ну, Тополёк...»

Может, я правда умею летать? Вот сейчас приподнимусь над половицами, вытянусь в воздухе, медленно подплыву к Насте, возьму ее за палец... Ну? Давай же!

Меня приподняло, бросило к Насте очень быстро, она отскочила. Я зацепил плечом печку, треснулся о пол, охнул. Настя меня опять подхватила.

— Ой ты, маленький мой... Ушибся?

Я ушибся. Но это была чепуха! Зато я все же полетел! Неуклюже вышло, потому что уменя нет, но я научусь. Сейчас...

— Пусти, — шепнул я Насте. Она разжала руки, и я повис в воздухе. Заболтал ногами, зацарапал руками пустоту, будто поплыл по-собачьи. И поднялся к потолку. Потом тихо-тихо опустился на скамью. Сердце у меня не билось, а упруго сжималось и разжималось, и при каждом разжимании я торопливо переглатывал. Наверно, от волнения. Но я не чувствовал этого волнения, только радость чувствовал.

Глафира весело сказала:

— В этой конуре-то много ль налетаешь? Айда на двор, Тополёк. Айда, бабы...

Мы вышли из баньки. Лопухи зашуршали о подол моей длинной рубахи. Было сумрачно, и пахло близким грозовым дождем.

— Ну, вот оно... — вздохнула Глафира и закашлялась. — Теперь хоть в самое небо...

Но небо в этот миг высветилось зарницей, и мне туда совсем не захотелось. Я увидел такие облачные горы, пропасти, провалы и вершины, будто к Земле вплотную подошла другая планета.

— Не, — сказал я и передернул плечами. — Вдруг в меня молния попадет...

— Какая еще молния? — удивилась Глафира. — А, это от грозы, что ль? Не бойсь....

Она глянула вверх, взяла за руку Настю.

— Дай-ка, Настюшка... Чегой-то я одна не управлюсь...

Она постояла с поднятым лицом, охнула тихонько... И я почуял, что мне уже не страшно. Было по-прежнему пасмурно, только в этом сумраке уже не ощущалось грозовой напряженности. Словно все электричество разрядилось и утекло в землю. Были обыкновенные мирные тучи, из которых в крайнем случае мог пролиться спокойный дождик.

Но дождик пока не проливался. Тучи слегка раздвинулись, из-за лохматого края высунулся ярко-желтый бок луны...

— Ну, лети, — шепнула Настя.

Сердце у меня часто забухало. Я попробовал полететь. Не получилось. Я опять, как в баньке, заскреб воздух руками, будто плыву из глубины вверх, оттолкнулся босой ногой. Повис в воздухе. Потом понесло меня в высоту. Я испугался, захотел опуститься. Опустился. Захотел пролететь над грядками и неуклюже, бочком, пролетел. Тогда я осмелел, напрягнул мускулы и нащупал в себе и окру-

жающем воздухе какие-то неведомые струнки. Может быть, это были силовые линии магнитного поля, о котором сейчас много пишут ученые. А может быть, во мне и вокруг просто зазвенела моя радость, моя уверенность. Я рванулся вперед, тело сделалось послушным, воздух зашуршал по бокам, обтянул на мне рубашку, прижал ее, шелковистую, к коже. И я понял, что теперь могу летать ловко, быстро и уверенно. Главное — верить в себя и не бояться.

Я пронесся над грядками, взмыл над банькой, пролетел над сумрачной и влажной глубиной лога. Потом, хохоча от радости, сделал еще круг, спикировал к самой воде речки Тюменки, снова взлетел и наконец ловко встал перед ведьмами. Щеки горели, обдутые встречным ветром...

Настя смеялась, а Глафира сказала радостным шепотом:

— Научился! Ах ты, родненький наш... — И рывком притиснула меня к себе. Я застеснялся, засопел и вырвался. Тогда Глафира проговорила уже иначе, наставительно: — Вот так и летай. Только гляди, ничего, окромя рубахи, не надевай на себя. Все, что не из этого полотна, к земле потянет, любая пуговка, любая ниточка, самая махонькая...

Я поморгал, соображая, про что она говорит. Понял, и радость моя поубавилась. Я набычился:

— А как я... Ну, без штанов-то...

Настя тихонько хихикнула, а Глафира сказала:

— Вот так и будешь. Кто тебя видит ночью...

— А днем, что ли, нельзя летать?

— Летай когда хошь, привыкай, — подала голос Степанида, — только береги ее, рубаху-то.

— А штаны? — жалобно спросил я. — Разве нельзя сшить из такой же материи?

— Дак ее не осталось ни кусочка, — хмуро сказала Глафира.

Я представил, как появлюсь перед ребятами в таком не то платье, не то саване, и взмолился:

— Настя! Ну, обрежь ты ее вот так! — Я чиркнул ладонью по животу. — А что останется — из того штаны. Пускай хоть самые коротенькие...

— Дай-ко, смеряю, — согласилась Настя.

Но Глафира насупилась:

— Не по правилам это. Сказано, что рубаха должна быть...

Мне показалось, что Настя колеблется. Однако неожиданно за меня вступилась Степанида.

— Ты, Глаха, сама посуди, — сипло заговорила она. — Тебе не старое время, сейчас ребятишки и в деревнях без порток не бегают, а он мальчонка городской. Надо одеть по-нонешнему, чтоб не боялся ничего...

Меня снова привели в баньку, рубашку велели снять. Я долго сидел в углу, кутаясь в чей-то старый ватник. А Настя то лязгала ножницами, то стучала на швейной машине. Эта громадная ножная машина с чугунным колесом появилась в баньке неизвестно откуда (от нее пахло ржавчиной).

Потом нарядили меня в штанишки без застежек, с узкой лямкой через плечо (на вторую не хватило материи) и в короткую просторную рубашку навыпуск.

— Полетит ли? — с опаской сказала Глафира.

Я подпрыгнул, поджал коленки и клубочком всплыл к потолку. Медленно опустился на стол.

— Ну вот! — радостно и почти без сипения прогудела Стенанида. — Ишь, как полетел, будто пташка. И глянь, какой ладненький стал. А то была какая-то привидения, прости господи... Хошь на себя глянуть?

Она выволокла из-за печки большой кусок мутного зеркала, я глянул... и опять огорчился. Рубашка — без воротника, с треугольным вырезом на груди — была очень похожа на нижнюю, вроде солдатского белья. Задразнят...

«Воротник бы сюда матросский», — печально подумал я, но ничего не сказал. Потому что бесполезно: все равно

тополиной ткани больше нет. Однако Настя уловила мой тихий вздох. И сказала с недовольной ноткой:

— Ладно, сьмай. Еще кой-чего подошью...

Она понесла рубашку к машине. Я, смущенный, побрел за ней.

— Покажи-ка пальчик, — вдруг попросила Настя. — Вот этот, левый.

Я удивился, протянул указательный палец. Настя ловко ткнула его иглой. Я громко ойкнул, дернулся. Она меня удержала:

— Не бойся. Дай-ка капельку... Краску-то нельзя, она тяжелая, а у тебя кровь тополиная — свежая да летучая...

К пальцу, на котором набухла красная капля, Настя поднесла кончик намотанной на катушке нити. Нить была серебристая — конечно, тоже из тополиного пуха. Кровь побежала по нитке, как по фитильку, и скоро вся катушка сделалась красной. У меня слегка закружилась голова, но Настя дунула мне в лоб, и сразу все прошло.

— Погуляй пока, — ласково сказала Настя.

Я сунул палец в рот, но не отошел. Смотрел, как Настя прилаживает катушку на машину, как укладывает под иглу рубашку. Вот она крутнула колесо, игла прыгнула...

Машина, без сомнения, была волшебная. Игла стукнула несколько раз, и под ней на белой материи появился вышитый красный листик. Круглый, но с острым кончиком, тополиный. Стук-стук-стук — и еще листик! И еще.... Листики вытягивались в цепочку. Скоро эта цепочка у ворота и на спине обрисовала контур большого квадратного воротника.

Я тихо возликовал. Конечно, рубашка не стала настоящей матроской, но и на нижнюю сорочку теперь тоже не была похожа. Она сделалась красивой, праздничной. А когда Настя вручную вышила на левом рукавике алый якорь, я чуть на шею к ней не бросился. Но постеснялся.

И вот я опять встал в тополиной своей обновке перед ведьмами.

— Теперь-то как? — озабоченно спросила Степанида. — Сойдет?

— Во! — Я показал большой палец.

Ведьмы дружно засмеялись. Степанида сипло и с хрипеньем, Глафира сквозь кашель, а Настя ясно и негромко. Потом Настя взяла меня за плечо.

— Вот и все, Тополёк. Ты пока к нам больше не ходи. Надо будет — позовем. Летай, привыкай пока. Шибко-то не хвастайся да людей не пугай, но и не бойся зря. Да одежду тополиную береги.

Я радостно кивал.

— Ладно, лети, — вздохнула Настя и подтолкнула меня к двери.

Прямо с порога я круто взмыл в высоту и помчался над крышами — под небом, где среди разбежавшихся туч летела вместе со мной яркая половинка луны. Прохладный воздух был полон резкими запахами недавнего дождя, мокрых крыш и листьев. Он летел мимо щек, отбрасывал мои отросшие за лето волосы, рвал коротенькие рукава, трепал края рубашки, обтекал упругими струями ноги и срывался с босых пяток щекочущими вихорьками.

И этот полет — самый радостный момент моей сказки.

ПОЛЕТЫ

Утром я испытал ужасный испуг и огорчение...

Проснулся я поздно. Сразу все вспомнил, глянул на кривую спинку стула, где повесил ночью тополиную рубашку, — на спинке ничего не было!

Сердце у меня пискнуло, как проколотый мячик, и покатилося в какую-то холодную трубу. «Всё...» — тоскливо подумал я.

Было ясно, что сказка кончилась. Конечно! Такое замечательное волшебство и не могло быть долгим. Никакой колдовской силы на это не хватит. Видимо, летучая ткань растаяла при первом утреннем свете...

А может быть, это ведьмы взяли свой подарок назад? Да, скорее всего, так. А старую одежду вернули: вон пыльные штаны и выцветшая ковбойка аккуратно сложены на стуле (я их сроду так не складывал!).

За что же меня так обманули? Или наказали? Может, за то, что я слишком долго ночью носился над крышами и деревьями, резвился и дурачился в воздухе? Но что здесь плохого? Сами же сказали: летай...

Нет, наверно, просто кончилось волшебство...

Первое ощущение страха и острого горя прошло, но большая печаль от потери сказки осталась. Я мигал мокрыми ресницами и гадал: что же случилось? И только об одном не подумал: что история с тополиной рубашкой привиделась мне во сне. Не могло это быть сном! Вот и локоть до сих пор болит — я ободрал его о жестяной флажок на башенке деревянного дома над речным откосом (на флажке были сквозные цифры «1909», от него пахло сырым железом, и он со скрежетом повернулся, когда я зацепил его).

Я помню все так подробно! Как пахло березами, как быстро щекотали мне лицо, ладони и ноги зубчатые листики, когда я летал над верхушками городского сада. Как я рассмеялся от этой щекотки, ладони выбросил вверх, сам изогнулся тугим луком и понесся сквозь шуршанье воздуха к ватным клочкам облаков и разбухающей половинке луны. Потом раскинул руки и ноги и повис там, в пустоте, вниз лицом.

С высоты все казалось ненастоящим: огоньки — искорками, река — полоской фольги (мы такие добывали из старых конденсаторов, найденных на свалках), серебристый купол цирка на краю сада — крышкой алюминиевого чайника. А сад клубился внизу косматой темнотой, в которой кое-где мерцала светлая пыльца: наверно, это лунные лучи отскакивали от дрожащих листьев.

Только луна, горевшая надо мной, осталась настоящей. И таким же настоящим — ярким, большим и кривобо-

ким — было ее отражение в тарелке с темной водой и светлой горошиной посередине.

Тарелка лежала в мохнатом сумраке сада.

Я, не шевельнув даже пальчиком, начал тихо опускаться, погружаясь то в прохладные, то в теплые пласты воздуха. Тарелка увеличивалась. И наконец я понял, что это фонтан. Круглый бассейн со светлым камнем в центре, а на камне — тонкий бронзовый журавль со вскинутой головой. Этого журавля я знал с малолетства — помнил, как до войны меня приводил сюда во время прогулок отец. Обычно из поднятого журавлиного клюва била струя, но сейчас фонтан не работал и вода в бассейне стояла стеклянно-гладкая.

Я опустился мимо журавля и повис у воды. А снизу, из отраженного лунного неба, навстречу мне всплыл мальчишка, такой же, как я: белоголовый, в серебристой рубашке, с тонкими растопыренными руками и ногами. Мы остановились в метре друг от друга.

Я не любил своих отражений в зеркале. Моему круглощекому курносому лицу, белобрыйсой челке и оттопыренным ушам явно не хватало мужественности. Но этот мальчик мне понравился. Он был серьезнее меня, большеглазый, с внимательным взглядом и смело сжатыми губами. Кажется, он знал про меня больше, чем я сам. Наверно, это был не совсем я. Скорее мой товарищ по ночным летучим приключениям. Мы с минуту смотрели друг на друга, и я слегка оробел перед ним. Но потом мы друг другу тихонько улыбнулись, помахали ладошками и разлетелись: он — в свою, опрокинутую в воде сказку, я — в свою...

А еще помню, как я стоял на шпиле пожарной вышки.

Вышка поднималась над крышей городского музея, над черными часами (которые тогда не шли). Музей был старинный, каменный, с колоннами, а вышка — деревянная, узорчатая, немного похожая на китайскую фанзу. Ее опоясывал квадратный балкон. По доскам балконного настила, бухая сапогами и кашляя, ходил дядька в медной каске

с гребешком (тогда еще у пожарных были такие, старомодные). Каска ярко отражала луну. «Жарко, тяжело ему в ней, — пожалел я дядьку. — А снять нельзя, устав не разрешает».

Я дядьку хорошо видел сверху, а он меня — нет. Пожарные не смотрят в небо, там не может ничего загореться. Я прилетел с высоты, опустился на длинный сигнальный шест и теперь стоял на нем, как петушок на шпиле. Вернее, не стоял, а просто касался большим пальцем правой ноги плоского деревянного шарика на верхушке шеста. Левую ногу я вытянул назад, нагнулся, раскинул руки — в общем, сделал что-то вроде ласточки. Сам я думал, что со стороны похож на серебряный самолетик. Если кто увидит меня над вышкой, решит, что на шесте укрепили новый флюгер. Разве кому-нибудь придет в голову, что там, на высоте, крутится на одном пальчике живой мальчишка?

Я поворачивался, как стрелка компаса на острие булавки. Огоньков стало совсем мало. Луна слегка пожухла. Со стороны реки потянул ветер. Он мягким крылом снял меня с шеста и развернул лицом к востоку. Там светлело небо. Я понял, что пора домой, снизился к лугу и полетел вдоль берега над темными огородами. Кое-где запоздало твкали мне вслед собаки. Сильно пахло полынью...

...Ну, скажите: могло ли все это присниться?

За фанерной стенкой что-то весело залопотал Леська. Раздались мамины шаги. Я локтем торопливо вытер глаза. Сейчас мне попадет, что допоздна валяюсь в постели...

Мама вошла... Но сначала я увидел не маму, а то, что она держала! Сжав пальцы, как бельевые прищепки, мама несла перед собой мой тополиный костюм!

Я дернулся, привстал на локтях, ослабел от радости и растерянности и бухнулся затылком на подушку.

— Славка, откуда у тебя этот наряд? — спросила мама. Не сердито, но с ноткой подозрительности.

— Что? А... сейчас, — забормотал я, совершенно не

зная, что ответить. Не рассказывать же про ведьм! Я всем нутром чувствовал: сказку выдавать нельзя. Никому, даже маме. Да и не поверит никто. Еще и влетит...

Мама нахмурилась:

— Что ты бормочешь? Откуда костюм?

— Сейчас... — беспомощно повторил я. Надо было протянуть время, чтобы придумать хоть какой-то ответ. Я зашарил под подушкой, словно что-то ищу. А что я мог там найти? Объяснение для мамы? Под руку попал компас. Я обычно прятал его там от Леськи.

Я вытащил компас и стал внимательно разглядывать пляшущую стрелку.

— Владислав... — нехорошим голосом сказала мама.

— А? — Я поднял глаза и благодарно сжал дяди-Борин компас в кулаке. — Костюм-то? Ну, что такого... Дядя Боря подарил вчера. Купил на толкучке и вот...

Мама очень удивилась. Но поверила. А что ей оставалось делать?

— Странно... Что это он выдумал?

— Ну, так просто. Он любит дарить...

— Я понимаю, когда игрушка, а тут одежда... С толкучки. Неизвестно, кто носил раньше. А если здесь микробы?.. Хотя нет, все новое, только что сшито... И матерьяльчик славный...

Я опять взглянул на компас. И снова живая стрелка словно соединила меня с дядей Борей. Не с нынешним, а с тем — с давним мальчишкой. Теперь я врал уже вдохновенно:

— Он сказал, что, когда был маленький, у него тоже была похожая матроска. Я, говорит, буду на тебя смотреть и детство вспоминать.

— Вечно у него фантазии, — с непонятной досадой сказала мама. — Не было у него такой матроски.

— Ты, наверно, не помнишь...

— Я все отлично помню, — возразила мама, но уже мягче. — Матроска у него была, но не такая, а черная, су-конная. Он ее терпеть не мог. Говорил, что кусается.

— Ну, не знаю... — вздохнул я, словно хотел сказать: «Вы уж сами разбирайтесь в своих детских годах».

В этот миг за стенкой что-то грохнуло и взвыл мой братец. Мама метнулась за дверь. А я метнулся из постели, заторопился, натягивая на голое тело штаны и рубашку, ощутил радостную шелковистую прохладу и взмыл к потолку. Перевернулся через голову рядом с пыльным абажуром, шлепнулся на пол и выскочил в другую комнату. Леська ревел уже негромко, а мама прижимала к его лбу медный тети-Тасин подсвечник.

— Стукнулся, маленький, — сказал я подхалимским голосом. — Ничего, все пройдет у Лесеньки. — Мне надо было с утра завоевать доброе мамино отношение, чтобы не засадила нянчиться с Леськой или не погнала на рынок за картошкой.

Мама покосилась на меня и велела умываться и завтракать.

За столом я послушно глотал ненавистную кашу из овсяных хлопьев «Геркулес» и не брызгал, когда дул на блюдечко с чаем. Но мама все равно сказала:

— Не заляпай обновку... Не таскал бы ты этот костюмчик каждый день. Он такой праздничный.

— А зачем беречь-то? — испуганно возразил я. — Лето скоро пройдет. А потом я — у-у-у! Знаешь, как вырасту! Сама говоришь, что тянусь без удержки...

— Это верно, — вздохнула мама. — Давно ли над столом одна голова виднелась, а теперь вон как торчишь. По пояс.

Я фыркнул. Потому что я не сидел на табурете, а висел над ним сантиметрах в пяти. Леська, глядя на меня, тоже с готовностью фыркнул и пустил ртом пузырь из мутной геркулесовой жижи. На лбу у братца синела роскошная шишка, но он уже обрел жизнерадостность...

— Выставляю из-за стола, — сказала мама. И добавила: — Приберись в комнате и можешь свистать к друзьям-приятелям. Я ведь вижу, что ты как на шиле сидишь...

А мы с Лесенькой пойдем в поликлинику. Ох и очередь там...

Я не подал вида, что ужасно радуюсь, и сказал:

— Из-за шишки-то в поликлинику?

— Не из-за шишки, а на прививку... К обеду будь дома.

Придет Артур Сергеевич, скажешь ему, что кастрюля с супом завернута в ватник, а картошка на сковородке.

Артур Сергеевич был мой отчим. Он рано уходил на работу в Управление охотничьего хозяйства и рано приходил на обед. Я решил, что оставлю ему записку...

Нет, не такой я был дурак, чтобы выдавать себя и летать на глазах у прохожих среди бела дня. Я сел в автобус и поехал на край города. Автобус — это одно название. Настоящих автобусов тогда в нашем городе почти не было, а вместо них по маршрутам ходили полуторки с поперечными сиденьями в открытых кузовах. Обычные тряские грузовички. В заднем борту у них была прорезана дверца, а к ней подвешены железные ступеньки. Вот на таком общественном транспорте я и катил в сторону загородного дома отдыха Рыбкоопа. Вернее, не катил, а летел, чуть приподнявшись над скамейкой и уравнивая свою скорость со скоростью машины. Ветер бил в лицо, волосы вставали торчком, рубашка трепетала. И все было прекрасно... Прекрасно, пока на меня не обратила пыливый взор строга пожилая кондукторша.

— Мальчик, а ты брал билет?

Мальчику стало неудобно, он не брал билета. У него не было ни копейки. Во-первых, потому, что их некуда было положить: карманов-то Настя не пришила. Во-вторых, потому, что самая крошечная копеечка не дала бы мальчику летать.

Кондукторша встала и, шагая через скамейки брезентовыми сапогами, двинулась ко мне. На груди ее подпрыгивала сумка и разноцветные рулончики билетов.

И что оставалось делать? Только одно: я взмыл над ска-

мейкой и остановился в воздухе. Машина умчалась из-под меня, и на прощанье я увидел разинутые рты кондукторши и пассажиров.

Я опустился на горячую от солнца мостовую и бросился в ближайший переулок.

Сперва я бежал просто так, забыв про свою легучесть. Потом понял: можно же мчаться по воздуху и только едва касаться пальцами травы. Со стороны будет казаться, что я бегу, и никто не догадается, что это полет.

Ура! Я помчался длинными плавными скачками, потом полетел над росшими у дощатого тротуара лопухами и медленно, не в лад со скоростью, передвигал ноги. Наверно, это не очень походило на бег. Но прохожих все равно не было, только пыльные козы у заборов провожали меня задумчивыми глазами.

Я покинул машину уже на окраине и скоро оказался на границе лугов и леса за домом отдыха.

Этот день запомнился мне как сплошная солнечная карусель. Я летал среди кустов на опушке вместе с разноцветными бабочками. В лесу, если не было близко людей, я взлетал на вершины сосен, кидался с них к земле, в густую смолистую тень, и у самой травы тормозил полет. Повисал над узорчатыми папоротниками. Качался на их упругих листьях, сделав свое тело почти невесомым.

Тело было послушно мне. Без всякого напряжения, одним радостным желанием я мог вознести его над землей, остановить в воздухе, помчаться со скоростью ласточки или полететь по ветру плавно, как тополиная пушинка. Я ликовал и не пытался объяснить себе самому волшебство. Просто ощущал внутри миллионы послушных мне струнок. Они упруго и весело звенели, когда я начинал полет. А тополиная рубашка трепетала на ветру...

Где-то в середине дня я вылетел к чистому озерцу с кувшинками на тихой воде. На берегу разостлали одеяло и устроились на отдых молодая женщина и девочка. Девоч-

ке было лет восемь. Посреди воды плавал блестящий красный мяч.

Я приземлился за кустом, а оттуда вышел уже как нормальный, не волшебный мальчик. Даже воспитанный.

— Здравствуйте, — сказал я. — Мячик уплыл, да?

Они удивленно уставились на меня. Видно, я выглядел слишком нарядно для леса. Да и вообще откуда взялся?

Потом девочка виновато заморгала, а женщина улыбнулась и жалобно сказала:

— Да, сбежал наш мяч. А мы обе плавать не умеем. Ты не смог бы до него доплыть?

Доплыть мне ничего не стоило. Я мог это озеро десять раз перемахнуть любым стилем туда и обратно без отдыха. Только... под тополиным костюмчиком-то ничего у меня не было. А не раздевшись плыть, конечно, нельзя: вода наберется в материю, будет потом посторонняя тяжесть.

Но... перед девочкой и ее мамой лежали такие восхитительные бутерброды с маленькими котлетками. А я так проголодался.

И я голосом веселого, храброго мальчика сказал:

— Тут и не надо плыть. Тут глубина совсем маленькая. Смотрите.

И, окуная ноги по колено, будто бреду по мелководью, я тихо полетел к мячику. Там я дал ему крепкого пинка, и он вылетел прямо к хозяевам. А я «вышел» следом.

— Надо же! — удивилась женщина. — А я была уверена, что здесь очень глубоко. Надо будет, Галочка, набрать кувшинок... Галя, скажи мальчику «спасибо» за мяч.

И золотоволосая симпатичная Галя в голубом платице сказала мальчику «спасибо». И мальчика, разумеется, пригласили пообедать, спросили, как зовут, где живет и так далее. И удивлялись, что мальчик вдруг покучнел и бутерброды жует без аппетита.

«А ведь на самом-то деле глубина здесь большая, — тоскливо думал я. — Вдруг они и правда сунутся за кувшинками?»

— Лучше бы вам не ходить в воду, — наконец промямлил я. — Там стекла на дне. И главное, эти... пиявки. Большие такие. И даже ядовитые.

Галочка перестала жевать и отвесила нижнюю губу. Ее мама испуганно сказала:

— А ты? Тебя не укусили?

— Не... То есть два раза. Но я привычный... Спасибо большое, я полечу... То есть побегу.

И я исчез с поляны, чувствуя себя виноватым и даже напуганным. Впервые подумал я, что с волшебным даром надо обращаться осторожно. Вспомнил слова старика сторожа на свалке: «Волшебство — оно никакое. Его для чего хочешь использовать можно».

И я решил использовать свое летучее умение обдуманно и только для хороших дел. Но в этот день как-то не получилось. Просто так летал до вечера. И решил еще полетать ночью.

РАЗГОВОРЫ С ЛЕШКОЙ

Когда все в доме уснули и сам дом уснул (только тихо поскрипывал во сне), я выбрался из постели и ступил на светлые квадраты, которые расстелила на половицах луна. Они были такие яркие, что половицы казались нагретыми. Я опять натянул свой летучий костюмчик, тихо развел створки и вылетел из окна.

Я взмыл над крышами.

Мне хотелось побывать во многих местах: пролететь над жутковатым Текутьевским кладбищем (наверху-то не очень страшно), обследовать башню старой церкви, в которой была теперь библиотека, проникнуть в открытые окна у выпуклой крыши цирка и поакробатничать под куполом, присаживаясь на блестящие трапеции...

Но прежде всего я полетел на улицу Герцена. К тополю.

Я неторопливо проплыл над спящими дворами и ого-

родами и опустился на железную крышу длинного старого флигеля. Прямо на гребень. Присел на корточках.

Тополь раскидывал надо мной свою необъятную темную чащу. Она еле слышно лопотала, и кое-где зажигались лунные искры. Я встал, вытянул над головой руки и, будто серебристая иголка в громадный стог, вошел в тополиную крону.

Здесь ошеломляюще пахло сразу и весной и летом. Все тополиные запахи собрались в густоте мягких, ласковых листьев: запах клейких кожурок, оставшийся с мая; запах сладковатого сока; запах старых, подсыхающих листьев; запах вчерашнего дождика, который не успел высохнуть в глубине вымытой листвы; запах тонкой кожицы на молодых ветках...

Я дышал этими запахами, впитывал их кожей, а листья щекотали и гладили меня, когда я пробирался от дерева к дереву. Именно от дерева к дереву. Могучие старые ветви толщиной напоминали большие деревья. Их было очень много, этих ветвей-деревьев, и я, наверно, целый час блуждал в чаще, отдыхал в широких развилках, качался на тонких сучьях, раздвигал шелестящие листовые завесы, пока наконец не выбрался к вершине — под чистое небо с маленькой и неполной, но очень яркой луной. Там я повисел в воздухе, рядом с самой верхней веткой, погладил ее аккуратные небольшие листики и снова — головой вперед — упал в тополиную чащу. И еще долго путешествовал в ней.

В одном месте я нашел истлевшие остатки воздушного змея, в другом — скелет модели планера. А еще — стрелу с наконечником из пустой пули (он наполовину засел в коре). А еще — теплый резиновый мячик, прочно застрявший в развилке. Он-то как попал на такую высоту? С земли не добросишь. Может, его кто-то уронил с самолета? Или его закинули сюда, когда тополь был еще молодой и невысокий?..

Я не стал ничего трогать. Это все было не мое, а топо-

ля. Его имущество, его игрушки. Я теперь понимал, что наш тополь совершенно живой добрый великан. Я любил его и не хотел обидеть.

Наконец я устал от блужданий в зарослях. Они были бесконечными. Я подумал, что наш великан больше, наверно, того дерева, на котором спасались во время потопа дети капитана Гранта и их спутники.

Тут я вспомнил, что книжку про детей капитана Гранта не дочитал. Лешка Шалимов давал ее мне на неделю, а потом забрал, сказал, что сам будет читать. Я знал от ребят (и кино смотрел), что в романе все кончается хорошо, но прочитать про это самому все-таки хотелось.

А что, если проникнуть к Лешке, свистнуть «Детей капитана Гранта» с этажерки, а на следующую ночь так же незаметно вернуть? Пускай завтра Лешка похлопает глазами и поломает голову (а послезавтра еще сильнее!). Я тихонько засмеялся, вылетел из тополиного леса и перемахнул через гребень крыши.

Лешка спал всегда с открытым окном, он был закаленный, а грабителей не боялся. Во-первых, воровать у Шалимовых было нечего; во-вторых, окна их смотрели в соседний огород, который охраняла овчарка Барс.

Я опустился так тихо, что Барс меня не учуял. Выгнувшись дугой, я скользнул в окошко и даже ничего не зацепил, только макушка герани мазнула по коленкам. Я поднялся к потолочной балке и оттуда глянул на Лешку.

И вздрогнул.

Лешка лежал на спине, глаза его были открыты. В них блестели лунные точки. Мне стало страшно, как жулику, попавшему в засаду. В комнате было светло от луны и тихо. Только в кровати за шкафом тихонько храпел Володя, старший Лешкин брат. Лешка смотрел на меня и не шевелился. Я тоже замер. Но в носу у меня зашипало от известкового запаха, и — хочешь не хочешь — пришлось крепко чихнуть.

Володя на секунду перестал храпеть. Лешка не шевель-

нулся, но губы его расплзлись в хорошую, несердитую улыбку, и он полушепотом спросил:

— Ты что там делаешь?

— Это... я тебе снюсь, — нерешительно сказал я.

— А-а... — Лешка, видимо, не удивился. — Ну ладно...

А как ты там держишься?

— Да не держусь я. Просто летаю. Вот... — Я описал круг около лампочки.

Лешка приподнялся на локте. Усмехнулся.

— Я раньше сны видал, будто сам летаю, а чтобы кто другой — первый раз.

— Всякое бывает, — дипломатично отозвался я.

— Ну, спускайся, — сказал Лешка.

— Зачем?

— Так и будешь, что ли, сниться под потолком? Спускайся, поговорим...

Я осторожно приземлился у Лешки в ногах на кусачее солдатское одеяло. Лешка задумчиво спросил:

— Интересно, сейчас только ты мне снишься или я тебе тоже снюсь?

— Н-не знаю... — пробормотал я. Это был сложный вопрос.

— Завтра я тебя спрошу, — решил Лешка, — снился я тебе или нет.

«Так я тебе и признаюсь! Фигушки!» — подумал я.

— А зачем ты ко мне прилетел? — тихо и без улыбки спросил Лешка.

Я пожал плечами:

— Откуда я знаю? Это же сон.

— Ну а во сне-то зачем?

— Так... Летаю, вот и решил... навестить.

— А-а... — опять откликнулся Лешка.

Я неожиданно для себя признался:

— Скучаю по этому дому. Жалко, что уехал...

— Еще бы, — согласился Лешка. — Ты же здесь с самых пеленок рос.

От такого его ласкового понимания мне стало хорошо-хорошо. А Лешка добавил со вздохом:

— Мне тоже иногда жалко, что ты уехал.

Я даже задохнулся от удивления: неужели правда? Да врет он, больно я ему нужен! Ничего я не сказал, только недоверчиво повозился на одеяле.

Лешка меня понял.

— Нет, в самом деле, — сказал он. — Все-таки мы привыкли друг к другу... Ну, по-разному у нас бывало, но ведь бывало и хорошее... А, Славка?

Я кивнул молча, потому что вдруг зашекетало в горле. Потому что хорошее в самом деле бывало. Как он книжки самые интересные давал читать, хотя и ворчал при этом. Как я сидел у него допоздна, если мама долго не возвращалась с работы, а дядя Боря был в отъезде. Как заступался на улице перед длинным дураком по кличке Хрын... Ну а если иногда дразнил или тычка давал, так я и сам хорош был...

— А помнишь, как ты пиратский роман про остров с привидением написал? — тихо засмеялся Лешка. — А я не поверил.

— Ага... А потом поверил. И вы в своем классе читали.

— Читали. Он тогда еще Вальке Садовской понравился очень.

— Кому?

— Ну, ты не знаешь... У нас в классе одна...

— А! Конопатая такая...

— Ну и что? — неласково спросил Лешка.

— Да ничего, с конопушками тоже бывают красивые.

Лешка обмяк и вдруг признался шепотом:

— Славка... Я перед тобой очень виноват.

— Как это? — не поверил я.

— Сейчас скажу... Сейчас можно, потому что во сне... Ладно, скажу. Славка, я тогда сказал ребятам и ей, что... ну, наврал, в общем, что это я сам про остров с привидением сочинил.

Я молчал. Ревность ошутимо кольнула меня. Но тут же я подумал, что дело это давнее и свой «пиратский роман», написанный на старых газетах, я давно потерял. А Лешка сейчас такой доверчивый, сам признался. Правда, он думает, что это во сне, но все равно он хороший.

— Ладно, Лешка, — вздохнул я. — Подумаешь... Если хочешь знать, я перед тобой тоже виноват. Я в том году у тебя картинку стащил из коробки с елочными игрушками, чтобы на книжку наклеить. Помнишь, такой кораблик серебряный с раздутыми парусами?

— Да знаю я, — усмехнулся Лешка.

— Знаешь?!

— Конечно. Ты потом два дня перепуганный ходил и на меня смотрел, как жулик на милицию... Я сперва хотел сказать, а потом думаю: лучше я у него немецкую открытку стырю, чтобы... ну, в общем, Садовскую надо было с Новым годом поздравить...

— Ну и... поздравил?

— Ага, — виновато сказал он. — Ты только про это никому не проболтайся.

— Как я проболтаюсь? Мы же во сне говорим... Да мне и не жалко ничутьюшки эту открытку.

— Да я не про нее... Про остров с привидением... А то она меня презирать будет. Я лучше потом сам ей признаюсь.

— Не надо. Мне это привидение нисколько не жалко.

— Нет, я признаюсь... Потом. Надо все же честность в себе вырабатывать.

— Я тоже стараюсь... Чтобы не врать очень часто. И если уж честное слово скажу, тогда изо всех сил держусь... Маме дал слово, что не буду с Артурычем спорить, и уже три недели не спорю. Правда, он десять дней в командировке был.

— Артурыч — это отчим, что ли?

— Ага. Я его так зову про себя...

— Здорово вредный?

— Как когда... Придирается.

— А отец пишет?

— Пишет, конечно. И деньги присылает.

— А к себе не зовет?

— Зовет... Да ну, не хочу я. Тут все свое, а там что...

И маме трудно будет с Леськой управляться.

Я хотел сказать, что прежде всего не хочу расставаться с мамой, но постеснялся. Лешка, однако, понял:

— Правильно. Без матери разве жизнь? У меня вот на неделю в Курск ездила, дак я и то...

— А зачем ездила?

— Там отец похоронен, под Курском. В братской... А твои почему развелись?

Я пожал плечами. Я не знал тогда и узнал причины гораздо позже, когда стал большим. И понял, что виноваты были не мама и не отец, а чужие равнодушные люди, вломившиеся в их судьбу. Но эта тема уже не для сказки. Это грустная реальность тогдашней жизни...

Лешка переменял разговор. Сказал задумчиво:

— Я иногда думаю: что лучше? Честность или смелость?

— По-моему, всего лучше, когда вместе, — уверенно сказал я.

— А если вместе нету? Тогда как?

Я раздумчиво посопел.

— По-моему, честность лучше, — твердо проговорил Лешка. Видимо, для себя это он уже решил. — Потому что если смелый, а не честный, тогда какой толк? Смелые и среди фашистов были, а все равно сволочи. А если человек честный, то пускай он даже боится. Он скажет: даю себе честное слово, что буду делать все как надо, а на страх мне наплевать. Вот...

— А ты... давал? — осторожно спросил я.

— Ага... — тихонько выдохнул Лешка. — Что буду стараться.

Тогда я сказал:

— Я тоже...

— Что?

— Тоже даю... что буду стараться быть честным.

Лешка подумал.

— Это, наверно, не считается, — вздохнул он. — Это ведь не по правде. Ты мне просто снишься.

— Ну и что... — отозвался я.

Мы замолчали. Я почувствовал, что такой важный разговор лучше не разбавлять болтовней.

— Ну, пока, — сказал я Лешке и с кровати рыбкой скользнул в окно. И герань опять оставила пыльцу на моих ногах.

Утром я собрался бежать к приятелям, а мама сказала:

— Что за привычка скакать босиком. Надень сандалии.

Я не стал спорить. Пожалуйста, надену!

Конечно, в обуви полететь я не смогу, ну и ладно, успеется. Зато мчаться по тротуарам легко: я напружинил жилки как для полета, и тяжести во мне осталось всего ничего — как раз только истертые до бумажной легкости сандалии.

Однако в квартале от нашего старого двора я сбавил скорость. Как отнесутся к моей обновке мальчишки? Два года назад Лешка дразнил меня непонятным, но обидным словом «Кнабель» за иностранные штаны и рубашку с перламутровыми пуговками (их прислал из Германии отец, он тогда еще служил там). И сейчас я затрепыхался: не покажется ли ребятам мой белый костюмчик чересчур модным, а вышивка из красных листиков — девчоночьей?

Во двор я вошел неторопливо, с равнодушно-независимым лицом и нехорошим холодком в желудке. У тополя сидели на корточках Вовка Покрасов и Амир Рашидов. Они накачивали велосипедным насосом латаный-перелатаный волейбольный мяч. Я подошел, спросил небрежно:

— Чё, не качает?

— Качает... — Вовка поднял глаза, поморгал и добродушно ухмыльнулся: — Во какой... артековец...

Амир уважительно помял грязными пальцами краешек моих штанов и спросил:

— Парашютный шелк?

— Не знаю, на рынке купили, — ответил я с зевком и подумал: «Пронесло». И тут же догадался, что говорить дальше: — Похоже, что парашютный. Потому что я себя в нем таким летучим чувствую... и прыгучим.

— Как это? — Амир уперся в меня черными колючими глазками.

— А вот так! — Я прыгнул в длину и пролетел метров пять. Сандалики приземлили меня в пыльную траву перед крыльцом флигеля. На крыльце стоял дядя Боря.

— Дитя мое, — сказал дядюшка с насмешливыми лучиками в глазах. — Что это за странная легенда о костюме, который я будто бы подарил тебе в память о собственном безгрешном детстве?

Я заморгал.

— Встречает вчера меня твоя мама, — продолжал дядя Боря, — излагает эту историю и задает всякие вопросы... Я еле выкрутился.

Ура! Дядя Боря меня не выдал! Это самое главное! Я сделал виноватое лицо и пробормотал:

— Да это, понимаешь, такое дело... Это Нюра, наша соседка, сшила из старой скатерти. Она маленьких любит, часто подарки делает. А маме просила не говорить, потому что маме не нравится, когда меня чужие балуют...

Дядя Боря качнул головой и сказал непонятным голосом:

— Хитер ты, мой юный племянничек, не по годам...

— А что такого? Я же правду сказал...

— Ну, правду так правду... Ладно, прыгай и веселись...

Но прыгать и веселиться не получилось, потому что на крыльце возник Лешка.

Лешка вытаращил глаза.

Я тоже вытаращил на него. С испугу. Хотел мигнуть и не мог. Только сейчас я сообразил: ночью-то Лешка видел

меня в тополиной рубашке, она светилась при луне. Сейчас он обо всем догадается!

Не знаю, догадался ли Лешка. Поглядел он на меня, сказал «м-да», хихикнул и спросил Вовку:

— Накачали?

— Ага. Только шипит маленько...

Мы еще с полчаса возились с волейбольной камерой, заклеивали. Лешка больше не смотрел на меня по-особому и ни о чем не спрашивал. Я успокоился. А потом так осмелел, что даже показал «чемпионский» прыжок. Амир сболтнул, что «Славка научился прыгать, как эта самая... кенгуруха... Пускай покажет», ну я и сиганул через лужайку — от поленницы до бревенчатой стены двухэтажного сарая.

Тогда Лешка негромко, но отчетливо сказал:

— Да-а, сны-то сбываются.

Я опять очень оробел, но спросил небрежно:

— Какие сны?

— Да так... Ерунда.

Ну и ладно, если ерунда.

Мы для пробы попинали накачанный мячик, и Лешка поддал его так здорово, что он, бедняга, улетел на сарай. И остался там, на загнутой кромке железной крыши.

— Запрыгнешь? — с подковыркой спросил Лешка.

Нет уж, дудки! Ты меня не подловишь!

— Не запрыгну, а залезть могу.

Я скинул сандалии и стал медленно подниматься вдоль стены. И при этом делал вид, что цепляюсь пальцами рук и ног за выступы и щели в бревнах.

— Как муха, — удивленно сказал внизу Вовка Покровов.

Я сбросил с крыши мяч, и тут меня опять бес толкнул под ребро. Я прыгнул вниз и лишь у самой земли притормозил падение.

Вовка совсем по-девчоночьи взвизгнул. Я сел в подорожники, потер пятки. Сказал небрежно:

— Отбил маленько. Высоко все-таки...

Лешка хмыкнул.

Только Петров (он тоже был здесь) презрительно пошевелил ноздрей.

— Делов-то... Я оттуда тоже прыгал.

— Ты в сугроб прыгал, зимой, — напомнил Вовка. Он был справедливый человек.

— Делов-то... Могу и шас.

— Можешь, дак прыгни, — предложил Амир.

— Он может, — сказал я. — У него трусы вместо парашюта.

Только ходил в широченных оранжевых трусах до колен, он воображал себя непобедимым вратарем вроде знаменитого Хомича. За «парашют» он оскорбился и выразил желание перевести разговор на кулаки. Я засмеялся и скакнул на поленницу. В это время пришли большие ребята, Лешкины одноклассники, и мы всей компанией отправились купаться на Пески — так назывался уютный пляжик под заросшим откосом Туры. Девчонок поблизости не оказалось, можно было купаться голышом, и я отвел душу за вчерашний день и за нынешний. Выбрался из воды я после всех и увидел, что зловредный Толька колдует над моей одеждой. Затянуть узлами короткие штанины и рукава он не сумел, зато напутал узлов на единственной лямке и скрутил жгутом рубашку.

Ах ты, рыжая сколопендра! Ну ладно... Толька отскочил, я привел штаны и рубашку в порядок, неторопливо оделся, и мы деловито подрались в кружке молчаливых свидетелей и судей. Толька разбил мне нос, и кровь капала на тополиную ткань, но это было ничего, это моя собственная кровь, она не мешает летучести. А я зато вляпал Тольке под глаз красивый фингал и крепко вделал ему по губе. Лешка сказал, что у нас, как всегда, ничья, и велел кончать. Я пообещал Тольке добавить потом еще. Он мне тоже.

Мы еще долго были на берегу, дурачились, лазали по

заросшим полынью и бурьяном кручам, кидали друг в друга песочными бомбами. Я попал такой бомбой точно за шиворот большому белобрысому Вальке Сидору, и он погнался за мной, чтобы «сделать из этого шенка готовую Муму». Я по бурьянным верхушкам взлетел на откос. Валька совершенно обалдел от моей прыти и застрял в сорняках.

А когда я спустился на песок, Лешка снова смотрел на меня непонятно...

Вечером во дворе Лешка сказал:

— Ну-ка, пошли...

Я почему-то загрустил и побрел с ним за поленицу без всякой охоты. Лешка сел на чурбак, а меня поставил перед собой.

— Может, ты и сейчас мне снишься? — ехидно спросил он.

— Не... — осторожно сказал я.

— А ночью?

— Какой ночью? Чё такое?.. — забормотал я.

— Ну, повертись, поотпирайся, — хмыкнул Лешка.

Я безнадежно посопел припухшим носом.

Лешка помусолил указательный палец и произнес приговор:

— Десять шалабанов. Подставляй лобешник.

— За что?

— За то, что врал.

— А с чего я должен тебе всегда правду говорить? — взъерошился я.

— А кто слово давал? Что будешь стараться быть честным! Мы оба давали. Тоже во сне?

— Слово — это уж потом. А про сон я сперва...

— Вертишься? — сказал он.

Мне ничего не стоило стряхнуть сандалики и взмыть на забор. Но... что-то в самом деле много я «вертелся» в эти дни. «Хитер ты, мой юный племянничек, не по годам», — вспомнил я дядю Борю.

А что я такого сделал? Ну, разок соврал, два схитрил. Так и раньше бывало, без этого не проживешь. Но... нет, не улетел я от Лешки. Виноватость удержала меня грузом потяжелее сандалий. Будто обули меня в размокшие бахилы, которые не стряхнешь. Я переступил обмякшими ногами, зажмурился и наклонил голову. Тихонько попросил:

— Только без оттяжки...

Ждал я долго. Не дождался шалабана, открыл глаза. Лешка смотрел серьезно и тоже как-то виновато. Он взял меня холодными пальцами за локти, придвинул поближе.

— Про Вальку Садовскую никому не говори, ладно?

Я налился горячей благодарностью до ушей, до глаз. До макушки.

— Лешка, да я же понимаю! Лешка, я...

— Ну ладно, — сказал он со вздохом. — А как это ты сделался такой? Прыгучий-летучий...

— Лешка... я расскажу... Только не сейчас, ладно?

Рассказывать так сразу о ведьмах я не решался, а врать больше не хотел, противно.

— Ладно, — покладисто сказал Лешка.

И мы пошли в наш флигель, на кухню, где на уютном таганке, в зеве русской печи, дядя Боря варил душистую картошку.

ПРО ХОЗЯИНА

Прошло несколько суток. Сколько точно, не помню. Помню только, что луна опять набрала полную силу — из половинки сделалась круглой и светила в летнем небе пуще прежнего. В одну такую ночь, когда все уснули, я снова собрался в полет. Я и до этого летал почти каждую ночь, и мне ни капельки не надоело. Только самую чуточку точило меня какое-то беспокойство. Или даже не беспокойство, а едва заметная печаль. Потому что летал я совсем один, даже птицы спали.

И тогда я придумал игру с самим собой. Вернее, со своим двойником.

Я улетал к озеру за домом отдыха, поднимался высоко над водой, а оттуда ласточкой несся вниз — так, что воздух забивал уши и обжимал на теле рубашку. А из перевернутого лунного неба ко мне мчался, раскинув руки, похожий на меня мальчишка. Мы на секунду останавливались друг перед другом, замирали, улыбались, подмигивали и улетали опять: я в высоту, он в глубину...

В этой игре была стремительность полета, сдержанный восторг и короткие радости встреч. Я иногда совсем забывал, что мальчишка в озере — это я. Он казался мне лучше, смелее. У него в душе не было тайных страхов, а на совести всяких мелких темных дел... Может быть, и я стану когда-нибудь таким же...

Тихонько сопя от натуги, я натянул свой «летчиковый» костюм. Он серебристо светился в сумерках. Два дня назад мама выстирала его. Я сперва не давал, ужасно боялся, что от стирки пропадет волшебная сила. Но мама рассердилась, прикрикнула и обозвала меня пугалом. В самом деле, рубашка была уже серой от пыли, а штанами я недавно уселся в овсяную кашу, которую размазал по табурету Леська...

Волшебных свойств тополиная ткань не потеряла, но от воды села. Штаны сделались тесноватыми, рубашка узкой в плечах. Я с грустью думал, что скоро подрасту — и тогда сказке конец. Но пока еще сказка продолжалась. Рубашка, хотя и жала под мышками, в поясе оставалась широкой и трепетала на лету, как маленький белый костер...

Я встал коленками на твердый облупленный подоконник, раздвинул створки и вздрогнул: у палисадника стоял кто-то темный и молчаливый. Но по-настоящему испугаться я не успел: узнал Настю.

— Тополёнок... — сказала она громким шепотом.

Я обрадовался. Я вдруг понял, что соскучился по Насте. По Степаниде и Глафире тоже немножко соскучился, а по Насте — сильно. Хорошо, что она пришла! Может, ведьмы тоже соскучились? Может, хотят, чтобы я опять посидел с ними и почитал вслух? Ладно, я могу. А еще я расскажу им о своих летучих приключениях!

Настя ласково спросила:

— Ну что, летаешь, значит?

— Ага... — выдохнул я. Тихо слетел с подоконника, описал над Настей круг и встал с ней рядом. Она взяла меня за плечи. Луна была яркая, глаза у Насти сильно блестели.

— Пойдем-ка погуляем, — сказала она.

Я немножко удивился. Но все равно мне было радостно и хорошо.

— Пойдем! — согласился я.

Она взяла меня за руку. Сперва я послушно шел следом. Потом тихонько оттолкнулся от тротуара, вытянулся в воздухе горизонтально и поплыл за Настей «на буксире».

— Ох и баловник... — усмехнулась она.

Я засмеялся, освободил руку, на лету перевернулся на спину. Подтянул к подбородку колени и стал соскребать с них прилипшие на подоконнике чешуйки краски. Поглядел Насте в лицо и спросил:

— А как там живут ваши? Ну, Глафира, Степанида...

— Живут, — отозвалась Настя непривычно сумрачным голосом. — И я живу... Чего хорошего-то в нашей жизни? Маемся только... Ты помог бы нам, Тополёчек, а?

— Как?

— А вот слушай. Я затем и пришла... Да ты встань по-человечески.

Я торопливо перевернулся в воздухе и встал перед Настей. Тревожно мне сделалось. Настя поправила косынку, глянула мимо меня (а улица под луной была пустынная и очень тихая, даже собаки не гавкали; а у заборов и в палисадниках притаились косматые тени).

— Про Хозяина-то слышал? — негромко спросила Настя.

Я кивнул и переступил босыми ступнями на теплых досках тротуара.

— Ну вот, — опять вздохнула Настя. — Всех он нас под свою власть забрал. Что велит, то и делаем... Вроде и на воле живем, а все равно как в тюрьме, никакой радости нет. И волшебство наше тут без пользы. Сами ржавеем и других заставляем. Как зараза для души эта ржавчина...

Она опять пошла тихонько вдоль забора. Я — рядышком.

— Он ведь нам какую цель жизни сделал-то... — говорила Настя. — Вы, мол, живите и следите: кто с нечистой душой вам встретится, того к себе приманивайте... А потом железное колечко на него хлоп — и сделали Хозяину нового прислужника...

— И меня тоже?! — ужаснулся я.

Настя улыбнулась:

— Да нет же... К тебе ржавчина-то не пристанет, у тебя кровь светлая, тополиная, да и худого ты еще ничего не сделал...

«Ну уж...» — подумал я.

— Вот мы тебе рубашечку-то и сшили, — сказала Настя. — С пуха тополиного летучую рубашечку, от Хозяина крадучись. Потому что живет Хозяин-то среди ржавого леса, сквозь него не продерешься, можно только по воздуху, как птичка.

Я сразу и сильно испугался. В одну секунду понял, что беспечные полеты кончились. Ясное дело! Не для того мне ведьмы шили тополиную рубашку, чтобы я по ночам акробатничал над крышами, а днем дурачил прыгучими фокусами приятелей. Сказка-то, она всегда вот таким делом кончается — битвой со Змеем Горынычем или колдуном каким-нибудь.

Как я раньше не додумался? Теперь не отвертись.

От пяток до шеи меня проколола тысяча холодных иго-

лок. Нет, я в тот момент не Хозяина боялся. Я боялся неизбежности: никуда не денешься, попал в страшную сказку, как в капкан.

А Настя вдруг сказала:

— Коли боишься, дак не надо. Летай себе на здоровье, а мы уж как-нибудь... С ним чтобы воевать, надо твердо решиться, а если со страхом, то все равно без пользы.

Мы долго молчали и тихо шли рядом. Я теребил подол тополиной рубашки и вспоминал. Как они меня летать учили, как я шептался со старым тополем в его чаше, как дал честное слово Лешке, как летел ко мне из озерной глубины похожий на меня мальчишка. Похожий, только честнее и смелее, чем я...

А может, мне сейчас только кажется, что это я вспоминал тогда. Но так или иначе, а что-то сдвинулось в моей душе, и я спросил:

— Настя... А если у меня страх, но я все равно твердо решусь... тогда можно? Тогда что делать?

КЛЮЧИК

Я летел к заколдованному ржавому лесу, посреди которого жил в железном доме Хозяин.

Настя объяснила, что я должен сделать. Надо пробраться в дом, снять с шеи спящего Хозяина ключик и отпереть на Хозяиновой руке браслет.

— Ты легонький, проберешься потихоньку, — тепло шептала мне в ухо Настя. — А как отопрешь колечко-то, все уже не страшно будет. Ключик, он сразу рассыплется, а Хозяин, если проснется, пушай ругается, силы-то у него не станет. Да ты и не слушай, лети себе домой сразу, вот и все...

— А ваши браслеты? — спросил я. — Их-то кто отопрет, если ключика не будет?

— А и не надо, — со смешком отозвалась Настя. — Они сами развалятся. Это ведь одна видимость, что они по от-

дельности заперты, а по правде-то они в одну цепочку связаны, потому нас Хозяин и держит. А в цепочке если одно колечко рвется, вся в ней сила пропадает...

А еще Настя сказала, что людей со ржавыми кольцами полным-полно на белом свете. У некоторых эти кольца на виду — у тех, кто колдуны да ведьмы, — а у многих они незаметны. Кое-кто про них и сам не знает, не ведает, что в душе у него завелась ржавая зараза. И вот этих людей могу я освободить от Хозяина, если не побоюсь. И никто другой это сделать не может, потому что лишь у меня есть тополиная рубашка.

И вот я летел... Ржавый лес начинался за железной свалкой, где в прошлое полнолуние танцевали ведьмы. Раньше я бы рассказу про лес не поверил, потому что знал: за свалкой кончается ответвление лога и там, наверху, стоят ветхие домишки и тянутся огороды. Но сейчас все было по-другому, по сказочным законам, и я ничуть не сомневался, что скоро окажусь над ржавым лесом.

Летел я низко по руслу речки Тюменки, среди поросших осокой берегов. Я это делал на всякий случай: вдруг у Хозяина есть перед лесом тайные караульные посты! Я तो ропился и скорость развил такую, что на поворотах меня заносило к берегу, и тогда коварно царапалась осока. По журчащей и ребристой воде передо мной неслось скамканное отражение луны. Она сияла в эту ночь ярче прежнего. Воздух, который летел навстречу, обдавал меня болятистыми запахами.

Потом я учуял запах ржавчины и различил впереди темные груды свалки.

Подлетел. Медленно поднялся над железными кучами. За свалкой не было домиков и огородов, а тянулось что-то черное и лохматое, и ветерок все сильнее пах сырым железом.

Настя говорила, что треугольная поляна с домом Хозяина лежит в железной чаше, к югу от свалки. Я прикинул, где он, юг, и двинулся вперед.

Теперь я летел не очень быстро и не очень низко, мет-

рах в двадцати от верхушек леса. Это и правда был лес — непривычный и страшный. В свете луны я видел, как громоздятся, переплетаются и тянутся вверх, принимая вид деревьев, черные разветвленные трубы, рваные кровельные листы, клубки и плети колючей проволоки. И еще всякий старый, искореженный металл. Мертвый, никому не нужный... Я подумал, что в этой ржавой путанице может укрываться стража Хозяина. А меня так хорошо видно в ясном небе, и так ярко блестит при луне тополиная рубашка.

Я почувствовал себя беззащитным! И взмыл в высоту, чтобы из леса не шарахнули по мне из какой-нибудь ржавой пушки.

Но почти сразу я успокоился. Настя ведь ни словечком не обмолвилась, что у Хозяина есть часовые. Она рассказывала, что он спит спокойно и крепко, потому что знает: никто к нему не проберется.

Страх у меня пропал. Почти. Вообще-то я немножко боялся, но не Хозяина. Хозяин что мне сделает? В крайнем случае взовьюсь свечкой, и пусть ловит в небе! Я боялся, что не сумею добыть ключик и отпереть браслет. Тогда столько людей останутся ржавыми пленниками! И я буду виноват! И эта моя вина будет такой громадной по сравнению со всеми прежними... Раньше-то что я делал плохого? Ну двойки иногда скрывал от мамы. Ну лодырничал, не хотел на рынок за картошкой ходить. Бывало, трусил перед дракой. Случалось, что Леську шлепал, если тот крепко надоедал (правда, потом всегда жалел его). А еще что? Да, патроны, которые свистнул у Артура Сергеича. Это дело посерьезнее... Но все равно от этого никто, кроме отчима, не пострадал. А теперь если струшу или растеряюсь, тогда что? Тогда хоть прямо с высоты головой о железяку...

Ну почему так получилось? Почему именно я должен лететь к Хозяину?

«А когда просто так летал, небось радовался! — сказал я себе. Или не я сказал, а скорее тот мальчишка, который

прилетал ко мне из лунного озера. — Тогда вон какой счастливый был, что есть у тебя тополиная рубашка...»

«А ведь правда», — подумал я. И понял, что за прежние радости надо платить. Добром за добро. Такой закон у сказки и у жизни. Иначе ты будешь не человек, а последняя ржавая лягушка. Я это понял смутно, без слов, но сделалось спокойнее. И смелости стало побольше. Словно я наконец-то превратился в того ясного и храброго мальчишку... И когда я увидел с высоты треугольную поляну, я уже твердо знал, что все сделаю как надо...

Я, пока летел, думал, что дом Хозяина — это громадный железный замок, опутанный колючей проволокой, и что мне придется пробираться по ржавым переходам и гулким лестницам.

А на поляне стоял мятый троллейбус без колес. Я сразу понял, что это троллейбус, хотя никогда их наяву не видел (разве что в кино). Над обшарпанным фургоном торчали длинные погнутые «усы». Краска на троллейбусе облупилась, темнели ржавые пятна, однако окна почти все были целые.

Поляну покрывала аккуратная трава. Ее заливал ровный голубой свет, она искрилась (роса на ней, что ли?). Было пусто — ни кустика, ни холмика. Негде спрятаться. Только от троллейбуса падала короткая, очень черная тень. В эту тень я и приземлился на полной скорости — почти упал. Посидел на корточках в траве — она оказалась сырой и холодной. Подождал, когда перестанет прыгать сердце. Оглядел ряд троллейбусных окон. В стеклах отражалось светлое небо, и лишь одно окно было черным и пустым.

На четвереньках я подобрался к окну. Встал, ухватился за край. Царапая коленками железо, подтянулся, заглянул в ржавую пустоту... И сразу в локти мне впились железные колючки, меня дернули в сторону, я услышал проволочный скрежет...

Меня держали за руки два чудовища. Две косматые железные куклы ростом со взрослого дядьку. Они состояли из клубков колючей проволоки. Вместо головы — комок ржавого железа, ни лица, ни глаз. Понятно было, что ни-сколочко они не живые, а вроде заводных.

Я подумал, что все пропало, но — удивительное дело — в тот момент ничуть не испугался. Потом я узнал, что такое состояние называется по-научному «защитная реакция организма». Ну вот, из-за этой реакции я и вел себя спокойно. Проволока въедалась в голые руки, и я сказал:

— Пустите, вы, болваны, больно ведь.

Но колючие болваны покачивались с легким скрежетом и не пускали.

Они не очень крепко держали, я мог бы вырваться, но понимал, что ржавыми шипами издеру кожу.

Сзади, противно скрипя, подошло третье чудовище, ткнуло колючим кулаком в мою спину, и меня повели к передней части троллейбуса. Мокрая трава щекотала босые ноги, и ее холодные касания казались мне теперь такими приятными по сравнению с царапающей хваткой железных кукол...

Дверь кабины со скрежетом раздвинулась, и я увидел Хозяина.

Я думал, что Хозяин — это страшный колдун вроде Кощея, а оказалось, что это низкорослый мужичок с круглым животиком, лысоватый, с дряблыми щеками. У него были заплывшие глазки и мясистый нос. И одежда совсем не колдунская — старые галифе, из-под которых спускались завязки кальсон, стоптанные чувяки и мятый черный пиджак, под которым, кажется, ничего не было. В общем, никакой не злой волшебник, а хозяин частного огорода, который спекулирует овощами. Или жулик-завхоз с мелкого склада.

Но я сразу понял, что это Хозяин. Потому что в вырезе пиджака на волосатой груди его светился ключик из бле-

стящей нержавеющей. Маленький ключик вроде чемоданного. На шнурке.

Хозяин деловито вытер о галифе ладони, шагнул в траву, глянул на меня и хихикнул:

— Привели голубчика? Ну-ну...

Я все еще не боялся.

— Чего они вцепились? Скажите, чтоб отпустили! — сердито потребовал я.

— Отпустят, отпустят, — пообещал Хозяин. — Конечно. Только маленько опосля... Хе-хе... Как все дела оформим, так и отпустим.

— Какие еще дела?

— Документик надо составить. Как, значит, полагается. Что попытка воровства. То есть хищения...

— Врете вы все! Я у вас ничего не брал!

— А ключик-то кто хотел стащить? А? Мы тебя давно проследили, не отопрешься.

— Врете вы все, — опять сказал я. И глупо проговорился: — Не могли вы за мной следить, у меня ничего железного нет.

— Хе-хе... Как это нет? Да ты от своего компаса весь промагнитенный. И еще есть железное, только ты сам не знал. Эта самая... железная решимость, чтобы, значит, ключик чужой украсть и колечко не свое отпереть. Это мы нашим уловителем сразу определили. Не выйдет у тебя, нет... Освободитель нашелся! Сейчас мы на освободителя актик составим, а потом в суд. Все по закону...

«При чем тут суд? Псих какой-то», — подумал я. И все смотрел на блестящий ключик. И еще пытался разглядеть под рукавом пиджака браслет, но не видел.

Хозяин сел на ступеньку в двери троллейбуса, достал из-за пазухи большущий блокнот и ручку-самописку. За чем-то лизнул у ручки перо, добродушно посопел и поднял на меня глазки.

— Ну дак, значит, как фамилия, имя-отчество, год рождения и местопроживание?..

— Фиг вам, — сказал я.

Мои проволочные конвоиры сердито заскрежетали и сильнее вдавили колючки. А Хозяин ничуть не разозлился.

— Ну и ладно. Ну и так знаем... Хе-хе. Пяткин-то Лев Эдуардыч про тебя все данные сообщил. Вот так, хороший ты мой...

Вот оно что!

— Гад он, ваш Пяткин, — искренне сказал я. — Пьяница проклятая, всю совесть за бутылку продал. Шпион...

— Хе-хе, кому шпион, а кому надежный помощничек. Он у меня на тебе премию заработал, так что не отпирайся.

Я кипел от злой обиды и молчал.

— Ну и молчи, — покладисто проговорил Хозяин. — Все одно судить будем. Степа, давай принадлежности.

Колючий болван, который стоял в сторонке, со скрежетом полез в заднюю дверь троллейбуса и оттуда вывалил железную бочку. Подкатил, поставил перед Хозяином, как стол. Потом... потом приволок и положил на бочку громадный, как у палача, топор! С полукруглым зазубренным лезвием и кривым топорищем.

Вот тут я перепугался. Весь ослабел даже. И дышать перестал.

— Хе-хе, — обрадовался Хозяин. — Поржавела железная решимость-то, а?

— Ничего не поржавела... — слабо сказал я.

— Да ты не бойсь, — утешил он. — Топор-то, он так, для авторитета. Голову я тебе рубить не буду, что я, зверь кровожадный какой-нибудь? А вот постегать тебя придется, железной крапивой. — Он опять ржavo и отвратительно хихикнул. — Такой сорт специальный, очень для воспитания подходящий.

— У вас у всех одно и то же на уме, — бессильно огрызнулся я, вспомнив тетю Тасю.

— Хе-хе, — обрадованно отозвался Хозяин. — А уж опосля того дела браслет тебе для послушания... Степа, давай-ка.

Безобразный Степа, переваливаясь, побежал к темной опушке и вернулся с чем-то черным, длинным и колючим в лапе.

И тогда я рванулся!

Я боялся унижения не меньше, чем топора, и отчаянно дернулся из ржавых когтей. Они разодрали мне руки от плеч до кистей, но я взмыл над поляной и с высоты, не чуя боли, радостно и освобожденно заорал:

— Эй ты, ржавая кадушка! Взял, да?! Фашист паршивый! Прыгни сюда, я оборву тебе завязки на подштанниках!

Он и правда запрыгал! Забегал по поляне, хлопая чувяками, и несколько раз подскочил. Я снизился метров до трех и плюнул ему на макушку. И попал! Он завизжал, замахал кулаками, заорал:

— Хулиган! Спускайся, а то хуже будет!

Я захохотал. Знал, что хуже не будет.

Но... ведь и лучше не будет. Ключик-то у Хозяина. И заперты наглухо все ржавые браслеты...

Хозяин все бегал по кругу, ключик серебристой искоркой вздрагивал у него на груди.

И еще что-то сильно сверкало внизу. В траве. У передней стенки троллейбуса. Может, еще один ключик?

Мысль была, конечно, совершенно глупая, но я все же спикировал к земле. Хозяин со злорадным воплем кинулся на меня и, конечно, не успел: я взвился опять. Однако за секунду мне удалось разглядеть, что блестит среди травяных стеблей осколок стекла. Наверно, от разбитой фары.

У расколотых стекол всегда острые края...

А шнурок у ключика совсем тонкий.

Ну, давай, Славка, думай. Решайся...

Конечно, отпереть браслет на Хозяине я не сумею. Он со своими ржавыми дураками десять раз успеет меня скрутить. Но есть же другие браслеты! На Насте, на Глафире, на Степаниде. Был бы ключик!

— Спускайся лучше добром! — опять завопил Хозяин. Он стоял задрал голову и все тер ладонью лысую макушку.

Я сказал ненатурально и плаксиво:

— Ага, «спускайся». Чтобы вы меня отлупили, да?

Он сразу учуял новые нотки в моем голосе. Торопливо пообещал:

— Не буду, не буду! Да что ты! Пошутил это я... Ты спускайся, поговорим, обсудим все. По-хорошему, значит...

— Мне ваш ключик вовсе и не нужен, — обиженно сообщил я с высоты. — Пяткин вам наболтал, а вы этому пьянице и поверили... А я и не за ключиком прилетел, я хотел у вас колдовать научиться, вот...

— Ну и хорошо, ну и давай! — суетился он. — Я ведь чего... Я, конечно... это... научим! Ты давай, лети вниз-то... А? Ну, не бойсь.

— Ага, «не бойсь»... А эти дураки опять полезут. И так всего испарапали!

— Степа, Федот, Кузя! Брысь! — гаркнул Хозяин, и прислужники торопливо полезли в троллейбус. Хозяин опять задрал голову.

— Ладно... — сказал я. И почти со скоростью падения опустил перед троллейбусной кабиной. Сел. Правой ладонью быстро накрыл стеклянный осколок, а левой вцепился в согнутую коленку и громко ойкнул.

Хозяин быстро засеменял ко мне.

— Ой, — опять сказал я. — Кажется, ногу подвернул. — И в пятке колючка. Посмотрите, пожалуйста.

Хозяин сокрушенно закачал головой и наклонился надо мной, как добрый дядюшка. Ключик закачался у меня перед глазами. Я вцепился в него, потянул, а краем стекла полоснул по шнурку. И с добычей в кулаке рванулся вверх.

Хозяин страшно, нечеловечески завизжал. Запрыгал. Проволочные болваны стремительно выкатились из троллейбуса.

Но я уже летел к опушке леса! Мчался изо всех сил!

Только... Что это? Непонятная тяжесть перевернула меня вниз головой. Я задрогал ногами и брякнулся в траву у железных уродливых кустов.

Почему? Ох, балда, это же ключик! Я забыл, что с посторонними вещами летать нельзя, даже с самыми маленькими. Ключик совсем крошечный, а для меня все равно что якорь.

Но не мог же я его бросить!

А Хозяин и его колючие балбесы уже подбегали. Хозяин визжал:

— Шпана! Ворюга! В лапшу искрошу, сопляк паршивый!

И я по земле бегом ринулся в чашу ржавого леса...

Ну, как про это написать? Если бы мне кто-нибудь раньше сказал, я и сам бы не поверил, что смогу пробиться сквозь такую режущую, рвущую, колючую жуть. Но я пробивался. Гнилое железо листьев полосовало меня острыми краями. Лианы из колючей проволоки раздирали рубашку и кожу. Трухлявая железная чешуя прилипла к лицу и сыпалась за ворот. Но я не останавливался. Потому что за мной, не догоняя, но и не отставая, ломились через лес Хозяин и его слуги. Хозяин уже ничего не кричал. Я слышал только сиплые выдохи и скрежет.

Я телом пробивал в ржавых зарослях просеку. Как тяжелый пушечный снаряд. Я так и твердил себе: «Я снаряд, я из стали, мне ничего не страшно, мне ничуть не больно, вперед!» Я заставлял себя думать об этом без передышки. Потому что если бы я подумал о другом — о том, что тяжело дышать, и о том, какой длинный путь, и о том, сколько у меня царапин и порезов, — тогда я сразу упал бы. Но я снаряд! Мне никем нельзя больше быть! Снаряду не больно! Снаряд — вперед!..

Не знаю, случайно ли я выбрал тогда путь... То есть знаю, что не случайно. Потому что сквозь боль, сквозь ржавый бред несколько раз пробивалось воспоминание о дяди-Борином компасе. Белый наконечник стрелки словно вспыхивал впереди, и я, не размышляя, мчался именно к нему. А может быть, это мне уже потом казалось, когда вспоминал?

Так или иначе я вылетел прямо к железной свалке. Вернее, на лужайку, что отделяла свалку от ржавого леса. И тут, когда пробиваться уже стало не надо, силы у меня кончились.

Нужно было еще пробежать по логу, вскарабкаться по заросшему откосу, добраться до баньки, отпереть один браслет. Лучше всего Настин. А я стоял и двинуться не мог. Отчаянно болели порезы, и с пальцев капала на босые ноги теплая кровь.

Из черной ржавой чащи выскочил Хозяин. За ним с дребезжаньем продрались проволочные слуги. Хозяин семенил ко мне, размахивая кулаками, и что-то кричал блеющим голосом. А слуги скрипуче переваливались.

Я глядел на них беспомощно и даже без злости. Но потом злость все же колыхнулась во мне и подтолкнула. Я посмотрел: чем бы в этих гадов бросить? Увидел у ног в траве бутылку с разбитым горлышком. Поднял ее, скользкую и тяжелую, кинул в Хозяина. Вместе с бутылкой сорвались с пальцев темные шарики крови.

Взмах у меня оказался слабый, бутылка упала в пяти шагах. Я заплакал от досады и беспомощности.

А Хозяин вдруг остановился. И его дураки тоже.

Хозяин заругался. Он испугался чего-то. И я увидел — чего! Между нами стремительно выростали и разворачивали острые листья несколько топольков. Они поднялись двухметровые, тонкие, трепещущие под луной.

Я не удивился. Слишком я был измучен. В моих скачущих, раздерганных мыслях вставшие топольки как-то увядали с упавшими на землю каплями крови. И я опять махнул рукой.

И еще несколько тополя взметнулись между мной и врагами!

Тогда я засмеялся сквозь слезы. И еще раз бросил в землю теплые брызги тополиной крови. И тоненькие деревца встали четкой шеренгой.

Хозяин мелко бегал вдоль этой шеренги, верещал, но, видимо, не смел пересечь волшебную линию.

Я повернулся и медленно побрел по мокрой траве. У железной сторожки горела яркая лампочка. Я обрадовался. Не надо спешить к ведьмам. До них, до ведьм-то, еще долго добираться, а кто знает, сколько времени удержит Хозяина строй тоненьких тополя?

— Дедушка... — позвал я слабым голосом.

Старик с проволочной бородкой появился сразу. Тонко вскрикнул, заохал, увидев меня, но я сказал:

— Где кольцо-то, дедушка? — И разжал левый кулак. И сверкнул в лунном луче ключик. Старик опять тонко вскрикнул и, кажется, заплакал.

У меня в голове гудело от усталости и боли. Я из последних сил улыбнулся и проговорил:

— Вот... Где тут шелка?

Шелка-скважина сразу нашлась, ключик повернулся легко и моментально рассыпался в порошок («А еще не ржавейка», — подумал я).

Тяжелое кольцо упало и больно стукнуло меня по ноге.

— Сыночек ты мой, — тихо сказал старик.

А позади, где остался Хозяин, я услышал тоскливый, за-тихающий вой...

Старик легко поднял меня. На траву упало несколько лоскутков — остатки моей тополиной рубашки...

— Куда же тебя, родной ты мой? К доктору надо бы, а как среди ночи...

— К Насте, — пробормотал я. — Она вылечит...

Потом помню только Настины теплые пальцы и сиплый шепот Глафиры:

— Ты, само главное, кровь останови. В ём и так кровушки-то всего как в пташке...

И бубнящий голос Степаниды:

— Я лунную травку замешала, чтоб зараза никакая в его не попала, микробы всякие...

Боль поутихла, но совсем не прошла. До конца вылечить меня так быстро не могло, видно, никакое колдовство.

А может, как порвалась ржавая цепь Хозяина, так ведьмы потеряли волшебную силу?

И уже дома, в постели, я сквозь сон ощущал, как ноют мои ссадины и порезы...

ПОСЛЕ СКАЗКИ

Мама утром увидела, во что превратился мой костюм, и взялась за голову. Она даже не ругала меня, а только повторяла:

— Это не ребенок, а ужас. Это где же так надо носить-ся, чтобы изодрать все в клочья? Уму непостижимо...

Я лежал под натянутым до носа одеялом и виновато бубнил, что мы с ребятами лазили на свалке и я застрял в колючей проволоке.

— Неужели свалка — подходящее место для игр? — печально спросила мама. — Ты ведь не только одежду мог изорвать, но и сам исцарапаться. Ты цел? Ну-ка...

Она дернула с меня одеяло и опять взялась за голову.

Потом она мазала меня тройным одеколоном и бинтовала. Я терпел, только шипел сквозь сжатые губы. Наконец лечение кончилось, и мама велела мне весь день сидеть дома. Не в наказание, а просто другого ничего не оставалось: куда я пойду такой изодранный и запеленутый, как мумия?

Что же, я сидел и вспоминал ночные приключения. И разные были во мне чувства. Гордость была, потому что я победил Хозяина. Радость была, потому что ржавые люди теперь все расколдованы и могут жить по-человечески. И грустно было, что летать больше не смогу. Неужели никогда не смогу?

А может быть, ведьмы что-то придумают и помогут мне?

Но тополиного пуха для пряжи теперь нет и не будет до нового июня. Целый год ждать! Да к тому же я догадывался, что Настя, Глафира и Степанида уже и не ведьмы. От

ржавой неволи избавились, но и волшебство, наверно, потеряли...

Ладно. Все равно их надо навестить. Узнать, как идет их вольная жизнь. Спасибо скажут — и то хорошо. А может, хотя бы их мазь для царапин сохранила волшебную силу?

Кое-как я дождался полуночи. Выбрался в окно и двинулся по огороду. Шел я без опаски, потому что привык: в это время все крепко спят. И я ужасно перепугался, когда за кустами смородины кто-то заверещал и кинулся от меня напрямик через гряды.

Я упал на четвереньки в ботву и лишь спустя минуту догадался, что это была Нюра. По визгу догадался. Она, видимо, шла от уборной, увидела меня в бинтах и решила, что это мертвец или привидение.

Теперь своими воплями она перебудит весь дом! Пришлось возвращаться через окно в постель.

Нюра, однако, никого не разбудила. С полчаса я слышал сквозь заколоченную дверь, как она постанывает и стучит зубами на своей лежанке, потом опять стало тихо. Я поднялся...

На этот раз я добрался до бани без приключений. Оконце не светилось. В бане было пусто. Исчез дощатый стол, исчезли прялки, ткацкий станок, швейная машина. Это я определил на ощупь, потому что стояла темнота. Луна пряталась за тучами, а лампочка не зажглась, сколько я ни щелкал выключателем.

На мой робкий оклик никто не отозвался.

Сразу, отчетливо и полностью понял я, что сказка кончилась. И даже показалось, что ничего не было: ни ведьм, ни тополиной рубашки, ни Хозяина. Может, я все придумал, а теперь просто так пришел сюда? Я готов был поверить в это, да только откуда бинты и ноющие царапины?

Впрочем, к утру царапины перестали болеть и засохли. Бинты я размотал. Правда, пришлось натянуть длинные штаны и раскатать рукава у ковбойки, потому что выгля-

дел я все-таки ужасно ободранно. Маму я убедил, что совершенно здоров, и помчался к друзьям на улицу Герцена.

Там, во дворе, я увидел Вовку Покрасова, Тольку Петрова, Амира и еще нескольких ребят. Был среди них и Лешка Шалимов. Оказалось, его пригласили, чтобы он помог решить сложный вопрос: как достать из развилки тополя Вовкин самолет. Вовка соорудил модель из дражок, бумаги и резины, и они с Толькой пустили эту штуку из окна Толькиной квартиры, со второго этажа. Самолет сделал вокруг тополя вираж и застрял в разветвлении ствола. В таком месте, куда никому не удавалось добраться.

Когда я подошел, все обрадовались:

— Ура, Славка достанет!

Лешка хлопнул меня по спине и сказал:

— Давай проявляй свои способности.

Я покачал головой:

— Не могу.

Толька Петров сразу разозлился:

— Почему не можешь? Надорвешься, что ли?

Я понимал, что хитрить бесполезно. И сказал сразу:

— Всё, ребята. Отлетелся я. Больше уже никогда не смогу.

Они сразу поняли, что это всерьез.

— А что так? — сочувственно спросил Вовка Покрасов.

Ответить я не сумел, потому что заскребло в горле и защипало в глазах. Чтобы этого не заметили, я запрокинул лицо и стал смотреть на застрявшую модель. Ее растрепанный хвост косо торчал из развилки. А на тополе трепетали и тихонько лопотали о чем-то листья... А может, они мне что-то лопотали? Может, сказать хотели что-то, утешить? Наверно, так и было! Это же мой тополь, в моей крови капелька его сока! Значит, он меня понимает...

— Подождите, парни, — сипловато от подступивших слез сказал я. — Отойдите пока... Я попробую...

Они, конечно, ничего не поняли, но послушно отступили от меня и от тополя, а я шагнул к стволу, погладил

бугристую кору. Даже щекой к ней прижался. И прошептал:

— Ну зачем тебе этот самолет? Отдай... Вовка с Толькой делали, старались... Ну, пожалуйста...

Может, и правда тополь услышал и встряхнулся. А может, ветер дунул покрепче. Похожая на крылатую табуретку модель вывалилась из развилки и с треском приземлилась у крыльца.

— Ну и дрова, — сказал Лешка Шалимов. — Стоило из-за такой развалины шум подымать...

Вовка и Толька ответили, что им и такая модель хороша, а кому не нравится, пускай делает сам. Дровами обзывать каждый может, а вот смастерить что-нибудь...

Они понесли свою летающую табуретку ремонтировать, почти все ребята пошли за ними, а Лешка и я сели на крыльце.

Лешка поглядел на меня сбоку и спросил осторожно:

— Так что с летаньем-то с твоим? Разучился, значит?

— Не в том дело, что разучился. Просто рубашка изовалась. Ну, та, с листиками. А я только в ней мог...

— И починить нельзя?

Я помотал головой.

— Ну, ничего. Все же ты кое-что успел, — сказал Лешка. Он был мудрый человек. — Другие всю жизнь проживут, а взлететь ни единого разика не могут. А ты вон сколько летал. Что было, то было...

И мне стало гораздо легче. Даже веселее. В самом деле, подумал я, мне повезло. Я летал. Это было, и эту частичку жизни, эту сказку у меня никто не отнимет, потому что я всегда ее буду помнить... Конечно, я не так четко это думал, как пишу сейчас. Но все равно я это чувствовал.

«А может быть, и еще когда-нибудь удастся полетать», — сказал я себе в утешение.

— А может быть, и еще когда-нибудь полетаешь, — сказал Лешка. И я был ему очень благодарен.

Жизнь побежала, как прежде. Обычная летняя мальчишечья жизнь: с купаньем, с футболом, с вечерними играми в мушкетеров и сыщиков-разбойников. Приходилось, конечно, и в магазинных очередях стоять, и на рынок ходить за картошкой, и с Леськой нянчиться (а он вредный такой рос, паршивец). Но все-таки свободы мне хватало. Как убегу в середине дня в дяди-Борин двор под тополем, так и живу там до сумерек.

Правда, сумерки теперь наступали раньше: незаметно подобрался август. Был он нежаркий, но солнечный, с ласковым теплом, с паутинками в тихом воздухе. Листья тополя начали кое-где желтеть и подсыхать по краям. Но это было еще лето!

В один из таких дней к нам в город приехал театр из Тобольска. Для ребят он показывал «Снежную королеву». Спектакли шли в летнем павильоне, в саду напротив городской библиотеки.

Я у мамы выпросил трешку, но билеты в кассе оказались распроданы. Мы с Вовкой, Толькой и Амиром грустно сидели на лавочке под березами и смотрели на счастливых, которые показывали контролерше синие билеты и проходили внутрь.

— Может, попробуем «на протырку»? — предложил Амир.

— Ага, попробуй, — сказал Вовка. — Вон какая ведьма сидит...

Контролерша была хмурая, толстая, в очках и надвинутом на лоб платке. При слове «ведьма» меня будто подтолкнули. Я пригляделся. На мясистом лице контролерши торчали коричневые волосатые бородавки. Сердце у меня стукнуло.

Я поднялся и начал прохаживаться у входа в театр.

Конечно, я ни в чем не был уверен. Ведь я ни разу не видел ржавых ведьм при свете дня и сейчас вполне мог ошибиться. Тем более что старуха не обращала на меня ни малейшего внимания.

И чего я тут топчусь? Глупо. И ребята уже смотрят на меня с ухмылками...

В дощатом павильоне протренировал второй звонок. К входу пробежали две опоздавшие девчонки с бантами, и контролерша осталась одна. Грузной своей фигурой она полностью загораживала дверь. Я тихонько плюнул с досады и пошел к ребятам... И услышал за спиной бубнящий голос:

— Ну-к, ты чё пошел-то? Подь сюды...

Я подскочил. Бабка глядела булавочными глазками сквозь очки. Степанида или нет? Она кивнула в темную глубь павильона:

— Иди. Да только тихо там, в уголке сядь...

— Не... — вздохнул я и оглянулся на скамью. — Без ребят я не могу.

— У, шалапуты. Ну дак зови быстро, чё стоишь...

Я возликовал и махнул Тольке, Вовке и Амиру. Их сдуло со скамьи...

И еще была встреча.

На углу Первомайской и Герцена, рядом с городским театром, продавали мороженое. Замечательное мороженое, сейчас такого не делают. Его черпали ложкой из жестяного бачка, обложенного кусками льда, набивали в формочку, где лежала вафля, накрывали другой вафлей (тоненькой и хрустящей) и выдавливали из формы плоский, снежно сверкающий цилиндрок. Идешь по улице, лижешь его молочные, льдисто-сахарные бока, и весь белый свет кажется прекрасным...

У меня были три рубля, а маленькая порция стоила как раз трешку. Я стоял и терзался: купить мороженое или оставить деньги на кино? В «Темпе» шла прекрасная комедия «Цирк».

Наконец я трезво рассудил, что кино — это почти два часа удовольствия, а мороженое — не больше чем на десять минут. И решил, что лучше попрошу у продавщицы бес-

платно кусочек льда. Его можно бегом донести до двора, а там сунуть за шиворот Вовке или Амиру (рыжему Тольке не надо — он лишен чувства юмора). Если продавщица тетка не сердитая, лед она даст...

Я подошел. Продавщица была молодая. Высокая, с крутым лицом и... с глазами Насти. Только у Насти под глазами всегда были тени и морщинки, а у этой — ничего подобного. Я растерянно остановился. Мы встретились взглядами. Она смотрела весело, но непонятно.

Настя или нет?

А если Настя, узнала ли меня?

Она улыбнулась:

— Ну, чего встал-то? Иди сюда.

Я смутился. Подошел, неловко царапая сандалиями асфальт.

— Дай-ка я тебя угошу, — сказала она полушепотом. И это был такой знакомый полушепот...

— Да не... зачем... — пробормотал я, сам не знаю отчего.

Но она сделала мне большую шестирублевую порцию.

— Бери, бери...

«Ну, скажи «Тополёнок», — мысленно попросил я. — Скажи, а?»

Только она не сказала. Просто смотрела и улыбалась. Я взял мороженое, пробормотал «спасибо». Хотел пойти. Но она опять заговорила громким шепотом:

— Слышь-ка, сделай одно дело, а? Вон туда, за угол, краснофлотец прошел, он у меня сейчас порцию купил, а сдачу забыл. Скажи, чтоб вернулся и взял. Догонишь?

Я кивнул и побежал. Конечно, я должен был помочь, да и моряка хотелось посмотреть: не так уж часто они бывали в нашем городе.

Высокого флотского старшину в белой форменке и белой фуражке я догнал на углу Первомайской и Ялutorовской. Он шагал, чуть покачиваясь, и мороженое лизал как-то особенно лихо. По-морскому!

Я забежал спереди и выдохнул:

— Товарищ моряк! Вы деньги забыли взять!

Он остановился, глянул с высоты из-под козырька.

— Не понял вас...

— Ну там, у продавщицы с мороженым. Она говорит, вы сдачу не взяли.

Он шевельнул бровями, подумал секунду.

— Да нет, взял я сдачу.

Тогда я настойчиво сказал:

— Все-таки вы вернитесь. Для выяснения. Она просила.

Он опять пошевелил бровями, постоял. Круто повернулся и зашагал назад. Оглянулся, подмигнул мне и опять зашагал.

Я постоял и вдоль забора осторожно двинулся следом. Потом спрятался за колонной у театрального подъезда и стал смотреть. Старшина подошел к продавщице, они о чем-то поговорили, затем стали смеяться. И мне тоже стало весело. И я все смотрел на них и думал: «Ну вот, все хорошо...»

Мороженое таяло у меня в пальцах, молочной стружкой бежало по голой руке и белыми звездочками падало на сандалии...

Вот и вся история. Все, что было потом, отношения к ней не имеет. Глафиру или кого-то на нее похожую я не встречал. И Льва Эдуардовича Пяткина не встречал. Да и наплевать на него, на предателя! Если бы встретил, кинул бы в него пустым подсолнухом или еще чем-нибудь...

Скоро наступила осень, но я все равно ходил к друзьям на улицу Герцена, и мы по-прежнему играли во дворе, если не было дождя.

Тополь стоял золотой, и листья его засыпали двор.

Иногда я оставался ночевать у дяди Бори. По вечерам он в кухне варил на таганке картошку и мы с ребятами сидели у огонька и разговаривали.

Однажды, когда разговор шел о всяких таинственных делах, я рассказал всю историю про ржавых ведьм и Хо-

зяина. Все слушали внимательно, однако в конце Толька Петров сказал:

— Все это брехня.

— Не брехня, а выдумка, — заступился Вовка Покрасов. — Нельзя, что ли, придумывать? Жюль Верн тоже придумывал.

— А вот и не выдумка, — заспорил я. — Если я все выдумал, тогда почему я летал?

— Подумаешь, летал, — хмыкнул Толька. — Если потренироваться, то каждый сможет... А никакого Хозяина не было.

Я хотел задрать рубашку и показать на животе следы от старых царапин: еще сохранились розовые полоски на загаре. Но подумал: кого удивишь царапинами?

Амир сказал:

— Придумал не придумал — какая разница? Главное, что интересно.

Дядя Боря молчал и улыбался.

Лешка Шалимов тоже сидел здесь и тоже улыбался. Он был почти взрослый.

Я повернулся к нему:

— Леша, скажи им!

— Да чего говорить, — отозвался он. — Пусть не верят. Ты-то знаешь, что было, а чего не было...

Я немножко обиделся. Но самую капельку. Обижаться всерьез не хотелось. На кухне в сумерках было хорошо, трещал огонек, тополь шумел за окном по-осеннему. В такие минуты нет настроения ссориться.

А кроме того, я и сам понимал, что сказка — это сказка.

Кое-что мне, наверно, приснилось, а кое-что я, кажется, выдумал, потому что не мог жить без фантазий.

Впрочем, сама жизнь этим фантазиям помогала. В октябре к нам в школу пришла новая вожатая и объявила, что все пионеры должны заняться важной работой: собирать старое железо. Нашим заводам нужен металл. Я вспомнил про свалку в логу и подумал: железа там столько, что наш отряд сразу займет первое место.

Но, может, никакой свалки там нет? Может, она мне тоже приснилась?

Я отыскал в логу тупик с покрытыми сухим бурьяном откосами. Железо там было, несколько груд. Видимо, они лежали здесь давно, потому что сквозь ржавые листы и проволоку проросли тонкие топольки... Давно ли? А может быть, этим летом?

Мы долго таскали металлолом на школьный двор и в самом деле заняли первое место. Даже грамоту получили.

...И вот еще что было по правде! Тополиная рубашка! Ну, может, не тополиная, но белая, с красными вышитыми листиками на широком вороте. Лоскутки от нее я сберег до следующей весны и в марте сшил из них паруса для соснового кораблика. Хорошие получились паруса, кораблик бежал быстрее всех по луже, которая разлилась у подножия старого тополя. Когда мой кораблик далеко обогнал Толькину яхту с непромокаемым парусом из бересты, я сказал Тольке:

— Вот! А ты не верил!

Он ничего не понял, но на всякий случай надулся. Но ненадолго. День был хороший, дул теплый ветерок, и солнце рассыпало по луже праздничные вспышки. Оно прошивало прямыми лучами ветки тополя, на котором уже начали набухать почки.

ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ

Ох как ругала она себя за эту фантазию — за то, что решила сойти с поезда в Каменке и добраться до Верхоталья катером. Наслушалась о красоте здешних берегов, вздумала полюбоваться!

Берега в самом деле были красивые — заросшие лесом, где перемешались ели, сосны и березы. Иногда из воды подымались отвесные ребристые скалы... Но катер оказался калошей, он еле полз против течения. Двигатель чадил, будто испорченная керосинка, на которой жарят проухшую рыбу.

Командовал катером парень чуть постарше Юли. Сперва он Юле даже понравился за свою тельняшку и за фуражку с «крабом», почти такую же, как у Юрки. Но парень оказался нахальный. Сердито выкатывал белесые глаза и орал на пассажиров, чтобы не толпились на сходнях. У чахлой деревенской пристани с фанерной вывеской «Петухи» этот капитан заявил, что «Верхотальская станция забрала воду и дальше судно не пойдет, потому что у него осадка». На катере к тому времени из пассажиров остались, кроме Юли, две бодрые бабки да подвыпивший небритый дядя с кошелкой и завернутыми в рогожу граблями. Дядя послушно выкатился на берег, а бабки заругались и пронипательно высказали мнение, что не в станции и не в осадке дело, а в самом капитане, который хочет вернуться в Каменку к началу телефильма про Штирлица. А им теперь на старости лет восемь километров топать на своих двоих.

Юля тоже сказала, что это свинство.

Парень, однако, не смутился. Бабкам он сообщил, что спешить им некуда, потому что крематорий в Верхоталье

еще не построен, а Юле сказал, что пускай лучше возвращается в Каменку и они вдвоем пойдут на танцы. Только пусть она во время танца нагибается получше, а то потолки в клубе низковатые. В ответ он услышал насчет сопливых паромщиков, которые воображают себя Магелланами. Но делать было нечего, пришлось высаживаться.

Бодрые бабки убежали вперед и проголосовали автофургону, который пылил на проселочной дороге. Дядька с граблями куда-то исчез. Юля без попутчиков зашагала по укатанной, но не пыльной колее. Ну и ладно!

Дорога то ныряла в лес, то выбегала к самому берегу, места оказались интересные, чемоданчик был легкий, сумка на плече висела удобно, и шагалось хорошо. По сторонам краснели кисти рябины. День стоял нежаркий, хотя и солнечный. И одно было плохо — день этот клонился к вечеру, и Юля боялась, что не успеет до закрытия библиотеки.

Так и вышло. Когда она дотопала до города, расспросила, где библиотека, и выбралась к одноэтажному кирпичному дому, на старинной резной двери висел ржавый замок (наверно, тоже старинный, от купеческого лабаза). Юля потопталась на высоком гранитном крыльце, обозрела с него заречные окрестности с деревянными кварталами и лесом у горизонта, а потом через сад вышла на центральную улицу.

— Люди, где тут у вас гостиница? — спросила она двух пацанят с удочками.

Мальчишки глянули снизу вверх, пощупали глазами нашивки на ее стройотрядовской курточке, и старший толково разъяснил, что гостиница на другом конце Верхоталья.

Все выходило одно к одному, и Юля начала злиться. На судьбу и на себя. А мальчишки смотрели ей вслед, и она услышала за спиной:

— Во, жердина...

В ребячьих словах было больше восхищения, чем насмешки, однако настроение испортилось еще больше.

В двухэтажной гостинице на подоконниках цвела густая герань. Дежурная администраторша — рыхлая тетка в шлепанцах — жарила на плитке грибы. Она показалась Юле добродушной. Но в ответ на Юлины слова о жилье тетка непреклонно сказала:

— Ты что, голубушка! Тут строители нефтенасосной станции поселились, не продохнуть. По двое на одной кровати... Это сейчас тихо, а чуть позже знаешь как оно будет!

Юля устало брякнула на пол чемодан. Села на табурет. Тетка смягчилась:

— Ты, видать, на работу сюда?

— Почти, — вздохнула Юля. И, надеясь разжалобить администраторшу, подробно объяснила, что закончила второй курс культпросветучилища, в июле была со стройотрядом в Артемовском овощесовхозе, а сейчас приехала на двухмесячную практику в детскую библиотеку. Приехать-то приехала, а куда деваться?

— Ну дак заведующая ихняя, Нина Федосьевна, пушай тебя и устраивает, — рассудила администраторша. — Она женщина строгая, образованная, но справедливая. При библиотеке али у себя в квартире и поселит, дом у нее большой. На улице Пионерской, бывшей Гимназической, напротив магазина «Фрукты — овощи». Там спросишь... Грибочков хочешь?

— Хочу, — опять вздохнула Юля.

— Вот и умница. Ты давай прямо со сковороды...

После неожиданного ужина стало веселее. Юля отправилась искать дом Нины Федосьевны. Снова через весь город. Впрочем, «город» — это было одно название. Кое-где встречались двухэтажные кирпичные дома явно девятнадцатого столетия — с полукруглыми окнами на верхних этажах и чугунным узором парадных крылечек. Попадались древние купеческие лавки с современными вывесками «Промтовары» и «Керосин». На запертых дверях ржа-

вели могучие кованые петли. А в основном дома были деревянные, с палисадниками и лавочками у калиток.

Над крышами с затейливыми дымниками печных труб, над воротами с разошедшей резьбой, над косыми заборами и тополями возвышался, будто горный массив, полуразрушенный серовато-желтый собор. Провалы его окон темнели, как пещеры, а купола и башни были похожи на облизанные ветрами вершины.

Юля догадалась, что это храм знаменитой в прежние времена Верхотальской обители. Когда-то сюда стекались паломники из многих городов. А сейчас в монастырских кельях и трапезных работал механический завод — самое крупное здесь предприятие. Про завод Юля тоже знала: у них в канцелярии училища стоял сейф с большим клеймом «Верхотальский МЗ».

Дом заведующей Нины Федосьевны Юля отыскала легко. У калитки копошились куры: в подорожниках и жесткой траве пастушья сумка вылавливали букашек. Юля побрякала железным кольцом шеколды. Вышла девица лет пятнадцати, вполне столичного вида, в новеньких джинсах и майке с ковбоем и надписью «Rodeo». Естественно, сперва воззрилась на Юлю, потом сообщила, что «тетя Нина уехала в Каменку и вернется завтра прямо на работу».

«Вот и все, — подумала Юля даже с некоторым удволением. — Дальше ехать некуда...»

Оставалось топтать на станцию и коротать ночь в зале ожидания. Вообще-то было не привыкать: в турпоходах и в стройотряде случалось всякое. Но, во-первых, там она была не одна. Во-вторых, здесь неудачи сыпались одна за другой. И главное, сама виновата!

Где Верхотальский вокзал, Юля понятия не имела и побрела наугад. А вернее — так, чтобы солнце светило не в глаза, а в спину. Через квартал она увидела зеленый домик с вывеской «Почта». Как ни странно, почта еще работала.

«Не заходи, — сердито сказала себе Юля. — Окажется, что письма нет, и тогда будет совсем скверно». И конечно,

пошла. И дала пожилой симпатичной женщине за стеклянной загородкой студенческий билет. Женщина полистала тощую пачку писем и сказала слегка виновато:

— Ничего пока нет. Заходите еще... — И улыбнулась.

Эта улыбка Юлю не утешила. Теперь и в самом деле все было так, что хуже некуда. К тому же снова захотелось есть. С самыми досадливыми мыслями Юля снова побрела по улице Пионерской, бывшей Гимназической. Но к досаде и унынию чуть-чуть, крадучись, уже примешивалось любопытство. По некоторому опыту жизни Юля знала, что жизнь эта изменчива. И если все абсолютно плохо, измениться может только к лучшему.

Через тополиный сквер Юля снова вышла на речной обрыв — недалеко от знакомой библиотеки и обшарпанной, но все равно красивой церкви. Легкая шатровая колокольня была похожа на ракету. Она возносилась над куполами, над деревьями, и под кружевным покосившимся крестом, на круглой, как мячик, маковке, горел в остатках позолоты солнечный огонек.

Щурясь на этот огонек, Юля пошла вдоль остатков кирпичной стены с бойницами. Стена упиралась в полуразрушенную башню с островерхой крышей и флюгером. На флюгере светились сквозные цифры: 1711. Фундамент башни был сложен из неотесанных гранитных глыб. Из щелей росли березки.

Юля по тропинке обошла башню и увидела, что из фундамента в метре от земли торчит короткая деревянная балка.

Верхом на балке сидел растрепанный мальчишка.

Он смотрел куда-то через реку, посвистывал и качал ногами в незашнурованных кедах и пыльных сбившихся гольфах морковного цвета. На нем была майка с короткими рукавами — тоже неопределенно-морковная — и шорты кирпичного оттенка с оттопыренными карманами и в темных пятнах какой-то смазки. И весь мальчишка, облитый вечерними лучами, казался нарисованным оранже-

выми и красными мазками. Даже загар был розоватый. Впрочем, слабенький был загар, это и понятно: к рыжим солнце прилипает неохотно. А мальчишка, безусловно, относился к племени рыжих. Но он был не просто рыж — в его нестриженных космах смешались оттенки апельсина, томатного сока, терракоты и угасающих закатных облаков... Мальчишка услышал шаги и обернулся.

И Юля заулыбалась.

Было невозможно не заулыбаться, увидев мальчишкино лицо. Он смотрел, как смотрит с детских книжек сказочное солнышко. Весело сощурился и растянул до ушей потрескавшиеся губы. Маленький нос и щеки словно маковым зерном усыпали мелкие, почти черные веснушки. Причем одну щеку гуще, чем другую. На подбородке тоже сидело несколько веснушек, покрупнее.

— Привет, — сказала Юля.

Он мельком, без особого любопытства, оглядел ее и сказал:

— Ага... здарсьте. — И заулыбался еще шире. У него были крупные желтоватые зубы, и один рос криво, но это ничуть не портило улыбку.

Секунды три они выжидательно смотрели друг на друга. Мальчик пригасил улыбку, перекинул ногу и соскочил в лопухи. Деловито спросил:

— Ну что, пойдём?

Следовало, конечно, узнать, куда «пойдем». Но мальчик вел себя так, будто они про все договорились. Юле стало интересно. Кроме того, «все к лучшему». И она кивнула.

Он зашагал впереди, по тропке среди репейников. Лопухи сердито чиркали по его ногам, а репы хватали за майку, и он отрывал их на ходу. Несколько раз оглянулся: не отстает ли спутница?

В стене открылся круглый пролом.

— Сюда, — сказал мальчик. — Давайте чемодан.

— Ничего, я сама... — Юля пролезла вслед за провод-

ником. С внутренней стороны стену украшали глубокие полукруглые ниши. Как в больших крепостях.

— Что здесь было? — спросила Юля. — Монастырь или кремль?

— Воеводство, — охотно откликнулся мальчик. — При Петре Первом. Вон в тех длинных домах солдаты жили, а там, где библиотека, офицеры... Такие, в треугольных шляпах, со шпагами... — Он опять весело оглянулся. — Интересно, да?

— Еще бы, — сказала Юля.

— А воеводский дом не сохранился, сторел. Он недалеко от церкви стоял, вон там... — Юлин проводник мотнул красными вихрами в сторону колокольни, потом остановился, задрал голову. — Красивая, да?

Они стояли уже рядом с церковью, и она нависала над головами. Настоящая русская сказка раскинулась в вечернем небе с позолоченным облаком: узорчатые кирпичные башни с куполами в виде громадных луковиц, маковки, узкие проемы окон, карнизы и витые столбики, как в древних теремах. И над всем этим ракетное тело колокольни, строго нацеленной в зенит.

— Ее все время художники рисуют, из разных городов приезжают, — сказал мальчик. — Она называется Покровская. Знаете почему? Бабки говорят, что праздник Покров раньше был, когда первый снег выпадал. А вы не художница?

— Нет, — откликнулась Юля. — Правда, немножко пробовала рисовать, для себя...

— Это хорошо, — негромко заметил мальчик и быстро спросил: — Ну, полезем?

— Куда?

Он слегка удивился и кивнул на колокольню.

У Юли чуть заглодело под сердцем.

— А... нам не влетит?

Рыжий проводник снисходительно сказал:

— Туда все лезят, кто хочет. От кого влетит-то?

Над крутым церковным крыльцом блестела черным стеклом вывеска, на которой значилось, что здесь находится Верхотальский городской архив. Замок на двери (такой же большущий, как на библиотеке) убедительно доказывал, что в архиве никого нет. И кругом никого не было, только воробьи шуршали в темных кленах.

Мальчик решительно взял Юлин чемоданчик и сунул под гранитные ступени крыльца.

— Там никто не найдет, не бойтесь... Ну, пошли.

— Ох... пошли, — сказала Юля. И подумала, что ночевать не на вокзале, а в милиции — это еще хуже. Но признать в таких страхах постеснялась. Да и любопытно было забраться на колокольню. И обижать мальчишку не хотелось, новый знакомый ей нравился. К тому же остаться опять одной — чего хорошего?

Они обошли церковь, и за березовыми кустиками, в кирпичной кладке алтарного закругления, Юля увидела узкий вход без двери — просто щель с полукруглым верхом. На миг Юле стало жутковато. Даже шевельнулось глупое подозрение: нет ли здесь какой-нибудь ловушки? Но мальчишка смотрел ясно и доверчиво. Раздвинул ветки:

— Вы идите вперед, только осторожно. Там винтовая лестница, ступеньки крутые. Если что, я вас сзади подхвачу.

Она глянула на него — маленького, тонкоплечего.

— Если случится «что», я тебя, пожалуй, раздавлю...

— Не, я жилистый.

Юля оказалась как бы в круглом колодце. Каменные стертые ступени уходили вверх туго завинченной спиралью. С высоты сочился неясный свет. Юля стала подниматься, то и дело хватаясь за верхние ступени, — почти на четвереньках. Мальчик неотрывно лез за ней. Дышал он с шумным сопеньем. «Наверно, простужен», — подумала Юля.

Висевшая через плечо сумка цеплялась за камни. Юля пожалела, что не оставила ее внизу. И тут же мальчик сказал:

— Вам сумка мешает. Давайте ее мне, здесь углубление, вроде полочки. Оставим, а обратно пойдем и заберем.

Юля с облегчением сбросила с плеча ремень.

Ох и высоченная была лестница! Гудели ноги, от бесконечного спирального верчения кружилась голова. Наконец в полукруглый проем ударили оранжевые лучи, и Юля выкарабкалась в круглую каморку. Мальчик — за ней. Он сопел и улыбался.

— Устали? Это почти полпути...

— Ничего я не устала, — с фальшивой бодростью сказала Юля.

Мальчик понимающе кивнул и полез в окно.

— Выбирайтесь сюда. Только потихоньку, тут карниз узкий. Вниз лучше не смотрите...

Юля все-таки глянула вниз, когда из окна ступила на покрытую железом кромку. И тут же отвернулась (она и в походах, на скалах и обрывах, побаивалась высоты). Старые клены шелестели внизу. Видимо, здесь был край церковной крыши. Юля вцепилась в кирпичи. А мальчишка стоял в двух шагах, у темной кирпичной арки, протягивал руку и улыбался. И Юля вдруг заметила, что глаза у него разные: правый — просто серый, а левый — серовато-карий, с золотыми прожилками. В этом золотистом глазу на краю большого зрачка стреляла крошечными лучами искорка.

«Чертенок», — усмехнулась Юля. Сжала губы, шагнула по кромке и тоже оказалась в арке.

Теперь они поднимались уже внутри колокольни.

С этажа на этаж вели шаткие лестничные марши. Пересохшие доски ступеней пощелкивали под ногами, от них взлетала тонкая пыль. Запах этой пыли смешивался с запахом старых кирпичей. Колокольня была восьмигранная. На трех ярусах в каждой из восьми стен зиял громадный оконный проем с полукруглым верхом и перекладной (на этих перекладах, видимо, висели когда-то колокола). За пустыми проемами вырастал и словно по-

дымался следом за Юлей темный лесной горизонт. Было жутковато и легко, как во сне. И только одно мешало впечатлению хорошего приключенческого сна: там и тут на кирпичках виднелись надписи. Всякие «Толи», «Васи», «Степы», и «Мы здесь были...», и названия городов. Юля заметила даже Читу и Владивосток.

— Ничего себе... — выдохнула она. — В какую даль едут, чтобы расписаться на здешних камнях.

— Идиоты, — отозвался мальчик (он по-прежнему карабкался следом за Юлей). — Думают, что, если распишутся на знаменитом месте, сами сделаются знаменитые...

— Значит, эта церковь очень знаменитая? — осторожно поинтересовалась Юля.

— Вы разве не знали? Она даже под охраной ЮНЕСКО.

Юля мельком удивилась, что этот пацан знает про ЮНЕСКО, и неуверенно сказала:

— Кажется, я слышала... А если она такая известная, то чего же такая... обшарпанная?

— Ее хотели реставрировать, — посапывая, ответил мальчик и хихикнул. — Каких-то дядек наняли кресты и маковки золотить, золото им выдали. А они его — себе. А маковки бронзовой краской помазали. Ну, их посадили, конечно, а здесь все так и осталось... Вот, все. Пришли.

Они оказались на верхней площадке. Над головами уходил в сумрачную высоту конус шатровой крыши. В нем темнели переплетения балок и железных брусьев. Юля только мельком глянула вверх и сразу шагнула к окну.

За высокими арками окон распахнулся золотисто-зеленый вечерний мир. Облака лежали над землей, как плавучие острова в прозрачной воде над морским дном. Невысокое, но яркое еще солнце висело над кромкой леса. Городок раскинулся внизу кучками затерянных среди деревьев крыш. Даже монастырский храм казался отсюда не очень большим. За домами одиноко дымила черная труба — наверно, это была электростанция, которая «забрала воду».

Но воды еще хватало. Талья в своих верховьях была довольно широка. От края до края земли она легла, как розовато-ребристая просторная дорога. Лишь кое-где чернели на воде коварные пятнышки: там торчали со дна валуны, выдавая мелководье.

Земля была удивительно большая, но уютная и ласковая. Над городком, над рекой, над лесами лежало спокойное молчание. И Юля, переходя от арки к арке, забыла про усталость и огорчения. Она будто растворилась в этом покое.

— Любуется? — сказал позади нее мальчишка. — Хорошо, да?

— Угу... — медленно ответила Юля и оглянулась.

Мальчик стоял к ней спиной в светлом проеме, прямо против солнца. Расставил ноги и ладонями уперся в боковые края арки. Он казался вырезанным из черной бумаги, только в волосах вспыхивали огоньки да круглые оттопыренные уши просвечивали, как лепестки шиповника. Юля усмехнулась этим ушам, но тут же опасливо сказала:

— Смотри не слети вниз.

— Не, я здесь привык... — Он крутнулся на пятке и прыгнул к Юле. — Я сюда сто раз лазил. А вам здесь нравится?

— Еще бы!.. И не говори мне, пожалуйста, «вы». Я еще не такая уж... пожилая.

Он по-птичьему наклонил к плечу голову и глянул снизу вверх.

— А вам... тебе сколько?

— Девятнадцать.

— У-у... — сказал он вроде бы с уважением, а в золотистом глазу опять метнулась искорка. — А мне одиннадцать. Через месяц будет, в сентябре.

— Ясно. Меня зовут Юля...

— А меня... — Мальчик перекинул голову на другое плечо. — У меня имя старинное. Даже не угадаете... не угадаешь какое.

— И не буду, — улыбнулась Юля. — Говори уж сам.

Он выпрямил голову, подтянул съехавшие шорты и веско произнес:

— Меня зовут Фаддей.

— Ух ты! — сказала Юля.

— Это не просто так. Это в честь одного знаменитого предка. Угадай какого?

Юля наморщила лоб и поморгала. Никто, кроме Фаддея Булгарина, жандармского агента и недруга Пушкина, в голову не приходил.

Маленький Фаддей опять брызнул искоркой левого глаза:

— Антарктиду кто открыл?

— Антарктиду? Сейчас... ага! Беллинсгаузен и Лазарев!

— Вот! А Беллинсгаузена как звали?

— М-м...

— Фаддей Фаддеевич, — со скромным торжеством сказал мальчишка. — У меня про него книга есть, и там портрет. Он даже похож на меня немножко, и волосы такие же... Ну, там не цветной портрет, но я же все равно знаю.

— И что же, он правда твой родственник? — со смесью недоверия и уважения поинтересовалась Юля.

— Ну да, — небрежно откликнулся Фаддей. — Он мамин какой-то прапрапра-... двоюродный дедушка.

— Разве Беллинсгаузен из этих мест?

— Так и я не из этих! Я сюда просто каждое лето приезжаю, к тете Кире!

Юля удивилась. Она была уверена, что мальчишка — местный житель. Он так подходил к здешним улицам и заросшим берегам.

— А откуда ты?

— Из Среднекамска, — сказал он и почему-то вздохнул.

Юля понимала, что и Среднекамск — едва ли родина знаменитого мореплавателя. Но все равно обрадовалась:

— Мы почти земляки! У меня там дядя живет, мамин брат. Он мастер цеха на авторемонтном заводе.

— Я даже не знаю, где там такой завод, — опять вздохнул Фаддей. — Город-то большущий, заводищев всяких полным-полно... И школ почти двести... А здесь всего три... — Он вдруг поднял веснушчатое лицо и сказал совсем о другом: — Ты вон до той балки дотянешься?

Невысоко над головой проходил ржавый брус. Толщиной с хорошее полено. Юля встала на цыпочки и кончиками пальцев тронула холодное железо.

— А я ни разу допрыгнуть не смог, — печально признался Фаддей. — Подсади меня, пожалуйста.

Юля усмехнулась и подхватила мальчишку за бока, ощутив сквозь майку птичьи ребрышки. Потомок адмирала был легонький, и она шутя вскинула его над головой. Фаддей вцепился в брус и повис, покачивая ногами. Морковные гольфы сбились в гармошку, а один кед шлепнулся на пол.

— Здесь висел главный колокол, — сообщил из-под балки Фаддей. — Думаешь, зачем висел? Чтобы в праздники звонить? Вовсе даже нет, это тревожный колокол был. Здесь часовые дежурили. Если враги подкрадутся, они сразу — бамм! — Он качнулся сильнее и повторил громким голосом: — Бамм, бамм!

На нем горели рыжие солнечные пятна.

Юля снова оглядела горизонт. Солнце уже почти касалось леса.

— Надо спускаться, — нехотя проговорила Юля.

— Подожди, — отозвался Фаддей. — Я колокол. Бамм!

Юля засмеялась и дернула его за ногу:

— Ну, колокол-бубенчик, пора...

Он прыгнул на пол и заскакал на одной ноге, натягивая кед.

— Фаддей... — сказала Юля. — Тебя так и звать «Фаддей» или можно поуменьшительнее?

— Можно Фаддейка... — Он стрельнул исподлобья золотой искоркой. — Я же еще не Беллинсгаузен.

«Фаддейка — это хорошо! — подумала Юля. — Это в самый раз. Фаддейка он — и больше никто».

— А ты можешь ответить на один вопрос, Фаддейка?

Он весело распрямился:

— Хоть на тыщу.

— На один... Это здорово, что ты меня сюда привел. Но почему? Ни с того ни с сего, незнакомого человека...

— А... разве... — Он как-то старательно заморгал. — Ой-ей-ей... Разве вас не тетя Кира послала?

Юля молчала.

— Ой-ей-ей... — Фаддейка запустил пятерню в свои космы. — Она сказала: посиди на берегу у башни, придет одна тетенька... то есть молодая женщина, приезжая. Я, говорит, обещала, что ты ее на колокольню сводишь. Она, говорит, стариной интересуется...

Юлю кольнула ревнивая досада: не ее, значит, ждал Фаддейка. Но сразу она встревожилась:

— А где же та женщина? А тебе не влетит теперь?

— Ой, влетит, — охотно откликнулся Фаддейка. И решительно взял Юлю за рукав. — Пошли!

— Куда?

— К тете Кире. Ну, к нам домой. Скажешь, что я не виноват. А то мне знаешь как... Пошли!

— Но я же... Я не знаю... А это куда? Далеко?

— Недалеко. Средне. Вон там, за рекой, видишь красную крышу с двумя антеннами? Вот за тем домом еще квартал. Идем. Ну... Юля...

Не пойти было бы все равно что оставить Фаддейку в беде. Да и... не все ли равно, куда идти, если идти некуда?

— А это по пути на вокзал?

Фаддейка сразу как-то потускнел.

— Зачем тебе на вокзал? Ты разве уезжаешь?

— Наоборот, приехала. А на вокзале буду ночевать, больше негде.

— Ночевать — это ночью. А пока еще не ночь, — рассудил Фаддейка. — Пошли!

Внизу солнца уже не было видно, а закат светился ровный и широкий. И река от него светилась. Юля и Фаддейка прошли над плавной водой по зыбкому мосту. Он был подвесной, на тросах, и дощатый настил качался между быками-ледорезами.

Фаддейка шагал сбоку от Юли и поглядывал чуть вновато. Посапывал. Потом спросил:

— Не боишься? На этом мосту многие боятся с непривычки.

— У меня, между прочим, первый разряд по туризму... А ты сам-то не боишься?

— Вот еще!

— Ну да! Правнуку знаменитого моряка не полагается...

Он, кажется, слегка надулся. Заподозрил насмешку, что ли?

Юля примирительно сказала:

— А у меня один знакомый моряк есть. Курсант. Он сейчас на парусном корабле плавает, почти как Беллинсгаузен. У них практика.

— Ух ты! А он на чем? На «Товарище» или на «Седове»?

— На «Крузенштерне»... Не скачи, свалишься.

— Не свалюсь. Хочешь, понесу твой чемодан?

— Да уж сама дотащу...

— А ты мне потом про него расскажешь?

— Про чемодан?

— Про моряка!

— Когда «потом»? — грустно спросила Юля и подумала про вокзал.

— Ну... после разговора с тетей Кирой.

— Ох, Фаддейка, я ее боюсь. И тебе попадет, и мне...

— Что ты! Она посторонних не воспитывает... Ты ей сперва ничего не говори, может, той женщины и не было. Тогда все обойдется.

— А что я скажу? Зачем пришла?

— Поглядим, — деловито успокоил он. — По обстоятельствам.

Дом тети Киры был старый. Старинный даже. С жестяными флюгерами на башенках покосившихся ворот, с черным от древности страховым знаком и с разошедшимся кружевом наличников.

Фаддейка бодро толкнул тяжелую калитку. В заросшем дворе красновато темнели громадные гроздья рябины и светились несколько березовых стволов. Было пусто. Фаддейка кивнул на скамейку у крыльца:

— Ты посиди минутку, я сейчас. — Поддернул гольфы, заправил майку и нырнул в дом.

Юля поставила на лавку чемодан. С высокой березы упал на него желтый листок. Август...

Прошла минута. Оглядываясь, возник на крыльце Фаддейка. За ним — тетя Кира. Она оказалась очень пожилая, сухошавая, с седым валиком волос.

— Здравьете, — совсем по-школьному, поспешно сказала Юля. Тетя Кира показалась ей похожей на старую учительницу.

— Добрый вечер, — улыбнулась тетя Кира и легко шугнула Фаддейку со ступенек. — Это вас он, значит, привел? Я, говорит, квартирантку тебе отыскал... Я уж и не знаю. В пристройке у меня жили в июне двое отдыхающих, молodoжены, но тогда тепло было, а сейчас-то осень на носу. Продрогнете там ночью...

— Она закаленная, — подал голос Фаддейка. — У нее первый разряд по туризму.

— Брысь ты, нечистая сила, — засмеялась тетя Кира. И Юля засмеялась: так все хорошо складывалось.

— Я правда закаленная. В одеяло завернусь — и хоть в открытом поле...

— Ну, смотрите, если понравится... Вы, наверно, на практику в школу приехали?

— В библиотеку. В детскую...

— К Нине Федосьевне, значит! Вот она обрадуется! А то все одна да одна... А если холодно будет в пристрой-

ке, там печурка есть на крайний случай. Завтра дрова привезут...

И Юля почувствовала, что она любит затерянный в северных лесах городок Верхоталье.

Вот только пришло бы сюда письмо.

НОЧНЫЕ СТРАХИ

Как это чудесно — вытянуться среди прохладных простыней, чтобы усталость сладко разбежалась по жилкам, и лежать с ощущением полного уюта и с мыслями о счастливом окончании неудачного дня.

Стоячая лампа с белым фаянсовым абажуром неярко и ровно светила на желтоватые доски стен и потолка, на большой табель-календарь за прошлый год, на ошкуренные чурбаки (они были вместо табуреток) и застеленный зеленой полинялой клеенкой стол. На столе празднично сияла алая с белыми горошинами кружка. Будто сказочный мухомор на лужайке. Юля безотчетно радовалась этому яркому пятнышку — оно украшало комнату и придавало ей обжитой вид. Юля вздрогнула от неласковой мысли, что сейчас могла бы уютиться на вокзальной лавке.

...Тетя Кира (то есть Кира Сергеевна) принесла матрац, положила его на широкий топчан и сама постелила для Юли простыни.

— На сегодня так. А если покажется жестко, завтра достанем из кладовки кровать, у нее сетка панцирная.

— Не будет жестко, — заверила Юля, оглядываясь.

Пристройка была небольшая, вроде верандочки — с окном во всю стену. По стеклам скребла тяжелыми кистями рябина. В углу белела кирпичная печка.

Кира Сергеевна рассказала, что пристройку ставил ее муж, хотел оборудовать здесь мастерскую, да вот... Говорят, от первого инфаркта не умирают, а он сразу. Три года уж прошло... Директором восьмилетки был. А она до пенсии работала смотрителем здешнего музея. Сын в армии

после института, на Дальнем Востоке, младшая дочь в Челябинске учится, а старшая недавно замуж вышла, живет неподалеку, в Ново-Северке, да все же не рядом, не под одной крышей.

— Вот и осталась одна в «родовом поместье». Дом-то еще дед строил... Так и живу. То сама по себе, то вдвоем с племянником. Он второй год уже подряд на каждые каникулы приезжает. Заботы с ним, конечно, всякие, да все равно веселее.

— Он славный у вас. Добрый такой, — сказала Юля.

— Добрый-то добрый, а всякое бывает. Когда парень без отца растет, воспитанье какое-то случайное получается. Дерганое...

Юля вежливо помолчала. Потом неловко спросила насчет платы за квартиру. Кира Сергеевна отмахнулась:

— Да сколько не жалко. Какая здесь квартира-то...

— Но все-таки.

— В гостинице пятьдесят копеек в день за место берут, давайте и вы так.

— Ой... Даже слишком как-то дешево.

Кира Сергеевна засмеялась:

— А у нас ведь не Сочи и не Крым. Да и вы не на отдыхе. А стипендия-то, наверно, так себе...

— Я в стройотряде работала.

— Давайте так, Юля. Если будете с нами завтракать и ужинать, тогда — рубль. А обедать вам лучше в столовой «Радуга», она рядом с библиотекой.

На том и договорились.

— Только еда у нас не ресторанная, — предупредила Кира Сергеевна. — Не обидитесь?

— Да что вы!

— Я себе по-простому готовлю. А Фаддейка, душа окаянная, вообще ничего не ест, мученье одно. Кожа да кости, избегался. Мать придет, опять недовольна будет — невымытый да тощий. А что я сделаю? Вот объявится — пускай сама чистит, причесывает и откармливает.

— А что, он один у матери? — деликатно поинтересовалась Юля.

— Один, слава богу. Куда еще-то при ее жизни? Только и мотается то по стране, то по границам. Как это фирма-то у них называется? «Станкоэкспорт» или что-то похожее...

Юля распаковывала чемодан, вешала одежду на спинку единственного стула, а Кира Сергеевна негромко и ненавязчиво рассказывала:

— Я ей говорю: «Сколько можно так жить, не девочка уже, четвертый десяток идет». А она: «Это ритм времени, Кирочка, мы с тобой в разные эпохи живем»... Может, и правда? Я ее на двадцать семь лет старше, нас шестеро было в семье, она младшая. Вот и попала под эти ритмы... Мы с мужем почти три десятка без всяких современных ритмов прожили, а она вот... Ох и заболтала я вас, Юля. Смотрите, вон вешалка у двери. А утюг Фаддейка принесет. Вы только не церемоньтесь с ним, с племянничком моим, он такой прилипчивый. Если будет надоедать, шуганите его...

Фаддейка не стал надоедать. Притащил утюг, шепнул, что «все обошлось», и умчался. Не было его и за ужином.

— Свищет где-то, — вздохнула Кира Сергеевна. — Небось опять с мальчишками костер жгут в овраге, картошку пекут...

...Юля нажала кнопку лампы. Упала темнота, и в ней синевато засветилось окно: полная ночь на дворе еще не наступила. В сумерках прорезались черные листья рябины, смутно забелел березовый ствол. В широком просвете стала видна верхушка ели — острая, будто шатер колокольни.

Вспомнив про колокольню, Юля подумала и о Фаддейке: где его носит нелегкая на ночь глядя? Видать, вольная птичка...

И словно в ответ она услышала негромкий выдох:

— Ю-ля-а...

Это было чуть погромче шелеста рябины. И там же, за окном. Юля опять включила свет. В неярких лучах за стеклом, как на глянцевой фотобумаге, проявился знакомый веснушчатый портрет с расплющенным носом.

— Ты что, Фаддейка? — громко сказала Юля.

Он отодвинул оконную створку. Спросил шумным шепотом:

— Можно к тебе?

— Можно. А почему не через дверь?

— С той стороны тети-Кирино окно... — Он ловко сел верхом на подоконник — одна нога снаружи, другая в комнате. — Ты не испугалась?

— Чего?

— Ну... женщины часто пугаются, если под окном мужчины...

Юля развеселилась:

— Иди сюда, мужчина. Ты зачем пришел? Просто так поболтать или по делу?

— По делу... — Он скакнул с подоконника, сел на чурбак посреди комнаты, положил на колени ладони. Повертел головой, будто первый раз видел эти стены. Посопел.

— Ну а что за дело-то? — напомнила Юля. И опять улыбнулась из-за кромки одеяла. — Может, еще на какую-нибудь башню поведешь?

— Нет... — Он старательно вздохнул, потерся оттопыренным ухом о плечо и сообщил, глядя в потолок: — Я признаться пришел. Что наврал.

— Да?.. А что ты наврал?

— Про ту женщину. Про тети-Кирино знакомую. Я ее придумал...

— Да? — опять сказала Юля. И замолчала, размышляя, как отнестись к такому признанию. Интересно, что она почти не удивилась. — Ну, придумал так придумал. А зачем все это? А, Фаддейка?

— Непонятно разве? — Он взглянул на Юлю прямо и

чуть насупленно. — Захотел познакомиться с тобой, вот и все.

— Это я понимаю. А зачем?

— Ну вот... — Фаддейка забавно развел руками. — Зачем! Потому что я такой уродился. Потому что мне всегда интересно про нового человека: что в нем хорошего?

— И ты решил, что во мне что-то хорошее?

— Решил. Ты же полезла на колокольню!

— Ну... да, это доказательство. А откуда ты узнал, что я здесь новенькая?

— Сразу же видно! Идешь, на все смотришь, как первый раз. И чемодан. И сумок таких, как у тебя, здесь ни у кого нет... Ой...

— Ой, — сказала и Юля.

— А где сумка? — шепотом сказал Фаддейка и замигал желтыми коротенькими ресницами.

— Вот именно, где?

— Там осталась?

— Конечно! Ты же не достал из ниши.

— А ты не вспомнила.

А Юля не вспомнила. Ей хватало и чемодана. Ослепительно желтую сумку с черным старинным самолетом на боку и надписью «AIRLINE» она купила перед самым отъездом в Верхоталье и не успела к ней привыкнуть.

— У тебя в ней что было? — подавленно спросил Фаддейка.

— Практикантский дневник и направление. И всякое...

Было еще старое Юркино письмо с фотографией. И тетрадка с отрывочными дневниковыми записями, которые она делала в стройотряде...

— Пошел я, — вздохнул Фаддейка и встал.

— Куда?

— Как куда? За сумкой.

— Подожди! — испугалась Юля. Она представила, как Фаддейка лезет там по лестнице в кромешной темноте, в глухоте. — Утром сбегаешь и заберешь, — нерешительно сказала она.

— Ага, «утром»! А если на рассвете туристы туда потащатся? У них теперь такая мода появилась: рассвет на верхохоте встречать.

— Думаешь, сопровут?

— А думаешь, оставят? Я пошел.

— Там же темнотища сейчас и страх...

— Фонарик возьму.

— Я с тобой, — тоскливо и решительно сказала Юля, ощущая, как замечательно в постели и как жутко не хочется *туда*. Ох, рано она порадовалась, что кончились неудачи...

А Фаддейка... хоть бы сказал: не надо, не ходи! Нет, он сказал другое:

— Выберишься через окно. Я подожду у калитки.

Быстро темнело. Река еще отражала остатки заката, а крутой дальний берег чернел непроницаемо. За кромкой обрыва не видно было огоньков, смутной тучей клубился старый прибрежный сад. Колокольня была еле различима.

Юля мысленно простонала, когда представила, сколько опять шагать: через мост, потом по высоченной лестнице, затем по темному саду... Фаддейка бодро топал рядом и мигал фонариком. Юля печально сказала:

— Вот узнает Кира Сергеевна про наши похождения, будет нам...

— А как она узнает? Тебя она не караулит, а про меня привыкла, что поздно бегаю.

— С тобой не соскучишься, — вздохнула Юля.

— Ага.

Перешли мост (он был бесконечный, и под ним журчала и хлюпала вода). Совсем стемнело. Ступеней лестницы было не разглядеть. А они — кривые и старые, ноги поломаешь.

— Посвети, — попросила Юля.

Фаддейка опять мигнул фонариком и сказал:

— Я батарейку берегу, она старая.

— А на мосту включал да включал, когда не надо...

— Я проверял... Держись за меня.

Кончилась и лестница с бесконечным поскрипыванием ступенек и хлябаньем брусчатых перил. Черный густой сад надвинулся на Юлю и Фаддейку, окружил мохнатой темнотой, запахом увядающих листьев.

— Держись за меня, — опять сказал Фаддейка и сам взял Юлю за руку.

Рыжий свет фонарика метнулся по высоким сорнякам и беспомощно в них запутался. Фаддейка бесстрашно устремился в чащу, и Юля тянулась, как на буксире. Жесткие стебли скребли по джинсовым штанинам. Было жутковато, но как-то не по-настоящему. Будто во сне.

За рукав зацепилось какое-то острое вроде наконечника пики. Юля повела рукой и нащупала частую решетку.

— Постой. Здесь что-то непонятное...

— Все понятное, — шепотом сказал Фаддейка. — Могилки старые, тут раньше кладбище было...

— Ты нарочно меня здесь потащил? — слабым голосом спросила Юля. Ей хотелось тихонько завывать с перепугу.

— Конечно. Здесь короткая дорога... Ты не боишься?

Тогда она рассердилась. На себя и на этого обормота:

— Я за тебя боюсь, дурень. Обдерешься или глаз выколешь...

— Не-е... Пришли уже.

Они уперлись в решетчатую загородку церковного двора. Многих прутьев не было, везде лазейки. Когда пробрались, Юля, опасливо озираясь, прошептала:

— А ночного сторожа здесь нет?

Фаддейка хихикнул:

— Только привидения. Бывший воевода и его солдаты.

— Да ну тебя...

Подошли к черному входу на колокольню, и Фаддейка строго сказал:

— Стой здесь. Я сейчас...

Юля не успела заспорить, он ускользнул в черноту, там

желтой бабочкой пометался и пропал свет фонарика. «Ползу следом», — отчаянно решила Юля. Но не успела. Фаддейка выкатился назад, невредимый и веселый.

— Вот твоя сумка.

— Ой... вот хорошо. Спасибо, Фаддейка.

— За что? — хмыкнул он. И спросил: — Пошли обратно?

— Только не через могилки, ладно?

— Сейчас можно по берегу.

От церкви на обрыв их привела невидимая в траве, но осязаемая своей твердостью дорожка (видимо, мошенная кирпичом). Ночь совсем почернела, даже на западе исчез белесоватый полусвет. Река была почти неразличима. На том берегу уютно горели окошки. Но ярче этих огоньков сияли белые большие звезды, а между ними светилась звездная пыль. Кроме белых звезд, были переливчато-голубые и желтые.

Фаддейка показал на одну, голубоватую:

— Вот это Юпитер. В хороший бинокль у него спутники видно. Мне наш сосед, студент Вася, бинокль давал... А Марса сейчас не видеть... — Он помолчал и добавил другим голосом, снисходительным: — А ты ничего, не боязливая.

— Ты тоже ничего...

Фаддейка посопел и вдруг признался:

— Нет, я часто боюсь. Только я себя... ну... перегибаю. Я первый раз на колокольню знаешь как боялся лезть! Прямо все внутри дрожало. А я потом еще раз, еще...

— Когда страх пересиливаешь, это и есть смелость, — сказала Юля.

— Наверно... — шепотом ответил Фаддейка.

Они вышли на верхнюю площадку лестницы, и Юля остановилась. «Какой длинный день получился», — подумала она.

Хорошо было под звездами. Только слишком прохладно. Юле показалось, что Фаддейка вздрогнул.

— Зябнешь, — обеспокоилась она. — Куртку дать?

— Нет, нисколько не холодно... А знаешь, почему я стараюсь страх перегибать? Потому что от него всякие предательства бывают.

— Это верно, — вздохнула Юля.

— А когда человек изменником делается, это хуже всего в жизни, — тихо сказал Фаддейка. — Я этого больше всего на свете боюсь.

В печальном его полупешепоте ощутилась вдруг такая тревога, что Юля поежилась и ладонями сжала Фаддейкины плечи — тонкие и теплые.

— Да ты что! Чего ты боишься? Никогда с тобой такого не случится...

— А если вдруг нечаянно... — еще тише сказал он.

— Разве это бывает нечаянно?

Фаддейка шевельнул плечами под Юлиными ладонями. Сумрачно шмыгнув носом и прошептал:

— Иногда такой дурацкий сон снится, будто я кого-то предал случайно, и тут уж ничего нельзя сделать, хоть убейся. Если даже убьешься, это ведь все равно не исправишь...

— Какие-то у тебя сны неуютные... — опять поежилась Юля.

— Ну нет, мне и хорошие снятся. Но такой — тоже... — Фаддейка ускользнул из-под Юлиных рук и спросил уже другим голосом, побойчее: — А если у тебя два друга и так получается: если спасти одного — значит изменить другому? Как тут быть?

— Ну... по-моему, так не бывает.

— Это вообще-то не бывает, но вдруг один раз случится?

— Тогда... я даже не знаю.

Фаддейка молчал с полминуты. Потом решительно сказал:

— А чего тут не знать? Надо помогать тому, у кого беда сильнее.

— Да... наверно. А с чего у тебя, Фаддейка, такие мысли? Грустные какие-то.

— У меня всякие мысли. Потому что думаются. А с чего, трудно сказать. — Он по-взрослому усмехнулся. — Люди про все на свете спрашивают: с чего да почему. И хотят, чтобы одна простая причина была. А причин всегда целая куча, и они перепутываются.

— Это верно... Пойдем домой, Фаддейка.

Он вдруг взял ее за руку — быстро и привычно, как братишка.

— Пойдем, Юля.

КИНО ВНИЗ ГОЛОВОЙ

Утром Фаддейка стукнул в окно и позвал Юлю завтракать.

В кухне стояла на столе вареная свежая картошка с тонкими кожурками, лук, помидоры и молоко. Кира Сергеевна сказала, чтобы Юля садилась, не церемонилась, а Фаддейку спросила:

— Руки-то вымыл?

— И лицо! Честное слово! Даже чуть веснушки не соскоблил.

— Чучело, — вздохнула Кира Сергеевна. — Юленька, он вам вечером не надоел? Это такой болтун и липучка...

Фаддейка незаметно мигнул Юле: не проболтайся о ночных похождениях. Юля тоже подмигнула и сказала, что несколько не надоел, поговорили про то, про се, самую чуточку.

Фаддейка, кусая картофелину, вдруг высказался:

— Когда пойдешь на практику, надень какое-нибудь платье. А то Нина Федосьевна скажет: «Ах-ах, работница библиотеки в штанах!» У здешних женщин несовременные взгляды.

— Фаддей! — сказала Кира Сергеевна и со стуком положила вилку.

Но Юля понимала, что Фаддейка прав.

Самой ей казалось, что стройотрядовское обмундиро-

вание для ее внешности в самый раз, а в «девичьем наряде» она похожа на украшенную бантиками оглоблю. Но библиотека не строительство коровника и не турбаза. Юля надела босоножки и серое платье — мамин подарок: в этом платье все-таки похожа на человека. Настолько, насколько может походить на человека девица баскетбольного роста с длинноносым лицом, вечными прыщиками на подбородке и жиденьким хвостом пегих волос.

Юля припудрила подбородок перед карманным зеркальцем, подхватила сумку и шагнула на крыльцо.

Там ее караулил Фаддейка.

— Я тебя до библиотеки провожу. Можно?

— Конечно! — обрадовалась она.

И Фаддейка стрельнул золотой искоркой из глаза.

Когда шли Береговой улицей к мосту, Юля спросила:

— А что, эта Нина Федосьевна очень строгая?

— Еще бы! А с теми, кто книжки портит, вообще ужас...

— Кажется, ее все здесь знают...

Фаддейка с удовольствием сказал:

— Здесь вообще каждый каждого знает. Это ведь не Москва. И не Среднекамск.

— Я смотрю, тебе здесь больше нравится, чем в Среднекамске...

— Как когда... Здесь интересно, старины много всякой.

И ребята не деручие и не дразнючие.

Юля очень осторожно и ласково спросила:

— А что, Фаддейка, разве в школе тебя дразнят?

Он шевельнул плечами:

— Да вот еще! Откуда ты взяла?

— А я думала, что... ну, из-за волос.

Он удивился:

— Потому что рыжий? Да нисколечко! За это в старые времена дразнили, а сейчас наоборот! Рыжий — даже модно! У нас в классе трое таких, как я... Не в этом дело.

— А в чем?

— Ну... да ты не думай, что у нас плохие ребята! Только

у них всегда нет времени. Кто на музыку бежит, кто в олимпийскую секцию, кто еще куда... Получается, что людям просто некогда дружить.

— А здесь?

Фаддейка рассудительно сказал:

— Одноклассников-то не выбирают, а здесь играй, с кем нравится.

Юля хотела деликатно возразить: мол, и в Среднекамске не обязательно друзей только в классе искать. Но Фаддейка заговорил опять. Уже по-другому, весело:

— Тут знаешь какие придумывальщики есть! Мы на той неделе воздушный шар из бумаги сделали, с дымом. И он по правде полетел! Красный, как марсианский глобус.

— А разве бывают марсианские глобусы?

— Конечно... Юль, а хочешь, я короткую дорогу покажу, не через мост? Я брод знаю, глубина не больше, чем тебе до колена. Хочешь?

Юля зябко поежилась.

— Я... наверно, хочу, но не сейчас. Мне за прошлые сутки хватило приключений.

Нина Федосьевна оказалась вовсе не строгой. Наоборот, была она очень милая и приветливая. Чем-то походила на Киру Сергеевну. Так похожи друг на друга бывают пожилые женщины, всю жизнь проработавшие в библиотеках, театрах или музеях.

Юле Нина Федосьевна очень обрадовалась. Во-первых, по доброте душевной, во-вторых, потому что «видите ли, как получилось, Юленька, одна наша сотрудница вышла на пенсию и уехала к сыну, а вторая в декретном отпуске. И я кручусь, кручусь и ежедневно прихожу в отчаяние...».

Она мелко засмеялась, прижимая кончики пальцев к седым вискам. Юля тоже улыбнулась и подумала, что здесь ее то и дело называют Юленькой. Версту коломенскую...

— Только работа, Юленька, будет для вас, наверно, скучноватая: читателей сейчас мало, а дело такое: надо пе-

ребрать и сверить каталоги, переписать некоторые карточки абонемента. В них полный хаос.

Юля сказала, что работу она видела всякую, скучать не станет, а веселиться, если придет такое настроение, будет после рабочего дня. При этом почему-то вспомнила Фаддейку. И не откладывая взялась за дело.

Сначала она принялась разбирать по алфавиту читательские карточки, которые молодая работница абонемента (ныне пребывающая в декрете) действительно держала в «порядочном беспорядке». Неожиданно дело оказалось совсем не скучным. За каждым именем Юле представлялись живые мальчишки и девчонки: аккуратные отличницы, берущие книжки по программе; растрепанные троечники, которые читают в основном про шпионов и про космос; юные изобретатели, те, что глотают, как «Трех мушкетеров», «Занимательную физику», «Теорию относительности для всех» и свежие номера «Техники — молодежи», шумливые октябрята, спорящие из-за очереди на «Буратино» и «Волшебника Изумрудного города», озабоченные десятиклассники, которые перед экзаменами выпрашивают на лишний денек Белинского и Добролюбова...

Некоторые карточки были просто готовые портреты и характеры. Трудно разве представить, например, второклассника Николая Вертишеева, дважды бравшего «Приключения Незнайки», или Элли Лебедушкину, читающую биографию Рахманинова из серии «ЖЗЛ»?

Могли, конечно, быть ошибки. Вертишеев мог оказаться тихим мальчонкой, который никогда не вертится на уроках, а Лебедушкина — неуклюжей девицей, не умеющей сыграть гаммы... Но вот попался портрет знакомый и точный! «Фаддей Сеткин»...

— Ой, Нина Федосьевна! Это же Фаддейка, да? Племянник Киры Сергеевны?

Нина Федосьевна охотно оторвалась от ящика с каталогом.

— Ну разумеется! Вы уже познакомились? Ах да, вполне понятно...

— Ох, познакомились, — сказала Юля. — Весьма даже...

Нина Федосьевна покивала и поулыбалась:

— А знаете ли, Юленька, он славный мальчик. Правда, слишком замурзанный и немного шумный...

(Юля уже поняла, что больше всего Нина Федосьевна боится шума, и это казалось непонятным у заведующей детской библиотекой; но зато других недостатков у Нины Федосьевны, кажется, больше вообще не было.)

Юля охотно согласилась с краткой Фаддейкиной характеристикой и заглянула в карточку.

Читательские интересы Фаддея Сеткина были крайне разнообразны. Если не сказать — беспорядочны. «Приключения Электроника» и «Оливер Твист», «Словарь юного астронома» и «Воспоминания о сынах полков», «Сказки народов Севера» и «В плену у японцев» капитана Головнина. А еще — «Казачьи» Толстого, «Малыш и Карлсон» и «Мифы Востока»...

— Ну и ну, — сказала Юля.

Нина Федосьевна опять покивала:

— Бессистемное чтение, но что поделаешь... И ходит нерегулярно. То глотает семь книжек за неделю, а то не показывается полмесяца. Но с книжками очень аккуратен! Новые даже обертывает... Правда, один раз мы с ним поссорились.

Юля вопросительно подняла глаза.

— Нет-нет, не из-за неряшества. Мы крупно поспорили из-за «Аэлиты». Вы же знаете, Юленька, детям эта книга всегда нравится, а наш милый товарищ Сеткин прочел и заявил категорически: «Чушь!..» Я даже очки уронила. «Как, — говорю, — ты можешь так об Алексее Николаевиче?..» А он знаете что? «Если Алексей Николаевич, значит, врать можно?» — «Что значит, — возмутилась я, — врать? Это же фантастика! Писательское воображение! Ты же сам столько фантастики перечитал и всегда хвалил!» И что же

отвечает мне этот юный ниспровергатель классиков? «Фантазировать надо тоже с умом! На Марсе все не так. «Марсианские хроники» Брэдбери и то лучше»... Я, конечно, и сама равнодушна к Брэдбери, это, безусловно, талант, но... В общем, я не выдержала и сказала, что таких критиков следует ставить носом в угол. И расстались мы сухо.

— А потом? — смеясь, спросила Юля.

— Он не появлялся неделю. А затем откуда-то узнал про мой день рождения и притащил целый сноп васильков. При этом был в новой рубашке и сиял, как начищенный колокольчик.

— Он и сегодня хотел прискакать, — вспомнила Юля. — Обещал в обед меня навестить.

Но Фаддейка пришел только в конце дня. Встрепан и помят он был больше обычного, к оранжевой майке прилипли золотистые чешуйки сосновой коры. Он сообщил, что тете Кире привезли дрова и пришлось их укладывать на дворе в поленницу.

— Таскал, таскал, чуть пуп не сорвал. — Он стрельнул искристым глазом в сторону Нины Федосьевны.

— Фаддей... — страдальчески сказала она.

— Ой, простите, Нина Федосьевна! Я нелитературно выразился, да?

— Юля, может быть, хотя бы вы займетесь воспитанием этого гамена? — простонала Нина Федосьевна. — Кира Сергеевна, видимо, уже отчаялась.

— Займусь, — пообещала Юля и показала Фаддейке кулак. Он потупил глазки, но тут же дурашливо сказал:

— Гамен — это парижский беспризорник? Вроде Гавроша? Значит, здесь у нас Париж, ура! Да здравствует баррикада на улице Шанврери!

— Не Шанврери, а Шанврери, — подшепила его Юля.

А Нина Федосьевна скептически произнесла:

— Можно подумать, ты читал «Отверженных»...

- Можно подумать, нет! — возмутился Фаддейка.
- Он читал детское издание про Гавроша, — снисходительно разъяснила Юля.
- Фиг тебе! Я все читал.
- Фаддей... — опять простонала Нина Федосьевна.
- А чего она... У нас дома десять томов Гюго, подписанное издание.
- Юля хмыкнула:
- И ты осилил?
- «Отверженных» осилил. И «Собор Парижской Богоматери». Только маленько пропускал, всякие длинные описания. Нина Федосьевна, Юле уже можно домой? Она будет воспитывать меня по дороге.

Когда шли к дому, Юля сказала:

- И чего это утром ты наплел, что Нина Федосьевна строгая? Она добрейшая душа... На тетю Киру похожа.
- Ну и что же, что похожа? Тетя Кира тоже всякая бывает. Когда добрейшая, а когда ой-ей-ей.
- Ну, ты, наверно, и ангела небесного можешь до «ой-ей-ей» довести...
- Фаддейка хихикнул:
- Не, я хороший... — И сказал серьезно: — В этом году у нас с тетей Кирой контакт. А в прошлом году мы еще всякому... Притирались друг к другу.
- Притиралась терка к луковице. Сплошные слезы...
- Ага... Мне от нее один раз тогда знаешь как влетело...
- Фаддейка сказал это со странной мечтательной ноткой.
- За что?
- В том-то и дело, что ни за что... Я сижу, молоко пью, а она вдруг говорит: «А ну-ка, дыхни». А потом: «Покажи-ка, голубчик, карманы». А там окурки и крошки табачные... Ой, что было!
- Выспала небось? — пряча за усмешкой сочувствие, спросила Юля.
- Да не-е... На губу посадила.

- Куда?
- На гауптвахту. Говорит, выбирай: немедленно едешь домой или будешь сидеть до ночи под арестом. В сарае.
- И выбрал сарай?
- А что я, ненормальный, домой ехать? Здесь вон как здорово, а там в лагерь отправят.
- Да еще и досталось бы от мамы за курение, — с пониманием заметила Юля.
- Он вскинул возмущенные глаза:
- Да ты что? Думаешь, я по правде курил, что ли? Мы с ребятами мыльные пузыри с дымом пускали! Дым в рот наберем, пузырь надует, он и летит вверх. А потом лопаются, как бомба...
- Все равно дым во рту — это гадость.
- Ну, пускай гадость. Но не курил же!
- А тете Кире ты это объяснил?
- Думаешь, она слушала? Как разошлась... Ну, я решил: пусть ее потом совесть мучает. Целых три часа сидел, почти дотемна.
- Потом выпустила?
- Уже собиралась, да я раньше забарабанил.
- А чего? В темноте неуютно стало?
- Да при чем «неуютно»? Гауптвахта-то была ведь... без этого. Без удобств. Сколько вытерпишь?
- Юля засмеялась. Фаддейка весело посопел и сказал:
- Тут я ей все и объяснил. Она сперва, как ты, говорит: «Все равно это гадость!» А я ей доказал, что это научный эксперимент был, а люди из-за науки еще не такие гадости терпели. Она засмеялась: «Вот и пострадал за науку, как Галилей». А потом говорит: «Ладно, помиримся, не сердись на старую тетку...» А я и не сердился.
- А не обидно было невинному сидеть?
- Обидно немного. Зато интересно. Я до тех пор ни разу арестантом не был! А тут почти как по правде... Всякие мысли думаются, когда сидишь. Воспоминания всякие...

— Какие?

— Ну, разные! Про Буратино, как его Мальвина тоже ни за что в чулан посадила. Про Железную Маску... А то вдруг показалось, что я к врагам в плен попал и меня завтра расстрелять должны. Даже хотел подземный ход рыть, да тут кино началось...

— Что?! Ты с телевизором сидел?

Он засмеялся и замотал головой так, что рыжие космы разлетелись пламенными языками.

— Там свое кино получилось! Тайное... Вот придем, покажу.

Во дворе Фаддейка повел Юлю в угловой сарайчик. Там стоял верстак с тисками, лежали обрезки досок.

— Смотри, — прошептал Фаддейка и плотно прикрыл дверь.

Над верстаком, на стене, обитой довольно чистой фанерой, выступило яркое пятно. На нем ясно обозначились качающиеся ветки рябины с оранжево-красными гроздьями, край крыльца, забор, желтые облака над забором. Точнее — под забором, потому что все было перевернуто... Вниз головой сошла с крыльца маленькая тетя Кира в ярко-синей кофточке. Она, кажется, созывала кур.

— Как интересно! — восхитилась Юля.

Но не удивилась. Такой фокус ей был известен еще с уроков физики: маленькое отверстие может служить объективом, как увеличительное стекло, и давать четкое изображение. Темный сарайчик превратился как бы во внутренность громадной кинокамеры, а объективом была дырка от сучка — она светилась в двери.

— И правда кино, — сказала Юля.

— Сейчас еще не очень интересно. А позже, когда закат, тут знаешь какие сказки получаются! Можно что хочешь увидеть, особенно когда облака горят... Все такое красное и золотистое, и будто... Ну, как на другой планете.

— Фаддейка, но ты же не любишь выдумки, — осторожно поддразнила Юля.

Он настороженно огрызнулся:

— Кто тебе сказал?

— Нина Федосьевна. Как ты разругал «Аэлиту».

— «Аэлита» — другое дело. Потому что все там не так.

А тут, наоборот, так.

Юля почувала его ошестиненность и примирительно сказала:

— Хорошее кино. Только жаль, что вниз головой.

— Ничего не жаль, даже интереснее!.. А если надо, я могу и так! — Фаддейка вскочил на чурбак, подпрыгнул и повис на турнике — это была тонкая труба, вделанная между стенкой и столбом, подпирающим крышу.

Фаддейка покачался, роняя незашнурованные кеды, крутнулся, закинул ноги на трубу и повис вниз головой. Столб качнулся. Толчок передался всему сарайчику, дверь с тонким пением отошла, и в открывшемся свете перевернутый Фаддейка возник во всей красе. Красно-апельсиновые клочья волос разметались, как борода Барбароссы. Широкие губы расплзлись улыбкой-полумесяцем. Майка съехала до подмышек. На уровне Юлиных глаз горели на тощем Фаддейкином животе свежие царапины — следы недавней возни с поленьями, и темнел аккуратный, как электрическая кнопка, пуп.

Юля засмеялась, хлопнула Фаддейку по пузу и сказала, что он свихнет шею.

— Не-а! Я могу так хоть сколько висеть. Хоть две серии настоящего кино...

Он закачался, устраиваясь поудобнее, как летучая мышь, которая отдыхает вниз головой. Из карманов посыпались пятаки, карандашики, мелкие гайки и стеклышки. Следом за ними на дощатом полу звякнула плоская медяшка. Фаддейка разогнул колени, мягко упал на руки и быстро накрыл ее ладонью.

Но Юля уже спросила:

— Ой, что это?

Фаддейка подумал немного, не подымаясь с корточек. Потом встал и протянул непонятную штучку Юле.

Это была бляшка из красноватой меди или бронзы. С неровно обрубленными краями, с коротким обрывком цепочки. Размером с очень крупную монету. Красиво и точно был отчеканен на металле вздыбившийся жеребец — каждый волосок можно разглядеть. Крошечный выпуклый глаз жеребца горел живой красной искоркой. Над конем разбрасывало колючие лучи маленькое солнце. По краю этой медали (или талисмана, или еще чего-то) шли непонятные значки. А может, буквы, только совсем незнакомые.

Обратная сторона медяшки была гладкая.

Юля подержала странную медаль на ладони — тяжелую и удивительно холодную, словно с зимней улицы принесли.

— Что это, Фаддейка?

Он сказал не очень охотно, однако без промедления:

— Это тарга.

— Что?

— Ну... такое старинное украшение одного племени.

— А откуда оно?

— Ну... тут ведь много всяких старых редкостей находят. Потому что исторические места.

Юля покачала таргу на цепочке.

— Интересная вещь... Только не похожа на старинную.

— Почему? — спросил Фаддейка почти испуганно.

— Смотри, она совсем не потемневшая. Даже обычная, не старинная медь быстро темнеет, а эта будто только что из-под штампа.

Фаддейка взял таргу, тоже подержал на цепочке и сказал непонятно:

— Это особая бронза. Когда воздух очень редкий и холодный, она в нем будто заколдованная делается... И потом уже никогда не темнеет.

* * *

...В редком холодном воздухе медный сплав не темнел. Ветер и время изглодали, изрыли камни сигнальных арок и башен, которые там и тут поднимались над красными дюнами в лиловом небе, а колокола блестели на них, как новые. Маленькое, почти не греющее солнце отражалось в полированных боках колоколов колючими звездами.

Эти слепящие вспышки сердили коня. Он мотал головой, фыркал, рывками выдира из песка увязающие копыта и выгибал длинную шею, оглядываясь на всадника. Но закутанный в плащ всадник был неподвижен. Он знал, что конь помнит дорогу и сам отыщет ее в песках.

Второй конь, без седока, был спокоен и шел позади, не натягивая повод. Это был длинногривый смирный конек из породы низкорослых песчаных лошадок.

Скоро подковы стукнули по разломанным полузасыпанным плитам — лошади ступили на остатки древнего тракта, когда-то тянувшегося по границе пустыни и леса. Лес давно отступил к северу, кругом лежали только вылиuzzанные ветром плоские красные холмы. Ветер, постоянный и бесконечный, прижимал к холмам черные стебли стрелоцвета и нес тонкую песчаную пыль. Этот невидимый песок еле слышно звенел вокруг колоколов, начищая их и без того сверкающие бока...

Безлюдье оказалось обманчивым. Из-за ближнего холма метнулись к дороге три всадника. Встали на пути. Тот, что был впереди, поднял над кожаным шлемом руку в боевой перчатке. Громко сказал:

— Кто ты? Остановись и ответь!

Но одинокий всадник не задержал коня. Он подъехал к начальнику патруля вплотную и лишь тогда поднял медный козырек глухого шлема.

— Простите меня, Фа-Тамир, — вполголоса проговорил начальник. — Я не узнал. Как я мог думать, что вы здесь...

— Это ты, Дах? Здравствуй, старый дружище... Сколько же мы не виделись?

Дах наклонил украшенный командирской цепочкой шлем.

— Одному Владыке времени ведомо сколько... По-моему, с похода через Черные Лыды... С тех пор вы стали знамениты.

— Ты по-прежнему начальник сторожевой сотни, Дах?

— По-прежнему, Фа-Тамир.

— Зря ты не поехал тогда со мной в королевский стан.

— Я не жалею, Фа-Тамир. У каждого свой путь по Кругу времени. И моя судьба легче вашей...

— Наверно, ты прав, Дах! Но разве мы искали легкой судьбы!

— Не искали, Фа-Тамир. Судьба решает сама.

— Ты думаешь? — Фа-Тамир внимательно глянул в лицо давнего товарища по боям и походам. Это было лицо старого бойца — коричневое, с похожими на шрамы морщинами и черными точками вьевшихся песчинок. Ветер шевелил седую бороду. Широкие глаза с пожелтевшей, не боящейся песка роговицей смотрели устало и спокойно.

«Мы все такие, — подумал Фа-Тамир. — Мы все устали...»

— Как служба? Спокойно ли вокруг?

— Пустынный край, Фа-Тамир. За сорок дней вы первый на этой дороге... Можно ли спросить, куда ваш путь?

— Наклонись.

Дах нагнулся в седле и снял шлем. Фа-Тамир сказал ему тихо несколько фраз.

— Вот как... — Дах удивленно шевельнул рыжими бровями. — Но разве не могли послать гонцом простого воина?

— Рядового гонца к сету? Что ты, Дах! Король не нарушит обычая... Да и откуда простому воину знать этот путь?

— Вы правы... Король мудр, и мудрость его велика так же, как загадки Круга времени... — Дах не договорил, и в

наступившем молчании Фа-Тамир уловил вопрос. Он оглянулся. Двое всадников почтительно держались поодаль.

— Говори, Дах, что думаешь. Мы давно знаем друг друга.

— Простите, Фа-Тамир, не мне судить о решениях повелителя иттов... Но почему он дал титул сета безродному найденышу? Ведь сеты равны воинам с королевской кровью.

— В нас одна кровь, Дах... А мальчик оказался храбр, ему сразу покорился самый огненный конь... К тому же мальчик знал то, чего не знали итты. Он сказал, что ветер — вечный враг наш — может стать помощником. Научил натянуть над колесницами похожие на крылья шкуры и ткани, и колесницы сами побежали по пескам...

— Разве у иттов нет лошадей?

— Лошадям нужен корм, а его все меньше среди песков, ты знаешь это сам. Ветер же неугомон и не требует ничего... А еще мальчик рассказал, как разжигать огонь с помощью льда.

— Не может быть!.. О, простите, Фа-Тамир.

— Он научил нас вырубать из ледяных глыб ровные круги с выпуклыми, как щиты тауринов, поверхностями. Эти поверхности женщины заглаживали мягкой кожей и теплыми ладонями до блеска. И поверь мне, Дах, я видел это сам — такой прозрачный круг собирает лучи солнца в гжучую точку, и она зажигает сухую траву...

— Это немыслимо, Фа-Тамир...

— Но это так. Теперь наши мастера научились делать такие круги из ясных горных кристаллов и отливать из расплавленного песка. У этих нетающих льдинок есть еще одно непостижимое свойство. Когда смотришь сквозь них на мелкий предмет, он видится во много раз крупнее. Благодаря этому чуду наши собиратели знаний открыли множество тайн, которые раньше были скрыты от человеческого взгляда.

— Откуда такая мудрость в ребенке?

— Здесь много непонятного, Дах... Когда мальчик ушел, король долго печалился. А теперь... — Фа-Тамир снова склонился к начальнику патруля. Услышав тихие слова, Дах долго молчал.

- Печальная весть, — наконец сказал он.
- Да. И потому я спешу. Спокойной стражи, Дах.
- Прощайте, маршал. Счастливого пути по Кругу...

* * *

...Фаддейка опустил таргу в карман. Он пятерней причесал вихры, заправил майку, натянул кеды. На Юлю не смотрел. Было заметно, что ему больше не хочется говорить о тарге. А Юле хотелось расспросить подробнее. Но она взглянула на часики и спохватилась: уже начало седьмого, а почта закрывается в семь.

Письма для нее на почте (конечно же!) не было. Просто свинство какое-то! По всем срокам ему полагалось прийти. Юрка должен был вернуться из плавания в середине июля и обещал написать немедленно. Ну ладно, знаем мы эти «немедленно»! Три дня на раскачку. Пускай еще поддержка какая-то. Но все равно пора...

Вернулась Юля в унынии, за ужином была хмурая. Фаддейка куда-то умчался, и Юля была даже рада: не хотелось разговаривать.

Но когда она пришла к себе, легла не раздеваясь и начала грустно размышлять, что же с Юркой и с письмом, а Фаддейка возник в окошке, она обрадовалась. Потому что письмо, наверно, завтра придет, и сидеть одной весь вечер в тоске и печали — это уж чересчур.

Фаддейка высунул из-за подоконника голову и вопросительно кукарекнул.

Юля улыбнулась ему.

Фаддейка обрадованно взгромоздился в оконный проем и вдруг встал на подоконнике на голову, а прямыми,

как трости, ногами в «языкастых» кедах лихо уперся в верхний карниз. Майка опять съехала на грудь.

- Откуда вы, сударь? — поинтересовалась Юля.
- «Сударь» опять смотрел кино вниз головой, — сообщил он, пребывая в перевернутом состоянии.
- Падай сюда, — пригласила Юля.
- И Фаддейка со стуком рухнувшей поленницы свалился на пол.

ЮРКА

Деловито поплеывая на ладонь, Фаддейка потер ушибленный локоть, уселся на подоконнике, свесил ноги, покачал ими. Проницательно глянул на Юлю.

— Почему ты кисло-вареная?

Юля не стала хитрить и отпираться:

— Письмо жду, а его нет.

— От кого письмо-то?

— Все тебе надо знать... От одного знакомого.

— От того моряка, да?

— Фаддей... — вздохнула Юля. — У тебя ногти не стрижены и пальцы в цыпках. Не лезь ими в мою страдающую душу.

Но Фаддейка полез:

— Он твой жених, что ли?

Юля скорбно сказала:

— Нахал. Иди, я тебе уши надеру.

— Пожалуйста... — Фаддейка хихикнул. — Если твоей страдающей душе будет легче от этого...

Он подошел, сел на край топчана, подставил тонкое розовое ухо с чешуйками облезавшей кожи.

Юля засмеялась:

— Сперва пыль с них отряхни... Ох и дурень ты, Фаддейка.

— Я же еще и дурень!

— А кто? Я?

— А может, я?.. У всех девушек бывают женихи, и все почему-то делают из этого секрет. Смех, да и только.

Юля вдруг сказала с перепадом в голосе и настроении:

— Ох, Фаддейка, я секрета не делаю, просто это для меня самой секрет. Мы про такое с ним никогда не говорили.

Но она сказала неправду. Про такое говорили. Юрка говорил. Еще в девятом классе, весной. Он пришел к ней после футбольной свалки, которую сам деловито организовал с пятиклассниками на покрытом грязью и талым снегом пустыре. Штаны его были мятые и перемазанные, а старый школьный пиджак лопнул под мышкой.

— Зашей, — сказал Юрка.

Юля зашивала и пилила его за то, что такая верзила, а все как маленький. Он и в самом деле вел себя иногда как первоклассник: прорезалась в нем этакая октябрятская дурашливость. Но чаще было наоборот — рассуждал Юрка обстоятельно и умудренно. Тоже сверх меры.

Сейчас из коридора, где Юрка чистил штаны, донеслось:

— Не скрипи, не жена еще.

— Че-го? — изумилась Юля. — Что значит «еще»?

— То и значит. Вот выйдешь замуж, тогда и ворчи.

— Это за кого я выйду? За тебя, что ли?

— А за кого же? — отозвался он хладнокровно.

Юля так и не поняла: настоящая это серьезность или скрытое издевательство. Он умел, Юрочка, под наивной невозмутимостью спрятать жало.

В любом случае Юркины слова были достойны всяческого негодования, и это негодование Юля бурно излила на нечесаную голову самозваного жениха и даже бросила в него через дверь тапочкой. Юрка снисходительно увернулся и проговорил, отряхивая брюки:

— Дак я не понимаю: чего ты бесишься-то? Я думал, это дело решенное.

— Что решенное, идиот?!

— Что мы в конце концов распишемся. — Он нагнул голову под второй свистнувшей тапочкой и пожал плечами: — Ты же сама никогда не спорила, если говорили «жених и невеста».

— Кто нам говорил такое?! Когда?!

— В седьмом классе еще...

— Не было такого ни разу!

— Было. За что я, по-твоему, Андрюхе Пылину шею мылил?

— Ты? Мылил? О господи...

— Ну, значит, ты не помнишь, — миролюбиво разъяснил Юрка. — Было такое один раз... А может, ты и не знала.

— Дурень. Это же еще детство было. Мы тогда только познакомились.

...«Познакомились» — это неточное слово. Учились вместе они с четвертого класса. Но были друг для друга — что есть, что нет. Чем он мог быть интересен девчонке, этот неразговорчивый тощий мальчишка — нестриженный, в потертых на коленях штанах, с исцарапанными и перемазанными краской запястьями, которые торчали из слишком коротких рукавов?

Впрочем, и Юля большой популярностью в классе не пользовалась. Тем более что в замшевых курточках в школу не ходила, в музыкальных записях не разбиралась, хотя отец и подарил ей на день рождения японскую «коробочку» знаменитой фирмы «Сони». Прозвище Спица в глаза Юле никто не говорил (за это можно было и плюху схлопотать), но за спиной кличка порой шелестела и не отлипаала от Юли все годы.

Однажды в октябре, в седьмом классе это было, Юля дежурила в кабинете литературы. Она вытирала пыль на книжных полках и услышала разговор, который вела с несколькими девчонками первая красавица класса Настень-

ка Прокушина. Речь шла о ее, Настинном, дне рождения, обсуждался список гостей.

— Надо и Спицу позвать, — предложила Настенькина адъютантша Светка Терещенко. Юлю девчонки не видели, ее закрывал стеллаж.

Анастасия Прокушина томно сказала:

— Девочки, мне не жалко, но она танцует, как отравленный страус. Что она будет у нас делать?

— На кухне поможет, — ехидно предложил кто-то. — А не позвать все-таки неудобно.

Светка добавила:

— У нее папа сама знаешь кто. Небось раскошелится на такой подарочек, что ахнешь...

Юля, помахивая тряпкой, вышла из-за стеллажа.

— Можно просчитаться, — сообщила она обалдевшим девчонкам. — У папы служебные неприятности, его могут понизить в должности, тут уж будет не до подарочка... Так что я лучше в кино завтра схожу. Расходов всего полтинник на две серии, а смотреть на Клаудию Кардинале все-таки приятнее, чем на вас.

Анастасия обрела самообладание быстро. Ласково пропела:

— Юлечке хорошо. На любое кино «детям до шестнадцати» можно без паспорта.

— На «Мушкетеров» всех пускают, — хладнокровно отозвалась Юля. — Не всем, правда, это понятно: ни машин, ни красавцев в джинсах...

— И с кем это ты пойдешь? — ехидно поинтересовалась Светка.

— Да уж не с твоим Коленькой Каплуновым из восьмого «В».

— Он с тобой и сам не пойдет. У него каблуков таких не найдется, чтобы тебе хоть до плеча достать...

— Вот именно, — отрезала Юля и неожиданно сказала: — Шумов, пошли завтра на «Мушкетеров».

Юрка вытирал доску. Он был настолько «из других

сфер», что девчонки при нем обсуждали свои дела не стесняясь.

Интересно, что Юрка не удивился. Согласился неторопливо и спокойно:

— Завтра? Ну, давай...

— Два сапога — пара, — хмыкнула Светка.

— Две оглобли — упряжка, — со вздохом уточнила Анастасия.

А юркая и ехидная Танька Бортник довела характеристику до точки:

— Два столба — виселица.

— Пять куриц — суп с потрохами, — сообщила в ответ Юля и секунду размышляла, не пустить ли в Таньку тряпкой, но решила быть выше мелочей и гордо ушла из класса.

О разговоре с Юркой Юля забыла, тем более что завтра ей полагалось идти на занятия в турсекцию Дворца пионеров. И она удивилась, когда Юрка подошел на следующей перемене и деловито спросил:

— Да как насчет кино-то как?

Ей сказать бы сразу: ерунда, мол, это я пошутила. А она с чего-то растерялась и хмуро брякнула:

— Договорились же. Давай на четыре часа.

— Давай. Только ты билеты возьми сама, заранее. А то я смогу лишь к самому началу прийти, не раньше.

Тогда Юля рассердилась. То есть не очень даже рассердилась, а удивилась такому нахальству. И оскорбленно сказала:

— Балда! Его девочка в кино приглашает, а он: купи билеты!

С Юрки ее оскорбленность — как с гуся вода. Он объяснил вразумительно:

— Девочка должна понимать, что у меня завтра дел дома вот столько. — Он чиркнул ладонью по тощему длинному горлу.

И Юля, вместо того чтобы оскорбиться снова, вдруг согласилась:

— Ладно уж, раз ты такой занятой...

...Если бы она знала! Он появился у кино «Якорь», где шли старые «Мушкетеры», за две минуты до начала. И не один, а с двухлетней закутанной девчонкой, которая цеплялась за его штанину и смотрела снизу вверх преданными глазами-пуговками.

— Это что? — изумленно выдохнула Юля.

— Не что, а кто, — уточнил Юрка. — Маргарита.

— Зачем?

— А с кем я ее оставлю? Ясли на карантине, Ксенька вторую неделю в больнице с воспалением, мать мотается между больницей и работой...

Дребезжал уже второй звонок.

— Идем, — ледяным тоном произнесла Юля.

Маргариту пустили, конечно, без билета. Места были недалеко от края, Юрка сказал:

— Давай я ближе к проходу сяду. Две серии без перерыва, она все равно запросится...

Юля мысленно застонала и уставилась на экран, где еще ничего не было.

Маргарита оказалась покладистой девчонкой, не возилась и не хныкала, добросовестно тарачилась на машущих шпагами мушкетеров и гвардейцев. Но в начале второй серии она в самом деле беспокойно забормотала Юрке в ухо. Что-то шепотом объясняя соседям-зрителям, Юрка выбрался из ряда, а через пять минут так же вернулся. Грузной тете, которая сердито шипела и не хотела подобрать ноги, Юрка внушительно сказал:

— У самой, видать, маленьких не было. Ребенок разве виноват?

Тетя задышала, как перегретая кастрюля-скороварка. Она была жутко противная, и Юркино поведение Юле понравилось. И слова его показались справедливыми. В самом деле, ребенок разве виноват? Досада на Юрку еще сидела в Юле, но к досаде примешалась непонятная виноватость. Юля оторвалась от кино и покосилась вбок. Осве-

щенное экраном Юркино лицо — худое, с торчащими скулами — казалось бледным и даже чуточку красивым. Почти как у Атоса. А смиренная Маргарита ласково посапывала, прижавшись щекой к Юркиной куртке.

И Юля прошептала:

— Давай я ее подержу. У тебя, наверно, уже колени онемели.

И Юрка согласился:

— Подержи. — А обеспокоенной Маргарите сказал: — Не бойся, это Юля. А я тут, рядышком...

После кино, несмотря на Юлины возражения, Юрка с Маргаритой на плечах проводил Юлю до подъезда. Тогда она завела их к себе (тем более что Маргарита опять шептала Юрке на ухо), напоила чаем и сама проводила их до дома. Тогда Юрка оставил Маргариту с вернувшейся матерью и опять довел Юлю до ее подъезда...

Через месяц они как-то просто, ни у кого не вызвав удивления, стали для всех в классе «Ю в квадрате». Чаще всего это говорилось по-хорошему, без ехидства. Не все ведь были такие, как Анастасия Прокушина или глупый Андрюха Пылин...

...Но при чем тут женитьба?

Отношения их с самого начала были... ну, такие, которые старшеклассники с усмешкой называют «пионерскими». Так, по крайней мере, казалось Юле.

— Пень ты, Юрка, и чучело, — сказала Юля и швырнула ему защиту куртку. — За будущими невестами ухаживают, их на руках носят и вообще...

— Тебя поносишь, — хмыкнул он. — А что «вообще»?

— Я же сказала... ухаживают...

— А я разве не ухаживал?

— Ты-то? Вот балда! Ухаживальщик! Мы даже...

— Что?

Ее будто за язык дернули:

— Даже не целовались ни разу.

Она тут же перепугалась, а он сохранил спокойствие:

— За этим все дело стало? Вообще-то, по-моему, это предрассудок, но если тебе очень хочется...

— Больно надо... Юрка, ты чего? Уйди, балбес! Я кому говорю! Юрка, я стукну!.. Ну, ты с ума сошел?! Ма-ма-а!!

— Мамы же нет дома, — хладнокровно напомнил Юрка.

— Уйди, говорю! Ай!! Вон папа приехал!

За окном правда прошуршала отцовская «Волга».

— Пап всегда приносит не вовремя, — заметил Юрка, вытирая губы.

— Пошел вон, дубина! Видеть тебя не хочу!

— Ты же хотела мне еще штаны погладить, — напомнил он.

— Нахал!.. Поглажу, и убирайся...

...В восьмом классе все думали, что Юрка после экзаменов пойдет в ПТУ. Но он весной заявил, что останется в девятом. Это, конечно, всполошило и классную, и завуча — не подарок, мол. Но Юрка деловито сдал экзамены без троек и забирать из школы документы отказался. Попробовали вручить их почти насильно — тогда Юрка сказал, что не имеют права, и пообещал сходить к собкору «Комсомолки». Газет завуч и директор боялись как чумы: недавно в «Молодом ленинце» была напечатана про школу статья: как «оптом» принимали здесь в комсомол сразу два седьмых класса и не приняли — по указанию завуча — лишь одного мальчишку. Речь шла о младшем брате Анастасии Прокушиной. В отличие от сестрицы он был парнишка что надо и заступился за перепуганного первоклассника, которому громогласная тетушка-завхоз грозила за что-то немедленным изгнанием из школы, колонией и отрыванием головы. Это «вмешательство в воспитательный процесс» и разгневало завуча...

Услышав о собкоре, от Юрки отступились. Но классная, которая считала откровенность своим большим достоинством, Юрке сказала при всех:

— Ты что, после школы в университет собрался? Из тебя студент — как из снежной бабы кочегар.

Юрка поблагодарил за остроумное сравнение и ответил, что, куда он собрался, это его собственное, сугубо личное и никого других вот ни настолечко не касающееся дело.

Классная тогда выдала, уже не сдерживаясь:

— О матери бы подумал! В училище же стипендия, потом зарплата, стал бы помогать.

— Ничего, мы пока не голодаем, — хладнокровно сказал Юрка.

...Конечно, они не голодали. Но сказать, что у Юрки дома все благополучно, тоже было нельзя. Еще в седьмом классе, перед Новым годом, он зашел за Юлей, чтобы пойти в парк на лыжах, и вдруг вынул из оттопыренного кармана пачку трешек и пятерок.

— Спрячь куда-нибудь пока, а то потеряю.

Юля вытаращила глаза:

— У тебя откуда столько?

— У папаши получку забрал. — Юрка сказал это, как всегда, спокойно, только острые скулы его слегка затвердели. На секунду. Потом Юрка объяснил: — Он пришел и сразу — брык отсыпаться. Я и вынул. У него если деньги не забрать, может закеросинить с друзьями. А так проспится — и все в норме... Ты не думай, он не так уж часто этим балуется, только с полочки. Его приятели подбивают. Принимаешь, он хороший мужик, но бесхарактерный.

Юля слушала, мигая от удивления и неловкости. До сих пор она с такими жизненными драмами не сталкивалась. Немыслимо было, чтобы ее папа вернулся домой пьяным.

Отец командовал большим строительным управлением, пропадал на своих «объектах», «мотал нервы» на работе и совершенно «не умел жить». Жить умела мама. Благодаря маме у них был «дом, как у приличных людей». Именно она вовремя давала умные советы отцу: с кем знакомиться, где что говорить, что когда покупать и какие куда брать путевки. Отец отмахивался, но потом как-то незаметно соглашался. Это было проще, чем тратить вре-

мя на споры. Несмотря на все различия с Юркиным отцом, папа тоже был «хороший, но бесхарактерный». На нем, по словам мамы, «ездили, как хотели».

Но однажды Юля услышала, как отец взорвался. Во время телефонного разговора. Он кричал сбивчиво, хрипло, безудержно швыряя слова. Словно все вокруг рубил шашкой:

— ...Но, черт возьми, почему я в мирное время должен постоянно «бороться»? Не выполнять план, а «бороться» за него! Борьтсья с бетонщиками из-за их бракованных плит, которые пускать в дело не имею права, а вы заставляете! Борьтсья с Петряковым, который забрал у меня два крана, а требует сдачи корпуса к декабрю! Борьтсья с этим жуликом Сочневым, которого вы навязали мне в замы, а он крадет плитку для дач!.. Вы прекрасно знаете чьих!.. Нет, именно крадет!.. И с вашим собственным идиотизмом бороться надоело, потому что план планом, но в домах-то этих люди жить должны!..

Он швырнул трубку, прошел мимо бледной мамы и очень спокойно сел смотреть телевизор.

— Все, — в тихой панике сказала мама. — Это конец. Завтра он пойдет в дворники.

Но отец не пошел в дворники ни завтра, ни в следующие дни, хотя все знали, что говорил он так с человеком, чье имя в городе произносили с почтительным придыханием. Ничего плохого не случилось, даже зама Сочнева куда-то перевели...

Но через месяц отца увезли на «Скорой» со вторым инфарктом. И не спасли...

Это случилось в сентябре, когда Юля и Юрка начинали учиться в десятом.

Все переменилось. Постарела и сникла мама. Пустой и чужой какой-то сделалась квартира с холодными, как льдинки, люстрами и громоздким югославским гарнитуром. Пропали куда-то знакомые.

Одно только изменилось к лучшему, если можно гово-

рить так после всего, что случилось: мама, которая раньше Юрку едва терпела, сейчас встречала его доброй и немного виноватой улыбкой.

Юрка в те дни все время был рядом — молчаливый, мягко деловитый и ненавязчиво ласковый...

Той осенью Юля навсегда перестала писать стихи. Здесь не было прямой связи со смертью отца. Просто она стала гораздо взрослее и серьезнее, однажды перечитала все свои сонеты и баллады о дальних островах и влюбленных флибустьерах и поняла, какая это чушь. На свете и так полным-полно скверных стихов (даже напечатанных), зачем же еще увеличивать и без того несметное их количество? Зачем маяться над глупо-напыщенными своими строчками, когда другие люди написали столько замечательных стихотворений и поэм?!

И романов!

И рассказов!

И вообще всяких удивительных книжек!

Книги Юля полюбила в те дни еще больше. И теперь в споре с самой собою все сильнее склонялась к решению, что быть ей не географом, не бродягой-геологом, а тихим и усидчивым работником библиотеки (а потом, может, и ученым-библиографом). Потому что в походах любила она не открытия, не находки всякие, не выкапывания минералов, а просто пути-дороги. И красоту этих дорог, лесов, озер и скал. Костры на привалах. Чуткие переборы ночных гитар среди дремлющих палаток. Утреннее солнце над росами и хитроватую желтую луну, что сквозь черные ветки поглядывает на притихших у огонька ребят... Но ведь такое любованье и бродяжничанье не сделаешь своей работой. А книги — это была целая жизнь. Надолго, навсегда. До самой старости. Потому что, когда ты с книгами, ты сразу с тысячами разных людей. А Юле были интересны все человеческие жизни, во все времена, хотя со стороны она казалась сдержанной и даже замкнутой. Не только с посторонними, а даже и с друзьями. В туристской

секции Юлю Молчанову звали Молчулия, ловко соединив имя, фамилию и характер. А иногда и Гран-Молчулия — имея в виду ее рост и отличие от Пти-Молчулии — тоже очень сдержанной, но маленькой Юльки Карпенко...

Впрочем, сдержанность Юлина не была сумрачной. Иногда Гран-Молчулия на привалах дурачилась не хуже мальчишек-пятиклассников. И песни у костра пела вместе со всеми...

Библиотечную работу Юля не считала ни однообразной, ни «малопрестижной». На чужие суждения о «книжных червях» и «библиотечных крысах» плевать она хотела. А что зарплата будет так себе, то здесь причин для тревоги она не видела. Проживет! Во-первых, при ее внешности лишние наряды все равно ни к чему. Во-вторых... несмотря на внешность, не будет же она до конца дней жить только с мамой...

А как она будет жить? Где?

Скорее всего, в каком-нибудь приморском городе. Лучше всего на Дальнем Востоке. Светлая библиотека с застекленным фасадом будет стоять на склоне сопки — оттуда, с высоты, открывается вид на синюю бухту с белыми теплоходами, деловитыми буксирами и портовыми кранами... Конечно, среди множества судов Юля будет легко узнавать *его* корабль, когда *он* станет возвращаться из дальних рейсов... А пока *он* в рейсе, она будет ждать, грустить по вечерам, а днем выдавать неугомонным ребятишкам из соседних школ самые лучшие книги, проводить читательские конференции и... по выходным и во время отпуска опять же отправляться в походы по тамошним заповедным местам...

Помечтав так минут пять, Юля беспощадно обсмеивала себя за бестолково-детскую наивность, по-взрослому напоминала себе, что жизнь, скорее всего, окажется совершенно не такая: никаких библиотек над морем нет, мальчишки будут терять и рвать книги и курить потихонь-

ку в библиотечном коридоре, времени на туристские развлечения не останется, а *он*...

Он между тем, как и хотел, поступил в Калининградское высшее морское училище рыболовного флота. И приезжал на каникулы, сверкая шеvronами и якорями (от блеска которых растопыривали глаза и распускали губы все знакомые и незнакомые девицы). Приезжал он нечасто и ненадолго — осенью и зимой отпуска короткие, летом — практика. Переписывались они аккуратно, однако письма получались суховатые и все как-то о делах, а вовсе не о каких-то там чувствах. У нее — про училище и про то, где теперь бывшие одноклассники. У него — про занятия штурманскими науками и плавания. Но если в Юлиных письмах была скрытая неловкость и скомканность, то в Юркиных — спокойствие и краткая деловитость.

Ни о каких семейных планах Юрка не писал и не говорил. Даже в шутку. То ли считал прежние разговоры дурашливой болтовней (и думал, что Юля так же считает), то ли, наоборот, полагал, что все решено и нечего зря тратить слова. А может быть (Юля догадывалась об этом, все-таки она его характер-то изучила), он отчаянно стеснялся писать о главном. Несмотря на всю свою решительность, в каких-то вопросах он был до безобразия деликатен. Целоваться тогда полез, дубина такая, потому что вроде бы игра была, а потом, когда принес букет на день рождения, краснел, как эти самые розы...

В общем, поди разберись! Да и в чем разбираться? Откуда она взяла, что у Юрки есть к ней что-то, кроме обычного приятельского отношения? Если есть, мог бы сказать, в конце концов, а то чурка какая-то... И Юля прошлой осенью назло ему (а также потому, что любопытно и приятно) поддалась ухаживаниям длинного изящного «политехника» Бори Шуйского, знакомого по туристскому клубу «Азимут». Значит, не такая уж она уродина, если Боря что-то в ней нашел!

Они ходили в кино, на выставку местной живописи и в кафе-дискотеку. И завистливые бывшие одноклассники шепотом удивлялись им вслед.

А Юрка, прилетев на Октябрьский праздник, два дня спокойно и снисходительно смотрел на это безобразие. На третий день он встретил Юлю и Бориса в скверике у городского театра, и в руке у него был прямой железный стержень.

Юля обомлела от страха и за Бориса, и, главное, за Юрку: попадет балда в милицию — и прощай училище. Но все кончилось очень деликатно. Юрка улыбнулся, взял под козырек, потом под носом у слегка побелевшего Бори крепкими пальцами завязал на восьмимиллиметровой проволоке изящный узел, который на флоте называется «беседочный», а у туристов и альпинистов — «булинь». Затем он подарил стержень с железным узлом Боре на память, а Юлю взял под локоть и сказал:

— Извините, у нас дела.

Обмякшая от переживаний Юля покорилась молча и только через сотню шагов жалобно сказала:

— Ох и нахал...

— Я понимаю, — сочувственно отозвался Юрка. — Нахал и хлыщ. Конечно, ты стеснялась ему это сказать, вот я и решил помочь.

— Ты нахал! — уже решительно уточнила Юля.

Юрка остался невозмутимым:

— Да? А я думал, что нахальство — когда человек приезжает на несколько дней, а у него под носом такой спектакль.

— Тебе не кажется, что это мое личное дело?

— Кажется. Вот я и не вмешивался в него целых два дня.

— А зачем вмешался?

— Ну... — Он еле заметно усмехнулся. — Я же понимал, что тебе это будет приятно.

— Нахал, — сказала Юля третий раз, потому что ей на самом деле было приятно (хотя и жаль чуточку Борю Шуйского).

Юрка снисходительно разъяснил:

— Я же понимаю: бывает скучно одной, поразвлекаться хочется. Я ничего, не против. Только знай меру.

Это было уж совсем чересчур! И Юля собралась выпалить Юрке все свои мысли о его бессовестной наглости. Но одумалась и только ехидно спросила:

— А ты там тоже «развлекаешься»?

— Там некогда, — вздохнул он.

— Ах, только поэтому.

Он не обратил внимания на издевательскую нотку. Серьезно спросил:

— Как ты думаешь, куда распределение просить? Можно остаться в «Запрыбхолоде» на Балтике, можно на Тихий океан.

— А я почему знаю?

— На Восток лучше. Но больше хлопот, конечно. Стариков придется перевозить и девчонок... А твоя мама согласится?

— А... моя-то мама при чем?

— А ты что, одну ее тут оставишь?

— Нет, ты в самом деле чудовищный и безграничный нахал. Ты меня-то спросил?

Он посмотрел на нее, пожал плечами:

— Все-таки женская психика — загадка... Ладно, получу диплом, тогда уточним.

...Летом он приехать не смог — курсанты сразу после сессии уходили в дальнее плавание — аж до самой Канады. Готовилась международная гонка больших учебных парусников. Так она и называлась — операция «Парус». Юрка вызвал Юлю к телефону, слышимость была неважная, минут на разговор отводилось немного, и весь разговор этот свелся к тому, что Юля уедет в Верхоталье на

практику, а он ей обязательно туда напишет. Потому что она ему писать не сможет: куда пошлешь письмо? «Атлантика, до востребования»?

— Ну и вот... — вздохнула Юля. — Было это в мае, а уже август к концу пошел. А писем нет ни одного... Я-то думала, их здесь целая пачка лежит... Может, случилось что в плавании? Ураган какой-нибудь...

— Если бы что случилось с «Крузенштерном», про это бы в газетах написали, — утешил Фаддейка. — Это же такой знаменитый корабль. Просто почта барахлит. Бывает... Юль, а у тебя его карточка есть?

Юля кивнула. Дотянувшись до сумки, достала конверт, а из него — снимок.

Фаддейка разглядывал его недолго, но внимательно. Одобрительно сказал:

— Ничего он у тебя. Красивый.

Юрка не был красивый: скулы торчащие, нос сапогом, светлая клочкастая прическа. Но это был Юрка, и Юля не возразила. Кроме того, Фаддейка имел в виду, наверно, красоту курсантской формы.

— А это сестры его? — спросил он.

— Да... — Юрка был снят с обеими девочками. — Они в нем души не чают. До десятого класса так и таскались за ним, как хвостики.

— Старшую как зовут? — деловито поинтересовался Фаддейка.

— Ксения... Славная такая. Маргарита вредная стала, как подросла, а эта спокойная, умница. Твоя ровесница.

— Вижу, — коротко ответил Фаддейка. Повертел в пальцах конверт. — Говоришь, писем нет, а это что?

— Это же старое еще, весеннее. И даже не мне, а сестрам, посмотри внимательно! Я конверт у девочек взяла, потому что индекс училища забыла...

— Юль, он напишет, ты про это не бойся, — сказал Фаддейка. — Ты на него посмотри: это человек надежный.

СТАРАЯ МОНЕТА

Утром Фаддейки дома не оказалось. Кира Сергеевна объяснила, что раным-рано за ним пришли двое мальчишек с соседней улицы. Там они строят не то плот, не то фрегат с громким названием «Беллинсгаузен», и Фаддейка у них главный советник.

— А правда, что Беллинсгаузен ваш предок? — поинтересовалась Юля.

Кира Сергеевна только рукой махнула. Она была не в духе. Юля знала почему: у старшей дочери начались нелады с мужем, а сын написал, что после армии хочет остаться во Владивостоке: влюбился и думает жениться...

Когда Юля шла Песчаным переулком к берегу, ей показалось, что за деревьями мелькнула морковная майка. Но далеко было, не разглядела. А на углу Песчаного и Береговой она услышала скандальный крик:

— Ну чего ты! Чего надо! Пусти, балда лысая, все равно ничего у меня нет!.. Пусти лучше, я укушу!

У забора, за пыльными кустами желтой акации, опять мелькала знакомая майка, да и голос был Фаддейкин. Юля ринулась через кусты.

Длинный, стриженный наголо парень держал Фаддейку за штаны, обшаривал его карманы и равномерно отпускал ему аккуратные щелчки. Фаддейка извивался и подпрыгивал. Один кед его слетел и застрял среди веток.

Юля скачком преодолела три метра и ладонью длинно, с оттяжкой, вытянула хулигана по упругой шее. Тот икнул, завалился в кусты и завопил:

— Ты что, идиотка! С перепоя, что ли?! Глиста бешеная!

Юля шагнула к нему. Парень сделал кувырок назад, проломился сквозь ветки и скачками бросился вдоль берега. Оглядывался и орал:

— Психопатка! Оба вы! Фадька, я тебе припомню!

Юля мчалась за ним, и оба бежали очень быстро, но Фаддейка догнал ее и повис на локте.

— Да подожди ты! Ну, стой! Не надо, он же понарошке!

Юля остановилась, запальчиво дыша.

— Что понарошке?

Фаддейка хмыкнул:

— Успокойся...

И пошел обратно, к злополучной лужайке в кустах. Встрепанный, измятый, без одного башмака. Майка скособочилась, гольфы сползли, один съехал с ноги наполовину и волочился по доскам тротуара.

Юля мигала и шла следом.

Фаддейка отыскал в ветках кед и покосился на Юлю. Стрельнул искоркой.

— Похоже получилось, да? Я его нарочно подговорил, а вообще-то он никогда не дерется. Это Санькин брат...

Юля еще шумно подышала, почистила платье и сухо спросила:

— Зачем такой спектакль?

Фаддейка вытряс из кеда сухие стручки, крепко дунул в него, старательно натянул кед на ногу, потоптался и глянул на Юлю с виноватинкой, но и опять же с искоркой.

— Я посмотреть хотел, что ты будешь делать.

Юля представила, как она выглядела в этой дурацкой погоне, и застонала про себя. А отвратительному Фаддею сказала:

— Хотел узнать, что я буду делать? Иди сюда...

Он засопел и подошел с послушным лицом. Юля крепко взяла его двумя пальцами за круглое холодное ухо. Фаддейка покорно зажмурился, но из-под ресниц левого глаза опять скользнула искорка.

— Ладно... — выдохнул Фаддейка.

— Что «ладно»?

— Дергай...

— Авантюрист рыжий, — сказала Юля. Отпустила ухо, заправила на Фаддейке майку, отряхнула от мусора и сухих листьев пятнистые шорты и заодно хлопнула. — Нет, ты меня в гроб загонишь.

Он хихикнул, но тут же серьезно объяснил:

— Я хотел проверить, очень ли ты надежная...

Юля опять потянулась к облупленному уху. Фаддейка отскочил.

— Зачем тебе моя надежность? — сердитым голосом спросила Юля.

— На одно дело пойдем. Понимаешь, там риск.

— А ты меня спросил, пойду ли я «на дело»?

— Пойдешь, конечно.

— Фигушки. Опять на ночное кладбище или еще куда-нибудь. Или в плавание на вашем «Беллинсгаузене». Вместо мачты меня поставите... Нет уж, у меня морских предков не было.

— Это сухопутное дело, — успокоил Фаддейка. — Вечером узнаешь.

В конце рабочего дня он явился в библиотеку с мотком бельевого шнура на плече.

— Здравьете, Нина Федосьевна. Юля уже кончила работу?

— Забирай свою прекрасную даму, — улыбнулась Нина Федосьевна. — Юля, а говорят, что рыцари на свете повывелись.

— Это не рыцарь, а пират. Знаете, что он утром учудил? — Она увидела укорованный Фаддейкин взгляд. — Ладно уж, молчу...

На улице Фаддейка зашагал впереди. Не к лестнице, а в другую сторону.

— Могу я хотя бы узнать, куда меня ведут? — хмуро спросила Юля.

Не оглядываясь, Фаддейка объяснил:

— Тут недалеко стена и остатки башни. От крепости остались... Недавно земля сползла, а в камнях щель открылась. То ли ход какой, то ли подземелье там. Надо же узнать! Щель узенькая, но я пролезу... Привяжусь веревкой, а ты меня вытащишь, если что случится...

— Еще чего! Никуда я не пойду! И тебя не пушу одного!
 — Вместе мы все равно не сможем, ты не пролезешь.
 — Не выдумывай! — с непритворным страхом сказала Юля. — А если там обвалится?

Фаддейка оглянулся и поддернул шорты — они сползали под тяжестью длинного фонарика, который торчал из кармана.

— Я мог бы ребят позвать, да не хочу раньше срока всем разбалтывать. Вдруг там открытие какое-нибудь...

Юля решительно заявила:

— Я сейчас утащу тебя к Кире Сергеевне и попрошу снова запереть в чулане, пока дурь из твоей головы не вылетит.

На ходу Фаддейка небрежно разъяснил:

— Я посижу и скажу, что она вылетела. А как выйду — сразу сюда, один-одинешенек. И если будет несчастное происшествие, тебя совесть замучает.

— Ну что ты за бессовестное создание, — жалобно проговорила Юля...

Фундамент развалившейся башни уходил в толщу речного обрыва. Обвалившийся земляной пласт открыл его нижнюю часть. Среди гранитных валунов, переложенных кирпичами, в самом деле чернела щель — около метра в длину, а шириной как раз для тощего пацаненка. Увидеть ее можно было, если заглянешь с обрыва вниз. А чтобы попасть в нее, надо или спуститься метра на три от основания башни на веревке, или снизу, от воды, забраться метров на пятнадцать по отвесу.

Фаддейка деловито и неумело начал обвязывать себя под мышками.

— Дай-ка, — обреченно сказала Юля и сделала ему альпинистскую страховку. — Ох, в недоброе дело ты меня втягиваешь...

— Да не бойся! Если там узко, я далеко не полезу.

Юля с нехорошим чувством и со вздохами забралась на

обломки башни. Земляная площадка среди камней поросла пыльной травой.

— Хотя бы дал сходить переодеться... — уныло проговорила Юля и легла в эту траву в своем сером платье.

— Ага. И дома ты проговорила бы тете Кире, — проницательно заметил Фаддейка. — Держи веревку, я пошел...

Держать было нетрудно: весу в Фаддейке как в котенке. Царапая о камни живот и колени, цепляясь за трещины в камнях, Фаддейка начал спускаться по кладке фундамента. Сразу же сорвался и повис на шнуре. Над пятнадцатиметровой пустотой. Не пикнул.

«Ох, что я, дура, делаю», — подумала Юля. Но спустила Фаддейку до щели. Потому что была уверена: иначе он ползет один, без страховки.

Фаддейка воткнулся в щель плечом, поелозил, влез в нее наполовину. Потом выбрался опять, глянул снизу на Юлю и пообещал:

— Я далеко не пойду!

— Если что, дерни три раза, я поташу! А если я сама три раза дерну — значит, вылезай!

— Ага! Я пошел!

И он исчез. Двадцатиметровый капроновый шнур быстро заскользил у Юли в ладонях: видимо, проход был свободный и Фаддейка лез по нему без остановки. В полминуты ушло на глубину больше половины веревки.

Потом она перестала скользить.

— Эй, Фаддейка! Как ты там?! — крикнула Юля со страхом и без особой надежды, что он услышит. Кажется, из земных недр донеслось что-то вроде «уор-мр-м...». «Нормально»? Или послышалось?

Юля сосчитала до десяти, натянула шнур и решительно дернула три раза. В ответ она ощутила слабые рывки. Но сколько? Три? Или просто беспорядочная возня? Она перепуганно дернула снова! И веревка заскользила назад без сопротивления.

Еще не понимая, что случилось, Юля с нарастающей паникой тянула, тянула ее, и вот из щели выскочил и закачался отвязавшийся конец. Юля уставилась на него, как на кобру.

Батюшки, что случилось? Веревка отвязалась, и Юля оставила Фаддейку без спасательного конца? Нет, страховка сама собой не развяжется. Значит, он нарочно освободился от нее? Зачем? И где он сейчас? Лезет в неизведанную глубину? Или придавлен осевшим камнем? Или задыхается под обвалом?

— Фаддейка-а! — отчаянно заголосила Юля.

И в ответ услышала удивительную тишину. Спокойную летнюю тишину, равнодушную такую... Только в бойницах развалившейся стены чирикали и копошились воробы. Да на том берегу мычала корова.

И пусто кругом. Никогошеньки...

А если кто и будет? Чем поможет, как раскопает эту каменную толщу? Как пролезет в щель?

— Фаддейка!! Где ты?!!

Ох как тихо! До звона. Это так звенит ужас. До сих пор не знала она такого страха и отчаяния...

Зачем отпустила? Где он там? Живой еще? Или... Ой, мамочка! А что она скажет Кире Сергеевне? Позвать кого-нибудь? Саперов, пожарников, горных спасателей? Где их взять?

Хоть бы он выбрался обратно! Ничего ей больше не надо! Ни письма от Юрки, ни диплома в училище, никакой счастливой жизни! Лишь бы Фаддейка оказался невредимый! Почему его нет? Сколько времени прошло? Пять минут? Час?

— Фаддейка-а!!

— Ну чего ты так вопишь? — сказал он откуда-то сверху.

Юля дернулась и села в траве. Фаддейка стоял среди тонких березок на осыпавшемся гребне стены и смотрел оттуда, будто так и было задумано.

«Миленький мой! Целехонек! Счастье-то какое! Скотина бессовестная! Чтобы я еще куда-нибудь с ним...»

Юля быстро шла через сорняки прибрежного сада. Фаддейка — шагах в трех позади — еле поспевал за ней. И говорил:

— Ну чего ты... Ну, не хватило веревки, я и отвязал, а то ты сразу бы назад потянула. А там совсем свободно... Ну чего ты... Там сперва прямо, а потом вверх и вверх, а потом смотрю — светло... Ну, Юль...

Из-под глыбы гранита выбивался и бежал по бетонному желобку очень чистый ручеек. Юля перешагнула. Фаддейка проскочил вперед, остановился на пути и сказал решительно:

— Умойся хотя бы. Большая такая, а вся зареванная.

— Из-за тебя из-за дурака...

— Ну, из-за меня. Что теперь, так и будешь неумытая ходить?

— Дурак...

— Ну, пусть дурак. Все равно умойся.

— Не хочу с тобой разговаривать...

Юля вернулась к ручейку, присела, плеснула в лицо несколько пригоршней. Вода пахла вялыми тополиными листьями. Юля вздохнула и стала умываться как следует. Сквозь мокрые пальцы взглянула на Фаддейку. Он стоял в трех шагах и хлестал мотком веревки по кривой садовой скамейке. И смотрел куда-то в сторону. И был весь такой сердито-обиженный, шея тонкая, майка в пыли и глине, а в рыжих космах — земляные крошки и, кажется, сухие пауки. Щеки и руки-ноги тоже перемазаны землей.

Юля платком вытерла лицо и сказала мимо Фаддейки:

— Еще и дуется...

Он обрадованно стрельнул в нее глазами.

— Сама дуешься.

— Знаешь, что мне хочется с тобой сделать?

— Ага! — с готовностью отозвался он. — Опять за ухо!

— Нужны мне твои уши... Выстирать бы тебя, выжать и высушить на веревке. Чтобы и мозги заодно прополоскались и проветрились... Иди сюда.

Фаддейка подошел с дурашливо-покаянным лицом. Юля отряхнула его вихры и майку. Мокрым платком стала вытирать нос и конопатые щеки. Фаддейка фыркал и жмурился, но не спорил. Потом пробубнил в платок:

— Сама не знаешь, чего перепугалась.

— Тебя бы на мое место! Я такого натерпелась...

— Когда ты успела! Я там три минуты был!

— Балда, это для тебя три минуты. А для меня три часа... Брысь!

Она повернула его, хлопнула платком по шее, заросшей желтым пухом. Фаддейка потер шею и насупленно сказал, не обернувшись:

— Даже не спросила, что там такое, в этой дыре.

— Дыра — она и есть дыра. Насквозь. Чтоб такие шалопаи лазили.

— А вот и нет! — Он обернулся и прищурил правый глаз. — Там подземелье! Комнатка такая с кирпичным потолком. Там, наверно, раньше казна хранилась.

— Обормотов таких туда сажали... Пошли домой.

— Я хотел там все внимательно осмотреть, да подумал, что ты волнуешься...

— И на том спасибо...

— Хватит уж рычать-то, — сказал Фаддейка серьезно. — Смотри, что я там нашел.

Он запустил руку в отвисший карман и протянул Юле на растопыренных пальцах темный кружок. Неровный, шириной во всю его ладошку. Пряча любопытство и все еще с недовольным видом, Юля взяла находку. Это была монета. Тяжелая и такая большущая! К ней крепко присохли чешуйки сухой земли и кирпичной пыли, зеленели пятнышки медной окиси, но Юля сразу разглядела вензель Екатерины Великой: букву Е, перечеркнутую римской цифрой II, корону и всякие завитки по краям.

— Ух ты... — прошептала Юля и перевернула монету. Потерла платком. На другой стороне какие-то два зверя — не то лисы, не то куницы — стояли на задних лапах и держали свиток с мелкой надписью:

Десять
копѣкъ

А по кругу шли четкие большие буквы:

МОНЕТА СИБИРСКАЯ

Внизу были выбиты цифры: 1772.

— Вот это старина... — Юля с уважением покачала на ладони медную тяжесть. — И громадная. Ничего себе гривенничек, да, Фаддейка?

Он довольно хмыкнул.

— А что за звери здесь? — спросила Юля. Она радовалась и находке, и тому, что можно уже не сердиться.

Фаддейка снисходительно объяснил:

— Соболя. Потому что такие деньги специально для Сибири и для Урала делались... Это не такая уж редкость, здесь их часто находят...

— Все равно интересно...

— Ага... Я ее знаешь как нашел? Локтем зацепился, посветил, а она торчит между кирпичами. Если кирпичи разобрать, там, наверно, еще есть. Может, целый клад.

— Ты что, еще раз туда собираешься? — снова перепугалась Юля.

Он засмеялся:

— И не раз даже. Там от стены-то совсем свободный проход, только никто про него не знал... Да ты не бойся, это я потом, с ребятами... Ну, чего ты такая прямо вся осторожная! А еще первый разряд по туризму!

— Это же у меня разряд, а не у тебя...

Юля еще раз опасливо вздохнула и протянула Фаддейке монету. Он сказал:

— Возьми ее себе.

— Да что ты! Это же твоя находка... Такая интересная.

— Вот и возьми, раз интересная... Ну, чего ты? Если не возьмешь, я ее с берега кину. Честное пионерское! — Он решительно свел реленькие рыжие брови.

— Ну... тогда ладно, — смущенно сказала Юля. И ус-

мехнулась: — На память... Как посмотрю на нее, так и вспомню про весь сегодняшний страх.

— Хватит уж об этом, — ворчливо отозвался Фаддейка. — Пошли домой.

— Сперва на почту зайдем.

— Не работает почта. Все в колхоз уехали морковку дергать.

— Откуда ты знаешь?

— Объявление висит. Я сегодня ходил туда, видел.

Юля про себя засомневалась: не сочиняет ли? Может, просто не хочет идти лишние три квартала? Или боится, что она опять не получит письма и расстроится?

— Что ты там делал, на почте-то?

— Письмо хотел отправить... Пошли! — Он зашагал впереди Юли, помахивая веревкой.

Юля недоверчиво сказала ему в спину:

— Кому это ты письма пишешь?

— Ну, кому... Маме. А что такого?

— Да нет, ничего, — смутилась Юля. — Просто я подумала, что на нашей улице тоже почтовый ящик есть.

— А я заказное решил послать, чтоб надежнее. А то она не пишет и не едет. Давно уже обещала приехать...

— Скучаешь? — осторожно спросила Юля.

Фаддейка сказал с усталой ноткой:

— А ты как думала...

Кира Сергеевна по-прежнему была не в духе. Увидев перемазанного Фаддейку, она обратила глаза к небесам и спросила, за что ей на старости лет такое наказание. Небеса остались безмолвны. Тогда тетя Кира заявила:

— Бери таз, снимай все и стирай. Хватит с меня. И есть не проси, пока не выстираешь.

Это было не очень-то логично: есть он никогда не просил, приходилось загонять за стол силой.

— Подумаешь... — хмыкнул Фаддейка.

Через несколько минут он в одних плавках танцевал во

дворе у табурета с большущим тазом. Разлеталась пена и снежными хлопьями садилась на листья рябин. А мыльные пузыри уплывали под ветви разлапистой ели — будто ель заранее примеряла новогодние украшения из прозрачных шариков. От вечернего солнца в них играли рыжие искры, словно там сидели крошечные Фаддейки.

Юля подошла:

— Давай помогу.

Фаддейка презрительно дернул худыми лопатками:

— Чего помогать? Первый раз, что ли...

Кира Сергеевна, проходя рядом, заметила:

— Никакой другой одежды не признает, все ему рыжее надо. Вредина...

Юля села на перевернутый ящик и полушутя заступилась за Фаддейку:

— Нет, он добрый. Он мне сегодня подарок сделал. Вот... — Она показала Кире Сергеевне монету. И сразу испугалась: чуть-чуть не проговорила о сегодняшнем приключении.

Кира Сергеевна, однако, расспрашивать не стала. Pokосилась на монету и заметила:

— И впрямь... Целый год с этим сокровищем носился, а тут взял да подарил.

Юля поглядела на замершую Фаддейкину спину, потом на Киру Сергеевну. Потом на монету. Затем снова на Фаддейку, который согнулся над тазом. По спине его шел большой муравей, но он не шевелился.

Надо было, конечно, деликатно промолчать, но Юля не сдержала удивления и досады:

— А говорил, что... говорил, что сегодня нашел на берегу.

Фаддейка деловито выкрутил майку, развесил на веревке и ушел в дом. Ни на кого не взглянул.

— Вы его слушайте больше, — сказала Кира Сергеевна. — Сочинитель... Эту деньгу ему в прошлом году Василий подарил, когда был на каникулах. Соседский сын,

студент. Фаддейка тогда за ним по пятам таскался... — И она ушла.

Юля молча погладила монету мизинцем. Было и неловко, и Фаддейку жаль, и... приятно тоже: отдал свое сокровище ей, не пожалел... Но сейчас он, кажется, крепко обиделся.

Фаддейка вышел в накиннутой на плечи старой школьной куртке: видно, зябко ему стало. Опять подошел к тазу. Юля тихо сказала:

— Ты не сердись. Я же не знала, что ты нарочно...

— Что нарочно? — спросил он, бултыхая в тазу штаны.

— Ну, вся эта история. С подземельем... Только непонятно, зачем ты мне голову морочил.

— Обиделась...

— Нисколько. Наоборот... Так даже интереснее. Только зачем было такой страх устраивать?

— Я же не знал, что не хватит веревки!

Юля с сомнением спросила:

— Ты что? Хочешь сказать, что в самом деле первый раз туда полез?

Он обернулся:

— Конечно! Там до меня никто не был! Не веришь?

— Наверно, не очень верю, — честно призналась Юля.

Фаддейка пожал плечами. Выжал шорты, аккуратно развесил рядом с майкой и гольфами. Сверху ему на волосы аккуратно опустился маленький мыльный пузырь. Посидел и лопнул. Фаддейка вытер о курточку ладони и поговорил с укоризной:

— Все-таки ты ужасно большая. Ну, то есть взрослая. Ничему не веришь... И что я на почту ходил сегодня, не поверила.

— Про почту поверила, — смутилась Юля.

— Не сразу... Все изводишься из-за письма от своего Юрочки...

— Фаддей!

— Что «Фаддей»? Я же сказал, что будет письмо, только потерпи, а ты опять не веришь.

Юля печально сказала:

— Если бы знать, когда тебе верить...

— Всегда, — решительно ответил Фаддейка.

— Ага! И насчет монеты? — не удержалась Юля.

«Ой, что меня за язык дергает? Ведь он же подарил, не пожалел, а я...»

Фаддейка неторопливо подошел к Юле. Еще раз вытер о курточку руки. Взял Юлины ладони, раскрыл их. На левой лежала монета, его подарок. Фаддейка запустил пальцы в нагрудный карман, вытащил другую монету, положил на правую ладонь. И молчал.

Монеты были очень похожи. Только вторая, Фаддейкина, — гораздо чище. Фаддейка колупнул ногтем грязную.

— Сравни. Не видишь разве: эта только что из земли.

Юля посидела, глядя на могучие медные гривенники. Прижала их ладонями к щекам — тяжелые и холодные. Жалобно попросила:

— Фаддейка, ты меня прости.

Он засопел, отобрал у нее монету — свою, чистую — и приставил к правому глазу, как монокль. А левый глаз прищурил, стрельнул искоркой и показал Юле язык. Потом вдруг спросил, подбросив монету:

— А похожа она на таргу, верно?

КТО Я ТАКОЙ

Все-таки Фаддейка уговорил Юлю переправиться через Талью вброд. Вечером, когда шли из библиотеки. И они переправились — где прямо по твердому песчаному дну, где по камням, где по плоским островкам, вылизанным волнами. Лишь раз Юля соскользнула с валуна и макнула в реку подол. А Фаддейка ускакал вперед, оглядываясь, постреливал золотой искоркой и подавал советы.

— Сам не бултыхнись, — отозвалась Юля.

— Со мной ничего не будет, — хвастливо заявил он. И судьба наказала его. На берегу, на деревянном тротуаре, он зацепился ногой за щепку, и острый конец воткнулся ему в большой палец.

Фаддейка зашипел и сел на корточки. Зажал ногу.

— Ну-ка, покажи. Допрыгался, — морщась, проговорила Юля. — Покажи, говорю... убери лапы! — Она выдернула занозу, выдавила побольше крови. Фаддейка страдальчески сопел. — Нечего пыхтеть, сам виноват... Перевязать надо.

— У меня платок есть... — Он выдернул из кармана мятую пятнистую тряпицу.

— Убери эту заразу... — Юля раскрыла сумку. По давней походной привычке она всегда носила с собой моток стерильного бинта. — Ну-ка, дай... Не дергайся...

Через минуту на месте пальца красовалась ярко-белая култышка. Фаддейка с удовольствием пошевелил ею и сказал:

— Годится... — И пошел впереди Юли, ступая на пятку. Снятыми морковными гольфами стегал по верхушкам сорняков.

— Прививку бы сделать, — нерешительно сказала Юля. — Щепка грязнушая.

Фаддейка пренебрежительно шевельнул спиной.

— В меня знаешь сколько уже всяких уколов навтыкано? И от столбняка, и от заражения. А в прошлом году даже от бешенства. Меня какая-то незнакомая псина тяпнула на рынке... Почему-то меня собаки не любят...

— Собаки, они знают, кого любить, а кого нет, — сумрачно объяснила Юля. — Иди осторожней, а то опять напорешься.

— Собаки не такие уж умные. Если хочешь знать, лошади в сто раз умнее. Вот смотри...

У кривых ворот стояла гнедая брюхатая кобылка — она привезла телегу с сеном. Фаддейка бросил в траву обувь, нашарил в кармане серый от пыли кусок сахара, подошел

к лошади и протянул ей угощение. Та нагнула голову, взяла губами сахар с ладони, захрумкала. Фаддейка бесстрашно обнял ее за шею, прижался веснушчатой щекой к лошадиной морде. Кобылка ласково косила глазом. Фаддейка сказал Юле:

— Видишь? Меня здесь каждая лошадь знает. — И погладил на кобылкиной морде белое пятнышко...

Когда пришли домой, Фаддейка без приглашения просочился в пристройку, сел на чурбак и глянул на Юлю внимательно.

— А ты чего надутая? Из-за пальца моего? Или потому, что опять письма нет?

— Потому что письма, — призналась Юля. — Каждый день хожу на почту, как дура. Даже стыдно. — Она с ногами села на постель и обняла колени.

— Будет письмо, вот увидишь...

— Откуда ты знаешь? — грустно усмехнулась Юля. — Ничего уже не будет.

— А ты откуда знаешь, что не будет?

Юля шмыгнула носом и сказала Фаддейке просто и честно то, что думала:

— Я далеко, а там красивых девушек много. А я некрасивая.

Фаддейка прошелся по ней деловитым взглядом, будто с кем-то сравнивал.

— Нет, ты это зря. Кто тебе сказал, что ты некрасивая?

— Эх ты, Фаддейка... — вздохнула Юля.

— Нет, в самом деле... — Он опять глянул деловито и оценивающе. — Конечно, ты не такая красавица, как в кино. Но у тебя глаза красивые. И рот...

— Я жердина...

— Не жердина, а просто большая. У таких крупных женщин бывают красивые дети.

— Чего-чего? — Юля спустила с постели ноги и заморгала. — Слушай, Фаддей, я тебя сейчас выдеру.

— Вот тебе и на!.. — Он блеснул золотистым глазом. —

Я-то при чем? Это мама говорила. Не про тебя, а про нашу знакомую, про тетю Сою.

— Тете Соне и рассказывай такие вещи!

— А она и так знает... Она сама знаешь какая? Великанша кривоногая, а дочка у нее красавица. В музыкальной школе учится и на концертах выступает... Только ну ее...

— Почему?

— А она такая... — Фаддейка взял пальчиками края выпущенной майки, как подол платица, и повертел талией. — Вся из себя модная. Я таких не люблю.

Юля загнала внутрь усмешку.

— А каких любишь?

Фаддейка опять глянул на нее, будто с кем-то сравнивал, но тут же отвел глаза и сказал серьезно:

— Ну... таких, как мама. Она у меня по правде красавица... — Он снова пустил глазом насмешливую искорку и сморщил нос. — А я вот уродился такое чучело.

Юля засмеялась:

— Ты не чучело, ты хороший...

— Конечно, хороший, — согласился он без лишней скромности. — Хорошее чучело.

— Просто ты Фаддейка, — сказала Юля уже без смеха. — Такой, как есть. Единственный и неповторимый.

— Да... — Он кивнул, сел рядом с Юлей, покачал ногой с забинтованным пальцем. Повернул к Юле лицо, и оба глаза были теперь темные и беспокойные. — А почему я Фаддейка?

Юля удивилась его неожиданной тревоге.

— А что здесь плохого? Ты же сам говорил, что это имя тебе нравится.

— Да я не про имя... Почему я — это я?

Юля непонимающе вздохнула.

— Ты про такое никогда не думала? — требовательно спросил Фаддейка. — Я про это первый раз на колокольне подумал. Не тогда, когда с тобой, а раньше...

— Объясни-ка получше... — Юля сморщила лоб.

— Про это трудно объяснить... Я многих спрашивал, а они не понимают.

— Я попробую понять.

— Ну вот, слушай. Я — это я. Внутри себя. На свете очень много людей, разных. Но они вокруг, а не во мне. А тот, который во мне... тот, который все видит и понимает... и все чувствует, почему он — Фаддейка, а не кто-то другой? Почему так случилось, что я — это именно я? Понимаешь?

— Кажется, да... — тихо сказала Юля. — Но так про себя, наверно, каждый думает. И я думала. Но уже давно... И немножко не так, по-своему...

— Но все-таки ты меня понимаешь? — спросил он с нажимом.

— Угу... — осторожно отозвалась Юля.

Фаддейка облегченно откинулся к дощатой стене и растянул в улыбке рот.

— Вот и хорошо. А то, кроме тебя, только один человек понимал. Художник...

— Какой еще художник? — сказала она ревниво.

— А приезжал сюда в прошлом месяце. Старинные места рисовал. Молодой и бородатый. Хороший такой, из Новосибирска, Володя... Я ему помогал этюдник таскать, вот мы и разговаривали.

— Про что же вы разговаривали? — спросила Юля, думая о бородатом Володе со странной досадой.

— Ну, про такое же... как с тобой. Он мне знаешь как объяснил про людей? Что это нервы Вселенной.

— Что-что?

— Ну, вот так... Наша Земля, и все планеты, и все-все звезды, и галактики — это все будто живое. Только оно само это сперва не знало. Потому что, чтобы знать, надо ведь видеть и слышать, а для этого глаза и уши нужны. И мозги, чтобы понимать. И нервы, чтобы чувствовать. Вот и появились у Вселенной такие нервы. Люди.

— Надо же... — сказала Юля непонятным для себя своей тоном.

Но Фаддейке, видно, послышалось одобрение.

— Ага... И я тогда подумал, что, если человек умирает, это не так уж страшно. Для других, конечно, печально, а самому бояться не надо. Ну, подумаешь, один маленький нервик отомрет! Все равно Вселенная останется живая...

Юля быстро придвинулась к Фаддейке и, будто защищая его, сказала:

— Нечего тебе про умирание думать. Рано еще.

— Да это я так. Ну, попутно... А главное, я все про то же думал. Пускай я нерв. Но почему именно *этой*? Тот, которого зовут Фаддейка? Как-то непонятно... Юль! А может, я по очереди буду всеми? Каждым человеком... Вселенная ведь бесконечная, у нее времени сколько хочешь, я успею. И может, каждый человек так? А?

— Ой, — сказала Юля искренне. — Я не знаю... А что хорошего быть каждым подряд?

— Интересно же.

— А сколько всяких злодеев на свете было и сейчас есть. Например, Гитлером разве интересно быть?

Фаддейка снова покачал ногами. Потерял ухом о поднятое плечо.

— Я про это тоже думал... А Володя говорит, что люди, как нервы, бывают всякие. И больные бывают. Всякие плохие люди — это больные нервы Вселенной. А я ведь... не больной же...

— Нет, конечно, — успокоила Юля. — Фаддейка... А с кем ты еще про такие вещи рассуждал? Или только со мной и с этим Володей?

— С мамой еще...

— А она что?

— А она все объяснила... — Левый глаз Фаддейки опять заискрился. — Она говорит: «Сперва тебе не кем-то другим надо делаться, а самим собой. А то сейчас ты — даже и

не ты, а растрепа. Причешись, отмой уши и колени, и пойдем твое душло в зубе лечить...» Ой-ей-ей.

Юля засмеялась:

— Видишь, как все просто. Не то что у твоего бородатого философа.

— Он не философ, а художник... Он мой портрет нарисовал. Почти одними рыжими красками... — Золотистый глаз Фаддейки засиял.

— А где этот портрет?

— Он с собой увез. Говорит, на выставку.

Юля разочарованно вздохнула.

— А мне он тоже оставил, — утешил Фаддейка. — Только другой, поменьше. Карандашиком нарисован. Хочешь, покажу?

— Покажи... — Юля была уверена, что портрет непохожий. Как можно изобразить на листе живое Фаддейкино лицо? Если бы еще знаменитый художник, а то какой-то неизвестный Володя.

Фаддейка, прихрамывая, убежал.

Юля встала и подошла к зеркалу. Опять толкнулось в сердце прежнее беспокойство.

«Почему я — это я?» — спросила Юля у себя в зеркале. Правда, почему она — это она? Была бы она не Юля, а курсант Юрий Шумов! Тогда она (то есть он) взяла бы и не мешкая написала письмо с адресом: «Верхоталье, до востребования, Молчановой Юлии». И все в этом письме объяснила бы честно. Если уж конец всему, то конец. Это лучше, чем так вот маяться...

«Да не очень-то я и маюсь, — сказала она себе. — Что я ему не нужна, это и так понятно, чего уж тут... Просто окончательной ясности нет, оттого и настроение кислое...»

Весело прихрамал Фаддейка с альбомным листком.

Юля снисходительно взяла бумагу. И не удержалась — расплылась в улыбке.

Это был хороший портрет. Чего зря придирается, заме-

чательный был портрет. Фаддейка, нарисованный густыми карандашными штрихами, смеялся как живой. И даже искорка в глазу блестела.

— А ты не верила, — усмехнулся Фаддейка.

— Да, хороший он художник, — со вздохом сдалась Юля.

— Это мне на память о нем, — сообщил Фаддейка и потянул листок. Кажется, он догадался, что Юля готова попросить портрет в подарок.

Она смутилась, почуввав его догадку. И недовольно сказала:

— Смотри, повязка на пальце съехала. Правильно мама говорит: растрепа...

РЫЖИЕ КОНИ

Утром, выйдя на крыльцо, Юля услышала небывалое: Фаддейка ревел. Из открытого кухонного окошка доносились всхлипы и канючащий, противный (но, безусловно, Фаддейкин) голос:

— Ну, чего ты сочиняешь, что нету?! Сама говорила вчера, что пенсию получила, а теперь — нету!

Кира Сергеевна отвечала что-то негромко и настаивательно.

Фаддейка плаксиво взвизгнул:

— И ничего не дурь! Не понимаешь, а говоришь! Раз я говорю, значит, мне ее надо!

Кира Сергеевна опять сказала что-то ровно и непреклонно. Фаддейка, перебивая себя всхлипами, заголосил:

— Ну, какая еще рубашка! У меня их куча, я их все равно не ношу-у... Ну, чего ты вы-ду-мы-ваешь!..

Юле стало неловко за Фаддейку, и жаль его, и встревожилась она. И подумала, что лучше бы не соваться в чужие семейные дела.

Но не выдержала, шагнула в кухню. Увидала мельком зареванное веснушчатое лицо и стесненно сказала:

— Здравсьте, Кира Сергеевна... Фаддей, ты это что?

Он дернулся, отвернулся к окну и, растопырив острые локти, начал мазать ладонями по щекам.

Кира Сергеевна, не повышая голоса, объяснила:

— Новая блажь засела в голове. Увидел вчера в «Детском мире» губную гармошку, гэдээровскую. И вот: тетя Кира, купи! А зачем?

Фаддейка дернул спиной.

— «Зачем, зачем»! Сама, что ли, не знаешь, для чего гармошки делаются?

— Ты поглуби мне еще...

Фаддейка опять шумно всхлипнул. Юля посмотрела на его спину с невольным сочувствием. Кира Сергеевна это сочувствие тут же заметила.

— Юленька, да вы не подумайте, что мне жаль, если для дела. Но он же подует в нее полчаса и забросит или отдаст кому-нибудь... У него же ни капли музыкальных данных.

— Ох уж, «ни капли»! — вредным голосом сказал Фаддейка и длинно засопел.

— Ни единой капельки, — решительно повторила Кира Сергеевна. — Юля, вы не слышали еще, как он песни поет? В соседних дворах куры дохнут!

— Тебе чужие куры дороже, чем родной племянник! — с отчаяньем произнес Фаддейка и тихонько завыл. Видимо, его самого потрясла такая мысль.

Но Кира Сергеевна не дрогнула.

— Не куры и не племянник, а семь рублей. Они на дороге не валяются.

— Ну чего ты, «семь рублей» да «семь рублей»! Мама придет и отдаст!

— Мне отдаст, а тебе задаст. Чтобы не выдумывал. Она сама от твоих песен мигренью страдала.

— Это потому, что у меня голоса нет. А играть я научусь...

— При чем тут голос, у тебя слуха нет!.. Юля, ну как ему объяснить?

— Ох, не знаю, — жалобно сказала Юля. — Фаддейка...

Он обернулся, зыркнул на нее мокрыми глазами и выскочил из кухни.

— Ничего. Развееет дурь и придет, — пообещала Кира Сергеевна. Без особой, впрочем, уверенности.

Позавтракали в неловком молчании. Юля чувствовала себя невольной изменницей перед Фаддейкой, хотя вроде бы причины не было. Наконец она с облегчением ушла из-за стола и отыскала Фаддейку во дворе за поленницей. Он сидел на бревнышке, все еще тихонько всхлипывал и сердито отдирает от колена корочки старых ссадин. Юлины шаги он услышал, но не обернулся, только настороженно шевельнул оттопыренным ухом.

Юля сказала его кудлатому затылку:

— Чего уж так расстраиваться... Ну, хочешь, подарю я тебе эту гармошку?

Фаддейка подскочил, повернул злое измазанное лицо:

— Еще чего! Не вмешивайся в это дело!

Он опять сел спиной. Юля постояла рядом и сказала:

— Ну и пожалуйста...

В библиотеку Юля пришла с нехорошим осадком на душе и работала вяло. Перед обедом дала себе слово не ходить сегодня на почту, а в перерыв, конечно, пошла. Привычно упала духом, узнав, что письма нет, лениво пообедала в «Радуге» и снова села разбирать бесконечный каталог.

В четыре часа с улицы донеслись протяжные звуки, будто на разные голоса сигналят десяток автомобилей. Нина Федосьева, которая больше всего ценила тишину и порядок, судорожно дернулась к окну. Потом взялась за виски и скорбно сообщила, что «на нас движется Фаддей Сеткин с духовым инструментом».

Фаддейка возник на пороге, и гармошка в его пальцах

сияла хромированными боками. Сам он тоже сдержанно сиял, только в глубине глаз угадывалось смущение.

— Выпросил все-таки, — укоризненно сказала Юля.

— Ага. — Фаддейка улыбнулся еще лучезарнее. — Только при одном твердом условии: во дворе и дома не играть. Тетя Кира сказала: «Иди на берег и там репетируй сколько хочешь». — Он задумчиво потянул гармошку к губам.

— Я вполне разделяю точку зрения тети Киры, — поспешно сообщила Нина Федосьева. — Юленька, вы сегодня провернули такую гору всего! Забирайте музыканта и идите отдыхать.

— И это будет отдых? — Юля выразительно посмотрела на Фаддейку.

Он аккуратно вытер гармошку подолом майки и сунул ее за ремешок. Дурашливо вытянул руки по швам.

— Пошли, Святослав Рихтер, — сказала Юля. — До свидания, Нина Федосьева. Я уведу его подальше...

Они зашагали по берегу к лестнице, и Фаддейка ворчливо проговорил:

— Между прочим, Рихтер играет на рояле, а не на гармошке.

— Между прочим, я это знаю... Ну, научился чему-нибудь?

Фаддейка уклончиво сказал:

— Не все сразу. Думаешь, это легко?

— По-моему, это ты думал, что легко, — поддела Юля.

— Не... Просто мне очень надо.

— А по-моему, это дурь...

— Не знаешь, так не говори, — огрызнулся он.

Юля примирительно сказала:

— Ну ладно, тебе виднее... Только знаешь что?

— Что? — буркнул он.

— Не обидишься, если скажу?

— Откуда я знаю заранее? Говори уж...

— Все-таки это было ужасно, — со вздохом призналась Юля. — Сегодня утром, когда ты ревел. Даже стыдно смотреть...

— Не смотрела бы, — огрызнулся Фаддейка. Но, кажется, без обиды, а так, для порядка.

И Юля попросила:

— Пожалуйста, не делай так больше, ладно? А то ты на себя становишься непохожий. Будто не Фаддейка, а... не знаю кто.

Он ответил очень неожиданным тоном. На ходу взял Юлю за руку, заглянул в лицо, сказал печально:

— А если нет никакого выхода... Если очень надо, а ничем больше не добьешься, только слезами?

Юля хотела ответить насмешливо, но смутилась. Потемневшие были у Фаддейки глаза, без искорки.

— Неужели уж так тебе «очень надо» было эту гармошку? — неловко сказала она.

— Ты же не знаешь... Мне ведь не просто играть на ней надо, а одну песню выучить. Чтобы запомнить.

— Что за песня?

Он глубоко вздохнул, и при этом вздохе гармошка вывалилась из-за пояса. Фаддейка опять сердито вытер ее о майку.

— Ты вот спрашиваешь... А как я объясню? Названия я не знаю, петь не умею. Вот и хочу научиться мотив играть.

— А слова знаешь? Про что песня-то? Откуда?

— Из телевизора. Я ее два раза слышал. Про рыжего коня...

Два дня Фаддейка не провожал Юлю утром и не заходил за ней вечером. А в открытые окна библиотеки иногда залетали с берега звуки, напоминающие скандальную перекличку катерных сирен. На третий день, собираясь домой, услышала Юля отчетливую и довольно правильную мелодию «Чижика-пыжика». Она обрадовалась: наконец-то Фаддейка достиг ощутимых успехов! И пошла на звуки гармошки через гущу берегового сада.

Фаддейка сидел на лавочке под старым кленом. А ря-

дом с ним — темноволосый пацаненок лет восьми. Аккуратенький такой, красиво подстриженный, в рубашке с рисунком из разноцветных бабочек. Он-то и наигрывал на Фаддейкиной гармошке.

— Здравствуйте, музыканты, — сказала Юля.

Темноволосый музыкантик испуганно встал и протянул гармошку Фаддейке. Тот нахмурился, сунул ее в нагрудный карман на мальчишкиной рубашке с бабочками. Сказал мальчику:

— Договорились же. — И деловито кивнул Юле: — Пошли.

На лестнице Юля не выдержала, усмехнулась:

— Подарил?

— И не подарил вовсе, мы поменялись. Вот на значок... — Он ткнул пальцем в грудь. К оранжевой майке был прицеплен значок с парусным корабликом.

— Ну-ну... — сказала Юля.

— А чего... У него способности, а у меня все равно не получается.

— Тетя Кира задаст тебе за гармошку.

— Да она только рада будет!.. А значок-то смотри какой: шлюп «Восток».

Назавтра, в середине дня, Фаддейка ворвался в библиотеку:

— Юля, включи телевизор!.. Здравсьте, Нина Федосьевна, можно включить?

Он кинулся к старенькому «Рекорду» в углу тесного читального зальчика и напугал двух первоклассниц, которые листали «Мурзилку». Прошелся вихрь. Юля грудью легла на разобранные карточки каталога, Нина Федосьевна подняла пальцы к вискам:

— Фаддей Сеткин...

Фаддейка лихо крутил регуляторы.

— Сейчас эта песня будет! Юля! Я дома смотрел, и как раз этот хор начался... Я скорей сюда! Мы успеем! Вот...

На старчески мигающем экране появилась шеренга ребят в белых рубашках и одинаковых жилетиках. Они пели знакомое:

От улыбки хмурый день светлей...

Фаддейка поморщился:

— Это пока не то. Другая песня будет...

Девочка с капроновыми бантами улыбнулась во весь телевизор и голосом отличницы объявила:

— Песня из школьного спектакля «Наш эскадрон». Музыка Володи Хлопьева, слова Игоря Конецкого. Солисты Слава Охотин и Юра Кленов.

Два мальчика Фаддейкиного возраста, переглядываясь и немного смущаясь, подошли к микрофону. Юля сразу решила, что беленький и глазастый — Слава, а растрепанный и большеротый — Юра. Она пожалела, что телевизор не цветной: Юра наверняка был рыжий, вроде Фаддейки.

Ударил аккорды пианино. Фаддейка напряжился, вцепился в спинку стула. Мальчишки разом вздохнули, и голоса их, громкие и чистые, начали песню, которую Юля никогда не слыхала:

Вновь тревожный сигнал
Бьет, как выстрел, по нервам,
В клочья рвут тишину на плачу трубачи.

Хор вступил незаметно, не заглушая солистов:

И над дымным закатом
Планета Венера
Парашютной ракетой повисает в ночи.

Беленький Слава посмотрел с экрана прямо Юле в глаза и запел очень высоко и звонко:

Рыжий конь у меня —
Даже в сумерках рыжий,
Опаленный боями недавнего дня...

Фаддейка коротко вздохнул. Юра Кленов тряхнул волосами и поддержал Славу:

Как ударит копытом —
Искры гроздьями брызжут,
И в суровую сказку он унесит меня.

Хор запел:

Эта сказка пришла
Вслед за пыльными маршами —
Колыбельная песня в ритме конных атак.
Детям сказка нужна,
Чтобы стали бесстрашными,
Взрослым тоже нужна —
 просто так,
 просто так.

Совсем незнакомая и немножко странная была песня. И, наверно, хорошая, раз у Юли пошел по спине холодок. Мальчишки-солисты переглянулись и запели одни: снова про рыжего коня... А потом опять хор:

И, как знамя, летят
Крылья алого солнца,
Кони в яростном беге рвут орбиты планет,
И по звездным степям
Мчится звездная конница...
Почему же меня с вами нет,
 с вами нет...

Фаддейка опять коротко вздохнул и двинул стулом. Незнакомые Слава Охотин и Юра Кленов пели:

Рыжий конь у меня —
Даже в сумерках рыжий...

...Когда песня кончилась, Фаддейка решительно щелкнул тумблером. Не хотел он других песен. Лицо его побледнело так, что веснушки казались черными.

— Ну? — требовательно сказал он Юле. — Что? — Он взял ее за руку и утянул к окну.

— Замечательная песня, — сказала Юля. — Что тут говорить...

— Вот видишь... А ты мотив запомнила?

— М-м... Немножко.

— Ты мне споешь потом?

— Ну... какая я певица? И слова я все не вспомню.

— Я их помню, я тебе напишу! Споешь? Мне эта песня знаешь как нужна!

Юля поняла, что не время спорить. Бывает в жизни, что человеку отчаянно нужна любимая песня.

— Я постараюсь, — сказала она.

Фаддейка облегченно вздохнул, как-то обмяк и стал прежним Фаддейкой. Брызнул искоркой из левого глаза и предупредил:

— Имей в виду, я слова тебе сегодня же напишу.

— Ладно... Там очень интересные строчки есть:

И над дымным закатом
Планета Венера
Парашютной ракетой повисает в ночи...

— Ага... А на Марсе нашу Землю видно, как у нас Венеру. Тоже в лучах солнца. Только Земля — голубая...

* * *

Солнце скатилось за плоские гребни дюн, и голубая звезда переливалась и разбрасывала игольчатые лучи. В сторону заката и звезды рысью шел табун рыжих коней. Вожак точно выбирал дорогу, и лошади, не замедляя бега, огибали песчаные заносы. Их копыта глухо гремели о закаменевшую потрескавшуюся землю. Несмотря на сумерки, гривы отливали оранжевым светом.

Три всадника смотрели вслед табуну.

— И где они берут пищу в этих мертвых местах? — тоскливо спросил молодой воин. Он был из Лесной стороны и не мог привыкнуть к пескам и камню.

— Находят, — отозвался старый Дах. — Есть трава среди песков. Можно прокормиться, если все время быть на ходу, искать.

— Они дикие, у них чутье, — сказал второй воин.

— Не дикие, а одичавшие, — хмуро поправил Дах. — Когда-то у них были хозяева.

— Может быть, скоро во всех краях останутся только одичавшие кони да песчаные кроты, — тихо проговорил тот, что из Лесной стороны.

— Может быть. Если этого захотят Владыки Звездного Круга, — проговорил старый Дах и поплотнее закутался в плащ.

— Владыкам Звездного Круга не до нас, — возразил второй воин. Он не должен был возражать командиру, но здесь, в глуши, не всегда помнили о дисциплине.

Дах не ответил. Опять приближался ровный гул. Это, обходя пески, шел по каменному плато еще один табун...

ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН

Небо утром оказалось очень синим, но в нем густо бежали маленькие пегие облака с серыми животами. Солнце то и дело выскакивало из облаков, и тогда на сморщенной ветром воде вспыхивали охапки искр. Но все равно было зябко. Ветер дул с севера. Он сгибал проросшие сквозь песок длинные травинки. Юля шла вдоль узкого пустого пляжа и поеживалась.

Песчаная полоса тянулась по плоскому берегу Заречья. Вдоль нее был проложен к мосту деревянный тротуар. На песке рядом с тротуаром сиротливо торчала телефонная будка. Юля каждое утро ходила мимо этой будки и всякий раз думала: «Кажется, это единственный в Верхоталье телефон-автомат, да и тот не работает...»

С металлических переплетов будки чешуей облезала желтая краска. Когда-то сверху донизу будка была застеклена или забрана листами пластика. Но теперь стекло и пластика почти не осталось, и стенки были заделаны кусками фанеры и жести. А внизу на дверце темнел пустой квадрат. Иногда в этом квадрате Юля видела бродячего белого кота со светящимися глазами. Но сегодня кота не было. Зато в темном квадрате переступали и терлись друг о друга ноги в незашнурованных кедах и съехавших мор-

ковных гольфах (видимо, эти ноги неласково обдувал залетевший в будку ветер).

Юля удивилась и даже встревожилась: «Что он там делает?» Она чуть не остановилась, но потом быстро прошла мимо и только шагов через десять оглянулась. В боковой стенке был выбит верхний квадрат. В нем Юля увидела Фаддейкин разлохмаченный затылок и плечи. Фаддейка делал то, что и полагается делать в телефонных будках: прижимал к уху трубку и что-то говорил в прикрытый ладошкой микрофон. Долго говорил... Юля недоуменно пошарила глазами по воздуху. Нет, проводов у будки не было. Подземный кабель? Здесь о них, наверно, и не слыхали. Она отошла еще шагов на двадцать и за стволом векового тополя пять минут ждала, когда Фаддейка выйдет из будки.

Он зашагал к мосту, поддавая ногами большущую хозяйственную сумку. Юля подождала еще и заспешила к будке.

Конечно, телефон был дохлый. Снятая трубка ответила каменным молчанием, диск на ободранном кожухе поржавел и еле вращался. Юля пожалела плечами, покачала головой. И пошла следом за Фаддейкой, который далеко впереди подпрыгивал, как тонкий оранжевый поплавок на речной ряби.

Она догнала его на мосту. Он не удивился, заулыбался, не сбавляя шага. Ветер трепал красно-апельсиновые вихры.

— Ты куда так рано? — спросила Юля.

Он опять пнул сумку в клеенчатый бок.

— На рынок за капустой. Скоро мама приедет, тетя Кира хочет пирожки с капустой нажарить. Мама их с детства любит. А ты любишь?

— Ага. С молоком... Я тебя в телефонной будке видела. Ты, наверно, на вокзал звонил? Насчет поезда?

Фаддейка перестал улыбаться. Стал смотреть перед собой и словно отгородился дверцей. Наконец сказал:

— Не... Не на вокзал.

— А куда? — рассеянным тоном спросила Юля. Но в душе уже выругала себя за это фальшивое равнодушие и дурацкое любопытство.

Фаддейка шел чуть впереди и будто не расслышал вопроса. Лишь через минуту он сказал сумрачно:

— Телефон же не работает...

Тут уж ничего не оставалось, как удивиться:

— А что же ты там делал?

Он быстро глянул на Юлю через плечо. И вдруг улыбнулся, но не как обычно, а легонько, уголком рта:

— Я так просто говорил. Ну, «как будто»... Играл.

— А! — обрадовалась Юля. Такому простому объяснению обрадовалась и Фаддейкиной доверчивости. — Тогда ясно. А я так удивилась.

Он посопел и сказал, будто оправдываясь:

— По-всякому ведь можно играть... Что такого...

— Конечно... А с кем ты разговариваешь, когда играешь? Или секрет?

— Иногда секрет. Иногда нет...

Юля выжидательно молчала.

Фаддейка пнул сумку усерднее, чем раньше, и тихо сказал:

— Несколько раз с мамой разговаривал... если долго писем нет...

— Это уже не игра, — вздохнула Юля и осторожно взяла его за плечо. — Если нет писем...

— А бывает, что поговоришь, а назавтра письмо.

— Правда?

— Ага! — откликнулся он. И добавил тише: — А еще с Володей иногда разговаривал. Ну, с тем художником. Поэтому что мы про многое не успели поговорить... И еще с разными людьми...

— Фаддейка... — сказала Юля.

— Что?

— А со мной... когда я уеду, будешь разговаривать?

Он замедлил шаги и опустил голову. Пнул попавшую

под кеды арбузную корку. («И кто это ел арбуз прямо на мосту?» — подумала Юля.) Мост пружинил, ветер летел вдоль реки и покачивал его. И хватал за ноги зябкими мохнатыми лапами.

Фаддейка сказал виновато:

— Я же раньше тебя уеду...

— Ой, правда, — опечалилась Юля.

Они перешли мост и по ветхим дощатым ступенькам стали подниматься к воеводскому саду. Из гуши деревьев торчали каменные шатры башен, и вставала над берегом острая Покровская колокольня. Облака летели, и остатки позолоты на маковке загорались короткими вспышками. Фаддейка обогнал Юлю, оглянулся, покачался на шаткой дощечке и сказал:

— Вообще-то мне не хочется уезжать. Тетя Кира могла бы записать меня в здешнюю школу...

— Так оставайся!

— Мама не даст. Боятся, что здесь хуже учат, чем в больших городах.

— Наверно, она просто соскучилась по тебе, — заметила Юля.

— В сентябре она все равно на семинар в Москву уедет... А я ведь не все время здесь хотел учиться, а только первую четверть. Здесь осень знаешь какая красивая! Все сады рыжие и красные...

«Как ты», — мысленно улыбнулась Юля.

— Как я, — весело сказал Фаддейка. И добавил уже другим голосом, серьезным: — И как леса на Марсе.

— Какие леса? — удивилась Юля. — На каком Марсе?

— Обыкновенные леса на обыкновенной планете Марс, — проговорил Фаддейка слегка отчужденно.

— Откуда они там взялись? Ученые доказали, что там одна пустыня. Красные пески и камни.

— Да, — сказал он. — А леса где-то тоже еще есть. К северу от пустынь. Тоже красные. Вот такие. — Он дернул себя за майку.

— Ох и фантазер ты...

Он снисходительно усмехнулся и не ответил.

На верхней площадке лестницы они остановились передохнуть. Шумели старые березы и клены. Острая колокольня возносилась прямо над головами. По ее шатру пролетали тени быстрых облаков. И по Фаддейкиному лицу, когда он глянул вверх, тоже летели тени и солнечные зайчики.

Глянула на колокольню и Юля.

— А хорошо мы туда слазили, да, Фаддейка?

Он серьезно кивнул. И вдруг сказал:

— Я там ночевал один раз. Год назад.

— Да? А... зачем, Фаддейка?

Он досадливо пошевелил плечами:

— Не знаю я. Чего спрашивать...

— Ну, не сердись. Ты же сам сказал.

— Я не сержусь. Просто я не знаю... Легко объяснять, если одна причина, а если они все вместе, если много их... Ну, во-первых, человек знакомый уехал...

Фаддейка с опущенной головой медленно пошел по садовой тропинке. Юля пошла следом, ни о чем не спрашивая. Оранжевые завитки волос вздрагивали над облупленными Фаддейкиными ушами и на тоненькой шее, покрытой желтым пухом.

— Жил тут мальчишка на каникулах, — сказал Фаддейка, не обернувшись. — То есть не мальчишка, большой уже, из техникума... Мы подружились тогда. Вместе в подземный ход лазили под стеной. Не тот, в который я недавно, а в другой... Потом он уехал, а я... Ну, я же не уехал, остался... У тебя так бывает: когда печально, хочется забраться куда-нибудь?

— Сколько угодно, — торопливо отозвалась Юля. Она обрадовалась, что Фаддейка так ее спрашивает, хотя незнакомый мальчишка из техникума вызвал у нее ревнивую досаду — как художник Володя.

— Вот я и полез... Но это лишь одна причина. А еще

много всего было. Хотелось узнать: как это — ночь и высота?

— Поближе к звездам побыть, — понимающе сказала Юля.

— Да нет... До звезд — это разве ближе? Каких-то сорок метров. Просто интересно: что думается, когда весь город спит, а ты выше всех над землей?

— Совсем один, да?

Он опять не согласился:

— Наоборот. Будто вместе со всеми. Внизу-то всех не видать, а тут сразу целый город перед глазами. И огоньки... И поезда бегут... Везде люди. И будто я их всех охраняю, как старинный часовой на башне... А потом еще месяц в небо вылез. Будто мы с ним вдвоем всю землю сторожим...

— А не страшно там одному ночью? Я бы померла от ужаса.

Он помотал рыжими космами:

— Не-а... Я сперва тоже думал, что страшно будет. Вот поэтому еще и полез. Когда страшно, это ведь тоже интересно... Но я забрался, когда еще светло было. Темнеет-то не сразу, и я помаленьку привык.

— Я бы ни за что не привыкла, — искренне сказала Юля.

— Может, привыкла бы... А среди ночи почти все огоньки погасли и месяц куда-то пропал. Я думал: ну, вот теперь будет страшно. А все равно ничего. Потому что звезды сделались яркие-яркие... Вот тогда они в самом деле будто ближе... И тут всякие мысли полезли. Но тоже не страшные...

— А какие?

— Всякие. И тогда та самая мысль первый раз появилась: почему я — это я? Помнишь?

— Помню... Тут уж, конечно, бояться некогда...

Он быстро оглянулся на нее:

— Ага... А потом я Марс отыскал. Сперва думал, что это сигнальный огонек на трубе, на электростанции. А потом

смотрю: он плывет. Красная такая звезда. Вот жалко было, что бинокль не взял с собой.

— Разве в бинокль планету можно разглядеть?

— Все-таки лучше, чем просто так. Видно, что кружок.

На копейку похожий...

Юля вспомнила:

— Когда я маленькая была, у нас дома был альбом про космос. И там цветные снимки планет, и Марс тоже есть. Размером с яблоко. И на нем разные пятна видны, полярные шапки и каналы. Только сейчас ученые доказали, что это обман зрения: на самом деле никаких каналов нет.

Фаддейка сказал спокойно:

— Конечно, нет. Это остатки стен.

— Каких стен? Фаддейка, что ты опять сочиняешь?

— Не сочиняю. Это защитные стены, чтобы удерживать песок, не пускать его на леса и поля. Про Великую Китайскую стену слышала? Вот на Марсе такие же, только еще больше... Но они уже разрушены, потому что люди там тысячу лет воюют и воюют, строить им некогда... Не хочешь — не верь...

Юля чуть не ответила, что она, может, и поверит, если Фаддейка объяснит, откуда он все это взял. Но поняла, что объяснять он не станет. Фаддейке уже хотелось рассказать о другом. Его лицо засветилось.

— А утром такая заря была! И солнце такое... Громадное! И свет по земле, по деревьям как волны. И петухи во всем городе заорали. Целая петушиная симфония... — Фаддейкины глаза сияли, и золотая искра озорно дрожала рядом с янтарным зрачком. — Я тогда знаешь что сделал? Высунулся и тоже как заору по-петушиному! Над всей землей!

Юля засмеялась, представив, как Фаддейка разносит с колокольни бесстрашное «ку-ка-ре-ку!» и волосы пламенеют, будто петушиный гребень.

Он тоже засмеялся:

— Мне даже спать расхотелось...

— А ты что, всю ночь не спал?

Фаддейка поежился:

— Уснешь там... Среди ночи такой кусачий холод делался...

— А ты не взял ни одеяла, ничего теплого?

— Я телогрейку взял тети-Кирину. Да сразу-то не подумал, что она короткая. Закутаешься — ноги торчат, ноги завернешь — спине холодно. Знаешь, как зубами стучал под утро... — Он опять зябко дернул спиной.

— Ты и сейчас зубами стучаешь, — строго сказала Юля. — Почему ты раздетый? У тебя что, кроме этой майки и штанов, надеть нечего?

— Просто мне такой цвет нравится.

— Зачем тебе обязательно этот цвет?

— Надо, — строго сказал Фаддейка.

— Надо — не надо, а мерзнуть не годится.

— Да я и не мерзну. Я это... как его... холодоустойчивая порода.

— Ох уж! А сам то и дело сопишь... Вот что, возьми-ка мою ветровку. Это ничего, что длинновата, рукава подогнем.

Юля была уверена, что Фаддейка возмутится: ходить в таком балахоне! Но он только спросил:

— А как же ты?

— У меня в библиотеке куртка есть! — обрадовалась Юля. — Стройотрядовская. Ты за меня не волнуйся.

Просторная коричневая ветровка оказалась Фаддейке до колен.

Он послушно ждал, пока Юля подворачивала рукава. Ветер дергал подол ветровки. Фаддейка запахнул ее на груди, покрутил головой и плечами и сказал со странным удовольствием:

— Как боевой бушлат песчаных пехотинцев Лала.

— Каких пехотинцев?

— Да так. Ты не знаешь, — чуть насупился он. Но тут же улыбнулся. То ли Юле, то ли себе.

Вместе они подошли к библиотеке. С высокого крыльца было видно все Заречье. На плоском берегу, почти у самой воды, Юля разглядела телефонную будку. Отсюда она казалась крошечной.

— Я пошел, — вздохнул Фаддейка. — Тетя Кира капусту ждет... Хочешь, я вечером зайду за тобой?

— Хочу, конечно... Фаддейка, послушай...

— Что?

Не надо было спрашивать, но у Юли как-то вырвалось:

— А с кем ты сегодня разговаривал там, в будке? Если, конечно, не секрет...

Она тут же испугалась, что Фаддейка рассердится на такую назойливость. И решит, чего доброго, что Юля требует откровенности в обмен на куртку.

Но Фаддейка не рассердился. Он только опять пнул сумку и сказал очень серьезно:

— Вот это как раз секрет.

* * *

...Узловатый высохший ствол был добела выскоблен летучим песком. Кора с него давно облезла, ветки осыпались, и лишь пара крепких сучьев торчала, напоминая скрюченные руки. На высоте плеча темнело дупло — будто разинутый рот древнего идола, каких находят иногда в песках Бурого Залесья.

Старый маршал подержал у щеки витую раковину песчаного моллюска и опустил ее в дупло. Сел на коня. Заправил под кожаный нагрудник бороду, чтобы не трепало ветром. Дах молча наблюдал за ним. Он и маршал понимали друг друга без слов. С того дня, как Фа-Тамир взял начальника патрульной сотни в помощники, они не сказали друг другу и сотни фраз. Но сейчас Дах не выдержал. В его широких, не боящихся песка глазах светилось мальчишечье любопытство.

— Вы и правда говорили с ним, Фа-Тамир?

— Да. И не первый раз...

— Сколько чудес в нашем старом мире...

— Он, оказывается, не так уж стар...

Дах молчал, но смотрел вопросительно.

Маршал сказал:

— Сет недоволен, что мы упустили бывшего командира песчаных волков. Это грозит бедами, потому что волк Уна-Тур растоптал обычаи.

— Он не уйдет далеко.

— Может уйти. Он разведчик и знает дороги.

— Мои всадники тоже знают дороги... Сет не вернется?

Маршал не ответил.

Маленькое колючее солнце уже коснулось песков. Дрожали в лиловом небе редкие звезды. В поредевшем лагере и на башнях крепости зажигались огни.

СЕТ

— Ты все-таки ужасно примитивно мыслишь, — заявил Фаддейка. Выдав такую неожиданно солидную фразу, он съезжился на подоконнике, подтянув колени к самым ушам, и стал смотреть в окутанный сумерками двор.

Юля фыркнула насмешливо и с обидой. Фаддейка опять повернулся к ней.

— Ну, посуди сама... Я же не утверждаю, что я настоящий марсианин. Просто я говорю, что у меня, наверно, что-то есть... ну, такое, марсианское, в крови. Может, кто-то из предков был марсианин. Прилетел, а вернуться к себе не смог. Еще в прошлые века. Ну, женился тут на ком-нибудь, вот и пошло...

— То Беллинстаузен, то марсианин, — язвительно сказала Юля. Оттого, что за окном хмурый вечер, и оттого, что нет письма, было ей грустно, и в грусти этой проклевывалась какая-то ядовитая нотка. И Юля, сама того не желая, подъедала Фаддейку.

У него-то, у Фаддейки, было нормальное настроение,

доверчивое. Он пришел, завел задумчивый разговор о том о сем и наконец признался Юле, что он марсианин. Ей бы, дуре, обрадоваться, что он доверил такую тайну, а она хмыкать начала. Будто это даже не она, а кто-то другой в ней сидит. Ну, Фаддейка наконец тоже выпустил колючки. Однако разговор не прекратил, сказал сердито:

— Не хочешь — не верь. Только я тебе по правде, а ты...

— Но как ты докажешь, что это правда?

— Потому что я много раз там все видел!

— Ты что, летал туда? Или там родился?

Вот тогда он и выдал ей про примитивное мышление.

Потом, когда еще поспорили и скучная ядовитость у Юли незаметно растаяла, Фаддейка проговорил миролюбиво:

— Может, это по-научному все можно объяснить. Может, это у меня память такая... по наследству... Или как она еще называется, если от предков?

— Генетическая?

— Ага! Как у Аэлиты! Помнишь, она на Марсе сны видела про голубое небо и про земные облака? Потому что ее предки были с Земли. А я, может, наоборот... Конечно, про Аэлиту — это придумано, а со мной по-настоящему. Наверно, с моими предками это все было, а мне вспоминается... Разве так не бывает?

— Ох, Фаддейка... — вздохнула Юля, но уже не насмешливо, а удивленно. И даже чуточку испуганно: за него почему-то испугалась.

А он быстро повернулся, свесил с подоконника ноги, уперся ладонями в косяки и посмотрел Юле в лицо. Темновато так посмотрел, без искорки. И спросил медленно:

— А если это не с предками было, а со мной? А?

— Да ну тебя, — сказала Юля, по спине ее прошел холодок, как тогда, от песни...

А Фаддейка вдруг улыбнулся, постукал пятками по гуллой стене и проговорил уже слегка дурашливо:

— Спорим, что я по правде был на Марсе.

— Не буду я спорить. Если был — расскажи...

— «Расскажи»... Это трудно.

Юля прогнала непонятную зябкую боязливость и, подыгрывая Фаддейке, попросила:

— А ты начни по порядку. Как ты попал туда первый раз?

— Первый раз? Это странно получилось... В общем, я попал туда с марса.

— С Марса на Марс?!

— Ну да... Не с планеты же! Марс — это марсовая площадка на корабле. На мачте. Не знаешь, что ли? А еще же-них — моряк на паруснике...

— Фаддей! Я правда за ухо...

— Сама просила — расскажи!

— Не про жениха ведь! Ты сам-то на корабле как оказался?

— Это когда я был юнгой у Беллинсгаузена на шлюпе «Восток».

— Тьфу... — в сердцах сказала Юля.

Фаддейка глянул удивленно. Потом сказал покладисто:

— Ну ладно, не верь. Мы ведь сейчас не про это... Считай, что я так играл... В общем, это было в Атлантическом океане, ночью, когда еще шли в тропиках... Тепло там и темно, и звезды большущие. Я забрался на марсовую площадку, чтобы... ну, короче говоря, так захотелось...

— Как на колокольню, — тихо и уже совсем серьезно подсказала Юля.

— Да! А там... ну, на высоте всегда как-то по-особенному, не то что внизу. И я стал глядеть на звезды и Марс тоже увидел. Я долго смотрел... А он... Понимаешь, он начал приближаться, только не сразу, сперва незаметно. А потом все быстрее. И превратился в шар, будто красная луна... Знаешь, почему так вышло?

— Почему, Фаддейка?

Он опять поколотил пятками по стенке. Вздыхнул:

— Я думаю, потому, что он — Марс и площадка — тоже

марс. Вот они и притягивают друг друга, ведь все родное друг к другу тянется.

— По-моему, это ты к нему тянулся.

— Ну, наверно... раз я марсианин... Потом от него по волнам дорожка побежала, светлая такая, как от луны, только оранжевая. Даже не по волнам, а будто по воздуху, прямо к марсовой площадке. И я уже сам не знаю, как на этой дорожке оказался и бегу по ней... Она твердая такая и звонкая, будто медными листиками посыпана... Сперва мне было хорошо, весело, ничуть не страшно. А потом как-то сразу — холод, небо такое... как паста в фиолетовом фломастере. И красные пески. И камни...

— А дальше?

— Потом много всего случилось... Там и хорошее было, но много печального. Вот ты, наверно, опять скажешь, что я придумываю. А если бы я придумывал, я бы уж что-нибудь повеселее сочинил, побольше интересных приключений и поменьше грустного...

— А что там грустного?

— Много. Потому что планета в то время уже совсем погибла от предательства.

— А кто ее предал?

— Сами люди, ее жители... Потому что воевали, воевали... Если война, это ведь всегда предательство для планеты.

— А почему они воевали?

— Ну, ты задаешь вопросы! Почему люди воюют? Ты у них спроси... Для этого и на Марс не надо летать... Хорошо еще, что там нет урановой руды и они до бомбы не додумались. Да и вообще до всякой взрывчатки не додумались, только луки и всякие метательные машины. Как у нас в древности... Но все равно знаешь сколько народу погибло! Почти вся планета опустела. И стены разрушились. И песок стал засыпать леса и озера... Юль...

— Что?

— А ты могла бы нажать кнопку?

- Какую кнопку?
- Будто не понимаешь.
- А при чем тут кнопка?.. Ты же сам сказал: там нет урановой руды.
- Юль, я ведь не про «там». Я про колокольню.
- Юля смотрела встревоженно и вопросительно.
- Я тебе тогда не про все рассказал, как я на колокольне... Там ведь всякие мысли были. Даже дурацкие...
- Ну... какие? — осторожно спросила Юля.
- Фаддейка неровно, толчками, сделал глубокий вдох, опять забросил ноги на подоконник и обнял колени. Сказал, уткнувшись в них носом:
- Вот ты представь хорошенько. Город весь спит, огоньков почти нету... И будто вся Земля спит. А я один не сплю, будто у ракетного пульта. И у меня приказ: через пять минут нажать кнопку. И вот уже совсем другая делается Земля. Половины Земли вообще не будет, только огонь... Ты могла бы нажать?
- Фаддейка, ну ты чего это сегодня? — жалобно сказала Юля. — Зачем про такое?
- Он тихо попросил:
- Ты не вилай, а скажи: смогла бы?
- Нет, конечно...
- А если бы тебе расстрел грозил за то, что приказ не выполнишь?
- Ну и... Нет, Фаддейка, все равно не смогла бы.
- По-моему, никто нормальный не смог бы... А ведь есть люди, которые могут. Даже без расстрела, а просто так.
- Это не люди, а психи.
- Я и говорю... Значит, все мы висим на ниточке из-за психов?
- Ну... не такая уж тонкая ниточка, — со старательной бодростью проговорила Юля.
- Юль, а ты согласилась бы умереть, если бы сказали: вот ты сейчас умрешь, а за это на Земле больше никогда не будет войны?

- Конечно, — искренне сказала Юля, хотя по спине опять прошел холодок.
- Я бы тоже. Даже и не испугался бы... Ну нет, испугался бы, но все равно... Юль...
- Фаддейка! Ты все-таки давай дорасскажи про Марс!
- Да что рассказывать. Ты все равно не веришь.
- Почему? Я верю... немножко. Интересно же.
- Фаддейка повозился, устраиваясь в окне, как в раме картины. Хмуро усмехнулся:
- Там все-таки проще, потому что без бомб. Но все равно обидно...
- Что обидно?
- Они там все такие... храбрые и гордые. Больше всего ненавидят предательство. А сами столько веков предавали всю планету...
- А сейчас? — осторожно спросила Юля. Она уже понимала, что эта сочиненная Фаддейкой сказка стала для него как самая настоящая правда.
- Он сказал устало:
- Сейчас, наверно, нет. Они кончили воевать. Может, еще спасут Марс.
- А давно кончили?
- Откуда я знаю? Там другое время... Может, сто лет назад, а может, прошлой осенью...

* * *

Осень тянулась, как серая резина. Солнце не показывалось, и каждое утро было похоже на пасмурный вечер. Не случилось ничего плохого, но хорошего тоже не случилось, и все дни были одинаковы.

Одинаковые уроки, одинаковые разговоры, одинаковые телепередачи, одинаковые замечания в дневнике. И одинаковые мамины упреки: крикливые, полные суровых обещаний, но торопливые и потому не страшные.

Во дворе было сумрачно и пусто, лишь одни и те же ма-

льши деловито давили трехколесными велосипедами пальцы кленовые листья. Эти листья — желтые, как подсолнухи, — были единственными светлыми пятнами. Но их быстро затаптывали...

Самое унылое крылось в том, что все было известно заранее: что будет завтра, послезавтра, потом...

В праздники, а иногда и просто в выходные — если был «повод» — приходили одни и те же гости. Впрочем, иногда появлялся и новый — «интересный» — человек. Но и при новом человеке все шло по старому расписанию.

Нет, мама не требовала, чтобы сын шел спать или смотреть телевизор. Его сажали со всеми за стол, а телевизор выключали, чтобы это «современное бедствие» не мешало «общению».

Общение начиналось с тоста за хозяйку дома, скромного звяканья крошечными рюмками с коньяком («а юным товарищам нальем газировочку...»). После глотка гости с минуту молча брякали вилками о тарелки с закуской, а мама глазами показывала ему, что нельзя взваливать на стол локти и ронять на скатерть салат.

Затем лысоватый и очкастый Виктор Вениаминович, мамин сотрудник по отделу «Станкоэкспорта», хитровато спрашивал:

— А что, леди и джентльмены, пока вы ищите нить светской беседы, не подбросить ли анекдотик?

— Только приличный! — не переставая жевать, вставляла Лариса Германовна — пожилая дама с белой, как вата (но не седой), прической, лучшая мамина знакомая.

Виктор Вениаминович воздевал пухлые ладони (мол, разве я способен на неприличие!) и предупреждал:

— Но если вы это уже слышали, останавливайте без церемоний.

Его не останавливали, хотя анекдоты повторялись по три раза. Все вежливо смеялись.

Разговор делался живее, однако *новым* не становился. Повторялись все те же имена и случаи, решались беско-

нечно все те же вопросы. И опять сорокалетняя красавица в парике Роза Анатольевна рассказывала историю, как она в Марселе «отстала от своих», не могла отыскать гостиницу и ее проводил до отеля вежливый офицер с «американского парохода». «Представьте себе, весь в белом, а сам чернехонький! Негр! А говорят, что негров в Америке угнетают!»

Мама возражала, что негров действительно угнетают и что она, когда была в Нью-Йорке... и так далее. Разговор переходил на международные темы, и скоро все сходились на мысли, что «живем на ящике с динамитом, все походили с ума, и неизвестно, чем все это кончится, но добром-то уж не кончится, это точно...».

Было, в общем-то, ясно, что насчет «ящика с динамитом» — это серьезно. И казалось глупым (и в то же время уныло-привычным), когда Лариса Германовна разрушала светский разговор визгливым криком:

— Эх, да что там, все едино! Не такие мы, что ли, бабы, как все?! Давайте-ка споем лучше! — И затягивала, как в фильме, где показывают деревенскую свадьбу:

Хаз-Булат удалой,
Бедна сакля твоя!..

Она кричала песню старательно, жмурилась от усердия, и смотреть на ее блестящее красное лицо было мучительно неловко, но люди за столом делали вид, будто так и надо, и добросовестно подтягивали.

...И все это было знакомо и привычно, даже стыд за глупую Ларису Германовну.

И тогда он, чтобы спастись от тоски, начинал вспоминать, как прошлым летом у мамы случился неожиданный недельный отпуск, и они ездили на дачу к знакомым, и несколько дней подряд одни, без надоедливых знакомых, бродили по лесу и берегам очень синего озера и катались на лодке. И даже открыли крошечный необитаемый остров с осокой и камышами... И мама наконец-то никуда не спешила... Но кончилось это быстро и как-то скомканно.

Однажды утром мама сказала, что на соседнюю дачу приехал человек, который хочет познакомиться с ее сыном.

- Кто? — удивился он.
- Видишь ли... это твой отец.

Почему-то он не почувствовал ничего особенного. Наверно, от слишком большой неожиданности. Только спросил:

- Значит, это неправда, что он погиб?
- Да. Я говорила тебе так, пока ты был маленький.
- А где он был?
- Жил. В Москве... С другой семьей.
- А почему он от нас ушел?... Или ты ушла? — сумрачно спросил он.
- Он... Когда тебе было полгода.
- Ладно. Я подумаю...

Он думал полдня, и мама не торопила. Наконец он спросил:

- А раньше он почему не хотел познакомиться? Или ты этого не хотела?

Мама сказала очень серьезно:

- По-моему, он не хотел. Я тебя не прятала. Но он ни разу про тебя не спросил, не написал... Хотя, конечно, он знал о тебе кое-что. От общих знакомых.

- А когда мне было пять лет и я лежал в больнице с воспалением, он тоже знал?

- Да... Тогда было очень тяжело, и я написала ему.
- Я подумаю еще часик, ладно?
- Как хочешь...

Через час он сказал:

- Нет, я не пойду. По-моему, он предатель...
- Как хочешь, — опять сказала мама.
- А мы поедем опять на тот островок?
- Обязательно...

Но на завтра маму срочно вызвали на работу.

Впрочем, потом тоже было неплохо, было Верхоталье... Но лето промелькнуло, а осень потянулась, потянулась. Одинаковые дни...

Так было и в тот осенний вечер. Все то же самое. Только, пожалуй, слишком уж то же самое, чересчур! Потому что посреди надоевшей до одурения песни вдруг толкнулась и застучала отчаянная мысль: «Хоть бы что-нибудь случилось! Пусть хоть что! Лишь бы не эта одинаковость... Ну, пожалуйста, пожалуйста, пусть случится!!!»

И грянул в прихожей звонок.

Он показался неожиданно громким. Наверно, потому, что прозвучал в секундной тишине между куплетами песни. И песня подавилась этим звонком. И встревоженная мама при общем молчании вышла из комнаты и уже не очень встревоженная, но удивленная вернулась через минуту. Сказала сыну:

- Там тебя спрашивают... Какой-то пожилой мужчина. А зайти не хочет... Может, ты что-то натворил во дворе?

— Нет, — сказал он спокойно. Очень спокойно. Чтобы отвести подозрения. Потому что сердце бухнуло от тревожной догадки. — Это, наверно, дед Светки Ковалевой. Она болеет, а он ходит по ребятам, домашние задания выпрашивает... Я сейчас...

- Не Светки, а Светы, — сказала мама...

В прихожей гостя не было, он стоял на лестнице у кабины лифта. Прямой, седой, знакомый. Слегка разошелся на груди плащ и приоткрыл панцирь — на нетускнеющей меди горела от лампочки искра.

- Фа-Тамир...
- Мой привет и привет всех иттов вам, сет...
- Привет, Фа-Тамир.
- Кони ждут, сет. Помните, вы обещали вернуться по

первому зову?

- Я все помню, Фа-Т... — Он вскинул голову и сказал суше: — Да, маршал.

- Значит, вы готовы ехать, сет?
- Я оденусь, ладно? Вечер холодный.
- Я дам вам плащ и шлем.

— Тогда... — Он прислушался. За дверью опять пели. — Идем, Фа-Тамир.

В старенькой школьной форме (в ней он уже не ходил на занятия, а носил ее просто так, дома), в легоньких кедах, он с Фа-Тамиром, спустившись на лифте, вышел на холодный и очень темный двор. На детской площадке у спортивного бума, как у коновязи, стояли две лошади. Пофыркивали в сумраке.

Фа-Тамир снял с бревна поводья. Положил руку на седло того коня, что пониже.

— Садитесь, Фа-Дейк. Вам помочь?

Маленький сет народа иттов молча помотал головой.

Все отчетливее, все быстрее вспоминал он то, что было раньше: и густое фиолетово-чернильное небо, и топот конницы, и летящий навстречу красный песок. В теле, в ногах появилась привычная пружинистая сила. Сет Фа-Дейк легко прыгнул в седло.

Плащ и шлем сами собой оказались на нем. Прогудел под копытами асфальтовый двор, метнулись, размазались в желтые полосы огни в окнах, спутались, смешались в клубок и тут же развернулись в темную и широкую ленту-дорогу вечерние улицы. Понеслась совсем близко, у самых щек, звездная пыль, зазвенела от ударов подков невидимая медь.

Плащ вытянулся за плечами, затрепетал.

Фа-Дейк выпрямился в седле, ослабил повод. Конек был резвый, послушный. Но незнакомый.

— А где мой Тир?

— Тир ушел в табун к диким лошадям, сет, — суховато отозвался Фа-Тамир.

— Не уследили?

— Его и не держали, сет. Он тосковал по вас и никого не подпускал к себе.

— Жаль. Теперь его не найти...

— Боюсь, что да, сет.

— Фа-Тамир, — на лету сказал Фа-Дейк с упреком и даже с тревогой, — зачем ты так? Все «сет» да «сет». Раньше ты называл меня Огонек.

— Да, с... да, мой мальчик. Но сейчас другое дело. Сейчас я посланец короля и должен держать себя, как велит это звание.

— Фа-Тамир! А зачем король зовет меня? Что-то случилось? — наконец не выдержал Фа-Дейк.

— Да... Да, сет. Он хочет попроситься.

— Но... как попроситься? Мы же попросились в тот раз.

— Он хочет попроситься совсем. Король умирает, Огонек, — сказал маршал.

КРАСНЫЕ ПЕСКИ

Темная дорога кончилась, и вместо звездной пыли понеслась навстречу песчаная пыль. В крошечных летящих крупинках кварца холодное солнце зажигало мгновенные колючие искры.

Копыта застучали по расколотым плитам древней дороги. Фа-Тамир придержал коня. Конь Фа-Дейка сам замедлил шаг. Всадники подъезжали к военному поселку иттов.

Беспорядочный, почти не укрытый от песчаных ветров городок вырос вокруг многобашенной гранитной крепости тауринов за долгие годы осады. Это было скопление потрепанных шатров, конных фургонов и кибиток, хижин, сложенных из обветренных сланцевых плиток, и шалашей, сплетенных из стрелололиста. Многие шалаша и хижины были крыты трофейными щитами тауринов.

Навстречу Фа-Дейку и Фа-Тамиру, кренясь и поскрипывая, пробежали две песчаные лодки на широких, как бочки, колесах. Пятнистые кожаные паруса лодок округло надувались и гнули тонкие составные мачты...

Воины внешнего оцепления окликнули приехавших и тут же склонили шишковатые шлемы — узнали. Внутренняя охрана уже не окликала: весть о прибытии побежала впереди всадников, как шелестящая песчаная поземка:

«Юный сет, избранник короля... Сет Фа-Дейк... Слава Звездному Кругу, он успел...»

Кони пошли неторопливым шагом среди фургонов и кибиток. Женщины устало, но ласково улыбались и кивали всадникам. Воины трогали огрубелыми пятернями медные края шлемов или приподнимали копья:

— Спасибо Кругу, вы вернулись, Фа-Тамир. С прибытием, сет, побед и теплого солнца вам... Привет вам, маршал. Здравствуйте, сет...

Голоса были негромкие и сдержанные. Фа-Дейк молча поднял руку к медному ободку шлема. Потом рука устала, он снял шлем и взял под мышку...

Королевский шатер стоял у подножья сланцевой скалы. Скала обглоданная гребнем торчала среди плоских дюн. Она была похожа на плавник засыпанного песком древнего рыбащера. Плавник этот защищал шатер от юго-восточных, наиболее пронзительных, ветров.

— Мне идти прямо к королю? — нерешительно спросил Фа-Дейк.

— Конечно, сет, — полушепотом, но строго отозвался маршал.

Четыре воина в блестящих бронзовых панцирях одинаково вскинули копья — салют сету и маршалу. Один взял повод у коня Фа-Дейка. Другому Фа-Дейк отдал шлем.

Перед занавесью шатра он оробело задержал шаг. Нет, он не боялся короля. Здесь Фа-Дейк вообще ничего не боялся. Но он никогда раньше не видел умирающих и не знал, как себя держать.

Занавесь колыхнулась, вышли два бородача в чешуйчатых нагрудниках: сет Ха-Вир — командир королевской оборонной сотни, а с ним мудрый хранитель древностей, летописец и знаток обычаев Лал — старый воин, полковник песчаной пехоты.

Ха-Вир чуть улыбнулся, тронул огрубелой, как подошва, ладонью оранжевые космы Фа-Дейка:

— Приехал... Здравствуй, наш Огонек.

Лал без улыбки, но ласково сказал:

— Войдите, сет, король давно спрашивает о вас.

Рах — Крылатый Зверь Пустыни и Северного Леса, старый король иттов, готовился умереть. Фа-Дейк увидел, что это правда, как только вошел. Лицо короля, обычно бронзово-коричневое, теперь было бледно-желтым. Оно резко, тревожно как-то, выделялось на потертой кожаной подушке.

По самую бороду король был укрыт ворсистым плащом с вытертым узором. У правого бока, под локтем, лежал длинный меч без ножен — знаменитый королевский «Носитель молний». Пламя дрожало и потрескивало в плоских с земляным маслом, отблески его горели на прямом отточенном лезвии. Желтый блик светился на неживом выпуклом лбу короля.

Фа-Дейк остановился у входа.

Король умирал, но глаза его были ясные. И глазами он приказал всем выйти, а Фа-Дейку приблизиться. Четыре телохранителя и незнакомый старик в сером балахоне, видимо врач, бесшумно ушли из шатра. Фа-Дейк сделал несколько шагов и встал на колени у королевского изголовья.

Король смотрел в потолок и молчал. Грудь под плащом поднималась, но дыхание было неслышным. Зато слышно было, как снаружи скребут по кожаным стенкам шатра летящие песчинки: ветер был западный, и скала от него не защищала.

Острая каменная крошка попала Фа-Дейку под колени и больно колола сквозь штанину. Однако Фа-Дейк не двинулся. Он смотрел на крючковатые худые кисти рук, лежащие поверх плаща. Маленькому сету было неловко и жутковато. Впервые в жизни он так близко видел умирающего человека, да к тому же оказался с ним один на один.

Долго ли продлится молчание? Или заговорить самому?

Сеты имеют право первыми начинать разговор с королем. Но Фа-Дейк не смел. Да и не знал, что сказать. И горькая тишина давила, давила...

Нет, особого горя Фа-Дейк не чувствовал. Короля он не любил. Уважал его — да. За храбрость и справедливость. Благодарен ему был — за то, что обогрел и приютил в своем стане заблудившегося в красных песках мальчишку. За то, что велел иттам беречь найденыша, учить его здешней жизни и самим учиться у него нездешним премудростям (столь неожиданным у слабого ребенка из неизвестного племени, который был похож на детей иттов лишь песчаным цветом волос). Но любить короля Фа-Дейк не научился. Слишком неприступным и суровым казался великий Рах, слишком озабочен был делами своего народа и бесконечной войной, которую итты вели с тауринами. Фа-Тамир был ближе и проще, хотя и он не отличался щедростью на ласки...

Но король-то любил маленького сета, это знали все.

Король перевел глаза на Фа-Дейка, под усами шевельнулась улыбка. Слабым, но чистым голосом Рах сказал:

— Приехал, мальчик. Хорошо... А я боялся...

— Я торопился, — пробормотал Фа-Дейк. — Фа-Тамир сказал, и я сразу...

— Хорошо, — повторил король. — Надо успеть поговорить. А то вот-вот умру... Время уже...

Фа-Дейк заставил себя посмотреть королю прямо в лицо. И сказал как можно тверже:

— Нет, время еще не пришло. Вы поправитесь.

— Не говори глупостей. Ты хотя и найденыш, но жил среди нас, значит — итт. Итты не любят пустых слов...

Фа-Дейк виновато опустил глаза.

— Слушай меня, маленький сет...

— Да, великий Рах, — прошептал Фа-Дейк.

— Я помню, как тебя привели в мой шатер. Ты был замерзший, полуголый, иссеченный песком... Ты плакал...

— Да, король...

— Подожди... Ты плакал, и твое лицо было в пятнышках от песчинок. Они и сейчас... остались... Но... ты плакал, а стоять старался прямо. И отвечал на вопросы без страха. И я поверил тебе, хотя ты говорил много странного... Еще раз скажи, Фа-Дейк: в твоих рассказах ты ни в чем не обманывал меня?

Фа-Дейк опять посмотрел в глаза старого Раха.

— Никогда, король.

— Я так и думал... Ты знаешь многое, чего не знают здесь. Теперь это самое главное... Я решил...

Он надолго замолчал. Опять нависла тяжелая тишина, и Фа-Дейк наконец осмелился задать вопрос:

— Что вы решили, король?

— А?... — старый Рах неловко шевельнулся. — Да... — Он слабым движением сдвинул на груди край плаща. На рубашке, тканной из шелковистого каменного волокна, лежала бронзовая бляшка с обрывками цепочки.

Король шевельнул губами:

— Возьми это.

Фа-Дейк взял. Бляшка напоминала тяжелую медаль с грубо обрубленными краями. Фа-Дейк увидел незнакомые письмена, вставшего на дыбы коня и маленькое лучистое солнце. Он вопросительно глянул на короля:

— Что это, государь?

Негромко, но твердо старый Рах произнес:

— Тарга. Знак верховной власти. Я отдаю эту власть тебе.

— Мне? — изумленно переспросил четвероклассник Фаддейка. — Зачем?

— Потому что я так решил. Не сейчас. Давно.

— Но я... как я буду? Я же... маленький, — шепотом сказал Фаддейка.

Король опять шевельнул под усами улыбку:

— Маленькие бывают порой разумнее взрослых. Я помню себя в десять лет. Я часто удивлялся, как безрассудны большие люди. Потом привык.

— Но меня никто не будет слушать, — чуть не плача, сказал Фаддейка.

Король ответил сумрачно и жестко:

— Человека, у которого тарга, будут слушать все. Итты и таурины, и люди Лесного края, и дикие жители песков. Таков общий закон нашего мира.

Тогда юный сет Фа-Дейк осмелился не поверить королю:

— Но если это так... тогда почему вы не стали королем всех-всех? Даже не приказали тауринам сдать крепость!

— Потому что я не знал, что делать потом, — сказал король иттов.

Фа-Дейк удивленно и потерянно молчал. Он только шевельнул наконец ногой и почувствовал короткое, но сладкое облегчение оттого, что ядовитая крошка больше не жалит колено.

Король тоже шевельнулся и проговорил теперь с трудом, хрипловато:

— Я мог приказать... А мог десять раз взять крепость приступом, без всякой тарги. А что дальше? Мы все привыкли жить этой войной. Ничего другого не знает никто. Сеты не знают, маршалы не знают. Мудрый Лал не знает...

— А я вообще ничего не знаю, — беспомощно сказал Фаддейка. — Я могу такого наворотить, что еще хуже...

С горькой и какой-то домашней улыбкой король ответил:

— Куда уж хуже-то, мальчик... Итты потеряли дорогу. У нас почти нет детей. Те, кто рождается, — или не живут, или с пеленок думают о войне. Матери разучились кормить грудью... И не только у нас. Во всех землях...

— В крепости тауринов много детей, — возразил Фа-Дейк. — Помните, их князь Урата-Хал просил пропустить в крепость обоз с едой? Он поклялся, что эта еда только для маленьких.

— Да, я пропустил... Там много детей. Потому что

люди живут в крепких домах и тепле. Это пока... Мы возьмем крепость, и воины перебьют всех.

— Воины не тронут мирных жителей! — опять возразил Фа-Дейк. — Итты знают законы войны.

— В крепости нет мирных жителей, — сказал король. Голос его осел и охрип еще больше. — Крепость всегда защищают все ее люди... А у войны нет законов, не надо обманывать себя. В бою кровь ударяет в голову, и мечи рубят всех...

«Я не хочу быть королем, я не могу», — снова хотел заспорить Фаддейка. Но что-то сдвинулось у него в душе, и сет Фа-Дейк тихо спросил:

— Что я должен делать, король?

— Все, что хочешь, мальчик, — выдохнул старый Рах. — Все... Я говорю: хуже не будет...

«А что я хочу?... Я домой хочу...»

Но тут он вспомнил серые осенние дни, унылое вечернее застолье и собственный крик души: «Хоть бы что-нибудь случилось! Пусть хоть что!...» Круг замкнулся.

Тарга тяжело лежала у Фа-Дейка в ладони. Он опустил ее в нагрудный карман школьной курточки. Шевельнулся, собираясь встать.

— Подожди, — одними губами попросил король.

Фа-Дейк опять замер у королевского изголовья.

— Уже недолго, — прошептал старый Рах. — Побудь... пока я...

Фа-Дейк вздрогнул. За разговором он почти забыл, что время короля уже отмерено. Теперь же предчувствие, что с минуты на минуту сюда придет смерть, прокололо маленького сета тоскливым страхом.

— Не бойся... — через силу сказал король. — Я знаю, ты не видел вблизи, как умирают. Но это не так уж страшно, поверь мне последний раз...

Фа-Дейк мотнул головой и сердито сказал:

— Я не боюсь. — И заплакал.

Он заплакал сразу, взахлеб. Не от страха, а от жалости,

которая неожиданно и резко воткнулась в сердце. И от мысли, что через несколько минут они уже ничего не смогут сказать друг другу. Заплакал от несправедливости смерти, которая делает большого, сильного и храброго человека самым беспомощным на свете. Делает его никем. Он не мог остановить слезы и боялся, что король узнает его горькие мысли.

Но Рах улыбнулся и сказал отчетливо:

— Спасибо, малыш... Это добрая примета. Мы разучились плакать, а если кто-то от души плачет над иттом, значит, путь его в другой мир будет легким... хотя какой там другой мир...

Он замолчал, и слышались только Фаддейкины всхлипы.

Король сказал непонятно:

— Не так уж я и виноват...

Потом сделался очень строгим, уперся взглядом в кожаный потолок шатра. Ветер стих, и песок уже не скреб стены. Король сомкнул губы, положил на глаза ладонь, отодвинул локоть. Фа-Дейк перестал всхлипывать и замер в тоскливом предчувствии. Прошла минута, локоть дрогнул и ослаб. Фа-Дейк всхлипнул опять, но тут же отчаянно сжал зубы, встал, краем плаща вытер лицо.

Снаружи раздалась беспокойные голоса. Фа-Дейк еще раз посмотрел на короля и вышел.

— Король умер, — прошептал он.

Опять упала глухая тишина. Безмолвие легло на кибиточный город осаждавших, мертвой казалась и крепость, громоздившая в фиолетовом небе башни с неровными зубцами.

Кто-то сказал тихо и значительно:

— К нам идет великий вождь тауринов князь Урата-Хал.

Сдержанный шепот прошелестел в толпе.

Высокий, костлявый и безбородый Урата-Хал шел один, без оружия и доспехов. Крылатый шлем он держал под мышкой, седые пряди шевелились над костистым лбом.

Узкое лицо было сумрачным и спокойным. Воины и начальники иттов молча расступились. Таурин остановился перед Фа-Тамиром. Отчетливо, но без надменности он проговорил:

— Здравствуй, маршал. Здравствуйте, итты. Я узнал, что король Рах умирает, и пришел проститься.

— Король иттов умер, — сказал Фа-Тамир. — Сет Фа-Дейк был последний, кто говорил с ним.

Урата-Хал нагнул голову:

— Привет тебе, сет. Примите мою печаль, итты...

Я могу побыть с королем?

Итты переглянулись.

— Войди в шатер, князь, — негромко произнес Фа-Тамир.

Урата-Хал скрылся за кожаным пологом. Никто не пошел вслед.

...О чем будет думать вождь тауринов, оставшись наедине с мертвым королем иттов? С тем, кого долгие годы считал врагом и без кого не мыслил своей жизни? Не мыслил, потому что жизнь была постоянной войной, а в войне главным противником был король Рах. Их судьбы переплелись, вражда их давала смысл существованию... И может быть, старый князь будет печалиться об умершем враге, как печалится о давнем товарище?

А может быть, подумает князь, что и он, Урата-Хал, не вечен в этом мире красных песков и не так уж много осталось дней? Не придет ли мысль: зачем они, эти дни, — те, что прошли, и те, что еще будут? Зачем эта война?

А может быть, он и не станет думать об этом, а будет просто отдыхать в тишине от вечных опасностей и забот. Здесь он в такой безопасности, какой никогда не ведал в крепости. Там в него может попасть пущенная из стана врагов стрела или камень метательной машины, может отыскаться изменник-убийца (хотя и редки такие люди среди тауринов и среди иттов), может рухнуть на голову

разрушенный зубец башни... А здесь ничто не грозит старому вождю, появившемуся в стане врагов без меча и панциря. Ни один итт, пусть даже с самой коварной душой, не посмеет нарушить древнего обычая и тронуть безоружного противника, который пришел, чтобы разделить печаль о короле...

Никто из хмурых и опечаленных иттов, столпившихся у королевского шатра, не смотрел на Фа-Дейка. И друг на друга не смотрели. Сейчас каждый остался как бы сам с собой, чтобы в одиночестве пережить печальную весть. Итты переносят горе молча. Фа-Дейк взял у стражника шлем и медленно пошел среди кибиток и шалашей. Он не знал, что делать теперь и что будет дальше. Тоскливо было...

Изредка попадались навстречу молчаливые воины. Некоторые несли ветки стрелолиста и сучья высохших песчаных деревьев. Фа-Дейк понял, что это для погребального костра.

Несли сучья и женщины, но они встречались реже. Их вообще было мало в поселке иттов. А ребятишек не было видно совсем.

Кибиточный городок притих, но все-таки жизнь не замерла окончательно. На краю поселка, у кособокого кожанаго фургона, дымили кухонные костры. Две костлявые старухи колдовали над котлом. Одна беззубо улыбнулась Фа-Дейку, спросила:

— Хочешь нашей похлебки, Огонек?

Он покачал головой. Спохватился и ответил, как подобает сету:

— Благодарю, добрая женщина. Мир твоей крыше...

Потом усмехнулся: «Мир...» — и подумал: «А куда это я иду?» Хотел повернуть назад, но услышал за палатками и хижинами слабый вскрик. Станный, вроде бы детский.

Сет Фа-Дейк постоял, нахмурился, надел шлем. Пошел

на голос, перешагивая вытянутые по земле оглобли фургонов.

У крайнего шатра стояли воины из сотни конной разведки — песчаные волки. Беседовали, усмехались. Увидели юного сета, любимца короля, подтянулись:

— Привет вам, сет...

— Ходят слухи, что вы последний говорили с королем...

— Что сказал король на прощанье?

Фа-Дейк медленно обвел песчаных волков глазами. Взгляд этот напомнил им, что сету могут задавать вопросы только другие сету, маршалы или король. Воины притихли. Один, в кожаном шлеме с золоченой стрелкой, видимо командир, неторопливо сказал:

— Примите нашу печаль, сет.

Но никакой печали не было на его широком, неприятно открытом лице с голым подбородком и выпуклыми глазами. И Фа-Дейк не ответил командиру волков. Он помолчал и спросил:

— Здесь кто-то кричал. Что случилось?

Выпуклые глаза сотника стали внимательными, но ответил он небрежно:

— Мальчишку поймали, разведчика из крепости.

Фа-Дейк не выдал интереса и неожиданной болезненной тревоги. Спросил так же небрежно:

— Разве сейчас не перемирие? Урата-Хал в нашем лагере...

Сотник сказал с коротким зевком:

— Еще до перемирия поймали. Да это и не важно.

— Почему не важно?

— Он шел не из крепости, а из песков. Видимо, оставил там знаки для каравана...

Сотник держался чересчур независимо и не прибавлял в конце фразы слова «сет». Это была явная наглость, волки всегда позволяли себе лишнее. Фа-Дейк не стал делать замечаний, сет не должен опускаться до пререканий с ка-

ким-то предводителем дикой сотни. Он только сказал в отместку:

— Я думал, храбрые волки давно перекрыли все караванные пути тауринов...

Он знал, что это не так. Сколько бы ни рыскали в песках и скалах конные патрули иттов, перехватить все караваны они не могли. В непроницаемой тьме песчаные лодки под черными парусами бесшумно бежали по дюнам к крепости. Это посылал осажденным еду и оружие лесной народ, который был давним союзником тауринов. Люди леса научились пользоваться парусами не хуже иттов.

Лодки останавливались в неведомых иттам местах, а оттуда таурины несли груз в крепость тайными подземными ходами. Кое-какие ходы разведчики иттов отыскивали и засыпали, но многие еще найти не могли. И крепость держалась долгие годы. И будет держаться бесконечно...

Сотник уязвленно сказал:

— Мы перекрыли почти все пути. Сегодня мальчишка скажет, где была стоянка недавнего каравана. Там у них последняя лазейка, засыплем и ее.

Фа-Дейка опять уколола тревога. Тоскливая, смешанная с неясным страхом. Но отозвался он с рассеянным видом:

— Думаете, он скажет?

Воины гоготнули. Командир тоже не сдержал усмешку:

— Волки умеют развязывать языки даже заржавелым от шрамов тауринским начальникам, которые не боятся ни ядовитых игл, ни раскаленного железа. А этот — сопливый мальчишка, даже меньше вас... О, простите, сет!

Сотник испуганно наклонил голову, но насмешливый огонек в похожих на коричневые лампочки глазах не погас. Фа-Дейк глянул в эти глаза и смотрел в них, пока не заставил сотника потупить. Теперь Фа-Дейк был просто сет иттов, в нем не осталось ничего от четвероклассника Фаддейки.

Сет сказал:

— Может быть, волки и умеют развязывать чужие языки, но хорошо бы им научиться держать на привязи свои. Не правда ли, сотник?.. Я жду ответа.

— Да, сет, — сквозь зубы выдавил командир волков.

Фа-Дейк медленно пошел от сотника и его воинов, и длинный плащ тянулся за ним, шуршал по камням.

Недалеко от королевского шатра Фа-Дейк встретил Фа-Тамира.

— Отдохните в моей палатке, сет, — сказал маршал.

— Потом... А когда погребение, Фа-Тамир?

— Завтра после восхода...

— Фа-Тамир... Как зовут сотника песчаных волков? Он такой... глаза, как у жабы.

— У кого, сет?

— А, вы не знаете... Ну, такие нахальные глаза. И круглое лицо.

— Наверно, это Уна-Тур... А что случилось?

— Ничего. Он мне не нравится, ведет себя нагло.

— Да. Но он храбр...

— Подумаешь, заслуга, — усмехнулся Фа-Дейк. — Кто из иттов не храбр? Надо еще быть... человеком. Даже если называешься «волк».

— Сейчас жестокое время, Огонек, — вздохнул Фа-Тамир.

Фа-Дейк вздрогнул от неожиданной ласки, поднял глаза.

— Фа-Тамир, они поймали разведчика...

— Да, я слышал уже...

— Я подумал вот что. Когда печаль и погребение, обычай велит делать добрые дела... Может, отпустим его к своим?

— Доброе дело для врага — разве доброе дело? — хмуро сказал маршал.

— Он же еще не взрослый, — виновато проговорил Фа-Дейк. — Разве итты воюют с ребятами?

— Он разведчик. Значит, воин. Законы войны одинаковы для всех.

«У войны нет законов», — вспомнил Фа-Дейк. И тихо спросил:

— Правда, что его будут пытаться?

Фа-Тамир отвел глаза. Пожал плечами:

— Если он сразу не скажет то, что знает. Но он ведь не скажет... пока не заставят.

— А что он знает-то? Ну, покажет стоянку и ход, который ему известен. А этих ходов десятки. Что толку?

— И все-таки... еще одну ниточку перережем.

Фа-Дейк угрюмо молчал. Потом спросил, глядя в землю:

— А если бы я попался тауринам, меня тоже пытали бы?

— Едва ли! За сета запросили бы выкуп. Обошлись бы с почетом.

— А если бы я знал тайну, которая важнее выкупа?

Маршал подумал и сказал неохотно:

— Итты не позволят, чтобы вы стали пленником тауринов. Не бойтесь, сет.

— Разве я боюсь? Я не об этом...

Фа-Тамир положил руку на шлем Фа-Дейка.

— Огонек... Волки все равно не отпустят его. Это их добыча, а добычу по закону не может отнять никто. Даже король.

Фа-Дейк вскинул глаза:

— Даже король?

— Да... Кстати, сет, что говорил вам король в последние минуты? Итты ждут, что вы передадите его слова всем.

— Что?... Я передам, да. Чуть позже, Фа-Тамир.

Он мягко убрал голову из-под ладони маршала и пошел не оглядываясь. Через пять минут он опять был у крайнего шатра. Воины-волки все еще стояли там. Снова подтянулись, глянули на сета выжидательно и вроде бы почти-тельно.

Фа-Дейк лениво сказал:

— Я хочу посмотреть на пленника, Уна-Тур...

Сотник осклабился: любимец короля удостоил его обращения по имени.

— Как будет угодно сету. Идемте, сет...

Разведчика держали в хижине, сложенной из каменных плит. Уна-Тур отодвинул на щелястой двери бронзовый засов. Пропустил Фа-Дейка вперед.

В хижине было светло, колючее солнце било в широкие щели. Тощий темноволосый мальчишка, ровесник Фа-Дейка, сидел скорчившись в углу на камне. Он был босой, в узких кожаных штанах, стянутых на щиколотках ремешками, в мохнатой безрукавке. Тонкие голые руки в локтях и у кистей были перемотаны за спиной сыромятным ремнем.

Когда вошли, мальчик быстро повернул острое лицо с высохшими подтеками слез. В темных глазах мелькнули по очереди надежда на чудо, испуг, отчаяние. Он опять отвернулся, прижался плечом к стене. Но Фа-Дейк успел разглядеть его лицо. Мальчишка был, кажется, похож... Или показалось?

Или правда он похож на Вовку Зайцева из Фаддейкиного класса? На щуплого Вовку Зайцева, который боялся уколов, и над ним за это смеялись (и, было время, Фаддейка смеялся. Сначала. А потом не стал... А потом Вовка уехал). Этот Зайцев боялся уколов и плакал от обид, но обидчиков никогда не называл, если его спрашивали взрослые...

Фа-Дейк оглянулся на Уна-Тура. Сказал, пряча свои мысли под насмешкой:

— Волки стали так осторожны, что одного мальчишку держат связанным...

— Просто забыли развязать, — буркнул сотник. Шагнул к мальчику, чиркнул кривым кинжалом по ремню у локтей. Ремень ослаб, опал.

Мальчик пошевелил локтями, освободил кисти. Но на

Фа-Дейка и Уна-Тура не смотрел. Коротко, со всхлипом, вздохнул.

— Оставьте нас, — приказал Фа-Дейк сотнику. — Может, я договорюсь с ним быстрее, чем вы... И закройте дверь.

Уна-Тур вышел. Дверь за ним бухнула излишне сердито. Мальчик не двигался.

Фа-Дейк встал в двух шагах от него. Помолчал, томясь от неловкости, негромко спросил:

— Как тебя зовут?

Мальчик опять не шевельнулся, но ответил сразу:

— Кота...

Или «Хота»? У тауринов такой же язык, как у иттов, но говорят они мягче, с придыханием. Ладно, пусть Хота...

— Хота, ты проводник караванов?

Он медленно поднял лицо. Ну, в самом деле, так похож на Зайцева... Он сказал сипловато:

— Не проводник я... Просто ходил в песках, смотрел, где силки поставить на кротов. Мяса в крепости нет...

— Неправда, ты проводник и разведчик, — тихо сказал Фа-Дейк. — Ты ставил знаки для каравана. И ты знаешь, где подземный ход...

Хота опять опустил голову. Грязными худыми пальцами тер кисти со следами ремня. Зябко шевелил плечами.

«Тебя будут мучить», — хотел сказать Фа-Дейк, но не посмел. К тому же мальчишка это знал сам. Он вдруг проговорил еле слышно:

— Я знаю только один ход. А будут выпытывать про многие...

— Не будут. Всем известно, что каждый разведчик знает лишь один ход, свой... Если покажешь, тебя не будут... я попрошу, чтобы тебя отпустили.

Хота посмотрел прямо в лицо Фа-Дейку мокрыми блестящими глазами.

— Вы же понимаете, сет, что я не могу сказать...

— Ты меня знаешь?

— Да... Я видел вас со стены. Вы ехали на конях вместе с вашим королем... — Он со всхлипом переглотнул и сказал почти умоляюще: — Вы же понимаете, что я не могу сказать, где ход...

Фа-Дейк это понимал. Но понимал и другое: заставят.

Кажется, он не просто подумал, а сказал это. Хотя помотал головой, как Вовка Зайцев, когда у него требовали назвать обидчиков. Ощетинился и отчаянно проговорил:

— Я умру, а не выдам. Все равно...

Фа-Дейк вспомнил сотника Уна-Тура и его ухмыляющихся волков. «Не дадут умереть, пока не выдашь», — подумал он. И маленький проводник уловил эту мысль. И съежился, стиснув себя за исцарапанные локти.

Фа-Дейк сам не знал, как не удержался, спросил шепотом:

— Боишься?

Хота сжался еще сильнее и ответил не как врагу и не как сету, а просто как мальчишке:

— А ты бы не боялся?

«Я и сейчас боюсь, — подумал Фа-Дейк. — А чего?»

Пленный проводник опять судорожно глотнул и сказал глухо:

— Мне за маму страшно. Я не выдержу, а она будет мать предателя... Ее будут гонять босиком по острым камням и уморят голодом...

— Разве так бывает? — испуганно спросил Фа-Дейк.

— А как же еще бывает! Только так...

Фа-Дейк сел на камень в трех шагах от пленника.

— Хота...

— Что? — вздрогнул мальчик.

— Не знаю что... Мне тебя жалко.

Мальчик вскинул мокрые глаза:

— Да?

— Да... Только я не знаю, что делать. — Но он уже знал.

— Дай мне кинжал, — быстро прошептал Хота. — Я заколюсь и тогда ничего не скажу.

Фа-Дейк опять почему-то вспомнил Вовку.

— Ты думаешь, это легко! — сказал он. — Ты не сможешь...

— Я попробую.

— Не сможешь. Сил не хватит.

— Ну... тогда заколи меня ты. Я глаза закрою... А ты потом скажешь, что я на тебя напал, а ты защищался.

— Ты что, спятил? — сказал Фа-Дейк. — Да и нет у меня кинжала. Я... подожди.

Он встал, подошел к двери, притаился на миг и рванул ее. Но волков близко не было, никто не подслушивал. Фа-Дейк встал посреди хижины, скинул плащ, бросил на него шлем.

— Надевай. В этом тебя никто не остановит.

Хота кинулся к плащу. Но не взял его, медленно выпрямился. Покачал головой:

— Нельзя. Тебя убьют.

— Меня? — сказал Фа-Дейк. — Сета? — Он усмехнулся, хотя сердце у него холодело. — Надевай.

Они были одного роста. Шлем закрыл у Хоты волосы и лоб, медный козырек бросил тень на глаза. Плащ окутал мальчишку до пят.

«А ноги все же будут видны, когда пойдет», — подумал Фа-Дейк.

— Постой... — Он торопливо расшнуровал и сбросил кеды. Хота суетливо и неумело завозился со шнуровкой незнакомой обуви. Фа-Дейк помог ему и шепотом предупредил: — Не вздумай идти сразу в пески. Иди сначала через табор, мимо главных шатров. Если окликнут, опусти голову и не отвечай, тогда подумают, что ты... то есть я... очень печальный, и не подойдут. В пески уходи с западного края, там нет сейчас сторожевых волков. А в дюнах — там уж смотри сам.

— В песках меня не поймут, — жарко прошептал Хота. — Я попался тогда по глупости. А теперь — ни за что...

— Все, иди... Прощай...

— Прощай... А тебе ничего не будет?

— Иди, Хота, иди.

— Фа-Дейк, прощай, — с придыханием проговорил Хота. — Мама скажет теперь, что у нее два сына...

Одними губами Фа-Дейк повторил:

— Иди, Хота, иди...

КРАСНЫЕ ПЕСКИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Со связанными за спиной руками, растрепанного и босого, будто пленного врага, его повели через онемевший от изумления стан. На площадку перед королевским шатром. По пути Уна-Тур несколько раз толкнул его тупым концом копья.

— Плешивый шакал, — сказал Фа-Дейк. — Ты поднял руку на сета.

— Ты не сет, а предатель, — злорадно отозвался из седла Уна-Тур.

— А ты не сотник, а покойник. Через час тебя будут жрать ящерицы-камнееды...

Уна-Тур толкнул его снова, и Фа-Дейк, чтобы не упасть, почти бегом выскочил на площадку — прямо перед Фа-Тамиром, Лалом, сетом Ха-Виром и другими командирами. И сразу вознесся гневный голос Фа-Тамира:

— Что творишь, сотник! Воины, взять изменника! Развяжите сета! Плащ сету!

Три королевских стражника метнулись к Уна-Туру. Тот вздыбил жеребца и яростно завопил:

— Я не изменник! Послушайте же меня, мой маршал!

Кто-то рассек отточенным концом меча ремень на запястьях Фа-Дейка. Фа-Дейк освободил руки, как недавно это делал Хота. Потом швырнул скомканный ремень в лицо Уна-Туру и сказал по-русски:

— Я покажу тебе предателя, паршивая волчья шкура. — Он был так зол, что уже ни капельки не боялся.

Воины окружили сотника, но теперь стояли в нерешительности, потому что он крикнул:

— Клянусь Звездным Кругом, я невиновен, мой маршал! А он — не сет, он предатель.

— Сет — всегда сет, — сказал мудрый Лал и кинул на плечи Фа-Дейка грубый военный плащ. — Лишить сета этого звания может только король. А короля... да будет ровен его путь в дальний мир... теперь у нас больше нет. Выслушаем всех в терпении. Сет Фа-Дейк, скажите нам, в чем обвиняет вас этот человек? Что произошло между вами?

— Да ничего особенного! Просто я отпустил пленного мальчишку!

— Разведчика? — быстро и насупленно спросил Фа-Тамир.

Все молчали. Только Уна-Тур дернулся в седле, хотел что-то крикнуть, но десятник королевской стражи с размаху положил на его плечо руку в боевой чешуйчатой рукавице.

Наконец старый сет Ха-Вир медленно спросил:

— Зачем вы это сделали, Фа-Дейк?

«Потому что мне его жалко!» — чуть не вырвалось у Фа-Дейка. Но он сказал иначе:

— Я не хотел, чтобы в дни печали в стане иттов была жестокость. Волки замучили бы мальчика.

— Это никого не касается! — вскинулся опять Уна-Тур. — Это была наша добыча! Добычу волков не может отобрать даже король!

— Короля нет, — снова напомнил Лал. — Помолчи, сотник.

«Короля нет...» — подумал Фа-Дейк и ощутил в нагрудном кармане тяжесть тарги. До сих пор он о ней почти не помнил, о другом были мысли. Но сейчас наконец пришло ясное понимание: *что* же случилось на самом деле. Если старый Рах сказал, если он отдал таргу... Значит, правда?

«Но не хочу я! — крикнул себе Фаддейка. — Я не знаю, что делать!»

«Делай что хочешь, хуже не будет...»

Сет Фа-Дейк медленно оглядел всех, кто обступил его. Голова кружилась от усталости и от голода. Честно говоря, хотелось даже заплакать. Но Фа-Дейк скривил губы и отчетливо сказал сотнику:

— Добычу король отобрать не может. Но может сделать голову твою добычей шакалов...

— Но короля нет! — дерзко хохотнул Уна-Тур. Десяток его всадников приближались к шатру.

— Король будет, — сказал мудрый Лал, летописец и полковник песчаной пехоты. — Сеты выберут короля сегодня же, раз великий Рах не оставил преемника.

Фа-Дейк вскинул голову, чтобы возразить, но медленно и тяжело заговорил Фа-Тамир:

— Сеты выберут короля. Но сету Фа-Дейку лучше не участвовать в этом. Пусть Фа-Дейк уходит, пока он сет и никто из иттов не может тронуть его. Выбранный король лишит его звания и защиты.

— Почему? — Фа-Дейк хотел спросить это гневно и громко, но получилось почти со слезами. Как в учительской, когда обвиняют напрасно.

Старый справедливый маршал Фа-Тамир заговорил опять, и слова его падали, как камни:

— Наверно, вы думали, что поступаете справедливо, сет. Но все равно: то, что вы сделали, — измена.

В ответ полагалось швырнуть в лицо обвинителю боевую рукавицу. Но не было рукавицы, да Фа-Дейк сейчас и не поднял бы ее — пудовую, из бронзовых пластин. И какой мог быть поединок у мальчишки с прошедшим через тысячу боев маршалом?

Фа-Дейк сипло от слез спросил:

— Кому я изменил?

— Вы предали народ и армию иттов.

— Но итты... все люди, все войско, это же такое... громадное. А он был беззащитный. Если бы я не отпустил... я предал бы его...

— Но он враг! — воскликнул кто-то из воинов.

— Он мне не враг. Он... такой же, как я. Дети не воюют с детьми.

— Как же не воюют, — мягко, осторожно как-то возразил Лал. — У тауринов полно разведчиков. У нас... мальчишки тоже помогают воинам. Вы и сами, сет, в прошлом году были в конной стычке.

— Да... дети могут воевать со взрослыми. Взрослые тоже воюют с детьми, они одичали. Но дети не воюют с детьми ни на одной планете — они еще не походили с ума!

— Вас никто не просил воевать с этим сопляком, — нагло подал голос Уна-Тур. — Ваше дело было не вмешиваться.

Тарга оттягивала карман. Фа-Дейк незаметно, под плащом, вынул ее и зажал в кулаке. И сказал:

— Что-то совсем непонятное происходит у иттов. Сеты стоят, а сотник говорит с ними, не сходя с коня. Уж не стал ли он королем?

— Сойди с коня, сотник! — грозно крикнул сет Ха-Вир.

— Слушаю, сет... — отозвался Уна-Тур. Кажется, с насмешкой. Сделал движение, будто хочет спешиться, но остался в седле. И никто не заметил этого, потому что маршал Фа-Тамир заговорил опять — печально и тяжело:

— Ваши слова, сет Фа-Дейк, говорят о вашем уме. Пром ум ваш и доброту знают все итты. Но сейчас вы нанесли нам вред. Ход, о котором знает проводник, остался для нас тайной...

— Подумаешь, один ход! Их полным-полно!

— И все-таки он поможет тауринам продержаться лишние дни.

— Им не придется держаться... Фа-Тамир, я устал сто-

ять босиком на холодном песке, коня мне... — Возникло торопливое движение, Фа-Дейк оставался сетом, и коня подвели немедленно. Того послушного конька, на котором он прискакал сюда. Фа-Дейк прыгнул в седло, и плащ свесился по бокам, закрыв стремяна и босые ступни...

— Почему тауринам не придется держаться в крепости, сет? — вкрадчиво спросил мудрый Лал. — Вам известно что-то тайное!

— Ничего тайного. Мы сегодня снимем осаду.

— Великий Звездный Круг! Кто это решил? — воскликнул сет Ха-Вир, храбрый и простодушный воин.

— Я, — сказал Фа-Дейк.

Смеялись все. Сеты смеялись, и простые воины, и сотник Уна-Тур, который так и остался в седле. Один Фа-Тамир не смеялся, он смотрел на мальчишку с печалью. Он любил Фа-Дейку и теперь горько сожалел, что болезнь помутила разум юного сета... Впрочем, болезнь лучше, чем измена...

Тогда Фа-Дейк протянул Фа-Тамиру таргу. И проговорил совсем не по-королевски, а как смущенный четвероклассник, потому что решительность опять оставила его:

— Вот... Это дал король. Он сказал, что теперь я... Он сам сказал, честное слово...

Фа-Тамир стряхнул в песок боевую рукавицу и протянул руку. Но рука эта вдруг замерла, окаменела, не коснувшись бронзовой бляшки.

— Великие силы... — хрипло сказал маршал. — Смотрите, Лал... Точно ли это она?

Мудрый Лал встал рядом с маршалом, глянул. Побледнел — загар его стал бледно-желтым. Лал сказал, как и Фа-Тамир:

— Великие силы... — Потом спросил, забыв об этикете: — Откуда она, мальчик?

— Король дал, — пробормотал Фадейка.

Маршал сурово проговорил:

— Итты! Наш великий король Рах владел таргой. Он передал таргу сету Фа-Дейку вместе с властью.

Сеты, командиры и простые воины сдвинулись молчаливым кругом.

— Тарга ли это? — спросил сет Ха-Вир. — Ведь она исчезла больше ста лет назад, когда правил великий Ду-Ул, разрушитель стен.

— Потому и исчезла, — прошептал Лал.

— Не подделка ли это? — осторожно проговорил молодой, незнакомый Фа-Дейку сет.

— Клянусь всем миром, нет, — тихо ответил Лал. — Эту работу древних чеканщиков подделать нельзя, утерян секрет...

Ха-Вир пробормотал:

— Но если она была у короля, то почему великий Рах...

Маршал Фа-Тамир сурово перебил его:

— Кто смеет задавать вопросы королю? Особенно когда он мертв!.. Сеты, смотрите и отвечайте: есть ли у вас сомнение, что это тарга, знак верховной власти над всеми обитаемыми землями?

Сеты молчали. Наверно, не потому, что было сомнение. Просто никто не решался признать таргу первым.

— Подождите! — вдруг воскликнул Лал. — Вот идет вождь тауринов Урата-Хал... Князь, окажите честь, подойдите к нам для беседы.

Урата-Хал, прямой и печальный, неспешно подошел. На острых красно-коричневых скулах горели блики от низкого вечернего солнца.

Тихо, но очень внушительно Лал произнес:

— Великий вождь, сет и князь тауринов, обращаюсь к вашей мудрости и заклинаю вас вашей честью. Посмотрите и, если можете, скажите нам: что в руке у юного сета Фа-Дейка?

Князь подошел к Фа-Дейку, тяжело загребая песок бронзовой чешуей оторочки плаща. Смотрел и молчал с полминуты. Лицо его не изменилось. Он сказал, кажется, без удивления и устало:

— Клянусь словом и честью, это тарга. Судьба ваша счастлива, итты... Кто же владетель знака верховной власти?

— Тот, кто держит. Иначе не может быть, князь, — отозвался Фа-Тамир.

Урата-Хал посмотрел Фа-Дейку в лицо. Вождь тауринов был так высок, что глаза его оказались вровень с глазами сидящего на коне юного сета. Твердые, но измученные были у князя глаза. И Фа-Дейк опустил свои, не выдержав прямого и печального взгляда.

Урата-Хал проговорил, опустив плечи:

— Ну что же... Ни итты, ни таурины, ни другие люди еще не стали бессмысленными кротами и шакалами, чтобы забыть великие законы предков. Какое будет твое слово, повелитель? Покорившись владетелю тарги, таурины не уронят чести... — Он горько улыбнулся. — Что я должен сделать? Впустить иттов в крепость? Отдать свой меч?.. Хотя сейчас у меня нет меча...

— Нам его и не надо, — давась от непонятного смущения, пробормотал Фа-Дейк. Таргу сжал в потном кулаке, а кулак спрятал под плащ. И сказал решительней: — Итты не войдут в ваш город... То есть, может, войдут, но без оружия. Мы заключим равный и вечный мир. Больше никогда не будет войны.

Долго молчали изумленные итты, молчал и вождь тауринов. Потом он произнес негромко:

— Все матери тауринов назовут тебя своим сыном, мальчик... О прости, владыка земель.

А мудрый Лал, летописец иттов и полковник песчаной пехоты, спросил:

— Но что же будут делать люди, если война кончится, повелитель?

— Что?! — яростно вскинулся Фа-Дейк. И вскрик его разнесся в вечернем воздухе, который быстро остывал и охлаждал щеки. — Стены разрушены! Пески везде! Вы... вы же забыли вкус хлеба, едите только мясо кротов и конину, потому что негде сеять зерно! Вы что, сами не видите? Надо строить стены и дороги! Надо, чтобы снова росли леса! Везде, а не только на севере! Надо, чтобы никто не боялся! И чтобы с лесным народом тоже мир!.. Да вы что, сами не понимаете?..

— И что же? — раздался голос наглого сотника Уна-Тура, о котором все забыли. — Значит, воины-волки должны будут ковырять землю и таскать камни, как пленники или трусы, которые не умеют сражаться?

— Ир-Рух, — с облегчением сказал Фа-Дейк десятнику королевской стражи. — Лишите сотника коня и меча. Отправьте его под стражу. После погребения короля и заключения мира напомните мне о нем, я решу, что делать с этим человеком.

Уна-Тур вздыбил заржавшего жеребца и крикнул, оскалившись:

— Твоя тарга — жалкая медяшка! Ты сопливый самозванец! Волки, за мной! Пески не выдадут нас!

Сотник бросил коня прямо на пеших воинов, они отскочили. Всадники-волки поскакали вслед за своим командиром. Опомнившись, бросилась в погоню конная стража...

Ночь пришла звездная и холодная. Темная была ночь, хотя две маленькие луны быстро катились по черно-искристому своду. Фа-Дейк постоял у откинутой занавеси, посмотрел на эти светлые бегущие шарики, отыскал потом глазами знакомое созвездие Ориона, вздохнул и вернулся в теплоту шатра — в запахи земляного масла от светильников и старой меди от панцирей охраны. Лег на расшитые войлоки.

Шатер был Фа-Тамира. Маршал уступил его владельцу

тарги, пока в королевском шатре лежит, дожидаясь погребения, великий Рах.

Десять ратников королевской стражи, не шевелясь и, кажется, не дыша, застыли вокруг широкого ложа. Фа-Дейк стеснялся их, но не решился приказать им выйти.

Он лег навзничь, вдавившись затылком в кожаный мешок, набитый шерстью. Тарга лежала в нагрудном кармане и плоской своей тяжестью напоминала о себе.

Фа-Дейк ужасно устал и ни о чем не думал связно...

Вошел Фа-Тамир, снял шлем, спросил:

— Я отошлю воинов, повелитель?

— Ага... — облегченно выдохнул Фа-Дейк.

Ратники неслышно вышли один за другим.

— Осмелюсь ли я просить владельца тарги... — начал маршал.

Фа-Дейк устало сказал:

— Не надо, Фа-Тамир. Говори по-человечески.

— Хорошо... — Старый маршал сел в ноги у Фа-Дейка. — Ну что, Огонек? Как тебе сейчас?..

— Я не знаю, Фа-Тамир... Я не знаю: что делать дальше?

— А дальше ничего не надо, мальчик. Ты сделал самое главное: остановил войну.

— Но потом я тоже что-то должен делать!

Фа-Тамир покачал седой головой:

— Ничего. Завтра, после погребения Раха, мы объявим иттам и тауринам, что владелец тарги вернулся к себе, в свой далекий край.

Фа-Дейк помолчал. Затем спросил с облегчением, но и с обидой:

— Почему?

Фа-Тамир чуть улыбнулся:

— Ты хочешь найти одну причину? А их много...

— Ну, хоть одну... Скажи!

— Хорошо. Не обижайся, Фа-Дейк, но тебе иногда кажется, что нас нет и ты нас просто придумал...

— Ну и... Ну и какая разница? Вы же все равно есть!

— Конечно... Но вот еще причина: когда вы, сет... про-сти, Огонек... когда ты думаешь о наших заботах, ты думаешь о своей Земле. Я давно это понял.

— Ну и что? — неловко сказал Фа-Дейк.

— Нет, ничего. Иначе и быть не могло... Но ты еще много не понял. Не знаешь даже, кто виноват в этих войнах: итты, таурины, лесные люди, жители южных скал? Вожди или простые люди?

— Это я как раз понял, — хмуро сказал Фа-Дейк. — Все хороши.

Раньше, когда жил он в королевском стане и в столице иттов, ему казалось, что итты — самые храбрые, самые честные, самые умные, а таурины виноваты во всем. Это они много лет назад начали войну и до сих пор не хотят признать справедливость иттов. И он радовался, когда случился пожар в крепости врага. И ликовал, когда, оказавшись в случайной схватке среди песков, увидел (правда, изда-лека), как воины иттов арканами свалили двух тауринских всадников...

А если бы в самом начале попал он не к иттам, а к тауринам?..

А маленький, похожий на Вовку Зайцева Хота разве в чем-то виноват?

Он учился у иттов скакать на коне, метать дротики и читать нацарапанные на тонких кожах старые карты пустынных земель. Но земли принадлежали не только иттам. И карты эти рисовали не итты, а древние художники — общие предки нынешних племен.

Среди песчаных равнин, среди холмов и дюн стояли высокие башни с колоколами, которые оставили нынешним людям неведомые, жившие в незапамятные времена народы — люди тех веков, когда на месте песков шумели кудрявые леса и плескались теплые озера... Ни итты, ни таурины, ни жители окраинных земель не трогали эти колокола даже тогда, когда не хватало меди для доспехов. На Марсе, несмотря ни на что, еще сохранялись давние обы-

чай: нельзя трогать колокола, нельзя убивать крылатых ящериц, нельзя не повиноваться тарге...

Был суров, сумрачен и дик этот пустынный фиолетово-красный мир, и все же он привязал к себе маленького Фа-Дейка.

Но через несколько месяцев Фаддейка затосковал по дому...

Сейчас Фа-Тамир словно угадал его мысли.

— Вы скоро затоскуете снова, — сказал он. — Вы все равно не сможете остаться.

— Когда затоскую, тогда и уйду, — неуверенно огрызнулся Фа-Дейк.

— Воля владетеля тарги бесспорна... Но лучше бы вам уйти сразу. Для всех людей лучше, Фа-Дейк...

Фа-Дейк опять почувствовал себя виноватым четверо-классником Сеткиным.

— Ну, хорошо, Фа-Тамир. Таргу я оставлю вам...

— Таргу вы возьмете с собой.

— Почему?!

— Фа-Дейк, мальчик мой, люди есть люди, они сильнее обычаев. Очень скоро те, кто поумнее, поймут, что войну остановила не тарга, а общая усталость... А те, кто злее и хитрее, подумают: как много власти может дать маленький кусочек меди! Появится множество подделок. Появятся и те, кто поклянутся, что подделка — настоящая тарга, а вас объявят самозванцем. Это будут люди вроде Уна-Тура и его волков, которые сегодня почти все ушли в пески. Их закон — сила и жестокость...

«Ты и сам не захотел спасти Хоту», — вдруг вспомнил Фа-Дейк.

И опять старый Фа-Тамир словно услышал его мысли.

— Думаете, маршал может все? — спросил он. — И маршалы, и сеты, и короли тоже бывают беспомощны. И вы быстро сделаетесь беспомощным, если останетесь здесь... А если уйдете, мы объявим, что вы унесли таргу и последний ваш закон был: покончить с враждой. Тогда не будет

подделок тарги и никто не сможет заставить вас отменить свои слова.

— И получится, что я стал... каким-то священным духом, — невесело усмехнулся Фа-Дейк.

— Вы станете легендой и законом... Хотя бы на некоторое время. И люди отдохнут от вражды и, может быть... может быть, еще что-то смогут спасти...

— «Что-то» или планету? — тихо спросил Фа-Дейк. И представил опять: пески, пески и кое-где на скалистых буграх башни и арки с начищенными летучим песком колоколами.

Старый маршал молчал.

— Фа-Тамир, кто поставил в песках колокола?

Маршал не удивился вопросу. Но и ответа не дал.

— Ты же слышал, Огонек, что про зло никому не известно. Даже мудрый Лал не знает...

— Старые женщины, что готовят для воинов пищу, рассказывали, будто иногда колокола звонят сами собой...

— Это сказка. Про загадки песков много было сказок... Впрочем, кто знает, может быть, и звонят. Но, говорят, это бывает раз в сто лет, в самую холодную и черную ночь... Не знаю, мне слышать не приводилось.

— А как они звонят?

— Я же не слышал... Говорят, медленно, печально. Будто в память о ком-то.

— Похоже...

— Что похоже, Фа-Дейк?

— Видимо, на разных планетах одинаковый обычай — ставить башни с колоколами в память о ком-то... А может быть, это мы поставили их здесь?

— Мы? Итты?

— Да нет, Фа-Тамир, я не о том... Вы правы, маршал, надо ехать. Может быть, еще успею.

— Путь, конечно, тяжел, но не так уж далек. Вы успеете домой к рассвету.

— А вы проводите меня? Я один не найду дорогу.

— Тир знает дорогу...

Фа-Дейк быстро сел.

— Тир вернулся?

— Да, сет. Видимо, почувал, что вы здесь, и пришел в стан. Воины привязали его, он рядом...

Фа-Дейк прыгнул с постели и выскочил из шатра. Высокий конь мягко переступал на песке подковами. Он казался черным, но Фа-Дейк знал, что днем конь — огненно-оранжевый. Даже и сейчас от света крошечных бегущих лун по гриве проскакивали рыжие искорки.

Фа-Дейк протянул ладони, конь радостно фыркнул, потянулся к ним теплыми губами. Фа-Дейк обнял лошадиную морду, прижался к ней щекой.

— Пришел, мой хороший...

Тир постоял, замерев, потом осторожно освободил голову и тихонько заржал, радуясь встрече. Он не знал, что свидание будет коротким...

ВСЕ НЕ ТАК...

Фаддейкина мать приехала рано утром. Юля проснулась в полседьмого и услышала на дворе незнакомый громкий голос. Голоса Фаддейки и Киры Сергеевны она тоже услышала. Они перебивали друг друга. Разговор был шумный, суетливый и, видимо, веселый...

Юля почему-то вздохнула и стала торопливо одеваться.

Познакомились они во время завтрака. Когда Юля вошла в кухню, все уже были за столом, покрытым новой цветастой скатертью (подарок, что ли?). Фаддейкина мать сидела там, где обычно садилась Юля, а Фаддейка устроилась рядом. Был он непривычно причесанный, в чистой белой маечке, сдержанный, но его веснушки так и сияли тихой радостью.

Все трое заулыбались навстречу Юле, а Фаддейкина мать сказала:

— Простите, кажется, я устроилась на вашем месте.

— Вот пустяки какие... — сбивчиво ответила Юля и потянула из-под стола четвертый табурет.

Фаддейка коротко засопел, и мать быстро и ласково посмотрела на него.

Она понравилась Юле. Она действительно была красива — той сдержанной красотой, которая не режет глаза, но такая законченная, «стоцентная», что не к чему придраться. Каштановые волосы, мягкий взгляд, замечательно очерченный рот с крошечной родинкой над верхней губой (словно туда перескочила одна из Фаддейкиных веснушек). Юля всегда любовалась такими женщинами спокойно и без малейшей зависти. Зависть была бессмысленна.

Фаддейкина мать, ласково лучась глазами, сообщила Юле, что ее зовут Виктория Федоровна и что наконец-то она вырвалась из «суеты цивилизации» и несколько дней будет здесь, в тишине, спасаться от своей сумасшедшей работы.

Это известие почему-то слегка раздосадовало Юлю, и она старательно улыбнулась в ответ. Завтрак прошел с ощущением легкой неловкости, хотя улыбки продолжали цвести, а Виктория Федоровна шуточно ругала Фаддейку за сопенье и чавканье.

Из кухни Юля поспешно ушла к себе. Идти в библиотеку надо было только к десяти. Юля написала письмо домой, пришила пуговицы к ветровке, починила босоножку, у которой оторвался ремешок, минут пятнадцать читала без интереса купленный накануне номер «Огонька» и отправилась на работу.

У калитки она увидела Фаддейку с матерью.

Фаддейка был еще больше непривычный и незнакомый.

Если бы Юля повстречала на улице такого мальчугана — с аккуратно расчесанными (и вроде бы даже подстриженными) оранжевыми локонами, старательно умытого,

в отглаженных светлых брюках и голубой рубашке с погончиками, — она обязательно подумала бы: «Ишь какой славный...» Но прежний Фаддейка куда-то исчез. Лишь искорка в левом глазу напомнила о нем, когда ухоженный мальчик улыбнулся Юле.

Виктория Федоровна тоже улыбнулась. И сообщила:

— Мы отправились гулять. Это чудо-юдо обещает таскать меня целый день по каким-то «своим» местам... Имей в виду, дорогой мой, что на колокольню я все равно не полезу...

Фаддейка еще раз пустил привычную искорку и радостно сказал Юле:

— Пошли с нами!

Юля покачала головой и показала часы.

— Ну, тогда завтра! Юль! За грибами! В лесу знаешь сколько груздей!

Глядя на его причесанную макушку, мать плавно сказала:

— Ты, наверно, хочешь, чтобы Юле поставили двойку за практику. Не забывай, что у нее на первом месте должна быть учеба.

— В самом деле, — сдержанно согласилась Юля. Неловко подмигнула Фаддейке и пошла в библиотеку.

В этот день было неожиданно много читателей. То ли соскучились по книжкам за каникулы, то ли просто школьники разом съехались в родной городок из лагерей и гостей перед началом занятий. Кроме того, Юля ходила по двум адресам — искала «должников». Один был в отъезде еще, а второй — восьмилетний большеглазый пацаненок — с перепугу забрался в старый курятник: решил, что за утерянными на рыбалке «Приключения Травки» его сейчас поведут в милицию. Пришлось вместе с бабушкой извлекать ревущего читателя на свет и успокаивать...

В таких делах время летело незаметно. В середине дня Юля сумрачно поклялась себе, что на почту не пойдет. И не пошла. И даже не очень думала о письме, потому что

царапала ее другая тревога: из-за Фаддейки. Хотя, казалось бы, что случилось? Мать приехала, отмыла, приласкала, радоваться надо.

«Увезет она его скоро», — печально сказала себе Юля. И сразу же сердито возразила:

«Ну и увезет! Что это, новость для тебя?»

«Не новость, но все равно грустно».

«Грустно не грустно, а все на свете когда-то кончается».

«Как-то не так кончается. Не по-хорошему...»

«Перестань!» — одернула она себя.

Но беспокойство не прошло. И Юля не удивилась, а только еще больше запечалилась, когда пришла домой и увидела на своем крыльчке Фаддейкину мать. Не было сомнения, что она поджидала Юлю.

Виктория Федоровна ласково сказала:

— Вот вы и вернулись... Как дела, Юленька?

Юля аккуратно улыбнулась:

— Дела обычные — библиотека. Никакой романтики...

Особенно если смотреть со стороны.

— Вы, наверно, скучаете в здешнем захолустье?

— Некогда скучать-то. Работы невпроворот.

— А по вечерам? Тут и сходить некуда...

— Вы знаете, я домоседка.

— Так и сидите в этой конуре?... Кстати, как вы там устроились? Можно взглянуть?

— Вполне уютно устроилась, — опять улыбнулась Юля. — Заходите...

В комнате она подвинула Виктории Федоровне единственный стул, сама присела на топчан. Фаддейкина мать со старательным любопытством оглядывала пустые углы и дощатые стены. Молчание затягивалось. Чтобы разбить его, Юля спросила:

— Как погуляли?

— Ох, он умучил меня! Таскал по каким-то развалинам, по зарослям... Брюки изорвал, погон отодрал на ру-

башке. Я еле дышала, когда вернулась... Представляю, как надоел он вам!

— Почему?

— Он мне только про вас и говорил. Наверно, целые дни от вас не отстает...

— Да что вы, Виктория Федоровна. Днем я на работе.

— Ну, утром и вечером... Вам и отдохнуть-то некогда.

— Он мне ни капельки не мешает.

— Юля... — мягко сказала Виктория Федоровна. — Дело не только в вас... дело в нем.

— А... что случилось? — с неприятным ожиданием спросила Юля.

— Не случилось, но... поймите меня правильно. Эта его привязанность к вам... Он непростой ребенок. Излишне впечатлительный, фантазер. И я, честно говоря, опасуюсь...

— Боюсь, что я все-таки не понимаю вас, — насупленно сказала Юля. На нее навалилась тяжелая неловкость.

— Сейчас я объясню... Думаете, он только с вами так? У него странный интерес к взрослым людям. Он прилипает к ним, морочит головы своими выдумками, мучает вопросами. А потом мучается сам: вспоминает, писем ждет. А какие письма? У взрослых людей свои дела, они забывают мальчишку через неделю после отъезда...

Юля могла сказать, что она Фаддейку не забудет и письма писать станет обязательно. Сама знает, как плохо без писем. Но она понимала, что эти слова Викторию Федоровну не обрадуют. Она только сказала:

— Что поделаешь, раз такой характер...

— Дурацкий характер! — с неожиданной плаксивой злостью отозвалась Фаддейкина мать. И сразу перестала быть красивой. — Я замучилась... Выдумал себе предка-адмирала, переделал нормальное имя Федор (в честь деда!) в какого-то Фаддея. И ведь заставил всех признать себя Фаддеем!.. А эти непонятные слезы по ночам! Спрашиваю: что случилось? Какой-то Вова Зайцев из их класса уехал в

другой город. Но они с этим Зайцевым сроду не были приятелями! А он ревет: «Теперь уже никогда и не будем...»

— Выходит, не только среди взрослых он друзей ищет, — вставила реплику Юля.

Виктория Федоровна утомленно замолчала. Юля добавила:

— Бывает, что он целый день с мальчишками носится. Мяч гоняют, плот строят. Шар недавно запустили...

— Ну да, шар! Он писал мне. Марсианский глобус... Вы, наверно, не видели его «Марсианский дневник», он его ни единому человеку не показывает. Я однажды нашла и заглянула...

Юля пожала плечами:

— Чуть не все ребята фантастику сочиняют. Даже в здешней библиотеке куча рукописных журналов.

— Да, но какая фантастика! Знаете, как начинается его тетрадка? «Это самая настоящая правда! Это больше правда, чем наш город, наш дом и я сам. Потому что, если я даже умру, Планета останется. И лишь бы они больше не воевали...» Это в его-то годы! Умирать собрался.

— Это же просто сказка...

— Вот именно. И я очень боюсь, что он вырастет беглецом от действительности.

Юля спросила тихо и с неожиданной злостью:

— От какой действительности? От вашей?

Виктория Федоровна медленно посмотрела на нее и покивала:

— Вот-вот. И вы туда же... А действительность, Юленька, одна. И довольно суровая.

— Не в суровости дело. Тошно иногда от этой вашей действительности, — уже без оглядки сказала Юля. — Скучно среди импортных шмоток, служебной грызни и вечных стараний устроить свою жизнь на зависть другим. И вечного страха за это свое благополучие...

Виктория Федоровна не вспыхнула, не встала и не хлоп-

нула дверь. Посмотрела с ироническим и грустным интересом.

— Вы, видимо, всерьез считаете меня модной, свободной от мужа дамочкой на престижной должности? Ведет, мол, светскую жизнь, разъезжает по границам... А я изматываюсь на работе, мне поперек горла эти поездки... Если бы не они, я бы ни за что сюда сына не отпустила.

— Это не спасло бы его от «ненужных» друзей, — поддела Юля. — Они везде найдутся.

— Вы правы, они везде есть... Я вот про письма говорила. Не все ведь забывают, кое-кто пишет. Видимо, такие же, как он сам. У моего сыночка на этих людей особое чутье. Которые не от мира сего...

— Ну, спасибо, — хмыкнула Юля.

— Ох, только не обижайтесь! Мы же говорим откровенно.

— Да уж куда откровеннее...

— Я мать. И я хочу, чтобы у меня был нормальный ребенок. А пока это какой-то... репейник. С ним даже в гости пойти страшно: или фокус выкинет, или не успеешь мигнуть, как в неряху превратится...

Глядя в потолок, Юля отчетливо проговорила:

— А вы заведите себе пуделя. Его можно причесывать и дрессировать. И модно, если породистый...

«Вот и все, — подумала она. — Придется переезжать в библиотеку. Из этого дома меня сегодня попрут».

Но Виктория Федоровна не рассердилась и сейчас.

— Юленька... Самое простое дело — быть жестокой, — печально сказала она.

Юля сникла. И огрызнулась:

— Вот и не будьте жестокой к Фаддейке, не бросайте на все лето. Он так по вас скучал, а вы...

— Кажется, не очень скучал. Ему было с кем время проводить.

Юля опять разозлилась. А Виктория Федоровна продолжала:

— Его я еще могу понять. Его причуды, фантазии, прилипчивость к чужим людям. В конце концов, он мой сын... Но вам-то зачем это? Что вам сопливый и бестолковый мальчишка с грязными коленками? Вам нужен взрослый и представительный кавалер в расцвете сил и лет...

У Юли от новой, холодной злости будто колючими снежинками зацарапало лицо. Она взяла себя за щеки и с резким смехом сказала:

— Ну, вы договорились! Какие кавалеры? Что, по-вашему, я женить его на себе собираюсь?

— Господи, да при чем здесь это? Опять вы не поняли... Я не умею объяснить, а вы не понимаете. Может быть, поймете потом, когда будут свои дети...

Юля встала.

— Я надеюсь. Надеюсь, что будут. А понять нетрудно и сейчас. Ладно... — И, старательно подбирая официальные слова, она выговорила фразу: — Я учту ваши пожелания и постараюсь свести общение с вашим сыном до минимума.

Виктория Федоровна тоже встала.

— Я только хотела, чтобы... — Она замолчала, махнула рукой и вышла.

Юля легла на постель, прижалась щекой к холодной подушке.

«Юрка... Ну что ты за свинья такая! Юрка, где ты, наконец?»

Ночью шумел ветер, было холодно. Дзенькало в раме треснувшее стекло. Юля куталась в одеяло. По крыше стучали ягоды рябины.

ПОРТРЕТ

Утро пришло безоблачное. Оно обещало теплый день. Юля вышла из дома рано, чтобы успеть позавтракать в «Радуге». И еще чтобы не встретить Фаддейку.

Зачем теперь его встречать? Только душу бередить...

Но он сам догнал ее возле будки со сломанным телефоном. Пошел рядом. Такой же, как раньше (только майка выстирана да колючие локти отмыты докрасна). Глянул сбоку беспокойно и требовательно:

— Ты почему завтракать не пришла?

— Не хочется...

— Ты почему завтракать не пришла? — повторил он с той же интонацией, будто первый раз спросил.

Тогда Юля сказала прямо:

— Твоя мама на меня сердится.

Фаддейка фыркнул, будто в нос ему попало семя одуванчика:

— Подумаешь...

— Ничего не «подумаешь»... раз ей не нравится, что ты со мной подружился.

— Я с кем ни подружусь, ей никогда не нравится. Что ж тут делать?

Юля пожала плечами:

— Наверно, слушаться...

— Ага! А я ведь ей не указываю, где какого друга выбирать!

— Фаддейка, — со старательным укором сказала Юля. — Ты так скучал по маме, а теперь так про нее говоришь.

Он слегка сник, но ответил упрямо:

— Ну и буду скучать. А слушаться насчет этого не буду. Она не разбирается... А ты со мной не спорь!

— С тобой спорить, что носом гвозди вколачивать, — оттаивая, проговорила Юля. — Обормот рыжий...

Фаддейка запританцовывал рядом, растянул во всю ширь кривозубую улыбку, засверкал искоркой. Радостно сказал:

— А ты — колокольня!

Они вышли на мост.

— А все-таки тебе влетит от мамы, — с беспокойством проговорила Юля.

— Не-а! Она же добрая!

— Она-то добрая. А ты? Ты любого доброго в рычащего тигра превратишь. Ну посмотри, опять майка скособочилась и шнурки не завязаны!

Фаддейка прищурил правый глаз и по-птичьему наклонил голову: что, мол, еще скажешь новенького? Юля засмеялась. Прежние ниточки опять соединились между ней и Фаддейкой — как в порванном телефонном кабеле срываются десятки жилок, одна к одной.

Фаддейка топал по самому краю моста. Настил покачивался.

— Ох, допрыгаешься, — привычно сказала Юля.

— Не-а... А помнишь, как вброд с тобой переправлялись? Можно еще.

— Вода уже холодная.

— Нисколечко. Я еще купаться сегодня буду.

— Ненормальный, да? И так сопишь без передышки.

— Ну ладно, не буду... Или буду знаешь где? В Березовом лягушатнике, такое озеро в лесу есть. Маленькое, там вода прогретая... В воскресенье пойдем за грибами, и я тебе его покажу.

— За какими еще грибами? — опять засомневалась и загрустила Юля.

Но Фаддейка весело сказал:

— Пойдем, пойдем!

Он проводил Юлю до «Радуги» и ускакал, хлюпая незашнурованными кедами. А у Юли до вечера было настроение, похожее на Фаддейкину улыбку. И чтобы не испортить его, она запретила себе идти на почту. Целый день возилась со стенгазетой «Здравствуй, День знаний!». Привлекла для этой работы двух послушных девочек-читательниц и «трудного пятиклассника» Валерку Лапина, который оказался прекрасным художником.

А вечером, когда Юля вернулась домой, стало известно, что Фаддейка уехал. С матерью.

— Ни с того ни с сего заторопилась, — сумрачно и как-то виновато объяснила Кира Сергеевна. — Фаддей, конечно, сперва ни в какую, да с Викторией много не поспоришь, она тоже упрямая. И билеты, оказывается, еще с утра купила. Куда тут денешься?

Юля потерянно стояла на крыльце. Было холодно. Она поежилась и тихо спросила:

— А он ничего не просил мне передать?

У нее вдруг появилась смешная надежда, что Фаддейка оставил ей на память портрет, нарисованный художником Володей.

— Ничего, — вздохнула Кира Сергеевна. — Он и со мной-то еле попрощался, уехал набыченный...

Юля пошла в свою пристройку.

«Ну, уехал и уехал, — думала она. — Что поделаешь. Может, и лучше так, без всякого прощания...» И было не очень даже грустно. Просто скучно как-то, пусто...

Нет, грустно все-таки. Плохо...

Следующий день Юля работала хмуро и ожесточенно — чтобы не думать ни о чем печальном. Снова поклялась себе не ходить на почту и не пошла. Не будет она больше изводиться. Увезла мать Фаддейку — ну и пусть! Не пишет бездельник Юрка — ну и наплевать, в конце концов! Скоро практике конец, а там новый семестр на носу. А в Октябрьские праздники — поход на Дедов Камень, там такие места...

Юля закончила с ребятами стенгазету, оформила стенд с рисунками, расставила книги на тематических витринах «Наши школьные ступеньки», перебрала картотеку младшего возраста, выдала книги десятку читателей и села заполнять дневник практики... И тут ее сердитая энергия угасла, навалилась печальная усталость. И нельзя уже

было ничем занять себя, не было сил приказать себе ни о чем плохом не думать.

Нина Федосьевна приглядывалась, приглядывалась и наконец сказала:

— Юленька, я бессовестная старая карга, я вас замутила...

— Да что вы, Нина Федосьевна!

— Вы за две недели сделали здесь больше, чем все мы за полгода... Вот что, Юля: к первому сентября почти все готово, и давайте договоримся — завтра у вас выходной.

— Да что я буду делать-то в этот выходной? — с искренним испугом спросила Юля.

— Читать, смотреть телевизор... Бродить по окрестностям с вашим верным оруженосцем.

«Уехал оруженосец», — хотела сказать Юля и перепуганно сжала губы: вдруг поняла, что сейчас разрешится. Она торопливо залистала попавшийся под руку номер «Юного техника», и Нина Федосьевна, кажется, что-то поняла. Заговорила тоже торопливо и чуть виновато:

— Ну а если не хотите выходного, отдохните хотя бы сегодня. В клубе завода очень смешное кино идет, старое. «В гостях у Макса Линдера»... Или сходите на выставку! Во Дворце культуры изумительная выставка. Традиционная, осенняя... Кстати, чуть не забыла! Есть там и портрет нашего милого товарища Сеткина.

— Фаддейкин? — изумилась Юля. — Откуда? — И тут же поняла, что это художник Володя послал или привез портрет, написанный в прошлом году. — Ой, а какой он, Нина Федосьевна?

Та улыбнулась:

— Идите, идите, сами увидите...

Уже у входа в городской Дворец культуры — современную коробку с застекленным фасадом — Юля увидела, что никакого Фаддейкиного портрета здесь быть не может.

Потому что ежегодная осенняя выставка была выставкой цветов.

Пожав плечами и досадуя на странный розыгрыш (столь несвойственный Нине Федосьевне), Юля вошла все-таки в вестибюль.

Цветов было великое множество.

Наклонные, уже по-вечернему золотистые лучи вливались сквозь стеклянную стену, и сотни причудливых букетов — маленьких и громадных — светились и переливались оттенками всех красок, которые сотворила на Земле матушка-природа. Цветы были всюду — на полу, на длинных скамьях и столах, на полках вдоль стен. Это было Великое Собрание Цветов. Георгины и астры, нарциссы и гладиолусы, настурции и анютины глазки, розы и садовые ромашки и еще сотни разных представителей цветочного народа собрались, чтобы показать друг другу и всему свету: вот какими мы выросли за лето, вот что сумели!

Юлино настроение подчинилось этому празднику лучей и радужного сияния. Не то чтобы Юля стала совсем веселой, но успокоилась и грустные мысли загнала в дальние уголки памяти. Тихонько вздыхая и улыбаясь, пошла она вдоль рядов с букетами. И удивлялась искусству и хитроумности цветоводов. Хитроумности — потому, что надо было не только вырастить замечательные цветы, но и составить букеты — изобретательно и со смыслом. И придумать подходящие названия...

Сочетания букетов и названий в самом деле часто были неожиданными и точными. «Полет в стратосферу» — золотистый острый гладиолус пробил облако из пушистых белых цветов; «Кармен» — темно-пунцовая роза в окружении узких, похожих на перья листьев; «Салют» — ярко-желтые и красные звездочки в гуще темно-лиловых анютиных глазок... Были забавные названия. Например, «Сорванцы» — несколько растрепанных нарциссов, очень похожих на задиристых мальчишек. Или «Я больше не буду» — тонкий голубой цветок (вроде василька), как приви-

нившийся пацаненок, склонил голову перед большими бело-лиловыми астрами, похожими на рассерженных те-тушек.

Встречались букеты и с ласковыми именами: «Подарок маме», «Аленка»...

Посетителей было немного. Шорох подошв и негромкие разговоры не разбивали солнечной тишины. В этой тишине Юля не спешила и подолгу стояла перед каким-нибудь понравившимся букетом: например, перед «Мушкетерами» — четверкой гордых георгинов (у каждого свой характер), перед «Бабушкиным романсом» — большими бледновато-желтыми цветами, похожими на рупоры старинных граммофонов...

Несколько раз у Юли шевельнулась мысль, что если есть «Сорванцы» и «Аленка», то почему бы не оказаться здесь и «Фаддейке». Но странно — догадка эта скользнула по краешку сознания и тут же исчезла.

И Юля вздрогнула, когда с ватманской таблички на нее в упор глянули черные крупные буквы: «Фаддейка Сеткин».

Букет стоял на конце длинной низкой скамьи. Юля смотрела на него с недоумением и досадой. Это была небольшая охапка садовых оранжево-морковных лилий с длинными лепестками. Лепестки усеивала россыпь темно-коричневых крапинок.

Юля не любила эти цветы. Они казались ей нарочитыми, искусственными какими-то. Это была цветочная порода, выведенная не для красоты, а для причуды.

И здесь тоже — что за причуда! При чем тут Фаддейка? Только из-за окраски лепестков? Что за чушь... Кто это придумал?

Морщась, Юля прочитала мелкие букочки под названием: «Женя Зайцева, 5-й класс, школа № 2». «Глупая Женя Зайцева», — подумала Юля сердито и с неожиданной потаенной ревностью. И снова глянула на разлохмаченные рыжие лепестки. И... ничего не случилось (разве что не-

удовимый поворот головы или новое касание лучей), но в тот же миг Юля поняла, что это именно Фаддейка. И никто иной. И ничто другое.

Не было лица, но Фаддейка, озорно, с золотой своей искоркой, глядел на Юлю из путаницы растрепанных вихров и россыпи веснушек.

Это случилось так неожиданно, что она не успела даже удивиться. Она просто засмеялась — тихонько, про себя — от ласковой радости. От такой, будто опять встретила Фаддейку наяву. От ясного сознания, что ничего не потеряно. Ну, пускай увезли Фаддейку, но все равно он есть на свете, и все равно они друзья, и никто не отнимет у них этого недавнего августа с его приключениями, печалью и радостями. И встретятся они еще. Обязательно!

А кто эта девочка, эта умница, которая придумала такой замечательный портрет? Женя Зайцева, пятый класс... Наверно, хорошо знает Фаддейку, раз у нее получилось так весело и точно! Надо будет ее разыскать. Это совсем не трудно, в библиотечном абонементе наверняка есть карточка Жени Зайцевой, там все школьники записаны.

Можно будет встретиться и поговорить обо всем, что связано с Фаддейкой, о ребячьих играх, о плаваниях на плоту, о воздушном шаре, похожем на марсианский глобус... А может, Женя знает и о Фаддейкином Марсе?

Этот Марс представился Юле не холодным и покрытым красными песками, а добрым и теплым. Сплошь просшим вот такими оранжевыми крапчатыми цветами. Над ковром этих цветов, над выпуклым красно-апельсиновым полем под лилово-синим густым небом расстился в беге огненный конь. И стоял у него на спине Фаддейка — с разметавшимися волосами, в сбившейся рыжей майке, веселый и ловкий. Смеялся, качаясь и взмахивая тонкими руками...

Юля перестала дышать, чтобы удержать в себе это ощущение летящей радости. Украдкой дернула с букета длин-

ный лепесток, спрятала в сумку и пошла из Дворца. И видение мчащегося на коне Фаддейки, чувство его полета несла в себе, как налитый до самых краешков стакан.

Потом это чувство стало, конечно, поменьше и поспокойнее, радость послабее. Но совсем радость не ушла и грела Юлю по дороге к дому...

Со сжатыми губами и независимым видом (хотя и с кнувшим сердцем) прошагала Юля без остановки мимо почты. Спустилась к реке, прошла через мост. Вдоль реки тянул холодный, осенний уже, ветерок, низкое солнце не грело, только рассыпало по воде медную чешую (и Юля вспомнила старые монеты и таргу). А потом, уже на берегу, вспомнила Фаддейкину игру с телефоном... Или не игру? Как он, зябко поджимая ноги и прикрывая ладошкой трубку, торопился сказать что-то в неработающий микрофон... Что он говорил? Кому звонил по лишенному проводов телефону?

А... если и ей попробовать? Поговорить с Фаддейкой?

«Фаддейка, слышишь меня, а? Где ты сейчас?... А я твой портрет только что видела...»

Юля засмушалась сама перед собой, но удержать себя от странной и печальной этой игры не смогла. Да и не хотела. Боязливо оглянулась. Пусто было кругом. Она потянула ржаво запищавшую дверцу, шагнула в будку. Сняла тяжелую и холодную трубку...

РЫЖИЙ ВЕЧЕР

Она была уверена, что телефон, как и в прошлый раз, ответит каменным молчанием. Понимала, что придется самой представить Фаддейкин голос и все его слова, — и тогда станет грустно и все-таки хорошо, придет ощущение ласковой сказки...

Но в наушнике послышался легкий гул, создавший впечатление далекого и громадного пространства. Это пространство было пересыпано легким потрескиванием

помех. Юля судорожно вздохнула и придавила трубку к уху. В трубке неожиданно близкий и ясный мужской голос проговорил:

— Ну, кто там еще? Вам кого?

— Мне... Фаддейку, — перепуганно сказала Юля, поражаясь тому, что происходит.

— Деева? Он же уехал! Может быть, Кротова позвать?

— Нет... Сеткина, — пробормотала Юля, изумившись собственной глупости и понимая, что надо немедленно повесить трубку.

— Это кто? — Голос зазвенел раздражением. — Костя, кто там цепляется к линии? Работать не дают!

Голос неизвестного Кости откликнулся из глухой глубины:

— Это, наверно, заречная точка... Эй, отключитесь там, автомат на проверке...

И Юля опустила трубку на рычаг. И заметила в квадрате выбитого стекла, что от будки тянется к столбу черный провод.

Она постояла еще, сама не понимая: огорчается ли, что разговор с Фаддейкой не получился, или все-таки довольна, что в трубке не оказалось мертвой тишины? Потом вдруг вспомнила давнюю детскую книжку о телефонных гномах, усмехнулась и сказала довольно громко:

— Эх ты, Фаддейка-Фаддейка...

— Чего?

Он стоял в шаге от будки.

Это было настолько непостижимо, что Юля, как и там, на выставке, не сумела удивиться. И даже не обрадовалась. Только обмякла как-то и шепотом сказала:

— Батюшки, это ты?

И тут же поняла, что не он. Какой-то мальчишка. И вид-то даже непривычный для Фаддейки: новенькая школьная форма, вязаный красно-синий колпачок...

Но огненные-то ключья, рвущиеся из-под шапки, — чьи?

Взгляд-то с насмешливой искрой — чей? И улыбка-полумесяц! Ой ма-ма-а...

— Это ты?!

Он сказал с ехидцей:

— Это мой прадедушка Беллингаузен. Ты что, за сутки разучилась узнавать?

Юля ухватила его за плечи.

— Господи, откуда ты свалился?

— С Марса, — хихикнул он, но тут же заулыбался радостно и хорошо: — С вокзала, конечно! Час назад!

— Да как ты успел-то?

— Очень просто. Приехал в Среднекамск, а через три часа на обратный поезд...

— Один?

— Первый раз, что ли!

— Фаддейка... Ты сбежал?

— Вот еще! Мама сама на поезд проводила... Видишь, и форма на мне, учебники я привез. Первую четверть здесь прочусь...

«Хорошо-то до чего!» — подумала Юля, чувствуя, что все это — как бы продолжение сказки с цветочным портретом. Но тут же кольнула тревога:

— Фаддейка... А как же мама отпустила тебя? Она ведь... ну...

Он вскинул потемневшие глаза и сказал с сумрачной решительностью:

— Хочешь знать как? Очень просто. Полсуток ревел без передыха. — И замолчал, говоря глазами: «Теперь презирай, если хочешь».

— Какой же ты молодчина! — сказала Юля.

Тогда Фаддейка заулыбался опять:

— Ага!

— Нет, ну ты просто... ты волшебник какой-то.

И опять он сказал:

— Ага, конечно. — И добавил деловито: — Пошли до мой, чего стоять. Есть хочется.

— Ой, и мне хочется, я сегодня не обедала... Фаддейка...

— Что? — сразу насторожился он.

«Не надо спрашивать», — подумала Юля и, конечно, не удержалась:

— А ты... все-таки почему ты так очень хотел вернуться?

Ой, хорошо, что он не набычился и не ошетинился насмешливыми шипами. Усмехнулся добродушно:

— Тебе опять одна причина нужна, да? А их много.

— Ну... а какие? — сказала Юля уже посмелее.

— Во-первых, из-за тебя... Помнишь, ты обещала мне мотив той песни про коня напеть? Так и не успела. Вот теперь никуда не денешься. — Он стрельнул золотистым глазом.

— Не денусь, — кивнула Юля.

— Во-вторых... ну, тут еще с ребятами дела всякие. В-третьих, тете Кире одной скучно. Она ведь не по правде ворчит, что намучилась со мной...

Они шли к дому, Фаддейка глянул на Юлю сбоку быстро и нерешительно. Словно было еще какое-то «в-четвертых», но он стеснялся. Юля терпеливо молчала.

— Боялся, что конь уйдет, — тихо сказал Фаддейка.

— Конь?

— Ага... — Он смотрел теперь на Юлю без всякой усмешки, смущенно даже, но глаза уже не отводил. — Юль... Понимаешь, мне показалось, что я тебя бросил, когда уехал. А если бросил — это все равно что предал...

— Но ты же не виноват был, — с прихлынувшей благодарностью отозвалась Юля. — Ты же не сам!

— Не виноват — это если совсем ничего не можешь сделать. А я все-таки ведь мог... Вот видишь, приехал.

«Умница ты моя», — чуть не сказала Юля, но не решилась и только спросила:

— Фаддейка, а конь-то при чем?

Он поддел новым ботинком валявшийся на досках яблочный огрызок и проговорил с запинкой:

— Ну... это на Марсе обычай такой. То есть примета... Если человек кого-то предал, от него уходит любимый конь... Не веришь?

— Верю, — поспешно сказала Юля и вдруг спросила, подавшись новому толчку радости: — Фаддейка, а мы слазим еще на колокольню?

— Само собой! — сказал он, будто ждал такого вопроса. — Когда деревья золотые, знаешь какая красота с высоты видится? Я и для этого приехал тоже...

— Да, в самом деле много причин...

— Конечно... Письмо вот одно ждал, а его все не было. А сейчас прибежал с вокзала, заглянул в ящик, а оно есть!

— Важное письмо?

— Еще бы.

Юля вздохнула. Никогда в жизни не бывает, чтобы все хорошо. И несмотря на радость от встречи с Фаддейкой, где-то позади этой радости все равно сидела в Юлиной душе колючая тревога из-за Юрки, из-за непришедших писем. Теперь тревога ожила и, словно проснувшийся игольчатый еж, выбралась из норы на свет. И Юля не сумела загнать ее назад. Грустно (и все же с капелькой наивной надежды, что сказка продолжается) Юля проговорила:

— Фаддейка... Если ты сделал одно чудо, может, сделаешь и другое?

Он не спросил какое. Сразу согласился:

— Давай попробую.

— Сделай, чтобы от Юрки было письмо, а?

— Не-е... — тут же отозвался он. Насмешливо и даже как-то обидно. — Это я не могу.

— Эх ты...

Он объяснил с непонятной веселостью:

— Если человек — растяпа, тут никакое чудо не поможет.

— Это кто растяпа? — взвинулась Юля. С удивлением, с обидой и — опять с какой-то капелькой надежды.

— Да уж не я, — хмыкнул Фаддейка.

— А кто?

— А кто своему милому Юрочке вбил в голову, что будет работать в Верхне-Тальской библиотеке? А точного адреса не дал...

— Какой еще адрес, если до востребования! Область известна, индекса я сама не знала, он обещал его на почте спросить. Трудно, что ли?

— Индекс *какого* города? — сухо осведомился Фаддейка.

— Как какого? Если Верхотальская библиотека, то ой...

— Верхотальская или Верхне-Тальская? — тем же сухим тоном переспросил Фаддейка.

— Ой...

— Может, объяснить тебе, где Верхне-Тальск? На двести кмэ выше по течению. Не слыхала?

— Ой... а... Да это он сам перепутал, дурак такой! Я говорила «Верхотальская»! Ой, Фаддейка, а откуда ты это...

— Кто перепутал, разберетесь сами, — уже с прежней ехидцей хмыкнул Фаддейка. — Он тебе пять писем на этот Верхне-Тальск отослал. Два — из-за границы... И теперь будет отрывать тебе голову.

— Ой, Фаддейка. Ой, миленький, откуда ты это знаешь?

Он пожал плечами:

— Очень просто. От Ксени.

— От... от кого?

— До чего ты бестолковая. От его сестры.

— Ты что... Ты с ней знаком?

— Вот еще! Просто взял и написал письмо. Адрес-то ты мне показывала. Помнишь, на конверте?

— Ох... И что? Что ты написал? — У Юли от радости и от какого-то детского стыда горячим воздухом обдувало лицо.

— Ну, что... Очень просто. — Фаддейка опять пожал плечами и на ходу будто прочитал по листу: — «Здравствуй, Ксения. Тебе пишет один мальчик, Фаддей Сеткин из Верхоталья. У нас в библиотеке работает на практике студентка Юля Молчанова. Она ждет писем от твоего брата Юры, а их все нет. Она очень волнуется. Напиши, пожалуйста, что известно о Юре. Если он больше ей не хочет писать, лучше уж сразу ей сказать, чем она так мучается...» Вот и все...

— Ух ты, Фаддеище... И она ответила?

— Ох, ну до чего же ты тупая в голове. Я же говорю: сегодня пришло письмо!

— И что в нем?

— То, что Юрочка твой уже два раза звонил из Калининграда и спрашивал: куда ты провалилась? Ни ответа, ни привета...

Чтобы унять булькающую, пузырчатую, как кипящее молоко, радость, Юля поспешно рассердилась:

— Балда он путаная... А ты тоже! Вот натреплю твои уши!

— За что?! — от души возмутился Фаддейка.

— За письмо!.. Нет, ты молодец, но зачем последние-то слова? Что я мучаюсь...

— Чтобы все было ясно... — И тут, как всегда, хихикнул и подставил оттопыренное ухо: — Дерни и успокой душу. В любовных делах всегда невиноватые страдают.

Юля засмеялась и щелкнула по уху ногтем:

— Пыль отряхни... Ох, какой ты все-таки молодчина, Фаддейка.

— Я-то молодчина. А ты? Почему ты сама не додумалась им домой написать? Или позвонила бы с почты! У них же телефон...

— Я... не знаю, — вздохнула Юля. — Это как-то... ну, не знаю я.

— Сказать тебе, кто ты? — сурово спросил Фаддейка. — Или сама понимаешь?

— Понимаю. Дура, — с радостной покорностью призналась Юля.

Он сказал снисходительно:

— Ладно уж. Во всех книжках написано, что влюбленные всегда глупеют.

Юлина радость быстро успокаивалась. Не то чтобы тускнела, но уже не пузырилась, не фыркала ликующими брызгами, как в первые минуты. В ней появились уже капельки печали. Наверное, оттого, что вспомнились все тревоги, тоскливые мысли... Но без них, без тревог-то, разве проживешь?

— Да не влюбленная я... — грустновато сказала Юля. — Влюбленность — это так... ну, легонькое что-то. А у нас как-то все по-другому. Мы даже на свидания толком не ходили.

— Ладно, сами разберетесь, что там у вас, — откликнулся Фаддейка. — Ты завтра позвони. Юрий уже, наверное, дома, на каникулах.

— Ой, конечно... Фаддейка, а ты покажешь Ксенино письмо?

— Ну... то, что про Юрочку твоего, покажу. Там ведь не только про него.

— На-адо же! — не удержалась она. — Про что же еще?

— Некоторые такие любопытные...

— Ах, простите, пожалуйста, сударь... И когда это у вас с ней успели тайны завестись?

— Да ладно, ладно, — усмехнулся он. — Все покажу, ничего там такого нет. Ты уж испугалась...

— Ох и нахал ты, Фаддей!

Он не стал насмешничать и огрызаться, а объяснил серьезно:

— Там еще про разные морские дела. Ксения-то в парусной секции занимается... Юль, а Юрин «Крузенштерн» в операции «Парус» первое место занял. У Юры теперь золотая медаль есть победительская. Им всем дали, английская королева вручала.

— Ой, правда? До чего интересно...

— Ага... Только там и плохое было...

— Что? — сразу встревожилась она.

— Во время тех гонок одно судно погибло. Английская шхуна «Маркиза». Ее шквалом перевернуло. Семь человек спаслись, а двадцать погибли. И капитан погиб, и его жена, и сын...

Юля шла молча. В своей радости она не могла полностью ощутить горе из-за утонувшей «Маркизы». Умом понимала, что это ужасно и горько, но настоящей боли не было. Что поделаешь, так уж устроен человек. В мире каждый день гибнет множество людей, и страдать за каждого не хватит никаких душевных сил. И все же Юле было неловко — перед Фаддейкой. Он-то, кажется, печалился из-за погибшей шхуны всерьез. Может быть, потому, что был он потомком отважного моряка?

Или потому, что однажды с высоты взглянул на спящую землю и на миг ощутил тревогу за *каждого* человека? И сказал себе: может быть, я капелька каждого из них?

А может быть, его беспокоила и печалила не только горькая судьба незнакомой английской шхуны? Что-то еще?

Фаддейка — погрустневший, неулыбчивый — шел и будто прислушивался к дальним голосам и звукам — тем, которые он один различал в тишине окраинной улицы.

Так разведчик в пустом поле чутким ухом ловит шелест пролетевшей птицы или дальний-дальний топот коня...

* * *

...Стан, лежавший в песках вокруг крепости тауринов, поредел. Каменные хижины и шалаши остались, но кибиток и фургонов теперь почти не было. Многие воины вернулись в свои поселки и в столицу иттов, что стояла на границе Песков и Леса. Многие работали на починке Западной стены. Кое-кто ушел в крепость и поселился там.

Таурины не спорили, у них в городе осталось мало мужчин.

...Маршал иттов Фа-Тамир, князь тауринов Урата-Хал и полковник легкой конницы Дах ехали по расчищенной от песка дороге, что широким кольцом опоясывала крепость. Подковы отчетливо стучали по плитам. Эхо разбивалось о серые стены и замирало над красными дюнами. Позванивала сбруя, фыркали кони. Потом в эти звуки вмешались другие — непривычные, незнакомые хмурому пустынному миру под фиолетовым небом: сверху, из-за гранитных оборонительных зубцов, долетели звонкие перекликающиеся голоса и смех. Над краем стены всплыли три воздушных шара — ярко-желтый, розовый и пестрополосатый. Каждый в поперечнике не меньше воинской сажени, что равна древку тяжелого копья. Судя по блеску, шары были из шелковой бумаги, которой таурины оклеивают стены в богатых домах. Снизу качались на шнурах плоски с горящим маслом.

— Что это? — с удивлением и улыбкой спросил Фа-Тамир.

Улыбнулся и князь:

— Дети забавляются, маршал... Они привыкли к миру быстрее взрослых и радуются каждый день. Все улицы теперь в их власти... Дети вспомнили старые игры, устроили на площади театр из старых шатров, а к весеннему цветению каменного кактуса готовят праздник с масками и факелами...

Опять раздались веселые крики, и еще один шар — алый, с разноцветными звездами — пошел вверх, прямо к маленькому лучистому солнцу.

— Пусть играют, — сказал Урата-Хал. — Может, и мы, глядя на них, скорее привыкнем к тому, что жизнь теперь безопасна.

— Не совсем безопасна, князь, — вздохнул и нахмурился маршал. — Вы и сами знаете, что недавно дикие всадники опять напали на парусный караван...

— Да, знаю... Ваши песчаные волки никак не успокоятся.

— Они не наши, они вне закона, это вам известно, Урата-Хал, — резко ответил Фа-Тамир. И, почувствовав неловкость от этой резкости, перенес недовольство на полковника: — Я удивляюсь, Дах, что твои всадники до сих пор гоняются за Уна-Туром, как слепой шакал за юркими ящерицами. А ты говорил, что вы знаете в песках все дороги.

— Уна-Тур схвачен, маршал, — неохотно отозвался Дах.

— Да?! Когда же?

— Сегодня утром, маршал. Часть людей его ушла, но Уна-Тура и трех волков поймали.

— Где он? Я хочу поговорить с ним, прежде чем его вздернут на копья.

— Простите, маршал. Я готов к вашей немилости, но... мои люди изрубили пленников.

Фа-Тамир осадил коня и в упор посмотрел на старого полковника. Дах сидел в седле, согнувшись и опустив голову.

Фа-Тамир медленно спросил:

— Я правильно понял? Сперва схватили, а потом... изрубили? Безоружных!

— Да, маршал. Я не смог удержать их...

Фа-Тамир сказал без гнева, скорее пренебрежительно:

— Зачем эта дикость? Особенно теперь, когда нет войны... Или твои всадники, Дах, превратились в таких же зверей, как волки Уна-Тура?

— Я... — начал Дах, но Фа-Тамир повысил голос:

— Или в сотнях легкой конницы уже нет повиновения и порядка?

— Есть повиновение и порядок, маршал... Но на этот раз я не успел... Воины кинулись на волков сразу, когда увидели, что они сделали с мальчиком...

— С мальчиком?

— Да... Волки поймали мальчика-таурина, который на рассвете пошел в пески ставить силки на кротов.

Князь Урата-Хал встревоженно поднял голову. Дах говорил, не решаясь взглянуть на него:

— Уна-Туру было известно, что мальчик знает подземный ход из песков в крепость. Они хотели, чтобы он показал... Думали во время праздника ворваться в город и устроить резню. Им ведь не откажешь в дикой дерзости, особенно сейчас.

— Мальчик не выдал? — тихо спросил Урата-Хал.

— Мальчик не выдал, князь.

С полминуты всадники ехали молча.

— Почему же в городе никто не знает об этом, даже я? — сумрачно спросил Урата-Хал.

— Утром мой гонец не нашел вас в крепости, князь. А без вашего позволения он не решился никому сообщить печальную весть. Хотел сказать только матери мальчика, но узнал, что две недели назад она умерла... Может быть, и к лучшему, князь. Ее горе было бы страшнее смерти.

— Значит, вам известно имя мальчика?

— На его маленьком кинжале было выбито тауринской клинописью: «Хота-Змейка».

— Ххотаа, — с акцентом повторил Урата-Хал. — Мальчика мы похороним в храме Звездного Круга, где лежат великие предки тауринов. Его именем матери будут называть своих первенцев.

— Простите, князь, — сумрачно проговорил Дах. — Мы не знали, что мать мальчика умерла, и боялись, что она увидит, как волки обошлись с ее сыном. Мы похоронили его в песках, у приметного камня, по тауринскому обычаю — в воинском плаще и с кинжалом.

— Ну что же... — Урата-Хал помолчал и снял шлем. То же сделали оба итта. Князь тауринов сказал им: — Наш обычай не велит беспокоить тех, кого уже приняли пески. Пусть мальчик лежит там. Каждый из тауринов принесет

на его могилу большой камень, и вырастет курган выше самой высокой колокольной башни...

— Итты принесут тоже, — отозвался Фа-Тамир. — Прими нашу печаль, князь...

Урата-Хал медленно кивнул и вдруг сказал непонятно:

— Может быть, есть в этом знак судьбы.

— Какой знак, князь? В чем?

— В том, что прекратил эту войну ребенок и последней кровью этой войны была тоже кровь ребенка... Может быть, судьбе достаточно этой жертвы и она будет милостива к людям?

— Люди сами делают свою судьбу, — возразил Фа-Тамир. — И люди есть всякие. Остатки сотни песчаных волков будут еще долго рыскать в дюнах, и кровь, наверно, не последняя... Это я не в упрек тебе, Дах. Просто хочу сказать, что рано закапывать все мечи... И послушайте мой совет, великий Урата-Хал...

— Слушаю, маршал.

— Не разрешайте детям выходить из города без охраны. Да и взрослые пусть не ходят в одиночку.

— Я уже понял это... но меня беспокоит вот что, Фа-Тамир. Почему вы позволили юному Фа-Дейку уехать так спешно и совсем одному?

— Как я мог что-то позволить или не позволить владельцу тарги? — улыбнулся Фа-Тамир. — Это была его воля.

— Да. Простите, я не так сказал... Но, говорят, путь его на дальнюю родину долог и труден, а с мальчиком не было даже самой малой охраны...

— Его конь знает короткий путь. На том пути нет врагов...

— А верно ли говорят, что юный Фа-Дейк больше не вернется к нам?

— Почему же... Он, может быть, вернется, но не скоро.

— А правдивы ли слухи, Фа-Тамир, что родом он с той голубой звезды, которая так ярко светит нам на заре?

— Это правда, Урата-Хал, хотя похоже на сказку.

— Жаль, — сказал великий вождь тауринов.

— Почему же, князь?

— Хотелось, чтобы он был кровным братом наших детей...

— Он и так брат, — непривычно мягко сказал старый маршал. — Все мы дети одного солнца.

— Это верно. И все-таки жаль.

Фа-Тамир медленно проговорил:

— Странную вещь сказал мне сет Фа-Дейк, когда мы прощались на краю Стана... Я был опечален разлукой и не задумался тогда над его словами...

— Что же он сказал, маршал?

— Я неточно запомнил, да и сам он говорил сбивчиво... По-моему, вот что: «Может быть, и нет разных планет, а есть только одна на разных оборотах Звездного Круга... Мне трудно это объяснить, Фа-Тамир, я ведь еще мальчик... Но, может быть, мы жители одной земли, только в разное время...»

— Что-то подобное слышал я от наших старцев, которые хранят в тайных подвалах древние книги. Но отчего такие мысли пришли в голову ребенку?

— Он говорил и дальше... «Я очень боюсь, Фа-Тамир, что это в недалеком от меня время люди превратили планету в пески. А потом поставили в память о всем, что было, колокола. Те, что стоят сейчас в песках. Их и при мне было на Земле уже немало... Я должен вернуться, должен успеть, Фа-Тамир».

— Что же хотел он успеть сделать?

— Я спросил его. Он сказал: «Хоть что-то». Но в большем жестоком мире что может сделать мальчик!

Они с минуту молчали, и было тихо, лишь стукали о камень копыта да в отдалении звучали над стенами ребячьего голоса.

Вождь тауринов Урата-Хал произнес наконец:

— Мальчики могут многое... Фа-Дейк сказал слово о мире, и стал мир.

— Фа-Дейку дала силу и власть тарга, — уклончиво заметил маршал. — Дело не в мальчике, а в законах и обычаях нашей планеты.

— Тарга до этого была у многих, а слово сказал мальчик...

— Это так...

— А иногда не надо и слова. Хотя-Змейка лишь молчал, и потому жив целый город.

— Вы правы, князь. Но я говорил о другом. Что мог сделать Фа-Дейк там, у себя, если он действительно умчался на своем Тире в древние времена? Кого мог спасти? Кому помочь? Что изменить?

— Кто знает. Когда колеблются весы, один смелый шаг, одно хорошее дело может стать последней крупинкой на чаше добра...

— Боюсь, что он не сумел бросить эту крупинку...

— Почему же?

— А потому, князь, что, если бы он успел, все было бы иначе. Не было бы этих песков. Не было бы мертвых лесов... И нас с вами не было бы тоже, вместо нас родились бы другие люди.

— Кто знает... — опять сказал Урата-Хал. — Может быть, мы есть как раз потому, что он успел. Иначе могло не остаться никого...

Фа-Тамир устало проговорил:

— Все осталось... И мы, и пески. И колокола...

* * *

Фаддейка тряхнул головой, глянул на Юлю и улыбнулся. Глаза его опять золотисто просветлели, но в глубине их еще пряталась печаль.

Чтобы прогнать эту печаль, Юля весело сказала:

— Ой, Фаддейка, а я только что твой портрет видела!

— Где?

— На выставке цветов.

Он непонимающе замигал.

Юля засмеялась:

— Оранжевый букет с крапинками, а называется «Фаддейка Сеткин». Очень похоже.

Он хмыкнул и спросил недовольно:

— Кто это придумал?

— Женя Зайцева. Ты ее знаешь?

Фаддейка сперва чуть вздрогнул, потом досадливо сказал:

— Понятия не имею. Какая Зайцева?

— Ну, тебе лучше знать.

— Не знаю... Ой, это, наверно, Жека-Артистка! Она у нас на плоту штурманом была!.. Я и не знал, что у нее такая хорошая фамилия.

— Хорошая? — удивилась Юля.

— Ну... знакомая. У нас в классе один Зайцев был. Уехал потом...

— Друг? — осторожно спросила Юля.

Фаддейка тихо помотал головой:

— Нет, просто... — Он улыбнулся: — Я один раз пошел за него, чтоб укол поставили, потому что он... ну, не хотел он. Сделал, а потом говорю: «Не ходи, я уже, вместо тебя». А он говорит: «А сам-то как пойдешь за себя? Тебя же сразу узнают, когда второй раз увидят!» И пошел тоже, с моей фамилией. Смешно так... А через два дня уехал, насовсем.

— Может быть, еще встретитесь, — сказала Юля.

— Может быть... Юль, ты про песню о рыжем коне смотри не забудь.

— Не забуду... А в этой истории с уколом ты не прав.

— Почему? — слегка ошетинился он.

— Подумай своей головой. Ты его спасал от пустяшной боли, а укол этот спасает человека от самых больших болезней. Что важнее? И если бы он без прививки остался, а потом заболел, тогда что? Из-за тебя...

— Ну... — Фаддейка посопел и вскинул веселые гла-

за. — Ничего же не случилось. Он оказался смелый в конце концов... А в уколы я не верю, глупости это.

— Почему же глупости!

— Конечно... Как получается! Чтобы спасти человека от большой болезни, надо загнать в него маленькую заразу. Разве так может быть?

— Может.

— Значит, чтобы человек не стал настоящим предателем, он должен сделать, что ли, маленькое предательство?

— Вот это рассуждение... — озадаченно сказала Юля. — Ты... что-то не так. Одно дело жизнь, а другое медицина. Ты не запутывай себя, Фаддейка. И других не запутывай.

Он молчал довольно долго. Потом, глядя под ноги, сказал:

— Себя я все-таки запутал...

И конечно, тревога за него опять ухватила Юлю неласковой лапой. И конечно, Юля сразу спросила:

— Фаддейка, что случилось?

— Я скажу... Я и приехал, чтобы сказать...

Он остановился. Быстро взглянул Юле в лицо и опять уставился на ботинки. Десятки разных догадок проскочили в голове у Юли, в том числе и довольно страшные.

Но все оказалось проще.

Проще ли?

— Юля, когда человек самое честное слово дал, а потом нарушил, он предатель?

— Опять ты про свое... — осторожно сказала Юля.

— Нет, ты ответь.

— Ну... вообще-то это нехорошо. Но как я могу сказать точно? Я же не знаю, в чем дело...

— Хоть в чем, — отрезал он. — Ты сама понимаешь, что это предательство.

— Фаддейка, — шепотом спросила она, — а как это с тобой получилось? Ты уж расскажи...

Она думала: ему надо рассказать, чтобы меньше мучиться. Но Фаддейка возмущенно фыркнул:

— Со мной! Со мной это не получилось. — И сказал тише: — Но я не знаю, как быть.

Юля молча ждала.

— Я слово дал, а теперь понимаю, что зря. А что делать? От него может кто-нибудь освободить?

— От слова? Тот, кому ты его дал.

— Да... а если сам себе! Разве сам себя могу?

«Нет, самому нельзя, — подумала Юля. — Это было бы слишком просто». И вздохнула.

— Но ведь кто-то может, — шепотом сказал Фаддейка. — Лучший друг может?

— Лучший друг... наверно, да.

Он взял ее за руку, как тогда на ночном берегу, в первый вечер знакомства. Как братишка. И сказал со спокойным вздохом:

— Тогда хорошо.

Теплея от благодарности к Фаддейке, и боясь за него, и радуясь, что есть он вот такой на свете, Юля проговорила:

— Но ведь я... но ведь друг, чтобы освободить от слова, должен знать, про что оно.

Он ковырнул ботинком нашлапку грязи на доске тротуара.

— Я дал слово, что не буду встречаться с одним человеком. Никогда в жизни. Потому что он меня бросил... когда я маленький был...

Обо всем догадавшись, Юля сказала негромко:

— Это бывает. Сперва решил что-нибудь, а потом понимаешь, что поспешил...

— Я не спешил. Я долго думал... Но сейчас опять думаю. Я ведь ничего про него не знаю. Может, он не виноват... Он теперь меня ищет. Вдруг ему плохо, а я... ну, я не знаю...

— Я понимаю, — сказала Юля.

Он глянул с сомнением: понимает ли? И проговорил насупленно:

— На свете столько людей, которым плохо. А если еще одному... Сперва кажется, что пустяк. А потом — колокола...

«Какие колокола?» — хотела спросить Юля. Но смолчала. Ей вдруг показалось, что Фаддейка может заплакать. Она быстро сказала:

— Конечно, я освобождаю тебя от твоего честного слова. Фаддейка глянул на нее хмуро и требовательно:

— Так быстро нельзя. Это надо серьезно. Ты должна подумать и все решить.

— Хорошо, я подумаю.

— Я тебе все расскажу, и ты решишь. Ладно? Можно ведь и не сегодня. У нас ведь еще будет время...

* * *

...Фа-Тамир устало проговорил:

— Все осталось... И мы, и пески. И колокола... Вы слышали, князь, старую сказку, что иногда они звонят сами собой? То ли в предвестии новых бед, то ли в память о ком-то...

Урата-Хал промолчал. Или не расслышал, или обдумывал ответ. Но полковник легкой конницы Дах, безмолвно слушавший беседу начальников, вдруг сказал:

— Простите меня, маршал, простите, князь, но я должен сообщить то, о чем не решался говорить раньше... Колоколов нет.

— Как нет? — Князь тауринов недоуменно вскинул голову. — Их сняли? Где и сколько? Кто?

— Неужели кто-то решился нарушить обычай? — сумрачно спросил Фа-Тамир. — Тогда и другие запреты будут развеяны, как песок...

— Их не сняли. Их нет вместе с башнями и арками...

— Говори яснее, Дах, — нахмурился Фа-Тамир. И ощутил, как сбилось с ритма сердце. Будто конь оступился.

— Мы хотели похоронить Хоту-Змейку у подножья

двойной башни, прозванной «Брат и сестра». Ее колокол на рассвете всегда блестел, как звезда... Мы не увидели башни. Место, где она стояла раньше, нашли по трем высохшим деревьям, но от башни не было и следа. Ни фундамента, ни даже камня. Только песок.

— Вы ошиблись местом, полковник, — сказал Фа-Тамир.

— Когда возвращались к Стану, я приказал держать на холм с каменными столбами, где висели три колокола. Их тоже нет... Я бросил в пески полсотни всадников, они к середине дня вернулись в смущении. На всем пространстве, что успели они обскать, не жалея коней, нет ни одного колокола. И словно не было никогда... То же говорят кормчие двух лодок. Не видя привычных знаков, они заплутали в песках...

Урата-Хал покачал головой, бросил повод и скрестил на груди руки.

Фа-Тамир сказал:

— Еще одна загадка нашего мира. Это смутит многие умы.

Вождь тауринов усмехнулся:

— Только не их... — Он показал на гребень стены, где четверо мальчишек весело спорили и смеялись, готовясь отпустить еще один шар.

Они отпустили его.

Шар — большой, ярко-оранжевый — проплыл над всадниками. На нем было нарисовано смеющееся лицо с прищуренным глазом и крупными темными веснушками.

Кони стали. Всадники, запрокинув коричневые лица, смотрели, как шар уходит в непривычно посветлевшее небо...

* * *

— У нас ведь еще будет время, — сказал Фаддейка.

«А правда, у нас еще будет время!» — радостно подумала Юля. Фаддейка дергал ее за левую руку, правой она сдер-

нула с него вязаный колпачок и растрепала его апельсиново-морковные кудри. Тогда он заулыбался и сказал:

— А про песню не забудь. Сегодня же споешь.

— Ох, ну какая я певица?.. Да ладно, ладно, попробую.

Они зашагали к калитке, и почти сразу Юля услышала, что кто-то идет по пустой улице следом — большой и осторожный. Оглянулась.

Золотисто-оранжевый конь шел за ними в пяти шагах. Мягко ставил копыта на гибкие доски тротуара.

ЯХТА «КРЕЧЕТ», ИЛИ СНОВА О КАПИТАНЕ РУМБЕ

Кинороман

Ура, я закончил поэму про «Кречет»!
Дышу полной грудью от радости. Но
Скажу всем на свете: не может быть речи
О том, чтоб все это снимали в кино.

Г.Л. Ныряйло
«Мои паруса», поэма

1. НОВОСЕЛЬЕ

Старая, лишенная парусов и бегучего такелажа шхуна «Кефаль», на которой жил Гоша, стояла на мертвом якоре в полукабельтове от разрушенного пирса.

Рано утром Гоша вышел на палубу.

Гоша был коренастым существом метрового роста, с большущей головой в вязаном колпаке, с добродушным лицом и бородой, с невинными круглыми глазами. Из-под длинной, до пят, полосатой фуфайки видны были громадные мясистые ступни. Гоша потянулся, сощурился на солнышко. Сделал несколько физкультурных упражнений. Оглядел бухту и берега. Мелководная маленькая бухта была заброшенной и пустой, Гоша привык к одиночеству. Но сейчас... в бухте творилось что-то необычное. Метрах в двухстах от «Кефали» откуда-то появилась плавающая платформа, на ней суетились люди. Гоша сложил два кулака в подозрную трубу, пригляделся. На платформе несколько человек возились с непонятной аппаратурой.

Гоша торопливо спустился в каютку. Здесь светил пузатый корабельный фонарь. Гоша взял старомодный сотовый телефон.

— Алло!.. Это дежурный конторы «Домгном»? Я это... извините, это Гоша говорит. То есть Георгий Лангустович с «Кефали», я здесь живу... Я это... ничего не могу понять... Какие-то люди в бухте, какие-то аппараты... Я здесь прописан тридцать лет, ничего такого не было... и, это, хотел бы выяснить. Что?! Как это так?! Даже это... не предупре-

дили! Я, извините, буду жаловаться, да... Что — «потом»?.. Что «уносите ноги»?! Я это...

Раздались громкие, на все помещение, короткие гудки. Гоша потерянно посмотрел на телефон, отбросил его, заметался по каютке, хватая то одну, то другую вещь. Наконец схватил самое ценное — лежавшую на столе рукопись, сунул ее в матросский сундучок. Прижимая сундучок к груди, снова выскочил на палубу и, не медля ни секунды, сиганул с кормы в воду.

Киногруппа на платформе готовилась к съемке. Операторы замерли у камеры. Пожилой опытный режиссер еще раз спросил у молодой помощницы:

— Значит, все готово?

— Да, Яков Павлыч!

— Женечка, вы уверены, что на «Кефали» нет ни одного человека?

— Абсолютно, Яков Павлыч!

Он обернулся к пиротехнику:

— Ваша техника не подведет?

— Никак нет, Яков Павлыч!

— Операторы, имейте в виду: сделать дубль мы не сможем, второй шхуны не найти.

Операторы подняли над плечами большие пальцы.

Режиссер кивнул помощнице:

— Начинайте.

Она щелкнула перед объективом хлопушкой:

— Фильм «Искатели подводного клада». Эпизод «Взрыв шхуны». Дубль первый и последний...

Режиссер медленно поднял руку и резко опустил. Пиротехник нажал кнопку на пульте.

Оранжево-дымный взрыв разнес бедный парусник на куски. Полетели в воздух, посыпались в воду обломки рангоута...

— Превосходно! — возликовал режиссер. — Снимайте, снимайте!.. Э... а что там такое? Женечка, вам не кажется, что там кто-то плывет? От шхуны к берегу!

Помощница подняла бинокль.

— В самом деле...

— Но вы же утверждали, что на шхуне нет ни одного человека!

— А это не человек, Яков Павлыч. Это, судя по всему, корабельный гном...

— Какой гном?.. Какая разница!

— А корабельных гномов указом городской администрации решено считать сказочными. Значит, несуществующими. Так что не волнуйтесь, отвечать не придется...

— При чем здесь отвечать! Он же мог погибнуть!.. И может утонуть!

— Не бойтесь, Яков Павлыч. Корабельные гномы в огне не горят и в воде не тонут... Смотрите, он плывет как рыба...

Гоша плыл, толкая перед собой сундучок. Наконец он выбрался на отмель, вышел на берег, оглянулся на горящую шхуну, сокрушенно покачал головой.

— Совсем с ума посходили люди. Никаких законов, никаких правил... Что сказал бы Аполлон Филиппыч...

Он пофыркал, подергал плечами, отряхивая воду, сел на сундучок среди камней. Пригорюнился. Шхуна горела. Посреди воды суетился буксирный катерок, тащил к выходу из бухты платформу — киногруппа сделала свое дело...

Солнце поднялось уже достаточно высоко. Обсушило Гошу. Но он сидел в прежней позе и почти не шевелился, только двигал мясистыми губами. Это он сочинял подходящие случаю грустные стихи:

На берегу пустынной бухты
Сидишь ты, дом свой потеряв...
Тебе не выйти уж в моря...
Сиди, не трепыхайся зря...

— Простите, пожалуйста, вы не скажете, что случилось с «Кефалью»? — раздался вдруг ясный голосок.

Гоша вздрогнул, мигнул. В двух шагах от себя он уви-

дел тонкие поцарапанные ноги в стоптанных сандалетках. По этим ногам боязливо повел глазами выше — мятые шортики, куца тельняшка с дыркой на боку, голова с рас-трепанными, выгоревшими на солнце волосами. Это был обычный приморский мальчишка — правда, не из тех сорванцов, которым море по колено, а из той нешумной по-роды, что дает миру юных созерцателей, собирателей ра-ковин и одиноких рыболовов. На облупленном носу маль-чика косо сидели большие очки — они ему не очень под-ходили и существовали как бы отдельно. На плече у маль-чика на тонком ремешке висел тяжелый кожаный футляр.

Но даже перед лицом такого безобидного существа Гоша смутился. Он стеснялся людей, особенно незнако-мых. Он втянул под полосатую фуфайку босые ступни, съежил плечи.

— Я... это... Я вас не совсем понял. То есть не расслы-шал, извините...

— Я спросил: не знаете ли вы, что случилось со шхуной «Кефаль»? Почему она горит?

— А... я это... да. К сожалению, знаю. Это так называе-мое кино. Взорвали, сняли, уплыли... и вот...

— Как жалко! Я все собирался побывать на ней, пола-зить в трюме: вдруг там какие-нибудь тайны...

— Да... это... в самом деле жаль... Хотя особых тайн там, к сожалению, не осталось... Я там прожил тридцать лет и могу... это... засвидетельствовать... Только вот как засунули в трюм взрывчатку, недоглядел...

— Вы с «Кефали»? — недоверчиво обрадовался маль-чик.

— Увы, да...

— Значит, вы старый морской волк с парусного суд-на? — уважительно сказал мальчик.

— В некотором смысле... Только не волк, а... это са-мое... я морской гном. То есть корабельный...

— Не может быть, — тихо восхитился мальчик. — На-стоящий?

— М-м... это самое... Простите, вполне.

— Я первый раз вижу гнома. Только слышал раньше... Нам про корабельных гномов рассказывал дядюшка Юферс, он сторож в здешнем яхт-клубе. Сначала он был боцманом на разных судах, потом, на пенсии уже, завел для моряков приморскую таверну «Долбленая тыква», но его разорили всякие крутые бизнесмены... Знаете, почему у него такое прозвище? Юферс — это корабельный блок с тремя дырками. Будто два глаза и рот. И вот дядюшка Юферс с таким же круглым лицом. Иногда мы с ребятами приходим к нему, и он рассказывает всякие морские исто-рии...

Гоша покивал:

— Да-да. Я... это самое... имел удовольствие быть зна-комым с господином Юферсом. Так сказать, это... на ли-тературной почве. Он ведь пишет книгу морских исто-рий... А я... — Гоша застеснялся опять, но собеседник был симпатичный и слушал с интересом. — Я... иногда сочи-няю это... стихи. И поэму о клипере «Кречет». Я там оби-тал в девятнадцатом веке, когда парусных судов было еще видимо-невидимо. С капитаном Аполлоном Филиппычем Гушиным-Безбородько мы были друзья...

Мальчик покивал:

— Дядюшка Юферс рассказывал про этого капитана...

Он сел на низкий камень напротив Гоши, уперся лок-тями в колени.

Гоша глянул на собеседника с новым интересом:

— А вы... если я не ошибаюсь... из того разряда челове-ков... то есть людей... которые еще не выросли и называ-ются «дети»?

— Конечно! Я мальчик, мне зимой стукнуло десять лет... Если бы я был взрослый, меня звали бы Владислав Степанович Ставридкин. А сейчас я просто Владик...

— Это очень славно, — заметил Гоша.

— Да, мне тоже нравится. А вас как зовут?

— Я это... Георгий Лангустович Ныряйло. Но лучше просто Гоша. Корабельные гномы не любят церемоний...

— А ничего, что без отчества?

— Уверю вас, мне будет это... приятно...

— А вы... не говорите мне «вы», ладно? К мальчикам обращаются на «ты», так принято.

— Да-да, я вспоминаю... Когда-то давно мальчики играли у меня на «Кефали» и кричали друг другу: «Эй ты, са-лага, попробуй нырнуть с бушприта...»

— Гоша, а можно я вас сниму?

— Откуда? — слегка испугался Гоша.

— Да ниоткуда! Этим аппаратом.

— Это, значит, как кино? Простите, но ведь... а что со мной будет? — Гоша опять съезжился, оглянулся на догорающую «Кефаль».

— Да не бойтесь, это безопасно! Вы сидите, как сидели...

Владик вскочил, расстегнул футляр, навел объектив...

— Готово... Это хороший аппарат. Мне его папа подарил недавно, когда я четвертый класс закончил. Камера не новая, без автоматики, зато надежная, «Зенит — три эм». Папа им снимал, когда еще школьником был.

— Простите, а кто ваш папа?

— Он яхтенный капитан, работает в яхт-клубе... А вообще-то он все на свете умеет. Он меня научил проявлять и печатать, чтобы не сдавать пленки в лабораторию. Нам черно-белые снимки нравятся, а в лаборатории они гораздо дороже...

— Вы правы, Владик. Сейчас, к сожалению, все дорого... Я как-то наведалься в редакцию журнала «Приморская лира», спросил, не напечатают ли они какие-нибудь мои стихи. А они говорят: «Пожалуйста, если заплатите четырехста долларов...» Откуда у меня доллары? Я говорю: «Простите, но я слышал, что раньше, наоборот, поэтам платили за стихи...» А они: «У-у, когда это было!..»

— Да! Дядюшка Юферс тоже говорил про такое. Его книгу не хотят печатать, если он не заплатит за это!

— Все пошло кувырком в этом мире, — грустно сказал Гоша. — Вот и парусников почти не осталось. Где при-ткнуться старому корабельному гному...

— Ой... — спохватился наконец Владик. — У вас беда, а я... Где же вы теперь будете жить?

— Пойду в контору «Домгном». Они там обязаны поискать мне жилплощадь. Сами виноваты, что так получились.

— А где эта контора?

— Говорят, на углу Малой Пристанской и Банного спуска... Вы не знаете?

— Знаю, это за мостом через Доковый овраг! Хотите, я вас провожу?

— Если вас... тебя, Владик, не затруднит...

— Что вы! Наоборот!

— А ты не будешь стесняться, что идешь с таким... странным существом? Я, по правде говоря, и сам-то побаиваюсь появляться на людях...

— Ну, что вы такое говорите, Гоша! Корабельный гном — это же здорово!.. Да к тому же я поведу вас безлюдными переулками...

Они шли по узеньким плиточным тротуарам, по тропинкам среди покрытых цветущим дроком подпорных стенок. Гоша тащил сундучок.

— Гоша, давайте я возьму с другой стороны!

— Что ты! Гномы не замечают тяжести. А этот сундук практически пустой...

Несколько раз попались встречные прохожие — хмурый дядька с удочками, женщины с кошелками. Гоша втягивал голову, а Владик сказал:

— Видите, никто на нас и не взглянул.

— Да-да... Бывает, что взрослые человеки... то есть люди, простите... нас, гномов, просто не замечают. Особенно те, кто не верит в сказки...

— Ну и пусть, им же хуже!

— М-м... Владик, а вы не могли бы... то есть ты не мог бы помочь мне в одном деле?

— Конечно, могу! А в каком?

— Мне сейчас очень нужна рифма к слову «бухты». Чтобы не прервался... это... творческий процесс...

— Ух ты!

— Прости... что? — слегка испугался Гоша.

— Рифма такая: «бухты» — «ух ты!»... Не годится, да?

— М-м... пожалуй, это... слишком эмоционально... Хотя... Подожди-ка. А если так? — Гоша встал на тропинке в позу декламатора. — Вот...

На берегу пустынной бухты
Сидел я грустно поутру.
И вдруг совсем неожиданно — ух ты! —
Явился мне спаситель-друг!

Гоша, ощутив вдохновение, уже не стеснялся, а Владик смутился:

— Ну что вы, Гоша, никакой я не спаситель. Подумаешь, взялся показать дорогу...

— Дело не только в этом! Ты, Владик, вернул мне веру в человек... то есть в людей...

Они подошли к обшарпанному старинному дому с полуподвалом. В полуподвал вела кривая дверь под перекошенной вывеской:

**Региональное управление морского хозяйства
Жилищный трест
ДОМГНОМ**

— Владик, я это... пожалуй, пойду туда один. Гномы-чиновники не любят, если люди...

— Ладно! А давайте я вас подожду! Когда вам дадут адрес, я вас и туда провожу!

— Я... это самое... мне неловко тебя затруднять...

— Да что вы, Гоша! Я же все равно гуляю. Каникулы.

Я пока вон оттуда, со стены, снимаю вид на море. Я хочу сделать альбом «Наши берега»...

— Только не сорвись... Вы, мальчишки, такие хрупкие, прямо страшно смотреть... Вон коленки все ободранные...

— Что за беда! У кого из ребят они не ободранные? Это же не инвалидность!

— Все равно. Лучше покарауль мой сундук, пока я там... В нем моя... это... поэма про клипер «Креchet»...

— Есть! Буду на вахте! — Владик весело уселся на горбатый матросский сундучок.

В приземистом помещении за деревянным конторским барьером сидела перед компьютером, спиной к двери, гномиха-чиновница.

Гоша покашлял.

— Я занята, — сообщила гномиха, занятая компьютерной игрой «Война в Гибралтаре».

— Я... кха... простите, но я это... значит, тоже занят. Потому что ищу жилье. Вместо того, которое взорвали на воздух. Даже не предупредили. Я мог тоже на воздух... Я, извините, сейчас буду писать жалобу. Это самое... дайте, сударыня, бумагу...

Гномиха живо развернулась на вертящемся табурете.

— А! Вы господин Ныряйло! Георгий Лангутович!.. Да, вышло досадное недоразумение! Понимаете, половина сотрудников в отпуске, остальные не справляются с работой... Очень-очень жаль. Примите наши извинения. А мы примем меры...

— Значит, у вас есть свободные места на парусниках? — обрадовался Гоша

— Э... на парусниках, к сожалению, нет. Парусные суда все наперечет, на них все занято. Есть... сейчас... Она опять повернулась к компьютеру, защелкала клавиатурой. — Вот... буксирный катер «Норд-ост», рейдовый танкер «Отважный», большой рудовоз «Калуга», ходит за границу...

— Зачем мне, извините, эта... ваша заграница! Мне нужен парусник. Я не могу жить на моторных судах, там разит металлом и нефтью. Да...

— Но, Георгий Лангустович... другие как-то живут.

— Не знаю, не знаю. Я никогда не плавал на железках. Там даже кошки дохнут...

— Право, не вижу, чем вам помочь... В конце концов, почему бы тогда вам не поселиться на берегу? Вы пенсионер, имеете право.

— Корабельному гному? На берегу?

— Ну, хотя бы временно, пока не подыщем... Есть хороший адрес: башенка городской библиотеки. С высоты вам будет видно открытое море, корабли. Вы сможете там успешно работать...

— Это... в каком смысле работать?

— Но вы же возвышенная душа! Занимаетесь стихотворчеством. Вам полезно поселиться ближе к звездам!

— А вы... оно, простите, как... то есть откуда вы знаете это самое... про стихотворчество? — смутился Гоша.

— Э-э... — хитро протянула гномиха. — Нашему управлению, любезный Георгий Лангустович, известно все, мы не зря занимаем свои должности... Ну, согласны?

— Разве что временно...

— Разумеется!.. А в порядке компенсации морального ущерба за то, что чуть не пострадали, наша контора предложит вам одно преимущество... Если, конечно, не станете писать жалобу...

— Да ладно уж... А это... что за преимущество?

— Дело в том, что самым заслуженным гномам-пенсионерам мы иногда выдаем особые сертификаты. На право поисков сокровищ. Ну... прямо скажем, шансов отыскать клад не так уж много, но кое-кому удается.

— Мне, сударыня, заниматься пустяками... это... некогда. И зачем, скажите, мне сокровища? Я кто, банкир? Или это... Кошей Бессмертный?

— Георгий Лангустович! Ну какая вы наивная душа! Сокровище решило бы вашу главную проблему! Вы могли бы купить для жительства собственный парусник. Хотите — живите у причала, хотите — отправляйтесь вокруг света!

Гоша заскреб бороду.

— В конце концов, отчего бы не попробовать? — подзадорила гномиха. Она потянула с полочки большой запечатанный конверт. — Сокровище капитана Румба, известного в девятнадцатом веке мореплавателя, фантазера и авантюриста... Ну? Согласны?.. Вот и замечательно. Значит, я регистрирую. А вы распишитесь...

Гоша расписался в ведомости.

— Кстати, в библиотеке живет уже один гном. Библиотечный, — напутствовала гномиха Гошу. — Рептилий Казимирович. Он обитает в книгохранилище. Я думаю, вы найдете общий язык. Он поможет разобраться вам в документах, которые в этом конверте. Вскрывать его здесь мы не имеем права... Всего доброго...

— Оно это... да. Всего доброго... — Гоша сквозь широкий вырез ворота затолкал конверт под фуфайку.

Когда корабельный гном покинул контору, гномиха оглянулась на дверь и взяла сотовый телефон.

— Девушка, позовите вашего шефа... Да-да, пароль «Медуза»... Добрый день. Сообщаю: он на крючке. Что — наблюдение?.. Это, господа, уже ваша проблема. А с вас — комиссионные. Согласно уговору...

Владик проводил Гошу на его новую квартиру и весело возвращался домой. Было начало прекрасного летнего дня. Солнце, тень акаций, море в конце белой улицы... И настроение — соответствующее.

Нужный Владиду подъезд — в трехэтажном доме, стоявшем посреди зеленого двора, — был загроможден. Озабоченные грузчики втаскивали в него пианино. Не ждать

же! Владик обежал дом. С другой стороны рос старый, с крепкими сучьями каштан. Одна ветвь подходила к самому балкону второго этажа. Владик быстро (дело привычное) залез по стволу до развилки, потом по ветви добрался до перил. Перевалился на балкон. Отодвинул незапертую дверь. В квартире слышался мамин голос, она говорила по телефону:

— Не могу, Зиночка, у меня дипломный проект. Какие там курорты! Я мечтаю остаться на неделю одна, чтобы поработать с утра до вечера и не нянчиться со своими мужиками. Это предел моих желаний... Что? Зиночка, но у нас за квартиру и свет не плачено два месяца, мы по уши в долгах!..

Владик снял сандалеты и босиком, на цыпочках, прошел через пустую комнату, потом в коридор. Там была дверь в кладовку.

Оказавшись в кладовке, Владик бесшумно и плотно прикрыл за собой дверь. Щелкнул выключателем. В каморке стоял стол с увеличителем, на полках видны были бачки для проявления пленок, красный фонарь, черные пакеты и прочие фотопринадлежности. Висела на стенке карта звездного неба. А под картой на специальной полочке сидел длинноухий тряпичный заяц с доброй и слегка грустной мордой.

— Андрюшка, привет! Соскучился? — сказал Владик.

Морда Андрюшки повеселела. Владик взял его, потерся щекой о тряпичную щеку зайца, тронул пальцем его пластмассовый нос.

— Сейчас займемся делом. — Владик поддернул рукава тельняшки. — Проявим пленочку, напечатаем Гошин портрет... Знаешь, какой замечательный Гоша! Я вас познакомлю.

Владик посадил обратно зайца, вынул из аппарата кассету, сунул ее и бачок в широкий черный рукав. Умело зашевелил там пальцами, заправляя пленку в спираль бачка.

И продолжал беседовать с Андрюшкой:

— ...Представляешь, какое свинство ему устроили? Он тридцать лет жил в трюме «Кефали», по закону, с пропиской, и вдруг в один миг трах! — шхуна на воздух! Он еле уцелел, а все имущество сгорело. Сотовый телефон погиб...

Заяц хмурил брови.

Мама опять с кем-то говорила по телефону:

— Да, квартира Ставридиных... К сожалению, капитана Ставридкина нет дома... Что? Господи, я сама хотела бы знать, где он! В клубе сегодня выходной, значит, ходит, ищет дополнительный заработок, чтобы у нас не отключили за неуплату электричество... Да, именно так! Такова жизнь...

— Такова жизнь, — сказал Владик Андрюшке и вынул заряженный бачок. Заяц смотрел понимающе...

А капитан Ставридкин (русый мужчина со шкиперской бородкой) в это время шел по улице и беседовал со своим знакомым — худым молодым человеком с внешностью южанина.

— Степан Данилыч, — убеждал капитана южанин, — ну посуди, чем мы рискуем? Возьмешь отпуск без содержания, рейс до Византийска продлится не больше недели. Яхта прекрасная, хоть вокруг света иди. Клянусь дедушкой! Передадим ее этому новоявленному олигарху, получим свои комиссионные и обратно самолетом. Или тебе жена не скажет спасибо за гонорар?

— Не в жене дело. Судно незнакомое, экипажа нет. Набирать случайных людей?

— Таки что это значит — «экипажа нет»? Я тебе не экипаж? Или я стал тебе плохой старпомом?

— Жора, ты хороший старпом, только авантюрист до мозга костей...

— Он мне говорит: Жора — авантюрист! Да, авантюрист. Так и что? Я горжусь! Во мне кровь знаменитого контрабандиста Анастаса Сидоропуло, за которым сорок

лет безуспешно гонялась вся таможенная стража здешнего побережья. А он никогда не гонялся за выгодой, только за приключениями. И я рад, что ношу фамилию дедушки. Она в свое время гремела от Византийска до мыса Калиогант! И когда я служил на либерийском танкере «Мимоза» и мне предложили заменить в паспорте моряка мое славное имя и фамилию на иностранный вариант: «Джордж Седерпауэл», я сказал: «Мой дедушка никогда бы не...»

— Жора, я давно все знаю про твоего дедушку. Но он же не поможет нам за несколько дней набрать экипаж.

— Так и что? Я это сделаю не хуже, чем он! Клянусь памятью дедушки, я...

— Где ты возьмешь надежных матросов?

— Он говорит Жоре Сидоропуло «где!» Где угодно! На любой пристани! При нашей-то безработице!

— Это будут случайные люди...

— Он мне говорит «случайные!» Все мы случайные на этом свете! Главное, чтобы были хорошие. А у меня хорошие знакомые в этом городе на любой улице... Эй, Макарони! Подойди сюда!

К капитану и Жоре нехотя подошел длинный парень с унылым лицом. За руку он вел насупленного мальчика лет восьми. Слегка сгибался и говорил ему:

— Чего теперь хныкать? Ну уехали, ну не взяли. Конечно, возить такого парня на багажнике кому какая радость? Подожди, заработаю, куплю тебе велосипед марки «Золотая ласточка». Сам летает, даже не надо вертеть педали. Только плюнь через плечо, чтобы сбилось...

Мальчик сердито, но послушно плюнул...

— Степан Данилыч, это Макаро... то есть Виктор Вермишелкин, — заговорил Жора. — Паруса знает, как звездочет Большую Медведицу. Мы с ним занимались в судомodelьном кружке в четвертом классе. Один только недостаток: слишком верит во всякие приметы и нечистую силу. Но порой это даже полезно... Макарони, поздоро-

вайся с капитаном Ставридкиным. У него есть к тебе разговор.

Макарони, не теряя уныния на лице, почтительно кивнул. Сказал мальчику:

— Беги, Шурик, домой.

— Да, беги, Шурик, до мамы и скажи ей, что Витя задержится. Он зачислен в экипаж яхты «Кречет» и вернется из рейса с полным саквояжем новеньких купюр, — напутствовал Жора братишку Макарони...

В свете красного фонаря мордашка зайца Андрюшка казалась совсем живой. Он с интересом следил, как Владик печатает и проявляет большой снимок. Наконец Владик вытащил из ванночки с закрепителем мокрый Гошин портрет. Показал Андрюшке.

— Симпатичный, верно? Сразу видно, что настоящий корабельный гном. Не какой-нибудь там чердачный или вагонный...

Андрюшка был согласен. А Владик прислушался.

— Кажется, папа пришел...

Это в самом деле вернулся домой капитан Ставридкин. На пороге он рассеянно поцеловал жену.

— Есть новости? — спросила она с таким выражением лица, что ясно было: новостей она не ждет. По крайней мере, хороших.

— Есть. Не знаю только, радоваться или... Сидоропуло подбил на одно дело: перегнать в Византийск новую яхту «Кречет», которую купил какой-то сомнительный миллионер. Деньги обещает неплохие...

— Ну так в чем дело? Ты же ходил на всяких яхтах в этот Византийск тысячу раз.

— Сроки жесткие... И самое скверное, что настоящего экипажа нет. И вообще... предчувствие какое-то...

— Степочка, разве ты старуха, чтобы верить предчувствиям! В век Интернета и орбитальных станций! Зато рас-

считаемся с долгами... А я в это время наконец разделаюсь с проектом! Когда в доме одна, работать чудесно.

— Как одна? А Владик?

— Здрате, я ваша тетя!

— Уже тетя? Я думал, жена...

— Тем более! Ты хочешь сказать, что не возьмешь *своего сына* в рейс?

— Оленька, ты в своем уме? — осторожно сказал Ставридкин. — Это не прогулочный рейс. Может случиться всякое. Судно незнакомое, экипаж случайный. К тому же мы связаны контрактом...

— В контракте сказано, что капитану нельзя взять сына?

— С его-то хлипким здоровьем! То ангина, то скарлатина... А если его укачает, как в прошлый раз? Пришлось ведь на берег на руках тащить...

— Пусть привыкает. А здоровье не такое уж слабенькое. По крайней мере целыми днями свищет по берегам с твоим аппаратом... Вот и сейчас: давно обедать пора, а он...

— Я не свищу, — сообщил Владик, появляясь в дверях. В одной руке он держал мокрый Гошин портрет, в другой Андриюшку. — Я здесь давно. И я все слышал...

— Как ты смел подслушивать! Это... даже непорядочно! — возмутилась мама.

— Я не подслушивал, а просто слышал. Громко говорите...

— Как ты оказался дома?

— Через окно...

— Новое дело! А почему ты без очков?

— Надоели...

— Что значит надоели! Если ты их не будешь носить, никогда не откорректируешь хрусталик!

— Ну и пусть...

— Порассуждай еще! Где тебя носило с самого утра?

— И вовсе не носило. Я помогал одному корабельному гному перебраться на новую квартиру. Его шхуна сгорела, и он...

— Владислав! Как я устала от твоих фантазий!

— Никакие не фантазии. Вот... — Владик повернул к родителям снимок. Они посмотрели на портрет, друг на друга. Слегка пожали плечами: мол, вроде бы факт... При чем если мамино лицо оставалось строгим, отцовское явно потеплело.

— А укачивает меня не всегда, — заявил Владик, — а только если со мной нет Андриюшки. На этот раз я его ни за что не забуду взять...

— Господи, какое ты еще дитя, — вздохнула мама.

— Надо еще, чтобы тебя самого взяли, — проворчал капитан Ставридкин, и это уже было явным согласием.

А мама на всякий случай сказала:

— Если еще раз без разрешения снимешь очки, не будет тебе никакого плавания...

Владик тут же ускакал в кладовку и через две секунды явился в очках — вот, мол, какой я хороший. Покорившийся судьбе капитан развел руками.

— Владислав, марш на кухню, — сказала мама. — Налей себе супу и пообедай самостоятельно. Нам с папой надо поговорить... без ушей...

Пассажиры пестрыми группами выходили из здания аэровокзала. Среди них шел мальчик. Он обращал на себя внимание спокойно-уверенными манерами и внешне-стью ученика английского колледжа: аккуратная прическа, белые бриджи, безрукавка с гербом какой-то (видимо, столичной) школы, отглаженная рубашка, галстучек, модная сумка на широком ремне.

Рядом с мальчиком шел мужчина в форме летчика гражданской авиации. На краю площади оба остановились. Летчик, скрывая торопливость, проговорил:

— Ну, путешественник, дальше доберешься один. Ты человек самостоятельный. А мне пора обратно...

— Разумеется, Дмитрий Петрович. Благодарю вас за все...

Они обменялись рукопожатием, летчик быстро пошел назад по ступеням, а мальчик двинулся к центру площади. Поглядывал вокруг без лишнего любопытства, скорее оценивающе.

Яркое солнце и пестрота южного города были праздничными. Это, видимо, понравилось мальчику, но не убило сдержанности. Он огляделся, пытаясь разобраться в сутолоке и найти то, что ему нужно. Разноцветная толчея, машины, автобусы... Мальчик подошел к супружеской паре. Это были грузноватый добродушный мужчина и слегка кокетливая молодая женщина. С ними — яркая, как маленькая клумба, девочка лет девяти.

— Простите, пожалуйста. Вы не скажете, где остановка автобусов, идущих в город?

— А вон, где самая большая толпа, — жизнерадостно разъяснил мужчина. — Там всегда очереди, не сядешь до вечера. Тебе, значит, в город?

— Совершенно верно... А пешком здесь далеко?

— Не очень. Верст восемьдесят, — усмехнулся мужчина.

— Далековато, — заметил мальчик.

— Ты прилетел один? — спросила женщина с беспокойством всех мам, которое распространяется и на чужих детей.

— Да, один.

— И тебя отпустили?! — поразились она.

— Что же здесь особенного? — снисходительно улыбнулся мальчик. — Мне почти двенадцать лет.

— С ума сойти! И здесь никто тебя не встретил?

— Это и не было условлено. Зачем беспокоить родственников?

Девочка во все глаза смотрела на столь замечательного юного незнакомца. Женщина решительно сказала:

— Мы тебя отвезем в город. Миша...

— О чем речь! — согласился супруг. Девочка радостно запрыгала.

— Благодарю вас. А сколько это будет стоить? — поинтересовался мальчик.

— Как тебе не стыдно! — воскликнула женщина. Ее муж усмехнулся опять:

— Я извозом не занимаюсь. На хлеб хватает и без того...

— Извините, но я должен был спросить, чтобы потом не возникло недоразумений...

— Не возникнет, не бойся. Садись, джентльмен... — Мужчина открыл дверь...

Гоша между тем устраивался на новом месте. Внутри башенки обнаружили прибитые к стене полки и старый некрашенный табурет. Гоша, встав на цыпочки, потрогал полки — прочные ли? Положил на полку пакет с сертификатом. Сдул пыль с табурета. Поддержал до пояса свою флотскую фуфайку (под которой обнаружили мятые холщовые штаны), вытащил из кармана большущий клетчатый платок, постелил на табурет — получился столик под скатертью. Гоша выложил на него из сундучка рукопись, оттуда же достал большой, «плотницкий», карандаш, почесал им за ухом. Присел перед табуретом на сундучок. Поэт Гоша всегда без задержки включался в «творческий процесс», едва ему стоило увидеть свою рукопись...

Он что-то подчеркивал карандашом и бормотал:

И южные звезды пылали, как свечи,
И дул равномерный пассат.
Летел по волнам замечательный «Кречет»,
Расправивши все паруса...

Паруса... Голоса... Небеса... Та-та-та...

Тем временем по крыше к окошку башенки подбирался вертлявый тип. Одеждой он был похож на рабочего, ремонтирующего крышу, но повадками... Он глянул в окошко, притаился, глянул опять. Выхватил из кармана миниатюр-

ный фотоаппарат, «шелкнул» через окно склонившегося над рукописью Гошу и снова присел.

Гоша же, погрузившись в сладкие муки творчества, терзал пятерней бороду, что-то записывал, что-то вычеркивал. Наконец вскочил и, шлепая тяжелыми ступнями, начал быстро ходить из угла в угол. Скреб затылок и вполголоса декламировал:

На старости лет мне утешиться нечем:
Живу я на твердой земле.
Но только я вспомню свой клипер,
свой «Кречет»...

В дверь постучали. Гоша не слышал. Постучали снова. Гоша замер, вскинув карандаш, как дирижерскую палочку. Оглянулся.

— Да-да... Я... это самое... войдите...

На пороге объявился гном того же роста, что и Гоша. Но без колпака, с блестящей лысой головой, в аккуратной пиджачной паре, с галстуком-бабочкой. Борода его была старательно расчесана.

— Извините за беспокойство. Мне стало известно, что здесь появился жилец нашего, так сказать, роду-племени. И я счел долгом узнать: не могу ли быть чем-то полезен... Извините еще раз, если беспокоил...

— А... да... Это вы извините. У меня это самое... беспорядок... Я еще не это... Входите, пожалуйста...

— Благодарю. Позвольте представиться. Рептилий Казимирович Вгрызайло-Кудакин, библиотечный гном.

— Очень это... приятно. А я Гоша. То есть Георгий Лангустович... это самое... Ныряйло. Корабельный гном. То есть теперь уже, значит, чердачный... да...

Гномы обменялись церемонным рукопожатием.

— Извините... это... присесть негде. Разве вот на сундучок...

— А не угодно ли вам, любезнейший Георгий Лангустович, посетить меня? Самоварчик, телевизор, книжные

новинки... Я слышал, вы не чужды поэтическому творчеству. Было бы весьма приятно полюбопытствовать...

— Да что вы... это самое... слабенькие попытки...

— Не скромничайте, не скромничайте. Пожалуйте ко мне...

— Неудобно как-то... — Гоша виновато пошевелил боковыми ступнями. — Мой... это самое... парадный костюм погиб. В силу, так сказать, это... форсмажорной ситуации...

— Какие пустяки! К чему церемонии! Прошу вас!.. — И библиотечный гном увлек слегка упирающегося Гошу на лестницу.

Почти сразу в окне снова появился вертлявый тип. Извиваясь, он скользнул в комнатку. Прислушался. Огляделся. Увидел на полке то, что хотел, — большой конверт. Оттопырив мизинец, взял конверт за уголок указательным и большим пальцами. Повертел. Подышал на него и с опытностью специалиста ногтем поддел клапан. Отклеил.

Разложив на табурете бумаги, он сфотографировал один лист за другим. Вложил их обратно, помусолил и заклеил конверт, вернул его на полку. Затем с прежней бесшумной вертлявостью покинул комнатку.

На крыше, устроившись в тени башенки, агент сообщил по мобильному телефону.

— Шеф? Это Фотограф. Дело сделано, шеф. Что?.. О'кей, шеф...

В машине мальчик оказался на заднем сиденье, с правого края. Когда он захлопывал дверцу, женщина заботливо сказала:

— Осторожнее, не прищепи ногу.

— Я осторожен, у меня уже есть опыт. Год назад я прихлопнул дверцей ступню, было крайне неприятно...

— Ты плакал? — с состраданием спросила девочка.

— Нет, — разъяснил он. — В ту пору я уже приучал себя не плакать ни при каких обстоятельствах.

— А если нельзя удержаться? — спросила девочка со смесью уважения и страха.

— Надо стараться, — снисходительно откликнулся мальчик.

— Я смотрю, ты железный парень, — заметил мужчина, оглянувшись.

— К сожалению, нет еще. Но хотел бы стать...

— Хочешь конфету? — Женщина протянула ему пеструю коробку.

— Благодарю вас. Я стараюсь не есть шоколада. Сладости ослабляют характер.

— Ты удивительный мальчик, — вздохнула женщина то ли с одобрением, то ли наоборот.

— Позвольте мне только взглянуть на коробку, там корабль... А, понятно. Алые паруса...

— Ты читал такую книгу?

— Разумеется.

— Понравилась?

— В общем, да... Хотя она оставляет ряд сомнений. Шить паруса из шелка — это нерационально. Их изорвет первый же свежий ветер... Но мне в этой книге понравились слова о мальчике Грее. «Он родился капитаном, хотел быть им и стал им».

— А ты тоже хочешь стать капитаном? — нетерпеливо спросила девочка.

— Да, это моя цель, — не стал скрывать мальчик.

— Ты обязательно станешь, — пообещала девочка.

Он чуть улыбнулся — то ли с благодарностью, то ли просто с ощущением своих возможностей.

Водитель (а машина уже давно мчалась по ведущему к городу шоссе) оглянулся опять.

— Сейчас многие хотят в моряки. Потому как заграничные, валюта, иностранные товары.

— Валюта — это неплохо, — согласился мальчик. — Но для меня это не главное.

— А что же главное? — спросила женщина. Она не про-

сто поддерживала беседу, а как бы давала возможность дочери увидеть: вот каким должен быть современный ребенок.

— Много всего. Возможность увидеть мир. Возможность испытать себя... Большое судно — это как целая планета, а океан — словно космос. И капитан на планете — он самый главный, от него зависит все. Это концентрация воли, это... для меня самое главное.

Водитель встретился с мальчиком глазами в зеркале заднего обзора. Сказал:

— В таком случае, юноша, тебе лучше избираться в президенты.

Мальчик слегка изменился в лице.

— Нет. Я люблю море. Я его никогда не видел, но каждую ночь оно мне снилось... Я для того и приехал, чтобы увидеть море и корабли...

Старпом Жора на краю территории яхт-клуба отыскал дядюшку Юферса. Тот сидел у своей сторожевой будки в окружении ребятишек разного возраста и вдохновенно рассказывал одну из своих историй.

— ...А еще я слышал в нашей «Долбленой тыкве» рассказ про рулевого Генри Дрока по прозвищу Восьмерка. Он служил на шхуне «Серебряная курица» под командой капитана Кнопа. Ох и славный был рулевой! При ровном ветре и на спокойной воде Генри мог крутить такие вензеля, что пенным следом выписывал свое имя...

— Ну, выписать восьмерку — не хитрое дело, — заметил один из старших ребят (видимо, уже причастный к морскому делу юный яхтенный рулевой). — Если, конечно, команда не зевает на парусах...

— Да не восьмерку, а имя Генри! — горячо разъяснил дядюшка Юферс. — Я же объясняю вам...

— Так не бывает, — уверенно заявил юный рулевой.

— Ха! Не бывает! Он мог еще и не такое! Говорят, он

однажды поспорил с боцманом Дудкой на десять долларов, что...

— Дядюшка Юферс! Не могли бы вы перестать на время охмурять юное поколение вдохновенными, но не совсем правдивыми морскими байками? Клянусь памятью дедушки, про Генри и Дудку они слышали уже много раз... А у нас к вам дело! — Это подошли к рассказчику и слушателям старпом Жора и Витя Вермишелкин по прозвищу Макарони. Витя был молчалив и покорен судьбе, а Жора излучал энтузиазм. Он ухватил дядюшку Юферса под руку и заставил покинуть бочонок, на котором тот восседал. Ребята возмущенно загалдели.

— Тихо, дети, тихо, — остановил шум Жора. — Если Георгий Сидоропуло (он же Джордж Седерпауэл) говорит «надо» — значит, надо! Скажите дядюшке Юферсу, «до свиданья», вы не увидите его дней десять...

— Жора, в чем дело? Оставь меня в покое... Ну в самом деле! Ты еще в семь лет был скверным мальчишкой, надо было драть тебе уши...

— Уши — потом! А сейчас вы, дядюшка, завербованы в рейс...

— Какой рейс! Я старый больной человек!.. Жора, пусть сейчас же! У меня поясница...

— Ха, он говорит «поясница»! Клянусь памятью дедушки, у всех поясница! А старый боцман — всегда боцман. У него больше опыта, чем у пяти молодых! Идем в контору оформлять отпуск без содержания... — И Жора под руку поволок дядюшку Юферса к зданию яхт-клуба.

Мама и отец Владика, поглядывая на дверь, вполголоса, но энергично обсуждали ситуацию.

— Ты должен понять, какая это удача, что вы уйдете в рейс. Иначе на нас свалилась бы масса дополнительных забот.

— Каких еще забот?

— Я не успела сказать. Утром звонила из Москвы Зинаида...

— Какая еще Зинаида?

— Двоюродная сестра...

— Чья сестра?

— Господи, твоя, конечно! У меня нет двоюродной сестры...

— Что ей надо? Я последний раз видел ее пятнадцать лет назад! Такая занудная девица...

— Давно уже не девица. У нее муж и сын вроде нашего обормота. Она умоляла приютить мальчика у нас на лето, потому что там у них какие-то обстоятельства... Можно было бы и приютить при нормальной жизни, но ведь надо за ним присматривать, надо кормить, а у нас денег кот наплакал. Наше-то костлявое создание питается солнечным светом и фантазиями, а столичный мальчик должен есть нормально... Я сказала, что посоветуюсь с мужем и через неделю позвоню...

— Если не отключат телефон за неуплату, — сумрачно напомнил капитан Ставридкин.

— Я позвоню сегодня. Скажу, что муж и сын уходят в рейс, а я полностью отключаюсь от реальности из-за своего диплома. Так что извините, мол... Конечно, при других обстоятельствах было бы неплохо, если бы мальчик приехал, играли бы вдвоем, гуляли, загорали, но при такой ситуации...

— В самом деле, позвони, пока не отключили. А то уморим гостя...

Владик честно не прислушивался к разговору. В данный момент он снова покидал дом через окно. Теперь это было затруднительно, потому что с собой Владик уносил свернутый в трубку фотопортрет и старую дребезжащую раскладушку. Все это надо было аккуратно переправить вниз... Владик переправил. И с раскладушкой на плече бодро зашагал к библиотеке. Кроме раскладушки и фотоснимка, у

Владика был еще пластмассовый пакет, из которого выглядывал Андрюшка.

Уже вечерело...

Гоша и Рептилий Казимирович по библиотечному коридору двигались к лестнице, ведущей в башенку. Возможно, они угостились не только чаем из самовара, потому что излишне заботливо поддерживали друг друга и были крайне предупредительны.

— Мне, Георгий Лангустович, фрагменты вашей поэмы показались крайне глубокими по смыслу и преисполненными поэтической образности...

— Э... что вы, Рептилий... это... Казимирович. Боюсь, что оно... это самое... графомания...

— Соболаговолите не употреблять таких слов! Вы истинный поэт! Завтра мы еще вернемся к этой теме... И завтра же, на свежую голову, посмотрим ваш сертификат на поиски клада, о котором вы изволили упомянуть...

Они раскланялись у нижней ступеньки. Полутемная спиральная лесенка таинственно, как трап в заброшенном корабле, поскрипывала, когда Гоша поднимался к себе. Он нащупывал босыми ногами ступеньки и бормотал:

Мне памятен будет сей день новоселья...
Сперва он с бедою пришел,
И не было в нем никакого веселья,
Зато мне теперь хорошо...

Гм... надо, пожалуй... это самое... записать...

Оказавшись наверху, Гоша тут же взялся за карандаш и склонился над табуретом с бумагами. Но почти сразу его отвлекли.

— Гоша!.. Гоша-а! Вы дома?! — донеслось с улицы.

Гоша торопливо выбрался на балкончик. Внизу стоял его юный друг с раскладушкой и прочей поклажей.

— Владик! Ты это... какой молодец, что пришел! Поднимайся скорее!

— Но библиотека уже закрыта!

— Это самое... иди с черного хода! Я отопру...

Когда они вдвоем оказались в Гошиной каютке, Владик деловито развернул раскладушку.

— Потом позаботимся как следует о вашем хозяйстве. А пока поспите вот на ней... Не на полу же...

— Громадное... это... спасибо. А тебя не заругают дома, что принес мне раскладушку?

— Никто и не обратит внимания! Она десять лет валялась на балконе никому не нужная... Только вот постели нет...

— И не надо! Гномы, они... это самое... неприхотливые...

— Гоша! А вот ваш портрет! Давайте повесим на стенку! Я нарочно кнопки прихватил...

Владик старательно прищипил снимок к стене.

Портрет произвел на корабельного гнома впечатление. Он разглядывал его, то приседая, то вытягивая шею.

— Да... Ты, Владик, это самое... мастер... Я даже и не знал, что я такой... скажем, не совсем уродливый...

— Гоша, вы очень симпатичный!

— Да, в молодости я слышал от береговых гномов, что... это... так сказать, недурен...

Владик глянул в окно.

— Гоша, отсюда хороший вид...

— Да-да. Я это... уже любовался. Так далеко виден горизонт... — Они с Владиком вышли на балкончик. — Я давным-давно не видел моря... это... с такой высоты. Последний раз такое было, когда я забирался... это самое... на марсовую площадку «Кречета». Аполлон Филиппыч, капитан, сперва боялся, что упаду. А потом это... уже не спорил... Владик, ты не поможешь мне найти рифму к слову «марс»? У меня есть такие строчки:

Закат распахнулся над вспененным морем,
Когда я забрался на марс...

- Барс...
 — Что?
 — Барс. Ну, зверь такой. Очень быстрый...
 — А... да!.. А что, если так?

Закат распахнулся над вспененным морем,
 Когда я забрался на марс.
 А клипер наш мчался в вечернем просторе,
 Как в травах стремительный барс...

Ну как?

— Во! — Владик вскинул большой палец. — Замечательно!

Гоша вздохнул:

— Боюсь, что... это... не очень замечательно. Замечательно другое... То, что у меня есть... это самое... такой добрый великодушный друг... — Он обнял большущей ладонью Владика за плечо. Владик смущенно засопел. — Ты это... вот что, — сказал Гоша, придвигая Владика поближе. — Говори мне «ты»... Как это самое... полагается у друзей...

Владик благодарно кивнул.

На окраине города случилась неприятность — прокол колеса. Водитель вылез, попинал шину и сказал:

— Черт подери, чуть-чуть не доехали. Теперь возни не меньше чем на час, у меня домкрат дохлый... — Он посмотрел на мальчика. — Даже не знаю, что посоветовать. Будешь ждать или двинешь пешком? Тут до центра уже недалеко...

Мальчик тоже выбрался из машины.

— Если позволите, я пойду... Очень вам благодарен.

— Шагай, не сворачивая с шоссе, — посоветовала женщина. — Только будь осторожен, следи за машинами... Когда выйдешь на площадь, спросишь нужную улицу... Желаю тебе успехов.

— Благодарю вас, — опять сказал мальчик. Спиной вперед отступил от машины, сделал всем общий поклон и

зашагал по обочине. Девочка из машины помахала вслед, но он не оглянулся.

Шоссе скрутило поворот и вывело на морской обрыв. Мальчик остановился. Он впервые — и так неожиданно! — увидел море. Он замер. Теперь, судя по всему, он не помнил о своих честолюбивых планах. Просто он смотрел на *открытое море*. На распахнувшуюся синеву, где видны были похожие на мазки белил далекие теплоходы...

— Вот это да... — шепотом сказал мальчик.

И в этот момент его похлопали по плечу.

За спиной у мальчика стояли трое окраинных пацанов. Загорелые и потрепанные хозяева здешних мест. Личности, в которых было много юмора и мало деликатности.

— Здравствуйте, — сказал самый маленький и сморщил нос.

— Добрый день, — охотно отозвался столичный мальчик.

— По-моему, ты врешь, — заметил другой, постарше. — Уже почти вечер.

— В таком случае добрый вечер.

— А ты всегда такой вежливый? — спросил третий.

— По крайней мере, стараюсь...

— А галстучек у тебя московский? — поинтересовался младший пацан.

— Да, из ЦУМа на Петровке...

— А посмотреть можно? — средний пацан потянулся к галстучку.

— Посмотреть можно. А трогать не надо... — Мальчик аккуратно отвел пальцы любопытного пацана.

— Культурный, — сказал средний пацан.

— Образованный, — согласился старший.

— А если по уху? — поинтересовался младший. Дело вито плюнул в ладонь и сжал кулак.

— По уху лучше не надо, — отозвался московский мальчик.

— А может, надо? — хором спросили местные.

— Не советую...

— Почему? — опять спросил самый младший (и самый нетерпеливый) мальчишка.

— Могут быть непредвиденные последствия.

— А вот поглядим! — Средний резко толкнул москвича в плечо. И... схваченный за руку, полетел в траву. За ним — младший.

— Ух ты! Ловкий! — Старший мальчишка замахнулся для серьезной драки, но его противник умело ушел под руку и коротким приемом бросил нападавшего к двум приятелям.

Все трое вскочили и кинулись на мальчика разом. Но... отлетели опять.

— Ладно... — подымаясь, произнес старший. — Приемчики, да?

— Вы смотрели фильм «В поисках капитана Гранта»? — доброжелательно спросил мальчик.

— Ну и что? — подозрительно спросил средний пацан.

— Там после небольшой схватки в таверне майор Мак-Наббс говорит оставшимся в живых посетителям: «Я предупреждал. У джентльменов нет оснований обижаться на меня»...

— Я же говорил: образованный, — подвел итог старший. — Ладно, ребята, идем. Пока больше нет настроения. Будь здоров, москвич, потом продолжим...

— Когда поймаем тебя снова, — уточнил маленький.

— Всего доброго... — Мальчик слегка поклонился и надел на плечо сброшенную в траву сумку.

Местные ребята пошли прочь, не теряя достоинства и не оглядываясь. Только маленький показал через плечо кулак. Мальчик снова вежливо кивнул.

Затем он опять повернулся к морю...

Владик стоял внизу, под башенкой. От него по тротуару тянулась длинная вечерняя тень.

Гоша махал с балкончика ладонью.

— До свиданья, Владик. До свиданья... это... Андрюшка!

Владик держал Андрюшку в руках. Сначала он помахал Гоше своей рукой, потом Андрюшкиной лапой.

— До свиданья, Гоша! До завтра!

Мама и папа Владика продолжали обсуждать предстоящее плавание. При этом мама вытирала вымытую посуду.

— Все-таки я боюсь, — насупленно говорил Степан Данилович. — Мало ли что? А если опять ангина?

— Возьмете с собой антибиотики.

— Имей в виду, он и плавать-то не умеет толком. Метров двадцать проплывет, а потом плюх-плюх... Я видел на пляже...

— Но он же не вплавь собирается в Византийск. А если свалится за борт, продержится, пока выловят... К тому же дети, по правилам, должны быть на яхте в спасательных жилетах.

— Ага, заставишь его...

— Но ты же капитан. И отец!

— И муж самой упрямой на свете жены...

— Степочка, я тебя люблю! — Мама Владика звонко поцеловала мужа. Он замотал головой, и в этот миг в передней затарахтел звонок.

— Кажется, наш бродяга наконец явился. Ну, я ему... — Мама пошла открывать.

На пороге стоял мальчик с внешностью юного англичанина.

— Добрый вечер. Это квартира Ставридиных?

— Д-да...

— Тогда вы, судя по всему, тетя Оля? Жена Степана Даниловича...

— Судя по всему... так. А... ты?..

— Я Максим.

— М-м... какой Максим?

— Сын Зинаиды Павловны, ваш двоюродный племянник.

Мама Владика уронила тарелку...

Потом гостя на кухне поили чаем, и тетя Оля нервно говорила:

— Ну как же так... Как же так? Мы договорились с твоей мамой, что созвонимся через неделю...

— Было очень трудно заказать билет на юг. Да и сопровождающего пришлось бы искать. А тут родителям подвернулся знакомый летчик, его экипаж назначили как раз на этот рейс, в ваш город. Меня и устроили...

— И ребенка отпустили одного!

— Но, тетя Оля... Не такой уж я ребенок.

Папа Владика слушал разговор, похрустывая пальцами. На лице его читались мрачные предчувствия. Он выговорил наконец:

— И даже не сообщили, что прилетаешь. Мы бы встретили...

— Я специально уговорил не сообщать. Зачем вам беспокоиться? Я отлично добрался сам...

— Ты очень самостоятельный мальчик... — непонятым тоном сообщила тетя Оля.

Максим наклонил голову. Видимо, принял слова родственницы за комплимент.

Солнце уже зашло, наступили южные сумерки. В этих сумерках привычным путем — через дерево — Владик проник на свой балкон. И здесь увидел маму.

— Явился, — деревянным голосом сказала мама. — Твои обезьяньи повадки кончатся когда-нибудь вывихом шеи. В лучшем случае...

— Мамочка, привет...

— Не подлизывайся. Скажи лучше, где наша раскладушка.

— Что?

— Рас-кла-душ-ка. Она во все времена стояла здесь, на балконе.

— На балконе?

— Владислав! Если ты ее куда-то сплавил, говори не-медленно!

— Ну, ма-а... У Гоши никакой мебели, а эта рухлядь... зачем она нам?

— Затем, что у нас гость! Явился... то есть приехал папин двоюродный племянник. Значит, твой двоюродный брат. Максим...

— Троюродный, — сумрачно уточнил папа. Он вошел в комнату и включил свет.

— А сколько ему лет?

— Чуть постарше тебя, — сухо сказала мама.

— Это же здорово! — подскочил Владик.

— Боюсь, что не совсем здорово, — прежним тоном уточнил папа. — Если я мог взять на борт одного мальчишку, то уж двух-то никак. Значит, тебе, друг мой, придется остаться в городе. Иначе кто будет развлекать гостя? Мама и так занята выше головы. Извини, но выхода нет.

— Степа, выход, по-моему, все-таки есть, — осторожно заговорила мама. — Что страшного, если мальчишки оба отправятся с тобой?

— Да! Папа! — подскочил Владик.

— Есть третий выход, — сообщил папа. — Я беру капроновый трос, делаю петлю с беседочным узлом, привязываю к люстре и... дальше разбирайтесь сами.

— Но ведь беседочный узел не затягивается, — деликатно напомнил капитану Ставридкину его сын.

— А вам надо, чтобы он еще и затягивался! — совсем не по-капитански взвизгнул папа.

— Степочка... — сказала мама.

— Яхта не плавучий детский сад! И к тому же она не резиновая!

— Папа, да в нас весу-то как у воробьев! И размер такой же...

— Разумеется, — поддержала Владика мама. — Хотя, конечно, Максим не совсем воробушек, покрупнее тебя. Наверняка он ест нормально и делает по утру зарядку.

— А где он?

— Принимает душ.

— Дали горячую воду? — изумился Владик.

— Воду не дали. Но он сказал, что ему и не надо. Он закаляется, потому что готовится в капитаны... Кстати, Степа, родственники не простят тебе, если ты не позволишь будущему капитану познать матросскую науку.

Папа понял, что всё опять решили без него. И снова посмотрел на люстру. Но в это время зазвонил телефон. Папа шагнул в коридор. Стал слышен его голос:

— Да!.. А, это ты, Жора... Что? Ну и хватит пятерых. Потому что будут еще два младенца... А что поделаешь, меня без этого не отпустят! Ты знаешь, что такое семейные коллизии? Вот и счастье, что не знаешь!.. Кто? Юферс? Ну, это удача! Старый конь борозды не испортит. К тому же будет кому обучать салаг матросским делам. Один из них собирается в мореходы... Да не Владька, племянник! А у Владьки пока одни фантазии в голове, ничего не знает...

Мама и Владик, притихнув, слушали разговор. Потом встретились глазами.

— Подслушивать нехорошо, — сообщил Владик.

— Вот именно! Ступай к Игнатии Львовне и вежливо попроси у нее на несколько дней раскладушку.

— Ну вот...

— Что «ну вот»?

— Не пойду я к ней. Как увидит, сразу начинает воспитывать... Ох, да вот она, сама явилась. Я слышу по звонку...

В коридоре и правда позвонили.

— Брысь к себе, — велела мама и пошла открывать.

Соседка Игнатия Львовна — крупная крашенная дама — лучилась добротой. Мама ответила ей той же улыбкой.

— Здравствуйте, Оленька! — голос Игнатии Львовны был слышен во всех уголках квартиры.

— Игнатия Львовна! Как хорошо, что вы зашли! У меня к вам просьба. Не дадите ли на несколько дней раскладушку? У нас неожиданный гость.

— Разумеется, голубушка... А я к вам с сообщением. Днем приходили из домоуправления, напоминали о квартплате. У вас, говорят, задолженность...

— Ой... ну, в доме совсем ни гроша. Даже новую рубашку Владьку не на что купить. Видели, каким он скачет обормотом? Сандалии едва живые, майка на боку с дырой. И все боюсь, раскокает очки, опять придется платить...

— Нынешние дети очень непоседливые...

— Не то слово...

— Вся беда в отсутствии четкой системы воспитания, — сообщила Игнатия Львовна. — Недавно я читала статью профессора Чайнадворского. Он пишет, что мы слишком поспешно отказались от традиций народной педагогики. Она включала в себя воспитание с помощью березового прута, и действовал этот способ безотказно. Правда, у нас на юге березы — редкость, но есть другие древесные породы, вполне подходящие...

Владик слышал всепроникающий голос соседки. И не громко, но отчетливо сказал в своей кладовке:

— Сама ты древесная порода.

У Игнатии Львовны округлился рот.

Мама влетела к Владьку.

— Ты с ума сошел! Иди и немедленно извиняйся!

— А чего она...

— Иди сию же секунду!

— Лучше помру.

— Ты дождешься, что я использую метод профессора!

— Не-а, не используешь, — снисходительно сообщил

Владик.

— Это почему?

— Потому что я тогда объявлю забастовку. И не пойду на яхте.

— И прекрасно! Я и сама тебе не позволю!

— А как же твой диплом?

— Я поняла. Ты поставил цель свести меня в могилу.

— Нет, мамочка, что ты! Мы тебя очень любим! Я и Андрюшка! — Владик поднял за уши зайца.

— Марш к Игнатии Львовне!..

К счастью, в этот момент раздался железный грохот. Все выскочили в коридор. В дверях ванной стоял Максим — в плавках и в тюрбане из полотенца.

— Извините, я нечаянно зацепил на гвозде таз... У вас замечательный душ.

— С легким паром, — сказала мама. — Хотя какой пар, если нет горячей воды...

Максим и Владик не улыбаясь смотрели друг на друга. Изучали...

2. ЧЕРНЫЙ СУНДУЧОК

Владик и Максим шли по улице, ведущей к морю. Было прекрасное утро. Проехала поливальная машина, обдала сверкающим каскадом кусты, газоны и тротуары. Зацепила и ребят, они отскочили. Хорошо, что Максим был одет уже попроще, чем вчера, без столичного лоска. Он недовольно отряхнул шорты и футболку.

— Не смотрят, куда льют...

— Это шофер дядя Сима, — объяснил Владик. — Он нарочно, для веселья.

— Хорошенькое веселье.

— Все равно ведь сейчас купаться будем...

— А это что за лозунг? — задержал шаги Максим. — Я уже не первый раз вижу...

На кирпичной стенке белела надпись: «Здесь был Вася».

— А! Дураки какие-то развлекаются, — отмахнулся Владик. — Пишут где попало. Папа сказал один раз: «Если на Луну посмотреть в большой телескоп, там, наверно, тоже эти слова»...

Они подошли к перекрестку, и вдруг Владик «тормознул».

— Давай свернем.

— Зачем? — удивился Максим.

— Да там эти... с Петькой Карасевым. Ну их...

У каменного забора играли, стучали футбольным мячом о стенку трое мальчишек (вроде тех, что вчера приставали к Максиму).

— Боишься, что привяжутся? — удивился Максим.

— Да кто их знает...

Максим пожал плечами, но спорить не стал. Они свернули в переулок. Максим сказал через несколько шагов:

— Стоило ли пугаться? Если *таких* каждый раз обходить, тропинок не хватит.

Владик объяснил довольно беззаботно:

— Не так уж я испугался. Просто настроение портить не хочется. И за очки боюсь. Если сцепимся, опять могут пострадать.

— *Опять?* — переспросил Максим.

— Ну да. Это будут уже третьи в нынешнем году. Одни зимой, в школе, другие недавно, во время футбола... А если еще и эти, мама в обморок упадет. На новые денег нет...

— Перед дракой-то можно снять, — рассудил Максим.

— Если успеешь... А больше всего я не хочу, чтобы над Андрюшкой смеялись. Увидят, начнут хихикать...

Ушастая Андрюшкина голова торчала из пластикового пакета, который Владик нес, шурша им по траве.

— Для чего ты носишь его с собой?

— Я не всегда ношу. А сегодня надо. Я должен раз в неделю макать его ушами в море, он этого требует...

— Зачем?

— Потому что морская душа... — Владик потрепал зайца по ушам.

— Заячья морская душа... — усмехнулся Максим.

— Душа у него не заячья... — У Владика впервые скользнуло в голосе недовольство.

— А какая же?

— Просто... душа. Своя, Андрюшкина...

— Не сердись, я не хотел обидеть, — с достоинством сказал Максим.

— А мы и не сердимся, верно, Андрюшка? — Владик опять потрогал заячьи уши.

— Просто я стараюсь понять: зачем он? Какая тебе от тряпичного зайца польза? — мягко, но настойчиво продолжил разговор Максим.

— Польза? — Владик весело скакнул с камня на камень. — Наверно, никакой. Просто мне с ним хорошо... Хотя да, польза есть! Если Андрюшка со мной, меня не укачивает на яхте... Я его обязательно возьму на «Креchet».

— Тебя укачивает на судне? — удивился Максим.

— Бывает. Хотя нечасто... А тебя никогда не укачивало?

— Никогда. Я же еще не ходил на морских судах.

— Вот видишь! Еще неизвестно, что будет...

— В любом случае я это преодолению. Морскую болезнь можно победить.

— Не каждый может...

— Я смогу. Адмирал Нельсон всю жизнь страдал морской болезнью и все равно командовал сражениями. И побеждал.

— Ты хочешь стать адмиралом?

— Я хочу стать капитаном. Я же говорил.

— Тогда, конечно, заяц тебе не поможет. Не будешь ведь стоять с ним на мостике, если даже укачивает...

Максим глянул внимательно: с подначкой это говорит троюродный брат или всерьез? Но в этот момент они вышли на обрывистый берег. Владик вытащил из пакета «Зенит».

— Давай я тебя сниму на фоне моря. На память.

— Если тебе не трудно...

Гоша и Рептилий Казимирович сидели в книгохранилище, у библиотечного гнома. Как было вчера условлено, они разбирались в бумагах, связанных с поисками сокровища капитана Румба. В полуподвальное окошко проби-

вался яркий луч. Золотил корешки редких книг, зажигал блик на лакированном старинном глобусе.

Рептилий Казимирович задумчиво рассуждал:

— Эта бумага ничего не говорит. То есть в данный момент она бесполезна. Она подтверждает право на владение кладом, если вы его отыщете. Но ведь надо сперва отыскать...

— А здесь? Тут вот... это самое... какие-то значки и надписи.

— Да-да, любезный Георгий Лангустович, это уже существенно... Вот, извольте взглянуть. Главная примета — латинская буква «Эр», обведенная кружком. И странное пояснение: «В зеркале»...

Гоша запустил в бороду пятерню.

— Чего же оно это... такое... Я, по правде... это самое... в образовании не силен. Самоучка...

— Боюсь, что сразу мы не определим. Здесь, Георгий Лангустович, судя по всему, возможны разные трактовки...

Гоша беспомощно и виновато смотрел на странный знак R, темнеющий на сером, украшенном завитушками пергаменте.

— Я... это...

— Первая расшифровка, которая приходит на ум, в то же время и самая размытая... Хотя в ней есть неоспоримая логика...

— М-м?.. — Гоша, полный внимания и почтения, во все глаза смотрел на образованного соседа. Тот продолжал:

— Не исключено, что буква R соответствует слову «ретроспектива», которое дает нам понять, что мы должны обратиться мыслями в прошлое, ибо сокровище зарыто в давние времена. Известно, что капитан Румб по прозвищу Ботончито, адекватному испанскому понятию «Пуговка», жил и плавал в середине девятнадцатого века. Он открыл несколько островов и был знаменит как ярый борец с работорговлей...

— Вы, Рептилий Казимирыч, конечно, это... правы... А вот зеркало-то... я что-то не соображу. Оно это самое... при чем?

— К этому вопросу я и подвожу наши рассуждения...

По лесенке, вырубленной среди скал, Владик и Максим стали спускаться к дикому окраинному пляжу. На половине спуска Максим, который нетерпеливо двигался впереди, остановился.

— Смотри, лайнер идет!

Из-за мыса торжественно выплыл в синеву бухты многопалубный белый теплоход.

— Это «Петр Великий», — довольно равнодушно объяснил Владик. — В порт направляется...

— С лоцманом идет. Неужели капитаны сами не знают здешних маршрутов?

— Почему ты решил, что с лоцманом?

— Ну, флаг же на мачте, красно-белый, то есть «Хотел». Означает: «У меня на борту лоцман».

— А-а...

— Неужели ты не знаешь флагов международного свода?

— Знаю некоторые... только не все помню. Да я и не вижу толком, что вдали, через очки, а снимать нельзя, маме обещал...

— Какой же от них толк, если не видно, что вдали?

— Они ведь не для этого, а для исправления хрусталика. Так надоели...

На пляже было немногочисленно. Потому что дикий, окраинный, галечный. В основном для местных жителей, для ребятишек...

Максим на ходу сбросил кроссовки, вошел по колени в воду (поскользнулся, взмахнул руками, но не удержался). Обмакнул руки, лизнул ладонь. Радостно оглянулся (теперь в нем не было привычной сдержанности).

— Владька, вода соленая...

— Естественно. Море же... — Владик сбросил одежду и напомнил: — Раздевайся, и поплыли...

Максим вышел из воды.

— Да... нет... Я когда собирался сюда, пообещал себе, что первый раз нырну в море с размаха. Откуда тут можно нырнуть? Оттуда можно? — Он показал на высокий, метров в пять, камень, нависающий над водой.

— Можно. Многие ныряют... — не очень охотно сказал Владик.

Они оставили одежду и пакет с Андрюшкой и аппаратом у подножия, забрались на верхушку ракушечной глыбы. Море отсюда казалось еще более громадным. Белел неподалеку город, толпились в порту суда. Весело носились чайки...

Максим постоял, раскинув руки, словно впитывал в себя всю окружающую морскую жизнь. Потом, однако, проявил осторожность:

— А там, внизу, нет подводных камней?

— Конечно, нет. Видно же, вода прозрачная...

— Да. Тогда я прыгаю!

— А ты раньше нырял с такой высоты?

— Разумеется! В нашем бассейне.

— Тогда прыгай, — скучновато сказал Владик.

— Давай я первый, а ты сразу за мной!

— Я подожду. Не хочется...

— Ты что? Боишься? — искренне изумился Максим.

— Просто я еще ни разу не нырял отсюда...

Максим пожал плечами: я, мол, тоже не нырял, ну и что?

— Как хочешь.

Изящно, ласточкой, он сиганул с высоты.

...Голубовато-зеленая сказка морской глубины охватила Максима. Солнце, видимое сквозь водную толщу, колыхалось, как расплавленное. Бежали вверх струи пузырьков. Проносились серебристые ставридки, лениво проплыл морской конек. На пористом камне сидел замшелый

краб. Максим тронул его панцирь, краб нехотя, боком, ушел с камня. Колыхались водоросли. Пивные пробки на дне казались серебряными монетами пиратских кладов...

Наконец Максим вынырнул. Высоко на фоне яркого неба виднелась тощая фигурка Владика.

— Прыгай! Ну, чего ты боишься!

Да разве он так уж боялся? По крайней мере, не настолько, чтобы показывать это московскому гостю. Владик посмотрел вниз, почесал о плечо подбородок и... прыгнул. Конечно, не ласточкой, а как придется — словно с крыши в кучу с песком. Даже дрыгнул в воздухе ногами. Брызги поднялись — будто мина взорвалась!

В воде Владика оказалось не до сказки. Перед прыжком он забыл снять очки, вода сорвала их. Владик барахтался, пускал пузыри, стараясь разглядеть потерю. Наконец увидел, что очки зацепились дужкой за выступ подводного камня. Схватил, стал выгребать вверх, не хватило воздуха, он хлебнул воды, выскочил по плечи, закашлялся, ушел с головой, вынырнул опять...

Максим заметил, что троюродный брат барахтается вблизи от берега. Достиг его несколькими умелыми взмахами, ухватил поперек туловища и ловко вытащил на гальку.

Владик сидел, кашлял и мотал головой. Потом надел очки и лег. Сквозь мокрые стекла все казалось размытым: камни, облака. Максим — и тот расплывчатый...

Максим сказал со смесью виноватости и досады:

— Зачем было прыгать, если не умеешь? Чуть не утонул...

— Это из-за очков. Они сорвались, я искал, не рассчитал дыхание...

— По-моему, дело не в очках... Странно. Живешь у моря, а плавать как следует не умеешь.

Владик уже пришел в себя. Сел, посадил на колени Андрюшку. Сказал, не глядя на московского родственника (тот уже начал слегка раздражать его):

— Это ты странно рассуждаешь. Выходит, все, кто

живет у моря, должны плавать, как чемпионы? А если бы я жил на Севере? Должен был бы уметь ездить на собачьей упряжке?

— Если плохо плаваешь, какой из тебя моряк...

— Во-первых, не так уж плохо... А во-вторых, с чего ты взял, что я хочу быть моряком?

— А кем ты хочешь быть? — удивился Максим.

— Сейчас или потом?

— Ну... вообще.

— Жизнь-то большая. Сейчас я хочу быть тем, кто есть, — мальчиком. Это мне пока не надоело. А потом... не знаю. Может быть, фотографом, который везде путешествует и снимает все на свете. А может быть, астрономом...

— Астрономом? Это сидеть на одном месте и глазеть из башни сквозь щель в куполе?

— Не глазеть, а изучать звезды! Космос, он же бездонный!

— Да тебе-то какой прок от этих звезд? По-моему, это профессия для хлипких инвалидов.

— А как бы капитаны плавали, если бы не было морской астрономии?

— Ну... я же не спорю, астрономия нужна. Для навигации. Но кто-то сидит у телескопа как приклеенный, а кто-то ведет корабли. Что интереснее?

— Что нравится, то и будет интереснее...

Максим подумал и сообщил, не теряя достоинства:

— Владик, я ведь не хотел тебя обидеть. Просто мне показалось непонятным...

— Что?

— Если ты не хочешь быть капитаном, почему так радуешься будущему плаванию?

— Это совсем другое! В плавании могут быть приключения... И еще, говорят, в открытом море в южном небе звезды такие яркие, что их можно снять на пленку...

— Владик...

— Что?

— Ты уже в порядке?

— Вполне.

— Давай тогда еще искупаемся. Только не прыгай больше оттуда. И я не буду...

— Ты как хочешь, — независимо сказал Владик. — А я, пожалуй, прыгну. Только сниму очки...

Гоша и Рептилий Казимирович продолжали обсуждать дела, связанные с поиском клада.

— ...Что касается понятия «в зеркале», то мне представляется это неким философским обобщением. Имеется в виду: «В зеркале нашего сознания». То есть мы должны обобщить в себе весь опыт подобных ситуаций и конкретизировать его в применении к стоящей перед нами задаче...

Робея перед ученостью библиотечного гнома и тупея от многомудрых рассуждений, Гоша робко поинтересовался:

— А... это самое... почему оно в кружке-то?

— Очень правильная постановка вопроса! Эта окружность представляется мне наиболее конкретной приметой. Судя по всему, сокровище укрыто в некоей замкнутости: в круглом помещении, подвале или гроте соответствующей формы...

— Это самое... фиг найдешь, — слегка забывшись, выдал Гоша.

— Совершенно справедливо изволили заметить. Надежды было бы крайне мало, но, присмотревшись, мы можем заметить дополнительные координаты. В нескольких местах в орнамент документа вплетены буквы ТК. Вот, пожалуйста взглянуть...

— Ага... то есть это... да. Вижу...

— Мне представляется это указанием конкретного адреса. Судя по всему, ТК — начальные буквы географического названия «Триахтырские катакомбы». Это система подземных коридоров, пещер и гротов, расположенная в окрестностях известного всем портового города Синетополя. Стоит вам отыскать там грот круглой формы, как половина задачи будет решена...

— Это самое... да... А вторая половина?

— Друг мой, это уже придется делать выводы на месте...

Кстати, вот еще уточнение. Вернее, дополнительное условие. Видите вверху листа строчки, набранные мелким шрифтом? Их можно счесть просто литературным украшением, а можно и конкретным указанием... Взгляните...

Гоша приблизил свой круглый пористый нос к пергаменту.

— Это самое... да... Только неразборчиво...

— Извольте, я прочитаю...

Чтоб шагать, минуя все загоры,
И пройти к разгадке до конца,
Вам в пути должны служить опорой
Юные и чистые сердца.

— Я... это самое... что-то не это...

— Я, как вы изволили выразиться, тоже не это... По крайней мере, не совсем... Но, как я полагаю, речь идет о том, что ищущему клад полезны были бы спутники с определенными, так сказать, качествами...

— А... это... Рептилий Казимирович... вы не согласились бы...

— Помилуйте, батенька! Ну какое же у меня чистое и юное сердце! И грехов полно, и возраст...

— Но, однако же... вы же моложе меня это... на девяносто лет...

— И что с того? Увы, увы... И к тому же, дорогой Георгий Лангустович, я должен сказать прямо: зарытое золото не интересует меня ни в малейшей степени. Истинные сокровища — вот... — Библиотечный гном повел рукой по бесконечным стеллажам со старинными переплетами. — Именно здесь сосредоточены бесценные клады многих веков, ибо нет ничего дороже мудрых мыслей...

Пока два гнома вели беседу, вчерашний вертлявый тип через густую траву пробрался к оконцу книгохранилища. Он был не виден за высокой сурепкой и репейником. Шпи-

он развернул портативные локаторы, настроил диктофон. Примостился к стене так, что окно оказалось сбоку, а длинные ноги случайно высунулись на протоптанную вдоль плиточного тротуара тропинку.

По тропинке ехал на велосипеде мальчик Шурик — тот, что накануне гулял с Макарони. Велосипед был явно чужой, большой не по росту, мальчик ехал «под рамой», управлялся с трудом. Торчащие ноги он заметил слишком поздно.

— Ай!.. — и затрезвонил изо всех сил. Переднее колесо проскочило через тощие щиколотки в пестрых носках. Звон, лязг, мальчик — головой через руль, велосипед — в траву.

— А-а!! Сдаюсь! — Шпион в панике вскочил и вскинул руки. Но секунды через три опомнился, увидев, что имеет дело с малышом (который почти не пострадал, только сердито потирал синяк на лбу). — Хулиган! Почему нарушаешь правила?!

— Это ты нарушаешь! — заявил мальчишка тонко, но дерзко. — Расселся на дороге! Я брату скажу, он тебе ноги выдергает!

— Шпана! Мафиози! Я в милицию! — Шпион выхватил сотовый телефон.

Шурик не растерялся. Выдернул стебель чертополоха и комлем вперед швырнул во вредного дядьку. Тот, получив земляной заряд в живот, выронил аппарат. Завизжал, затопал ногами. Мальчик подхватил велосипед, прыгнул на педали и укатил. Шпион, хныча и ругаясь, снова забрался в кусты.

— Шеф... Это Фотограф... Наметились координаты. Но на меня совершенно нападение. Дальнейшая работа связана с повышенным риском, я прошу надбавку... Что? После того, как найдем клад? А если не найдем?.. Как?.. Ну ладно, ладно, я пошутил...

Шум за окном лишь на несколько секунд отвлек гномов от беседы.

— Я полагаю, любезнейший Георгий Лангустович, вам следует поискать соратников среди той разновидности человеческого сообщества, которое именуется «мальчишки». Книжки говорят, что именно среди них чаще всего встречаются личности, склонные к подобного рода поискам и в то же время ценящие друзей не в пример выше золотых сокровищ... «Дети капитана Гранта», «Приключения Тома Сойера», «Пятнадцатилетний капитан»... Правда, я слышал, что в последнее время таких становится все меньше, и не уверен, что вы сможете найти...

— Найти-то это... можно, — ласково затуманившись, вздохнул Гоша. — Да как же их брать на... это самое... на такое дело? Небось опасно. Такие хрупкие...

Владик и Максим искупались еще раз и поднялись от пляжа на обрыв. Максим гребешком приводил в порядок прическу. Белыми переулками ребята двинулись к дому.

— Смотри, опять эта нелепая надпись, — усмехнулся Максим. — Бедный Вася будто с цепи сорвался.

Угольная надпись «Здесь был Вася» криво чернела на заборе.

Владик сказал непонятно:

— Не он сорвался, а у него сорвалась. Цепь...

— У Васи?!

— Не у Васи, а вон... Разве не видишь?

У забора примостился Шурик с перевернутым тяжелым велосипедом. Сперва ребята прошли мимо, но теперь Владик стоял, оглядываясь. Шагнул назад.

— Ты куда?

— Я же говорю, у него цепь слетела...

— Ну и что?

— Как что? Один не натянет, машина вон какая взрослая...

— Да тебе-то что? Он же не тонет, не горит. Пусть привкает управляться сам!

— К чему тут привыкать-то? Что люди мимо идут и всем наплевать?

— Каждый должен вырабатывать в себе самостоятельность.

— Зачем?

— Для характера.

— Но он, может, не собирается в капитаны, — не сдержал досады Владик. И подошел к малышу. — Авария, что ли?

— Ну... Сегодня сплошь аварии. Уже три синяка и шишка...

— Давай натянем... Я надену на шестерню, а ты крути. Только осторожно, пальцы не суй под цепь...

Рядом оказался Максим. Не рассуждая больше о воспитании характера, деловито помог справиться с шестерней и цепью. Втроем они поставили велосипед на колеса.

— Спасибо... — буркнул Шурик.

— Большая машина. Наверно, отцовская? — заметил Максим.

— Чужая. Покататься дали до завтра...

— Ты осторожнее на спусках, — посоветовал Владик.

— Ага...

Владик глянул вверх.

— И жми скорее под какую-нибудь крышу! Смотри, что сейчас начнется!

Пока они шли от моря, пока возились с велосипедом, подкатила стремительная туча, проглотила солнце. Шурик глянул на нее через плечо, сказал «ой-я» и, вихляя, поехал прочь, под арку старинного водопровода.

— Давай вон туда, спрячемся! — быстро сказал Владик. — Сейчас знаешь какие грянут водопады!

Они помчались вверх по каменной лесенке и оказались у штабеля бетонных труб метрового диаметра. Забрались внутрь, выглянули. В это время сверкнуло, грохнуло, за-

бурлило. Струи ударили по асфальту, по плитам. Потоки воды заструились по стенам. На одной из них они смывали надпись «Здесь был Вася»...

Захваченные ливнем прохожие мчались, подгоняемые шквалом. Скачками двигался вертлявый шпион и подолом пиджака прикрывал голову. Несколько девушек бежали, стараясь накрыться единственным полиэтиленовым плащом. Бабушку с кошелкой волок за собой наполненный ветром зонт...

— Вот такие они, здешние шквалы, — с легкой гордостью сказал Владик. Он сидел, высунув из трубы ноги, и струи лупили по ним изо всех сил.

Максим забрался внутрь трубы и сел у другого конца, обхватив колени.

— Надолго эта стихия?! — крикнул он

— Может, на пять минут, а может, на час!..

— Час — это много. Есть хочется! — Максим перекричал нарастающий шум грозы.

— Тогда можно рвануть под дождем! Он не холодный!

— А если ударит молнией?! Не думай, я не боюсь, но какой смысл рисковать зря? Я в Москве однажды видел, как молния расколола столетнюю липу!

— Ну, тогда будем ждать!..

Владик оглянулся через плечо. Максим сидел внутри темного короткого туннеля на фоне светлого, сверкающего серебряными струями круга.

— Вот это да! Ты как инопланетянин, залетевший в телескоп. Подожди, я снимок сделаю!.. — Владик выхватил из пакета аппарат, стал наводить. Пакет, в котором остался Андрюшка, положил рядом с собой. Повернулся, встал на колени... Шелкнул, снова сел.

— Ой! Андрюшка где?

Желтый пластиковый пакет уносило вдоль улицы бурлящим потоком. Владик, не раздумывая, кинулся под ливень. Догнал пакет с зайцем, прижал к груди. Снова бро-

сился к убежищу. На полпути его схватил в охапку Максим. Помог забраться в трубу.

— Куда тебя потащило! — крикнул он.

— За Андрюшкой! Его чуть не унесло!.. А тебя-то куда?!

— За тобой! Тебя тоже чуть не унесло!

— Не выдумывай!

— Я не выдумываю! Со стороны виднее!

— Ничего себе свистит, да?! Есть такое кино — «Шторм на суше»! А если так вдарит в открытом море... Вот будет карусель! — вздрагивая, крикнул Владик.

— Может перевернуть?

— Килевую яхту не перевернет! А раздолбать может...

— А ты все же собираешься в рейс?!

— А ты?

— Мне бояться нельзя!

— А я, что ли, боюсь?! Что у тебя с ногой?!

Они сидели теперь рядом, высунув из трубы ноги. Промокшим, им было все равно. Струи смывали с колена Максима обильную кровь.

— Брякнулся о камень, когда прыгал!

— Очень больно?!

— Терпимо!

Владик, нагнувшись, глянул Максиму в лицо.

— Наверно, не очень терпимо... если даже слезинки... —

Он это без всякой насмешки сказал, с полным состраданием. Но Максим ощетинился:

— Какие слезинки! Это дождь! Я слезы никогда не пускаю!

— Никогда-никогда?!

— Я же говорил!

— А если боль нестерпимая?!

— Надо терпеть...

— А если... горе?

— Слезами горю не поможешь.

— Но бывает, что и удержаться нельзя... — сказал Владик.

Максим в ответ лишь двинул плечом. Возможно, и не расслышал в шуме грозы.

В бетонный канал стал задувать ветер.

— Прямо аэродинамическая труба! — проговорил Максим, дергая спиной.

— Слушай, тут недалеко городская библиотека! Давай добежим, все равно мокрые! Там в башенке живет Гоша, у него обсохнем!

— Что за Гоша?!

— Мой друг! Познакомишься! Это корабельный гном!

— Смеешься, да?!

— Бежим! Сам увидишь!

Владик дернул Максима за руку, и они опять нырнули в ливень. Максим хромал.

— Держись! — Владик подставил плечо.

Мокрые, дрожащие, они поднимались по винтовой лестнице. Медленно, потому что нога Максима сгибалась плохо.

— Скажи, ты про гнома это так, голову морочишь? — спросил, постукивая зубами, Максим.

— Ничего я тебе не морочу! Ты что, не слыхал про корабельных гномов? А еще в капитаны собрался! Раньше на каждом корабле был свой гном. И сейчас есть на некоторых. Особенно на парусных...

— Это сказки...

— Никакие не сказки!.. Гномы бывают разные. И чердачные, и подвальные, и вагонные, и водопроводные — это которые на водокачках. Но корабельные — самые известные. Про них даже книжки есть. Спроси Гошу, он тебе скажет...

Наконец добрались до дверцы, Владик постучал. Гоша распахнул дверь. Перепуганно открыл рот, раскинул руки.

— А-а-а... О-о-о.. Что такое делается! Кто же это... отпускает ребенков... то есть это... детей в такую погоду! Раздетых! Вы схватите это самое... ревматизм и пневмонию!

Суетясь и шлепая ногами, Гоша втащил мальчишек в комнатку.

— Это как же так можно! Мальчишкам вредно это... столько несоленой сырости! От пресной воды болеют и гномы, и это... люди... — Он схватил с полки два полотенца. — Ну-ка, это... снимайте все...

Владик и Максим послушно стянули с себя все, кроме плавок. Гоша сунул каждому полотенце, а сам принялся выжимать прямо на пол ребячью одежду. И при этом ворчал:

— Ай, как несерьезно. Вы же это... не это самое, не пресноводные лягушки... Это даже это... опасно... под таким несоленым дождем...

Ливень и гроза между тем бушевали за стенками башенки, ее встряхивало. Владик оглянулся на окно и сказал:

— Обыкновенный летний дождик...

— От пресных дождей бывает это... остеохондроз... Вытирайтесь как следует. И садитесь сюда... — Он подтолкнул их к раскладушке. — Вот вам это... одеяло... Сейчас я это...

Гоша развесил на подоконниках выжатую одежду, суетливо выдвинул из угла и включил обогреватель. Поставил на табурет электроплитку. Из ведра налил воду в большой мятый чайник, водрузил его на плитку... Мальчишки, закутавшись в одеяло, сидели на раскладушке. Иногда вздрагивали. Владик весело сказал:

— Гоша, а у тебя прибавилось имущества!

— Да! Мой... это... сосед, Рептилий Казимирыч... поделился, значит. Добрая душа... А утром еще из конторы прислали это самое... гуманитарную помощь... Потому как, говорят, вы это... пострадали при взрыве...

— Гошину шхуну вчера взорвали при киносъемке, он чуть не погиб, — сказал Владик Максиму. И спохватился: — Ой, я забыл познакомить! Гоша, это мой троюрод-

ный брат Максим... Максим, это Гоша, корабельный гном с «Кефали».

Благовоспитанный Максим откинул одеяло, встал, приветствовал Гошу английским поклоном. Они обменялись рукопожатиями.

— Очень это... приятно. Да... А я сперва подумал это самое... что у меня в глазах раздвоилось от испуга. Смотрю — два Владика... Сейчас я чайку...

Максим снова сел и при этом поморщился. Тронул колесо. Владик сразу спохватился:

— Ой, Гоша, Максим ногу разбил, смотри, до сих пор кровь идет. У тебя нет бинта и йода?

— Ай! Где?... Ой-ей-ей... У меня нету. Я это... сейчас попрошу у Казимирыча. У него все есть... Смотрите, чтобы чайник не сбежал... — Гоша бросился за дверь. Слышно было, как заухали на ступеньках его тяжелые ступни.

— Ну вот, а ты не верил, — сказал Владик. — «Не бывает корабельных гномов»...

— А может быть, он просто карлик...

— Ох, ты и скажешь! Карлики в цирках выступают, а не на парусниках живут... — Владик встал, вытащил из пакета Андрюшку и усадил перед обогревателем. — Тоже промок, бедняга...

— Выключи чайник, — попросил Максим. — Вскипел уже...

Владик выключил. Оглянулся. Максим снова трогал ногу и морщился.

— Сильно болит, да?

— Это не имеет значения, — сказал Максим.

Вернулся Гоша — с коричневым флаконом и белым мотком. Так и этак примерился к Максиму.

— Я... это... не знаю, как и подступиться... Мальчишки такие хрупкие...

— Не волнуйтесь, пожалуйста, я сам... — Максим бесстрашно смазал ссадину смоченным в йоде марлевым там-

поном, ловко забинтовал колено. — Большое спасибо. Теперь все в порядке...

— Сейчас мы чаек... Вот... — Гоша достал с полки фаянсовые кружки и заварку... — А себе я вскипячу отдельно. Корабельные гномы, они это... пьют чай только из морской воды... — И он взял из угла зеленую трехлитровую бутыль...

Гроза прекратилась так же неожиданно, как налетала. По стеклам заструилось веселое солнце.

У пирса яхт-клуба, который блестел стеклами иллюминаторов и щетинился множеством мачт, стояла вымытая дождем новая яхта «Кречет».

В каюте «Кречета» завершалась сделка. Капитан Ставридкин и старпом Сидоропуло — с одной стороны, представители продавца и покупателя (два деловых человека в строгих костюмах) — с другой.

Представитель покупателя подвел итог:

— Итак, все условия оговорены и выверены. Вы, капитан Ставридкин, совместно с вашим экипажем беретесь в течение семи суток, начиная с семи часов завтрашнего дня, доставить яхту «Кречет» в порт Византийск и передать ее представителям заказчика. Выплата вознаграждения будет произведена незамедлительно после подписания акта о приемке. При этом вы и экипаж несете ответственность за сохранность судна и сроки выполнения заказа.

— Несем, несем, — отозвался за капитана старпом Жора. — Только со сроками может быть всякое. Вот, скажем, если плюнет с зюйд-оста, как недавно, может начаться такая заваруха. Клянусь дедушкой, в нашем море бывает всякое...

— Но сроки в контракте определены именно с учетом «всякого», — бесстрастно возразил деловой человек.

— Ладно, подписываем, — решил капитан Ставридкин. Он и два представителя поставили на бумагах свои подписи.

— Я надеюсь, все будет исполнено точно и в срок, — официально провозгласил представитель покупателя.

— Я тоже надеюсь, — столь же официально откликнулся капитан. А Жора незаметно постучал согнутым пальцем по деревянной обшивке каюты.

Представитель покупателя вынул сотовый телефон. Понажимал кнопки.

— Господин Бамбинус? Добрый день. Спешу поставить вас в известность, что завтра утром «Кречет» выходит в Византийск. Благодарю вас, передам... Господин капитан, глава нашей фирмы желает вам благополучного плавания.

— А мы ему желаем всякого процветания, — слегка сумрачно сказал капитан Ставридкин.

Максим допил чай, поднялся с раскладушки, шагнул к столу, чтобы поставить кружку. При этом опять захромал и поморщился.

— Все еще болит? Ай... — перепугался Гоша.

— Пустяки...

— Это он из-за меня, — сокрушенно признался Владик. — Меня он сегодня героически спасал два раза. Один раз, когда я чуть не утопил очки, а потом — когда меня чуть не смыло в водосток...

Гоша воспринял эти слова совершенно всерьез.

— Как спасал? Как утопил? Куда смыло?

— Он шутит, — снисходительно объяснил Максим.

— Вовсе не шучу. Поэтому ты и пострадал...

Гоша наклонил голову и вцепился в бороду. Большущими синими глазами вгляделся в лицо Максима.

— Да... это самое... Значит, у тебя, как у Владика, тоже... это... чистое и смелое сердце...

— Да что вы... — кажется, первый раз немного смутился Максим. — Не знаю, как у Владика, а у меня... Мне порой говорят, что я изрядный эгоист...

— Нет-нет... Эгоист это... не будет рисковать собой...

— Да какой там риск! Просто случайность... — Максим

снова потрогал бинт на ноге. — Лишь бы не распухло. А то дядя Степа вдруг скажет: «Нельзя с большой ногой в рейс»...

— А... это... в какой рейс? — насторожился Гоша.

Максим обеспокоенно глянул на Владика: может, не следовало болтать?

Но тот радостно сообщил:

— Да, я забыл сказать! Мы завтра уходим в плавание! Папа перегоняет яхту «Кречет» в Византийск и берет нас с собой!

— «Кречет»? — подскочил Гоша (что при его сложении было несколько необычно). — Не может... это... такое быть.

— Гоша, это ведь не клипер, а яхта!

— Все равно... все равно... — Гоша взволнованно зашлепал из угла в угол... — Да... то есть это самое, нет... То есть... нет-нет... Какой я старый это... дурень...

— Гоша! Что ты хочешь сказать? Говори! — заволновался Владик.

— Нет-нет... Это была... да... то есть нет... это самое, бредовая мысль...

— Гоша!..

— Мне пришло в голову... но это просто так, не всерьез... если бы я мог... это... оказаться там, на яхте... Но нет...

— А, понимаю! — осенило Владика. — Ты хочешь оказаться на «Кречете»? Пускай и не на прежнем, но все равно, да? Хочешь снова отправиться в море, чтобы поскорее закончить поэму?

— Что?.. Да-да... в море. И... это... вместе с вами... Такая удача... Но это самое...

Владик снятыми очками заскреб затылок.

— Я не знаю, согласится ли папа...

— Папе это... незачем было бы соглашаться. Гномы умеют быть на судне совсем невидимыми. Иногда они это... плавали по тридцать лет, и никто их не замечал. И не надо ни воды, ни пищи, только это... крохотный уголок...

Но нет-нет... Я не могу доставлять вам таких это... хлопот...

— Гоша! Значит, главная трудность — пробраться на яхту?

— Э... это не трудность. Я мог бы... это самое... забраться в свой сундучок, а вы пронесли бы его. Будто со своими вещами. Но нет...

— Но вы же не поместитесь в сундучке. Хотя вы и не очень большого роста, но он-то еще меньше, — осторожно сказал Максим.

— Это не это... не проблема! Корабельные гномы могут устраиваться в любых... это... емкостях... Вот смотрите...

Гоша откинул горбатую крышку старинного черного сундучка, непостижимым образом проник в него и захлопнул крышку над собой. Потом крышка откинулась снова. Над сундучком возникла Гошина голова со всклокоченной бородой.

— Вот... Но это... я не это... Я...

— Ну-ка, закрой снова, — деловито велел Владик. Крышка захлопнулась опять. Владик взялся за боковую ручку и кивнул Максиму, чтобы тот взялся за другую.

— Попробуем...

Максим, припадая на забинтованную ногу, послушался. Они приподняли сундучок и чуть не уронили от тяжести.

— Далеко мы его не унесем... — сказал Максим. А когда снова показалась Гошина голова, он разъяснил: — Извините, вы хотя и уменьшились, а вес все равно немалый...

— Да, корабельные гномы, они это... тяжеловаты...

— Сделаем так, — решил Владик. — Ты, Гоша, придешь с сундучком к старой трансформаторной будке недалеко от проходной яхт-клуба. Там есть незаметное место, впадина в стене. В ней нас дождешься. А уж через проходную и по трапу мы тебя как-нибудь дотащим. И местечко на яхте подберем заранее...

— Да, но я... это...

— Не спорь! Ты ведь хочешь дописать поэму о «Кречете»?

Гоша по очереди посмотрел на мальчишек.

— У вас... это самое... благородные и чистые сердца...

Когда Владик и Максим в просохшей, хотя и мятой, одежде вышли из библиотеки на сверкающую после ливня улицу, Гоша махал им с балкончика башенки.

— Это... до вечера!

— До вечера, Гоша! — Владик помахал Андрюшкой.

Максим вежливо пошевелил над плечом ладонью.

Они двинулись по улице и почти сразу увидели на стене дома размытую надпись: «Здесь был Вася!»

— Опять! — сказал Максим.

— Да наплевать, — сказал Владик.

— По правде говоря, я не понимаю, зачем это надо, — прихрамывая, сказал Максим.

— Просто какой-то бездельник развлекается...

— Я не про Васю. Я про Гошу... Зачем нужно тащить его на яхту? Какая нам от этого польза?

Владик замедлил шаги.

— Нам? Ну... может, и никакой. Это ему польза! Он сочиняет морскую поэму! Ему нужны... эти самые... впечатления!

— Ты заговорил, как он, — хмыкнул Максим.

— Ну и что?

— А его поэма кому-нибудь нужна? Кроме его самого? Сейчас вообще никто не читает стихов...

Владик сунул пакет с Андрюшкой под мышку. Сдвинул аппарат на спине за спину. Остановился перед Максимом. Сунул кулаки в тесные карманы — так, что шорты сморщились и перекошились

— Слушай! Тебе правда говорили, что ты эгоист?

Максим не растерялся. Ответил холодно:

— Случалось. А что?

— Интересно, кто говорил...

— Чаще всего родители. А что?

— И как ты им возражал?

— А я не возражал. Я говорил, что весь в них... — Максим обошел Владика и, по-прежнему хромя, пошел, аккуратно обходя лужи.

Владик смотрел вслед. Он понимал, что случилась наконец настоящая ссора...

Но разгореться ссоре не дали. Поблизости грянул оркестр. Толпа в самых фантастических костюмах показалась из-за угла. Сверкали и пели трубы, ухали барабаны, кувыркались акробаты, махали картонным оружием пираты, индейцы и рыцари...

Максим оглянулся на Владика:

— Что это?

— Наверно, репетиция! Сегодня вечером начинается Приморский летний карнавал! — Владик был рад, что ссору можно не продолжать.

Среди толпы медленно двигалась платформа на колесах. На ней приплясывали клоуны. Один из них упустил воздушный шарик с привязанным грузом. Шарик радостно взмыл в высоту, клоун картинно зарыдал. Длинный дядька в высокой черной шляпе и лоскутной безрукавке выдернул из-за пояса большущий пистолет старинного вида, покидал его из ладони в ладонь, красиво прицелился. Пистолет грохнул, как пушка. Шарик лопнул. Коробочка, висевшая под ним, раскрылась, из нее посыпались конфеты. Ребятишки в толпе радостно запрыгали...

— Охохито, бездельник! — раздался среди зрителей знакомый Владику голос. — Чем ты занимаешься! Ты должен быть на яхте и готовить ее к плаванию, а вместо этого развлекаешь ряженных тунеядцев! Клянусь дедушкой, я разжалую тебя из матросов в самые младшие юнги.

— Господин старший помощник! Это я только на минутку! По пути!

— Чтобы ты сию же минуту мчался на судно с той же скоростью, что пуля из твоего ржавого музейного оружия!

Стрелок со странным именем Охохито прыгнул с платформы и помчался.

— Здравсте, дядя Жора! — радостно приветствовал старпома Владик. — Это Максим. Он идет с нами в рейс. Папа вам говорил?

Максим сдвинул пятки и наклонил голову. Эта английская вежливость, однако, не произвела на Жору большого впечатления.

— Что из того, что Максим? Что из того, что папа мне говорил? Папа на своем месте! Папа готовится к рейсу. А эти мальчишки, вместо того чтобы укладывать пожитки и слушать последние наставления мамы, гуляют по городу, глазают на таких же бездельников, как они сами, и спокойно говорят Жоре «здравсте»! Куда мы приплывем с такой корабельной дисциплиной? Клянусь памятью бабушки, совсем не туда, куда собираемся, а наоборот! Брысь!

Владик засмеялся и потянул Максима за собой.

Следом за ними выбрался из толпы вертлявый шпион. Укрывшись за рекламной тумбой, он достал телефон...

— Алло, шеф... Все идет как надо. Они сговорились. Не забудьте о надбавке... Давно бы так... На этом позвольте мне считать свою миссию законченной... Что? Нет, шеф, такого уговора не было, я человек сухопутный. На яхту назначайте другого. И, пожалуйста, предупредите вашего казначея... Как о чем? Я о надбавке! Благодарю вас... — Он любовно погладил телефон, спрятал под пиджак и двинулся вдоль улицы с видом беззаботного гуляки.

Покупатель яхты, похожий на пожилого турка господин Бамбинус в своем офисе, в Византийске, отчитал по телефону какого-то нерадивого помощника: «Вах, дорогой, если вы до завтра не продадите эти акции, я переведу вас на должность младшего садовника. Или дворника. Вот так...» И положил трубку. Но почти сразу раздался мелодичный сигнал.

— Ну, что еще?

В трубке послышался голос, в котором смешивались почтительность и развязность:

— Майн герр Бамбинус? Моя служба докладывает: завтра утром они снимаются с якоря.

— Мне это известно...

— Но вам еще неизвестно, что гном уговорил мальчишек взять его с собой...

— Какое мне до этого дело, дорогой! — слегка взвинулся старый миллионер. — Меня не интересуют ваши дурацкие игры в поиски кладов! У меня достаточно капитала! Мне нужна яхта! Если с ней что-то случится по вашей вине, вы закончите дни в тюрьме на острове Нью-Бульба!

— Но ведь гном-то как раз способствует безопасности яхты. Если на судне есть корабельный гном, благополучный рейс гарантирован, хе-хе. Так что с вас, сударь, не большой процент...

Владик и Максим укладывали имущество в походные сумки. Максим был уже без бинта, лишь с нашлапкой из лейкопластыря на колене. Мама объясняла сыну и гостю, как себя вести в плавании:

— Будьте все время в спасательных жилетах...

— Хорошо, мамочка.

— Если станет прохладно, наденьте свитера...

— Обязательно, тетя Оля.

— Не вздумайте купаться с борта...

— Мама, нам никто и не даст!

— Владик, не снимай там очки...

— Я их утоплю... — буркнул Владик.

— Что?

— Я говорю: ни за что не сниму! Даже ночью!

— Ох и болтун...

Владик поверх имущества уложил в сумку Андрюшку.

— Ма-а... Мы пошли!

— Куда! Еще рано!.. А может быть, вам лучше переночевать дома?

— Ну что ты! Должны же мы помочь готовиться к плаванью.

— Да, тетя Оля. Нехорошо, если мы станем вести себя как пассажиры.

— Ну... ступайте. Как это говорят? «Три фута под килем»?

— Лучше семь, — снисходительно поправил Максим.

— Хорошо, хорошо. Пусть семь, мне не жалко... — Она обняла Владика, поцеловала в лоб Максима. А когда они нетерпеливо выскочили за дверь, подошла к окну. Потом помахала из окна путешественникам, которые перешли через дорогу. И вернулась к столу. Там лежала пухлая папка с надписью «Дипломный проект»...

Когда за окошками стали синеть сумерки, Гоша заправил одеялом раскладушку, убрал на полку посуду, присел на свой черный сундучок, подпер пятерней щеку.

— Ох, как-то это... не совсем хорошо... Но, наверно, это самое... судьба...

Он встал, решительно ухватил сундучок под мышку и покинул библиотечную каютку.

Гоша выбрался на улицу, надеясь в сумерках незаметно добраться до назначенного места. Но не тут-то было! Улицы заполняли многочисленные пестро одетые участники карнавала. Чем дальше — тем больше. Гоша сам не понял, как оказался в гуще праздничной толпы.

Он неловко протискивался.

— Простите, пожалуйста... Позвольте это... пройти... Ай! — Ему наступили на босую ногу. — Извините, я это... очень спешу...

— Мальчик, ты куда?! Тебя затопчут!.. Смотрите, какой забавный мальчик! Нарядился корабельным гномом!.. — Гоше все чаще загоразивали дорогу любопытные. — Вот это да! И старинный морской сундучок! Мальчик, ты где его взял?.. Я такой только в таверне дядюшки Юферса видел!..

— Извините, я не мальчик... Я это... очень горюлюсь... Ай...

— Смотрите, какие у него резиновые лапы! Пусть он станцует! — Сильные руки подхватили Гошу и поставили на край платформы, где резвились танцоры и музыканты.

— Я... это самое... не умею танцевать... я... мне надо идти...

— Ну прямо настоящий корабельный гном! Как на картинке в книжке «Морские легенды»!

— Надо ему дать премию за костюм!

— Надо! Только пусть снимет маску! Мальчик, сними!

— Нет-нет... Я это... мне нельзя.

— Ну, не хочет — не надо!

— Если не хочет танцевать, пускай хоть стихи прочитает! Ради премии!..

— Я не... это... Ну ладно! — Гоша понял, что так просто отсюда не выбраться, и от отчаянья осмелел. — Ну, это... хорошо!

Гоша вспрыгнул на сундучок и встал в позу декламатора.

— Называется «Про меня»...

Начиная читать свои стихи, Гоша быстро избавлялся от робости, его охватывало вдохновение. И он принялся декламировать с легким поэтическим подвыванием:

Ну, вот я — корабельный гном!
Да, старый я — никто не спорит,
Но все ж мечтаю об одном:
Чтоб снова оказаться в море!

Чтоб снова — ветер в стакселя,
Чтоб кровь соленая — по венам.
И чтобы, душу веселя,
Мой клипер мчался среди пены!

Увы, напрасные мечты,
Никто им сбывться не поможет.
И только звезды с высоты
Мне тихо шепчут: «Ну а все же...»

Толпа бурно заплодировала. Одетая в старинное испанское платье толстая дама вручила Гоше коробку:

— Вот тебе, мальчик, приз. Плеер с кассетой старинных пиратских песен. Положи в сундучок... Да не прищепи крышкой бороду, а то отклеится... Вот так... Жаль, что не хочешь снять маску, ты, наверно, очень славный. А кто написал эти стихи?

— Это самое.. я сам написал... Извините. Мне пора... — Гоша стал пробираться к задней части эстрады. Впрочем, на него уже не обращали внимания. На передний план выступила эстрадная группа во флибустьерских костюмах.

— Новая старинная пиратская песня «Черный сундучок»!

Грянула музыка. Песня оказалась достаточно зловецей:

Стало море злее и угрюмей,
ребята,
Плюньте через левое плечо.
Что везем мы в нашем темном трюме,
ребята?
Только черный, только черный сундучок —
И молчок...

Гоша с сундучком кубарем скатился по лесенке с тыльной стороны платформы. Постонал, держась за спину:

— Это... ох... поясница... Будто под пресный дождь попал...

Он заковылял и увидел маленького велосипедиста.

— Мальчик... Ты ведь это... мальчик, не правда ли?

— А кто еще? Директор школы, что ли? — звонко отозвался уже знакомый нам Шурик.

— Это самое... ты не мог бы мне помочь?

— А чего? Давай!.. Ты корабельный гном, да?

— Я это... да. Довези меня до кирпичной будки у яхт-клуба... Если можно... А то у меня это... остеохондроз...

— Ладно!

Он помог Гоше устроиться. Тот лег на багажник животом, свесив с одной стороны могучие ступни, а с другой —

руки с сундучком (песня о черном сундучке между тем все еще звучала неподалеку). Малыш встал на педаль, сунул ногу под раму.

— Ты, гном, держись крепче, а то оба загремим. У меня за сегодня пять синяков и три шишки... — Он был не очень воспитанный, но добрая душа.

Вихляя и напугав на пути нескольких участников маскарада, мальчик покатил по тропинке.

— Ох ты и тяжелый, гном! Маленький, а сколько в тебе весу...

— Если тебе трудно, я это... сойду...

— Да ладно, лежи...

С дребезжаньем старый велосипед подкатил к будке. Из-за нее выскочили Владик и Максим.

— Гоша! — возликовал Владик. — Мы уже заждались!

— Нас еле отпустили с яхты на берег, — сказал Максим. — «Кречет» должны сейчас отвести от пирса и ошвартовать у бочки.

— Я это... застрял в карнавале... ох...

Ему помогли встать. Владик узнал велосипедиста.

— А, это ты! Привет! Все еще ездешь! Не устал?

— Шас поеду отдавать машину хозяевам. Пора уже...

— Спасибо тебе.

— Ладно. Пока... — И Шурик с лязганьем укатил. Ему помахали вслед. Гоша махал, держась одной рукой за поясницу. Потом, кряхтя, поднял крышку.

— Я это... пошел туда...

— Давай! — сказал Владик.

Крышка захлопнулась. Владик и Максим ухватили сундучок за ручки.

— О-го-го... — заметил Максим.

— Ага... Помнишь, как в передаче про Юрия Никулина? «Весело взяли, весело понесли»...

И они потащили сундучок, выгибаясь от тяжести.

В проходной они сказали вахтенному:

— Мы на «Кречет»...

— Да знаю, знаю... Что это у вас за сундук?
 — Мама уложила продукты, — нашелся Владик. — Запасы на весь рейс.
 — Тяжелый, видать? Давайте помогу...
 — Вам же нельзя оставлять вахту, — напомнил Максим, чтивший морские правила.
 — Да ладно. Здесь не военная база... — Дядька ухватил сундучок за ручку на крышке, поднял, крякнул и понес от проходной к пирсу. Ребята обрадованно заспешили за ним. А позади у них, воспользовавшись отсутствием вахтенного, проникла через будку непонятная, плохо различимая фигура...

Владик и Максим втащили сундучок в отведенный им крохотный носовой кубрик с узкими койками друг над другом. В это время снаружи раздался раздраженный голос капитана Ставридкина:

— Где юные обормоты? Все еще не вернулись с берега? Нет, я точно уйду сейчас к бочке, а они пусть топают с берега домой! Позвоню жене...

— Папа, мы здесь! — закричал Владик.

— Наконец-то! — Капитан Ставридкин спустился в кубрик. — Где вас носило?... А это что за сундук?

— Это подарок, — заспешил Владик. — Гоша нам подарил. Говорит, раз вы идете в море, значит, вот вам это самое... матросский сундучок. На память...

Появился старпом Жора.

— Старинная вещь. Клянусь дедушкой, ему лет двести. Раньше такие сундучки были у парусных матросов.

— Да, — согласился капитан. — Они переходили по наследству. И каждый владелец писал на внутренней стороне крышки свое имя... Ну-ка, много там имен?

— Да нет ни одного! Правда! — перепуганно поклялся Владик.

— Не может быть. Наверно, они просто стертые, незаметные. Давайте посмотрим.

— Папа, не надо... — слабым голосом сказал Владик.

— Так и почему же не посмотреть, если папа сказал! — вмешался Жора. — Что у вас там, контрабанда? Какие упрямые мальчишки. Клянусь дедушкой, я никогда не был таким!.. — Он взялся за щеколду. Владик и Максим смотрели друг на друга отчаянными глазами...

Трах! — раздалось снаружи. Ба-бах!!

— Что такое?! Клянусь дедушкой, это террористы! — Жора вылетел из кубрика. Капитан за ним. А следом — и перепуганные ребята: вдруг правда нападение?

Нападения не было. По акватории двигались украшенные, освещенные фонариками шлюпки. Сверкал фейерверк, взлетали ракеты. На носу ближней шлюпки вскочил пестро одетый парень с гитарой и микрофоном, ударил по струнам.

Стало море злее и угрюмей,
 ребята!

Плюньте через левое плечо!

Что везем мы в нашем темном трюме,
 ребята?

Только черный, только черный сундучок —
 И молчок!

— Чтоб вас акулы съели с вашим карнавалом, — в сердцах пожелал веселой компании пришедший в себя капитан. — Жора, пусть запускают двигатель, уходим от греха подальше на бочку номер четыре!.. Макарони!.. Прошу прощения, Виктор! Отдавайте швартовы!..

Ребята быстро скользнули назад, в кубрик. Но им опять помешали. Следом скатился круглый добродушный дядюшка Юферс.

— Эй, юнги! Капитан зовет к себе!

— Дядя Юферс, скажите, мы сейчас! Через минуту!

— Какая минута! Капитан велел немедленно! Давайте, давайте! — Он сгреб мальчишек за спину, подтолкнул к трапу.

Яхта уже отошла от причала, постукивал мотор. Песня о сундучке звучала в отдалении.

Капитан держал сотовый телефон.

— Мама звонит. Хочет что-то сказать напоследок... Слава богу, телефон у нас не отключили, я успел с оплатой.

Владик схватил трубку.

— Мам! Ну да, я! Да! Ну ты же уже всё пожелала! Да! Буду... Целую... На! — Он сунул трубку Максиму, а сам опять кинулся в кубрик.

Никого здесь теперь не было. Он постучал в крышку:

— Гоша! Вылезешь и сразу давай под койку. Мы тебе там постелили резиновые жилеты... — Он дернул щеколду, откинул крышку...

Сундучок был пуст...

Несколько секунд Владик обалдело смотрел в деревянное нутро. Сзади возник Максим. Выдохнул:

— Где он?

— Понятия не имею...

— Выбрался уже?

— Как? Замок был защелкнут... Гоша... Го-ша... Где ты?

Заглянули под койку. Пусто. Сели на палубу, потерянно глядя друг на друга. Привязанный ушами к коечной стойке, сочувственно смотрел на ребят заяц Андрюшка. Владик с последней надеждой тихо простонал:

— Андрюшка, где Гоша?

И тогда отдернулась клеенчатая шторка незаметного крошечного рундучка, высунулась косматая голова.

— Тс-с... Я это самое... здесь...

— Ох... — сказал Максим и помотал головой.

— Гоша... — шепотом простонал Владик. — Как ты...

— Это господин Юферс. Он остался после вас, я это... узнал его по голосу. И позвал... Он меня это... выпустил и помог... Мы старые знакомые, он нас не выдаст...

Ребята помогли Гоше перебраться из рундучка под койку, на мягкие надувные жилеты.

— Ох, здесь это... чудесно... Полежу, и поясница пройдет. А вы идите на палубу, смотрите на праздник... Вы это

самое... за меня не бойтесь. Только не закрывайте дверь, я песню послушаю. Очень это... чувствительная...

Мальчики снова оказались на палубе. Над водой продолжали взлетать ракеты. Продолжалась и усиленная динамиком песня:

Ох, боюсь, поглотит нас пучина,
ребята,
Не сидеть нам больше в кабачке.
Кто-то (ох!) совсем не без причины,
ребята,
Воет там при каждом при качке —
В сундучке...

Песня была зловещая, но было совсем не страшно, празднично...

3. СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ

Ребята проснулись одновременно, посмотрели друг на друга. В иллюминаторе плескались голубые и солнечные отблески. Кубрик покачивало.

— Доброе утро, — джентльменским тоном сказал Максим.

— Ага, доброе... — отозвался Владик и улыбнулся привязанному за уши зайцу. — Андрюшка, привет... Ой, а как там Гоша? — Он перегнулся через край койки, заглянул под нее: — Гоша, как ты там?

— Я это... в полном порядке. Только я немножко это самое... еще посплю. Я почти до утра сочинял пятую главу поэмы. Называется «Летучие рыбы»...

— Сочинил?

— Сочинил. Это... почти... Мне бы это самое... хорошую рифму к слову «рыбы»...

— «Поры бы...»

— А... какие «порыбы»?

— «С давней поры бы»... Или что-то такое.

— А! Это... Вот...

И очень хотелось, чтоб с этой поры бы
 Мой «Кречет» со мной был всегда,
 И мчались, как птицы, летучие рыбы,
 И билась у борта вода...

Ну, это... как?

— Во! — Владик, извернувшись, показал Гоше большой палец.

— Вполне профессионально, — вежливо заметил Максим.

— Ты же не любишь стихи, — не удержался, поддел его Владик.

— Да, но по литературе у меня пятерка... — Максим спустил с койки ноги, повертел головой. — Кажется, мы в открытом море... Но почему так тихо?

— Рано еще, все спят...

— Рулевой не может спать, — строго заметил Максим, — он на вахте...

— Но не песни же ему петь, — хмыкнул Владик.

И в эту минуту снаружи послышался бодрый песенный куплет:

Отчего так ёкнуло в печенке
 И ползут (ох!) по спине мурашки?
 Это кто же там сидит в бочонке —
 Весь такой мохнатенький и страшный?

Затем раздался жалобный голос:

— Педро, прекрати орать такие песни, это дурная примета...

— Не робей, Макарони, держи заданный курс! А с дурными приметами мы разделаемся так... — И ба-бах! Это грянул оглушительный выстрел. Владик и Максим кинулись к трапу, ведущему на палубу. Владик вернулся, схватил Андрюшку и опять бросился наверх.

На палубе длинный носатый матрос в высокой шляпе деловито продувал старинный пистолет. Увидев ребят, он раскинул руки и радостно возгласил:

— Салют, мучачос!.. То есть привет вам, юнги! Поскольку «мучачос» по-испански «мальчики».

— Здравствуйте. Вы испанец? — удивился Максим.

— Нет, но моим предком в семнадцатом веке был знаменитый флибустьер Педро Бальтазар де Керосина! Этот пистолет достался мне от него в наследство. С тех пор я собираю коллекцию старинного оружия. Я и в этот рейс пошел, чтобы побывать на южных антикварных рынках!

— Мы вас видели на карнавале, — вспомнил Максим. — Вы очень метко подстрелили шарик... — Максим говорил это и в то же время оглядывал синий простор, кое-где пересыпанный белыми гребешками: море интересовало его больше пистолета.

Но потомок флибустьера живо отозвался на мальчишкины слова:

— О да! Это для меня пустяк! Недаром меня, Петра Вревкина, прозвали Охохито, что означает «Меткий глаз».

— А кто вас так прозвал? — рассеянно поинтересовался Максим, осматривая горизонт, судно и туго надутые грот и стаксель.

— Я сам и прозвал, кто же еще!.. — сообщил Охохито, умело перезаряжая пистолет. — Подбросьте-ка повыше эту жестянку... — он протянул ребятам пустую консервную банку.

— Дайте я! — сунулся вперед Владик (потому что Максим не очень охотно прореагировал на просьбу). Он схватил банку и приготовился. — Андрюшка, смотри...

Яхту покачивало, приходилось балансировать, но Владика, когда он был с Андрюшкой, качка не смущала. Он попрочнее расставил ноги и приготовился швырнуть мисень.

Отчего так ёкнуло в печенке
 И бегут (ох!) по спине мурашки... —

снова пропел потомок Педро Бальтазара де Керосины. И спросил:

— Готов, мучачо?

— Готов!

— «Это кто же там сидит в бочонке...» Давай!

Владик ловко запустил банку в небесную синеву. Пистолет бухнул, выбросив круглое облако дыма. Пробитая банка закувыркалась. Владик заплодировал Андрюшкиными лапами...

Максим в это время был уже на корме, у штурвала, который держал Макарони. Вежливо, но настойчиво будущий капитан вникал в детали корабельного дела:

— Скажите, а какой марки компас?

— Наш родной, стодвадцатисемимиллиметровый, — довольно охотно отвечал Макарони. — Самая надежная система...

— А это магнитные компенсаторы? Для устранения девиации?

— Для ее самой... Только она не устранилась, если Педро будет голосить свои песни про призраков. В море ими можно накликать беду...

— А какой курс? — Максим вытянул шею к нактоузу. — А! Семьдесят девять градусов, ост-тень-норд...

— Разбираешься... — с уважением заметил Макарони.

— А можно я подержу штурвал?

— Ну, попробуй...

Максим, обмирая в душе от того, что сбывается мечта, взялся за обод рулевого колеса.

— Я чуть-чуть повожу на курсе? Попробую...

— Ну, чуть-чуть... Только не вздумай свистеть за рулем, это скверная примета...

— Что вы, я не буду...

Бах! — раздался в это время еще один выстрел. Владик снова аплодировал Андрюшкиными лапами, Охохито с довольным видом продувал свой реликтовый пистолет, а в воздухе, кувыркаясь, летела вниз еще одна пробитая жестянка.

— Здорово! — радовался Владик. — Охохито, я сейчас принесу аппарат и сниму вас! Можно?

Охохито принял горделивый вид, но тут же озабоченно съезжил плечи и стал толкать пистолет за широкий пояс. Потому что раздался голос старпома Жоры:

— Это что же творится на судне с самого утра? Если мне кто-то скажет, что это порядок, так я скажу, что совсем даже кавардак! В честь какого праздника пальба? Охохито, почему ты нарушаешь тишину мирного утра и засоряешь водоем ржавыми жестянками, вместо того чтобы привести в порядок рундук с запасными парусами, как я велел?.. Клянусь дедушкой, я тебя высажу в первом порту!.. Ну-ка, дай я тоже выстрелю...

Но он не успел. Появился на палубе капитан Ставридин, который тут же устроил разнос со своей стороны:

— Что здесь происходит? Это яхта или пиратская посудина с пьяной командой? Что за экипажем наградил меня Господь? Один — внук контрабандиста, другой — потомок испанского разбойника!.. Виктор, почему стаксель дергается у передней шкаторины, как от щекотки? Увалитесь!..

Макарони поспешно перехватил у Максима штурвал.

— Почему юнги скачут по палубе в голом виде и без спасательных жилетов? — продолжал наводить порядок капитан. — Старпом! Позаботьтесь, чтобы мальчишки не болтались без дела!..

Жора строго глянул на Владика и подбежавшего Максима:

— Пять минут на одевание-умывание! Пятнадцать минут на завтрак у дядюшки Юферса! Потом занятия по навигации и такелажному делу!

— Есть! — хором отозвались оба и скатились в кубрик.

Владик первым делом заглянул под койку.

— Гоша, ты как?

— Очень это... славно...

— Вечером мы потихоньку выведем тебя на палубу. А сейчас принесем завтрак.

— На палубу это самое... хорошо... А завтрак не надо,

корабельные гномы могут без еды сколько угодно. Только принесите это... бутылочку морской воды...

— А я уже стоял у руля, — натягивая шорты и рубашку, сообщил Максим.

— Ага... Недаром стаксель заполоскал, — не удержался Владик.

— Потому что держать судно на курсе — это не жестианки бросать, — не остался в долгу Максим.

— Мальчики, это... не ссорьтесь. У вас же это самое... добрые сердца, — подал голос из-под койки Гоша.

— А мы и не ссоримся, — сообщил Максим. — Мы полемизируем... — Он потрогал присохший к колену пластырь и поморщился.

— Болит? — примирительно спросил Владик.

— Не болит, а *досадливо напоминает*...

Они завтракали в крошечном камбузе, заботу о котором (кроме боцманских обязанностей) взял на себя дядюшка Юферс.

Ребята выскребали из мисок кашу, а дядюшка поучал:

— Сегодня вас не стали будить, потому как вчера был хлопотный день. А с нынешнего момента начнется флотская дисциплина. Море, оно, как известно, беспорядка не любит...

— Это естественно, — согласился Максим.

Владик провел по воздуху освободившейся миской.

— Смотрите, летающая тарелка...

— Не балуйся, юнга, — погрозил толстым пальцем старый боцман. — Да... А про летающие тарелки рассказывал мне в «Долбленой тыкве» ирландский шкипер Гарри Большая Кружка. У них на барке «Лизелотта» служил плотником один чудак, Бобби Думмер. И вот, когда Бобби был еще подшкипером на «Мавритании», туда из облаков спустился на полубак пятиметровый металлический таз с иллюминаторами и тремя ногами... Впрочем, ладно, после рассказа...

— Вероятно, эта история из той книги, которую вы написали? — осведомился Максим.

— Из нее... Написал и продолжаю писать. Да какой прок? Никто не хочет печатать. Всем нужны только детективы да всякая фантастика. Правдивую литературу не желают издавать. Разве что за деньги автора, а откуда они у меня? Пенсии не хватает даже на табак... — Дядюшка вытащил табакерку, насыпал на согнутый палец щепотку, втянул ее ноздрей, подышал, раздулся и чихнул так, что с полок посыпались сковородки.

— Ой! Даже Андрюшка подскочил, — уважительно сказал Владик и поправил сидевшего на его колене зайца.

— Это пустяки, — скромно сообщил дядюшка Юферс и вытер клетчатый платком нос. — Вот наш общий друг Георгий Лангустыч, когда нюхал табак, чихал, как мортира, стекла вылетали. Хорошо, что бросил. А то нынче его бы вмиг обнаружили на яхте... Кстати, как он там у вас?

— Сочиняет под койкой поэму, — объяснил Максим.

— Ой, дядюшка Юферс, у вас найдется какая-нибудь фляжка? — вспомнил Владик. — Гоша просил морской воды...

— Как не найтись... А лучше я Гошу переселю сюда. Здесь за плитой такой закуток, что никто не заметит. И вдвоем веселее, вспомним старину...

— Вот это правильно! — обрадовался Владик.

Владик и Максим поднялись на палубу.

— Спасательные жилеты в рундуке на баке, — напомнил встретившийся старпом Жора. — А потом займемся курсами и галсами относительно ветра. Потому как на паруснике идете...

Гигантские паруса над головами были просвечены солнцем, наполнены ветром и казались неподвижными. Их огибали в полете чайки.

Ребята подошли к рундуку. Владик ушами привязал к релингам Андрюшку — накрепко.

— Будешь здесь на вахте, впередсмотрящим... — И взял-ся за крышку рундука...

— Не понимаю, зачем эти жилеты, — насупленно сказал Максим.

— Ты же будущий капитан. Должен уважать корабельные порядки, — подцепил его Владик.

— Порядки все должны уважать одинаково. А то все без жилетов, а мы будто маленькие...

— А разве ты большой? — пожал плечами Владик. — Еще ведь не капитан. И даже не матрос... Взрослые за нас отвечают.

— Ты так говоришь, потому что плаваешь, извини, как железная вилка...

— Потому и не спорю... — Владик поднял крышку рундука. — Ай!.. — У него сами собой полезли на лоб очки. Максим оказался рядом. Тоже изумился.

— Эй, сюда! Тревога! — находчиво закричал он.

Из рундука смотрел, открыв рот и моргая, съевшийся там человек.

Первым подскочил Охохито. Выхватил пистолет.

— Руки вверх!

Незнакомец отчаянно вздернул руки.

— Не надо! Я сдаюсь! Я из вашей команды!

Подоспели остальные (все, кроме рулевого Макарони, который тянул издалека шею).

— Так и что же это получается? — жалобно заговорил Жора. — Если я скажу, что нам нужен такой сюрприз, то, клянусь дедушкой, совсем наоборот...

— Заяц на судне — скверная примета, — подал голос от нактоуза Макарони.

— Это не заяц! — обиделся за Андрюшку Владик. — Заяц — это вот он! А это какой-то шпион.

— Я не шпион! — почему-то очень испугался незнакомец. — Я... нет! Клянусь. Мне сказали, где стоит «Лючия», я пришел вечером, на пирсе темно, я зашел на палубу, решил, что посплю немножко...

— Какая «Лючия»? — шепотом спросил Владика Максим. Тот пожал плечами.

— Ну-ка вылезай, — велел старпом Жора. — Капитан идет. Клянусь дедушкой, он разберется.

Незнакомец стал вылезать. Он вылезал долго. Потому что оказался очень длинным — куда там Охохито, тоже худому и высокому!

У незнакомца были большие уши, рыжий ежик волос и круглые печальные глаза. Капитан Ставридкин неласково глянул на него.

— Кто вы такой?

— Я... матрос первого класса Вова Свистогонов. А вы... капитан «Лючии» Сан Саныч Каблуков?

— Я капитан Степан Данилович Ставридкин. И это не «Лючия», а «Креchet».

— А... как же... — Вова Свистогонов раскинул руки, раздвинул ноги и стал похож на обиженный судьбой циркуль.

— Как я понимаю, вы в темноте ухитрились перепутать яхты и отправились в плавание не на той, на которую поступили, — холодно подвел итог капитан. — Это не прибавит плюсов к вашему послужному списку, матрос Вова Свистогонов. Вам придется сойти на берег в первом же порту... Старпом, занесите это происшествие в корабельный журнал.

Собравшийся экипаж «Кречета» откровенно веселился. Дядюшка Юферс кивал, поглаживая круглый живот:

— Все на свете повторяется. Похожую историю описал еще давным-давно Жюль Верн. Про рассеянного географа Паганеля, по ошибке попавшего на «Дункан».

— Боюсь, что нашему гостю до конца дней придется носить прозвище Паганель, — заявил Жора Сидоропуло. — Клянусь дедушкой, эта история станет известна всему побережью...

Рассеянный бедняга заломил руки.

— Я готов! Пусть Паганель! Только не ссаживайте на берег! Куда я теперь денусь? Возьмите в команду!

Капитан посмотрел на Жору:

— Старпом, вы говорили, что нам не помешал бы еще один матрос...

— Вы сказали «матрос», капитан? Если вы спросите меня, то я скажу, это не матрос, а недоразумение. Клянусь памятью дедушки...

— Я буду стараться! — заломил руки Паганель.

— Хорошо. Но только на полставки, — смиловившись Жора.

— Я готов! Я буду!..

Жора снисходительно сказал:

— Дядюшка Юферс, возьмите матроса Паганеля на камбуз, и пусть он перемоем и вычистит вам всю посуду...

Паганель с готовностью встал навытяжку. Но дядюшка Юферс заворчал:

— Еще чего. Не надо мне на камбузе посторонних. Я привык со своими делами управляться сам...

— Пусть он поможет мне разобраться с запасным таке-лажем... — вмешался Охохито. — Как хорошо, что я нечаянно не нажал курок. Пистолет этой системы, мастера Родриго Гарсии Ментозы, одна тысяча шестьсот шестьдесят четвертого года, даже в дубовом баркасе делает пробоину размером с медузу породы голубая гортензия. А вот если взять из моей коллекции другой пистолет, француза Шарля Этьена Бомбадура, тыща семьсот первый год, так он...

Капитан Ставридкин возвел глаза к зениту: «Что за экипаж мне попался!»

— Все по местам! Дел невпроворот!.. Макарони, тысячу морских ведм тебе за шиворот! Не приводись все время! Стаксель у тебя полощет, как полковое знамя!..

— Есть, капитан... Не надо про ведм, капитан... — Макарони аккуратненько поплевал через плечо и три раза стукнул согнутым пальцем по деревянному нактоузу.

Дядюшка Юферс на камбузе готовил для приятеля-гнома чай.

Гоша, уютно устроившись между плитой и переборкой, просил:

— Только без сахара, дорогой Юферс. Чтобы сплошная соленая вода.

— Да помню, помню я твои привычки. Еще по временам «Долбленой тыквы»...

— Ах, какая была таверна... — покивал Гоша. — Самая... это... знаменитая на всем побережье. Дом родной для моряков...

— Все еще мечтаю на старости лет: вот скоплю деньжат да выкуплю обратно. Да только где уж...

— Я вот тоже думаю про такое... это самое... Наскрести капиталец да купить какую ни на есть деревянную посудинку с одной-двумя мачтами, чтобы поставить у тихого причала и доживать там век. Соленый чаек попивать, над поэмой работать потихоньку...

— Оно бы хорошо. Да где уж там. В наше время чудес не бывает, милый Гоша...

— Конечно... только... это самое... я что хочу сказать... — У Гоши сделалось таинственное лицо. — Такое тут это... дело... Может, нам, Юферс, на старости лет это... еще повезет...

— Гоша, ты о чем? — осторожно спросил дядюшка Юферс. Что-то почувал...

Гоша поманил приятеля поближе, тот нагнулся. Гоша, щекоча пухлую щеку старого боцмана, что-то зашептал ему.

— Не может быть... — выговорил дядюшка Юферс, когда шепот кончился.

— Как... это самое... не может, если документ? Главное, разобраться и разыскать. Хватило бы на всех... Я потому и с ребятишками напросился. Сказано, что это... если такие, как они, будут рядышком, то это самое... придет удача...

— Вот оно что... А мальчикам-то сказал?

— Ох... нет. Боюсь, они подумают, будто я это... из корысти с ними дружбу завел... А я ведь с ними и без того. Еще до этого... Владик, он вообще... это самое... отрада души... Когда я с ним, то не надо никакого этого... сокровища...

— Оно понятно, — согласился дядюшка Юферс. — Ну а если найдем, не помешает...

— Я это... то самое и говорю...

Максим и Владик (в оранжевых спасательных жилетках), расположившись с Жорой на крыше рубки, постигали азы мореходного искусства, передвигая лежащие перед ними огурцы.

— Значит, повторяем... — Жора шевельнул на крышке люка большой огурец. — Если ветер так, как сейчас, слева и спереди, это что?

— Бейдевинд левого галса! — отчеканил Максим.

— А если судно пойдет носом влево, вот так... — Жора со значением стал поворачивать огурец, носом к ветру... это оно что делает?

— Приводится! — опять поспешил Максим. Владик незаметно зевнул.

— А если оно линию ветра по инерции носом перешло... значит, что оно сделало?

Максим на секунду замешкался с ответом, и Владик рассеянно сказал:

— Поворот оверштаг оно сделало, — и вскинул к небу лицо. — Дядя Жора, можно я верхушку мачты с чайками сниму? Их так здорово солнце высвечивает...

— Подожди с чайками. Лучше скажи: сейчас какой у нас бейдевинд? Крутой или полный?

— Ну конечно, крутой, раз у Макарони все время стаксель заполаскивает. Давайте выберем стаксель-шкот потуже...

Максим озадаченно моргал, видя у Владика такие морские познания, которыми тот совсем не гордился.

— Клянусь дедушкой, в самом деле... Охохито, Паганель! Выберите стаксель втугую, сами не видите, что ли? А то придется закладывать лишний галс...

Матросы засуетились. Владик проворно шелкнул «Зенитом», снял их работу. Потом глянул вдаль, сдвинув на лоб очки.

— Дядя Жора, там что-то блестит!.. Плышет.

— Прямо по курсу?

— Да нет, на два румба правее! Пусть Макарони уважится, а?

— Макарони, два румба вправо! Держи на блестящий предмет!..

Макарони слегка переложил штурвал, «Кречет» плавно увалился под ветер. Жора сбегал в кубрик и вернулся с сачком, привязанным к полосатому фут-штоку. Максим уже стоял рядом с рулевым и, сам того не замечая, повторял все его движения, словно держал второй штурвал. Владик на носу яхты показывал Андрюшке плавучий предмет:

— Видишь, блестит? Сейчас разглядим получше... Ой, да это бутылка...

Макарони был хороший рулевой. Он повел «Кречет» так, что прыгающая по гребешкам бутылка заскользила вдоль борта. Жора подцепил ее сачком.

Конечно, находка собрала вокруг себя весь экипаж.

— Опять Жюль Верн начинается, — покачал головой дядюшка Юферс.

— Хватит нам Жюля Верна, — досадливо сообщил капитан. — Если это письмо капитана Гранта, менять курс я все равно не буду. Заказчик не поймет...

— Лучше выбросьте сразу, — посоветовал от штурвала Макарони. — От таких находок одни неприятности.

— Не надо! Давайте посмотрим, что там! — подскочил Владик.

— Бумага какая-то. Клянусь дедушкой, так не вытаскать, придется разбить, — сказал Жора.

Паганель протянул свои очень длинные, ломкие в суставах руки.

— Позвольте мне...

Ему позволили. Он неуловимыми движениями фокусника повертел бутылку, потрянул ее и плавно извлек из горлышка свернутую в трубку бумагу. Все сдвинули над ней головы (а Макарони издалека вытянул шею).

— Тьфу! — вознегодовал Максим.

На мятом листке чернели крупные корявые буквы:

ИЗ ЭТОЙ БУТЫЛКИ ПИЛ ВАСЯ.

— Клянусь памятью дедушки, этому Васе надо отоварить... — Жора посмотрел на ребят, — все руки-ноги...

— Мучачо, — сказал Владику Охохито и вынул пистолет. — Брось повыше эту паршивую склянку вон там с борта, под ветром.

Владик охотно схватил «склянку» и прыгнул к борту. Подбросил бутылку как можно выше и весело зажал уши. Достигнув верхней точки полета, бутылка разлетелась на брызги от оглушительного выстрела.

— Инцидент исчерпан, — подвел итог капитан Ставридин. — Старпом, занесите в журнал... И смените рулевого, уже полдень.

— Охохито, ступай на руль, — велел Жора. — Это тебе не бутылки бить из музейного самопала. Займись полезным делом.

Охохито послушно пошел на корму, но все же сказал, оглянувшись:

— Это не самопал, господин Седерпауэл, а уникальный коллекционный экземпляр семнадцатого века.

— Смотри, чтобы его не разорвало от старости. Кажется, ты не жалеешь пороха для зарядов.

— У меня запас. Десять фунтов.

— Клянусь дедушкой, ты однажды подымеешь нас на воздух!

— Я опытный оружейник и соблюдаю полнейшую тех-

нику безопасности, — с достоинством сообщил потомок флибустьера. Уже от штурвала. Там он, встав рядом с Макарони, глянул на компас: — Какой курс?

— Семьдесят девять... Сдал...

— Курс семьдесят девять. Принял... — Охохито взялся за колесо. И сразу начал напевать под нос:

Отчего так ёкнуло в печенке
И ползут (ох!) по спине мурашки?

— Перестань! — простонал Макарони и сцепил замочком пальцы. — Накаркаешь беду...

— Ладно, ладно... А про красотку петь можно?

— Про красотку можно...

Охохито запел:

У моей красотки Джулы
Зубки в ряд, как у акулы,
И собой красotka эта
Вся похожа на скелета...

Макарони с тихим отчаяньем махнул рукой и пошел, осторожно плюя через плечо.

На камбузе дядюшка Юферс беседовал с Гошей.

— Видишь, боцманских обязанностей здесь у меня не много, яхта новая, ни такелажных работ, ни ремонта не требуется. Так что я больше по камбузному делу. Вспоминаю «Долбленную тыкву». Какие блюда готовили!.. А у нашей поварахи был кот Вася. Но имя свое он не любил, и все его звали просто Тети-мартовский Кот. Петь любил. Как только гости поддадут малость и затянут песню, он тут как тут — сядет и подтягивает. Иногда ему специально мяса и рыбы давали, чтобы не мешал. А он слопаёт — и опять в общий хор. Особенно по душе была ему «Палубная колыбельная», печальная такая. Ты ее, Гоша, помнишь?

— Это самое... как же... «В тропиках душно... это... не спится в каюте...»

— Да-да... — дядюшка Юферс вытащил из закутка обшарпанную гитару. Зажмурился, запел. Хрипловато, но с чувством:

В тропиках душно, не спится в каюте,
Мама осталась в далекой стране.
На ночь устроимся, мальчик, на юте,
Маму увидишь ты нынче во сне...

Горю, малыш, не поможешь слезами,
Видишь, тебе улыбнулась луна.
Спи, беби, в лунной тени у бизани,
Пусть тебе шепчет у борта волна...

Кот корабельный приткнется под боком,
Стрелка компасная — кончик хвоста.
Канет печаль твоя в море глубоком,
Если тихонько погладишь кота...

Гоша подтягивал — с тем же чувством, хотя и не очень умело.

— Тра-та-та... — бодро сменив тон, закончил дядюшка Юферс песню под рифму «котá» и прихлопнул струны, видимо застеснявшись своей неожиданной чувствительности.

Гоша тоже слегка смутился (ведь даже слезинки появились в глазах).

— Да... это самое... хорошая песня. А мне вчера это... на карнавале штучку подарили. Чтобы это... песни, значит, играть... Нажмешь кнопку, и это...

— Плеер?

— Наверно, это... да... В сундучке она... Это, вот... — Повозившись, Гоша протянул плеер дядюшке Юферсу.

— Ага... — тот умело нажал кнопку. И сразу раздалось знакомое:

Стало море злее и угрюмей,
ребята.

Плюньте через левое плечо...

— Тоже знакомая песня, — сказал дядюшка Юферс, выключив запись. — Слышал я, что ее сочинил кто-то из матросов капитана Румба. Того самого. Так что, может

быть, она тут и не случайно, ежели верить приметам, как верит наш Макарони...

— Приметы, они это самое... вещи иногда полезные, — заметил Гоша. — Особенно если это... ищешь клад...

Дядюшка вытащил табакерку.

— Попробуешь, Гоша? По старой памяти?

— Я это... рад бы... Да небось услышат...

— Решат, что это я... Возьми шепотку.

Гоша, покряхтывая от приятных предчувствий, насыпал табачок на сустав большого пальца. Дядюшка тоже. Потом они, глядя друг на друга и улыбаясь, синхронно втянули табак ноздрями. Закатили глаза. Дружно сказали:

— А-ап... — И от оглушительного чиха вздрогнуло все судно. Охохито на миг выпустил штурвал. Владика и Максима подбросило на крышке рубки, где они с Жорой разглядывали морскую карту. Паганель, разбиравший канаты, на всякий случай поднял руки. Макарони, любовавшийся у поручней горизонтом, плюнул через плечо (символически, потому что по правде плевать на палубе запрещено) и сцепил пальцы. Капитан Ставридкин высунулся из люка:

— Охохито! Опять вы палите в белый свет? Я конфискую у вас оружие!

— Никак нет, господин капитан! Это старый сеньор боцман Юферс пробует табак!

Капитан помотал головой:

— Да... как в старом анекдоте. «Ну и шуточки у вас, боцман...»

— Клянусь дедушкой Анастасом, еще два таких чиха, и мы пойдем ко дну... — заметил старпом.

Заяц Андрюшка, привязанный ушами к релингам, радостно улыбался. Чайки одобрительно кричали. Ветер был ровный, день был чудесный...

Паганель оказался жизнерадостным парнем. К середине дня он со всеми установил приятельские отношения. Разобрав и разложив в порядке бухты и мотки тросов, запасные блоки и скобы, он заявил:

— Ух, жара... — Скинул рубашку, бросил с носа за борт ведерко на длинном конце, зачерпнул воды и вылил на себя.

— И нас так же! — подскочили к нему Владик и Максим.

— С а-агромнейшим удовольствием, юнги!

Они сбросили жилеты и рубашки, и Паганель каждому устроил морской душ.

— Максим, давай я тебя сфотографирую мокрого! — схватился за аппарат Владик. — В Москве будешь рассказывать, что нырял с борта в открытом море!

— Давай! — Максим в дурашливо-горделивой позе прислонился спиной к поручням. Покосился на привязанного рядом Андрюшку. — Только можно я его уберу?

— Зачем?

— Ну... ребята посмотрят, скажут: это не по правде. Какая-то игрушка рядом, так на морских судах не бывает...

— Ну и пусть скажут!.. Это ведь и в самом деле не по правде, ты же не нырял...

— Если нельзя убрать, давай я туда встану, — миролюбиво предложил Максим и хотел перейти на другое место.

— Там освещение неподходящее, — неохотно откликнулся Владик. — Да ты уже и высох, пока спорил...

Он потрепал Андрюшку по щеке, подпоясался скрученной в жгут тельняшкой, надел жилет на голое тело, отошел в тень паруса и стал смотреть, перегнувшись через поручни, как проносится вдоль борта бурлящая вода...

Настроение у Владика изменилось. Затуманилось. Оно сделалось похожим на мелодию колыбельной песни, которую недавно пели на камбузе дядюшка Юферс и Гоша (хотя Владик этой песни никогда не слышал).

Под такую мелодию, под ровный шум воды, шелест ветра и крики чаек подошел вечер. В небе расцвел пестро-полосатый закат. У потемневшего горизонта мерцали огоньки далеких маяков и судов.

Все, кроме Макарони, который опять заступил на вахту у штурвала, и капитана, собрались на баке. Даже Гоша незаметно выбрался на палубу и спрятался за выступом люка. Фигурка привязанного ушами Андрюшки чернела на фоне угасающего неба. Владик устроился неподалеку, сидел с фотоаппаратом на коленях.

— Ты, мучачо, не расстаешься со своей камерой, как я с пистолетом, — одобрительно заметил Охохито. — Даже в темноте...

— Я жду, когда звезды сделаются яркими, — поделился планами Владик. — Хочу снять ночное небо...

— Грандиозная идея! Думаешь, получится?

— Кто знает...

Паганель дергал струны, извивался в танце и клоунским голосом напевал:

У моей малютки Джулы
Зубки в ряд, как у акулы,
И собой красotka эта
Вся похожа на скелета.

Удается очень редко
Мне обнять мою девицу —
Твердая, как табуретка,
И колючая, как спица...

Дядюшка Юферс, покряхтывая, сказал:

— Давайте-ка не будем про колючих девиц, это тема сухопутная. А у меня вот есть кассета, где умные люди записали морские песни старых парусных времен. Такие, что пели когда-то у нас в «Долбленной тыкве». Сейчас включу, да и подыграю заодно...

— Давай, дядюшка Юферс, — согласился старпом Жора. — Только, если захочешь чихнуть, предупреди нас, мы заранее поляжем носом в палубу, иначе, клянусь дедушкой, нас всех снесет за борт, как миндальные скорлупки при налетевшем ветре...

— Хороший ты моряк, Жора, только язык у тебя устроен несолидно, — вздохнул старый боцман. — Это говорит

о том, что я слишком часто угощал тебя маковыми ирисками, когда ты приходил ко мне в таверну с мамой, чтобы купить свежей зелени для салата с крабами. Надо было не ирисками...

— Клянусь дедушкой, в этих словах есть правда, — самокритично вздохнул старпом.

Бывший трактирщик включил плеер.

Над палубой, над темным морем прозвучали мрачные аккорды уже известной песенки о сундучке. Дядюшка перебрал струны гитары. Раздались записанные на пленку голоса:

Стало море злее и угрюмей,
ребята,
Плюньте через левое плечо.
Что везем мы в нашем темном трюме,
ребята?
Только черный, только черный сундучок —
И молчок!

— Ну вот, опять началось, — успел печально сказать у штурвала Макарони. Его не послушали. Когда начался второй куплет, его подхватил почти весь экипаж «Кречета»:

Ох, боюсь, поглотит нас пучина,
ребята.
Не сидеть нам больше в кабачке.
Кто-то, ох, совсем не без причины,
ребята,
Воет там при каждом при качке —
в сундучке...

Владик в этой песне не отставал от других. И даже Гоша, укрывшись за люком, подпевал себе под нос:

Кто же, ох, скребется в сундучке том,
ребята?
Может, просто злая чернота?
Это юнга Генри взял с собою,
ребята,
Драного бродячего кота —
без хвоста!

Нам приметы злые не указка,
ребята!
Бурю одолеем мы легко!
Никогда не верьте глупым сказкам,
ребята,
Что беду приносит черный кот!
Наоборот!

Сумрачная вначале песня к концу обрела оптимизм, и ее закончили в соответствующей тональности.

— Макарони, эта песня специально для вас, — решился пошутить Максим, потому что чувствовал: общественное мнение будет на его стороне.

Макарони не отозвался. А дядюшка Юферс сообщил:

— Песню эту сочинили еще в позапрошлом веке. Говорят, какой-то матрос с бригантины «Лакартера», что по-испански, между прочим, означает «портфель».

— А почему портфель? Какое-то не морское название, — недовольно сказал Максим.

— Ха! Не морское... Разве у кораблей всегда морские названия? Скажем, шхуна «Моя красавица» или бриг «Пудель»... Сказано: не название красит судно, а наоборот... А бригантина так называлась, надо думать, потому, что ее капитан, знаменитый Чарльз Роберт Румб, имел одну странную привычку: всегда ходил со старым кожаным портфелем, словно он и не капитан вовсе, а какой-нибудь адвокат или клерк из сухопутной конторы... Некоторые так и думали — те, кто его не знал. Но не знали его только люди, ничего не слыхавшие о флотской жизни. Потому что среди моряков капитан Румб был очень даже знаменит. Был он из той породы морских скитальцев, которые всю жизнь проводят в плаваниях. Воевал он в свое время в Америке за свободу негров, гонялся за работоторговцами по всем морям, торговал помаленьку. Бывал и в нашем море... Да где он только не бывал! Сделал несколько открытий в Южном архипелаге. Говорят, там даже есть островок его имени — атолл капитана Ботончито.

— А почему Ботончито? Он же Румб! — сунулся вперед Владик.

— А потому, что прозвище было такое. «Ботончито» по-испански значит «Пуговка». Говорят, был капитан очень малого роста и с носом, похожим на пуговку, оттого и получил такое прозвище. А другие знающие люди говорят, что не оттого. Мол, была в жизни капитана одна история, которую потом рассказывали по всем береговым тавернам...

— Поведай нам, дядюшка Юферс, эту историю, тряхни стариной. Клянусь дедушкой Анастасом, она так и вертится у тебя на языке, — подбодрил старого боцмана Жора.

— Отчего не поведать... если некоторые молодые люди не будут вставлять в нее шпильки.

— Клянусь дедушкой, не будут!

— Ну, ладно... История капитана Румба вообще-то темна и полна загадок. Например, совершенно неизвестно, куда он в конце концов подевался со всем экипажем. Они ушли из нашего моря в какой-то дальний рейс, а потом — сплошная тайна. Бригантину «Лакартера» обнаружили пустой среди Индийского океана. Всё там было в порядке, всё на местах, паруса поставлены, как при марсельном ветре, а на палубах и внутри — ни души... И говорили потом, что здесь не обошлось без проклятия знаменитого капер-адмирала Джугги Ройбера... Слышали про такого?

Слушатели зашевелились, заговорили, что нет, не слышали и что пусть дядюшка Юферс продолжает поскорее...

— Был это знаменитый предводитель каперской эскадры во время англо-испанских морских разборок. Многих таких пиратов-героев британские короли заманивали к себе на службу, давали им титулы и звания. Но Джугги Ройбер по прозвищу Красный Жук отказался, сказал, что умрет вольным мореходом. И завещал похоронить его на скалистом островке Антильского архипелага под названием Омблиго Негро, что означает «Черный Пуп»...

Владуку показалось, что призрак черного острова с зубцами неприступных скал возник на фоне почти догоревшего заката. Голос дядюшки Юферса звучал в особой «приключенческой» тональности, и Владик словно видел перед собой происходящее.

— ...Когда старый пиратский адмирал скончался, его корабль подошел к острову. Верные помощники и матросы свезли на шлюпке его тело на Черный Пуп, отнесли в грот и положили в выдолбленную колоду, которую подвесили на якорных цепях к каменному своду. И накрыли такой же долбленной крышкой... Надо сказать, что Красный Жук велел похоронить себя в любимом парадном камзоле с бриллиантовыми пуговицами. И конечно, об этих пуговицах пошла среди морского народа всякие слухи. Говорили, что на одну такую пуговицу можно купить большой корабль, груженный индийскими пряностями...

И вот однажды к Черному Пупу подошла бригантина капитана Румба. Среди ночи капитан с самыми верными сообщниками съехал на берег и вошел в погребальный грот...

Колода с телом капер-адмирала Джугги Ройбера, как и много лет назад, висела на якорных цепях. При колеблющемся свете факелов казалось, что она покачивается.

Капитан приказал снять крышку. Его спутники хотя и боялись мертвеца, но выполнили приказ, потому что своего капитана боялись еще больше. Тяжелая долбленная крышка поднялась со скрипом и гулко стукнула о каменный пол, когда ее отложили в сторону.

В колоде лежал скелет в красном бархатном камзоле и напудренном парике. Череп под париком темнел глазницами и блестел золотыми зубами. Но в сто раз сильнее блестели, сверкали, как фейерверк, бриллиантовые пуговицы на камзоле Джугги Ройбера.

Капитан Ботончито достал кривой матросский нож и наклонился над мертвым капер-адмиралом. Очень почти-тельно он сказал:

— Не обижайся на меня, храбрый адмирал Красный Жук. У тебя очень много пуговиц. Можно я возьму одну? Тебе останется еще целая дюжина...

Острым ножом он срезал с камзола самую нижнюю пуговицу, поклонился опять и повторил:

— Прости меня, славный Джугги. Тебе эти драгоценности все равно ни к чему, а я...

И тут случилось ужасное! Нога капер-адмирала в истлевшем ботфорте согнулась, поднялась и пнула несчастного капитана в живот! А череп проскрежетал:

— Я не прощу тебя, негодный жулик Ботончито! Можешь забирать пуговицу, но она не принесет тебе удачи! Пошел вон!..

Капитан и его помощники не стали дожидаться второго пинка. Выкатились из грота и изо всех сил погребли на бригадину. Пуговицу, однако, капитан Румб не бросил...

Потом про этот случай ходило немало слухов, потому что не все спутники капитана оказались воздержаны на язык. Да и как не поделиться таким интересным случаем с приятелями где-нибудь в таверне Рио-Бланко или Сингапура, когда кружечка-другая хорошего рома развязывает языки у самых отпетых молчунов...

Рассказ дядюшки Юферса (причем Владик и другие как бы видели все происходящее собственными глазами) произвел на слушателей должное впечатление. Тем более что и обстановка была подходящая. Светил на крыше рубки пузатый корабельный фонарь, его слабо отражали воздвигнутые в высоту паруса.словно две звезды, горели на мачте друг над другом красный и зеленый сигнальные огни — признак парусного судна.

Паганель своим веселым клоунским голосом нарушил тишину:

— Нервощекотательный случай. Хорошо, что рядом нет храброго Макарони и он ничего не слышал...

— Я слышал, — раздался с кормы голос Макарони. — И вот что я вам скажу. Легкомысленные вы люди. Нельзя

зря беспокоить темные силы. Это все равно что дергать за усы спящего тигра... Про это даже и ученые пишут... Эй! Прямо по курсу большой парусник! Ухожу вправо!

Все ощутили, как корпус «Кречета» покатился в сторону.

— Охохито, на грот! Потравить гика-шкот! — завопил тонким голосом старпом Жора. — Паганель, трави стаксель!.. Макарони, да не уваливай так, хватит уже, а то скрутим фордака!

Силуэт двухмачтового судна с прямыми парусами на фок-мачте бесшумно проскользил мимо левого борта, мелькнул в такелаже единственный бледный огонек.

Появился капитан.

— Что там такое?

— Хотел бы я знать, что такое! Какие-то кретины прут без огней! Чуть не устроили картинку для книжки «История знаменитых кораблекрушений»! Клянусь дедушкой, они там все перепились!.. Если только это не Летучий голландец... Капитан, надо запросить по всем диапазонам, что это за идиоты!

Силуэт судна-призрака между тем растаял в сумраке за кормой.

Капитан Ставридкин спешно спустился в рубку. Из открытого люка послышался его голос:

— Говорит яхта «Кречет». Мы на траверзе маяка Скандиоп, в десяти милях от мыса. Курс ост-норд-ост. Вниманию всех судов в этом районе. Только что мимо нас проследовало парусное судно без огней. На сигналы не ответило. По силуэту напоминает марсельную шхуну или бригадину... А, черт...

Он опять вышел на палубу.

— Какие-то помехи, будто зависла над нами дюжина летающих тарелок...

— Клянусь дедушкой Анастасом, это происки темных сил, о которых вещал Макарони...

— Возвращаюсь на прежний курс, — известил Макарони, игнорируя надоевшие насмешки.

— Паганель, Охохито! Подобрать стаксель и грот... И радуйтесь, что ветер не скис и не засвистел. А то Летучие голландцы часто преподносят такие подарочки...

— Не шутили бы вы так, старпом, — сказал слабо освещенный нактоузным огнем Макарони. — В самом деле, недалеко от греха...

— Нервная вибрация рулевого Макарони передается всему корпусу, — заявил Паганель. — Хотите, покажу, как он боится?

Паганель вскочил на крышу рубки, подхватил гитару, дал несколько аккордов и — длинный, ломкий, разболтанный в суставах — изобразил не то танец, не то пантомиму, в которой показывал, как перепуганно оглядывается, ежится, хватается себя за голову, прячет ее под подол и всячески дергается обалдевший от страха смешной длинный неудачник.

Невозможно было удержаться от смеха.

Не удержался и Владик... Но потом он отошел к поручням и стал смотреть на смутно белеющую, пролетающую у борта пену. Постоял и подошел к штурвалу. Освещенное лицо Макарони было невеселым и каким-то отрешенным.

— Витя, вы не обращайте внимания, — вполголоса сказал Владик. — Ну их...

— Я и не обращаю... Никто даже не понял, что это был призрак бригадины капитана Румба...

У Владика по спине прошел холодок.

— Ну и пусть... Нам-то он ничего плохого не сделал... И мы ему... Чего тут грустить?

— А я и не из-за него...

Владик подумал и спросил:

— А из-за чего?

Глядя на освещенную картушку компаса, Макарони сказал:

— Да так... По правде говоря, по братишке заскучал.

По Шурику... Не успел попрощаться перед уходом. Он куда-то укатил на целый день на чужом велосипеде, я его не дождался. Вот теперь думаю: не случилось ли чего. Велосипед большущий, а он кроха...

— Постойте-ка! А он случайно не в майке со львенком Симбой на груди? И с перевязанным локтем!

— Он самый! Знакомы?

— Мы его вчера два раза видели. Днем помогли ему цепь натянуть, а вечером он нам помог, Гошу привез к яхт-клубу... Ой...

Макарони покосился на Владика.

— Да ты не бойся... Гоша — это гном, что ли? Не такой уж это секрет, что вы корабельного гнома на борт протаскивали. Кому он мешает? Наоборот, хорошая примета. Я про это знаю, Охохито знает...

— Откуда?

— Боцман сказал. Не удивляйтесь, мол, если заметите... А Шурик, значит, вечером живой-здоровый был?

— Все в порядке, не бойтесь. Он от яхт-клуба сразу отправился отдавать велосипед...

— Тогда ладно...

Помолчали.

— Витя, а если бы у вас оказалась такая пуговица, с бриллиантом, что бы вы сделали? — вдруг спросил Владик.

— Что?! Да выкинул бы тут же за борт! Она же проклятая!

— Да нет, я не про такую! Если не проклятая, а просто с бриллиантом! Драгоценность же!

— А... Ну, что! Загнал бы ювелиру и купил бы Шурке новый велосипед. По росту...

— А почему велосипед? Денег-то хватило бы на кучу всего. Хоть на машину-иномарку...

— Нет, я велосипед... А если бы хватило, тогда еще десять велосипедов, Шуркиным приятелям...

Помолчали опять. Владик отошел, прошагал вдоль бор-

та на нос. Там по-прежнему нес бесменную вахту Андрюшка.

— Это ты предупредил Макарони о паруснике? Молодец...

Владик глянул в зенит. Он был теперь бархатно-черным, в нем переливались частые звезды. Владик поднял аппарат:

— Вдруг получатся...

Закрыв аппарат, постоял, навалившись грудью на поручень. Мелодия колыбельной снова зазвучала в нем.

Владик спустился в рубку. Отец склонился над столом со штурманской картой. Двигал параллельную линейку и транспортир.

— Пап... ты чего делаешь?

— Нетрудно заметить, что прокладку курса... А ты?

— А я... звезды снимал. Вдруг получатся...

— А где Максим?

— Наверно, слушает истории дядюшки Юферса.

— У меня такое впечатление, что вы поссорились.

— Мы? Нет... Не знаю. Что нам делить?

— Вот и я думаю. Держитесь дружнее. Родственники все-таки...

— Ага... Папа, можешь дать мне на минутку твой мобильник?

— Это зачем?

— Маме позвоню...

— Она звонила совсем недавно. Передает привет. У нее все в порядке...

— Ну... я все равно позвоню. Можно? Два слова...

Капитан Ставридкин внимательно посмотрел на сына. Достал из ящика телефон, протянул Владиду.

— Только недолго...

— Ладно!

Владик обрадованно выскочил наверх.

Устроившись опять рядом с Андрюшкой, понажимал кнопки.

— Мама?... Это я... Ничего не случилось, просто так.

Да, все хорошо. И с Максимом... в порядке. Конечно, скоро спать. Андрюшка привет передает... Ладно, мамочка, спокойной ночи...

Владик поулыбался в темноте. Сказал Андрюшке:

— Тебе привет...

Потом он пошел разыскивать Максима.

Максим сидел вместе с Охохито и Паганелем. Охохито рассуждал:

— Попади мне такая пуговица, я ее, конечно, тут же продал бы за валюту. И не стал бы тратить баксы на ерунду, а так пополнил бы свою коллекцию, что все музеи выли бы от зависти, как портовые катера на штормовой зыби... Есть у меня на примете у одного антиквара мушкет времен Людовика Четырнадцатого. Это, значит, той поры, когда знаменитые мушкетеры...

— Максим... — окликнул Владик.

— Чего? — Максим без удовольствия приблизился.

— Хочешь позвонить домой? Вот... — Владик протянул мобильник.

— Зачем? — сказал Максим.

Владик удивился. Он-то думал обрадовать троюродного брата. И тогда они, может быть, перестали бы дуться друг на друга.

— Ну... тебе разве не хочется поговорить с родителями?

— Я надеюсь, у них все благополучно. Если что случится, сообщат. А мелкая информация меня не интересует.

— Как хочешь... — Владик отодвинулся, будто получил щелчок по носу.

Он отнес телефон отцу.

— Спасибо. От мамы привет...

— Скажи дядюшке Юферсу, чтобы позаботился об ужине. Через полчаса.

— Есть, господин капитан! — повеселевший Владик опять выскочил на палубу.

Дядюшка Юферс, осторожно трогая струны, сидел теперь один. Хотя нет, не один.

— Гоша здесь? — шепотом спросил Владик.

— Я... это самое... здесь. Никто не видит, а я морем дышу, открытым. Как это... в давние годы... Ты ведь понимаешь. У тебя это... тоже морская душа.

Владик опять пригорюнился.

— Не знаю, какая у меня душа. Только моряком я не буду...

— Это почему же? — заворчал дядюшка Юферс. — Из-за очков, что ли? Это все поправимо. В наше время наука со зрением чудеса делает...

— Да не в зрении дело... — вздохнул Владик. — В моем хлипком характере. — Дядюшку и Гошу он не стеснялся, и хотелось облегчить душу.

— У тебя это... чудесный характер! И... это самое... сердце...

— Чего там чудесного. Я долго плавать не смогу. Вот сегодня утром только отошли, а к вечеру я уже заснул... — Он вздохнул снова и признался окончательно: — ...По маме...

— Сядь-ка поближе, дружок... — Дядюшка Юферс сгреб Владика и придвинул к своему боку. — Я тебе открою один секрет... — Он надавил кнопку плеера, и зазвучала колыбельная: «В тропиках душно, не спится в каюте...» Но зазвучала тихо, почти неразличимо. Будто изда- лека.

— Какой секрет? — прошептал Владик.

— Такой, значит... Самые лучшие моряки получают- ся из тех, кто скучает по маме... По маме — значит, и по дому. По дому — значит, и по родным берегам, по друзьям-товарищам. Без такой печали, мальчик, нельзя. Ведь именно она заставляет моряка возвращаться домой. А если моряк не старается вернуться, он и не моряк вовсе, а так... пустая душа, без роду без племени... Понял?

— Ага... кажется, понял, дядюшка Юферс... Ой! Папа... капитан велел сказать: пора ужинать.

— Это мы всегда пожалуйста... — бодро поднялся стар- рый боцман и по совместительству кок.

Ужинали в рубке за узким столом. Ели из мисок греч- невую кашу. Закусывали из банок консервированной фа- солью в томате, пили из больших кружек чай с морскими сухарями.

Капитан Ставридкин всех обвел глазами.

— Ну что же, пока идем нормально, даже с опережени- ем... тьфу-тьфу-тьфу, как сказал бы наш осторожный Ма- карони... — и капитан постучал по столу. Остальные, в том числе и мальчишки, тоже дружно постучали.

— А что касается Летучего голландца, то это туристская шхуна «Желтая роза», — продолжал капитан. — У них вы- рубилось освещение...

— И что, нет у них аварийного?! — взвился Жора. — Нет ни фальшфейеров, ни колокола? Клянусь дедушкой...

— Пусть они клянутся дедушками при разборке в судов- ой инспекции... А свободным от вахты пора укладываться. Прежде всего юнгам...

— Охохито, смени Макарони. Он и так лишнее время стоит, — спохватился старпом. — Пусть идет ужинать, а твоя вахта до полуночи...

— Иду...

— Дядя Степа, можно я постою на вахте с Охохито? — быстро спросил Максим, глянув на Владика.

— Да, но не полный срок...

— Есть!

— А я помогу на камбузе дядюшке Юферсу, — полуво- просительно сказал Владик.

— Ну, помоги, — усмехнулся капитан. — Только не слушай на ночь страшные истории.

— Мы будем слушать матросские песни, — пообещал дядюшка Юферс.

Владик сбегал на нос, отвязал Андрюшку и с ним явился в закуток, громко именуемый камбузом. Дядюшка Юферс и Гоша были уже здесь.

— Давайте я сбегаю ополосну с борта миски, — предложил Владик. — А потом уж пресной водой.

Он дал Гоше Андриюшку, умчался с мисками и вернулся через минуту. За это время дядюшка Юферс и Гоша успели многозначительно переглянуться, переброситься словами:

— Ну, что? Наверно, пора?

— Это самое... пора...

Владик появился со стопкой мокрых мисок, взялся за полотенце, обмакнул его в ведро.

— Владик, ты это самое... надо поговорить...

— Да, — подтвердил дядюшка Юферс. — Весьма важное дело. — И он включил плеер. Песня о сундучке зазвучала приглушенно, словно подчеркивая многозначительность момента.

— Поговорить... только со мной? — нерешительно спросил Владик.

— Это самое... надо бы и Максима...

— Я сейчас!

Максим и Охохито вдвоем держали штурвальное колесо.

— Ты старайся переключать плавно. Не забывай, что у яхты инерция. И смотри, чтобы курсовая черта двигалась неторопливо. У картушки тоже инерция... И не забывай одерживать, — учил новичка рулевой.

— Максим, тебя дядя Юферс просит прийти на камбуз, — нейтральным тоном сообщил Владик.

Максим не оглянулся.

— Разве ему мало одного помощника?

— Дело не в помощнике. Он хочет что-то сказать.

— Я на вахте. Мне некогда слушать истории про мертвецов...

— Дело не в историях...

— А в чем?

— Я не знаю, — терпеливо объяснил Владик. — Это же

он зовет, а не я. — Владик быстро глянул на Охохито и добавил: — И Гоша...

— Иди, Максим, — сказал Охохито. — Я справлюсь. Если там не долго, придешь снова...

Владик и Максим проникли на камбуз и вопросительно глянули на дядюшку и гнома.

— Присаживайтесь, — сказал дядюшка Юферс.

Они неловко приткнулись друг к другу на одной раскладной скамеечке. Владик смотрел с нетерпеливым ожиданием. Максим сердито трогал на колене наклейку из пластыря.

— Я... это... — засмутился Гоша. — Сказал не это... не совсем правду... Потому что это самое...

— Короче говоря, — перебил его дядюшка Юферс, — Гоша напросился с вами в плавание не ради своей поэзии. Поэмы можно сочинять и на берегу. А сейчас речь идет о сокровище капитана Румба.

Мальчишки одинаково приоткрыли рты.

Песня о черном сундучке звучала обещающе...

4. ШКВАЛ

Свежее солнечное утро вставало над морем и побережьем. Освещало резво бегущий среди синевы и белых гребешков «Кречет». А далеко от этого места, на триахтырском берегу, оно красило утренними лучами белый старинный город Синетополь, уступами спускающийся к морю.

Над улицами, лестницами и крышами Синетополя разносился голос утренней радиопередачи:

— А теперь сводка погоды на сегодняшний день. Служба информации Синетопольского метеобюро сообщает, что у Северного побережья ожидается ровная устойчивая погода с переменной облачностью без осадков и ветром

северо-восточного направления. Скорость ветра восемьдесят метров в секунду. Заметных усилений не предвидится. Температура воздуха в различных зонах акватории и берега от двадцати трех до двадцати шести градусов...

Голос динамика как бы скользил по уступам улиц, задерживаясь то на одном, то на другом фасаде. Многие окна домов были открыты. Кое-где висели клетки с птицами, на подоконниках дремали кошки...

На одном из подоконников, в окне второго этажа, сидела девочка в ночной рубашке. Худая, лет одиннадцати, с темными растрепанными волосами и неподвижным взглядом. Она смотрела не на дома, не на солнце, а прямо перед собой.

Дверь в комнату девочки приоткрылась.

— Вероника... Верунчик! Ты уже не спишь? — сладким голосом спросила мама.

Не поворачивая головы, девочка сообщила:

— Я много раз объясняла, что меня зовут не Верунчик и не Вероника, а Ника. Так звал меня папа, и так будет всегда.

— Ну хорошо, хорошо... Почему ты так рано встала?

— Я вообще не ложилась.

— Как?! Совсем?!

— Естественно, совсем. Как можно не лечь «не совсем»? Замирать в диагональной позиции?

— И что же ты делала?

— Сидела... Разглядывала звезды

— Девочка, тебе надо выспаться...

— Я не хочу.

— Ну... тогда, может быть, мы позавтракаем вместе?

— Как это «вместе»?

Голос матери стал официальным:

— Вместе — это значит всей семьей.

— Какой семьей?

— Ты, я и дядя Рудик... — сдерживаясь, объяснила мать.

— Мне кажется, дядя Рудик отлично справится с завтраком без меня.

— Я тебя не понимаю... Дядя Рудик так тебя любит!

— А мне это надо?

— Ты неблагодарна...

Ника наконец чуть шевельнулась и зевнула:

— Дядя Рудик любит только себя. Ну и тебя... когда ему это выгодно. Чаще всего по вечерам...

— Ты скверная девчонка! — не выдержала мать.

— Папа думал иначе... — Ника смотрела теперь на большое фото, висевшее над ее неразобранной постелью. На снимке был худощавый мужчина в походной широкополой панаме.

— Но, Ве... Ника... — начала мать новый заход уговоров. — Я все понимаю... мы все понимаем... Но папа... Ведь давно уже нет никакой надежды...

— Есть.

— Девочка моя... Давно установлено, что катер бандитов затонул во время шторма у Якорного мыса, на большой глубине, экипаж и их пленники погибли. Это официальный вывод комиссии Управления по борьбе с террористами и контрабандой...

— Вот именно, официальный...

— Под ним подписался сам начальник Управления и его два заместителя!

— Интересно, сколько они получили за это... от тех самых затонувших террористов? И от твоего друга дяди Рудика...

— Как ты смеешь вести такие гадкие разговоры!

— А это ты ведешь. Я только отвечаю.

— Немедленно в постель! И не смей сегодня выходить из дома...

— Ага. А вы поедете на иномарке дяди Рудика развлекаться в Айвазовск...

— Дядя Рудик поедет по делам фирмы, а я... по своим

делаю... Девочка моя... Я не меньше тебя грущу о папе, но что поделаешь, раз его больше нет?

— Есть. Я это видела во сне. Я верю своим снам...

Мать сорвалась снова:

— Каким снам, если ты говоришь, что не спала всю ночь!

— Я спала накануне. И еще раньше... И еще...

Мать в сердцах захлопнула дверь.

В другой комнате она пожаловалась новому мужу — лысоватому уважаемому бизнесмену:

— Я не знаю, что с ней делать! Вбила себе в голову всякие фантазии. И хамит не переставая...

— Ничего страшного. Это начинается переходный возраст.

— Слишком рано он у нее начинается! Она еще совсем младенец! Внешне... А по характеру...

— Сейчас все дети взрослеют рано...

В этот день с утра начало заметнее, чем накануне. Пенные гребешки разбивались о наветренную скулу «Кречета», брызгами захлестывало палубу.

Владик и Максим проснулись в своем закутке.

— Ого, покачивает, — сказал Владик, свесив голову с верхней койки. — Я ночью два раза чуть не слетел...

— А я почти не спал, — отозвался Максим. Он лежал вверх лицом, и лицо было недовольным и похудевшим.

— Почему? Думал про Гошин рассказ? Про сокровище?

— Нет... Хотя да. Про это тоже думал. О том, что все это бесполезно...

— Что бесполезно?

— Эта затея... И зря Гоша ввязался в это плавание. Никаких поисков не получится. Все равно мы не попадем в Синетополь и в эти... в Триахтырские катакомбы. Мы идем прямо на Византийск, и дядя Степа не станет менять курс. Тем более что он ничего не знает...

— Гоша же сказал: всякое может быть...

— Мало ли что сказал Гоша. У него крыша сдвинулась на поэзии...

— Разве поэзия это плохо?

— Не плохо, а бесполезно...

— Эй, молодежь! Капитан сказал, что долго и сладко спать можно дома, а не в плавании. И клянусь дедушкой, он прав, — донеслось с трапа.

Ребята выскочили на корму.

Ого! Волны и гребешки были очень даже заметные. Не шторм, конечно, но и далеко не штиль.

У штурвала стоял сам капитан Ставридкин.

— Папа, доброе утро! А почему ты на руле?

— Решил дать ребятам передохнуть. Да и хочу получше понять, каков этот корабль на ходу... Надо держать как можно круче, иначе не вырежемся к Византийску, придется закладывать галс, а это потребует лишнего времени.

Максим, поморщившись от неприятных ощущений, сказал:

— А может быть, есть смысл увалиться и зайти в Синетополь, а оттуда уже выходить на прямую до Византийска?

— Да, посмотрели бы Синетополь! А то я там ни разу не был, — поддержал Максима Владик.

— Мы ведь не в туристическом круизе. Время надо беречь. А у Триахтырского мыса ветры часто устраивают такую кутерьму, что можно сразу не выбраться оттуда...

— Но есть же двигатель, — опять поморщившись, напомнил Максим.

— Двигатель оказался слабенький. Только для прибрежных маневров. Против сильного ветра он не выгребет... Жора, скажи матросам, чтобы выбрали грот до отказа!

Охохито и Паганель раздали на кофель-нагеле капроновый толстый конец, набросили на шкив лебедки, завертели рукоять. Гик с растянутой нижней шкаториной паруса повернулся почти вдоль палубы.

— Макарони, а кто будет подбирать стаксель! — заво-

пил Жора, увидев, что передний парус заполоскало. — Как сказал бы дедушка Анастас, с такими матросами только торговать соленой камсой на старом Пристанском рынке...

Макарони поспешно ухватился за стаксель-шкот. Владик кинулся помогать. Его и Макарони обдало брызгами. Весело фыркая, Владик вернулся на корму. Максим зачерпнул ведерком на тонком пеньковом конце воду, спел зубы и окатил себя с головой.

— Железный человек, — сказал Владик.

— А ты разве не будешь умываться?

— Меня уже умыло на баке... — Владик передернул голыми плечами.

Капитан Ставридкин покосился на мальчишек.

— Оделись бы, а то начнете чихать с такой закалкой. И не забудьте про жилеты. Смотрите, сдует с палубы, что тогда?

— А завтракать тоже в жилетах? — насмешливо спросил Владик.

— Тоже! — рыкнул на сына капитан. — Порассуждай еще...

Так они и уселись за узкий стол общего кубрика.

— По причине качки придется обойтись консервами, — объявил дядюшка Юферс.

Уже вполне освоившийся в экипаже Паганель весело спросил:

— Неужели вы, господин Юферс, разучились готовить завтраки и обеды при волне? Говорят, раньше вы это делали, как мастер...

— Дело не во мне, а в плите. Там заедает карданный подвес. Чай я еще сумел вскипятить, а с кашей придется подождать...

Максим лениво колупнул в консервах ложкой и отодвинул банку. Хлебнул из кружки и опять поморщился.

— Извините, можно я выйду на палубу?

— Валяй, — разрешил командовавший за столом Жора. — Только держись там крепче. — И когда Максим, расплескивая чай, выбрался из кубрика, старпом заметил: — Клянусь дедушкой, нынешняя легкая качка не способствует аппетиту мальчика. Будем надеяться, что это ненадолго... А как себя чувствует младший Ставридкин?

— Он чувствует себя нормально! — отрапортовал Владик. — Потому что с ним вот... — И он показал Андрюшку, который сидел у него на колене.

— В талисманах есть великая сила, когда они добрые, — понимающе сказал Макарони.

— Это не талисман, а просто Андрюшка, — слегка обиделся за любимого зайца Владик.

— А чего ж! Одно другому не мешает, — заметил Макарони. — Ты бы дал Максиму поддержать его за уши, у того тоже укачка прошла бы...

— Пойду дам, — согласился Владик. — Дядя Жора, можно?

— Можно... Хотя, клянусь дедушкой, от морской болезни лучшее лекарство — работа. Охохито! Ты ведь у нас мастер по узлам и сплесням. Найди для мальчишек хорошие пеньковые концы и покажи, как их сращивать по всем законам такелажного дела. Будем считать, что это в программе обучения нашей молодежи морским наукам.

Когда Владик оказался на палубе, он увидел, что Максим стоит у борта, не прячась от брызг и перегнувшись через релинги. Встал рядом.

— Максим, ты как?

— Что «как»? — слегка огрызнулся тот.

— Сильно... умотало?

— Я не делаю из этого трагедии, — с остатками твердости сказал будущий капитан.

— Ну и правильно... Ты не стесняйся, это со многими бывает. Ты же сам говорил про Нельсона...

— Я не стесняюсь. Но и гордиться тут, к сожалению, нечем... — он опять перегнулся через поручень.

— Подержи Андрюшку за уши, станет легче, — посоветовал Владик и протянул Максиму зайца головой вперед.

Максим помотал головой:

— Не поможет.

— Зря ты не веришь. Мне вот помогает...

— А мне не поможет. — Максим измученно и виновато улыбнулся. — Андрюшка на меня наверняка обиделся. За то, что я не захотел рядом с ним сниматься...

— Андрюшка никогда не обижается! Он добрее всех на свете! Держи...

Максим опять слабо улыбнулся и подержал в пальцах тряпичные заячьи уши.

— Эй, мучачос! — окликнул их Охохито. — Пошли в кокпит, старпом велел вас взять в работу. Каждый юнга должен знать, с какого конца за какой трос хвататься...

Они устроились в кокпите позади штурвала. Капитан Ставридкин иногда оглядывался на них, но довольно рассеянно, его заботила проблема оптимального выбора курса. Охохито показал мальчишкам загнутую деревянную штучку.

— Это, дорогие мои, называется «свайка». Первый инструмент всякого, кто занят делами с концами и тросами. Берутся два конца, надо их срастить. Срастишь плохо — дело может кончиться визитом к акулам... Это в школе, если плохо приготовишь урок, самое плохое — что? Ну двойка, ну нахлобучка или в самом худшем случае — папин ремень... А море за плохие уроки двоек не ставит. Ему в общем-то все равно, как ты учишься. Бывает, полетел конец — и нет человека, а то и всего корабля. А потому глядите и учитесь, мучачос...

В это время в Синетополе, во дворе с шумящими каштанами девочка Ника качалась на качелях. Ветер трепал ее разноцветное платьице и волосы. У подъезда стояла гото-

вая в дорогу иномарка. Мать Ники и дядя Рудик собирались в поездку.

Мать сказала от дверцы машины:

— Ника, девочка моя, подойди сюда.

— Зачем?

— Подойди, я сказала. Разве это трудно? Мы уезжаем до вечера.

Ника прыгнула с качелей и подошла, глядя в сторону. Прежде чем она успела увернуться, мать поцеловала ее в щеку.

Дядя Рудик не решился на поцелуй: Ника смотрела на него спокойно, но выразительно.

— Будь умницей, — сказала мать. — Погуляй, а потом ступай домой и займись французским. Не забывай, что у тебя задание на лето.

— А оно мне надо, это задание?

— Но иначе тебя не оставят в лицее!

— А я просилась в этот лицей?

— Какая ты неблагодарная! Дядя Рудик столько сил потратил, чтобы записать тебя туда!

— Я все равно вернусь в старую школу...

— Ты невозможная девчонка!..

Дядя Рудик взял жену за локоть.

— Юточка, пора ехать. Ника шутит. Все будет в порядке, верно, девочка? — И он бодро подмигнул падчерице. Та ответила соответствующим взглядом.

Иномарка с шуршанием укатила со двора.

Ника постояла, опустив руки, мотнула головой и снова прыгнула на доску качелей. Качнулась раз, другой. Разноцветное платьице опять затрепетало, как флаг...

А яхт-клубовский флаг, под которым шел «Кречет», трепетал на ахтер-штаге в потоках морского ветра. Ветер дул почти навстречу, курс был самый крутой бейдевинд...

Охохито проверял работу ребят.

— М-да, мучачо, это, надо сказать, получилось у тебя не очень красиво, — сказал он Владу и покачал в пальцах пеньковый трос с плетеным утолщением на конце. — Напоминает ужа, проглотившего зазевавшегося ежика...

— Зато крепко получилось, — не смутился Владик и ловко подпоясался сплетенным концом.

Охохито нагнулся над Максимом, который еще не закончил задание...

— Жора! — окликнул от штурвала капитан своего старпома. — Я не вырезаюсь! Придется сейчас увалиться, потом сделаем оверштаг. Без лишнего галса нам не обойтись...

— Как скажете, кэп! Хотя, клянусь дедушкой, я бы...

— Никаких «хотя» и никаких дедушек! Свалимся на десять миль к норду, а там снова ляжем курсом на Византийск!

— Есть, капитан!.. Матросы, по местам! И не вздумайте перепутать концы!

Матросы заняли привычные места у шкотов. Ребята приткнулись рядом.

Только дядюшка Юферс и выглядывающий из-под его локтя Гоша смотрели на аврал, высунувшись из люка.

— Давай, Жора, — сказал капитан.

— Потравить грот и стаксель! Да аккуратно, помалу... Еще!.. Стоп!

Оба паруса заполоскали было, но тут же снова взяли ветер, потому что капитан крутнул штурвал. «Кречет» побежал резвее. Но через четверть минуты капитан отдал новую команду:

— К повороту!

— Есть к повороту! На шкотах не зевать! — отозвался Жора.

— Поворот! — скомандовал капитан.

— Поворот! — повторил Жора. — Гика-шкот и стаксель-шкот втугую! Да живее! Неужели мама не учила вас быстро кушать манную кашу, чтобы не было так против-

но?! Гик налево... потравили слегка... Взяли левый стаксель-шкот!.. Молодцы, мальчики! Наветренный стаксель-шкот подберите, чтобы не болтался...

Нельзя сказать, что от мальчишек было много пользы, но они старались от души.

«Кречет» перешел носом линию ветра и теперь бежал правым галсом, полный бейдевинд.

— Макарони, возьми руль, — сказал капитан. — Курс десять градусов. Будем так идти около часа, этого хватит...

Макарони сменил Ставридкина.

Охохито снова устроился с мальчиками в кокпите. Одобрил плесень Максима:

— Хорошо справился, мучачо... А теперь задание на засыпку. Кто быстрее завяжет двойной беседочный узел, тот пойдет к старпому помогать ему разбираться в штурманских картах. Кто зазеваается, пойдет к дядюшке Юферсу чистить картошку. Так велел старпом... Раз, два... начали!

Максим, почти позабывший о морской болезни, ловко справился с узлом. Владик запутался. Завязал в конце концов, но гораздо позже Максима.

— Правильно-то у обоих, да вот юноша Ставридкин малость замешкался... Дядюшка Юферс будет рад такому помощнику.

— Ну и ладно, — сказал Владик. — Я только в кубрик загляну, заберу Андриюшку, ему на вахту пора...

Спустившись в носовой отсек, Владик неожиданно увидел там Паганеля. Тот, скорчившись, сидел на нижней койке и... давил кнопки мобильного телефона. Он очень испугался почему-то, вскочил, ударился головой о край верхней койки.

— А я... тут... вот...

— Я и не знал, что у вас есть мобильник, — сказал Владик.

— Да... я вот хотел... одной своей знакомой... Она говорила: сообщай о себе каждый день, а то буду переживать... Такая нервная... Если я помешал, то...

— Да звоните на здоровье, я только Андрюшку возьму...

Владик схватил зайца, по палубе добрался до носа и там опять накрепко привязал Андрюшку ушами к поручням.

— Смотри вперед внимательно! Ты ведь не боишься промокнуть...

А Паганель в это время, оглянувшись на выход из кубрика, опять понажимал кнопки и сдавленно заговорил:

— Алло, шеф... Это я, четвертый. Я внедрил... Судя по всему, гном открыл ребятам свои карты. Дальнейшее неясно. Подробности сообщу...

Владик оказался в камбузе. Весело сказал дядюшке и Гоше:

— Послали картошку чистить. За то, что узлы вяжу нерасторопно...

— Это самое... безобразие какое! — возмутился Гоша. — Издеваются это... над ребенком.

— Мы картошку и сами почистим, — сказал дядюшка Юферс. — Дело незаметное, за беседой-то...

— Я тоже помогу. Я и сам сюда хотел. Обидно только, что с узлом запутался... Конечно, Максим каждый день тренируется, а я этим почти не занимался. Что запомню случайно, то запомню...

— А ты не грусти, — утешил его дядюшка Юферс. — Хочешь, мы тебе такой узел покажем, о котором твой брат и не слыхивал? Про него даже не всякий старый моряк знает. Будет у тебя на другой раз преимущество...

— Хочу! А что за узел?

— Называется «узел Черного Джека»... Был на клипере «Островитянка» старый боцман-негр. Этак сотни полторы лет тому назад. И придумал он узел с особой хитростью. Мало того, что завяжет-развяжет его не каждый, у него, говорят, есть еще дополнительное свойство...

— Какое?

— Ходили слухи, что ежели завязать правильно да при этом пожелать еще чего-нибудь, то желание должно обя-

зательно исполниться. Ну, оно, конечно, сказка, да кто его знает...

— А давайте завяжем и пожелаем, чтобы сменился ветер! Чтобы мы оказались в Синетополе! А то папа заложил галс к норду, и к триахтырскому берегу нам теперь никак не попасть. Выходит, что и до сокровища на этот раз не добраться...

— Эх, Владик... — вздохнул дядюшка Юферс. — Это, может, у вас с Максимом получится, потому что когда кто загадывает желание, должен верить в это колдовство. А нам с Гошей на старости лет в сказки уже не верится...

— Ну, давайте мы с Максимом попробуем! — загорелся Владик. — Вдруг сбудется, что задумаем?

— Ты погоди... Сперва посмотри внимательно, как он вяжется. Не у всякого еще получается...

— Ты это, Владик... внимательней... — поддержал старого боцмана Гоша.

Ника задумчиво вернулась в пустую квартиру. Села к столу. Повертела в руках учебник французского языка. Отложила в сторону. Подперла щеки, стала смотреть на отцовскую фотографию. Потом подошла к кровати, сняла снимок со стены. Положила на подушку, легла щекой рядом. Пространство качнулось, обволокло девочку сном — ведь она не спала всю ночь...

Побежали в полумраке блики, словно отблески волн. Надвинулись какие-то скалы. Все это в полной тишине, как на экране телевизора с выключенным звуком. Появилось на миг живое лицо отца. Потом Ника увидела отца сидящим в одиночестве у палатки на песчаном берегу, на фоне развалин старинного города... Взгромоздились волны, кинули к берегу катер под черным флагом, с него прыгали люди в масках. Палатку распорол автоматная очередь. Отец вскочил, люди бросились к нему, скрутили. Мелькали их лица-маски, мелькало лицо отца, вставали

громадные волны, качались древние колонны и стены... Ника кричала и рвалась на помощь отцу, но крик ее тоже был беззвучным, а путы сна не пускали, держали, как резиновые шнуры...

— Ловко у тебя получается, — одобрил дядюшка Юферс, увидев, как Владик справился с хитрым узлом. — Не всякий сумел бы... А развязать так же быстро сможешь?

— Вот... — Владик несколькими движениями распустил узел Черного Джека.

— Ну вот, можешь теперь похвастаться перед братом, — заметил дядюшка Юферс и переглянулся с Гошей.

— Да не буду я хвастаться. Я ему покажу, пускай тоже научится. Ему нужнее... А может, правда загадать желание? А?

— Это уж вы с Максимом сами решайте...

— Мы попробуем. Хуже не будет...

— Это как знать... — вздохнул дядюшка Юферс. — Чтобы чего не навредить, не забудьте, когда желание скажете, сразу развязать узел. А то, говорят, если его долго держать завязанным, дождаться можно не того, чего хочешь, а всяких неприятностей... Сказки, конечно, да кто его знает... Макарони про все такое понятнее бы рассказал, он во всяких приметах профессор, да лучше его к этому делу не подключать. И себя напугает, и всех вокруг...

— Владик, ты это самое... если вправду вздумаете загадывать, то это... хорошо бы какое-то заклинание придумать...

— Какое заклинание?

— Это самое... лучше в стихах...

— Я не умею. Гоша, придумай ты. Ведь ты же поэт!

— Это самое... Надо чтобы тот придумал, кто это... загадывает... Мне про это еще боцман Пантелеич рассказывал на «Кречете»... это... на том, на прежнем...

— Чуть какая, — сказал Максим, когда Владик поведал ему о таинственных свойствах узла Черного Джека. — В двадцать первом веке живем, скоро на Марс полетим, а тут какие-то колдуньи сказки. Сказок не бывает...

— А корабельные гномы? — напомнил Владик. — Они ведь тоже сказка. А они есть!

— Гномы — это просто разновидность представителей земного населения, еще не изученная биологами. А всякая магия — это ерунда.

— Но ведь есть в природе еще не изученные свойства. Например, у пирамид...

— Пирамиды — тоже ерунда...

— Тебе лишь бы поспорить!

— Да я не спорю. Давай завяжем узел и пожелаем... А чего пожелать-то? У тебя есть заклинание?

— Я думал, думал... Наверно, нескладно получилось. Вот...

— Подожди, давай уж по правилам. Сперва завяжем, потом скажешь...

— Давай... Ты завязывай, ты ведь уже умеешь. А я это... прочитаю...

Максим аккуратными движениями связал хитрым узлом концы троса, который Владик принес с собой. Положил на одеяло. Владик вздохнул, зажмурился и сбивчиво продекламировал:

Это самое, хочу я,
Чтоб сейчас случилось чудо,
Чтобы Черный Джек помог
Повернуть нам на восток...

— М-да, не Пушкин, — не пощадил сочинение Владика Максим. — Едва ли в этом заклинании много волшебной силы...

Владик пожал плечами: сочинил, мол, что сумел...

Максим прислушался.

— Пока никакого чуда не слышно, не видно...

— Ну, не так же сразу...

— Ладно, подождем...

— Ты в чудеса не веришь, а одно все же случилось, — поддел Максима Владик.

— Какое?

— Тебя ведь больше не укачивает! Это Андрюшка помог.

— Просто я привык. Притерпелся...

— Он хотя и не обидчивый, а вот рассердится и снова нагонит на тебя морскую болезнь... — с легким злорадством сказал Владик.

— Не надо! — И, делая вид, что дурачится, Максим закричал в сторону выхода из кубрика: — Андрюшка, извини! Я пошутил! Я больше не буду!..

И в это время отчаянный порыв ветра ударил по яхте. Она почти легла парусом на воду. На наветренный борт обрушился пенный гребень.

Владик и Максим, которые сидели рядом на койке, задрали ноги, потому что оказалось, они лежат спинами на боковой стенке между койками — стенка сделалась вдруг горизонтальной.

— Все наверх! — звонко загредел снаружи голос старпома Сидоропуло. — Клянусь дедушкой, прозевали шквал! Майнай грот и стаксель, салаги, пока не остались без парусины. Макарони, носом к ветру!..

Яхта слегка выпрямилась, но крен был еще очень большим. Владик и Максим с трудом выбрались из проема между койками, бросились к трапу. Разом высунулись из люка.

— Вы куда? Марш вниз! — рявкнул на них капитан.

— Была команда «все наверх»! — крикнул Максим.

— Не для вас команда! Ваше дело сидеть и не высываться! А то смоеет, как тараканов!..

Владик вдруг метнулся к койке.

— Это мы виноваты! Забыли развязать узел.

Он суетливо распустил узел Черного Джека, но это не улучшило обстановки. Ветер свистел, яхту швыряло. Вы-

глядывая из люка, мальчишки видели, как все, кроме Макарони, который вцепился в штурвал, удерживая яхту носом к ветру, пытаются укротить и убрать взбесившуюся от шквала парусину. «Кречет» подбросило встречной волной, завалило на корму. Владик и Максим скатились с трапа. Максим поднялся быстро, Владик скорчился. Максим помог ему. Их спинами кинуло на койку.

— Что это у тебя? — крикнул Максим.

У Владика от рубца под коленом тянулась красная полоса.

— О ступеньку брякнулся, там латунь!..

— Надо забинтовать!

— Потом! Мне надо наверх! Там же Андрюшка, его соцвет! — Владик снова кинулся по трапу к люку.

Максим ухватил его поперек туловища.

— Не сходи с ума! Смоеет!

— Там же Андрюшка!..

Владик бросил на койку очки. В левой руке у него был зажат пеньковый трос — тот, который он недавно сращивал сплеснем и концы которого недавно были соединены злополучным узлом. Теперь Владик привычным движением захлестнул один конец вокруг себя петлей, правой рукой быстро завязал беседочный узел. Другой конец сунул в руки Максиму.

— Задай наверху за стойку два шлага! Я доберусь до носа, отвяжу Андрюшку! Ты, главное, не отпускай! Если сорвусь, тяни на себя изо всех сил!

— Сплесень не выдержит! Ты его кое-как сделал!

— Выдержит! Я всегда плету прочно, хоть и некрасиво! Делай, что говорят!

И самостоятельный, всегда уверенный в себе, Максим сейчас послушался Владика.

Они снова кинулись наверх. Максим двумя витками обмотал пеньковый трос вокруг стойки у выхода на палубу, вцепился в конец изо всех сил. Владик ухватился за комингс люка, пригнулся, выжидая момент. Когда схлынула

с носовой палубы очередная волна и яхта на секунду замерла между двумя размахами пенных гребней, он бросился на бак, согнутым локтем зацепился за трубчатый поручень и принялся, ломая ногти, развязывать Андрюшкины уши.

Новый гребень накрыл Владика, и, когда схлынул опять, мальчишку заметили Охохито и Паганель, пытавшиеся укротить и собрать спущенную парусину стакселя (в это же время Жора и Макарони, у которого капитан перехватил штурвал, работали на патент-риффе, убирая грот).

— Марш вниз! — гаркнул Охохито Владiku. Но тот пропустил над собой еще одну волну и продолжал отвязывать зайца. Опять волна... Владик еле удержался. Максим, сцепив зубы, следил за Владиком, готовый в любой миг потянуть конец. Охохито хотел ухватить Владика, чтобы забросить в кубрик, но руки матроса скользнули по мокрому резиновому жилету, а Владик толкнул Охохито ногой — не мешай.

— Убери его скорее! Клянусь дедушкой, смоем к чертям! — крикнул от мачты Жора. Охохито попытался снова оторвать Владика от релингов (и обоих накрыл еще один гребень). Паганель не мог прийти на помощь Охохито (а может, не очень и стремился) — он животом прижимал к палубе собранный в ком парус, который старался снова впустить в себя ветер и вздыбиться живым чудовищем.

— Держи! — Жора оставил на попечение Макарони рукоять патент-рифа (грот был уже почти скручен) и бросился на нос. Они ухватили Владика вдвоем. Это было не очень-то разумное действие. Ну оторвали от поручней мальчишку, а дальше? Гребень накрыл их троих. Вода понесла их по наклонной палубе. Максим, уцепившись за стойку локтем, а за ступеньку трапа ногами, изо всех сил (откуда только они взяли такие) потянул трос, которым был обвязан Владик. Жора и Охохито не удержали Владика (да, трезво размышляя, этого и не следовало делать), они запутались вместе с Паганелем в парусе, поминая его

(Паганеля) всякими морскими терминами (неразборчиво) и голоса: «Владик, держись!»

Максим потянул Владика сильнее прежнего, не удержал руку на стойке, его почти полностью вытянуло волной (которая тащила и Владика) на палубу. Максим опрокинулся на спину, согнул ноги, уцепился ими за ограждение люка. Волна накрыла и Максима, захлестнула в люк. Максим продолжал тянуть конец.

Владик со спасенным Андрюшкой в руках грянулся о Максима, толкнул его назад, они вместе покатались по трапу в кубрик, оказались сидящими на палубе у койки. Качнуло, подбросило, помогло мальчишкам усесться на койку и прижаться спинами к обшивке. Кроме того, они вцепились друг в друга.

— Подожди! — дернулся Владик. — А вдруг их смыло?!

Но Жору и его помощника не смыло. Голова старпома Жоры показалась в люке. Вцепившись в комингс, он прокричал плачущим голосом:

— Не знаю, какие приемы воспитания применяются у вас в семье! Но, клянусь ремнем дедушки Анастаса, я попрошу капитана!..

— Мы больше не будем! — хором сказали юнги, причем внимательный слушатель мог бы уловить в их голосах едва заметную дурашливую нотку.

— Да уж понятно, что не будете! После капитанской вздрючки! — И, преодолев сопротивление ветра, разгневанный старпом Жора Сидоропуло захлопнул стеклянную крышку люка.

— Приехали, — подвел итог Владик. — Наверно, запер снаружи. Теперь не вылезем, пока не позовут на расправу.

— Как думаешь, сильно влетит? — деловито поинтересовался Максим.

— Понятия не имею... Мне по-настоящему никогда в жизни еще не влетало!.. Наплевать! Главное, что Андрюшка — вот он... — Владик счастливо прижимал к груди пропитанного водой тряпичного зайца.

— Лишь бы твой папа не отправил меня домой!
 — Не отправит... Мы разве виноваты?! Мы же все правильно сделали! Андрюшку надо было спасти? Надо! Мы все продумали, страховку обеспечили!.. Жора сам в панику ударился...

— Я знаешь чего испугался в последний момент?

— Чего?

— Вдруг твой сплесень на тросе не выдержит! Тогда что?

— Я ведь говорил: всегда плету крепко, если даже некрасиво...

Этот разговор шел во время крепкой качки — волны продолжали швырять «Кречет», и ветер не унимался. Глянув на потолок, Максим спросил:

— Как ты считаешь, можем потонуть? Ты не думай, что боюсь, просто хочу трезво оценить ситуацию... Если тонуть, то не хотелось бы в запертом кубрике...

— Думаю, не потонем. Яхта килевая, перевернуться не может. Корпус новый, крепкий... Разве что мачту может сломать, но это еще не гибель...

Качнуло сильнее прежнего, мальчишки опять завалились спиной на внутреннюю обшивку, задрали ноги. Кровь по-прежнему бежала по ноге у Владика. Когда яхта наклонилась на другой борт, Максим глянул на Владыкину ногу и сказал:

— Не унимается. Надо перевязать.

— Да ерунда...

— Не ерунда. Истечешь кровью, как несчастный боец, брошенный на поле боя... — Максим загнул край флотского одеяла, вытянул край простыни, вцепился в него зубами, оторвал полосу. — Ну-ка давай...

Бинтовать пострадавшего при такой качке — дело непростое, прямо цирковой номер. Несколько раз раненый и «санитар» валились друг на друга, но в конце концов Максим завязал самодельный бинт.

— Только не делай узел Черного Джека... — хихикнул Владик.

— Макарони сказал бы: «Не поминай зря, худо будет», — отозвался Максим.

— Куда уж хуже-то! Вон как свистит... Сами виноваты — не развязали вовремя.

— Неужели думаешь, что из-за этого?

— Кто знает... Интересно, это только здесь так дунуло или по всему побережью?..

«Дунуло» по всему побережью. Разноцветными флагами стало рваться развешенное на балконах и во дворах белье. Согнулись деревья, взметнулись сорванные листья, посыпались разбитые стекла из захлопнувшихся оконных створок, запрыгали у причалов шлюпки, полетели вырванные из рук прохожих пестрые (взятые для защиты от солнца) зонтики. Помчался над асфальтом унесенный ветром тент от тележки с мороженым...

Ветер ворвался в комнату Владыкиной мамы, смахнул и разнес по углам листы дипломного проекта. Мама кинулась ловить их, собрала кое-как, прижала на столе тяжелыми книгами. Над столом подрагивала висевшая в рамке фотография: смеющиеся муж и сын.

Где они теперь? Что с ними?

Мама торопливо взяла мобильник, стала звонить на яхту. Телефон молчал. Если бы мама могла видеть крыши и башни города, она заметила бы, что потоки ветра согнули и обломали антенны на вышке ретрансляционной станции...

Мама с тревогой подошла к окну, которое захлопнулось само собой (и, к счастью, уцелело). Ветер хозяйничал на улице...

Хозяйничал он и в Синетополе. Вскинул и забросил на ветки доску качелей, на которых недавно качалась Ника. Нес по уступам улиц листья каштанов, выхваченные у прохожих газеты, чьи-то шляпы...

Ника шла из магазина с большой хозяйственной сумкой. Ветер чуть не вырвал сумку из рук, надавил на Нику, загнал ее под арку дома, у которой гнулась и скрипела старая акация.

Легко, словно клочок бумаги, ветер гнал по улице мальчика лет восьми-девяти в белом матросском костюме. А мальчик и не стремился остановиться — он, в свою очередь, гнался за синей бейсболкой, которую унес у него ветер. У акации ветер взметнул бейсболку, загнал ее в гущу ветвей. Мальчик по инерции чуть не пролетел мимо арки, но Ника перехватила его, вдернула за руку под защиту каменной стены.

— Вот балда! Тебя в море унесет!..

Часто дыша, мальчик смотрел на гудящую крону акации.

— У меня там шапка застряла... Пусти, я полезу...

— Ненормальный, да? Сдует, как букашку!

— Все равно полезу... У меня в ней там...

— Что?

— Очень важная вещь... — Мальчик качнулся к выходу на свистящую ветром улицу.

Ника опять схватила его. Мальчик дернулся.

— Пусти! Мне правда очень надо!

Они посмотрели друг другу в глаза. Мальчишкины глаза были мокрыми.

— Очень-очень? — сказала Ника.

— Да!!

— Держи... — Она отдала мальчику сумку. Прижала его крепче к стене, а сама выскочила и вцепилась в ствол акации.

Конечно, она была сильнее, крепче, поворотливей, чем растерянный мальчонка в матроске. Споря с ветром, забралась на скрипящую акацию. Почти скрылась в шумящей кроне. И скоро прыгнула на асфальт. Упала на колени, не удержалась, покатила по асфальту, вскочила. Вбежала под арку.

— На! — Ника протянула мальчику бейсболку.

— Спасибо... — Он прижал ее к груди, как спасенного котенка.

Ника помедлила и спросила:

— А что у тебя за вещь там?.. Если это не тайна...

Мальчик подумал, сунул пальцы под надорванную подкладку бейсболки, достал бумажку.

— Вот. Это билет от автобуса... счастливый... Я с ним сдавал приемный экзамен в музыкальную школу, в другом городе, и уж-жасно боялся, а он помог. На пятерку... Смотри, какой номер...

На бумажной ленточке были отпечатаны цифры:

123321

— Хорошо тебе, — вздохнула Ника. — Если бы у меня был такой билет. Для удачи...

— У тебя локоть ободрался... — виновато сказал мальчик.

— Подумаешь. Не смертельно... Ты далеко живешь?

— Нет, за углом, на Якорной...

— Пойдем... — Она взяла мальчика за руку (бейсболку он крепко держал другой рукой), и они, пригибаясь против ветра, ринулись к перекрестку.

За углом ветер был послабее. Скоро Ника и мальчик оказались у подъезда, вскочили в него, как в убежище. Здесь к ним с радостным повизгиванием подскочил клочкастый пудель.

— Чапа! — обрадовался мальчик. — Здравствуй! Тебя что, домой не пускают?

Чапа потанцевал перед мальчиком, а потом и перед Никой, на задних лапах. Ника потрепала его по ушам.

— Хороший... Это твой?

— Непонятно чей... А вообще-то общий... Смотри, он на твой локоть глядит. Дай ему зализать, и быстро пройдет. У добрых собак слюна стерильная. Чапа всем ребятам колени и локти зализывает, когда обдерут...

Ника усмехнулась и подставила локоть. Чапа деловито

взялся за свое санитарное дело. Мальчик и Ника наблюдали.

— Спасибо, — через полминуты сказала Ника Чапе. А мальчику сообщила: — Ну, все. Надо мне идти. Не теряй больше шапку...

— Не буду, — серьезно сказал он. И вдруг попросил, когда она шагнула к двери: — Подожди...

Ника остановилась.

— Тебе очень нужна удача? — спросил мальчик.

— Еще бы... — горько сказала девочка.

— Тогда возьми. — Мальчик достал из-под фуражечной подкладки и протянул автобусный билет.

Ника смотрела смущенно и недоверчиво.

— У меня была уже одна большая удача, — объяснил мальчик, глядя большими честными глазами. — Пусть теперь случится у тебя.

Она неуверенно взяла билет.

— А не жалко?

— Немного жалко, — прямодушно сказал он. — Но ведь тебе нужнее. А когда жалко, это даже лучше. Волшебство получается сильнее...

— Ты хороший человек, — сказала Ника.

— Да ну... обыкновенный... — пробормотал он. — Когда загадаешь желание, сомни билет в кулаке. А потом разглядь снова...

— Обязательно... Спасибо... — Ника вдруг быстро чмокнула мальчишку в щеку. Потом опять потрепала по ушам Чапу и выскочила под ветер...

Мальчик постоял, держась за щеку. Вдохнул, присел на ступеньку, притянул пуделя к себе...

— Эх ты, Чапа... А я ведь скоро уеду...

А «Кречет» продолжал бороться со штормом.

— Жора, надо поставить штормовой стаксель! — крикнул капитан Ставридкин. — А то развернет лагом, будет полный марш Шопена!..

— Поставим, кэп!

И скоро вверх по штагу поползла парусина маленького треугольного паруса.

— Охохито, Паганель! Возьмите пока руль! — скомандовал капитан. — Старайтесь держать круто-круто в бейдевинд. На грани заполаскивания... Макароны, Жора! Стаксель-шкот втугую!

Два матроса перехватили рулевое колесо.

— Скорость-то будет никакая, капитан, — жалобно сказал Паганель.

— Главное, чтобы не развернуло бортом к волне...

— Постараемся, капитан, — пообещал Охохито.

Штормовой стаксель иногда стремился заполоскаться, но Охохито слегка перекадывал руль под ветер (Паганель, судя по всему, помощник был так себе), и дрожащая парусина снова натягивалась. Яхта шла, зарываясь носом в волну...

В кубрике Максим и Владик при каждом раскачивании по-прежнему наваливались друг на друга. Владик прокричал:

— Стало качать ровнее! Наверно, вздернули штормовой треугольник!

— Ты говорил, что не разбираешься в морском деле! А на самом деле вон как разбираешься! — крикнул в ответ Максим.

— Я говорил, что не учил специально! А что знаю, то само запомнилось!.. — Он повертел в пальцах очки. — Смотри, стекло треснуло. Даже не заметил когда...

Наверху капитан Ставридкин распорядился:

— Теперь надо перекусить по очереди. Как бы ни свистело, а питаться необходимо...

— Клянусь дедушкой, это правильно. У меня чем крепче свистодуй, тем сильнее аппетит...

— А как там эти любители приключений?

— Никуда не денутся. Я их закрыл внизу.

— Взгреть бы обормотов...

— За что, Данилыч? Любимого зайца спасали. Нам-то не до него было, а они вспомнили... И, кстати, действовали по правилам...

— Вот оказались бы за бортом. Разве выловишь в такой каше?

— Господь миловал... — Жора украдкой перекрестился. — Ты их, Данилыч, сильно не ругай. Клянусь дедушкой, геройские пацаны...

— Ладно... В любом случае надо сперва покормить...

Жора заглянул на камбуз:

— Дядя Юферс! Доблестные мариманы должны обедать даже на краю пучины!

— Придется опять консервами, Жора! Сам видишь, какие танцы!..

— Хоть чем! Клянусь дедушкой, я готов сожрать живого кашалота! — И Жора скрылся.

Корабельный гном Гоша сокрушенно сказал из-за своего укрытия:

— Кажется, это самое... намудрили мы с этим колдовством...

— Думаешь, мальчишки что-то сделали не так?

— Это самое... я сделал не так. Узел-то этот сам по себе.

А я еще вдобавок поворожил это... по старинке. Гномьим заклятием. И это самое... перестарался, видать. Практики мало... Это, значит... старость...

— Зачем ты, Лангустыч, решил добавить ветру-то?

— Думал, это... что капитан сразу ляжет на левый галс, потому как при нем, при левом, это самое... «Кречет» послушнее. А он, капитан-то, кажется, это самое... не распознал еще такое... или не успел повернуть... Теперь это... уж точно не видать нам Синетополя...

— Это, Гоша, еще рано говорить. На море бывает всякое... Пойду кормить морячков...

— Погляди, как там мальчишки. Это самое... тревожно за них...

— Погляжу...

Мальчиков между тем Жора с предосторожностями переправил через палубу в общий кубрик.

— Получите героев. Под расписку.

Максим и Владик встали, насколько это позволяла качка, в позу виноватых школьников, которых доставили в кабинет завуча.

Те, кто поедал из банок принесенные дядюшкой Юферсом консервы (капитан, Жора, Макароны и сам Юферс), молча смотрели на них.

Проглотив очередную порцию фасоли, капитан наконец спросил:

— Как по-вашему, что теперь с вами делать?

Они переглянулись.

— Наверно, выдрать, да? — с грустным пониманием выговорил Максим.

— Очень правильная мысль... Жаль, что пока не позволяет обстановка... Есть хотите?

— Да!! — возгласили оба юнги.

А Максим радостно добавил:

— Представьте, у меня всю морскую болезнь слизнуло непонятно куда! Наверно, с перепугу! И теперь зверский голод!..

— Ешьте, мои хорошие... — Заботливый дядюшка Юферс протянул им открытые банки и ложки. Оба «героя» накиннулись на еду.

Затрещал телефонный сигнал. Капитан схватился за карман, выдернул мобильник.

— Я про него и забыл. Надо же, не размок... Да! Слушаю!.. Да, я... Все нормально... Ну свистнуло слегка, теперь ковыляем потихоньку против волны. Обидно, что теем время, а так все в порядке...

— У нас тоже был сильный шквал! — кричала в телефон обрадованная мама Владика. — Но сейчас уже все стихло! И, видимо, сразу починили антенны. А сперва я никак не могла связаться с вами и очень беспокоилась... Как там мальчики! Что?..

— В порядке мальчики, — бодро отвечал капитан Ставридкин. — Вон наворачивают фасоль в томатном соусе за обе щеки... Нет, не укачивает, он же со своим зайцем!.. Макса малость укачало сперва, но теперь ест с удвоенным аппетитом... Ладно! Мы тоже целуем... Ребята, вам привет от мамы, от тети Оли...

— Ура... — не переставая жевать, откликнулись они и отсалютовали ложками.

— Жора, Макароны, смените сейчас рулевых, пусть пожуют, — сказал капитан.

— Дядя Степа, а можно я постою на вахте с рулевыми? — сунулся вперед Максим. — Кажется, волна стала потише...

— Жора, одолжи мне дедушкин ремень! — с самым зверским лицом потребовал капитан Ставридкин.

— Дядя Степа, я пошутил! — быстро сказал Максим.

Капитан оглянулся на старого боцмана.

— Дядюшка Юферс, заберите юных обормотов на камбуз, и пусть до вечера драят миски, вилки, ложки. Это им за все их фокусы. И чтобы носа не совали на палубу...

— Будет сделано, капитан! — Дядюшка подмигнул Владиду и Максиму.

На камбузе мальчишек встретил обрадованный Гоша.

— Я весь это самое... ис-пере-живался!.. С вами это... ничего не случилось?

— Все в порядке! — бодро сообщил Владик. — И главное, что Андрюшка с нами! — Он поболтал в воздухе лапами промокшего зайца, с которым теперь не расставался.

— Вот разожгу плитку, мы его высушим, — пообещал дядюшка Юферс.

— Что-то мы это... не то наколдовали, — самокритично покряхтел Гоша. — И вы, и... это самое... я... У меня даже стихи сочинились. Может, это... пригодятся для поэмы...

Наверху свистело по-прежнему, и яхту болтало не меньше, чем раньше, но все уже притерпелись к штормовой обстановке. Поэтому Владик подбодрил друга Гошу:

— Почитай!

— Я... это...

— Правда, Георгий Лангустович, почитайте, — попросил и Максим. Может быть, скорее из вежливости, но внешне убедительно...

— Я... ну, это... вот... — Гоша, цепляясь за что попало, ухитрился встать в позу декламатора.

Чтоб клад капитана отважного Румба
Скорей оказался поближе от нас,
Мы силы свои напрягли упруго,
Но «Кречет» вдруг лег на ненужный нам галс...

— Правильно, Гоша, — вздохнул дядюшка Юферс. — Правильно, хотя и печально... С этого галса «Кречету» теперь и не уйти, пока дует с такой силой. Под штормовым стакселем делать оверштаг — штука рискованная. Как зависнешь в левэнтике, раздолбать и кинуть может в такие тартарары...

— Это я... это самое... во всем виноват... — скорбно сообщил Гоша, выходя из «поэтического транса».

— Да ладно, не горюй, — попытался утешить его Владик. — Ну, пусть не будет клада. Зато были приключения! Ты о них напишешь новые стихи...

В главном кубрике в это время шло совещание.

— ...Такая вот неприятность, Данилыч, — докладывал старпом Жора. — Кто мог подумать. Казалось, новая яхта, а тут все одно к одному. И двигатель не запускается, и вант-путенсы раздолбало... Клянусь дедушкой, еще немного, и мачта может полететь.

- Это что же? Хочешь не хочешь, а надо менять галс...
- И даже двигателем не подработаешь... А мачту надо спасать. Если не укрепим вант-путенсы, полетит...
- Может, поднять зарифленный грот?
- Клянусь дедушкой, ванты не выдержат...
- Тогда не будем тянуть, Жора. Может, бог морей будет милостив?
- На то и надежда...

Матросы и Жора разобрали стаксель-шкоты. Капитан Ставридкин встал рядом с рулевым Макарони.

- Начали, ребята. Ували помалу... Хватит... К повороту!
- Есть к повороту! — откликнулся Жора.
- Поворот! Крути, Витя!.. — и сам стал помогать вертеть штурвал.

Яхта пошла носом к ветру. Не очень охотно пошла — скорость еле-еле, парус маленький. Встала носом точно к ветру и волне, заныряла пуще прежнего.

— Стаксель на ветер! — заорал капитан. Жора и матросы вручную вынесли налево как можно дальше шкотовый угол штормового треугольника. Яхта подскочила и ухнула с волны еще, еще и... наконец перевалила на левый галс.

— Ура! — завопил у штурвала Макарони и тут же трижды плюнул за плечо.

Капитан облегченно улыбнулся.

— Ну и лады... Жора, займись с Охохито подветренными вантами, поставьте временные талрепы... И можно, пожалуй, поднять наполовину грот. Побежим как надо. Терять нечего, теперь все равно не миновать Синетополя, придется заходить на ремонт. Невеселое дело, да все же лучше, чем к рыбам в гости...

Скоро «Кречет», прыгая с волны на волну, мчался среди гребней в бейдевинд левого галса. Паруса были уменьшенные — все тот же штормовой стаксель и зарифленный наполовину грот, но скорость была приличная, потому что ветер не слабел. Между тем опускались сумерки...

На камбузе шла беседа. Дядюшка Юферс довольно рассказывал:

— Капитан так и сказал: «Теперь без захода в Синетополь не обойтись, а там застрянем на сутки, не меньше». Надо ремонтировать растяжки, спасти мачту. Да и двигатель проверить... Так что твоя судьба, Гоша, вроде стала поулыбчивей...

— Ох... это... не знаю...

— Будем надеяться... А пока включим музыку... — Дядюшка Юферс нажал кнопку плеера, и послышалась знакомая песня о сундучке.

— Макарони услышит, опять начнет накликать всякие беды, — опасно сказал Максим.

— При таком свисте не услышит, — возразил Владик. — Да и чего в этой песне плохого? Сперва страшновато, а потом все хорошо. Про кота, которого взял с собой юнга Генри... Может, это про того самого кота, что в другой песне, в колыбельной... — И он погладил Андрюшку, которого держал на колене.

Дядюшка Юферс быстро перемотал пленку, и послышался последний куплет колыбельной:

Кот корабельный приткнется под боком
(Стрелка компасная — кончик хвоста).
Канет печаль твоя в море глубоком,
Если тихонько погладишь кота...

Помолчали под чувствительную песню. Гоша поворочился и сказал:

— Хорошо это... когда на судне кто-то живой, с лапами, с хвостом... У нас на клипере, при капитане Аполлоне Филиппыче Гушине-Безбородько, был это самое... пудель. Звали его это... Бимс! Всех потешал, танцевал это... под балалайку. Боцмана Пантелеича изображал, как тот... это самое... выпимши из увольнительной по трапу идет... Тот это... не обижался... А еще он это... всех лечил обязательно. Если кто обдерется до крови, палец... это самое... порежет или на гвоздь напорется, сразу Бимса зовут. Он

это... полизет, и скоро, значит, никакой болячки и заразы...

— Сейчас бы сюда этого Бимса, — вздохнул Владик. — А то Андрюшка хороший, но лизать раны не умеет...

— А что... это... у тебя где? — тут же заволновался Гоша.

— Да, кажется, нога припухла под бинтом...

— Это... болит?

— Маленько... Да ладно, пройдет...

— Ну-ка, ну-ка... — Дядюшка Юферс ухватил Владика за щиколотку и начал толстыми своими пальцами разматывать бинт (конечно, уже не самодельный, из простыни, а марлевый). — Ай, и правда припухло... Уж не заразил ли?

— Да не...

— Я это... — нерешительно сказал Гоша. — Если, конечно, никто не против... Я это самое...

— Что, Лангустыч? — с ожиданием глянул на него дядюшка Юферс. — Рецепт имеется?

— Не рецепт, а то самое... — Гоша поскреб под вязаным колпаком темя. — Насчет этого... значит, Бимса. Маленько еще колдовства-то у меня осталось... Может... попробовать?

— Как это? — разом выдохнули Владик и Максим.

— Вы только... это... сперва прикройте глаза... чтобы, значит, не сглазить... и ты, Юферс...

Мальчики и дядюшка удивленно переглянулись, но послушались.

Корабельный гном пооглядывался, съежился, забормотал, закрутил большими пальцами сложенных на животе рук... шумно выдохнул... и перед ним затанцевал на задних лапах черный лохматый пудель.

— Значит, это... вот... Бимсик, хороший ты пес...

Дядюшка и ребята изумленно уставились на песика. А тот, не смущаясь новой обстановкой, потанцевал, лизнул гному ладонь и деловито обернулся к Владiku. Сразу понял, что надо делать. Шершавым языком принялся вылизывать покрасневший рубец.

— Ой... — шепотом сказал Владик.

— Это самое... терпи, если шекотно...

— Да не шекотно, а... не верится... Он настоящий?

— А ты это... погладь...

Владик погладил пуделя. Тот помахал хвостом, не прекращая своего медицинского занятия. А когда прекратил, сел и вопросительно посмотрел на всех по очереди.

— А у меня вот... тоже... — Максим храбро отодрал от колена пластырь. — Еще не совсем подсохло. И болит иногда...

Бимс продемонстрировал полную готовность помочь и другому мальчишке. Такая, мол, моя корабельная служба. Начал лизать колено.

— Мы с Владиком оба хромые инвалиды, — улыбнулся Максим виновато, словно извиняясь за прежние грехи. — Только он сильнее пораненный...

— Теперь оба избавитесь от инвалидности, — пообещал дядюшка Юферс, бинтуя Владiku ногу. — Хорошая собачка Бимс. Вот ведь какое чудо... Гоша, ты ее насовсем сюда или...

— Это самое... насовсем такое не получается... на минутку только...

Бимс оглянулся на гнома: я, мол, свое дело сделал.

— Это... умница Бимс, — похвалил Гоша. — А теперь это самое... беги. Привет Аполлону Филиппычу...

Бимс еще раз мотнул хвостом и... не убежал, а просто растаял в воздухе.

— Ну вот, — вздохнул Максим. — Даже спасибо сказать не успели.

— А вы это самое... скажите. Он услышит...

Владик и Максим посмотрели друг на друга, зажмурились и громким шепотом произнесли вместе:

— Спа-си-бо, Бимс...

И послышалось сквозь штормовой шум, будто кто-то весело тьякнул вдали...

Дядюшка Юферс опять включил колыбельную.

Ветер, кажется, стал спокойнее, ровнее. Ребят клонило в сон. Они, сидя рядышком, привалились друг к другу.

— А когда будет Синетополь? — пробормотал Максим.

— Если все пойдет без приключений, то завтра утром, — разъяснил дядюшка Юферс. — Хотя на море случается всякое...

«Кречет» шел по темному морю среди смутно белеющих гребней.

Под низкими облаками прорезалась оранжевая щель заката...

5. ПРИКЛЮЧЕНИЯ В СИНЕТОПОЛЕ

«Кречет» ошвартовался в Яхтенной гавани Синетополя рано утром. Старинный приморский город белыми ступенями спускался к бухте...

Капитан Ставридкин завел со старым боцманом деловой разговор:

— Дядюшка Юферс, есть к вам большая просьба. Мы целый день будем ремонтироваться, крепления вант-путов на правом борту еле дышат, да и обшивка малость пострадала, так что...

— Степа! Да разве я не понимаю? Я хотя и в пенсионном возрасте, боцманскую науку не забыл и все, что надо... Помогу изо всех сил...

— Дядя Юферс! Самая большая помощь будет, если вы заберете мальчишек и отправитесь с ними в город до вечера. Чтобы они не болтались под ногами. Тем более что им отчаянно хочется на берег, а одних отпустить я не могу... А с ремонтом управятся те, кто помоложе!

— А! Ну, ежели так... Тогда мы зайдем в гости к моей старой знакомой, к мадам Элеоноре. Очень своеобразная и приятная дама. Когда-то, во времена «Долбленой тыквы», служила у меня экономкой. Потом уехала сюда, к племян-

нику, завела собственную таверну и неплохо с ней управляется. В отличие от меня... Однажды был такой случай...

— Вот и хорошо, вот и хорошо... Вы, пожалуйста, разбудите ребят, покормите и ведите гулять. В Синетополе есть на что посмотреть...

Через несколько минут Владик, Максим и дядюшка Юферс направлялись к трапу. Дядюшка был в плаще до пят.

— Чегой-то вы, господин Юферс, так закутались? — оживленно заговорил Паганель, успевший спрятать в широкий карман свой мобильник. — День, говорят, будет жаркий...

— Мало ли чего говорят! Вчера вон тоже говорили, что все спокойно, а как плюнуло!.. А плащ, если что случится, нам сразу как палатка. Верно, ребятки?

— Ага! — дружно откликнулись Максим и Владик, стараясь ногами придержать полы дядюшкиного плаща...

Когда сошли на причал и проследовали через территорию яхт-клуба, дядюшка с облегчением скинул и свернул свой «балахон». Освобожденный из укрытия корабельный гном Гоша радостно шурился на солнышко и бодро потягивался.

— Это самое... какая благодать... Я в Синетополе был последний раз... это... девяносто пять лет назад. На шхуне «Румяная Матильда»... В ту пору корабельных гномов здесь было множество, никто на нас внимания не обращал...

— Да и теперь не обращают, — заметил Максим. — Вы, Георгий Лангустович, держитесь независимо...

— А я... это... я и так...

И они двинулись по приморским улицам мимо лавочек, старинных домов, маленьких пестрых рынков и шумных фонтанов, в которых плескались ребятишки...

Остановились у входа в одноэтажное здание с висящей на цепях вывеской. На вывеске была изображена дама в

розовом платье, опирающаяся на большущий якорь, и тянулась по кругу надпись: «Прекрасная Элеонора».

На самом деле хозяйка таверны оказалась не такой уж прекрасной — довольно высокой, худой и пожилой. Но весьма энергичной, с шумным и несколько восторженным характером.

— Добрый день тебе, прекрасная Элеонора... — начал дядюшка слегка игриво, когда оказался в помещении. При этом он придерживал за плечи мальчишек, а Гоша скромно укрывался за его широкой штаниной.

Мадам Элеонора за стойкой всплеснула руками.

— Братец Ю! — Она торопливо выбралась из-за прилавка, бросилась к гостям. — Наконец-то ты вспомнил свою верную Элеонору! — Она обняла дядюшку, отодвинула, поразглядывала. — Все такой же красавец! Неприятности тебя не согнули, не-ет...

— Ты тоже все такая же...

— Я держусь. Как говорится, надо быть сильнее обстоятельств...

— Ты всегда была молодцом...

— А это что за молодые люди? — Мадам Элеонора слегка нагнулась над ребятами. Владик смущенно засопел, Максим светски наклонил голову.

— О! Это самые юные члены экипажа яхты, на которой мы пришли сюда. Владик и Максим... Нас загнало в Синетополь штормом...

— Спасибо шторму! А то мы с тобой не увиделись бы еще лет десять!.. Ребятки! Сейчас мы устроим праздничный завтрак! В честь нашей встречи!.. О, простите! Я не сразу обратила внимание на вашего спутника... — Мадам Элеонора нагнулась еще ниже.

— Это Георгий Лангустович Ныряйло. А попросту Гоша, наш друг... Из корабельных гномов. Ты ведь и раньше встречалась с корабельными гномами, не так ли?

— Еще бы не встречаться! Я служила в портовых тавер-

нах, а не в дамских парикмахерских!.. Гоша, будьте как дома!

— Я... это самое... весьма... — Гоша закивал вязаным колпачком и смущенно затоптался босыми ступнями.

— Гоша замечательный поэт. Когда он закончит свою поэму о клипере «Кречет», премия «Золотой якорь» будет ему обеспечена...

— Юферс... это самое... шутит... — Гоша залился румянцем.

— А ты прочитай Элеоноре отрывки из поэмы! Она сразу скажет, шучу или нет! Она у нас такая любительница поэзии!

— В самом деле, Гоша! Доставьте старой даме удовольствие...

— Я... это...

— Вот и чудесно! Однако сначала к столу!.. Мальчики, умывальник и все прочее вон за той дверью...

Оказавшись за столом, Владик и Максим налегли на мороженое. А Элеонора завела литературную беседу со старым боцманом.

— Юферс, как дела с твоей книгой? Много ли историй собрал для нее?

— Собрать-то собрал... Да не хотят печатать. Предлагают за свой счет, а откуда у меня деньги...

— Я тебе помогу, Юферс. Я тут тоже кое-что записываю, когда бывалые мариманы развязывают языки за бутылками. Просто ради интереса. Недавно подумала: вот как-нибудь покажу братцу Ю. А ты тут как тут... Там есть такие сюжеты, что с ними твоя книжка будет нарасхват в любом издательстве...

— Не может быть...

— Поверь! Прекрасная Элеонора понимает толк в таких делах... Идем ко мне в кабинет!

Ребята заерзали. Переглянулись.

— Дядя Юферс, можно мы тогда погуляем одни? — спросил Владик.

— А... да... но как же одни...

— Мы ходим в ближнюю аптеку. Надо заказать новое стекло для очков. Видите, трещина...

— Да ведь нужен рецепт...

— А рецепт у меня всегда с собой, на всякий случай. — Владик из кармашка у пояса вытащил скомканную бумажку. — И деньги папа дал...

— Пусть погуляют, — рассудила мадам Элеонора. — Не бойся за мальчиков, Юферс. У нас в Синетополе никогда не обижают детей. А если заблудятся, любой покажет дорогу к Прекрасной Элеоноре...

— Но не очень долго...

— Недолго! Гоша, идем...

— Нет-нет! — воспротивилась хозяйка таверны. — Гошу я не отпущу! Он обещал мне почитать свое сочинение!

Ребята переглянулись. Растерянно посмотрели на Гошу. Он подковылял к ним, отвел в сторону.

— Вы это... гуляйте, а я пока тут...

— А как же поиски клада?

— Вы в городе... это самое... поознавайте про катакомбы... А я это... у хозяйки... Мне кажется, она должна кое-что знать... У меня это... интуиция...

Ребята шагали по улицам Синетополя и вертели головами. Все было необычно. Каменные лестницы, памятники, старинные бастионы. Наконец заметили вывеску: «Очки для всех и для каждого. Только у нас — для любых глаз!»

Зашли.

— Скажите, пожалуйста... — начал Владик, обращаясь к окруженной пегими кудрями профессорской шапочке склонившегося над прилавком продавца. — У вас можно заменить стекло? По рецепту...

Продавец поднял голову. Оказалось, что это носатый,

похожий на растрепанную ворону старик с веселыми глазами.

— Надо же послушать, что говорят эти мальчики! «Можно?» — говорят они! А если нельзя, то зачем нужна наша аптека? Давай сюда оправу! Давай рецепт... Та-ак... Вот это стекло будет в самый раз и, надеюсь, окажется долговечнее прежнего... Ну-ка примерь... Что скажете, молодой человек?

— Правда в самый раз! Спасибо... А сколько это стоит?

— Вы посмотрите на этого мальчика! Он говорит старому Стекольному мастеру, которого знает весь Синетополь, «сколько стоит»! Если все мальчики, которые носят очки, будут платить за разбитые стекла, их мамы и папы не вылезут из долгов!.. Носи на здоровье и старайся расшибать очки хотя бы не так часто, как колени... Постой! Тебе надо перебинтовать ногу! Похоже, что своим бинтом ты чистил башмаки...

Стекольный мастер усадил Владика на белый медицинский табурет, ловко размотал на его ноге бинт.

— О! Да здесь уже нет ничего, что надо перевязывать! Все засохло. Провалиться мне в подвальное помещение стекольного склада, если эту ссадину не лизал какой-то корабельный пес!

— Ой! А вы откуда знаете?! — изумился Владик.

— Мальчик спрашивает: «Откуда вы знаете?»! Пусть мальчик спросит Стекольного мастера: «Сколько вы живете на свете?» Когда проживешь столько, будешь знать все!

— Простите. В таком случае вы, наверное, знаете и про Триахтырские катакомбы? — осведомился Максим. — Не скажете, где они?

— А! Все ясно! Я вижу перед собой юных искателей кладов! Они наслушались историй про сокровища катакомб и решили следовать по стопам Тома Соьера!

Максим и Владик растерянно переглянулись.

— Нет ничего проще! — живо объяснил старик. — Вход в катакомбы на краю города. В конце улицы Трех Капита-

нов. Там большая вывеска. В киоске у входа продаются схемы подземелий. Не бойтесь заблудиться, внутри указатели: «К сокровищам Флинта», «К сундуку Генри Моргана». И так далее... Правда, сокровища давно вырыты, но для самых старательных разведчиков дирекция кладет в ямы призы: жевательную резинку и разноцветные значки...

Мальчики снова переглянулись — на этот раз очень разочарованно. Стекольный мастер назидательно поднял палец:

— Дети мои! Главное ваше сокровище — ваши юные годы и умение радоваться жизни. И быть крепкими друзьями. Вот его-то не теряйте ни в коем случае... А если снова побьете очки — добро пожаловать...

— Спасибо. До свиданья, — пробормотали озадаченные искатели клада и оказались на улице.

Владик скреб снятыми очками затылок.

— Все, значит, зря...

— Вообще не значит, — возразил Максим. — Очень часто сокровища прячут как раз в самых открытых местах. Там, где никому не придет в голову искать их всерьез...

— Да, но где искать-то? Если там все исхожено...

— Ты забыл про приметку? Латинская «Эр» с кружком в зеркале! — и Максим очень похоже на Стекольного мастера поднял палец... Потом глаза его досадливо округлились. — Тьфу ты! И здесь!..

Владик глянул туда же, куда смотрел Максим.

На фасаде дома, через дорогу от аптеки темнела размашистая надпись: «Здесь был Вася».

Дядюшка Юферс с головой погрузился в записи мадам Элеоноры.

— Элеонорущка... ты чудо... Здесь такие сокровища...

Еще на целую книгу...

— Дорогой Ю, это тебе мой подарок. На память о заме-

чательных годах в «Долбленной тыкве». Ах, какая была таверна! Какая жизнь!..

— Она мне снится по ночам. Иногда приходят наивные мечты: вот найти бы сокровище и выкупить «Тыкву» обратно...

— А... это самое... Да! — спохватился Гоша. — Мадам Элеонора... это... вы, может быть, знаете про здешние Триахтырские катакомбы.

— Батюшки! Да кто про них не знает! Любой мальчишка...

— А тогда... это... дорогой Юферс, мы ведь можем... это самое... доверять мадам Элеоноре полностью, не так ли?

— О чем речь! Мы знаем друг друга полвека!

— Тогда я... это... мадам Элеонора, можно вам поведать... это самое... наш секрет? — Он поманил хозяйку таверны в уголок, потянул за руку, заставил присесть и начал рассказывать ей на ухо свою тайну. При этом горячо жестикулировал толстыми пальцами и время от времени оглядывался, как заговорщик в пиратском фильме. Элеонора тихо ахала, закатывала глаза и понимающе кивала. Дядюшка сперва поглядывал на собеседников, но скоро записи Элеоноры снова захватили его полностью. Он вдохновенно лохматил остатки волос и листал страницу за страницей.

— Потрясающе... — бормотал он. — Жемчужины морского фольклора...

Гоша в это время, переминаясь и побряхтывая, объяснял:

— Я... это самое... много мне и не надо... Купить бы маленькую старую шхуну, поставить у тихого причала да и жить понемногу...

— Да-да, я понимаю! Отдавая все силы поэтическому творчеству...

— Ну да... это... отдавая... О плаваниях речи нет, но хотя бы... это самое... чтобы море рядом...

— Ах, как это романтично... И не столь уж неправдоподобно. Конечно, Триахтырские катакомбы обшарены искателями кладов и туристами, но... там есть еще и мало-доступные места... Девочкой я немало лазила там с друзьями-мальчишками и кое-что помню...

— Круглый грот... это...

— Да-да, есть и круглый грот! О нем почти никто не знает. И вдруг... Ах, как это было бы прелестно!

— А это... он далеко?

— Для кого как... Для знающего человека... Гм... Но при одном условии, Георгий Лангустович...

— Гоша. Мы ведь это... договорились...

— Да-да, разумеется... При одном условии, дорогой Гоша. По дороге вы почитаете мне свою поэму.

— Это самое... я...

— Вот и отлично!.. Драгоценнейший Юферс! Я понимаю, что тебя от моих тетрадок теперь не оттащишь за уши!

— А?... Я... да...

— Вот-вот... Копайся в них, а мы с Гошей прогуляемся. Не теряй нас. Когда вернутся мальчики, моя помощница накормит вас обедом...

— Спасибо, Элеонорушка... Вот эта история про говорящего кота, который предсказывал кораблекрушения, восхитительна...

Рядом с таверной стоял автомобиль чрезвычайно старинного вида. Мадам Элеонора открыла дверцу, помогла Гоше забраться на сиденье. Уселась за руль. Лимузин выплюнул синий дым и, тарахтя, бодро покати по улицам Синетополя...

Другая машина, блестящая иномарка, тоже готовилась отъехать от своего дома — от того, где жила Ника.

— Итак, я спрашиваю последний раз: ты едешь с нами? — обратилась к Нике ее мать.

— Хорошо, что последний. А то я устала отвечать: «Нет, я не еду с вами».

— Совершенно непонятно, почему ты нас так не терпишь.

— Потому что вам на меня наплевать. Взять меня с собой вам надо для соблюдения приличий. Чтобы знакомые не говорили: «Девочка совсем беспризорная»...

— А тебе очень хочется стать беспризорной!

— А что такого? В нашей стране беспризорников два миллиона. И не самые плохие люди...

— Я не понимаю, за что ты так не любишь родную мать? Ладно, ты не выносишь дядю Рудика... а я-то... Я всей душой... — Она слегка всхлипнула...

Дядя Рудик открыл дверцу, взял жену за руку.

— Дорогая, садись... Ника сама вправе решать, как ей поступить. Она не маленькая...

— Вот именно! И не смейте больше снимать со стены папину фотографию!

— Я это сделала, только чтобы вытереть пыль!

— И засунула в угол!

— Если остаешься, не смей уходить из дома!

Ника дернула плечами и пошла к двери.

Машина уехала. Ника через плечо смотрела ей вслед. Потом повернулась и рассеянно побрела прочь со двора. На бульваре она приласкала пробегающую мимо собачонку, села на скамейку, оглянулась, увидела, что рядом никого нет, и легла головой на спинку скамьи. Плечи у нее вздрогнули...

— Чего теперь делать-то? — сумрачно сказал Владик.

— Все-таки надо побывать в этих катакомбах. Хотя бы для очистки совести... — рассудил Максим.

— Мастер сказал: в конце улицы Трех Капитанов. Вот как раз она...

— Ну так идем!

И они плечом к плечу решительно зашагали по раку-

шечному тротуару. Скоро тротуар вывел их на аллею среди старых тенистых деревьев.

Владик и Максим шли мимо садовых скамеек. Те были пусты, лишь на одной сидела темноволосая девочка в пестром платьице. Сидела, повернувшись к аллее спиной и уткнувшись лбом в положенные на спинку скамьи локти. Кажется, плечи у девочки дрогнули.

Мальчишки прошли мимо, не замедлив шагов: неловко смотреть, если человек плачет. Но... а проходить мимо — ловко?

Они быстро оглянулись и опять стали смотреть перед собой. Максим на ходу сказал:

— Мало ли на свете плачущих девчонок...

— Да... И надо же, чтобы одна подвернулась нам. На пути... — с досадой отозвался Владик.

— Она пошлет нас ко всем чертям, — убежденно сказал Максим, замедляя шаги.

— Скорее всего... — сумрачно отозвался Владик, тоже сбавив скорость.

Они вновь оглянулись. Остановились. Еще раз посмотрели друг на друга. Пошли обратно. Владик сел рядом с девочкой. Максим обошел скамейку и встал за спинкой. Владик тронул девочку за локоть.

— Что с тобой?

— Идите к черту, — устало сказала девочка.

Максим покивал:

— Я говорил...

Мадам Элеонора и Гоша двигались подземными коридорами, проникали в узкие проходы, спускались и поднимались по вырубленным в камнях ступенькам. В лучах фонариков, которые прихватила с собой предусмотрительная хозяйка таверны, вспыхивали вкрапленные в стены кристаллы соли, отражали свет бледные сталактиты и сталагмиты. Глухо отдавались в пещерах шаги, унеслась в сумрак летучая мышь.

Гоша, несмотря на малый рост, старался помогать спутнице в трудных местах и вел себя как джентльмен. Вовремя подавал руку, поддерживал даму на спусках.

Элеонора и Гоша говорили шепотом, но и на шепот откликалось подземное эхо.

— Видите, дорогой Гоша, здесь уже совсем безлюдные места. Про них почти не знают. На туристических схемах они не указаны...

— Это самое... да... А нет ли где-нибудь круглого грота?

— Есть, есть. Я вам обещала... Но вы должны мне почитать наконец что-нибудь из вашей поэмы...

— Это... да... Но это... любезная Элеонора... она не закончена. Мне это самое... неловко...

— Ах, перестаньте, Гоша! Вы поэт. Скромность для поэта хороша, но в меру. Истинный творец не должен стесняться своего таланта...

— Ну... это... ладно...

Гоша ловко забрался на каменный выступ — так, что сделался одного роста со спутницей.

— Вот... это... несколько строк... — И, как всегда в таких случаях, быстро вдохновился:

Я помню, как мы миновали экватор,
Склонилась ночь надо мной,
И в ней облака, словно пышная вата,
Белели под полной луной.

И южные звезды пылали, как свечи,
И дул равномерный пассат...
И мчался под звездами гордый наш «Кречет»,
Расправивши все паруса...

— Потрясающе... — с восхищенным стоном произнесла мадам Элеонора. — Вы, Гоша... вы Айвазовский в поэзии...

— Ну что вы, любезная... это... Элеонора... Я это самое... А вот еще...

— Нет-нет, не сразу. Сначала я должна пережить уже услышанное... Идемте, Гоша...

— В круглый грот?

— Да-да...

Гоша скакнул с камня и опять подал мадам Элеоноре руку.

Владик и Максим по-прежнему были рядом со всхлипывающей Никой. Владик снова тронул ее за руку:

— Я знаю по себе: когда плачешь, а к тебе лезут с вопросами, всегда хочется послать к черту. Сперва... А потом думаешь: а вдруг этот человек чем-нибудь поможет?.. Давай будем считать, что...

— Что? — буркнула Ника.

— Ну, к черту ты уже нас послала. А теперь расскажи.

— Что?

— Сперва как зовут. Я — Владик. Он — Максим. А ты?

— Ну... Ника... — сердито всхлипнула она. — И что дальше?

— Дальше — давай дальше. Что случилось?..

— Нам сказали, что в Синетополе никогда не обижают детей. А ты сидишь... слезы роняешь... — вставил Максим.

— Глупости говорите, — хмыкнула Ника. — Детей обижают везде. Во всем мире...

— Вот и скажи, кто тебя обидел, — поторопил Владик.

Ника подняла голову, обвела мальчишек сумрачными мокрыми глазами.

— Смешные... Думаете, я скажу, и вы сразу разберетесь и поможете?

— А вдруг? — сказал Максим.

— Ну, может, не сразу... — вздохнул Владик.

Она горько усмехнулась:

— Как можно помочь человеку, у которого погиб отец... То есть все говорят, что погиб...

— А ты не веришь? — сразу понял Владик.

Она посмотрела на него, а потом и на Максима внимательно.

— Его похитили бандиты... Он археолог и оставался

один в лагере. Они его увезли на катере, а потом следствие определило, что катер затонул. На недоступной глубине... Говорят, все погибли...

— Значит, твоего папу не нашли? — осторожно уточнил Максим.

Ника резко мотнула волосами:

— Не нашли. Никто и не хочет искать... У матери сразу — новый муж... А я видела во сне, что папу прячут в пиратском убежище на острове Три Кота... А мои сны очень часто сбываются.

— Что за остров? Какое-то знакомое название... — свел брови Владик.

— Такой пустой скалистый островок недалеко от Византийска...

Владик и Максим опять переглянулись.

— И никто не хочет обыскать его, проверить? — спросил Максим.

— Начальник по борьбе с контрабандой и наркотиками говорит, что обыскивали. Но, по-моему, это так, для вида... Если бы я могла там сама оказаться!..

Теперь Максим и Владик смотрели друг на друга неотрывно.

— Вот что значит не проходить мимо плачущих девочек... — изрек Максим и направил взгляд в зенит.

— Наверно, это судьба... — грустно произнес Владик.

— И что теперь? — спросил Максим.

Владик повернулся к девочке:

— Ника... все, что ты сказала, — правда?

— По-твоему, этим шутят, да?

— Ника... надо поговорить. Серьезно...

Максим, стоя над ними, смотрел слегка с высоты.

— Как сказал бы старпом дядя Жора, клянусь дедушкой Анастасом, мало нам приключений на нашу голову...

— Максим...

— Что «Максим»? Это не я, а дядя Жора...

Гоша, стоя, как скульптура в каменной нише, продолжал декламацию:

На старости лет мне утешиться нечем,
Живу я на твердой земле.
Но только я вспомню мой клипер, мой «Кречет»,
И сразу мне жить веселей...

Мадам Элеонора, роняя с крашенных ресниц слезинки, заплодировала:

— Bravo! Бра-во!.. Гоша, это бесподобно! Такое сочетание отточенного поэтического мастерства и светлой грусти... Скорее заканчивайте поэму! У меня есть в Синетополе знакомый редактор журнала «Приморская муза», я вас порекомендую. Я уверена, что он вцепится в ваше произведение двумя руками!

— Я... это... было бы такое... это самое... счастье... — Гоша, крича и трогая спину, стал выбираться из ниши. Элеонора деликатно помогала ему.

— Я убеждена, что редактор будет в восторге. Не говоря уже о читателях!..

— Это прямо... бальзам на поясницу... да... А далеко ли это самое... круглый грот?..

— Гоша, совершенно рядом! Мы как раз в нем! Смотрите — круглое помещение!

— Это... да... Но тогда... Как бы это самое... усмотреть «Эр» в зеркале...

— Гоша! Разве не ясно? «Эр» — это *романтика!* В зеркале наших душ. И окольцованная окружностью этого таинственного помещения, где мы оба прикоснулись к истинной поэзии...

— Это самое... наверно, да... А где же тут может быть сокровище? — Гоша деловито завертел косматой головой.

— Где угодно! В любом углублении... Хотя бы в этой нише, где вы стояли! Возможно, это перст судьбы!..

— Вы это... так думаете?

— Я уверена! Смотрите, здесь искусственная кладка!

В самом деле, среди природного камня заметны были сложенные и скрепленные известкой ракушечные бруски.

— Ох... я это... волнуясь...

— Прочь сомнения! — Элеонора подняла каменный обломок и несколько раз ударила им по кладке.

Она была крепкая женщина. А ракушечная стенка оказалась непрочной. Бруски упали внутрь, в пустоту. Элеонора и Гоша лихорадочно повыкидывали их из ниши...

— О... — сказала мадам Элеонора.

— Ай... — сказал Гоша и вцепился в бороду.

В открывшемся углублении светился в лучах фонариков чистый желтый череп.

Элеонора и гном переглянулись. Мадам осторожно потянула к черепу руку...

Ника, Максим и Владик шеренгой шли по аллее. Ника — посредине.

— А вам сильно попадет, когда узнают, что вы взяли меня на яхту? — нерешительно спрашивала Ника.

— Я думаю, средне, — рассудил Максим. — В конце концов, не повесят же на рее. Хотя бы потому, что реев на «Кречете» нет. И тебя за борт не выкинут.

— Я думаю, что, может быть, совсем не попадет, — сказал Владик. — Андрюшка не раз меня выручал из переделок.

— Какой Андрюшка?

— Мой волшебный друг. Он сейчас на яхте...

— Может, и правда во всем этом есть волшебство... — неуверенно, словно про себя, сказала Ника. — Может, действует билет?

— Какой билет? — разом спросили мальчишки.

— Недавно один мальчик подарил мне автобусный билет. Сказал, что счастливый. Вот... — Ника из кармашка достала вчерашний подарок.

— Точно, счастливый, — подтвердил Владик. — Вон какой удачный номер!

— А вдруг он и нам поможет заодно? — высказал неуверенное предположение Максим.

— А вам какая помощь нужна? — тут же заинтересовалась Ника, хотя глаза у нее все еще были сырые.

Владик замялся:

— Вообще-то это секрет...

— Какой теперь секрет от Ники? — возразил Максим. — Мы теперь одной веревочкой связаны...

Мадам Элеонора храбро взяла череп. Он что-то сжимал в ровных, растянутых в белую жизнерадостную улыбку зубах.

— Я так и думала. Пластмассовый. Такие делают для осенних карнавалов. Внутри зажигают свечки... О, смотрите-ка! Бриллиант!

— Где бриллиант? — оживился приунывший было Гоша.

— Вот, в зубах, конфета. Называется «Бриллиант». И реклама на обертке: «Конфеты «Бриллиант» — лучшее сокровище для вас и ваших детей»... Смотрите, конфета настоящая, без обмана. Хотите?

— Это самое... благодарю вас, — понуро сказал Гоша.

Мадам Элеонора принялась с удовольствием жевать конфету.

— Кто-то славно пошутил... Конечно, вот и надпись на фантике: «Привет от Васи». Очень мило... Не огорчайтесь, Гоша. Сокровища нет, но романтика осталась! Мы будем вспоминать это приключение до конца дней.

— Это самое... да... Только жаль, что не куплю шхуну...

— Гоша! Истинное сокровище — ваш поэтический талант! А шхуна... Вы напечатаете поэму, получите деньги...

— Ох, да ведь поэтам... платят... это самое... совсем крохи...

— Не забывайте про премию «Золотой якорь»!.. И кроме того, вы напишете еще десять замечательных поэм!

Гоша заскреб под вязаным колпаком кудлатое темя...

На яхте в это время шли ремонтные работы. Правые ванты и бакштаг были убраны. Капитан, Жора и Макароны возились с креплениями вант-путенсов. Охохито пришивал к шкаторине стакселя оторвавшиеся карабины.

Паганель, укрывшись в крохотном санузле, делал вид, что тужится на унитазе, и вполголоса вещал в телефон:

— Шеф... Шеф... Они отправились на поиски. К сожалению, не могу сопровождать, чтобы не нарушить конспирацию... до связи...

Над «Кречетом» кружились чайки. Гавань жила пестрой корабельной жизнью. Капитан Ставридкин поглядел на чаек и сказал:

— Интересно, где сейчас гуляют наши юнги?

— Клянусь дедушкой, они не скучают...

Ребята в это время объясняли Нике суть дела.

— Понимаешь, приметы очень расплывчатые. Приходится больше полагаться на интуицию, — говорил Максим.

— И на везение... — подсказал Владик. — Здесь где-нибудь есть старинные подземелья? Только не обшаренные туристами, а глухие. Про которые мало кто знает...

— Конечно, есть!

— А можно туда попасть? — поторопил события Максим.

— Думаете, попали — и сразу клад?

— У нас же счастливый билет, — напомнил Владик.

— Ну... идем!.. Заодно искупаемся...

Это место было не для туристов, не для курортников и любителей пляжного загорания. По едва заметным среди обрывистых скал тропинкам Ника и мальчишки спустились к воде, на узкую галечную полосу.

— Поплаваем? — предложила Ника. Кажется, ее печаль поубавилась, глаза поблескивали вполне задорно.

— А подземелье? — напомнил Владик.

— А одно с другим связано.

Они скинули одежду, подошли к самой воде.

— Здесь дно каменистое, осторожнее, — предупредила Ника. И взяла ребят за руки. Так, втроем, они вошли в воду по пояс, потом нырнули, поплыли.

...Морская вода смывает горечи и печали. По крайней мере на какое-то время. Мальчишки и Ника порезвились, поплавали друг около друга, побрызгались. Затем опять взялись за руки и нырнули в зеленую глубину.

Глубину наполнял тихий, как еле слышные струнки, звон. Здесь все было необычным и призрачным. Обросшие водорослями и бурый «мехом» камни, похожие на фантастических существ. Желтые обломки скал, напоминающие черепа чудовищ. Неторопливые громадные крабы, цепочки пузырьков, стайки узких рыбешек, любопытные морские коньки, полупрозрачные медузы... Здесь, в невесомости, можно было поиграть во всякие игры. Максим и Владик изобразили перед «дамой» фехтовальщиков. Потом Ника и Максим поиграли «в шашки», переставляя на плоском подводном камне светлые и темные камешки-голыши... Иногда приходилось, конечно, выскакивать на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, но глотнешь — и снова в просвеченную зеленоватым солнцем глубину...

Владик один раз опять чуть не потерял очки. Ника выловила их в щели между камнями и протянула Владиду. Владик засунул их за резинку на плавках. Максим жестами показал: «Опять утопишь или разобьешь, балда...» Владик — тоже жестами — ответил, что все будет в порядке.

Наконец выбрались на торчащие рядом с берегом камни. Мальчишки на один, Ника на соседний.

— Она похожа на Русалочку, — шепотом и серьезно сказал Владиду Максим. — Есть такая скульптура в Дании...

— Я знаю...

Кроме Ники и мальчиков, среди этих скальных нагромождений никого не было. Ника с новой печалью посмотрела на ребят.

— Это мое любимое место... Мы здесь с папой купались иногда... Он говорил, что раньше тут были старинный храм и крепость, а под скалами древние гроты и пещеры...

— Мы в них побываем? — со сдержанным нетерпением напомнил Максим о главной цели.

— Да, есть один проход. Про него знали... знаем я да папа. Но надо проплыть в туннеле под водой... У вас получится?

— У меня получится, — отозвался Максим. — А про Владика не знаю. Владик, ты не обижайся, но...

— Сколько метров? — деловито спросил Владик.

— Метров пять, — слегка виновато сказала Ника.

— Тогда получится... Если буду тонуть или застряну, вытащите за уши, — храбро решил Владик.

— Там не тесно. Папа легко проплывал... Пошли!

Они опять оказались в просвеченной солнцем водяной толще. Подплыли к черной норе. Ника сделала знак: «Замной» — и скрылась. Максим подтолкнул Владика. Тот не медлил ни секунды (надо беречь воздух!). Едва Владик проник в туннель, перед ним светлым пятном замаячил круглый выход. Гребок, гребок... Выход придвинулся, вот снова — солнечный свет.

Теперь они были словно в широкой шахте. Вверху — небо, а кругом скальные отвесы. Владик, часто дыша, оглянулся.

— А где вход под землю?

— Вон там, за скалой. Кто не знает — не найдет...

Ника, ловкая как ящерка (и похожая на нее в своем зеленом купальнике), двинулась вперед с уступа на уступ. Мальчики поспешили следом.

Ника пролезла в щель между скалой и ракушечным отвесом. Здесь оказалась еще одна щель — ведущая под каменный массив.

— Сюда... — И Ника вновь исчезла. Максим и Владик сунулись за ней.

Они оказались в сумраке. После солнца он казался непроглядным.

— Вот растяпы мы, — сказал в темноте Владик. — Не взяли фонарики...

— Подождите, — прошелестел Никин шепот. — У меня здесь тайник...

Вспыхнула спичка. Зажглась свеча.

— Владик, держи... — Ника протянула свечу. Зажгла от нее вторую, дала Максиму: — На...

— Не очень современное освещение, — не удержался от критики Максим. — Фонарики были бы лучше.

Ника возразила:

— Зато со свечами интереснее. Мы с папой всегда ходили тут со свечами. Чтобы все было как в старину... — И она зажгла третью свечку. — Смотрите. Вот остатки старинных колонн, а вот древний жертвенник...

При неярком желтом свете стали различимы стены, своды, колонны, карнизы...

— Здорово, — сказал Максим. — Но клада, как я понимаю, здесь нет...

— Если он и есть, то где-то в глубине, — согласилась Ника. — Идемте вон туда...

Потянулся широкий коридор, на стенах которого проступали мраморные маски и смутные изображения зверей. Потом открылась пещера — с громадными каменными сосульками.

— Ну, прямо как в книжке про Тома Сойера, — передрнув плечами, сказал Владик.

— Только Том был с Бекки один, — заметил Максим.

— И он был в штанах и рубашке, — добавил Владик. — А Бекки в платье до пят, по тогдашней моде... Бр-р...

— Мальчики, вам холодно? — встревожилась Ника.

— Мне не холодно, — сообщил Максим. — Но что сказал бы Том Сойер, если бы горячий стеарин капнул ему на пузо?

— А ты его не выпячивай, пузо-то... — сказал Владик с досадой от того, что оказался единственным озябшим, проявил слабость.

— Совет принят... — покладисто откликнулся Максим. — А помните, что делали Том и Бекки в пещере?

— Что? — снова вздрогнув, спросил Владик.

— Они *целовались*... Ника, помнишь?

— А по шее? — деловито спросила Ника.

— А я чего?! Я Марка Твена вспомнил!

— Том Сойер нашел в пещере клад, — вздохнул Владик. — А мы не найдем ничего.

— Почему? — вскинулся Максим.

— А где искать? Здесь можно шарить и рыть сто лет...

— А интуиция? — напомнила Ника.

— Не поможет интуиция. Потому что мы растяпы. Мы забыли на берегу счастливый билет...

— А вот и не забыли! Пожалуйста... — Ника вытащила из крохотного кармашка на купальнике сырую скомканную бумажку.

— Он же размок, — разочарованно сказал Владик.

— Разве можно размочить счастье? — искренне удивилась Ника.

— Тогда что? — нетерпеливо сказал Максим. — Надо искать. Что нам подсказывает интуиция?

— Пойдем вон туда... — Ника двинула свечой. — Там какой-то проход. Мы с папой в нем не были, не успели... Вдруг там тайник пиратов?

И они двинулись в таинственный коридор.

Проход оказался не длинным. Скоро он вывел ребят в еще одно подземное помещение.

Это был грот неровной круглой формы с высоким потолком, с грубыми барельефами на стенах и темными нишами...

— На месте капитана Румба я зарыл бы клад именно здесь, — заметил Максим.

— Почему? — спросила Ника.

— Потому что было бы свинством заставлять нас тащиться еще куда-то...

— А что говорит вам интуиция? Мне пока ничего... Бр-р... — Владик опять передернул плечами.

— Смотрите... — Максим широко повел свечой. — Помещение почти круглое. Пол ровный, как зеркало. А латинская буква R... Может быть, это значит «рэйкоум»? По-английски «гребешок»?

— При чем тут гребешок! — возмутился Владик.

— Смотрите, там каменные сосульки, будто гребень...

В самом деле, над широкой нишей нависал твердый известняковый гребень. Все заторопились туда.

Ниша была снизу заполнена деревянными обломками.

— Кажется, от кораблей... — заметил Максим.

— Как они здесь оказались? — удивилась Ника.

Владик сказал, постукивая зубами:

— Может, кто-то потерпел кораблекрушение и жил здесь. А обломки притащил для костров...

— А рыть-то все равно нечем, ни кирку, ни лопату не взяли... Томы Сойеры... — спохватился Максим.

— Давайте хоть разгребем это... — Владик начал бойко растаскивать обломки досок и балок. Ему хотелось согреться.

Ника и Максим принялись ему помогать.

— Смотрите-ка, буква R на доске! — обрадовался Владик. — Еще один признак...

— Наверно, это от названия судна...

— Вы представляете, какого размера буквы названия? — снисходительно, как знаток морского дела, сказал Максим. — В рост человека. А это доска от ящика...

— С кладом? — хихикнула Ника.

— Наверно, из-под рома...

— Хорошо бы глоток. Чтобы согреться, — жалобно сказал Владик.

— Я скажу твоей маме, что ты пьяница, — пообещал Максим.

— А ты ябеда... Ого! Что это такое?

— Клянусь Жориным дедушкой, это пушка, — уверенно сообщил Максим.

В самом деле, среди гнилых деревянных обломков лежало старинное корабельное орудие.

Все присели на корточки. Пушка была черная, с зеленью. Видимо, бронзовая и потемневшая от времени.

— Вот это трофей... — Владик погладил покрытый лишаями ствол.

— Это карронада. Скорее всего, начало девятнадцатого века, — веско сообщил Максим.

— С чего ты взял, что карронада? — спросила Ника.

— Потому что короткая и широкая... И вот надпись видно: «Мак-Каррон». Были такие пушечные заводы в Шотландии.

— «Макарони»... — усмехнулся Владик. И объяснил Нике: — Есть у нас на «Кречете» такой матрос.

— Может, подарить карронаду ему? — хмыкнул Максим. — Сувенирчик его имени...

— Лучше уж Охохито, — предложил Владик. — Он обалдеет от радости. Такой экспонат для его коллекции...

— А можно в пункт металлолома сдать, — задумчиво сказал Максим. — Бронза небось... Или в музей. Там тоже денег дадут.

— Держи карман, — отозвалась Ника. — В здешних музеях этого добра целые штабеля...

— Тогда, значит, Охохито, — подвел итог Владик. — Что еще с ней делать?

— С ней *ничего не делать*, — насмешливо отозвалась Ника. — Вы хоть представляете, сколько она весит? Попробуйте пошевелить...

Попробовали. Ствол был совсем небольшой, меньше метра в длину, но... даже не шелохнулся.

— Целая тонна, наверно, — грустно сказал Максим.

— Вот именно, — согласилась Ника. — Как бы мы ее потащили? Да еще под водой...

— А как ее притащили сюда? И зачем... — передернул плечами Владик.

— Наверно, весь пиратский экипаж волок, — решил Максим. — Для обороны от других пиратов...

— Тихо... — сказала Ника.

— Что? — шепотом отозвались Максим и Владик.

— Тише... Слушайте... Кажется, сюда кто-то идет...

В самом деле, стали различимы голоса и шаги. Сперва ели слышные, потом громче. Гулкие, искаженные эхом подземелий...

— Кажется, я немножко боюсь, — вздрогнула Ника. Вроде бы и шутя, но не совсем.

— Скорее всего, это привидения, — решил Владик (и тоже вздрогнул).

— Хорошо, если так, — озабоченно отозвался Максим. — А если какие-нибудь кладоискатели-бандиты?

— Мальчишки, удираем?

— П-пожалуй, нет, — отозвался Владик. — Т-так неинтересно. Н-надо бы узнать, к-кто это...

— Может, они нас наведут на сокровище, — поддержал его Максим.

— Тогда задует свечи, — решила Ника.

Они дунули, и упала темнота.

В темноте замерцали фонарики. Совсем не в той стороне, откуда проникли ребята. Голоса стали различимее.

— Нет-нет, любезный Гоша, вы зря скромничаете. Ваши строчки о рассвете у острова Маврикий — это просто шедевр. Просто чудо: «С уснувшей южной природой не споря, Над «Кречетом» ночь протекла не спеша. И снова заря расцветала над морем, И с нею моя расцветала душа...» Это и-зу-ми-тель-но...

— Я... это самое... вы очень добры... Но, кажется, здесь это... пахнет свечками...

— В самом деле. Кто-то совсем недавно здесь был...

— Здесь были мы! Ура! — завопили Владик и Максим, ломая спички и зажигая свечи. — Ника, это Гоша и мадам Элеонора! Как вы сюда попали?!

— А!.. Это самое... Ой-ёй-ёй! Владик... это... Максим... Вы простудитесь...

— Детки! Какая радость! Вы, наверно, тоже искали сокровище?

— Да! И вы искали? — радовался Владик. — Нашли?!

— Увы, дети мои! — на манер пожилой актрисы развела руками мадам Элеонора. — Мы нашли только место, где когда-то был клад. А может быть, и не было. Просто чья-то шутка. Я уверена, что искать сокровище в этих местах не имеет смысла...

— Это самое... а вы? Ничего не нашли? — поинтересовался Гоша у ребят.

— А мы... кое-что, — решил похвастаться Максим. — Не сокровище, но все же старина... Вот... Жаль только, что отсюда ее не утащишь...

Гоша и мадам Элеонора с интересом поразглядывали пушку.

— Это еще один сюжет для старого Юферса, — заметила Элеонора. — Жаль, что пушка слишком тяжела...

— Что значит это... тяжела? Корабельные гномы не знают, что такое... это самое... тяжесть... — Гоша без особой натуги раскачал, поднял пушечный ствол и взвалил на спину.

— Гоша, вы гигант не только в поэзии! — восхитилась мадам Элеонора. — У вас хватит сил дотащить этот предмет до машины?

— Это... выдержала бы машина...

— О, не беспокойтесь!

— Разве здесь есть выход на сушу? — наконец удивилась Ника.

— О да, девочка! А как бы мы попали сюда?

— Тогда мы сплываем за одеждой и найдем вас у машины! — решил Владик.

— Да-да! Она у главного входа в катакомбы...

Гоша погрузил толстый орудийный ствол в багажник, который предупредительно открыла мадам Элеонора. Машина крякнула, присела, но выдержала.

— Моя старушка такая же выносливая, как я... — Хозяйка похлопала по опущенной крышке. — Но где же дети?

— Мы здесь! — Владик, Максим и Ника подбежали к автомобилю.

Владик торопливо поправлял очки. Он сказал:

— Мы вас даже не познакомили. Это Ника...

Ника, взявшись за подол платица, умело сделала книксен. Гоша застеснялся, Элеонора расцвела.

— У Ники очень важная проблема, — значительно проговорил Максим. — И нам ее надо серьезно обсудить.

Дядюшка Юферс по-прежнему листал записи мадам Элеоноры, но все чаще поглядывал то на часы, то за окно. Скреб лысину.

— Куда же они все подевались? Бросили старого Юферса... Однако эта история про юнгу Джима, которого похитили в Макао, весьма поучительна... А не похитили ли наших ребят? Гм...

Старинный лимузин неторопливо трясся по улице Си-нетополя. Владик убедительно говорил:

— Ну и вот, вы же видите, что Нике просто необходимо отправиться с нами...

Мадам Элеонора и Гоша кивали. Они были полностью согласны.

— Но здесь две трудности, — продолжал Владик. — Во-первых, надо как-то укрыть Нику на яхте. По крайней мере, пока не выйдем в море...

— А во-вторых, как сделать, чтобы яхта задержалась у острова Три Кота? — добавил Максим.

— У меня есть план, — возбужденно вмешалась Ника. — Только надо заехать ко мне домой. Я возьму вещички в дорогу...

Машина остановилась у знакомых качелей возле подъезда. Ника, не тратя времени, умчалась в подъезд.

— Мы застрянем здесь до вечера, — озабоченно заметил Максим. — Надо понимать, сколько времени собираются в дорогу женщины... Извините, мадам Элеонора...

В этот момент из подъезда выскочил мальчишка — в бейсболке, в пестрой футболке и шортах. С сумкой через плечо. Дернул у машины дверцу.

— Всё! Поехали!

— Ой, Ника! — изумился Владик.

— Теперь не Ника, а Ник, — заметил Максим.

— Сначала ко мне на обед. Затем доставлю вас в гавань, — решила мадам Элеонора.

На яхте, в кубрике, капитан Ставридкин с досадой отложил мобильный телефон, по которому только что кончил переговоры. Поднялся на палубу.

— Данилыч, с такелажем вроде бы все в порядке... — встретил его старпом Жора.

— «Вроде бы» или точно? — хмуро уточнил капитан.

— Клянусь дедушкой, не лови меня на слове! Если Жора

Сидоропуло говорит «вроде бы», это значит гарантия... Хуже с мотором. Раньше чем к вечеру не управимся. Ну, и сам понимаешь...

— Что?

— Ребятам после всех трудов хотелось бы побывать на берегу... Не двужильные...

— Значит, раньше завтрашнего утра не уйдем...

— А что, сроки пока не очень поджимают.

— Не очень, но поджимают... Сейчас говорил с представителем заказчика, изложил ситуацию. А он, сукин сын, вежливо так: «Извините, господин Ставридкин, но это ваши проблемы...»

— Управимся, кэп...

— Надеюсь... А ребята с Юферсом не возвращались?

— Ты же сам велел им гулять до вечера!

— Да похоже, что уже и вечер. Близо к тому...

— А! Клянусь дедушкой, это они! На каком-то рыдване!..

Лимузин мадам Элеоноры остановился у самого причала.

— Папа, это мы! — радостно закричал Владик. — Мы тут кое-что привезли! Подарок для Оохито! Пусть все помогут, иначе не дотащить!

Экипаж «Кречета», недоуменно пожимая плечами и переговариваясь, сошел по трапу на пристань.

— Во!.. — Максим и Владик гордо откинули крышку.

Поднялся веселый шум. В том смысле, что «ну, теперь мы с артиллерией», «Оохито, с тебя бутылка», «яхта осядет на полметра», «а как переть эту тяжесть?». Но поперли, уложив ствол на два коротких бруса и ухватив их со всех сторон. Только ребята (по молодости) и дядюшка Юферс (в силу пожилого возраста) в переноске тяжести не участвовали. Дядюшка опять закутался в плащ и, пользуясь общей суматохой, под полой провел на «Кречет» Гошу.

Следом прошли Владик, Максим и Ника.

Оохито нежно, как на любимое дитя, смотрел на лежащий на плетеных матах ствол.

— Это сокровище!.. И пушка сокровище, и вы, мучачос, сокровища! Я каждое воскресенье буду давать в вашу честь салют из этой карронады... Я сколочу для нее лафет... Капитан, можно я возьму два обрезка толстой доски?

— Возьми, возьми, коллекционер...

Владик подтолкнул к отцу Нику.

— Папа, это Ник. Мы познакомились в городе. Можно мы покажем ему яхту?

— Валяйте... Добро пожаловать, Ник...

С берега донесся звук старинного клаксона. Это сигнажила всеми позабытая в суете мадам Элеонора. Дядюшка Юферс бросился к трапу.

— Не сходи на берег, старина Юферс! Это дурная примета! Привет тебе, скоро приеду в гости!.. Мальчики, привет! И привет... сами знаете кому! — Мадам Элеонора широко жестом послала всем общий воздушный поцелуй. Прослезившийся дядюшка Юферс махал обеими руками. Ребята тоже. А в сторонке, укрывшись за рубкой, махал своей новой подруге Гоша. И промокал глаза кончиком бороды.

Потом Гоша сидел в закутке камбуза и бормотал только что сложенные стихи:

Не будем в печали мы съезживать плечи,
Мы скоро увидимся вновь.
Я новые строки слагаю про «Кречет»,
И снова волнуется кровь...

— Молодец, Гоша, — заметил дядюшка Юферс. — Премия «Золотой якорь» тебе обеспечена. Так что не горюй о сокровище...

В крохотном носовом кубрике Владик познакомил Нику с зайцем.

— Вот он, Андрюшка... Вчера промок во время шторма,

поэтому сейчас отлеживается... Это ничего, что немножко сырой. Ты все равно положишь его рядом, прикроешь им голову. Получится, будто это я. А мы с Максимом как-нибудь рядышком на нижней койке...

— Ладно... Теперь надо разыграть «уход на берег».

— Ага. Переодевайтесь, — велел Владик.

Ника и Максим, встав друг к другу спиной, сбросили шорты и рубашки. Ника закуталась в одеяло и забралась наверх. Максим натянул ее одежду. Они с Никой были одного роста, и он сделался совсем как она (вернее, как он, Ник), когда нахлобучил ее бейсболку. В таком виде Максим на глазах у экипажа сбежал по трапу на причал. Был уже вечер, на мачтах гавани зажглись огоньки, замигал в отдалении маяк.

— Ник, пока! До встречи! — замахал с борта Владик. Изображавший Ника Максим, не оглядываясь, помахал в ответ и скрылся за постройками.

Подошел капитан.

— А где у нас Максим-то? — поинтересовался он.

— На берегу. Побежал до киоска купить журнал «Корабельное дело».

— Это что за порядок покидать борт, не спросив капитана?..

— Папа, но он же на минуту. Это рядом...

Максим в это время, укрывшись за шлюпочным сараем, натягивал на себя свою собственную одежду, которую прихватил с собой в пакете. Уложил в пакет Никино имущество. Затем добежал до киоска, который еще не был закрыт, купил в самом деле журнал и независимой походкой вернулся на яхту.

— Сударь, вам замечание, — сказал капитан Ставридкин. — Чтобы без моего ведома с яхты больше ни-ни...

— Есть, капитан! — вытянулся в струнку Максим.

В кубрике они поудобнее устроили Нику на верхней полке.

— Если куда захочешь, надевай Максимовы шмотки и

шагай смело, — деловито посоветовал Владик. — В сумерках никто не обратит внимания...

— Ладно... — смущенно буркнула Ника. И прикрылась Андрюшкой. Потом сказала: — Одно только плохо. Не догадалась оставить дома записку. Поднимут тарарам. Не из любви ко мне, а просто потому, что «девочка потерялась». Непорядок...

— А если позвонить? — предложил Владик.

— Как?

— Твой папа, наверно, больше не даст телефон, он бережет аккумулятор, — заметил Максим.

— Подождите...

Владик выбрался из кубрика и пошел искать Паганеля. Посмотрел там, тут и после нехитрых вычислений сообразил, где находится этот матрос.

Тот и правда сидел опять в полюбившемся убежище с унитазом. Бормотал в телефон:

— Шеф, сокровище пока не обнаружено. Нашли только ржавую пушку... Кто идиот?.. Ну вот, а я при чем? Не я же искал... Я день и ночь, рискуя жизнью, веду разведку, а вместо спасибо... Ладно. До связи...

Он вышел из-за дверцы и почти сразу наткнулся на Владика, который, не слушая его разговора, деликатно ожидал чуть поодаль.

— Ай! — Паганель снова машинально вскинул руки. — А, это ты, юнга... Я что-то стал нервный последнее время.

— Наверно, из-за грусти по ней? — сочувственно сказал Владик.

— А?.. Да... Ну конечно! Такое дело...

— Паганель, у меня к вам просьба...

— Я весь самое благосклонное внимание...

— Можно одолжить на минутку ваш мобильник? Мне тоже надо позвонить... в одно место. А у папы я просить не хочу...

- А... да... Если только ненадолго... Потому что это... Я...
 — Совсем на полминутки! Сейчас же принесу обратно!
 С телефоном в руке Владик бросился в свой кубрик.
 — Вот! — Он протянул телефон Нике.
 — Спасибо... — Она привычно понажимала кнопки.

И мальчики слышали ее беседу с покинутым домом.

— Алло... Да, это я... Не «милая девочка», а просто я...
 Нисколько не поздно, потому что я вообще не приду.
 Я уйду на судне искать папу. Никто не сошел с ума! По
 крайней мере, я не сошла... Я так решила!.. Вернусь — со-
 общу. Вот так! И не поднимайте шума... Спасибо, Вла-
 дик... — Она улыбнулась и протянула ему телефон.

Владик умчался возвращать мобильник Паганелю.

Максим и Ника смущенно помолчали.

Ника вдруг сказала:

— Вот ведь странно...

— Что странно?

— Грустно, когда расстаешься с домом, если даже там
 никто тебя не любит.

— Я знаю...

— Знаешь? — недоверчиво сказала она.

— Да... У меня было так же...

Вернулся Владик. Почуял, что здесь, без него, состоял-
 ся какой-то особый разговор. Помолчал. Потом понял
 что-то и предложил Нике:

— Если станет грустно, погладь Андрюшку. Он все рав-
 но что кот. А гладить кота — это верное лекарство от пе-
 чали...

— Хорошо, — улыбнулась Ника. И погладила...

— Про это даже песня есть, — продолжал Владик. — Вот
 в этом плеере. Мне его дядюшка Юферс сейчас дал, чтобы
 не скучали. Послушай...

Ника спустила с койки голову.

Владик нажал кнопку. И послышалась песня, которая
 кончалась словами:

Кот корабельный приткнется под боком
 (Стрелка компасная — кончик хвоста).
 Канет печаль твоя в море глубоком,
 Если тихонько погладишь кота...

6. ШКАТУЛКА

«Кречет» ушел из Синетополя с утренним бризом рано,
 когда ребята еще спали.

Владик проснулся первым. Рука Ники свешивалась
 с верхней койки, Андрюшкина голова — тоже. Максим
 ровно посапывал.

— Ох и силен ты лягаться во сне, — сказал ему, спяще-
 му, Владик. И, потягиваясь, отправился на палубу. Там
 что-то ровно стучало...

На палубе Владик потянулся еще раз и сощурился от
 солнца и синевы. Погода была великолепная. Ровный теп-
 лый ветер давал «Кречету» возможность резво, но ровно
 бежать нужным курсом.

У штурвала стоял Макарони.

— Макарони, привет! Хорошая погодка, правда?

Макарони кивнул, но на всякий случай поплевал через
 плечо.

А стук продолжался. Это на носовой палубе Охохито
 кончал мастерить из толстых досок лафет для своей карро-
 нады.

— Охохито, привет... Ух ты, настоящее корабельное
 орудие! Теперь мы со своей артиллерией... Только не буди
 нас по утрам стрельбой из этой штуки, она все же не пис-
 толет...

— Я бы и рад, мучачо, пальнуть разок-другой, да поро-
 ху у меня еле-еле на один заряд. Если истрочу, что оста-
 нется для пистолета?.. Да и нельзя пока из нее стрелять...

— Почему?

— Весь ствол забит окаменевшим илом. Как цементом.
 Я колупал, колупал, да без толку...

— Ничего, расчистим...

Владик поспешил в «то самое место» за тесной дверцей. Из-за дверцы выбрался Паганель, привычно испугался, потом заулыбался:

— Юному наследнику капитана наше нижайшее...

— Здравствуй, Паганель.

— Ну что, дозвонился вчера, куда хотел?

— А как же...

И они «поменялись местами».

Потом Владик заглянул в капитанский закуток, к отцу.

Тот брился.

— Папа, доброе утро...

— Доброе, доброе... Ты опять без жилета, моя радость!

— Я же только «туда» сбегал.

— По дороге «туда» тоже можно угодить за борт. Что я тогда скажу маме?

— Что я решил добираться до Византийска вплавь.

— Ох возьмусь я за тебя когда-нибудь... Брысь одеваться!

— Есть, господин капитан!

Владик исчез, а капитан продолжал бриться.

Очень скоро он увидел в зеркальце, как мимо открытой двери мелькнула еще одна невысокая фигурка — на этот раз не Владькина. В длинной, до палубы, полосатой фуфайке.

Не прерывая бритья, капитан Ставридкин хладнокровно сказал:

— Георгий Лангустович! Если вас не затруднит, загляните ко мне. Вы столько времени на яхте, а до сих пор не представились капитану. По-моему, это нарушение флотского этикета...

Виноватый корабельный гном Гоша неловко протиснулся в капитанскую каютку.

— Я... это... то есть, конечно, я... это самое... не совсем законно, только...

Капитан вытер лицо, обернулся и весело сказал:

— Вы меня, Георгий Лангустович, конечно, не помните. А я вас отлично помню. Лет двадцать назад мы с мальчишками лазали по вашей «Кефали», и вы не прогоняли нас и даже угощали морскими сухарями...

— Я... это... зачем же прогонять... Я только боялся, когда лазали на салинг. Думал: вдруг сорвется кто-нибудь. Мальчишки, они... это самое... такие хрупкие...

— Как я понимаю, вы приятели с моим Владиком?

— Это самое... да. И с Максимом...

— А вот и они! — капитан смерил взглядом появившихся в дверях двух мальчишек (оба теперь в спасательных жилетах, по всем правилам). — Ну-с, что имеете сообщить, уважаемые?

Обоим стало ясно, что Гошина тайна раскрыта. Владик только и оставалось с виноватым видом затеребить шортики и покаянно выговорить:

— Папа, не сердись...

— А за что я должен сердиться? — жизнерадостно поинтересовался капитан Ставридкин.

— Ну... что мы Гошу... таким тайным образом...

— Надо же! «Тайным образом», — усмехнулся Владькин отец. — Хорош бы я был капитан, если бы не знал, кто у меня на борту... Георгий Лангустович, не смущайтесь, я даже рад, что вы с нами. Говорят, что корабельные гномы приносят удачу плаванию. А поскольку в судовую роль вписывать корабельных гномов не положено, то и нарушения правил здесь нет... Отныне можете считать себя почетным гостем нашего экипажа...

— Это самое... благодарю... — пуше прежнего засмутился Гоша.

— Но, папа... — прежним сокрушенным тоном сказал Владик. — Ты все-таки еще не про все знаешь... не про всех... кто на борту... Максим, пора признаваться до конца...

Максим то ли кивнул, то ли просто виновато уронил голову.

— ...Потому что вот... — продолжал Владик. Он сделал шаг назад и ввел в каютку Нику, одетую в свой мальчишеский костюм. — Папа, ты делай с нами что хочешь! Только не возвращай этого пассажира на берег!

Капитан Ставридкин опустил на стул.

— Как это понимать?

Ника, в силу своего решительного характера, сразу изложила самую суть:

— Я ищу своего папу. Его весной похитили... пираты или контрабандисты... Мне кажется, их убежище на острове Три Кота. Ну и вот...

Капитан Ставридкин ошарашенно моргал, стараясь переварить обрушившуюся на него информация. Мотнул головой и жалобно закричал:

— Да скажите вы этому артиллеристу, чтобы не колодил там на палубе с такой силой! Он развалит судно! — (Потому что Охохито продолжал с энтузиазмом сколачивать лафет.)

Владик с готовностью бросился на палубу.

На палубе Охохито, отложив молоток и ножовку, любовался самым крупным экспонатом своей коллекции.

— Охохито, папа просил стучать потише. Яхту развалишь.

— Я уже кончил, мучачо... Какая красавица! Вот начишу ее как следует, станет совсем как невеста. Все члены клуба оружейных редкостей будут смотреть на нее, облизываясь, как на пудинг с повидлом, и умолять меня поменяться на что-нибудь. А я буду говорить: «Ха-ха, посмотрите на них, какие они интересные...»

— Мы тебе поможем ее начистить, — пообещал Владик. — А пока я пойду... за продолжением нахлобучки...

В капитанской каютке продолжался разговор.

— Послушай, Ник, а с чего ты решил, что у нас будет возможность зайти на остров Три Кота? — уже серьезно

спрашивал капитан. — Мы и так еле укладываемся в график. И кроме того... если там база преступников, что мы сможем сделать? У нас даже оружия нет, кроме древнего самопала, музейной пушки с забитым стволом и ракетницы с несколькими патронами...

— Я подум... подумал, что, может быть, в одиночку попробую на остров, разведу там... вдруг отыщу папу и сумею украдкой освободить его. Без оружия... Или хотя бы какие-то следы найду...

— Милый мой, это ведь не кино «Приключения на острове Динозавров»... Насмотрелись вы...

— Папа, но ведь моряки должны помогать друг другу... — набравшись решимости, вмешался Владик.

Капитан оч-чень внимательно посмотрел на сына. И сообщил с расстановкой:

— А еще моряки должны знать, что такое дисциплина. В прежние времена за такие фокусы, как у вас, юнг на флоте драли линьками...

Тогда сунулся вперед Максим:

— Дядя Степа, если нас, то ладно. А его нельзя. Потому что он это не он, а она. Ника... Вот... — Он сдернул с нее бейсболку. Короткие, но пышные волосы вспухли над головой, явно показывая «кто есть кто».

Капитан Ставридкин окончательно ослабел на стуле. И неизвестно, чем бы это кончилось, если бы снаружи не заголосил старпом Жора:

— Данилыч, возьми телефон, он в кубрике! Тебя требует заказчик. Клянусь дедушкой, он кричит и нервничает, как старая дама, у которой украли побитую молью горжетку...

Капитан плюнул и бросился к трапу.

Похожий на пожилого солидного турка заказчик на самом деле нервничал у себя в офисе. Хотя при разговоре утверждал обратное.

— Вах, дорогой капитан, я совершенно спокоен. Я толь-

ко желаю знать, где моя яхта и что с ней. Я собираюсь отправиться на Мальту и хочу, чтобы все было готово вовремя... Ну и хорошо, дорогой, ну и хорошо... Что «погода»? Погода, дорогой, это ваша проблема. А моя проблема — финансы. Давай будем каждый заниматься своим делом... — Он положил трубку и оглянулся на почтительного секретаря. — Не нравится мне этот капитан. Говорит «море есть море». Что значит «есть море», если я заплатил. И неплохо заплатил, между прочим. Вах, куда мы катимся с такими порядками...

Ника, Максим и Владик стояли на носу у поручней. Ника была теперь, как и мальчики, в спасательном жилете, Андрюшка опять был привязан к поручню ушами. Ника поглаживала его и говорила:

— Владик, у тебя такой замечательный папа... Он немножко похож на моего...

— Он, конечно, замечательный... но он все же не сказал твердо, что зайдем на Три Кота, — осторожно напомнил Владик.

— Но он сказал «будет видно». Мой папа если говорит «будет видно», всегда старается сделать хорошее из всех сил...

— Везет некоторым с папами, — сказал будто сам себе Максим, глядя в морскую даль.

Ника посмотрела на него и что-то вспомнила.

— Ой... я вчера на берегу для вас подарок нашла. Только не отдала, потому что не знала кому... Он один, а вас-то двое...

— Какой подарок? — разом сказали Владик и Максим.

Ника достала из кармана круглый камешек с дыркой.

— Вот. Называется «куриный бог». Можно продеть шнурок и носить на шее, как амулет. Говорят, приносит удачу... Или, по крайней мере, улучшает настроение...

— Красивый... — заметил Владик. Погладил камешек мизинцем. Предложил: — Можно носить по очереди.

— Но ведь Максим уедет в Москву, — напомнила Ника. — И тогда как?

— Да. Тогда как? — сумрачно повторил Максим. Мысль о возвращении в Москву, видимо, не доставила ему радости.

— Давайте жребий. Кто отгадает... — неуверенно предложила Ника.

— Ага... А кому «куриный бог» не достанется, того Ника наградит иначе, — усмехнулся Максим.

— Как? — недоверчиво сказала Ника.

— Поцелует...

— А по шее? — сказала Ника так же, как вчера в пещере.

— Не по шее, а по справедливости, — веско возразил Максим. — Должна она быть на свете или нет?

Ника помигала. Хмыкнула и... спрятала камешек за спину. Потом протянула ребятам сжатые кулаки.

— Ну? Кто?

Владик помедлил секунду и тронул левый кулак. Ника разжала ладонь, на ней лежал «куриный бог».

— Повезло, — сказал Максим.

Владик молча взял камешек и отошел к другому борту. Кажется, он не считал, что ему очень повезло. Навалившись грудью на релинги, он стал смотреть, как от скулы яхты отлетает пенная вода. Потом не выдержал, быстро оглянулся.

Максим зажмурился и ждал, повернувшись к Нике шейкой. Она засмеялась и быстро чмокнула его в щеку. Максим довольно заулыбался, не открывая глаз.

Владик опять смотрел на быстро отлетающую и уносящуюся назад пену. Потом рассеянно поглядел на камешек, на воду и... поспешно сунул «куриного бога» в карман.

Рядом оказалась Ника — подошла и молча встала рядом.

— Я уронил камешек в воду. Нечаянно... — сообщил Владик нейтральным голосом. Ника подумала секунды три. Потом засмеялась и чмокнула его в щеку, как Макси-

ма. Владик заулыбался и зажмурился, как Максим. А когда открыл глаза, увидел, что над пеной, среди брызг, расцвели маленькие радуги...

А заяц Андрюшка следил за происходящим с многозначительным выражением на лоскутном лице...

Капитан Ставридкин и Жора беседовали на корме.

— Погода, видите ли, не его проблема. Его проблема — финансы, — сердито вспоминал недавний разговор с казачиком капитан. — Олигарх чертов. Наворовали денег, сукины дети, и решили, что могут править миром...

— Еще мой дедушка Анастас говорил, что большие капиталы мешают людям сохранять приличные человеческие качества. И поэтому всеми силами старался освободить людей от этой болезни, от лишних денег...

— Тебе бы только зубоскалить...

— Так это не я, а дедушка... Клянусь его памятью, вон тот катер явно чего-то хочет от нас!

— Где?

— Слева два румба. Он жарит прямо за нами, словно хочет сообщить, что моя тетя в Америке оставила мне в наследство виллу и контрольный пакет акций фирмы «Анастас и племянники».

— У тебя есть тетя в Америке?

— В том-то и беда, что нет... А катер есть. И, клянусь дедушкой, чего-то хочет...

Капитан, который теперь следил за догонявшим яхту катером в бинокль, сообщил:

— Это патруль таможенной стражи... Сигналят, чтобы легли в дрейф. Жора, скомандуй. Спорить с ними себе дороже, даже уповая на грозный пистолет Охохито...

— Макарони, носом к ветру! — заголосил Жора. — Охохито, Паганель, грот налево, стаксель направо, и встали на месте, как моя соседка тетя Соня, у которой муж попросил на выпивку пятнадцать рублей! К нам едут гости! Клянусь дедушкой, не для хорошего дела!..

Дозорный катер подошел и закачался неподалеку. На мостике катера появился офицер в ослепительно белой форме. Поднял мегафон.

— Прошу прощения, капитан. По всему побережью разослана информация. Какая-то девчонка сбежала из дома, и ее родители подняли тарарам. Она, мол, позвонила, что уходит в море на судне. И теперь все пограничники и служба досмотра вместо того, чтобы заниматься своим делом, ловят в море суда и охотятся за пропавшей красавицей! У вас на яхте есть дети?!

— Только мальчишки! — ответил в поданный Жорой рупор капитан. — И все с разрешения родителей, уверяю вас.

— Хорошо! Но порядка ради я должен посмотреть! Извините, служба!..

— Ну что же, швартуйтесь, — официально ответил капитан Ставридкин. А Жоре тихо сказал со зверским лицом: — Сделай что-нибудь...

Жора метнулся к ребятам, которые наблюдали и слушали, стоя позади рубки.

— На камбуз! Или, клянусь дедушкой, мы все окажемся не в Византийске, а в карантинной зоне за проволокой, на острове Малая Камарань...

Изрядно перепуганные Ника, Максим и Владик втиснулись на камбуз. За ними Жора.

— Таможенная стража ищет девочку, клянусь дедушкой, больше им делать нечего... Надо спрятать...

— Да где же... — засуетился дядюшка Юферс. — В рундук с посудой? Откроют сразу. Найдут...

— Я... это самое... может быть, ей переодеться корабельным гномом?

— Не успеть, — простонал дядюшка Юферс. — Много времени надо для маскарада...

— А если в сундучок? — дернулся Владик. — Гоша! Он ведь волшебный! Если ты в него влез, может, и она?

— Я... это самое...

— Он же маленький, не обратят внимания! Или человеку в него нельзя?

— Это самое... Можно... Только будет тесно. И это... не надо бояться.

— Я не боюсь! И пусть тесно, я потерплю! — отчаянно пообещала Ника.

Гоша вытянул сундучок из-за плиты. Откинул крышку.

— Это... вставай в него...

Ника встала в сундучок. Ее кроссовки заняли почти всю площадь деревянного дна. Она растерянно оглянулась. Гоша поднял к потолку глаза, что-то забормотал, завертел большими пальцами сплетенных ладоней. И... Ника непостижимым образом втянулась внутрь сундучка. Крышка захлопнулась. Сверху остался только спасательный жилет, который почему-то не поместился в тесном волшебном пространстве. Дядюшка Юферс суетливо зачихал его за плиту...

Жора ухватил мальчишек за плечи и вывел на палубу.

Кранцы были сброшены, матросы подтягивали швартовые концы. Катер (вблизи — довольно крупное судно с пулеметом на рубке) навис над корпусом «Кречета». Офицер и еще два таможенника прыгнули на борт.

— Лейтенант Конопаткин. — Офицер козырнул и протянул капитану руку.

— Капитан Ставридкин... — Два морских командира обменялись рукопожатием.

— Позвольте вашу судовую роль, капитан. А мои ребята, с вашего позволения, пусть осмотрят помещения.

— Прощу... Старпом, принесите в кубрик документы. Спустимся, лейтенант...

Они оказались в кубрике у длинного стола. Старпом Жора подал капитану судовой журнал и вложенные в него бумаги. Лейтенант стал смотреть список.

— Вас не затруднит представить мне членов экипажа и пассажиров?

— Старпом, пригласите...

Один за другим стали появляться обитатели «Кречета».

— Вот, прошу... Старпом, боцман, матросы... мой сын и племянник... Еще один матрос на руле...

— А... простите, этот... господин... — Офицер недоуменно смотрел на Гошу, который смущенно держался за штанину дядюшки Юферса.

— А! — снисходительно улыбнулся капитан, довольный, что может отвлечь лейтенанта от вопроса о девочке. — Это корабельный гном Георгий Лангустович Ныряйло. На многих парусниках обитают корабельные гномы. Вы разве не слышали об этом, лейтенант?

— Гм... слышал, но... никогда не встречал. И, признаться... относил это к области легенд... Однако я не вижу господина... э... Ныряйло в судовой роли.

Капитан столь же снисходительно улыбнулся снова.

— Это и не требуется. Корабельные гномы принадлежат не к человеческому, а к своему, особому, племени и потому в документы, касаемые людей, включению не подлежат. На то есть особая инструкция.

— Гм... — Лейтенант неожиданно штатским жестом сдвинул на лоб фуражку и почесал затылок.

— И к тому же вы ведь ищите девочку, — вмешался старпом Жора. — А наш Гоша явно не девочка и, клянусь дедушкой Анастасом, никогда девочкой не был...

— Да, вы правы, — с облегчением согласился офицер. И оглянулся на открытую дверь, в которой маячили его помощники. — Ну, что?

— Все в порядке, командир...

— Здесь тоже все в порядке. — Лейтенант вернул бумаги капитану и снова поднес пальцы к козырьку.

Все вернулись на палубу.

— А какая цель вашего плавания, капитан? — спросил офицер уже у трапа. — Прогулочный рейс?

— Если бы... Перегон! И мы должны уложиться в сжатые сроки. Нельзя сказать, чтобы встреча с вами этому способствовала, несмотря на приятное знакомство...

— Еще раз прошу прощения. Что поделаешь, если девчонка с ветром в голове поставила на уши все службы Северного побережья. Надрать бы уши как следует...

Они снова обменялись рукопожатием, и лейтенант взбежал на катер.

Отдали концы, катер, осторожно стуча мотором, отошел. Потом врубил скорость и помчался прочь, салютнув на прощание флагом, хотя устав этого не требовал. Охохито тоже приспустил и снова вздернул на ахтер-штаге флаг яхт-клуба.

Паганель, сидя в привычном убежище, бормотал в телефон:

— Шеф... Едва не попались таможенной страже. Из-за девчонки... О сокровище новых сведений нет... Ну, шеф, что я сделаю, если нет? Не могу же я их сам закопать где-нибудь... Почему дурак? Я, рискуя жизнью, делаю все возможное, чтобы... Хорошо, буду проявлять инициативу... До связи, шеф...

Он вышел из-за дверцы и тут же испугался, увидев подходившего Макарони. Тот подозрительно спросил:

— Паганель, у тебя что, расстройство кишечника? Ты не вылазишь из этого уютного места.

— Да. Что-то не того... Наверно, из-за фасоли...

— Глотни соленой водицы. Говорят, помогает...

— Нехорошо смеяться над большим товарищем, Макарони, — назидательно сказал Паганель. — Ох, нехорошо.

Это дурная примета, Макарони. Как бы не скрутило тебя самого...

Макарони незаметно сцепил пальцы и сплюнул через плечо...

На камбузе Гоша осторожно постучал по горбатуму сундучку. Опять пошептал, покрутил пальцами и осторожно поднял крышку. Ника выскочила наружу, словно выброшенная пружиной. Встала, помотала головой. Оглядела всех, будто не узнавая. Потом засмеялась.

Засмеялись и все, кто здесь был: ребята, дядюшка Юферс, Гоша.

— Ну, как там? — спросил Максим. — Тебе не казалось, что ты превратилась в кубик?

— Вовсе нет! Даже и не тесно, уютно... Я дремала. Только не могу понять, долго ли... А катер ушел?

— Слава богу... — сказал дядюшка Юферс. — А у меня теперь есть еще одна приключенческая история для моей книжки...

Сейчас можно было никому ни от кого не прятаться!

Гоша нежился на солнышке на крыше рубки. Ника, Максим и Владик устроились неподалеку и обменивались впечатлениями. Поглядывали, как Охохито продолжает любовно очищать замшелый ствол карронады.

— Охохито, а эти дядьки из патруля ничего не сказали про пушку? — спросил Владик.

— А что они могли сказать, мучачо?

— Ну, могли ведь придраться! Все же огнестрельное оружие. Или вдруг решили бы, что краденая ценность из музея...

— Они не обратили внимания. Все мысли их были о какой-то там беспризорной мучаче, улизнувшей из дома... — Охохито подмигнул Нике.

— Лучше бы искали настоящих беспризорников, —

хмура заметила Ника. — И помогли бы им найти крышу над головой. А то вон их сколько по всей стране. Каждый день по телевидению показывают.

— Говорят, есть программа помощи беспризорным ребятам, — заметил Владик.

— Программа есть, а помощи нет... — сказал Максим. — По двум причинам.

— По каким? — оживилась Ника.

— Во-первых, чиновники деньги разворовывают. Знаете, сколько денег выделяется? Никакому капитану Румбу не снилось! И зачем их отдавать беспризорным? Лучше себе дачи построить... А беспризорники только рады...

— Почему? — удивился Владик.

— Потому что вольная жизнь им вполне по душе. Сами себе хозяева. Траншей и подвалов для жизни много. В школу ходить не надо. На еду всегда можно подзаработать или украсть. И полная романтика...

— Откуда ты знаешь? — недовольно сказала Ника.

— Как говорится, из первых рук. В прошлом году сам два месяца беспризорничал.

— Ты?! — в два голоса изумились Ника и Владик.

— Я... Надоело с предками выяснять отношения, махнул на вокзал, там сдружился с одной компанией. Вполне нормальные пацаны, только малость дремучие, некоторые даже читать не умеют. Зато свобода и приключения. Особо пока тепло...

— А... потом? — осторожно спросила Ника.

— Потом... — Максим лег на спину и стал смотреть в небо. — Однажды сижу на бульваре и вижу: идет моряк в форме капитана дальнего плавания... Я будто очнулся. Говорю себе: «Как же так? Ты же хотел...» Ну, и было возвращение блудного сына... Мамочка в слезы, папочка, конечно, сперва за ремень, потом одумался... Ну и все по новой: лицей, науки, «приличное общество»... Тех ребят, правда, иногда навещал, еду носил и деньги...

— Ну и биография у тебя... — выдохнула Ника.

— Нормальная биография современного ребенка.

...— Охохито, ты матрос или смотритель в артиллерийском музее? — раздался голос старпома Жоры. — Дети, зачем вы подарили ему такую медную красавицу? Клянусь дедушкой, она не выдержит заботы этого стрелка и сиганет от него за борт!.. Или я ей помогу, если ты, Охохито, не займешь свое место у руля согласно расписанию вахт!

— Уже иду, господин старпом! Корабельная дисциплина превыше всего!..

— Охохито, мы вам ее надраим, как самовар, — пообещал Владик.

— И вычистим внутри, — добавила Ника. — Тогда это будет настоящее огнестрельное оружие.

— Думай, что говоришь, — шепотом остановил ее Максим. — Там окаменелый ил, он как бетон. Будем вкалывать, как забойщики в шахте, и без всякого толка...

— Придется повкалывать, — хладнокровно заявила Ника. — Это в наших интересах.

— Почему? — разом спросили Максим и Владик.

Ника оглянулась, поманила мальчишек поближе:

— Слушайте внимательно... Как по-вашему, откуда мог взяться этот ил внутри ствола?

— Конечно, попал туда на дне морском, — сказал Максим.

— Или его напихали туда нарочно, — многозначительно сказала Ника.

— Зачем? — удивился Владик.

— А зачем, по-вашему, пираты, или кто они там, поволокли бы в пещеру пушку с забитым дулом?

Ребята смотрели то на Нику, то друг на друга.

Ника сообщила им не терпящим возражения тоном:

— Дело в том, что я точно знаю: сокровище в этой пушке...

Паганель, пользуясь тем, что ребят нет в носовом кубрике, устроился на нижней койке и вещал в мобильник:

— Шеф! Сенсация! Девчонка твердо сообщила этим соплякам, что клад спрятан в пушке... Абсолютно точно. Я тоже уверен... Кто кретин?.. Хорошо! Если я прав, мне пять процентов комиссионных... Куда идти? Не понял... Понял... Шеф, вас плохо воспитывали в школе, вот что я скажу... Да, смею, потому что сокровище, можно сказать, у меня в руках... Вот увидите!

На крыше рубки продолжался таинственный разговор. Ника рассказывала:

— Когда я оказалась в сундучке, думаете что? Просто так? А вот и нет... Я сразу начала засыпать. Сны — как в сказке. Сначала я увидела, что папа точно на острове Три Кота, измученный, но живой. И он ждет меня... А потом приснилось, будто какие-то типы в треуголках, камзолах и с пистолетами, как у Охохито, прячут в пушечном стволе черную шкатулку. И чем-то забивают ствол. И тащат пушку по подземным ходам... Мои сны почти всегда сбываются...

— Значит, надо обязательно побывать на Трех Котах! — решительно сказал Владик.

— Да! Но до острова идти еще сутки, — деловито отозвался Максим. — А чистить ствол надо немедленно. Работы там — о-го-го...

...А Гоша мирно дремал на солнышке. Что-то шептал в полусне: может быть, сочинял новые стихи. И не ведал, как близко от него долгожданное сокровище...

Старпом Жора появился на палубе.

— Бом-бом! Бом-бом! — громко известил он. — Считайте, что я бью склянки в корабельный колокол, потому что, клянусь дедушкой, смена вахты... Паганель, стань у штурвала, а то добросовестный Охохито там уже сомлел на солнышке.

— Ну вот, опять Паганель, — заныл тот. — Стоит попасть на глаза старпому, сразу: «Паганель туда, Паганель сюда...»

— Клянусь дедушкой, ты не часто попадаешь мне на глаза! Чаше ты укрываешься в гальюне, который возлюбил, как старые турки любят комнату для курения кальяна... Уж не кишечная ли инфекция у тебя? Будь побольше времени, я такую заразу ссадил бы в промежуточном порту и отправил в карантин, где тебя довели бы анализами до полного физического и душевного истощения...

— Не понимаю, что я вам сделал, старпом...

— Я и сам не понимаю, но у меня с детства, клянусь дедушкой, аллергия на бездельников...

— А у меня аллергия на фасоль в томатном соусе, от которой болит живот. Я требую больничный лист...

— Сейчас я напишу тебе лист... Становись на руль! Или, клянусь дедушкой Анастасом...

— Старпом, пусть он постоит всего полчаса! — подал голос от пушки Охохито. — Я доскребу у этой голубушки казенную часть и сменю беднягу. И пусть он пойдет к дядюшке Юферсу и попросит для себя кружку крепкого раствора марганцовки...

— Так и быть... А юнгам тоже хватит бездельничать. Сейчас они займутся повторением морских узлов и сигналами...

— Ну, дядя Жора!.. — торопливо заныл Максим. — Мы обещали Охохито отдраить его орудие снаружи и внутри. Он ведь будет на вахте, сам не сможет...

— Странное какое-то у вас проснулось «орудийное трудолюбие». Клянусь дедушкой, это подозрительно...

— И ничего не подозрительно! — энергично возразил находчивый Максим. — У нас есть для этого причины... — И он поманил друзей на нос, где на них поглядывал привязанный ушами Андрюшка. — Ребята, слушайте. Если мы просто так начнем скрести и колупать карронаду, это и правда покажется подозрительным...

— Можно ведь сказать *зачем*, — простодушно возразил Владик.

Максим помотал головой:

— А если ничего не найдем? Поднимут на смех...

— Что же делать? — нетерпеливо спросила Ника.

— Я придумал... Предоставьте это мне... — Максим (а чуть поодаль от него Ника и Владик) остановился опять рядом с трудившимся над пушкой любителем старинного оружия. — Охохито, знаете что? Мы и правда можем очистить вашу пушку, как тульский самовар. Но вы за это разрешите нам одно дело...

— Что за дело, мучачо? Я сразу знал, что здесь нечисто...

— Все чисто! Просто вы дадите нам по разику пальнуть из вашего пистолета. По банкам... А?

— По разику?..

— Да! Всего про одному!

Охохито сдвинул свою высоченную шляпу и почесал затылок.

— Ладно... Только по одному!

— Договорились!

Максим отвел в сторонку Нику и Владика, что-то пошептал им. Владик подскочил, умчался на камбуз и тут же вернулся с тремя пустыми банками из-под фасоли, которую так не любил Паганель.

Поглядывая на Паганеля, Максим начал устанавливать эти мишени на носовом ограждении. Не такое это было простое дело — установить жестянки на трубчатом поручне, но Максим ухитрился привязать к нему обрезок доски, как полку, и на нее поставить банки. Яхта шла с небольшой плавной качкой, мишени держались устойчиво.

Охохито сходил в кубрик и принес пятилитровую жестяную банку из-под маслин, с самодельной крышкой и пробкой. Кроме того, у него за поясом был пистолет, а в руках воронка. Через эту воронку он стал насыпать в ствол порох.

— Ого, сколько у вас пороха! — с уважением сказал Максим.

— Ах, мучачо, это весь мой запас. Я всегда вожу его с собой, потому что боюсь оставлять дома... Здесь заряды для испытания всех моих экспонатов...

— Но на пушку, наверно, не хватило бы, — заметил Владик.

— На один раз хватило бы. Но тогда моя коллекция осталась бы без боеприпасов...

Он зарядил пистолет.

— Ну, мучачос, кто первый?

— Я! — нетерпеливо дернулся Максим. Никто и не спорил.

Охохито дал Максиму пистолет.

— Стой прочнее, мучачо... Руку согни, будто опираешься о локоть. Смотри на мишень поверх ствола, будто скользишь по нему глазом. И твердо будь уверен, что попадешь...

— Ага... — Максим расставил ноги, взял пистолет, как учили. Начал целиться...

— Долго не целься, рука устанет, — сказал Охохито. — Задержи дыхание и жми на спуск...

— Ага... — Максим нажал...

Когда синий дым рассеялся, банки на доске не было.

— Ура!! — закричали и запрыгали Владик и Ника, потому что искренне радовались удаче Максима.

— Молодец, ты такой же «охо хито», как и я, — похлопал его по плечу хозяин пистолета. И зарядил оружие снова.

Теперь пистолет взял Владик. По правде говоря, он побаивался стрелять, но, конечно, старался не подавать вида. Прицелился. Размытое пятно банки прыгало вокруг кончика ствола, описывало восьмерки. Владик сдвинул на лоб очки, прицелился снова. Стало еще хуже (то есть банка запрыгала сильнее). Владик решил покончить с этим делом разом: зажмурился и надавил на спуск...

Когда он открыл глаза, дым уже отлетел, Максим и Ника кричали «ура!» (Ника при этом опять скакала), а банка исчезла. Владик сразу принял вид храброго и умелого стрелка и гордо дунул в ствол пистолета.

— Одна радость на вас смотреть, — сказал Охохито. — Прямо гвардейцы герцога Хуана Энрике Гарсии де Картахены... Теперь ты, мучача... — Он протянул Нике пистолет, снова снаряженный пороховым зарядом и круглой, как орех, пулей.

— Ой... я что-то боюсь.

— Тогда давай я! — дернулся вперед Максим. И спохватился: — Или Владик. По жребию!

— Ну уж фигушки! — Ника справилась с секундной робостью и ухватила пистолет. Навела его на банку двумя руками, закусила нижнюю губу...

Появился старпом.

— Что за пальба? Капитан хочет знать, на нас уже кто-то напал или это салют в честь того, что у Паганеля перестал болеть живот? Клянусь дедушкой, мне это тоже интересно!

— Никто не напал! Но тренироваться надо заранее! — весело отозвался Владик. — Ника, жми скорее, пока дядя Жора не отобрал пистолет!

— Ай! — И Ника, глядя назад, на строгого старпома, выпалила «в белый свет». Банка тем не менее подлетела и, кувыряясь, описала в воздухе дугу.

Опять было общее «ура».

— Отбой огненной потехе, — распорядился Жора, отгоняя ладонью синий дым. — А то вы продырявите судно, и, клянусь дедушкой, гнев заказчика будет страшнее нападения пиратов...

— Мы уже кончили, — успокоил старпома Охохито, пряча оружие и снаряжение. — Сменю Паганеля. И пусть он идет страдать в любимое место...

В «любимом месте» Паганель сдавленным голосом вещал в телефон:

— Шеф... это я, четвертый... То есть Вова... Они приступили к последнему этапу поисков... Я весь внимание. При первых же результатах сообщу немедленно. Готовьте группу захвата... Что?.. Я не командую, шеф, а даю разумный совет... И не забудьте о комиссионных... Что?.. Кто?.. Ну вот, вы опять... Ой, у меня и правда заболело...

На камбузе дядюшка Юферс и Гоша готовили обед. Плита теперь работала исправно, на ней булькало. Дядюшка Юферс резал на столике капусту и радовался:

— Наконец-то накормлю экипаж обедом из трех блюд. А то всем надоели консервы. Бедняга Паганель приходил за марганцовкой...

— Это самое... не нравится мне этот Паганель. Не похож он... это... на настоящего Паганеля... — сообщил Гоша, налегая на ручку мясорубки.

— Куда тут денешься, Лангустыч, у каждого человека есть свои недостатки. Часто они бывают от того, что человеку не везло в жизни. Или его обижали в детстве, или потом случались всякие невзгоды... Что мы знаем про Паганеля?

— Видишь ли, дорогой Юферс... это самое... многим не везло. У тебя вот тоже... это... отобрали за долги таверну. А ты ведь не стал ни лодырем, ни... это самое... симулянтом...

— Это, Гоша, потому, что до той поры я видел немало хорошего. И самое главное — оно ведь по-прежнему со мной. Книга, которую пишу, мои «Морские истории»... Так же, как твоя поэма про клипер «Кречет»...

— Да... это... А как ты думаешь, любезный Юферс, не будет ли это лишнее, если я введу в поэму... это самое... лирическую струю?

— Какую?..

— Ну... вообще-то оно... это... интимная тема, но тебе можно. Как старому... это... другу...

Опять океан показал нам свой норв,
Но я среди бури грущу об одном:
Как жаль, что далёко ты, Элеонора,
А я не красавец, а сморщенный гном...

— Стихи неплохие, очень даже прочувствованные, — одобрил дядюшка Юферс. — Но ты в одном, Гоша, не прав. Никакой ты не сморщенный, а самый еще полноценный и симпатичный корабельный гном. Как говорится, в соку...

— Все равно... Она это самое... такая дама. А во мне... это... росту полтора аршина...

— Зато никакими аршинами, Гоша, не измерить твой поэтический талант. А его-то она как раз и ценит... Эх, найти бы тот самый клад, купить тебе шхуну, а на ней устроить редакцию собственного журнала! Под названием «Нептунова лира». Ты печатал бы там свои поэмы, а я морские истории...

— Это самое... где его теперь найдешь...

— А если еще раз повнимательнее посмотреть твои хитрые бумаги?

— Да... это... смотри не смотри... Вот... — Гоша полез за широкий ворот фуфайки и вытащил мятый пакет.

Они вдвоем развернули поверх нарезанной капусты шуршащие листы...

Максим, Ника и Владик коротким ломиком долбили затвердевший ил в стволе карронады. Вернее, долбил один, а второй, уступивший ему инструмент, локтем вытирал пот со лба, третий же (дождавшийся очереди) подавал реплики.

— По-моему, это не окаменевший ил, а самый настоящий цемент, — сообщил Максим, глядя, как орудует ломиком Владик.

— Скорее всего, — тяжело отдуваясь, согласился Владик. — Эти пираты, или кто они там, понимали, как прятать сокровища. Чтобы не всякий добрался...

— У меня уже пузыри на ладонях... — сообщила Ника, дуя на руки.

— Больше не дадим тебе колупать, — тут же решил Максим.

— А вот фигушки! Что у меня, раньше пузырей никогда не было?

— Откуда? — нанося очередной удар ломом, спросил Владик.

— Мало ли... хотя бы от весел. Когда мы с папой... Ну-ка дай... — Она решительно отобрала ломик у Владика. И, уже махая им, спросила: — А как вы думаете... согласится твой папа, Владик, зайти на Три Кота?

— Я думаю, да. Он не раз говорил, что моряки должны помогать друг другу. А твой папа ведь тоже моряк, раз морской археолог...

— А если бы он был... совсем сухопутный человек? — покосилась на Владика Ника.

— Да все равно! Лишь бы ветер был подходящий и хватило времени!..

Дядюшка Юферс и Гоша, сдвинувшись головами, шумно дышали над развернутыми документами.

— Я вот что, Лангустыч, думаю... Чем больше смотрю, тем больше сомневаюсь: а чего вы решили, что вот эти буквы оканные, ТК, означают Триахтырские катакомбы?

— А чего они... это самое... могут означать? Рептилий... это... Казимирыч так сказал. Он-то гном образованный, а я самоучка...

— Образованные, Гоша, тоже ошибаются... А ТК могут означать что угодно... Например... например, остров Три Кота! Тот, про который говорила девочка! И куда мы, возможно, заглянем, если будут на то судьба и счастливый ветер!..

Похожий на солидного пожилого турка владелец фирмы «Зеленый лев» в своем офисе, пряча под благожелательным тоном раздражение, беседовал по телефону с капитаном Ставридкиным.

— Это хорошо, дорогой, что вы движетесь по графику. Но очень прошу, дорогой, и дальше из графика не выбиваться. Яхта мне нужна точно в срок... Что значит «возможна небольшая задержка»? Про задержку в контракте ни слова...

Капитан Ставридкин в кубрике «Кречета» скрывал свое раздражение не так старательно.

— Но в контракте не сказано, что у яхты дрянной двигатель! Судно-то кто принимал? Представитель заказчика, то есть ваш... Он куда смотрел?... Вот именно — куда?... Я-то рассчитывал, что при встречном ветре или при штиле можно хоть как-то надеяться на мотор, а эта керосинка принялась чихать при первом включении. Мы сутки потеряли на ремонт... Ну и что?... Да еще никто никуда не опоздал, не нервничайте, господин заказчик...

Владелец «Зеленого льва» положил трубку и оглянулся на почтительного секретаря.

— Вах, какой несдержанный капитан... Говорит, двигатель. А разве я принимал двигатель? Кстати, кто его принимал? Уволить немедленно... Я говорю капитану про премию за досрочный приход, а он говорит про ветер. Не понимаю, что важнее: ветер или премия?..

Ребята продолжали колупать окаменелость внутри пушечного ствола. Эта работа им порядком осточертела. Теперь мозоли на ладонях были уже у всех. Куски цемента валялись на палубе, иногда их сбрасывали за борт ногами. Андрюшка сочувственно смотрел на друзей.

— Наверно, немалые драгоценности там, если так крепко запечатали, — хмыкнул Максим.

— Макарони сказал бы «тьфу-тьфу-тьфу», — заметил Владик.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — поспешно сказала Ника.

— А ты-то чего плюешься? — удивился Владик. — Ты ведь уверена, что сокровище там.

— На всякий случай. А вообще-то уверена, потому что сны меня редко обманывают...

По другому борту — пригнувшись и оглядываясь — скользяще проследовал никем не замеченный Паганель...

— Давай, — сказал Максим Владiku и забрал у него лоток. — Хотя я уже хочу не сокровищ, а простую котлету с макаронами.

— Кто тут хочет котлету? — раздался веселый голос дядюшки Юферса. — Ну-ка, молодые люди, умываться и на обед!...

Качка была такая плавная, что наваристые ши почти не колыхались в тарелках. За длинным столом собрались все, кроме стоявшего у штурвала Охохито. И дружно работали ложками.

— Клянусь дедушкой, марганцовка дяди Юферса оказалась прекрасным лекарством. Живот у Паганеля уже не болит, и аппетит у него, как у моего соседа-пьяницы дяди Сёмы, которого жена тетя Соня выгнала из дома и пустила обратно только на четвертый день... — сообщил всем старпом Жора Сидоропуло.

— Все смеются над бедным Паганелем, — скорбно произнес излечившийся матрос, глотая очередную порцию шей. — А что видел Паганель в жизни? Одни упреки! Кто знает про его неприятности? И про всякие несправедливости, которые он пережил?

— Какие несправедливости вы пережили, Паганель? — осторожно поинтересовалась Ника.

— Всекие! У меня с детства были золотые руки, и всегда это выходило боком...

— Как это? — удостоил Паганеля своим интересом капитан Ставридкин.

— С самого детства, да... Я из всяких мелочей и отбросов умел делать замечательные вещи, а кончалось скандалами. Однажды я из клизмы, губной гармошки и консервной банки сделал автоматический музыкальный центр, принес в школу, а он включился посреди урока... Пришлось заканчивать другую школу... Потом я из старинного самовара, транзисторного приемника и дуршлага смастерил передатчик для связи с инопланетянами, а эта штука вдруг послала сигнал на какой-то секретный спутник. Спутник слетел с орбиты, меня нашли какими-то локаторами и не отправили далеко-далеко только потому, что приняли за психа...

— А еще? — вместе спросили наострившие от любопытства уши Владик и Максим...

— А «еще» было совсем плохо... Я сделал машинку, которая старые нарезанные газеты превращала в банковские билеты по пятьдесят рублей... Сам не знаю, почему по пятьдесят... На меня донесла соседка, у которой муж работал дворником в милицееком управлении. Хорошо, что на этих деньгах не оказалось номеров и одна цифра была задом наперед, решили, что деньги игрушечные. Но на всякий случай я уехал в другой город и поступил в матросскую школу...

— Здесь у вас, по-моему, тоже не все в порядке, — заметил капитан.

— Что поделаешь, если я рассеян, как все талантливые изобретатели...

— А вы можете изобрести что-нибудь прямо сейчас? — поинтересовалась Ника.

— Что?... А меня не будут ругать?

— Клянусь дедушкой, не будем, — пообещал Жора. — Если только ты не изобретешь адскую машину...

Паганель с уныло-задумчивым видом поскреб в затылке. Взял две ложки, две вилки, крышку от консервной банки, пустую банку из-под майонеза, оторвал от матерчатой салфетки полоску, связал ею все предметы так, что получился человечек.

— Вот... кухонный танцор, который питается энергией от колебания морских волн... — И человечек бодро зашагал по столу, а потом рядом с кастрюлей исполнил короткий танец, в конце которого рассыпался. — Вот такой конец у всех моих изобретений... — вздохнул Паганель.

— Ну, все-таки... — утешил его Макарони. — Малость потанцевал...

— Как все мы в жизни... — философски покивал Паганель.

Макарони украдкой плюнул через плечо и сцепил пальцы.

— Скажите, Паганель, а вы не могли бы придумать какую-нибудь штуку к ломик, чтобы сам работал? — сказал Максим. — Или чтобы она помогала хотя бы.

Паганель покивал опять:

— Можно сделать вибратор. Привязать к ломик пустую банку от консервов, положить в нее что-нибудь... такое... Макарони, не бойся... какой-нибудь амулет или талисман. И потрясти, чтобы гремел. Тогда заработает... Есть у вас амулет?

Ребята посмотрели друг на друга.

— Поищем, — буркнул Владик. И глянул на отца. — Папа, а как насчет Трех Котов? Сможем зайти туда?

— Если будет сохраняться такой ветер...

— А когда мы там окажемся... если будет этот ветер? — осторожно настаивал Владик.

— Возможно, завтра к утру... Но если там пираты, нам крышка. У нас никакого оружия, кроме музейного пистолета...

— И ракетницы. Это, клянусь дедушкой, тоже оружие, — напомнил Жора.

— Тогда конечно, — усмехнулся капитан.

Все посмеялись: никто не верил в пиратов всерьез. Впрочем, и в то, что могут отыскать следы отца Ники, кажется, тоже не очень верили...

Когда снова оказались у пушки, Ника сказала:

— Наверно, придется положить в банку счастливый билет. Другого амулета нету...

— Он не будет греметь, — возразил Максим.

— Тогда что?

Владик, сопя, полез в карман и вытащил... камешек с дыркой.

— «Куриный бог»! Ты же сказал, что его уронил за борт! — удивилась Ника.

— Я... пошутил тогда... — Владик заметно порозовел.

Ника посмотрела, погрозила пальцем. Владик зацарапал сандалетой палубу. Максим, поглядывая на них, привязал к ломику обрезком капронового линя банку из-под фасоли.

Опустили в нее камешек. Тряхнули. Банка затряслась, ломик в руках у Владика — тоже.

— Во! Как отбойный молоток! — обрадовался Максим. — Дай-ка! — Он выхватил у Владика оживший инструмент, толкнул его в ствол карронады. Оттуда полетел цементный щебень.

Да, «отбойный молоток» системы Паганеля работал здорово! Ребята по очереди хватали его, чтобы испытать радость такой интенсивной работы. Наконец Максим скомандовал:

— Подождите... — Сунул руку в пушку, пошарил. — Кажется, что-то есть... Надо еще немного... — Он снова поработал трясущимся ломиком, опять по локоть запустил руку в ствол и... вытащил прямоугольный предмет, замотанный в рваную и закаменевшую парусину. — Спокойствие... — командирским тоном сказал Максим. —

Смотреть будем после. Сейчас идем к себе... — Он скинул спасательный жилет, завернул в него находку, оглянулся. Его друзья тоже оглянулись. Никого не было рядом, никто ничего не видел. Вернее, так им показалось, а на самом деле Паганель укрывался неподалеку.

Ребята ускользнули к себе в кубрик.

— Нож давайте... — дрожала от нетерпения Ника.

Максим открыл складной ножик. Взрезал и отбросил твердые тряпки. Перед ребятами оказалась деревянная обшарпанная шкатулка с накладным замочком.

— Пойдите, — прошептал Владик — тут еще какой-то конверт...

Сверху на шкатулке лежала маленькая плоская папка из кожи вроде бумажника. Ее, путаясь пальцами и мешая друг другу, открыли. В кожаном конверте оказалась желтая, сложенная вчетверо бумага. На ней различимы были написанные побледневшими чернилами буквы.

— По-русски? — прошептала Ника.

— По-русски, кажется... — отозвался Максим.

— Читайте, у меня очки запотели. От переживания... — торопливо пробормотал Владик.

Максим поднес лист к лучу, падавшему из люка.

— Ого, предупреждение! «Стойте! Открыть замок шкатулки можно любой шпилькой, но только в полночь. Иначе случится беда...» Тьфу-тьфу-тьфу, как сказал бы Макарони.

— Что еще написано? — Ника заглянула Максиму через плечо.

— Больше ничего... Ну, что будем делать?

Владик почесал о плечо облупленное от загара ухо.

— Наверно, надо ждать. С таким делом не шутят.

— Я лопну от нетерпенья, — простонала Ника.

— Что там? Неужели какой-то часовой механизм? — недовольно сказал Максим. — Чепуха. Давайте попробуем...

— Я бы не советовала... — осторожно сказала Ника.

— Давайте голосовать, — предложил Максим. — Кто за то, чтобы открыть сейчас? — И поднял руку. Один. — Ну, ясно... Тогда давайте спрячем эту штуку подальше. И пойдем дочищать пушку. Ведь мы обещали Охохито сделать ее чистенькой...

Паганель отпрянул от выхода из кубрика и засеменил прочь. Ребята вышли на палубу, а шпион укрылся за рубкой на другом борту.

— Шеф! Это случилось!.. Пока не знаю, но они унесли сверток с драгоценностями в кубрик. Открывать будут в полночь... Так предписано... Я не знаю, какой дурак предписал... Я — дурак? Я стараюсь изо всех сил, а вы... Ну, наконец-то. А то одни оскорбления... Обязательно! Как узнаю — сразу...

Они вычистили пушку так, что хоть сейчас в музей.

Сменившийся с вахты Охохито был счастлив.

— Героическая работа! Обязательно дам еще пострелять из пистолета! Только не сейчас, а то Жора опять заругается... Как это вы сумели так быстро ее отдраить?

— Волшебство, — хихикнула Ника, ничем не рискуя...

Завечерело. Все, кто был свободен, собрались на баке. Дядюшка Юферс взял гитару.

Стало море злее и угрюмей,
ребята.

Плюньте через левое плечо.
Что везем мы в нашем темном трюме,
ребята?

Только черный, только черный сундучок —
И молчок!

Кое-кто подтягивал дядюшке. И ребята. Но потом они отодвинулись, и Владик прошептал:

— Я скоро взорвусь от нетерпения. Когда эта полночь?

— Я тоже готова взорваться, — вздохнула Ника. — Но еще больше я думаю: что там на Трех Котах?

— Три Кота будут завтра, хоть взрывайся, хоть нет, — рассудил Максим. — А со шкатулкой можно было и не ждать. Сами голосовали... Может, переголосуем?

Владик и Ника посмотрели друг на друга и помотали головами...

Наконец время приблизилось к полуночи. Ребята уже были на своих койках. Ника смотрела, свесив голову, Максим и Владик сидели внизу, шкатулка лежала между ними. Максим держал наготове открытое шило карманного ножика. Владик светил фонариком на его наручные часы.

— Ну? Скоро? — очередной раз спросила Ника стонущим шепотом.

— Еще минута... — сказал Владик. — Посади Андрюшку так, чтобы ему было видно. Он приносит удачу...

Ника устроила зайца, чтобы он тоже свесил голову.

— Ну, скоро?.. Макс, а твои часы не отстают?..

— Не отстают... Ну, поехали... — Максим брякнулся на колени перед койкой и вставил шило в скважину замочка. Нажал, шевельнул...

Раздался тихий пружинный звон. Крышка отскочила. Ника свесилась еще больше и чуть не загремела вниз.

— Тьфу ты... — с великой досадой произнес Максим. — Тряпка какая-то...

— Подожди... — нервно прошептал Владик. — Это же сверток. И тетрадка... Постой, не разворачивай. Видишь, написано: «Сперва прочитайте!» Может, там координаты...

— Опять координаты! Осточертело... — Однако Максим открыл тетрадку (вернее, плоскую записную книжницу, на корочке которой и была надпись).

Фонарик высветил на первой странице крупные строчки:

«Вы ищете клад? Если нет, выбросьте все это за борт. Если да, делайте все по порядку. Переверните лист».

Максим перевернул. И прочитал строчки на следующей странице:

«Разверните сверток, который в шкатулке»...

— Может, там ключ? — прошептала Ника.

В холщовом лоскутке оказалось зеркальце в металлической оправе с ручкой.

Максим опять сказал «тьфу». И добавил:

— Тоже мне, драгоценность. Медью пахнет.

— Тут еще раз написано: «Переверните лист». — Владик ткнул пальцем в книжицу. И перевернул лист вместе с Максимом.

На следующей странице было еще одно указание:

«Теперь не спеша и по очереди посмотрите на себя в зеркальце. А потом снова перелистните страницу».

Максим пожал плечами. С подчеркнутой старательностью поразглядывал в зеркальце себя. Дал его Владиду. Тот тоже полюбовался своим отражением. Протянул зеркальце Нике. Посмотрела и она. Как и Максим, пожалала плечами.

— Дай посмотреться Андрюшке, — напомнил Владик.

Ника дала. И спросила:

— Что там дальше?

— А дальше — листаем дальше... — И Максим перекинул еще один листик.

На следующем они прочитали:

«Посмотрели? Тогда переверните и этот лист».

— Сколько можно! — Максим нервно дернул бумагу.

Последняя запись, сделанная все теми же бледными чернилами и корявыми буквами, была длинная:

«Теперь знайте. Вы только что видели самых больших дураков на свете. Кладов не бывает. С приветом, Вася».

Помолчали.

— Я так и знал, что будет какая-то глупость, — вздохнул наконец Владик.

— Мальчишки, не сердитесь. Сон меня обманул, кажется, первый раз в жизни, — жалобно сказала Ника.

— Да кто на тебя сердится, — отозвался Максим. — А этому Васе я оторвал бы ноги и руки. Если бы он мне попался...

— Весельчак Вася... — опять вздохнул Владик. — Да наплевать. Он прав, так нам и надо. Никаких кладов не бывает...

— Я другого боюсь, — сумрачно сказала Ника.

— Чего? — вскинул голову Максим.

— Того, что другой мой сон... про папу... тоже не сбывается...

— Ты все-таки надейся, — очень серьезно посоветовал Максим. — Тот был серьезный сон, о важном. А этот не сбылся, потому что он про ерунду... Давайте я утащу это барахло наверх и выкину за борт...

— Не надо, — сказал Владик. — Пусть останется на память. Все-таки было приключение...

Ника виновато спросила:

— А можно я возьму зеркальце себе? Я забыла прихватить из дома...

— Возьми, конечно! — почему-то обрадовался Владик. А Максим добавил:

— Хоть какая-то польза...

Заяц Андрюшка молча одобрил это решение.

7. НЕСЧАСТНЫЙ ПАГАНЕЛЬ

Ночью ветер оставался таким же ровным и умеренным, как днем. «Кречет» бежал нужным курсом, Макарони стоял у руля, Гоша, наслаждаясь прохладой, лежал на крыше рубки, разглядывал созвездия и рифмовал:

О, вечных созвездий горящие гроздь,
О, юности память — она незабвенна!
И выдерну грусть из души, словно гвоздь, я,
И жаром любви вновь наполнятся вены...

Скользнувший вдоль борта Паганель прислушался. Гоша, вдохновившись, декламировал:

Не буду, как Гамлет в глуши Эльсинора,
Томиться в сомненьях и страхах напрасных.
Я знаю: мы встретимся, Элеонора,
Хотя бы на миг. Это будет прекрасно...

Паганель спустился в машинный отсек. Подсоединил к баку с горючим шланг. Протянул его наверх, «подсосал», пережал шланг и опустил его конец за борт. Довольно потерял руки. Буль-буль — запас горючего потек в море... Никто не видел этого злодеяния. Было темно, только светила лампочка у нактоуза и на мачте горели сигнальные огоньки. Гоша сочинял и декламировал. Макарони у штурвала что-то мурлыкал под нос. Потом к нему подошел Охохито.

— Иди спать, Макарони. Четыре часа...

— А ты зачем пришел? Сейчас очередь Паганеля.

— А ну его. Я глянул, на койке опять нет, наверно, снова мается брюхом. Из него рулевой, как из меня шеф-повар... Я постою, буду думать про свою коллекцию. Ребятишки ох как отдраили карронаду...

— Ну, давай... курс тридцать два, полный бейдевинд, правый галс. Сдал...

— Тридцать два, принял... Иди бай-бай, мучачо, пусть тебе не снятся ни ведьмы, ни морские черти.

— Ну тебя. Тьфу-тьфу-тьфу...

Макарони ушел.

Гоша, заложив ладони за голову, разглядывал звезды в зените и бормотал:

О, южное небо над клотиком мачты,
От света созвездий ну некуда деться!
Не ждешь уже в жизни любви и удач ты,
Но все же в надежде сжимается сердце...

Бензин между тем весь вытек в море, шланг жалобно всхлипнул. Паганель свернул его в кольцо и все так же бесшумно отнес в моторный отсек...

Ребята спали в своем крохотном носовом кубрике. Максим помычал во сне и повернулся.

— Не лягайся... — не просыпаясь, пробубнил Владик (тесно было вдвоем на одной койке).

Нике наверху было удобнее. Заяц Андрюшка устроился рядом с ней. Он не спал. Нацепил Владькины очки и любовался на себя в зеркальце, найденное в шкатулке коварного Васи... А может быть, Нике это просто снилось... Потом ей стали сниться пираты, скалы, бесшумные автоматные очереди, которые выбивают на камнях строчки следов от пуль; лицо отца, который неслышно зовет ее, Нику...

Встало солнце, море празднично засинело. И это прекрасное время суток вдруг огласилось негодующими воплями старпома Жоры:

— Куда девалось горючее? Вчера был полный бак, а сейчас в нем как в брюхе кита после месячной голодовки! Эй, все сюда!..

Все, кроме Охохито, Паганеля и ребят, столпились у бака.

— Я хотел проверить движок, а здесь... Клянусь дедушкой Анастасом, это или какой-то мерзавец, или нечистая сила! Не плюйся, Макарони, мне самому хочется плевать, как моей бабушке Ксане, увидевшей, что в кошельке ни копейки!..

— Может быть, в баке течь? — высказал предположение дядюшка Юферс.

— Ну что вы такое говорите, дядя Юферс! Тогда здесь было бы бензина по колено и стояла бы вонь, как в керосиновой лавке! Клянусь дедушкой, я...

— Клянусь твоим дедушкой, кому-то очень не хочется, чтобы мы вовремя пришли в Византийск, — сумрачно подвел итог капитан Ставридкин. — Остается узнать: кому?..

В офисе фирмы «Зеленый лев» ее хозяин, похожий на пожилого турка, раздраженно говорил в трубку:

— И ради такой чепухи вы будите меня ни свет ни заря! Это черт знает что, дорогой... Что? Мне плевать на ваши сокровища, меня не интересуют награбленные деньги! Не вздумайте трогать яхту! Она должна прийти в Византийск точно в срок, а потом ищите вашу паршивую шкатулку, сколько угодно! Мне плевать на ваши интересы! У вас свой бизнес, господин Драгенногер, а у меня свой! Сначала пусть будет выполнен контракт, а потом грабьте сколько угодно!.. Вах! Какой же ты пират, если ты не знаешь, что контракт — святое дело! За что я тебе плачу ежемесячное пособие?.. Не смейте трогать мою яхту!.. — И хлопнул трубку. — Ай, какие бессовестные люди! Даже грабить не умеют по правилам...

Паганель, пользуясь тем, что на палубе никого не видно, пристроился за рубкой и громко бормотал в мобильник:

— Шеф... Шеф... Я еще не знаю, что там в шкатулке, они не говорят. Но ясно, что большая ценность... Что?.. Зато я сделал очень важное дело! Слил из бака всю горючку! Они не смогут уйти на моторе от нашей группы захвата!.. Почему идиот? Как «лей обратно»? Где я ее возьму?.. Ну вот, стараешься, стараешься, рискуешь головой, а тебе... Шеф! Алло, шеф! Я же...

Трах! Сотовый телефон в руке шпиона разлетелся вдребезги — от тяжелой пули из меткого пистолета Охохито. Сам Охохито, продувая ствол, стоял над Паганелем, немолчаливый, как бог возмездия. Паганель съежил плечи и поднял руки. Охохито сунул пистолет за пояс и взял шпиона за шиворот. В таком виде их и застали все, кто выскочил на палубу (в том числе и ребята).

— Охохито! Что опять за пальба?! Клянусь дедушкой,

ты спятил! Зачем оставил штурвал? Смотри, яхта в левентике!

В самом деле, яхта стояла носом к ветру, паруса полоскали.

— Никуда яхта не денется. Зато я поймал эту птичку. Он мне сразу не понравился, этот фокусник, я не люблю тех, кто все время вздрагивает и держится за живот. А сейчас я услышал, как эта бичо малольенте, что означает воющая козьявка, докладывает своему шефу, что слил в море бензин... И ждет какую-то группу захвата, каррамба...

— Я больше не буду... — хныкнул Паганель.

— Как хорошо, — с облегчением вздохнул капитан Ставридкин.

— Клянусь дедушкой, что хорошего?! — возмутился Жора.

— А то, что теперь не надо больше никого подозревать и на каждого смотреть как на диверсанта, — разъяснил капитан. — Представляете, что могло бы быть, если бы не наш бдительный Охохито? Все косились бы друг на друга... Отведите эту вонючую «бичу» в кубрик, и пошли все вниз, поговорим...

Охохито опять выдернул пистолет и подтолкнул ствол пленника. Паганель, похныкивая и не опуская рук, засеменял к трапу. Остальные двинулись было за ними. Капитан сказал:

— Кто станет к штурвалу? Надо вывести яхту на курс. Охохито занят, он свидетель...

— Можно я?! — рванулся вперед Максим. — Я смогу! Я уже пробовал!

— Тебе разве не интересно послушать этого шпиона? — удивился Владик.

— Интересно. А на руле интереснее. Про шпиона вы потом расскажете...

Капитан Ставридкин внимательно глянул на Максима. Сказал Макарони:

— Виктор, выведите яхту на тридцать два градуса и покажите мальчику, как держать курс. Пусть привыкает, ветер спокойный...

Макарони и счастливый Максим отошли к штурвалу. Дядюшка Юферс, вспомнив прежние времена, вынес стаксель на ветер, яхта пошла носом влево, паруса наполнились...

— Держи, — сказал Макарони и положил ладони Макса на обод штурвала. — Гляди, чтобы курсовая черта была на тридцати двух градусах. Сильно не рыскай и смотри, чтобы паруса не заполоскали... Ну, ты ведь уже был на руле...

— Был немного...

Макарони вдруг потрепал мальчишку по голове.

— Эх, жалко, нет тут моего Шурика. Показал бы и ему, как управлять судном...

— Ну, он ведь еще маленький, успеет, — осторожно утешил взгрустнувшего Макарони Максим (а сам уже не отрывал глаз от картушки компаса).

— Конечно, поменьше, чем ты... И пока не о парусах мечтает, а о велосипеде.

— Получите за рейс, купите ему велосипед...

— Куплю, если хватит... Надо еще матери денег дать, дома ни гроша... Нынче во сне видел, будто и правда купил Шурке велосипед. Веду его по улице, а Шурка бежит навстречу, смеется, руки растопырил...

— Ника говорит: хорошие сны часто сбываются...

Макарони украдкой постучал по деревянной спице штурвала, снова потрепал Макса по волосам и пошел слушать, как допрашивают пойманного шпиона и диверсанта.

А Максим, впервые оказавшийся у штурвала один, без взрослого наблюдателя, ощутил себя полным хозяином судна. Что еще надо для счастья? Он прищуренно смотрел то на компас, то на горизонт, и в душе его звучала музыка дальних странствий и морских просторов.

В кубрике за длинным столом собрался весь экипаж и пассажиры «Кречета» (кроме Максима). Понурый Паганель стоял у торца стола и ежился под взглядами.

— Итак, господин Паганель... то есть господин Свистогонов, вы признаётесь, что проникли на «Кречет» умышленно, по приказу вашего шефа, имя которого — Драгенногер? — устало и чуть презрительно говорил капитан.

— Я больше не буду...

— Георгий Лангустович, запишите в протокол.

Гоша поднял от бумаги косматую голову:

— Это самое... записать, что он больше не будет?

— Нет, что он выполнял задание мафиозной группировки... которая решила, что мы искали и нашли какое-то дурацкое сокровище, и решила отнять его у нас. Я не думал, что такие идиоты сохранятся в двадцать первом веке...

Владик и Ника стали неотрывно смотреть в стол и краснеть ушами. Гоша закашлялся. И быстро спросил:

— А это... надо тоже... это самое... в протокол?

— И это запишите...

— И-ди-о-ты... — забормотал Гоша, водя авторучкой.

— Теперь остается решить два вопроса, — продолжал капитан. — Первое: как нам быть без горючего? Второе: что делать с диверсантом...

— Я больше не б...

— Капитан, пусть он заткнется! Или, клянусь дедушкой, я попрошу у Охохито его пистолет...

Слово взял дядюшка Юферс.

— Как я понимаю, по первому вопросу решать нечего. Остается надеяться, что хороший ветер сохранится и горючее нам до Византийска не понадобится...

— А насчет этого... второго вопроса... Раньше, в девятнадцатом веке... мне... это самое... капитан Аполлон Филиппыч рассказывал... шпионов и работорговцев привязывали за ноги к длинному тросу и это... бросали с кормы. Как приманку для акул...

— Акулы в наших водах мелкие и безобидные, как скумбрии, — с сожалением напомнил Охохито. — Может, сдать его властям?

— А власти что? — сокрушенно возразил Макарони. — Скажут: где доказательства, что он спустил за борт бензин? А других доказательств, что он преступник, и вовсе нет...

— Да, — приободрился Паганель и даже принял слегка горделивую позу. — Нету доказательств. А вы у меня телефон разбили. Материальную ценность...

— Может, просто кинуть за борт? — сказал Жора. — Тогда, клянусь дедушкой, никаких доказательств не надо.

— Я больше не буду! — снова взвыл Паганель.

— Пусть скажет, не знает ли что-нибудь про археолога Верхотурова, которого похитили пираты, — вмешалась Ника. — Они его, наверно, держат на острове Три Кота. Или раньше держали...

— Я ничего не знаю! — завопил Паганель. — Я у них недавно! Я даже не слышал про такой остров! Клянусь!

— По-моему, за борт, — повторил свое предложение Жора.

— Но я правда не знаю! Я больше не буду!..

— Я думаю так, — остановил дискуссию капитан Ставридкин. — Будем проходить мимо Корнеевской косы, дадим господину Свистогонову пробковый нагрудник, и в полумиле от берега пусть сигает за борт. Там на косе, километрах в десяти от оконечности, поселок Белая Горка. Добредет пешочком, а дальше — его дело...

— Нагрудник еще из-за него терять... — сказал старпом Жора..

— Что поделаешь, мы люди гуманные, — вздохнул капитан Ставридкин. — Кстати, гляньте кто-нибудь, как там наш юнга на руле. Коса близко, не воткнул бы яхту в берег...

Макарони быстро пошел наверх.

Максим наслаждался своей должностью рулевого. Но и тревожился слегка. Обрадовался, когда появился Макарони.

— Слева какой-то плоский мыс и сигнальный буй. Может, взять на полрумба вправо?

— Возьми, возьми. Это Корнеевская коса, — объяснил Макарони.

Максим слегка двинул штурвал.

— Очень круто получается, скорость упала.

— Ничего, — утешил Макарони. — Здесь она и нужна небольшая. Смотри, сейчас будет представление.

Несчастливого Паганеля, облаченного в пробковый нагрудник, вывели на палубу. Охохито привычно держал его за шиворот. Дядюшка Юферс шел рядом и просил:

— Уважаемый Паганель, не считите за труд, напишите мне письмо. Очень хочется знать, чем кончится ваше приключение. Я помещу эту историю в свою книгу...

— Я не хочу... Я не доплыву... — хныкал Паганель.

— Клянусь дедушкой, в нагруднике доплывешь, никуда не денешься. В крайнем случае наделаешь с перепугу в штаны, но тебе не привыкать, — утешал шпиона Жора. — Охохито, помоги ему...

Охохито с удовольствием приподнял Паганеля за штаны и легко швырнул через поручни. Тот завопил, забарахтался на зыби и вразмашку поплыл к недалекой земле. Оборачивался и кричал:

— Я страшно отомщу! Я подам в суд!..

«Кречет» между тем миновал оконечность косы, и Макарони велел Максиму лечь на прежний курс.

И в это время «скис» ветер...

Море сделалось гладким, как синяя тарелка. Паруса и флаг повисли. Все, кто был на «Кречете», погрузились в уныние, потому что нет ничего более изматывающего душу, чем штиль на море. Особенно когда надо спешить...

Максим оставался у штурвала (вахта как-никак!), хотя делать ему было совершенно нечего, судно не двигалось. Здесь же собрались Владик, Ника, Гоша и Макарони, который считал своим долгом приглядывать за юным рулевым. Появился и дядюшка Юферс.

— Дело неприятное, — вздохнул старый боцман. — Мне рассказывали, как в конце девятнадцатого века в этих местах штиль держался больше месяца. На бриге «Морской король» кончилась питьевая вода, им пришлось мастерить из кастрюль перегонный аппарат-опреснитель, но для него нужны были дрова. Ребята сожгли все доски с палубы, чтобы добывать себе по глотку воды в день...

Макарони, неловко оглядываясь, ушел и скоро вернулся. Объяснил со вздохом:

— Поцарапал ногтем мачту. Говорят, помогает от безветрия, если поскрести рангоут...

— Это если рангоут деревянный, — грустно разъяснил дядюшка Юферс. — А у нас-то мачта и гик металлические...

— Гоша, а может, снова поколдуешь? — осторожно спросил Владик. — Я завяжу узел Черного Джека, а ты...

— Ни в коем случае! — тонко закричал Макарони. — Не вздумайте! С этим не шутят! Один раз мы уже получили трепку!...

— Лучше трепка, чем такая мертвая тишь, — сказал от штурвала Максим.

— Нет, не лучше! — отчаянно возразил Макарони. — Второй раз это добром не кончится! С судьбой не шутят!

— Боюсь, что это... Макарони прав... — сказал Гоша. — Я с таким колдовством не справлюсь на старости лет... Был бы... это самое... какой-нибудь добрый талисман...

Паганель добрался до берега. Фыркая, отплевываясь и похныкивая, выбрался на песок. Помотал головой. Огляделся. Берег был довольно замусоренный. Видимо, его нередко посещали туристы и дачники.

Паганель подобрал две банки из-под консервов, понюхал, постучал по ним ногтем, приложил к уху. Потом нашел обрывок проволоки и пластмассовую трубку от детского обруча. Обмотал трубку проволокой и эту самодельную «электрическую катушку» подсоединил к банкам. Пошарил в мокрых карманах, выудил из них фонарик. Он не работал, но Паганель вытащил из фонарика батарейку, попробовал на язык и остался доволен: напряжение в батарейке еще было. Паганель нашел на заброшенном кострище железный штырь и (все так же похныкивая) изготовил из него антенну, воткнул ее в песок. Сел рядом. Одну банку поднес к уху, другую к губам.

— Шеф... Это я, четвертый, то есть Вова Свистогонов... Шеф, они выкинули меня на необитаемый берег. Без воды и пищи... Почему дебил? Опять вы... Я рисковал жизнью... Откуда я знаю, куда они отправились! Скорее всего, никуда, потому что штиль. А если будет ветер, то на остров Три Кота... Что?! Шеф, вы спятили?.. Простите, но все равно спятили! Как я туда доберусь? На чем? Как «хоть на чем»? Я еле дышу, я без сил... Кого повесят за ноги?.. Меня?! Я буду жаловаться вашему начальству!.. Ну, шеф... Тогда сделайте хотя бы надбавку...

С «антенной» под мышкой и самодельной рацией в руках Паганель побрел по берегу. Обогнул скалу. И там увидел на песке мальчика и девочку лет семи. Они сидели на расстеленном одеяле, и мальчик читал девочке большую книгу. Рядом лежало всякое дачное имущество: открытый зонтик, полотенца, большой мяч и детская надувная лодочка с пластмассовыми гребками.

Мальчик отчетливо произносил фразу за фразой:

— «...Осмотрев корабль, я убедился, что он разрушен окончательно и скоро волны полностью превратят его в обломки. Таким образом я оказался в одиночестве на пустом неприветливом берегу. Но в тот момент я еще не знал, что мне придется провести на этом острове тридцать лет. «Не падай духом, Робинзон», — сказал я себе...»

— Здравствуйте, дети, — голосом мученика выговорил Паганель и артистически изобразил, как у него подгибаются ноги.

— Здравствуйте, — разом отозвались воспитанные дети и доверчиво оглядели странного дяденьку. Мальчик спросил:

— А вы здесь откуда? Из поселка?

— Я не из поселка... Я издалека... ох... А где ваши мама и папа?

— Мама осталась дома. А папа пошел за пивом. Вон там за кустами есть киоск, — охотно сообщила девочка. — Садитесь, пожалуйста. Вы, кажется, устали...

— Я ужасно устал... Я потерпел кораблекрушение. Вчера ночью наша яхта наскочила на подводный камень и пошла на дно со всем экипажем. Мне единственному удалось спастись... Дети, вы ведь сможете мне помочь?

— Да! — со смесью любопытства и восторга вскопился мальчик. Подумать только, перед ним был настоящий «робинзон»!

— У меня в кармане случайно оказались пять рублей... вот... Не могли бы вы добежать до киоска и купить бутылочку минералки? Я погибаю от жажды...

— Конечно! — Мальчик схватил монету, и они с девочкой наперегонки рванули к полоске кустов, за которыми, видимо, скрывались какие-то признаки пляжной цивилизации.

Едва ребята исчезли из глаз, Паганель кинул на воду лодчонку. Бросил в нее свой «радиопередатчик», плюнулся сам. Лодочка, похожая на маленькую резиновую ванну, погрузилась по самые борта. Паганель хныкнул очередной раз и отчаянно заработал пластмассовыми гребками, потому что ему очень не хотелось быть повешенным за ноги. Чайкам, наблюдавшим за этими событиями с высоты, было видно, как лодчонка понеслась от берега, оставляя на гладкой воде бурный след...

Мальчик и девочка с бутылкой минералки в воде недоуменно смотрели с берега в море.

— Знаешь что? — сказал наконец мальчик. — Наверно, он увидел на горизонте свою яхту, которая не погибла и спаслась. И решил догнать ее...

— Это хорошо, — отозвалась девочка. — Лишь бы папа не заругался из-за лодки.

— Все равно она была старая, с заплатой...

— Лишь бы заплатка не отклеилась, пока он плывет... — вздохнула девочка.

На «Кречете» продолжалось обсуждение: как избавиться от штителя.

— Может быть, поколдовать с «куриным богом»? — нерешительно предложил Владик. — Это ведь вполне добрый талисман...

— Давайте попробуем... — неуверенно сказал Гоша. — Ты, Владик, положи его на ладонь, и все смотрите на него... это самое... не отводя глаз. А я это... придумаю заклинание...

И все, кто был рядом — Максим (оглянувшись через плечо), дядюшка Юферс, Макарони, Ника и сам Владик, — стали с надеждой смотреть на дырчатый камешек. А Гоша зашевелил губами:

— Ну-ка, бог морей Нептун... Нашу выполни мечту... Дунь нам с оста или с норда... Это самое... рифму надо...

— Только чтоб не прямо в морду, — подсказал Владик.

— Да-да... это самое... очень правильно... — И Гоша встал в привычную позу декламатора:

Ну-ка, бог морей Нептун,
Нашу выполни мечту:
Дунь нам с оста или с норда —
Только бы не прямо в морду!..

Ну, что?.. Не дует?

— Не так сразу... — осторожно сказал дядюшка Юферс. — Подождем...

Подождали. Тишина продолжала безраздельно царить на морском просторе.

— Наверно, вся сила этого талисмана ушла, когда ковыряли пушку, — сказал Максим.

— Нет, наверно, это самое... заклинание неудачное, — Гоша самокритично поскреб затылок.

— Попробуем еще раз, — предложила Ника.

— Ни в коем случае! — испугался Макарони. — Если колдовство не удалось, его нельзя повторять! Это скверная примета! Будет худо!..

— Тогда... давайте попробуем вот это... — Ника показала ладонь, на которой лежал мятый, полинялый автобусный билетик. Тот самый, со счастливым номером.

— Давайте! — разом обрадовались Владик и Максим.

Макарони вытянул к билету голову, словно принюхивался.

— Очень сильный талисман. Я чувствую, он излучает положительную энергию...

— Только это... я все же попробую сочинить по-другому... — Гоша опять зашевелил губами и закатил глаза. — Пусть ветер подует... не слабый, но ровный... Пусть будет удача у всех нас огромной... Исполнится пусть поскорее мечта...

— Пусть встанут у нас на пути Три Кота! — звонко и чуть ли не со слезинкой неожиданно для всех закончила Ника.

— Bravo! — дядюшка Юферс захлопал в ладоши. — Я включу это в свою книгу!

— Подождите, господин Юферс, — остановил его осторожный Макарони. — Надо, чтобы сначала ветер...

— Давайте! — нетерпеливо сказала Ника.

Все опять уперлись взглядом в талисман, а Гоша вновь принял вдохновенную позу.

Пусть ветер подует не слабый, но ровный.
Пусть будет удача у всех нас огромной!
Исполнится пусть поскорее мечта —
Пусть встанут у нас на пути Три Кота!

И ветер пришел! Он взмахнул широким шумным крылом, надул паруса, накренил яхту! Она побежала, стараясь привести носом к потокам воздуха, Макарони бросился к штурвалу, но Максим уже сам справился с управлением.

— Я знаю, помню! Тридцать два градуса.

Все радовались и аплодировали. Только Ника потерянно смотрела на пустую ладонь: ветер взметнул и унес счастливый билет.

Владик наконец заметил, что она чуть не плачет. И понял:

— Что? Билет улетел?

— Да... Теперь больше не будет удачи... Я думала, он поможет искать папу...

— Ника, но он и поможет! Уже помог! С таким ветром мы обязательно окажемся у Трех Котов!

— Клянусь дедушкой, Данилыч, кажется, Нептун смилостивился над нами... Охохито, потрави малость гикашкот, грот перетянут... — Это появились на палубе старпом, капитан и Охохито.

— Папа! Если будет так дуть, зайдем на Трех Котов? — подскочил к отцу Владик.

Капитан Ставридкин посмотрел на сына, на Нику. Сказал очень серьезно:

— Зайдем... если ветер сохранится... Макарони, голубчик, поскреби на всякий случай по нактоузу, он деревянный...

Заплата отскочила от резиновой лодки в ста метрах от скалистого берега острова Три Кота. На поверхность выскочили шумные пузыри. Паганель оказался по горло в воде. Тихонько стеная от несправедливостей судьбы, он

побрел к острову, волоча на буксире обмякшее резиновое «плавсредство», в котором лежала склепанная из банок рация.

Выбрался на гальку. Стянул штаны и рубаху и повесил их на камни, под солнышко. Костлявый, несчастный и потерявший всякую веру в будущее, он принялся снова налаживать передатчик. Дул в банки, стучал по ним, вытирал краем длинных трусов батарейку... И наконец уловил в жестяном наушнике шорох радиоволн.

— Шеф!.. Это я, Вова Свистогонов... Докладываю: добрался до Трех Котов... Что?.. Никому я не пудрю мозги! Вы приказали, вот я и добрался! Что дальше?.. Следить за теми, у кого сокровище? Но их тут еще нету! Появятся, тогда и буду следить... Как — отдыхать? Шеф, я кушать хочу! Даже голова кружится... Почему обжора? Опять вы зря... Я со вчерашнего вечера ничего не кушал...

Собранный из банок передатчик неожиданно развалился. Тихонько скуля и чертыхаясь, Паганель начал снова собирать эту хлипкую конструкцию. Собрал.

— Шеф! Это опять Вова Свистогонов. Докладываю, они еще не прибыли... А я хочу кушать. На голодный живот я не могу выполнять задание, мы так не договаривались... Какие яйца чаек? Из них давно вылупились птички! Шеф! Вы же говорили, что здесь была когда-то ваша база! Значит, должен быть тайник с продуктами!.. Что? Стратегический запас? Но я же только один сухарик! И шоколадку... Спасибо, шеф!..

Потом Паганель карабкался по камням, смотрел на солнце, определяя направление, чертил помусоленным пальцем на ладони маршрут и считал шаги на каменистых площадках.

Наконец он выбрался на ракушечный уступ. Перед ним на каменной стенке было несколько выступающих камней. Паганель пересчитал их. Пошатал один, второй. Этот второй пошевелился. Обрадованный Паганель закачал,

задергал камень изо всех сил. Наконец расшатал, вытянул, положил рядом с собой. Облизнувшись, заглянул в открывшийся тайник. И, когда глаза притерпелись к темноте, он увидел... несколько пустых жестянок и клоч бумаги с какой-то надписью. Паганель выдернул бумагу на свет.

На бумаге была нарисована круглая насмешливая рожа и темнели буквы:

ЗДЕСЬ БЫЛ ВАСЯ. ПРИВЕТ!

Паганель заскулил пуше прежнего, скомкал и отшвырнул бумагу. Заколотил кулаками по ракушечной стенке рядом с тайником. И снова, с последней надеждой, сунул голову в дыру. Разглядел в углу заплесневелый сухарь.

С твердым как камень сухарем Паганель уселся на каменном уступе. Грыз свою находку и отрешенно смотрел в морскую даль. Но вдруг его взгляд сделался осмысленным. Паганель напрягся, посидел так несколько секунд, затем прыгнул вниз и, как разведчик, укрылся за скальным выступом...

Максим был счастлив! Он сам вел парусник при хорошем ветре. Он словно сливался с яхтой, ощущая чуть заметный трепет парусов, струнное дрожание такелажа и вибрацию корпуса, который отзывается на все звуки моря.

Сзади к Максиму подошел Жора. Максим глянул на него сияющими глазами.

— Яхта как музыкальный инструмент. Звучит будто скрипка, честное слово... До чего жаль, что придется отдать ее какому-то торговцу...

— Что поделаешь... Давай-ка я тебя сменяю, а ты иди в кубрик. Дядюшка Юферс всех кличет обедать.

— Дядя Жора, я не хочу есть! Можно я еще постою? У меня получается!.. А вы идите обедайте. Не бойтесь, я справлюсь... Только пусть подберут подветренный стаксель-шкот, стаксель иногда заполаскивает...

— Клянусь дедушкой, ты становишься заправским матросом... — Старпом потрепал юнгу по плечу и отправился на обед.

У общего стола, пока все работали ложками, дядюшка Юферс вел рассказ:

— Эти Три Кота даже и не остров, а просто группа скал. Скалы торчат, как кошачьи уши, отсюда и название... Рассказывают, что там и правда были стоянки всяких контрабандистов, жуликов и разбойников. Кто знает, может быть, и сейчас... Может быть, и правда найдем какие-нибудь следы твоего папы, девочка...

Капитан и старпом переглянулись, Степан Данилович незаметно покачал головой. Дядюшка Юферс все же заметил это и поспешно сказал:

— Ну а если не найдем, ты, девочка, не огорчайся сразу. Будем искать дальше, наводить справки...

— Имейте в виду, у нас будет там не больше двух часов, — озабоченно напомнил капитан. — Этот хозяин «Зеленого льва» меня уже извел своими напоминаниями: «Сроки, контракт, неустойка...» Я скоро сам позеленею, как этот его лев...

— Дядя Степа! Дядя Жора! На горизонте какие-то скалы! — донесся сверху голос Максима. — Наверно, остров!

Старпом Жора бросился к трапу. За ним Владик и Ника.

— Ну-ка, на место! — прикрикнул капитан. — Сперва покончите с обедом! Дядюшка Юферс зря старался?.. Никакой корабельной дисциплины...

Владик и Ника виновато вернулись за стол и спешно заработали ложками. И все время смотрели на люк...

Паганель, сидя в укрытии, сделал из двух кулаков «бинокль» и наблюдал за приближающимся парусом. Судно, безусловно, было яхтой «Кречет».

Паганель бросился к высохшей на камнях одежде, нагнул заскорузлую рубаху и штаны... Вдруг заверещал, снова выскочил из штанов, затряс ими в воздухе. Из штанины выскочила безобидная ящерица, улепетнула в щель между камнями. Паганель постонал, сел на обломок ракушечника, пообмахивался штанами.

— Ох... я думал, змея... Почему бедному Вове всегда не везет?

Он снова влез в штаны, опять понаблюдал за яхтой из-за камня.

Наладил передатчик.

— Шеф, они приближаются... Но я все равно хочу кушать... Ну вот, опять вы...

У стола склонились над штурманской картой капитан Ставридкин и старпом Жора.

— Смотри, Данилыч, глубины подходящие, никаких подводных опасностей нет... Раньше здесь стоял плавучий буй, но потом какие-то негодяи его раздолбали. Да, клянусь дедушкой, он и не нужен, здесь все чисто...

— Хорошо. Станем на якорь в полукабельтове, спустим лодку. Скажи, Жора, пусть готовят...

Жора стал на трап, высунулся:

— Охохито, Макарони, надувайте лодку! Скоро высадка на таинственный остров!..

Охохито и Макарони при участии Ники и Владика раскатали на крыше рубки резиновый сверток. Подсоединили шланги к походящим на педали насосам. Стали бодро нажимать «педаль» ногами. Плоская лодочная шкура зашевелилась, в нее пошел воздух.

— Можно я? — подскочил Владик.

— Попробуй, мучачо... — Охохито уступил ему насос.

Дядюшка Юферс был рядом и помогал по-своему — рассказывал интересные истории:

— Шкипер Боря Кушый Нос как-то говорил мне, что у них на баркентине «Кентавр» была такая же лодка. Они стали на якорь недалеко от побережья Кубы, у какого-то островка, и старпом решил с двумя матросами сплавить на этот островок, поискать раковины и кораллы. Особенно хотелось ему найти раковину «Антильский шлем»... А на «Кентавре» был в ту пору шенок по кличке Нагель, и были у него очень острые молодые зубки...

— Финал ясен, — перебил его Охохито. — В лодке дырка, у старпома истерика, на баркентине сплошной хохот...

— Ну да, ну да... Я эту историю решил вставить в свою книгу...

— Не надо вспоминать такие истории, когда накачиваем лодку, — шумно дыша и нажимая на педаль, сказал Макарони. — Это плохая примета. Как бы самим не заработать дырку... — И поплевал, конечно.

Жора в это время подошел к Максиму, который самоотверженно и радостно нес вахту у штурвала.

— Клянусь дедушкой, отлично ведешь судно, юнга... А теперь возьми на полрумба правее. Видишь, Коты уже близко. Оставим их слева и, когда окажутся на траверзе, резко приведемся. Слегка пройдем против ветра по инерции и отдадим якорь.

— Есть...

Лодка между тем в результате активной работы Охохито, Макарони, Владика, Ники и даже дядюшки Юферса, который понял, что историям сейчас не время, разбухла и обрела нужную форму.

— Ребята, приготовьте якорь! — крикнул Жора. — Скоро встаем!..

Макарони извлек из форпика небольшой якорь, присоединенный к бухте капронового троса.

— Это «Данфóрт»? — далеко вытянув шею, спросил от штурвала Максим.

— Якорь Матросова, мучачо. Хорошая система, — откликнулся Охохито.

— Не отвлекайся, юнга, — сказал Жора, стоя рядом с Максимом.

— Ага, не буду...

Капитан, выйдя к мачте, наблюдал, как освещенные солнцем зубцы вырастают в небе, приближаются к яхте.

— Жора, не пора приводить?

— Клянусь дедушкой, пора... Право руля, Максим!

— Есть! — Максим закрутил штурвал.

— Так... Одерживай... — командовал Жора.

Яхта взяла круто вправо и пошла против ветра. Но это продолжалось несколько секунд. Сильный, сопровождаемый треском толчок остановил судно. Мачта качнулась вперед. Максим грудью ткнулся в штурвал. Те, кто был у лодки, полетели с ног. Капитан устоял, потому что держался за мачту.

— Клянусь дедушкой, сели. Видимо, на камни, — констатировал старпом Жора.

— Это я виноват! — чуть не со слезами крикнул Максим.

— Никто не виноват, — хмуро сообщил оказавшийся у штурвала капитан. — На карте не отмечено никаких подводных опасностей.

— А может, не камни? Может, затонувшее судно? Вдруг... тот пиратский катер? — негромко спросил Максим, глядя то на капитана, то на старпома.

Его услышал издали Владик. Схватил свободный конец якорного троса, привычным движением обмахнул себя вокруг пояса петлей, завязал одной рукой беседочный узел. Сдернул и сунул в руки Нике очки, бросился к борту.

— Папа, я посмотрю!

— Не смей! Кому сказал! Уши оторву!..

— Но я же со страховкой! — И Владик сиганул через релинги.

Все кинулись к борту. Фигурка пловца, искаженная колебанием воды, ушла на глубину двух метров. Потом Владик на полминуты скрылся под корпусом, появился снова, вынырнул.

— Конечно, камни! Торчат, как два пальца... — И Владик поднял растопыренные пальцы над головой. — Фальшкиль как раз между ними сел. Кажется, крепко.

— Ты мне только поднимись на борт. Ты у меня долго не сядешь, в отличие от фальшкиля, — пообещал папа-капитан. — Я тебе покажу два пальца... которые торчат...

— Да подожди, Данилыч. Клянусь дедушкой, Владька молодец. И никуда не денется, на тресе же... Владик, а обшивка целая?

— Сейчас посмотрю! — Владик опять уплыл под корпус... Вынырнул, покачал головой: — Не могу разглядеть, камни мешают...

Гоша, на которого никто не смотрел, в это время поднял и заправил в похожие на мешок брюки фуфайку. Засучил на коротеньких и толстых ногах широченные холщовые штанины.

— Степан Данилыч, я это... сейчас посмотрю. А вы будьте готовы. Я, ежели что... это самое... приподыму наш «Кречет» да подтолкну вперед...

— Георгий Лангустыч, ну что вы говорите! Один фальшкиль четыре тонны!..

— А я это... гномы к тяжестим привычны. Было бы... это самое... во что упереться... — И Гоша с шумом и плеском ухнул с борта.

Все видели, как он плавает у днища. Потом поднырнул под него. Владик нырнул следом, но тут же выскочил на поверхность: видимо, Гоша сделал знак не мешать. Яхта шевельнулась...

Владик нырнул опять и под водой видел, как Гоша, поставив могучие ступни на каменные выступы, плечами и ладонями уперся в нависшее над ним днище — будто маленький, но отважный атлант. Поднатужился. «Кречет»

приподнялся, освобождая из каменных тисков тяжеленный киль-плавник. Гоша поднапрягся сильнее, вытянул руки вверх и, перебирая ладонями, стал проталкивать корпус яхты над собой, подальше от торчащих камней.

Те, кто был на палубе, зашатались и опять чуть не попадали, вцепились в поручни. Яхта слегка осела, закачалась на свободной воде.

— Ура! — завопили все. Кроме капитана. Тот ухватил якорный трос и, перебирая сильными руками, выудил, словно рыбку на леске, чересчур самостоятельного сына. Тот, однако, оказавшись на палубе, выскользнул из страховочной петли и на всякий случай отбежал подальше.

— Подожди, я до тебя доберусь! — Капитан с облегчением показал ненаглядному отпрыску кулак. Было ясно, что на этом воспитательные меры пока закончены.

— Владька, какой ты храбрый, — искренне сказала Ника и дала ему очки.

— Научишь, как одной рукой беседочный узел вязать? — слегка завистливо попросил Максим.

— Конечно. Это просто...

Гоша за кормой поднялся на нижнюю ступеньку штурмтрапа.

— Это самое! Надо малость отойти под ветер, чтобы не сесть опять... А больше это... никакой опасности нет...

— По местам! — скомандовал капитан. — Жора, на руль! Охохито, стаксель направо, а когда увалим, перенесешь под ветер. Макароны, на гика-шкот...

Паруса взяли ветер, яхта пошла от опасного места. Метров через пятьдесят капитан скомандовал снова:

— Право руль! Так...

«Кречет» вновь двинулся носом к ветру и остановился.

— Отдать якорь! — велел капитан.

Старый боцман Юферс умело отправил якорь в воду, потравил трос и задал его на блестящий бронзовый кнехт. «Кречет» закачался на одном месте.

— Лодку к спуску, ребята! — закричал Жора.

— Подожди, старпом, — недовольно сказал капитан. — Что-то чует мое сердце... Наведайся в трюм, посмотри, нет ли течи.

— Клянусь дедушкой, это мысль... — Жора нырнул в люк. Его ждали с растущей тревогой.

— Неужели заработали дырку? — проворчал капитан.

Макарони украдкой поплевал через плечо и сцепил пальцы.

Жора появился:

— Данилыч, ты был прав, течет... Правда, не сильно, однако часа на три будет работы.

— Этого еще не хватало... — со стоном произнес капитан.

— Данилыч, не падай духом! Как говорил дедушка Анастас, дырка в жилете — это еще не дырка в брюхе. Заштопаем... Пускай все плывут на берег, а мы останемся. Тебе, капитан, все равно нельзя уходить с корабля, а я займусь ремонтом. Под твоим умелым руководством... А разведчики пусть ходят по острову, дай Бог им удачи...

— Охохито, Макарони, ребята! Готовьтесь к высадке, — велел капитан. — Охохито, возьми свою пушку... Да не карронаду, конечно, а пистолет! Все-таки оружие... Дядя Юферс, вы тоже поезжайте, вам нужны сюжеты для книги. И Георгий Лангустович пусть едет, он приносит удачу... Кстати, где он?

Гоши не было.

Его не было нигде на яхте. Он не отзывался, когда его громко окликали, обшаривая все закоулки. Все буквально сорвали голоса, крича хором и поодиночке.

— Но я же отлично видел, как он поднимался по трапу на корму! — доказывал капитан.

— Клянусь дедушкой, все видели!

— Может, сорвался и утонул? — отчаянным шепотом сказала Ника.

— Корабельные гномы не тонут, — возразил Владик и... всхлипнул.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — бормотнул Макарони. И вдруг воскликнул: — А может, он вернулся к тем камням? Может, потерял что-то?

— Но его и там не видно, — плачущим голосом сказал дядюшка Юферс, перегибаясь через поручень. — Гоша-а-а!!

Макарони вдруг метнулся через релинги и как был, в тельняшке и штанах, бросился в воду. Делая размашистые гребки, поплыл в сторону подводных камней.

— Лодку на воду! — крикнул капитан.

Макарони очень быстро достиг того места, где недавно «Креchet» застрял в каменных пальцах. Нырнул...

Гоша был здесь.

Разумеется, он не думал тонуть. Усевшись на каменном выступе по-турецки, он самозабвенно бормотал пришедшие ему тут, под водой, строчки:

Здесь мелкими стали все беды и споры,
И в царстве Нептуна я думать могу ль
О ком-то другом, кроме Э-леоноры,
Что стала мне доброю музой... буль-буль...

На этом «буль-буль» он остановился, поскольку увидел, что к нему с поверхности опускается Макарони. Говорить раздосадованный Макарони, конечно, не мог, но жестами (в частности, верчением пальца у виска) давал понять: «Ты что, Гоша, совсем съехал с катушек? Люди там с ума сходят, а ты...»

Гоша всплеснул руками. От этого жеста его выбросило на поверхность, где он увидел спешащую к нему и к Макарони лодку.

— Гоша, ты живой! — голосил Владик, не скрывая радостных слез.

Гоше помогли забраться в лодку.

— Ну, ты даешь, Лангустыч! Клянусь дедушкой, у меня будет инфаркт...

— Это самое... я очень извиняюсь... Там это... такое поэтическое место. Я вернулся, чтобы сочинить несколько строчек, и увлекся. Вот послушайте...

Меня истомили житейские узы,
На суше стихи сочинять все трудней,
А здесь, в глубине, где одни лишь медузы...

— Лангустыч, потом, — нетерпеливо перебил Жора. — Сейчас поедете на берег, там можете устроить вечер поэзии... А я буду латать щель в обшивке. Каждому, как говорится, по способностям...

Паганель, укрывшись в каменном убежище, отчаянно вешал в микрофон, то есть в жестянку:

— Шеф, они высаживаются!.. Как зачем? Искать папашу этой сопливой девчонки... Я и сам знаю, что не найдут! Но для вас-то самое время накрыть их здесь... Что? Да плюньте вы на этого паршивого спонсора! Подумаешь, «Зеленый лев». В шкатулке наверняка несметные сокровища! Вы сможете купить тыщу таких «львов»! Надо проявлять инициативу! Я, например, уже начинаю проявлять! Не ругайтесь, шеф! Потом скажете спасибо!..

Ребята, Гоша, дядюшка Юферс, Макароны и Охохито вышли на галечную полосу и вытащили лодку подальше от воды. Встали, оглядываясь. Скальные зубцы нависали над головами. Между ними виднелись проходы, но в который идти?

— Где же здесь правильный путь? — глядя на верхушки скал, недовольно сказал Максим. — В море гораздо проще: есть карты, есть компас...

— Может быть, разбиться на две группы? — нерешительно спросил Владик. — Тогда мы больше сможем осмотреть...

— Ни в коем случае! — энергично запротестовал дядюшка Юферс. — Мы будем не столько заниматься поис-

ками, сколько беспокоиться друг о друге. В моей «Долбленной тыкве» была повариха тетушка Марта, и если она принималась готовить сразу два блюда, подгорали оба...

— К тому же пистолет у нас всего один, — заметил Охохито. — А ходить на разведку в незнакомом месте без оружия лучше не надо. Вот так-то, мучачос... Хотя, конечно, никаких пиратов здесь нет, это я чую по запаху... — Он пошевелил своим горбатым носом.

Во время разговора они стали углубляться в один из проходов между скалами.

— Я понимаю, что папу мы здесь не найдем, — грустно сказала Ника. — Но, может быть, его сюда завозили, когда взяли в плен? Вдруг он оставил где-нибудь надпись на камнях. Для тех, кто будет искать...

— Хорошо бы хоть надпись. Это все же зацепка, — согласился Макароны. И на всякий случай поплевал.

— Только бы не надпись «Здесь был Вася», — поежился Максим. — Если я еще раз увижу *такое*, то попрошу у Охохито пистолет и застрелюсь с тоски.

— Не надо, мучачо. Лучше поймать этого Васю и надрать ему уши...

— Васю не поймаете, дети мои, — со вздохом разъяснил дядюшка Юферс. — В свое время он и на моей таверне делал надписи. Я полагаю так, что это даже не человек, не вредный мальчишка, как думают некоторые, а мелкий хулиган из семейства нечистой силы...

— Запрограммированный на эти дурацкие надписи, — вставил Владик.

Дядюшка Юферс и Гоша незаметно отстали.

— Это самое... конечно, нехорошо думать о каких-то глупых сокровищах, когда ищем отца бедной девочки... Но все же это... надо поглядывать. Вдруг увидим какой-нибудь знак...

— Ты, Лангустыч, имеешь в виду «Эр» в кругляшкэ?

— Это самое... почему бы и нет? Ты, Юферс, ведь сам говорил про Три Кота...

— Говорил и говорю... Только боюсь, что здесь надо искать не три часа, а три года... Тебе твоя интуиция ничего не подсказывает?

— Подсказывает, что... это... будто здесь что-то есть. Но что? И... это самое... где?

Скалы обступали со всех сторон. В них отдавалось и запутывалось эхо. Жесткий колючий кустарник, торчащий из щелей, хватал за ноги, за плечи, за локти...

— Смотрите! — вдруг звонко сказал Владик. — Надписи!..

Вся группа в это время вышла на каменную площадку, которая с одной стороны была замкнута скальной стеной.

Белилами и всякими красками на разной высоте от земли было написано:

1800

THE SHIP MIRROR

1953 г. Танкер «ПИОНЕР КРЫМА»

Шлюп «ОТКРЫТИЕ». 1823 г.

Der Schooner LISELOTTE August 1908

И так далее. Множество корабельных названий и дат.

— Все понятно, — сказал дядюшка Юферс. — В разные времена здесь любили останавливаться разные корабли. И каждый оставлял о себе память. Вообще-то это хулиганство...

— Хорошо, что хоть «Васи» нет, — сумрачно заметил Максим.

— А что им здесь было надо? — удивился Макарони.

— Может быть, здесь был источник. Набирали в трюма воду, — высказал догадку Охохито.

Гоша незаметно потянул дядюшку Юферса за рукав.

— Юферс, погляди... это самое, вон там, правее... Это... белой краской.

И дядюшка Юферс увидел еще одно корабельное название:

LA CARTERA 1869

— Ой-ей-ей... Неужели та самая? Капитана Румба?

— Это... а почему бы нет?

— Пока не будем никому говорить. Чтобы не сглазить. Лучше сплунем, как Макарони...

И они потихоньку, но дружно сплунули через левое плечо.

Макарони в это время рассуждал:

— Какое загадочное место. Прямо приключенческое. Как в кино «Дети капитана Гранта». Жаль, Шурки моего здесь нет, он любит всякие тайны. Не меньше, чем велосипеды...

В это время братишка Макарони Шурик переживал очередной неприятный момент. Хозяин велосипеда бесцеремонно ссадил его посреди улицы.

— Хватит, накатался уже!

— Ты же обещал, что пять раз от того угла до этого! А я всего два раза...

— Это тебе кажется, что два, а на самом деле двенадцать!

— Я же тебе свой свисток отдал за пять раз! А ты...

— Гуляй, гуляй! Свои колеса надо иметь, а не попросайничать! — И хозяин «колес» укатил вместе с приятелями, только звон послышался вдалеке.

— Ну и ладно, — глядя вслед, сказал Шурик. — Витя приедет, купит. Будет свой...

Но когда еще приедет Витя? Это было неизвестно. А обида была вот она, рядом. Поэтому Шурик прикусил губу и не сдержался: зажмурился, из-под ресниц побежала

капля. Он стоял посреди пустой заросшей улицы, а ветер налетал, трепал рубашку.

Легонький, словно клочок бумаги, подгоняемый этим ветром, пробежал мальчик — чуть повыше Шурика, в белой матроске. За ним, резвясь, мчался косматый пудель.

Они проскочили мимо Шурика и, казалось сперва, не обратили на него внимания. Но шагов через десять мальчик остановился. Пудель сел рядом, поджал передние лапы. Вопросительно смотрел то на своего спутника, то на незнакомого мальчишку, который стоял поодаль и тер глаза.

Мальчик в матроске и пудель подошли к Шурику. Остановились в двух шагах. Потом в одном.

— Ты плачешь? — спросил мальчик у Шурика тихо и очень серьезно.

— Нет... — буркнул Шурик.

— По-моему, у тебя все же слезы... — мягко, но настойчиво сказал мальчик.

— Ну и что? Мусор в глаз попал. Видишь какой ветер! Нанесло...

— Тогда знаешь что? Ты присядь. И пусть Чапа полижет тебе глаз. Он умеет лечить. И царапины, и шишки, и если глаз — тоже...

Шурик хотел сперва возмутиться. Но... глянул на мальчика, глянул на Чапу, смотревшего на пациента с терпеливым ожиданием, вытер рукавом рубашки глаза, сел на корточки, зажмурился и повернул к пуделю лицо. А то ведь и правда решат, что он плакал...

Умный Чапа не стал лизать незнакомому мальчишке глаз. Только осторожно слизнул капли со щек. И помотал хвостом. Шурик подождал и поднял веки. Чапа смотрел понимающе и продолжал мотать хвостом. Шурик улыбнулся и потрепал пуделя по ушам. Потом вскинул на мальчика в матроске повеселевшие, хотя и все еще мокрые глаза.

— Это твой?

— Он был общий, — охотно сказал мальчик в матроске. — А вчера мы приехали сюда из Синетополя, и он приехал с нами. Значит, теперь мой. Если хочешь, пусть будет и твой тоже...

Шурик опять погладил Чапу. В этот миг снова промчался по улице мягкий поток воздуха, мотнул рубашку Шурика, взметнул на мальчишке широкий воротник матроски. Мальчик прижал его сзади и засмеялся:

— Правда, какой ветер... Он мне что-то за шиворот бросил. Щекотное...

Изогнувшись и запустив назад руку, мальчик вытащил из-под матроски это «щекочущее». Оказалось — мятая бумажная ленточка.

— Ой! — сказал мальчик с веселым испугом. — Смотри-ка...

— Что? — не понял Шурик.

— Мой билет. Счастливый... Вернулся...

— А это... что значит? — невольно ощутив важность случившегося, спросил Шурик.

— Значит — все будет хорошо.

— У кого?

— У всех... И у тебя. На! — Мальчик решительно вложил билет в ладонь Шурика.

Разведчики продолжали двигаться среди скал острова Три Кота. Они прошли уже поперек него и оказались с той стороны, откуда не виден был «Кречет». Зато прекрасно видно было с высоты скального обрыва синее широкое море. И все залюбовались, хотя, казалось бы, давно пора привыкнуть.

И никто, конечно, не заметил, как среди камней крадется и следит за путешественниками отошальный, голодный, но полный решимости Паганель.

Наконец все посмотрели друг на друга и на камни: надо ведь искать дальше.

— Ой... я что-то вижу, — тихонько сообщила Ника. — Вон там...

— Что? — качнулся к ней Владик.

— Где? — нетерпеливо дернулся Максим.

— Вон... Видите, будто вход в пещеру...

— Правда... Смотрите все! — подскочил Владик. — Вон там! Какой-то вход!

Это и в самом деле оказался вход в пещеру. Вернее, в неширокий коридор. Включили фонарики.

— Любопытно, любопытно, куда приведет сей таинственный путь... — бормотал дядюшка Юферс.

— Это самое... уж не в круглый ли грот... — вполголоса вторил ему Гоша.

Охохито, который чувствовал себя командиром, распорядился:

— Давайте так, мучача и мучачос, а также уважаемые сеньоры. Я пойду впереди. А ты, Макарони, будешь замыкать. Девочку поставим в середине... Э, а где же девочка?

Ники не было. Только что была вместе со всеми и вдруг — будто растаяла! Лишь светился позади разведчиков яркий выход из коридора...

— Ника-а!! — раздался испуганный хор. Не было ответа. Только эхо раскатилось по подземельям.

Охохито выдернул из-за пояса пистолет и, обойдя остальных, широкими шагами двинулся к выходу. Остальные так же поспешно двинулись за ним.

Очень скоро они снова оказались на нешироком каменном уступе. Далеко внизу плескали волны, синело необъятное море, сияло очень яркое солнце. А Ники не было.

— Ника-а-а!!

Отзвуки голосов разнеслись среди скал, да кричали чайки...

8. ТАИНСТВЕННЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Жора и капитан подняли пайолы — настил, закрывавший шпангоуты и флоры (треугольные детали), — на днище судна.

— Кэп, вода идет под резенкиль, в месте крепления бульбкиля. Клянусь дедушкой, возни здесь больше, чем я думал сначала...

— Знаешь, Жора, мне кажется, все нечистые силы против нас. Кой черт меня дернул связаться с этим перегоном?.. Хотя не черт, а ты...

— Побей меня камнями, Данилыч. Если будет легче...

— В том-то и беда, что не будет... Что теперь делать?

— Если бы слегка можно было закрепить эту посудину и поднять левый борт...

— Как закрепим? На больших судах перегружают балласт, а у нас что? Ящик с консервами?

— А если перетащить на правый борт Охохитину пушку? Клянусь дедушкой, в ней весу тыща пудов...

— В том-то и дело! Надорвемся к чертовой бабушке...

— Но Охохито поставил ее на колесики! Подналяжем...

Чертыхаясь и клянясь дедушкой, капитан и старпом толкали тяжеленную карронаду вокруг рубки с левого борта на правый. Колесики, на которые был поставлен самодельный лафет, конечно, облегчали дело, но все же работа была трудной. Наконец орудие переместили на заранее выбранное место и остановились, тяжело дыша и вытирая лбы рукавами тельняшек.

Капитан Ставридкин хмыкнул:

— Я чувствую себя комендором на корабле капудан-паша, который торжественно идет ко дну.

— Клянусь дедушкой, я ничего не чувствую. Кроме того, что у меня, кажется, грыжа.

— Ну, накрепился наш славный корабль?

Жора глянул на мачту.

— Вроде бы да. Топ мачты проецируется на ватервейс...

— Ну, давай проецироваться в трюм... — Капитан прислушался. — Кажется, опять мобильник сигналист. Жора, ответь. И если это снова кретин Бамбинус из «Зеленого льва», скажи, что я заболел, утонул, ушел на пенсию и эмигрировал в Австралию. Пусть отвяжется...

— Есть, кэп... — Жора исчез в рубке. Капитан Ставридкин прошел на носовую палубу, увидел привязанного ушами к поручню зайца Андрюшку.

— Что, брат, твой друг гуляет, а ты на бессменной вахте? Правильно, кто-то должен охранять судно... И принести ему удачу. Принесешь? — Он качнул зайца. Тот поболтался, глядя умными глазами, и можно было подумать, что он ответил: «Принесу...»

Появился Жора.

— Данилыч, это был он. Все о том же: «Вах, уложите ли вы в график? Почему от вас нет сообщений?» Я сказал, что у нас испортился телефон. Он говорит: «Как же испортился, если я вас отлично слышу?» А я: «Вы слышите, а мне, клянусь дедушкой, ничего не слышно». И дал отбой...

— Пошли работать, Жора. Мне эта неделя приключений будет сниться до конца дней...

На каменном уступе разведчики продолжали хором звать Нику. Но отзывалось только эхо...

Ника не могла отозваться, потому что похитивший девочку Паганель зажимал ей рот. Он укрывал Нику совсем недалеко от ее друзей, в расселине между скальных выступов, но никто не подозревал об этом. И несло над морем и скалами:

— Ника-а-а!!

Ника дергалась и мычала. Наконец Паганель сказал:

— Поклянись папой, что не будешь кричать в ответ, если я открою тебе рот.

Продолжая мычать, Ника покивала. Паганель, продолжая крепко держать ее поперек туловища, убрал ладонь.

— При чем тут папа? — сразу сказала она. — Вы знаете, где он?

— Ха! Конечно, знаю!

— Где?!

— Какая хитрая! Сначала ты ответь мне на мои вопросы, потом я...

— Какие вопросы?

— Что в той шкатулке, которую вы нашли в пушке? Много ли сокровищ?

— Что-о? Да там ничего не было! Только дурацкая записка и зеркальце!..

— Ай-яй-яй!! Ты сразу врешь! А хорошие девочки врать не должны. Если скажешь правду, узнаешь про папу. Если будешь упрямиться, я сделаю из тебя шашлык, потому что очень хочу кушать... Или сброшу вон туда, под обрыв. И ты никогда не увидишь ни папу, ни маму... Тихо, не дрыгайся...

— Ну, хорошо... Там было двести тринадцать золотых монет, горсть мелких изумрудов и четыре бриллианта размером с грецкой орех...

У Паганеля округлились глаза, он облизнул губы и час-то задышал:

— А не врешь?

— Ну, как я могу так подробно врать? Рассуди сам! Разве можно придумать такую точную цифру?! А теперь говори про папу!

— Про папу?

— Ну да! Ты же обещал!

— А! Да... Он в плену у пиратского экипажа капитана Ганса Драгенногера... Ты сможешь мне раздобыть шкатулку? А я постараюсь, чтобы они отпустили папу...

— Ладно, помогу! Только рассказывай подробней!

— А чего еще подробней-то? С ним хорошо обращаются... вежливо...

— Зачем они его держат?

— Ну, зачем... Выкуп ждут. Он написал домой про выкуп, весной еще, а ответа нет...

— Ты врешь! — Ника дернулась с такой яростной силой, что Паганель не удержал ее. Он оказался сидящим в нелепой позе с раскинутыми ногами. Ника схватила обломок ракушечника, замахнулась.

— Ай, не надо! — Паганель быстро заелозил назад, забыв, что за ним обрыв. Запоздало завопил, его ноги мелькнули над каменной кромкой. — А-а-а!!

Этот отчаянный вопль, конечно, услышали Никины друзья. Кинулись толпой. Увидели девчонку, стоявшую на краю обрыва с камнем в руках.

— Ника!

— Что с тобой?!

— Кто тебя?!

— Что случилось?!

Она отбросила камень. Повернула к друзьям мокрое лицо:

— Это Паганель!.. Он улетел туда!.. Я его...

— Куда улетел? В воду? Утонул? — сунулся вперед Владик.

— Нет, зацепился. Висит...

Постоянным неудачникам изредка выпадает крупное везение. На пути Паганеля в пучину попала длинная ветка торчащего из камней сухого крепкого дерева. Он зацепился рубахой и теперь болтался, изнемогая от страха высоты и полной неизвестности относительно дальнейшей судьбы.

Вся компания сменила место, вышла на другой уступ, с которого несчастный шпион был виден во всей красе.

— Все понятно, сеньоры, — сказал Охохито и принялся неторопливо заряжать пистолет.

— Кроме одного, — заметил дядюшка Юферс. — Как он попал на Три Кота. Да еще раньше нас.

— Это самое... жуликам везет... — вздохнул Гоша.

— Боюсь, что не обошлось без нечистой силы, — вполголоса сказал Макарони и поплевал.

— Он сказал, что знает, где папа! У этого... у Драгенногера! Только он врёт! Мы не получали никаких писем о выкупе! — Ника всхлипнула. И нагнулась над кромкой. — Паганель! Если скажете правду, мы вас вытащим!

— Я правду сказал! Я всё... Я больше не буду! А-а-а...

— Врет он, — скорбно выговорила Ника. — Просто он хотел выманить сокровище... которого нет...

— Если врёт, значит, он нам больше не нужен. Верно, мучача?

Ника всхлипнула и сердито кивнула.

Охохито поиграл пистолетом и прицелился.

— Я больше не буду! — опять завопил Паганель и вскинул руки. — Я сдаюсь!

— Вы хотите пристрелить его? — испугался Максим. — Не надо!

— Что ты говоришь, мучачо! — обиделся стрелок. — Охохито никогда не стрелял по живым целям! Это безнравственно! Я просто перебью ветку, и пусть эта козявка летит в воду, живая и невредимая...

— Потонет ведь... — с сомнением заметил дядюшка Юферс.

— Не потонет, — сказал Макарони. — Есть вещество, которое всегда легче воды. Тьфу-тьфу-тьфу...

— Но ему не выбраться на берег, — заметил Максим, снова посмотрев вниз.

— Это его проблемы, — пожал плечами Охохито, но все же опустил пистолет.

— Пусть плывет к своему Драгенногеру, — сумрачно сказала Ника. — Доплыл же как-то сюда от косы...

— У меня была лодка! А сейчас нету! — завопил Паганель, услышавший этот разговор. — Я не доплыву!

— Может, дать тебе шлюпку с аварийным запасом воды и пищи? — поинтересовался Макарони.

— Дайте! Я кушать хочу!..
 — Дурак... — вздохнула Ника. — Может, вытащить его?
 — Оттуда это... не вытащить, — сказал Гоша... — Путь... это самое... только вниз...
 — Я не хочу вниз!
 — Подождите! Я вспомнил! Сейчас!.. — Владик умчался и почти сразу вернулся с обшарпанным спасательным кругом. — Вот! Пусть он его наденет и плывет куда хочет!..
 — Где ты его взял? — удивился Максим.
 — Когда шли сюда, я увидел... Он висел прямо над тропинкой. Никто не заметил, а я задел его плечом. Но тогда не до него было...
 — Странное дело. Откуда он тут?.. — Охохито стволем пистолета сдвинул на затылок свою высокую шляпу.
 — Мало ли откуда, — сказал Макарони. — Вон сколько тут побывало кораблей...
 — Судя по всему, старинный, — дядюшка Юферс провёл по кругу ладонью. — Даже названия не разобрать... Жалко отдавать такой экспонат проходимцу... Паганель! Может быть, когда доберетесь до берега, вернете нам этот круг почтовой посылкой?
 — Не надо! Я не хочу...
 — Паганель, держи! — крикнул Владик и метнул круг вниз.
 — А-а-а! — снова заголосил Паганель, однако бросок был ловким и круг точно наделся на вытянутые руки шпиона. Ветка закачалась, все ждали, что она обломится и вопрос решится сам собой. Но крепкое дерево выдержало.
 — Придется тратить заряд, — вздохнул Охохито.
 — Не надо! Я больше не буду!... — Паганель барахтался, постепенно пролезая в круг плечами.
 — Охохито, подождите! — спохватился Владик. — Выстрел услышат на «Кречете»! Решат, что на нас напали!
 — Ха, мучачо! Охохито знает свое дело! На этот случай

имеется глушитель... Вот! — И стрелок надел на ствол свою высокую шляпу.

— И попадете в сук через шляпу, не целясь? — не пове-рил Максим.

— О чем ты говоришь, мальчик! Охохито проделывал и не такие трюки! Он с завязанными глазами сшибал с китайской вазы грецкий орех... Смотрите!..

— Не надо! Я кушать хочу! — неслось снизу.

— Это самое... подождите минутку, — смущенно заторопился Гоша. — Я это... хочу прочитать. Посвящается это... Паганелю... — И Гоша встал в позу декламатора.

О, Паганель! Повис ты без опоры!
 Твой сук пока надежен и упруг,
 Но не спасет он. В бездну канешь скоро!
 Одна надежда — сей старинный круг...

— Bravo! — сказал дядюшка Юферс и похлопал. И остальные похлопали. Причем Охохито — левой ладонью по шляпе, закрывающей ствол. После чего он нажал спуск. Из-под шляпы вырвался синий дым. А хлопок был совсем негромкий. Зато громким был последний вопль Паганеля, с которым он полетел в воду.

Вода взлетела фонтаном, Паганель скрылся в ней с головой. Но тут же выскочил на поверхность.

— Спасите! Тону!

— Не тонешь! — громко сказал Охохито. — Вполне бодро плывешь. И поплывешь сейчас еще быстрее. Подальше от острова. Или я... клянусь дедушкой старпома Жоры, сделаю тебя дырявым, как «куриный бог». Считаю до двух...

Паганель увидел, как Охохито наводит пистолет, и отчаянно забарабанил руками. Страх придал шпиону такую скорость, что его тощее, опоясанное спасательным кругом тело понеслось торпедой. Сзади забурился пенный след.

Скоро этот след превратился в тонкую белую нитку, которая протянулась к горизонту.

— Вот и все... — Дядюшка Юферс потер ладони. — Отныне предлагаю звать этого субъекта не Паганель, а П^Оганель. Через букву «о». Для подчеркивания его поганой сущности и чтобы не путать со славным именем жюль-верновского героя.

— И буква О должна быть большущей, как круг, с которым он уплыл, — хихикнул Владик.

— Боюсь, что этот круг он нам не вернет, — печально сказал дядюшка Юферс. — Плохо также, что он ничего не рассказал о своих приключениях. И не расскажет...

— Плохо то, что он ничего толком не сказал про папу... — всхлинула Ника. — Непонятно, где он врал, а где говорил правду...

— Боюсь, девочка, что он *всё* врал, — хмуро сказал Охохито. — Папу твоего мы все равно найдем, клянусь моей карронадой, но никакого пирата Драгенногера, скорее всего, нет... Просто мелкие жулики, вроде самого П^Оганеля...

— Почему? — опять всхлинула Ника.

— Потому что иначе эта пиратская команда напала бы на нас сразу, как только Поганель сообщил ей о шкатулке...

В офисе «Зеленого льва» хозяин фирмы гневался пуще прежнего. Кричал в телефон:

— Кто?.. Драгенногер? Что тебе опять от меня надо, дорогой? Мы обо всем договорились! Я сказал тебе внятно и понятно, на нескольких языках: не смей трогать яхту «Кречет», она должна прийти в Византийск невредимой... Потому что это *моя* яхта, болван!.. Извини, дорогой, но все равно болван! Я не хочу, чтобы ты издырявил судно или даже поцарапал его! Можешь охотиться за своим дурацким сокровищем, когда «Кречет» придет в наш порт, а пока... Что?.. А ты забыл, кто твой спонсор? Кто дает тебе крышу, неблагодарный?.. Не нужен спонсор? Не нужна

крыша? Вот ты как заговорил! Сто бочек дерьма на твою голову!..

Владелец «Зеленого льва» брякнул трубку на аппарат, шумно отдышался и оглянулся на почтительного секретаря:

— Этот негодяй перестал меня слушать. Ему взбрело в голову, что на «Кречете» везут какой-то клад! Хочет взять их на абордаж, мафиозо недорезанный!.. Ну да я тоже мафиозо, но надо же оставаться культурным человеком!..

— Может быть, есть смысл предупредить экипаж «Кречета»? — согнулся в полупоклоне секретарь.

— Вах! Будто я не пробовал! Но они с нынешнего утра не желают отвечать. Нахально говорят: у нас сломан телефон!.. Я, наверно, откажусь от этого дурацкого «Кречета» и буду искать другую яхту!

— Владелец частного яхт-клуба «Морской лебедь» общал нам, что готов уступить по сходной цене гафельный кеч «Неутомимый странник». Прекрасное судно...

— Возьмите на заметку. И если эти проходимцы на «Кречете» опоздают хоть на минуту, я, клянусь Аллахом, разорву контракт и взыщу убытки!..

В трюме «Кречета» Жора вбивал в щель у крепления фальшкиля конопатку. Двоим тут делать было нечего, поэтому капитан сидел рядом и «поддерживал морально». Иногда подавал инструменты. В кармане у него опять задрезжал мобильник (его принес Жора).

— Клянусь дедушкой, нервничает...

— Не буду отвечать. Что я могу сказать? Ссылаться на форсмажор? Он кричит: «Вах, контрактом форсмажор не предусмотрен!» Пусть подергается, в Византийске разберемся...

— У него там все адвокаты куплены...

— Черт с ними... Меня сейчас больше тревожит другое: как там, на острове, наши...

А «наши», проследив за стремительно уплывшим шпионом, продолжали обсуждать события.

— Что же дальше-то? — сказал Макарони, оглядываясь (ему было здесь неуютно).

— Думаю, надо вернуться в тот коридор, — заявил Оохито.

— Подождите-ка... — Дядюшка Юферс тер лысину. — Вот чего я не могу понять... Почему спасательный круг оказался так высоко от воды? Может, он не зря там висел?

— Конечно, не зря! Но зачем? — нетерпеливо сказал Максим.

— Вот и я думаю: зачем? Владик, а не было ли там, внутри круга, чего-то похожего на букву «Эр»?

Владик замигал.

— Я... не знаю. Не помню... Можно посмотреть! Я сейчас!

— Постой, — сказал Оохито. — Пойдем все вместе. Чтобы опять кого-нибудь не украли...

И вся компания двинулась за Владиком.

Скоро они оказались на каменной площадке, которую в прошлый раз миновали без остановки.

— Вот... — Владик указал на гладкую скальную стенку, из нее торчал на уровне его головы ржавый шкворень. — Он на этой штуке висел... А никакой буквы «Эр» нет...

— Постойте, постойте... — Дядюшка Юферс буквально принялся к железной палке. — Возможно, это р-рычаг. И тогда получается «Эр» в круге!..

— Но ведь... это самое... сказано еще это: «В зеркале»...

— Да камень-то гладкий! — не сдавался дядюшка Юферс. — Наверняка с моря кажется, что он блестит под солнцем, как зеркало!

Максим с сомнением сказал:

— Но ведь «рычаг» русское слово. А «Эр» в круге должно быть латинское. Не сходится...

Дядюшка Юферс опять стал чесать лысину.

А Оохито поскреб пистолетным стволом затылок под продырявленной шляпой.

— Вот что мне помнится из языка моего предка дона Педро Бальгазара де Керосины. На иностранную букву «Эр» начинается слово «рекóндито». Это значит «тайный», «скрытый». Может, здесь как раз и есть тот самый тайник?

— Что-то не похоже, — сказал Макарони. — И вообще... лучше бы пойти отсюда подальше. Где тайники, там неприятности...

— Но там и клады! — подскочил Владик.

— Или записки: «Привет от Васи», — напомнил Макарони.

— Попробовать-то можно! — настаивал Владик.

— Да что тут пробовать? — недовольно сказал Макарони.

— А вдруг это все же *рычаг*! Чтобы открыть какое-то «рекóндито»! — Владик вцепился в ржавый толстый шкворень и повис на нем, болтая ногами.

Гоша подергал Владика за ногу.

— Это самое... можно мне?

Владик уступил место.

— Только это... посадите... — попросил Гоша.

Оохито с натугой поднял его под мышки. Гоша повис на шкворне, покачал ступнями, уперся ими в каменную стенку, зацепившись пальцами за маленький выступ. Поднатужился, толкая рычаг вверх...

По гладкому камню пошли трещины. В монолите проступили щели, обрисовав прямоугольник. Каменный массив внутри прямоугольника шевельнулся, стал поворачиваться вместе с рычагом и повисшим на нем корабельным гномом. Оказалось, что это могучая гранитная дверь. Она ушла в глубину.

Перед разведчиками открылся темный проход...

— Ну, кажется, готово... — Жора выпрямился над заделанной щелью. — Клянусь дедушкой, эта штука больше не будет пропускать сырости. По крайней мере, пока не пе-

рейдет к «Зеленому льву», чтоб он превратился в драную кошку...

— Теперь надо навести порядок, уложить пайолы. Пусть, Жора, я сам...

И капитан взялся за работу.

— Надо еще двигать это Охохитово орудие...

— А зачем? — возразил капитан. — Мы пойдем правым галсом, ветер уравновесит... Но интересно, где наши следопыты? И нашли они что-нибудь или нет?

— Жаль, что у них нет мобильного, не свяжешься...

— Зато этот никак не успокоится... — Капитан выдернул из кармана аппарат и с досадой нажал кнопку. — Всё. Клянусь твоим дедушкой, полный отбой...

Мама Владика в своей квартире с досадой смотрела на телефонную трубку, издающую долгие бесполезные гудки. Потом положила ее на аппарат. Подперла щеки ладонями и поставила локти на беспорядочно раскиданные листы своего дипломного проекта.

В передней позвонили. Мама Владика вышла и открыла. На пороге, светясь лучезарной улыбкой, возникла соседка Игнатия Львовна.

— Олечка, голубушка! Извините, что беспокою! Вы не одолжите мне моток бельевого шнура? У нас в клубе любителей макраме беда...

— Конечно, Игнатия Львовна... Вот... — Мама Владика тут же достала с полки у двери веревочный клубок.

— Огромное спасибо, моя милая!

— Пожалуйста... А что случилось в клубе?

— Вы не поверите! Ужас!.. У нашей Валерии Эдуардовны, милейшей интеллигентной женщины, есть племянник Женя. Они с мамой совсем недавно переехали сюда из Синетополя. Славный воспитанный мальчик, юный музыкант. Кто бы мог подумать? Он шутки ради показал тете морской узел со страшным названием «Кукиш сатаны»!

— С ума сойти! — почти искренне сказала мама Владика.

— Да!.. А Валерия Эдуардовна по простоте душевной показала этот узел всем дамам на занятиях кружка! И что бы вы думали?..

— Что, Игнатия Львовна?

— В тот же миг все тросы, шнурки и веревки сами собой сплелись в немыслимые узлы и кукиши! Не распутать! Теперь приходится восстанавливать веревочные запасы...

— Какой ужас... — сказала мама Владика. Похоже, что с тайным удовольствием.

— Да! Таковы нынешние дети... Не то что ваш Владик. Он воистину замечательный ребенок... хотя один раз и называл меня древесной породой...

— Игнатия Львовна, это случайно! Он совсем не это имел в виду! Он...

— Понимаю, понимаю, моя милая! Кстати, где он сейчас? И все ваши путешественники?

— Ох, я понятия не имею! Связи с «Кречетом» нет, я вся извелась...

— Не волнуйтесь, голубушка, все будет прекрасно... А сейчас у вас зато все условия для работы над проектом.

— Не надо мне таких условий! В сто раз было лучше, когда они шумели, просили есть и путались под ногами! Теперь я понимаю, как была счастлива!

— Не беспокойтесь, все вернется на круги своя, — умудренно пообещала Игнатия Львовна.

Брат Макарони Шурик и мальчик в матроске отыскали на свалке старый трехколесный велосипед, кое-как связали эту хлипкую конструкцию проволокой и теперь гоняли по уличному спуску — сверху вниз. Вдвоем на одной «машине». И оба были счастливы. Ну, обормотистый Шурка — это понятно. Но и «вполне приличный» Женя радо-

вался не меньше. И вместе с ними радовался, носился следом, тявкал и кувыркался пудель Чапа.

Наконец мальчишки свалились в траву. Сели, часто дыша...

— А настоящий велосипед еще лучше... — выдохнул

Шурик. — Скоро Витя вернется из рейса и купит...

— Это старший брат, да?

— Да...

— Тебе хорошо. А мне ни за что не купят...

— Денег нет, да? — понимающе спросил Шурик.

— Да деньги-то, может быть, и есть. Только мама и папа боятся. Говорят: вдруг повредишь пальцы, как тогда будешь играть на скрипке?

— Женька, а ты любишь играть на скрипке?

— Люблю, в том-то и дело... Но на велосипеде тоже люблю...

— Когда у меня будет велосипед, мы можем вместе. Или я тебе буду давать сколько хочешь...

— Спасибо...

— Только ты не проговорись моему брату, что я научил тебя вязать Кукиш сатаны...

— Ладно... А почему нельзя говорить?

— Рассердится... Он однажды мне показал, а потом испугался. «Не надо, — говорит, — было показывать. Ты им не балуйся, это плохая примета...»

— Наверно, он правду сказал... — вздохнул Женя. Подумал и спросил: — Шурик, а ты веришь в приметы?

— Не знаю...

— Значит, ты счастливый билет еще ни о чем не просил?

— Ой... Я про него забыл... — Шурик завопил в траве, вытащил из кармашка у пояса клочок бумаги, положил на ладонь. — А как надо просить, чтобы Витя поскорее вернулся? Чтобы все с ним было хорошо?

— Я точно не знаю... Я делал так. Загадывал желание и сжимал билет в кулаке.

— И помогало?

— Я только один раз попробовал. Очень помогло...

Шурик закрыл глаза. Сжал кулак с билетом. Крепче, крепче. Что-то прошептал...

Пудель Чапа вдруг радостно взвизгнул и заплясал на задних лапах...

Разведчики осторожно вошли в открывшийся черный коридор. Засветили фонарики. В отличие от прежнего, коридор был явно творением человеческих рук. Ровные стены, ржавые полосы железных креплений. Под ногами — отесанные плиты.

Шли довольно долго. Шаги гулко разносились под низкими сводами. Шепот и голоса — тоже...

— Это самое... Владик, найди рифму для слова... это... «подземный».

— Что «подземный»?

— Ну... это... ход, по которому мы идем...

— Гоша, он ведь не подземный, он высоко в скалах. Просто под камнями...

— Ага, это...

Ведет нас куда-то проход под камнями,
К сокровищам он приведет в этот раз.
Об этом мечтал я ночами и днями,
Что шхуну куплю или пусть хоть баркас...

— Тьфу-тьфу-тьфу, Георгий Лангустыч! — плачущим голосом сказал Макарони. — Ну разве можно так...

— Это самое... плохие стихи, да?

— Стихи, может, и хорошие, да ведь сглазите!

— Не бойся, Макарони, результат все равно будет один, — угрюмо вмешался Максим. — Называется «Привет от Васи».

— Тьфу на тебя, Макс... Извини, конечно, только все равно тьфу...

— Да ладно, пускай тьфу... Это дела не меняет.

— Если здесь где-то спрятан клад, все равно должен

быть дополнительный знак... — рассудительно заметил дядюшка Юферс. — Все морские истории о кладях говорят, что...

— Может быть, вот это — знак? — звонко перебил его Владик. Он уперся лучом фонарика в верхнюю часть арки — одну из тех, что время от времени перегораживали коридор. У самого потолка виднелась выписанная черной и белой краской большая буква:

Д

— Боюсь, сеньоры, что это не тот знак, — озабоченно сказал Охохито. — Боюсь, что это (Макарони, сплюнь) совсем другое. Смотрите... — И он высветил надпись, которая шла ниже буквы, над самым сводом арки:

Hans von Dragennoget

— Нельзя сказать, чтобы мне это нравилось, — задумчиво произнес дядюшка Юферс. — Охохито, зарядил бы ты свой пистолет.

— Он заряжен, сеньор Юферс.

— По-моему, нам нечего бояться, — успокоил всех скучноватым голосом Максим. — Если здесь и была пиратская база, то в очень давние времена. Смотрите, всё в ржавчине и плесени...

— Но, значит, Драгенногер все-таки есть на свете! — прорезался звонкий, со слезинкой голос Ники. — Значит, и папа мог оказаться у него в плену! Значит, Паганель сказал правду!

— Паганель сам не помнил, что городил со страху... — пробурчал Макарони.

— Если папа у этого пирата, мы его найдем, девочка, — твердо пообещал Охохито.

— С одним кремневым пистолетом? — сказал Максим.

— А ты испугался?! — взвилась Ника.

— Ничуть. Просто я подумал, что надо было прихватить и ракетницу...

— Но ведь на яхте тоже нужно оружие, — возразил Владик.

— Смотрите, вон его сколько, оружия, — прежним меланхоличным тоном известил Максим. И направил свой фонарик в стену.

Там стояли в пирамидах ружья странных конструкций и автоматы.

Максим шагнул, взял из стойки карабин.

— Не трогай! Вдруг он выстрелит! — вскрикнула Ника.

— Не выстрелит. Всё ржавчина съела. Смотрите... — Карабин в руках Максима развалился на куски. — Охохито, едва ли здесь что-то годится для вашей коллекции...

— А мне это добро и ни к чему. Это не старина, а просто утиль... Однако надо быть поосторожнее, сеньоры. Будем прислушиваться...

— Это самое... пока здесь нечего бояться, — сообщил Гоша. — Во всем подземелье нет никого, кроме нас. У гномов это... особый нюх...

Пошли дальше. Коридор привел в обширную каменную комнату. В щели гранитных стен пробивался дневной свет, он смешивался со светом фонариков, отчего все вокруг казалось нереальным, призрачным. Максим толкнул ногой оказавшийся на пути пулемет на треноге. Ржавая тренога подломилась, пулемет рассыпался.

— А вон телефон... — вдруг сказала Ника. Ее интерес к окружающему был не такой, как у остальных, — все мысли только об отце. Ни оружие, ни сокровища не занимали ее мысли. Но телефон... вдруг какая-то ниточка?

В самом деле, у дальней стены стояла обыкновенная телефонная будка — вроде тех, что на улицах. И даже надпись над приоткрытой стеклянной дверцей была: ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ.

Владик обогнал всех, открыл дверь до отказа, заскочил в будку.

— Смотрите-ка, он вовсе не ржавый... — Снял трубку. — И гудок есть...

— Не трогай, Владик, мало ли что... — сказал Макарони.

— А что? Обыкновенный звонок... А что, если домой позвонить?

— Это же должен быть междугородный звонок... — сказал Максим.

— Ну и что? Вдруг получится?

— За «так»? Без денег? — хмыкнул Максим.

— А вдруг... — Владик уже нажимал кнопки набора: код своего города, телефон родного дома. Все смотрели, не зная, как реагировать — с недоверием, с опаской, с непонятной надеждой... Послышались длинные гудки...

За Игнатией Львовной закрылась дверь, и тут же в комнате раздались звонки. Мама бросилась к аппарату, схватила трубку.

— Мама! Это ты? А это я... — раздался знакомый голос.

— Владик! Слава богу!.. Где вы? Что с вами? Почему не отвечаете на звонки?

— Папа, наверно, отключает телефон. Его заказчик совсем задолбал...

— Что за выражения...

— Ну, если задолбал... Мама, как твой диплом?

— При чем тут диплом?! Я хочу знать, что с вами! Где вы...

— Да все нормально! Небольшая стоянка у острова Три Кота. Папа с Жорой делают мелкий ремонт, а мы гуляем по острову. Нашелся бесплатный телефон-автомат, вот я и звоню...

— Значит, это благоустроенный остров? Не дикий?

— Вполне благоустроенный! Везде кафе, гостиницы и аттракционы...

Мама, конечно, не видела, как Владик показал кулак захихикавшему Максиму и хмыкнувшей Нике...

— Что, мама?.. Все совершенно здоровы! Ты тоже не болей! Из Византийска позвоним. Ну, пока! Тут очередь... — И Владик повесил трубку. Потом спросил Максима: — Будешь звонить домой?

— Больно надо...

— Ника, может, ты позвонишь? Чтобы зря не гоняли катера по всему морю...

— Пусть гоняют, если охота, — буркнула Ника.

— Это самое... а можно мне? — робко попросил Гоша. — Если, конечно, это... больше никто...

— Звони, Гоша! — Владик опять снял и протянул Гоше трубку. И оказалось, что корабельный гном не может дотянуться до кнопок. — Гоша, ты говори цифры, я наберу.

— Это... сперва код Синетополя... Два, два, четыре... семь, два... А теперь это... семьдесят три, тринадцать, ноль пять...

Послышались длинные гудки. И такой бархатный, слегка величественный голос:

— Алло-о... С кем имею честь?

— Это самое... Элеонора...

— О-о! Георгий Лангустович!.. Гоша! Вы где?

— Да вот, заглянули на островок... а тут телефон...

— Гоша, я счастлива без ума, что слышу вас! Как ваши творческие успехи? Создали что-нибудь новое?

— Это... кое-что... Потом пришлю в письме...

...Элеонора у себя в таверне прижимала трубку к уху, словно обнимала любимое существо.

— Гошенька, вы чудо! Я показывала отрывки из вашей поэмы в журнале. Редакция в восторге! Они просят полный вариант! Когда вы его закончите?

— Это самое... вот вернемся из рейса...

— Вернетесь — и немедленно приезжайте в Синетополь! Я мечтаю вас увидеть как можно скорее...

— Я... это самое... тоже... Пока... — И вконец смутившийся гном сунул трубку Владiku в руки. Тот ее повесил. Оглядел всех, довольный тем, что наладил междугороднюю связь.

— Кто еще? — спросил он, чувствуя себя чуть ли не хозяином телефонной станции.

— Можно я попробую?.. — Это неловко просунулся в будку Макарони. — Вообще-то не надо бы... тьфу-тьфу-тьфу... Но если бесплатно... А то небось волнуются...

Он тоже набрал код, а потом номер. И зачем-то сообщил тем, кто стоял неподалеку:

— Это телефон соседки. У нас-то нету своего... — Замер, прислушался... — Это тетя Катя? Здравствуйте... Это Виктор. Тетя Катя, вы не могли бы позвать маму?. Мне вот тут удалось добраться до телефона... Ага, подожду... Мама! Это я... Да все нормально, мама, не бойся... Зашли тут на один островок, увидели бесплатный телефон... Я же говорю, все в порядке. А ты как?.. Ноги береги, не простужай... А что делает Шурка?

...Мама Макарони — женщина с усталым лицом, похожая на вернувшуюся с ночной смены уборщицу, — обрадованно рассказывала:

— А Шурка что! Он как всегда. Целые дни на улице... Подружился тут с одним мальчиком, Женей зовут, славный такой, вежливый. Теперь все время вдвоем бегают... Вон и сейчас на дворе, качели устроили... — Она глянула за окно.

В заросшем дворе обшарпанного двухэтажного дома Шурик и Женя положили поперек валявшейся в траве железной бочки пыльную доску от забора. Шурик сел на один конец, Женя (ничуть не боясь за свой снежно-белый матросский костюмчик) — на другой. При этом он держал на руках довольного жизнью Чапу. Начали качаться. Чапа по меняющейся наклон доске ловко перебежал от одного мальчишки к другому.

... — Он тебя каждый день вспоминает, Витенька! Возвращайся скорее...

— Обязательно, мама! Скоро вернусь... — И Макарони сделал губами три чуть заметных символических плевка. — Ладно, мама, до встречи. Не болей. Шурке привет... — Он с просветленным лицом выбрался из будки...

— Теперь, сеньоры, надо решать, что делать дальше, — озабоченно сказал Охохито. — Или возвращаться, потому что времени осталось мало... Или посмотреть еще, что здесь и как.

— Посмотреть! Еще! — вскинулась Ника. — Вдруг какие-то следы! Папины...

Охохито незаметно вздохнул, украдкой глянул на часы. Но не решился возражать девочке, которая так отчаянно тревожилась об отце.

И разведчики продолжили свой поход.

Хотели пройти совсем немного, но в сумрачных, выбитых под скалами помещениях была непонятная, завораживающая привлекательность, она заставляла позабыть о времени.

Из-под скальных сводов свешивались не то обрывки веревок и канатов, не то паутина... С ржавым скрипом открывались клепаные двери... В каменных нишах вперемишку стояли рыцарские латы, водолазные скафандры и скелеты в старинных мундирах. Сперва ребята (да и взрослые тоже) вздрагивали, но скоро притерпелись к такой «романтике».

Иногда на стенах опять виднелись причудливые буквы D и надписи с именем Драгенногера, но это уже не производило прежнего впечатления.

— Все же следует прийти к выводу, что эта пиратская обитель покинута очень давно, — со вздохом сказал дядюшка Юферс. Он порядком устал, сделалась заметной его одышка. — Боюсь, что мы ничего здесь не найдем...

— Еще немножко... — умоляюще сказала Ника. И ей опять не посмели отказать...

— Клянусь дедушкой, я уже начинаю нервничать... — Старпом Жора поглядывал на часы. — Может, мне отправиться на поиски?

— На чем? — капитан Ставридкин еле сдерживал раздражение. — Лодка-то на берегу.

— Я могу и вплавь...
 — Подождем, Жора. Как говорится, нельзя распылять силы...

А Владик в это время на глазах у всех провалился... неизвестно куда! Шел впереди всех, вдруг плита под ним повернулась, и мальчишка скользнул вниз.

— Владик!! — перепуганно заголосила Ника.

Все сгрудились над неожиданно открывшимся люком.

— Я здесь! Я держусь за скобу!

— Сейчас мы тебя вытащим! — Максим торопливо раскрутил обмотанную вокруг пояса веревку. — Держи!

— Я держу!.. Только меня не надо вытаскивать. Я лучше спущусь!.. И спускайтесь все! Здесь скобы как ступеньки...

И по очереди все стали спускаться по скобам, вбитым в стенку каменной шахты. Гоша при этом бормотал:

Судьба привела нас в какую-то нору.

Ох, тяжки пути у искателей клада.

Но помню тебя я, о Э-леонора,

И много сокровищ мне вовсе не надо.

Не надо богатства для жизни роскошной,

Хватило бы только на старую шхуну,

Чтоб жить без заботы там было возможно...

Владик!..

— Что, Гоша? — отозвался Владик из глубины.

— Это самое... Подскажи рифму к слову «шхуну».

— «Наверху нам»... — отозвался вместо Владика Максим.

— Это... я не понял.

— «А лучше бы быть в этот час наверху нам!» — насмешливо продекламировал Максим. — Потому что все равно никаких кладов нет.

— Мы же не только клад ищем... — жалобно напомнила Ника.

— Вот потому и спускаемся... — отозвался Максим. — А, черт! Кажется, я зацепился штанами за крюк...

— А я вообще застрял, — сообщил дядюшка Юферс. — Эта шахта не рассчитана на людей моей комплекции. Гоша, потяни меня за ногу...

— Это самое... сейчас...

— А-а-а! — дядюшка Юферс не удержался и устремился вниз, как поршень по стволу насоса. При этом он, естественно, сбивал остальных, и скоро на каменном полу обширного помещения, в который вела шахта, копошилась куча свалившихся путешественников.

К счастью, никто серьезно не пострадал. Только Владик спросил слегка дурашливо:

— Гоша, ты не мог бы опять позвать пуделя Бимса? Все колени и локти в ссадинах...

— Это самое... здесь не получится...

— Смотрите-ка, опять телефон! — воскликнула Ника.

— Ты хочешь позвонить? — спросил Владик.

— Куда? — сказала она уныло. И вдруг всхлипнула, как раньше. — Если бы можно было позвонить папе. Хоть на секундочку...

Владик и Максим оказались рядом. Чем они могли помочь Нике? Владик осторожно взял ее за плечо. Максим досадливо оглянулся. И... воскликнул, обрадовавшись, что хоть на минуту может отвлечь Нику от грустных мыслей:

— Охохито, дайте мне пистолет!

— Зачем, мучачо?

— Я обещал застрелиться, если снова увижу такую дурацкую надпись! Смотрите!..

В самом деле, на одной из стен заметна была сделанная облупившейся белой краской большущая строка, сообщающая, что здесь был Вася.

Крупные буквы белели в двух метрах от пола.

— Если из-за каждой такой надписи стреляться, пороху

не хватит, — сказал Владик. А Нике шепнул, как маленькой: — Не плачь. Найдется папа, вот увидишь...

Она всхлипнула еще раз, но уже не так сильно. И... все-таки девочка есть девочка. Вынула зеркальце, которое нашлось в шкатулке и с той поры всегда было у Ники в кармане. Попросила Владика тихонько:

— Подержи...

Одной рукой она стала светить фонариком снизу себе на лицо, а другой выдернула из-за пояса футболку и подолом принялась стирать со щек слезы. И...

— Смотрите! «Эр» в зеркале!

Сперва никто ничего не понял. Но Ника повторила:

— Смотрите в зеркало! В нем отражается «Эр» в круге!

В самом деле, буква Я в слове «Вася», отразившись в зеркале, превратилась в букву R. Причем располагалась эта буква в круглой вмятине (таких вмятин на стене было достаточно).

— Силы небесные... — пробормотал дядюшка Юферс, тоже заглянувший в зеркальце. — Лангустыч... Кажется, наконец *то самое*...

— Да не верьте вы! — досадливо воскликнул Максим. — Это опять Васины шуточки! Увидите очередную фигу!

— Как знать, как знать... — возразил дядюшка Юферс. — Ведь на сей раз надпись весьма старинная. Смотрите, слово «был» с твердым знаком, и ять в слове «здесь». Так писали сто лет назад...

И правда, приглядевшись, все заметили старинную орфографию в набившей оскомину надписи:

Здѣсь былъ Вася

Владик первый сообразил, что надо не рассуждать, а действовать.

— Дядюшка Юферс, дайте ваш топорик! — И он выхватил у старого боцмана из-за пояса топорик, который тот предусмотрительно прихватил в поход. — Макарони, иди сюда! Нагнись!.. — Он подтащил слабо упирающегося Ма-

карони к стенке, заставил пригнуться, вскочил ему на плечи. Ударил обушком по букве Я раз, другой.

Посыпались крошки.

— Это не камень, а штукатурка! — крикнул Владик. — Совсем мягкая.

— Вася, когда заделывал стенку, прихлопывал глину ведром. Отсюда и круглые вмятины, — скептически заметил Максим.

Владик продолжал колотить. Куски штукатурки падали на затылок и спину Макарони, но он терпел, только фыр-кал и мотал головой. Остальные наблюдали за Владиком с растущим нетерпением.

Наконец топорик после удара ушел в пустоту, образовалась дыра. Владик ухватился за ее край, потянул, отвалил крупный пласт штукатурки. Тот ухнул вниз, Макарони взвыл. Но и он, вывернув шею, с нетерпеливым любопытством смотрел: что же дальше?

Владик, выгибаясь назад, тянул из открывшейся ниши какую-то тяжесть.

— Охохито, дядя Юферс, помогите... Я не удержу...

В свете фонариков стал виден обмотанный не то кожей, не то бумагой и обвязанный лохматой веревкой сверток. Когда он перевалился через край ниши, старый боцман и Охохито подхватили его (дядюшка крякнул). Опустили на пол. Владик спрыгнул с Макарони, тот выпрямился, постанывая и держась за поясницу.

Все смотрели на сверток. Неужели и правда клад? Даже Ника на время забыла о грустных мыслях.

Охохито вынул складной нож, шелкнул раскрывшимся лезвием. Нагнулся, собираясь перерезать веревки.

— Подождите... — быстрым шепотом выговорил Макарони. — *Это* так не делается.

— А как? — Охохито оглянулся.

— Неужели вы не понимаете? Если это сокровище капитана Румба, здесь может быть и бриллиантовая пугови-

ца Джугги Ройбера. Пиратского адмирала. А на ней — проклятие...

— Макарони, ты уморишь кого угодно своими страхами, — сказал Охохито и нагнулся опять.

— Нет-нет, подождите, — вмешался дядюшка Юферс. — Макарони в чем-то прав. Морские истории говорят, что с пиратскими кладами надо обращаться осторожно...

— Но капитан Румб не был пиратом! — вмешался Владик.

— Но Джугги Ройбер по прозвищу Красный Жук — был...

Охохито опять выпрямился. Оглядел остальных. С сомнением.

— Лангустыч, сказал бы ты на всякий случай какое-нибудь заклинание, — предложил дядюшка Юферс. — Вы, гномы, в таких делах больше нас, людей, понимаете...

— Это самое... Я попробую... — Гоша возвел глаза к потолку, сцепил ладони и завертел большими пальцами. — Это... вот... старинное заклятие корабельных гномов...

Анкер-банкер, бом-брам-рей,
Ахтер-махтер, три узла.
То, что найдено в дыре,
Не должно чинить нам зла...

— Вроде годится... Тьфу-тьфу-тьфу... — пробормотал Макарони. — Только осторожнее все-таки...

Охохито третий раз нагнулся над свертком и неторопливо, учитывая торжественность момента, перерезал веревки. Вспорол кожу (или плотную бумагу), отвернул лоскуты...

Собравшиеся увидели пухлый портфель из потертой кожи с двумя медными замками-пряжками.

Охохито надавил на замке зажим. Замок раскрылся. Надавил второй — то же самое. Охохито с натугой укрепил портфель в стоячем положении. И наконец откинул тяжелую кожаную крышку.

В глазах зарябило от тусклого желтого блеска...

С полминуты все смотрели молча. Никто на решался запустить руку в сокровище.

— Золотые монеты... Клянусь Жориным дедушкой, здесь целый капитал, — сказал наконец Охохито.

— Ну вот, а ты горевала, — шепотом обратился к Нике Максим. — Теперь можно будет связаться с пиратами и выкупить твоего папу. Раз уж всякие охранные службы ничего не могут...

— Это же не мое золото, а дяди-Гошино, — с горьким вздохом отозвалась Ника.

— Это самое... что ты такое говоришь, девочка? Это общее сокровище. Мне-то много ли надо? Только это... маленький парусник, чтобы крыша над головой. У моря...

Никто не успел ни возразить, ни согласиться. Каменное помещение наполнил неприятный мерцающий свет, выступили под потолком плафоны. И стали ясно видны по углам и у стен атрибуты пиратского бытия: ржавое оружие, разошедшиеся бочонки, всякий мусор и нарисованные повсюду буквы D... И вместе со светом заполнил пространство хриплый и злой голос, вылетающий из невидимых динамиков:

— Откуда там люди, черт возьми! Кто такие, как узнали пароль?.. Да возьмите трубку телефона, идиоты!

Дядюшка Юферс, опередив остальных, бросился к телефону, схватил трубку.

— Кто такие?! — снова прогремел голос.

— Мы... видите ли... Это получилось случайно, — растерянно залепетал дядюшка.

Охохито отстранил его, взял трубку, сказал в микрофон:

— А вы, любезный сеньор, кто такой?

— Дерзкая сухопутная скотина! Влезли без спросу в мои владения и смеете задавать вопросы! Вы скоро узнаете Драгенногера, негодяи!!

Ника выхватила трубку у Охохито.

— Вы Драгенногер? У вас в плену мой папа! Отдайте его, пожалуйста! Мы заплатим!

— Ха! Чем это ты заплатишь, дохлая сухопутная мышь?..

— У нас есть золото!

— А! Вот вы кто! Ваше золото в шкатулке на «Кречете», я заберу его и так! А вам лучше оставаться там, где вы есть! Ха-ха!.. — И дальше Драгенногер обращался уже не к тем, кто был у телефона, а к кому-то другому. Это было понятно, поскольку изменилось звучание: — На центральном пульте!.. Вы что, спите, бездельники? Приготовить к ликвидации бункер под шифром «Вася»! И все прилегающие к ним помещения! Все равно они нам больше не нужны!.. Объявите пятиминутную готовность! Пусть мыши, которые завелись там, решат, что у них есть шанс, и немного побегают... Ха!..

Свет померк. Несколько секунд царил растерянность. Наконец Охохито произнес:

— Без лишней паники, сеньоры. У нас пять минут. Если хотим увидеть родных и близких, надо спешить... Не забудьте портфель...

Портфель с сокровищем легко ухватил под мышку маленький, но могучий Гоша. При этом не забыл застегнуть его.

На яхте капитан и старпом нервничали уже вовсю.

— Черт меня дернул отпустить их! — сокрушался отец Владика, то и дело глядя на часы. — Что с ними могло там стрястись? Где застряли? Охохито опытный человек, с головой...

— Данилыч, давай я возьму ракетницу и поплыву... Когда что-то узнаю, дам сигнал...

— Подождем еще пять минут...

У нашедших клад разведчиков тоже было пять минут. За это время они успели взлететь по скобам шахты, промчаться через каменные бункеры, залы и коридоры, которые на пути вперед казались им очень длинными. Они помогали друг другу, подталкивали на лестницах и подъемах, подхватывали, когда кто-то падал. И теперь было ясно, что это не разношерстная компания, а настоящий экипаж парусника, успевший сдружиться за время плавания. Не было ни паники, ни жалобных вскриков, ни слез. Слышалось только частое дыхание...

Гоша не выпускал портфель.

Наконец все оказались в коридоре, ведущем к выходу. Впереди был виден солнечный прямоугольник.

Позади ударил крепкий, потрясший камни взрыв. Горячий тугой воздух догнал беглецов, сбил с ног. Но они разом вскочили и бросились дальше. Гоша не отставал, хотя на его коротких ногах с тяжелыми ступнями бежать было нелегко.

Снова тряхнул камни взрыв, уже более близкий. Опять все попадали, на головы посыпалась щебенка. Но выход был уже близко...

Однако, когда до света, до свободы оставалось несколько шагов, гранитный монолит, служивший дверью, шевельнулся и непроницаемо заслонил выход.

Все остановились у глухого многотонного камня. А ведь новый и совсем близкий взрыв мог грянуть в любую секунду. Показалось даже, что в сумраке прозвучало на смешливое «ха!» Драгенногера.

— Гоша! На тебя вся надежда! — отчаянно сказал Владик.

— Это самое... — Гоша опустил портфель и уперся плечом в камень.

Он давил, давил. Владик, а потом и все остальные бросились помогать... И могучая отесанная глыба не устояла перед общим напором друзей. Шевельнулась, отошла...

На миг все выпрямились, переводя дух. И в эту секунду

ударная волна третьего, самого близкого взрыва буквально вымела всех на площадку перед входом. Вылетел и портфель, сбив с ног неудачливого Макарони. Но, к счастью, не лопнул.

А Нику смело под обрыв. Она успела зацепиться за скальный выступ. Владик и Максим ухватили ее за руки, выдернули наверх — откуда сила взялась!

— Уходим, сеньоры, не время отдыхать! — распорядился Охохито.

Крутыми тропинками среди расщелин искатели сокровищ спустились на прибрежную галечную полосу, там их ждала надутая лодка. С яхты радостно махали и что-то кричали. На ответы не было времени. Дружно столкнули лодку на воду. Попрыгали в нее. Помогли забраться Гоше, который перед этим забросил в лодку портфель (она охнула от тяжести). Налегли на весла.

— Как вы думаете, Драгенногер в самом деле хочет напасть на яхту? — нервно дыша, спросил Макарони.

— Едва ли он посмеет, — сказал дядюшка Юферс. — Здесь активное судоходство, он побоится на глазах у всех...

— На лагерь археологов напасть не побоялся, — печально напомнила Ника. — Когда похитил папу...

— Это было на пустынном побережье, — возразил Владик, хотя побаивался не меньше Макарони.

— Доберемся до «Кречета», там решим, что делать, сеньоры, — бодро сказал Охохито.

Добрались за минуту.

— Где вас носило? Клянусь дедушкой, мы чуть не сделались седыми... — Старпом Жора помог забраться на борт Нике и мальчишкам. А потом и Гоше, с его могучим портфелем.

— Что за взрывы там были? — спросил капитан Ставридкин, стараясь сохранять хладнокровие. — Проснулся вулкан?

— Не вулкан, а Драгенногер, капитан, — сумрачно ото-

звался Охохито. — Этот тип, о котором говорил Поганель, оказался вовсе не сказкой...

— И кажется, он собирается напасть на нас, — пряча в себе тихую панику, напомнил Макарони.

— Тогда меньше слов, больше дела, — решил капитан Ставридкин. — Подымаем паруса и выходим на маршрутную линию Византийска. Надеюсь, там никакие пираты к нам не сунутся... Охохито, Макарони, на фалы! Жора, на руль! Дядя Юферс, выбирай якорь, ребята, помогите ему... Пошевеливайтесь, а то ветер может закиснуть к вечеру...

Между тем напуганный Поганель (вернее, Поганель — так и будем его теперь называть) продолжал работать руками с такой скоростью, что движение его по-прежнему напоминало движение торпеды... И в конце концов он оказался у островка, похожего на Трех Котов, только поменьше. Здесь Поганель сбавил скорость. Потому что увидел приткнувшийся к скалам и почти неразличимый на их фоне катер с пулеметом на рубке.

Поганель подгрел, замахал руками.

— Эй! На линкоре! Это я, Вова Свистогонов! Помогите подняться!..

Несколько матросов уголовного вида помогли несчастному Вове Свистогонову забраться по спущенному штормтрапу на борт. При этом не выказывали ни уважения, ни сожалений по поводу измученного вида своего сообщника.

Поганель встал на палубе. С него текло.

— Где шеф? У меня важнейшая информация... про «Кречет»...

— Про «Кречет» шеф и без тебя все знает. А ты к нему лучше пока не суйся. И так задолбал его своими сообщениями, он велит утопить тебя, — посоветовал один из матросов.

— Я кушать хочу. Дайте сухарик...

9. МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Сжалились, дали мокрому Вове Свистогонову сухарик. Он присел на корточки у рубки.

— Что за отношение к человеку. Я навел вас на сокровище, а вы...

— Сиди и не плачь... сокровище... — сказали ему.

«Кречет» удалялся от острова Три Кота. Все собрались на корме и смотрели на зловещие скалы, похожие на торчащие кошачьи уши. Капитан сам стоял у руля.

— Ну, идите, разбирайтесь, что там за сокровище, — сказал он остальным. — Потом смените, посмотрю и я... — Ему, капитану, неприлично было оставлять дела даже ради самых удивительных находок. Судно и дисциплина прежде всего.

Все направились в кубрик. Владик заскочил на нос, отвязал от поручней зайца.

— Андрюшка, не сердись, что я не взял тебя на остров. Кто-то должен был охранять яхту...

Андрюшка не сердился.

— Сейчас увидишь кучу золота, — пообещал ему Владик.

В кубрике все собрались у стола. А Гоша даже забрался на стол. Готовился вывалить на него содержимое портфеля (только ему это было под силу).

Каждый замер в нетерпении.

— Гоша, давай, — выдохнул Владик.

Гоша расстегнул и взял портфель за нижние углы. Поднял. Поток желтого металла хлынул на пластик стола. У всех сделались восторженные лица. Сначала. А потом... потом все запереглядывались, снова уставились на желтую грудку. Максим первый запустил в нее пальцы. Оглядел всех, хмыкнул:

— Я же говорил: будет привет от Васи. Это не золото. Это медные пуговицы...

Если бы по этой истории снимался фильм, у режиссера и оператора открылись бы широкие возможности продемонстрировать зрителям разочарование и уныние, воцарившееся на «Кречете». Можно было бы по очереди показать крупными планами скорбные лица всех персонажей, озвучить вздохи дядюшки Юферса, бормотание Гоши о том, что «это самое... оно, конечно, да... но все-таки нет...». И даже (на фоне мелодии какой-нибудь самой печальной морской песни) воспроизвести невольно возникшие у гнома-стихотворца строки:

О горе: несчастья преследуют «Кречет» —
Мы зря поддались соблазну наживы.
Теперь о сокровище нету уж речи,
Одно утешает, что все же мы живы!

— Вот именно! — воскликнул Владик. — Мы ведь все-таки живы! Значит, не все потеряно!

Надо сказать, что он в отличие от всех других (как и заяц Андрюшка — показать его крупным планом!) не поддавался унынию. Пока остальные предавались печали, он разглядывал пуговицы и убеждался, что они не простые, не «нынешние», а, скорее всего, срезаны со старинных морских мундиров.

— Макс, погляди! Они всякие... старые, иностранные...

— Ну и что? Все равно не золото. Кто за них даст хотя бы пару долларов?

— Подождите-ка... — Владик запустил руки в портфель. — Может, там еще что-то есть... Ага! Вот! — И он вытащил на свет пухлую помятую тетрадь в потертой кожаной обложке.

— Еще один привет от Васи, — хмыкнул Максим.

— Клянусь дедушкой, если я поймаю этого Васю... — начал старпом Жора.

— Да подождите, дядя Жора, это не от Васи! Тут что-то написано на первом листе. Ой... слушайте...

И Владик, морща лоб и проникаясь нарастающим ощущением тайны (и стараясь, чтобы прониклись и остальные), прочитал:

— «Жизнеописание славного и знаменитого капитана Чарльза Роберта Румба, составленное на русском языке младшим штурманом бригаантины «Лакартера» Василием Башмачкиным...»

Если бы там и в самом деле был кинооператор, он обязательно снял бы эту похухлую серо-желтую страницу с бледными чернильными буквами:

*Жизнеописание славного и знаменитого
капитана
Чарльза Роберта Румба,
составленное младшим штурманом...*

Ну и так далее. Он же, этот оператор, несомненно, зафиксировал бы, как меняются лица у всех, кто находился в кубрике (даже у Андрюшки). Особенно у дядюшки Юферса и Гоши.

— Ай-яй-яй... — осторожно сказал дядюшка Юферс. — Можно посмотреть?.. Не может быть...

— Значит, это все же тот самый капитан Румб, чье сокровище мы... это самое... ищем? — возбужденно сказал Гоша.

— Уже нашли... — хмыкнул Максим.

— Постойте, постойте... — засуетился дядюшка Юферс. — Если это портфель капитана Румба, то, возможно, все не так просто. Ведь я же говорил, что это весьма неординарная личность, о нем ходит немало легенд. Среди моряков была в свое время известна даже песенка:

*Кто под парусами мчит там,
Тум-бурум-бурум-бурум?
Это славный Ботончито,
Капитан отважный Румб.*

*Он из пушечного грома
Возвратился невредим.
У него бочонок рома
И удачи впереди...*

Поэтический уровень, конечно, так себе, но надо учиться, что это перевод с английского или с испанского...

— Клянусь дедушкой, оно чувствуется, — сумрачно заметил Жора. — Особенно в «тум-бурум...».

— Да-да! — не заметил иронии дядюшка Юферс. — Ботончито по-испански значит «Пуговка»! И, может быть, эти пуговицы в портфеле как-то связаны с прозвищем? Может быть, дело не в маленьком носе капитана и не в его недостаточном росте?

— Здесь, наверно, про все написано! — Владик махнул тетрадкой. — Давайте почитаем! Дядя Юферс, читайте вы! У вас ведь привычка к морским историям! Может, это пригодится для вашей книги!

— Что ж... — Дядюшка Юферс взял тетрадь, разглядел ее, солидно кашлянул.

Пока он готовился к чтению, Ника шепнула Максиму:

— Я, кажется, читала про этого Румба книжку. Про клад из медных пуговиц... Только его зарыли не в здешних местах, а где-то на тихоокеанском острове. И давно...

— Вот видишь, значит, этот клад — подделка, — отозвался скептически настроенный Максим. — «Привет от Васи», только и всего...

— Но ведь кладов могло быть несколько! — заспорил услышавший их разговор Владик. — Дядя Юферс, читайте!

Тот откашлялся и начал:

— «Наш славный капитан Чарльз Роберт Румб родился в местечке Гринхаус в семье владельца небольшой бакалейной лавки...»

Здесь автор этого «киноромана» должен извиниться перед читателями. Дело в том, что его (автора) и без того немало ругали за повторения в своих книжках, а здесь он повторяется совершенно бессовестно (так уж получилось!). В свое время он написал роман «Портфель капитана Румба», а нынче ему пришлось опять вернуться к этой исто-

рии (а заодно и к истории о корабельных гномах и возвращении клипера «Кречет»). Почему пришлось — поймет тот, кто дочитает это повествование до конца. А пока... те, кто знакомы с книжкой о портфеле знаменитого капитана, вспомнят его полную приключениями биографию, изложенную в старой тетради (только штурмана-летописца звали там по-другому). Тех, кто незнаком, автор просит обратиться к четвертой главе вышеупомянутого «морского романа-сказки для детей школьного, послешкольного и пенсионного возраста». Называется глава «Клад Ботончито». Можно также вспомнить, что рассказывал ребятам в яхт-клубе дядюшка Юферс — о пуговице пиратского адмирала. А здесь есть смысл лишь коротко пересказать то, что сейчас слушали в тесном кубрике яхты «Кречет» участники нынешних приключений.

...Мальчик Боб рано осиротел. Жилось ему несладко. В школе и на улице обижали мальчишки (самый маленький среди всех, да еще с заметной хромотой). После школы Боб служил помощником младшего клерка в захудалой адвокатской конторе. Единственной радостью мальчика были книги о морских путешествиях. А еще — коллекция пуговиц с морских мундиров. Боб начал собирать ее после того, как нашел одну такую пуговицу в дорожной пыли. Ему казалось, что в каждой пуговице хранится память о приключениях и тайнах. Он воображал иногда, что некоторые пуговицы, оказавшиеся в его коллекции, были когда-то пришиты к камзолам и сюртукам знаменитых мореплавателей и адмиралов...

Однажды Боб (было ему тогда лет шестнадцать) робко спросил у встречного незнакомого капитана, не уступит ли тот ему замечательную пуговицу со своего форменного редингота (и готов был отдать за нее все накопленные сбережения!)... Пуговицу он не получил и вместо этого оказался пленником на пиратском бриге «Бретонец».

Сами понимаете, что за жизнь у хлипкого хромого паренька среди лишенных всякого понятия о сострадании

джентльменов удачи! Лишь капитан месье де Кря по прозвищу Длинный Мушкет иногда проявлял к Бобу снисходительность и даже подарил пуговицу с редингота. Но капитан (увы и увы!) в конце концов скончался от излишнего пристрастия к спиртному. (Это надо же так написать — *в конце концов скончался!* Тоже мне, литератор!) Капитана схоронили в открытом море, а у Боба после этого жизнь сделалась совсем скверная. Но вскоре, к счастью для пленника, разразилась нешуточная буря. Лишенные командира пираты впали в панику — ведь на «Бретонце» никто, кроме капитана, не разбирался толком в морских картах, никто не мог теперь определить, куда их занесло и близко ли смертельно опасные скалы Норд-Цанге... И только Боб мог! Потому что прочитал немало морских книг и любил изучать вложенные в них карты. Он изо всех сил рывкнул на перетрусивших пиратов, и они, разом сделавшись послушными, принялись выполнять команды хлипкого Ботончито, которого недавно награждали пинками...

В общем, спас Боб и бриг, и его непутевый экипаж. И после этого пиратам ничего не оставалось, как выбрать «нашего славного Пуговку» капитаном.

Но молодой капитан Чарльз Роберт Румб Ботончито не хотел быть пиратом. Самых упрямых разбойников он посадил в ближайшем порту, а с остальными (которые оказались не такими уж плохими парнями) отправился в дальнее плавание.

Нельзя сказать, что он вообще не вмешивался ни в какие схватки. Нет, случались и артиллерийские дуэли, и абордажи, но все это не ради добычи и наживы. Чаще всего капитан Румб отдавал команду «огонь», когда надо было расправиться с работорговцами, чтобы отпустить на свободу несчастных невольников. Главным же его делом были географические открытия и разные приключения. Кстати, бриг «Бретонец» он переоснастил в бригантину и дал ей имя «Ла Картера» (или «Лакартера»), что означает

«Портфель». Потому что всю жизнь главным сокровищем капитана был пухлый портфель с коллекцией морских пуговиц, а главной заботой — пополнение этой коллекции. Она была самой большой страстью капитана.

Младший штурман Василий Башмачкин вспоминал и случай с пуговицей капер-адмирала Джугги Ройбера. И подчеркивал, что слухи, будто пуговица была бриллиантовая и сверхдрагоценная, — сплошная чушь. Для капитана Румба пуговица имела лишь историческую ценность, а никакой торговец не дал бы за нее и двух пенсов...

— ...Как и за все остальные, — заметил старпом Жора. — Для капитана это сокровище, а для нас что? Клянусь дедушкой, все торговки на Молдаванском рынке смеялись бы над таким товаром...

— Давайте все это выкинем, — осторожно предложил Макарони.

— Да вы что! — возмутился Владик. — Все равно это редкость! И всякая старина!

— Но ведь среди пуговиц здесь наверняка та самая, — дрожащим голосом напомнил Макарони. — Из-за которой случилось проклятье Ройбера. От нее будут всякие беды. А ценности никакой, раз она тоже медная...

— Давайте читать дальше! — жалобно потребовал Владик. — Надо узнать, что случилось с Румбом! Почему его «Ла Картеру» нашли в море без людей!

Но узнать не удалось...

Узнали только, что капитан Румб, отправляясь однажды на очень опасное дело, решил не подвергать свое сокровище риску и зарыл портфель на каком-то острове...

Чем кончилось рискованное предприятие «Ла Картеры», в тетради не сообщалось. Записки младшего штурмана Василия Башмачкина кончались как раз тогда, когда портфель был зарыт.

Ника почему-то вздохнула:

— Я, кажется, читала, что капитан захватил большой корабль рабовладельцев и взял его себе. А бригантину ос-

тавил в море, чтобы те, кто найдет, ломали головы. Он любил всякие розыгрыши...

— Это вполне возможный вариант, — покивал дядюшка Юферс. — Только вот неизвестно, вернулся ли капитан за своим кладом...

— Конечно, не вернулся, раз портфель вот он! — воскликнул Владик. — И это... это же в самом деле сокровище! Его оторвет с руками любой морской музей! И можно устроить выставку для туристов, они рты пораскрывают! И дядюшка Юферс напишет такую историю для своей книги, что эту книгу переведут на все языки!..

— Клянусь памятью дедушки Анастаса, у мальчика светлая голова... — с осторожной радостью заметил Жора.

— В наш век всеобщего предпринимательства музейное дело может оказаться неплохим бизнесом, — потирая руки, заявил Охохито.

— Главное — наладить рекламу, — деловито посоветовал Максим.

— Лучше бы не надо, — осторожно сказал Макарони. — Лучше бы утопить эту коллекцию...

Но на Макарони все замахали руками. Каждый уже понял великую ценность медной коллекции и прикидывал, какие выгоды она сулит каждому. Чтобы Макарони не канючил и не портил всем радость, его отправили на палубу — сменить на руле капитана.

Капитан спустился в кубрик и включился в беседу. Он постарался было охладить энтузиазм ликующего экипажа: сказал, что нынче у музеев мало денег и вряд ли они отвалятся за пуговичное сокровище большую сумму. Но остальные продолжали радоваться. «В конце концов, — повторял свою мысль Владик, — если они и не отвалятся, то дядюшка Юферс теперь напишет такую книгу, что ее напечатают во всех странах. И получит за нее столько, что хватит всем...»

— И тебе, Степан Данилыч, на новую яхту, — весело

покивал дядюшка Юферс, который теперь был уверен, что новый сюжет сделает его сочинение самым знаменитым в морской литературе. — И тебе, Гоша, на маленький уютный парусник для жилья. И всем нам...

— И на велосипед для Макариноного брата, — сказал вдруг Максим. — Хотя Макарони и нытик, но братишка-то не виноват...

Капитан Ставридкин скептически покачал головой. Но тут Макарони (легко на помине!) спустил в люк голову:

— Я бы все-таки не советовал. Эта пуговица, она ведь...

— Марш на место! — гаркнул капитан. — Кто позволил оставлять штурвал!

Макарони сдуло, будто семя одуванчика с ладони. Старпом Жора скривился, как от меда, попавшего на больной зуб:

— Клянусь дедушкой, свет не видел такого суеверного болвана. Что за манера портить людям настроение, когда у всех радость...

Не все услышали, как в общем шуме тихонько вздохнула Ника. Но Максим услышал.

— Ты чего? — шепотом спросил он.

— Радость, конечно... только папу-то не нашли.

Оказалось, что Нику услышал и капитан Ставридкин. Наклонился к ней:

— Что ты, девочка! Папу будем искать изо всех сил. Только вот доставим яхту заказчику и займемся поисками по всем островам и берегам...

Ника слабо улыбнулась.

Между тем все, кто собрался у стола, разглядывали пуговицы — перебирали их, подносили к глазам, как драгоценные камни, вертели так и сяк.

— Клянусь дедушкой, здесь могут оказаться пуговицы с мундиров Крузенштерна и Лаперуза...

— Смотрите, какая красивая: скрещенные якоря и дракон! — восхитился Владик.

— Это самое... жалко, что нету этого... этикеток с объяснениями...

— В тетрадку вложены листы, на них есть рисунки, номера и указания: какая пуговица откуда! — сообщил дядюшка Юферс и потряс мятыми бумагами.

— О-о! Будет большое подспорье научным работникам, — обрадовался не чуждый музейному делу Охохито.

Всем захотелось посмотреть рисунки, потянули к листам руки.

И в это время снаружи грянул оглушительный залп. И сразу тонко завопил Макарони:

— Тревога! Я же говорил!..

Он все-таки накаркал беду, этот Макарони. А может, и правда причиной была злополучная пуговица, которую срезал с камзола пиратского адмирала бесстрашный капитан Румб — за что получил от скелета хриплое проклятье и пинок костлявой ногой... Так или иначе, яхту «Кречет» преследовал быстроходный катер с высокой рубкой. Над крышей рубки торчал ствол крупнокалиберного пулемета и головы очень несимпатичных, разбойного вида личностей.

Яхта шла с хорошей скоростью, но у катера были могучие моторы, и он, конечно, догонял «Кречет». Под гафелем появился и задергался на ветру черный флаг.

— Драгеногер... — со стоном сказал Охохито. — Держит свое слово, негодяй... И как назло, больше ни одного судна на горизонте...

— Клянусь дедушкой, эти подозрительные типы что-то сигналият флажками, — сообщил старпом Жора. — Кретины! Они что, не знают, что семафорная азбука давно вышла из морского обихода? У нас никто не умеет ее читать...

— Я умею! — подскочил Максим. — Я учил, на всякий случай!

— Тогда читай, чего хотят эти... дрыганогеры!

Максим стал читать:

— Требуем... немедленно... спустить паруса... лечь в дрейф... и отдать... шкатулку и то... что нашли на острове...

— Клянусь... не только дедушкой, но и его супругой, добрейшей бабой Ксаной, что не видел еще никогда такой наглости! Мальчик мой, забудь на минуту о своем интеллигентном воспитании и ответь этим нехорошим дядям, куда они должны идти. Открытым текстом.

— Ладно. Только пусть Ника отвернется...

— Я ведь не знаю этой азбуки!

— Все равно лучше отвернись!

Ника отвернулась. А Максим сдернул с Владика и с себя бейсболку, вскочил на крышу кубрика и замахал яркими кепками, как флажками...

Капитан катера — длинный, с заросшим черными ключьями лицом дядька в нелепой треуголке и в фуфайке с буквой D на груди (видимо, тот самый Драгенногер) и его плюгавый сигнальщик шевелили губами — читали ответ Максима.

— Шпана! — взвизгнул наконец Драгенногер. — Кто его воспитывал? Прежде чем утопить этого сопляка со шлюпочным якорем на шее, я отрежу ему уши и утоплю их отдельно!.. Пиши ответ: «Даем вам пять...»

Сигнальщик начал послушно махать рваными флажками...

— Они не хотят идти туда, куда я их послал, — сообщил Максим. — Они пишут: «Даем вам пять минут на размышление... Если не отдадите то, что требуем... пойдете на дно...»

В подтверждение этого с катера ударила пулеметная очередь и пересекла главный парус дырчатым пунктиром. Все, даже капитан Ставридкин, невольно присели. С катера донеслось довольное ржание. Он замедлил ход и теперь двигался с той же скоростью, что и яхта, — так чтобы расстояние между судами оставалось неизменным, с полкабельтова.

— Я говорил... — хныкнул у штурвала Макарони. Не громко, а скорее для себя. Но его услышали.

— Не рыскай на курсе! — прикрикнул старпом Жора. И обвел всех озабоченным взглядом. — Мой дедушка Анастас Сидоропуло в таких случаях говорил: «Не пора ли готовить бутылку для последнего письма родным и близким...»

— Никаких бутылок, — сумрачно распорядился капитан Ставридкин. — У нас на судне дети. Придется выполнить требование...

— Капитан, не будет никакого прока, — очень серьезно возразил Охохито. — Пираты не оставляют свидетелей. Они прихватят портфель и яхту, а нас отправят к медузам. И взрослых, и детей...

— Что же вы предлагаете? — пряча отчаянье, спросил Степан Данилыч. — Сцепиться с ними в абордажной схватке?

— Это самое... лучше уж так, — подал голос Гоша. — Троем я точно сверну шею, гарантирую. Помню, когда это... наш клипер...

— Стоп, — сказал капитан. — Говорим по очереди. Объявляю военный совет. Начинаем, как положено, с младшего. Владислав...

Владика было очень страшно, чего уж там. Но страшно было и показать себя полным трусом.

— Это самое... — сказал он почти как Гоша. — Если абордаж, когда борт к борту, стрелять из пулемета они не смогут. А в рукопашной есть надежда...

— Ясно, — хмыкнул Владыкин отец. — Максим...

— По-моему, Владик прав, — довольно хладнокровно отозвался тот. — Погибать так с музыкой. Только вот среди нас девочка...

— Сам ты девочка! То есть ну и что такого? Ты не знаешь, как я умею кусаться и царапаться!

— К счастью, не знаю, — вежливо согласился Максим. — И не хотел бы.

— Они перестреляют нас и без пулемета, — нарушив очередность, вмешался капитан Ставридкин. — А у нас никакого оружия.

— А пистолет! — подскочил Владик. — Охохито! У тебя же большущий запас пороха!

— Да толку-то! — горестно воскликнул Охохито. — После каждого выстрела этот экспонат надо заряжать две минуты!

— Послушайте! Но ведь порохом можно зарядить пушку! — осенило Максима.

Охохито радостно хлопнул себя ладонью по лбу:

— Мучачо, ты гений! Залп картечи из моей карронады сметет с палубы всю эту пиратскую шушеру!

— Да картечь-то где? — охладил вдохновенного стрелка Степан Данилыч.

— Ох... — бедный Охохито опять огрел себя по лбу. — А если собирать всяких гаек и железок?

— Яхта новая, на ней нет мусора, — сумрачно напомнил капитан.

— Пойдите, я вспомнила! Я читала! В той книжке, про Ботончито! Кажется, там стреляли вместо картечи пуговицами!

— Ура! — гаркнули Охохито, Жора и даже Макарони (который был суверен, но не был трусом).

Но дядюшка Юферс простонал:

— Это же коллекция! Вся наша надежда!

— Вот именно надежда! На спасение! — по-капитански решил Степан Данилыч Ставридкин. — Охохито, назначаю тебя начальником корабельной артиллерии! Орудие к бою!..

Охохито помчался в кубрик и тут же вернулся с жестяной коробкой: в ней был пороховой запас. Все встали вокруг карронады — так, чтобы враг не разглядел боевых приготовлений. «Начальник корабельной артиллерии» горстями отправил порох в оружейный ствол. Гоша притащил тяжеленный портфель, поставил на палубу, толкнул в

ствол вместо пыжа свой колпак и начал (тоже горстями) сваливать пуговицы в пушечное жерло. Владик, Максим и Ника помогли ему. Владик при этом, оборачиваясь, утешал дядюшку Юферса:

— Дядя Юферс, вы не горюйте. Ведь тетрадка-то осталась. Для книги она самая главная. И горсточку пуговиц можете оставить на память...

— Ох, да что там горсточка вместо такой коллекции... Ладно уж, чего там...

Владик сдернул футболку и засунул ее в ствол вместо верхнего пыжа...

А что в это время делалось на катере?

Несчастный Поганель, вплавь добравшийся до катера, все еще жевал сухарь и продолжал жаловаться на судьбу. Но пираты были не в восторге от его шпионской деятельности. В конце концов капитан Драгенногер дал ему пинка и велел встать к штурвалу, а прежнему рулевому приказал:

— Займись нашей автоматической пушкой. Как только мы получим с яхты груз, тут же надо будет пустить это корыто вместе с экипажем на дно, чтобы никаких следов...

— Есть, господин капитан!

— А ты, дубина, не зевай на руле! — крикнул Драгенногер Поганелю. — Сейчас будем догонять этих дохлых крабов, чтобы получить добычу. Только осторожнее, скалы впереди. Зацепишь камни — останешься на них навеки!

Оба судна как раз приближались к островку, перед которым торчали несколько острых камней.

— Никак нет, не зацеплю, господин капитан! — преданно проорал Поганель, ошастливленный таким доверием.

Однако догонять яхту не пришлось. «Кречет» сделал поворот фордевинд и сам пошел навстречу катеру. Сближались они очень быстро.

— Эй, вы чего! — заорал в рупор Драгенногер. — Вы сдаетесь?! Или чего?!

Капитан Ставридкин, сделав рупором ладони, прокричал в ответ:

— Вы хотели получить нашу находку? Сейчас получите! Мы зайдем с кормы!

— Эй, в машине! — обрадованно заголосил Драгенногер. — Сбавьте ход, эти гнилые тюлени сейчас подгребут сзади!

Но «Кречет» не стал подходить с кормы. Проскочив мимо катера (почти вплотную), он привелся к ветру и погасил скорость.

Шла небольшая пологая волна, яхту плавно качало.

— Тысяча морских чертей! Они завесили кормовые релинги пробковыми матами! — громко пожаловался Охохито. — Видать, на всякий случай...

— Бери выше, — посоветовал Жора. — Клянусь дедушкой, будет в самый раз, если дождешься, когда они окажутся носом на волне...

— Вот я и жду... — выговорил Охохито, разворачивая орудие. И помахал пальцами над плечом.

Максим сунул ему в пальцы палку, на которой дымился тлеющий тряпичный шиш.

— Вот я и жду... — повторил Охохито с непривычной для него, прямо скажем, кровожадной ноткой. — Дети, не смотрите на это безобразие...

Но дети смотрели, только Ника зажала уши.

— Сейчас, сейчас, мучачос... — проговорил Охохито, выжидая, когда волна поставит катер в нужную для выстрела позицию...

— А-пчхи! — раздалось у штурвала. Это дым от-запального тампона долетел до Макарони. Охохито вздрогнул, тлеющая тряпка коснулась казенной части орудия. «Бабах!» — обрадованно рывкнула карронада. На полсекунды раньше нужного срока.

Было видно, как пуговицы-картечины в клочья разнесли на корме катера пробковый мат.

— А-а! — Охохито в отчаянии схватился за голову и сел на палубу. — Подлый Макарони, вермишель протухшая! Из-за тебя весь заряд попал мимо!

Все были ошарашены, озадачены и, кажется, не понимали, что будет дальше... Но нет, не все. Зоркий старпом Жора Сидоропуло сохранил спокойствие.

— Так и если приглядеться, то не весь, — известил он. — Кое-что все же попало куда надо...

В самом деле! Вечный неудачник Поганель уже не держал штурвал. Он прижимал растопыренные пальцы к штанам, голосил и приплясывал. Единственная не попавшая в мат пуля угодила бедняге ниже поясицы.

Скорость у катера хотя и была сбавлена, однако оставалась приличной. Лишенный управления, катер помчался напрямиком на скалы, о которых предупреждал Поганеля его капитан.

Трах! Треск, скрежет... Часть пиратов полетела с носа на камни, остальные — на палубу.

Дело решали секунды. И капитан Ставридкин принял героическое решение.

— Макарони, под ветер! Возьми скорость — и в транец этим негодяям!

Макарони, хотя порой и чихал не вовремя (а может, как раз вовремя!), был хороший рулевой. Яхта шевельнула носом, паруса взяли ветер. Набирая ход, «Кречет» по дуге пошел к катеру с вопящими от страха и ушибов пиратами и врезался ему в корму.

Гоша, поплевав на ладони, сорвал со станка горячий от выстрела ствол карронады и, вращая им, как дубиной, первым бросился на вражескую палубу. Остальные за ним.

— Мальчишки, сидеть на месте! — рывкнул на Владика и Максима (и на Нику) капитан Ставридкин.

Ага, будут они сидеть!

Все трое метнулись на катер вместе со взрослыми. Причем Владик ухитрился выдернуть из-за пояса Охохито

пистолет. Правда, незаряженный, но можно работать как палицей...

Здесь опять стоит пожалеть, что не было оператора с камерой. Какие сцены он мог бы сохранить для потомства! Как Гоша крушит карронадой сообщников Драгенногера. Как Ника оседлала плюгавого сигнальщика и откручивает ему уши (а он орет «спасите, убивают!»). Как Охохито, Макарони, Жора и даже дядюшка Юферс пинками отправляют через поручни в воду тех, кто избежал Гошиных ударов. Как Максим хладнокровно добавляет пинков тем, кто случайно задержался на борту и не сразу полетел с катера... Но самой кинематографичной сценой был бы, без сомнения, бой на кривых пиратских ятаганах. Капитан Ставридкин сражался подхваченным с палубы клинком с самим Драгенногером. Оба дрались профессионально. Можно сказать, даже с некоторым удовольствием. Оба светски улыбались.

— Сударь, вы неплохо владеете некоторыми приемами, — говорил капитан Ставридкин между выпадами и защитами. — Но должен заметить... что ваша техника слегка устарела... А я, между прочим... был чемпионом города по спортивной сабле... У меня первый разряд...

— А я, сударь... — столь же учтиво отвечал пират Драгенногер (дзынь! звяк! атака!), — учился у известного мастера абордажного дела сеньора Хосе Филиппе Куркареса. И мои устаревшие приемы позволят мне сейчас без лишнего труда снести вам голову. — (Замах, удар, защита, контратака! Дзынь-нь, бряк!)

Владик понимал, что папа едва ли позволит Драгенногеру снести ему голову. Но он не хотел никакого риска. Пробравшись среди дерущихся на четвереньках, он оказался между отцом и пиратским капитаном, выбрал момент и с размаха врезал рукоятью пистолета по носку блестящего сапога!

— А-а! Больно! — взревел храбрый джентльмен удачи.

Бросил ятаган и завертелся на левой ноге, а пострадавшую правую судорожно сжал двумя ладонями.

Владик выпрямился и приставил к животу Драгенногера длинный ствол.

— Руки вверх! Или я спущу курок!

Драгенногер не знал, что пистолет не заряжен. Стоя на одной ноге, он вскинул руки над головой:

— Не надо! Я сдаюсь!

— И велите сдать остальных! Считаю до двух! Раз!..

— Ай!.. Всем отбой! Спустите флаг, мы сдаемся!

Но спускать флаг и сдаваться было уже некому. Одни пираты бултыхались в воде и перепуганно выбирались на камни, другие с хныканьем корчились на палубе...

Здесь оператор медленно закрыл бы диафрагму объектива, чтобы на экране наступило затемнение и случился бы плавный переход к следующей сцене.

Следующая сцена была такова. Изрядно побитые и полностью покоровившиеся судьбе пираты со связанными руками сидели на покосившейся палубе искалеченного катера. На них падала тень рубки с искореженным пулеметом. Поодаль стояли уставшие победители. Потирали ссадины и поглядывали на пленников.

— Это надо же представить таких идиотов, — рассуждал старпом Жора. — Все портовые грузчики, старые рыбаки и приморские мальчишки от Мариуполя до Гибралтора будут надирать животы от смеха, когда услышат, что эти проходимцы решили вступить в драку со славным экипажем капитана Ставридкина и его помощника Жоры Сидоропуло. Они хотели иметь у себя пуговики честного капитана Румба! Клянусь дедушкой Анастасом и добрейшей бабой Ксаной, они их получили!...

Владик шепнул старому боцману, который все еще отдувался после схватки:

— Дядя Юферс, а ведь пуговицы-то почти все застряли

в пробковом мате на корме. Мы их выковыряем, начистим, и коллекция будет как новенькая. Ага?

Дядюшка Юферс благодарно обнял отважного юнгу...

Пиратский капитан Драгенногер чесал левым каблук носок правого сапога (поскольку руки были связаны) и канючил:

— Это нечестно. Если бы я знал, что пистолет не заряжен, я бы не сдался. Мальчик нарушил международные правила ведения войны, он поступил неблагородно...

— А нападать на мирный парусник благородно? — сказал капитан Ставридкин. — А заниматься работоторговлей? А воевать с ребяташками?

— Скажите спасибо, что вы попали в руки к нам, а не к капитану Румбу, — вмешался Максим. — Он таких типов сразу вешал на рее!

— Да, — подтвердил Степан Данилыч. — А вами займется морской трибунал. Но сначала, до трибунала еще, мы с вами выясним кое-какие вопросы...

— Да! — громко сказала Ника. Она взяла у Владика пистолет и направила на Драгенногера. — Имейте в виду, теперь он заряжен! Отвечайте немедленно: где мой папа?

— Какой папа? Не знаю я никакого папы, никакой мамы. Что вы все ко мне пристали... — захныкал пуще прежнего Драгенногер. — Я ранен. Лучше отпустите нас домой, мы больше не будем...

— Ни в коем случае не отпускайте! — вмешался Макарони. — Это дурная примета!

— Где мой папа?! — с яростными слезинками в голосе повторила Ника. — Профессор Верхотуров, которого вы захватили в лагере археологов! Ну?! Считаю до двух!.. Раз! Дв...

— Ай! Да подожди ты! Чего сразу же «раз»? Я должен вспомнить... Ну да... Ну сидит у нас в трюме какой-то археолог, или кто он там... Мы хотели высадить его на берег и отпустить без всякого выкупа...

Жора и Охохито разом кинулись к трапу. Ника бросилась за ними. Капитан Ставридкин удержал ее за плечо:

— Подожди, девочка...

Через две минуты на трапе показались трое. Жора и Охохито поддерживали седого изможденного человека в перекошенных очках. Он беспомощно шурился на солнце.

— Папа! — Ника метнулась к пленнику, обхватила его...

Они сидели на корме катера вдвоем, никто не мешал беседе отца и дочери. Впрочем, сперва беседы не было, Ника только всхлипывала, а профессор Верхотуров гладил ее по волосам.

Наконец Ника слегка успокоилась. Всплинула еще раз и спросила:

— Они сильно тебя мучили?

— Да не сильно... Драгенногер этот иногда пытался даже вести научные беседы. Хотел показать, что он, мол, тоже культурный человек... Голодно только было...

— А почему они тут же не потребовали выкуп? Обычно, если кого похищают, сразу пишут письмо: гоните денежки...

— Да они писали. По-моему, даже не раз...

— Кому писали?!

— Ну... маме твоей...

— Она ничего не получала!

— М-м... судя по всему, получала...

— Как?! А почему тогда...

— Все не так просто... Она ответила, что не может внести нужную сумму в связи со сложными экономическими обстоятельствами...

— М-м... — Ника зажмурилась и стиснула кулаки.

— Верунчик, девочка моя... ты не должна сердиться на маму. Ничего не говори ей, не упрекай... Главное, что все кончилось хорошо.

— Я ни в чем не буду ее упрекать, — сказала Ника, гля-

для перед собой. — Никогда. Потому что никогда к ней не вернусь. Я всегда буду жить с тобой... — И она опять обхватила отца, уткнулась ему в грудь лицом...

Оставим пока отца и дочь наедине, вернемся к победителям и пленным пиратам.

Владик и Максим перетасили издырявленный мат на яхту и там, на носовой палубе, потрошили его кривыми боцманскими ножами, извлекая закопченные пуговицы. Снова складывали их в портфель.

— Ох и работы будет чистить это сокровище, — бормотал Максим. Пальцы и щеки его были в саже.

— Зато почти все пуговицы в сохранности! — жизнерадостно отвечал не менее перемазанный Владик.

...На катере Охохито и Макарони перекачивали в канистры трофейный бензин. Дядюшка Юферс что-то строчил в записной книжке — наверно, дневниковую запись о недавних событиях (ох, какой эпизод для будущей книги!). Капитан Ставридкин внашл хнычущим пиратам:

— Весьма сожалею, господа, но вам придется посидеть здесь до прибытия морской полиции. Пресную воду и сухари мы, так и быть, вам оставим. А бензин заберем. Вы сами виноваты...

— Все равно на этой пробитой лоханке они далеко не уплыли бы, клянусь дедушкой, — вставил Жора.

Из-за рубки донесся жалобный вопль.

— Что там такое? — оживился Жора. — Это похоже на стенания моего приятеля детства Гриши Тыквогонова, когда бабушка вытаскивала у него из мягкого места занозы, полученные на заборе в чужом саду...

— Это не занозы, — подал голос дядюшка Юферс. — Это Гоша вытаскивает из того самого места у Поганеля пулю... то есть пуговицу.

Гоша — главный герой недавней битвы — теперь сменил роль бойца на профессию умелого лекаря. Если бы оператор (о котором мы думали уже не раз) решил снять

эту сцену, он смущенно отвел бы объектив в сторону. (А прибежавший на крики Владик объектив своего «Зенита» не отвел! Он очень жалел, что не снял фоторепортаж о схватке — до того ли было! — и сейчас наверстывал упущенное, снимал пленников, Гошу с карронадой, покореженный пулемет на рубке и многое другое.) Несчастный Поганель лежал на палубе ничком со спущенными штанами, а Гоша длинным пинцетом осторожно копался в ранке.

— А-а! Не на-адо! — подвывал несчастный Вова Свистогонов.

Из люка высунул голову Макарони (Владик «щелкнул» и его).

— Гоша! Правда не надо! Оставь пуговицу, где она есть! Она ведь наверняка с камзола Джугги Ройбера (тьфу-тьфу-тьфу!). Именно проклятые пуговицы попадают в такие вот места! И пусть она там остается, чтобы у нас не было новых несчастий!

Капитан Ставридкин оглянулся.

— Мне кажется, на этот раз матрос Вермишелкин прав...

— Да, клянусь памятью дедушки, иногда он высказывает дельные мысли, — согласился старпом.

— Жалко такой экспонат, — вздохнул дядюшка Юферс. — Ну да ладно уж, хватит нам несчастий...

— Тогда я просто помажу рану йодом, — с облегчением решил Гоша.

— Не надо йодом... Ой! А-а-а!

— Гоша, скажите этому болвану, чтобы вел себя как мужчина, — поморщился капитан Ставридкин. — И дайте ему поток рома, пусть облегчит страдания...

— Ай! Не надо! То есть... что? Глоток? Надо...

Владик опять вернулся на яхтенный полубак и стал вместе с Максимом снова возиться с закопченной коллекцией.

— Дядюшка Юферс прав, жаль знаменитую пуговицу, — заметил Максим.

— Да, — согласился Владик. — Ну, ничего. Вон тут сколько еще всяких. Наверно, тоже есть знаменитые... Смотри, какая красивая... — Он, отложив аппарат, протирал большую пуговицу почерневшим носовым платком и теперь протянул ее Максиму.

— Кажется, с Востока, — заметил Максим. На пуговице был различим выпуклый якорь, окруженный арабской вязью. — Ну-ка, почисти еще...

Владик почистил еще. И пожаловался:

— Я уже взмок тут, на солнцепеке. Пошли на корму, там ветерок обдувает...

— Там Ника с папой...

Владик привстал, глянул поперек крыши кубрика.

— Их уже нет...

В самом деле, Ника помогла отцу спуститься в кубрик, чтобы он мог отдохнуть на койке. Принесла ему стакан с соком...

Максим и Владик устроились в кокпите.

— Знаешь, Владька, а я во время abordaja не успел испугаться. Только теперь иногда мурашки по коже... После времени, — честно сказал Максим.

— Ага! И я тоже! Будто это не со мной, а с кем-то другим, в кино!.. А теперь как вспомнишь, дрожь такая. И коленные чашечки прыгают. Вот...

Максим сочувственно посмотрел, как прыгают «чашечки» Владика.

У выхода из кубрика появилась Ника. Она, кажется, слышала конец разговора. Подошла, села на корточки, сказала очень серьезно.

— Мальчики, вы герои...

— Да? — оживился Максим. И посмотрел на Владика.

— Да? — понимающе сказал тот.

— Честное слово...

Тогда они вытянули шеи и выжидательно зажмурились.

— Дурни какие... — притворилась она сердитой. Но все же обоих чмокнула в щеку...

Пиратов с пробитым, лишенным оружия и горючего катером оставили на камнях — пусть позагорают до прибытия морской охраны.

«Креchet» под парусами и двигателем (на трофейном бензине) опять заспешил к Византийску.

Никин папа со счастливой улыбкой спал в кубрике (остальные старались не шуметь). Макарони, довольный тем, что зловещая пуговица осталась там, стоял у штурвала. Мальчишки и Ника чистили пуговицы — уже не платками, а суконками, которые выдал старпом Жора. Они любовались каждой и гадали, какая с какого мундира.

Владик продолжал надраивать пуговицу с отчеканенной арабской вязью: очень уж много копоти застряло в медных завитках.

— Никак не отскребу. Наверно, она такая же вредная, как та, у Поганеля...

Речь его прервал короткий свист, словно из большого чайника вырвался пар. Но это был не пар, а круглый зеленый дым.

Тугим ударом воздуха ребят разнесло по сторонам.

— Мама! — громко сказала Ника (хотя в ее положении логичнее было бы сказать «папа!»).

Конечно, это была не мама (и даже не папа). Перед ребятами возникло странное существо: этакий шар диаметром в полметра — с глазами, ртом и тонкими ножками (были и руки, но их разглядели позже). Нижнюю часть шара обтягивала полосатая ткань, переходящая в узкие брючки. Верхняя часть представляла собой румяное и слегка капризное лицо со вздернутым носом. По сторонам торчали розовые мясистые уши. Увенчан шар был старин-

ным черным цилиндром, который непонятно как держался на круглой макушке.

Рукой в белой перчатке шар приподнял цилиндр и очередно посмотрел на ребят круглыми коричневыми глазами.

— Добрый день, — сказал он тонко и слегка скрипуче. — Позвольте представиться. Джон Кукунда, эсквайр...

Наверно, после всех потрясений у мальчишек и у Ники притупилась способность удивляться. И они если и удивились, то не очень. По крайней мере, Максим спросил не «кто вы и откуда», а совсем другое:

— Кажется, эсквайр — это английский дворянский титул?

— Ну... — слегка смутился Джон Кукунда. — Это я так, для представительства. Думаю, что я заслужил право на дворянство за несколько тысяч лет своей работы.

— Вы... такой долгожитель? — недоверчиво спросила Ника (потом она признавалась, что думала, будто все это сон).

— Естественно! Поскольку я не примитивное человеческое существо, а джинн первой степени! — отвечивал шар с ноткой самодовольства.

— А! Это вроде как Хоттабыч! — осенило Владика.

Джон Кукунда (джинн и эсквайр!) поджал губки.

— Мне известна книжка про этого не очень-то сообразительного старика, хотя и непонятно, почему она столь популярна. Но я не придуманный, а настоящий джинн. И прошу вас в дальнейшем учитывать это обстоятельство.

— Мы... это самое... будем учитывать, — пообещал Владик почему-то голосом Гоши. — Простите, а откуда вы тут взялись?

Вмешался Максим. Голосом Хоттабыча из старого фильма он разъяснил:

— Ты мог бы проявить побольше догадливости, о пылливый отрок! Разумеется, господин Ккун... Кукунда возник из пуговицы в твоих руках. Известно, что джинны часто

обитают в пустотелых медных предметах и появляются перед людьми, когда те потрут оный предмет суконкой...

— Мальчик прав, он, видимо, образованнее остальных, — снисходительно согласился Джон Кукунда. — Еще в древние времена у некоторых владык появился не очень-то гуманный обычай заключать джиннов в медные кувшины, лампы и прочие пустые емкости. Не избегнул этой участи и я. Сначала меня упрятали в бронзовую шар на шпиле дворца одного мелкого князька, и в нем я провел несколько столетий. Нельзя сказать, что было там плохо, только солнце отчаянно раскаляло шар, и приходилось тратить массу энергии для рефрижераторного эффекта... А потом я попал в эту пуговицу. Теснота в ней ужасная... Сначала пуговица принадлежала знаменитому алжирскому пирату Барбароссе, потом неоднократно меняла хозяев и наконец оказалась на мундире неудачливого турецкого капудан-паши. Все эти капуданы и адмиралы были крайне бестолковы: никто ни разу не догадался потереть пуговицу сукном. Я выбрался бы наружу и мог решительным образом изменить ход морских сражений. А вместо этого сидел в тесноте без дела...

— Значит, вы в самом деле умеете творить чудеса?! — подскочил Владик.

— Станный вопрос, — опять обиделся Джон Кукунда. — Я джинн, а не подметальщик городских площадей! И, кстати, мое настоящее имя — Иекокконан Кокандибн-Даххар. А Джон Кукунда — это так, для простоты...

— Можно мы будем звать вас как прежде? — слегка кокетливо спросила Ника. — Мы уже немножко привыкли.

— Можно, — слегка поклонился на тонких ножках джинн. — Однако хочу сразу предупредить, чтобы вы это... как сейчас принято говорить... не *раскатывали губу*.

— Что вы имеете в виду, господин Кукунда? — сухо вато поинтересовался Максим.

— А вот что! Те, кто сочинял сказки «Тысяча и одна ночь», придумали, будто джинн, которого кто-то освободит,

дил, становится вечным рабом этого человека. Ничего подобного, господи! Джинн после освобождения обязан выполнить лишь одно желание. После этого он исчезает с глаз, потому что перемещается в другое пространство. Вот так... Поэтому давайте ваше желание — и всего хорошего! Причем желание не должно быть чрезмерным. Прекращать войны и строить межпланетные корабли я не умею...

— Тогда надо подумать, — рассудительно заметил Максим. — Это ведь раз в жизни выпадает такой шанс...

— Думайте скорее. Не хочу, чтобы меня здесь заметил кто-нибудь, кроме вас. Не люблю сенсаций...

Пока что шарообразного джинна никто, кроме ребят, не видел. Макароны не отрывал глаз от компаса, а больше взрослых поблизости не было.

Ребята запереглядывались. У каждого была, конечно, куча желаний, но ведь надо было выбрать самое важное. И полезное для всех!

В это время донеслась из кубрика команда капитана:

— Эй, юнги! Сворачивайте работу, пора обедать! Скоро Византийск. Там вам обещаю увольнение на берег!

— Вот видите! Давайте скорее, — занервничал Кукунда.

— Но мы не можем так сразу! — взмолился Владик. — Надо же обсудить!.. Вы не могли бы еще немножко посидеть в пуговице? А после обеда мы все решим!

— Ну уж дудки! — возмутился джинн. — Чтобы я по доброй воле полез опять в эту теснотищу? Увольте...

— Но тогда мы можем вас на время спрятать! — нашла выход Ника. — Вот, прикроем здесь брезентом. Получится будто запасной бочонок...

— Мерси за сравнение, — проворчал Кукунда.

— Простите, я не хотела...

— Хорошо, накрывайте... Но только ненадолго...

Профессор археологии Илья Ильич Верхотуров уже оправился (или почти оправился) от потрясений, приключений и горестей неволи. Встреча с дочерью оказалась

прекрасным лекарством. Переодетый в новые брюки и рубашку капитана, побритый и пахнувший одеколоном, он сидел за столом, и можно было подумать, что это один из членов экипажа.

Историю сокровища он выслушал с величайшим интересом и теперь развивал свои планы.

— Владик прав! находка должна вызвать немалый интерес у историков и археологов. Да-да! Немалый!... Я не преувеличиваю. Директор морского музея в Византийске мой давний знакомый, и, если мне будет позволено, я продемонстрирую ему коллекцию. Мне кажется, он должен вцепиться в нее обеими руками...

Все слушали с радостной надеждой, только капитан Ставридкин скептически покачивал головой. Впрочем, сейчас у него были другие заботы: «Креchet» опаздывал, его владелец господин Бамбинус мог устроить скандал.

Не дождавшись конца обеда, капитан поспешил наверх. Яхта приближалась к причалам Византийска, пришло время командовать швартовкой...

Теперь было не до того, чтобы загадывать желание.

Ребята заглянули под брезент, и Ника вежливо сказала:

— Вы видите, господин Кукунда, какая суета. Мы просто не в состоянии сосредоточиться. Может быть, вы согласитесь немного подождать?

— Я уже говорил: в пуговицу больше не полез! — строптиво заявил джинн.

— А может быть, вы умеете превращаться в невидимку? — осенило Максима.

— В кого угодно, только не в невидимку, — буркнул Кукунда. — У меня не было времени обучаться такой ерунде...

— Ну... а в кого угодно, значит, можете? — недоверчиво спросил Владик.

— Разумеется! Только ненадолго... Ага! Вы захотите,

чтобы я превратился в пуделя, и будете водить меня на цепочке! Да?

— Что вы! — испугался Владик. — Я просто подумал...

— Интересно, что ты подумал? Глупость какую-нибудь! Чтобы я обернулся птичкой и чирикал на мачте, пока вы наконец не сообщите мне свою фантазию?

— Нет, что вы, господин Кукунда! — снова испугался Владик. — Я... это самое... Может быть, вы на время превратитесь в такого же, как мы? То есть в одного из нас... Мы бы погуляли по Византийску и не спеша обсудили наше желание.

— Дельная мысль, — заметил Максим.

— Дурацкая мысль! — отрезал Кукунда.

— Но почему? — Ника ласково улыбнулась джинну. — Это, наверно, даже интересно. Отчего бы вам, господин Кукунда, не вспомнить детство? Вы ведь, наверно, тыщу лет не были мальчиком?

— Что за бред! Я никогда не был мальчиком! Я появился на свет из нефритового яйца в пустыне Джум-Каррайя сразу во взрослом виде! У джиннов не бывает детства, этого еще не хватало!...

— Ну, тем более. — Ника улыбнулась еще обаятельнее. — Почему бы вам не попробовать? Честное слово, это совсем неплохо...

— А иногда просто замечательно! — Владик попрыгал на палубе, словно демонстрируя джинну, как прекрасно быть мальчишкой.

— В конце концов, джиннам полезно знать все на свете. В том числе и ощущения детства, — заметил Максим.

— Будет он советовать, что полезно джиннам, — ворчливоотреагировал Кукунда. — Впрочем... хм... Хы! Ладно, прикройте меня от посторонних глаз...

Владик, Ника и Максим вскинули на вытянутых руках брезент, словно стряхивали с него пыль. Кукунда потоптался своими лаковыми башмачками, приподнялся на цыпочки, надулся пуще прежнего и... лопнул с негромким

хлопком и зеленым дымом. Дым тут же исчез, и перед ребятами возник смуглый мальчишка ростом с Владика. Но... совершенно не здешний — в пестром шелковом халате, белой чалме и сафьяновых туфлях с загнутыми носами.

— Ты что, спятил? — тихо взвыл Максим.

— А чего такого? — чисто по-мальчишечьи огрызнулся преобразившийся Кукунда. Он, видимо, не заметил Максимовой непочтительности.

— На вас... на тебя будут глядеть, как на заморское чудо, — объяснила Ника. — Нужна одежда вроде нашей.

— Мы же не в древнем Багдаде, — добавил Владик.

— А-а... — Мальчик покивал чалмой, оглядел троих друзей и шелкнул пальцами. Сразу на нем оказались зеленые, как у Максима, шорты, желтая, как у Ники, футболка, плетеные, как у Владика, сандалии, желто-красная (как ни у кого) бейсболка. И очки! Похожие на Владькины.

Глаза за стеклами очков были продолговатые и темно-карие. Из-под бейсболки торчали темно-рыжие кудряшки.

— Ну как? — пряча смущение, спросил мальчик Кукунда.

— Нормально. Только очки-то зачем? — сказал Максим.

— А ему зачем? — Кукунда посмотрел на Владика.

— Мне — чтобы хрусталик выправлять, — объяснил тот.

— А мне для красоты, — заявил мальчишка с капризной ноткой.

— Ну и чудесно! — вмешалась Ника. — Только... знаете что? Можно, пока вы такой, мы будем говорить вам «ты» и называть «Джонни»? Чтобы никто не догадался, что вы не мальчик?

— Фиг с вами, — кивнул Джонни Кукунда. Видимо, в нем уже проросли мальчишечьи черты характера.

Яхта между тем ошвартовалась у пирса.

Было слышно, как взрослые у трапа толкуют о своих планах.

— Мы с Жорой сейчас бегом движемся в «Зеленый лев» (чтобы он посинел!), — слегка суетливо распоряжался капитан Ставридкин. — Илья Ильич в музей, Гоша тоже, больше некому тащить такой тяжеленный портфель. Охотито с ними — для охраны, на всякий случай. Макароны должен остаться на вахте. Ребят хорошо бы отправить на прогулку. Но с кем? У дядюшки Юферса схватило поясну. Оно немудрено после всех таких дел...

— Мы одни погуляем! — закричал Владик из кокпита. — Маленькие, что ли!

— В самом деле, Данилыч, пусть гуляют, — поддержал его Жора. — Клянусь дедушкой, они доказали свою самостоятельность.

— Только недалеко и недолго, — согласился отец Владика.

— Слышите, вы, юное племя? Капитан сказал: недалеко и недолго! — транслировал старпом это разрешение ребятам. И, решив убедиться, что его поняли правильно, сам двинулся на корму.

— Прячесь, — шепнула Кукунде Ника. Но было поздно. Жора уже стоял на краю кокпита. И обалдело моргал, пересчитывая глазами разноцветные бейсболки.

— Клянусь памятью дедушки Анастаса и добрейшей бабы Ксаны, у меня после всех свистоплясок четверится в глазах...

10. СЧАСТЛИВЫЙ ВИЛЕТ

В офисе фирмы «Зеленый лев» кипел скандал.

— Вы опоздали на час и сорок четыре минуты! — кричал, багровея громадным носом, похожий на пожилого турка хозяин. — Что за люди! Вах! Я не понимаю. Они опаздывают на такой срок, а потом приносят бумаги и требуют подписать их! Будто все в порядке!

— Я устал вам объяснять, господин Бамбинус, — сохраняя остатки сдержанности, говорил капитан Ставридкин и незаметно стискивал кулаки. — В море всегда могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. От штормовой погоды до нападения пиратов. Это форсмажор, господин Бамбинус. Форсмажорные обстоятельства учитываются международным правом, и вы не можете не считать с этим.

— Что мне ваше международное право, господин... э... Селедкин! Я сам диктую свои права, на это у меня есть хорошо оплачиваемые юристы! Оч-чень хорошо оплачиваемые! И они в суде объяснят вам все как надо, если у вас хватит недомыслия обращаться в суд! Вах, международное право! У нас был контракт! В контракте ни слова про штормы! А что касается пиратов, то это совсем уже ваша проблема!

— Клянусь дедушкой и бабушкой, мы ее решили! — закипая, вмешался старпом Жора Сидоропуло. — И, когда меня спросят, что делать теперь, то я скажу: проблему с вами мы решим тем же способом, если вы...

— Спокойно, Жора, — попросил капитан Ставридкин. — Господин Бамбинус, давайте же рассуждать здраво. Час и сорок четыре минуты, как вы изволили подсчитать, смехотворный срок, он ничего не решает. Мы доставили вам яхту в целости и сохранности, преодолев немало трудностей...

— Вах, они мне доставили яхту! Зачем она мне теперь! Полчаса назад я купил другую! Завтра я отправляюсь на ней на Мальту, если только сегодня вы не доведете меня своими глупыми претензиями... до... сердечного приступа... — Господин Бамбинус часто задышал, поднял руку и защелкал пальцами. Подскочил гибкий секретарь, протянул хозяину похожую на сигарету капсулу. Тот вытряхнул из нее пилюлю, кинул в рот. Запрокинул голову. Секретарь поднес стакан. Вода забулькала в толстом горле

миллионера. Бамбинус прикрыл глаза и начал тихо постанывать.

Секретарь изогнулся в сторону капитана и Жоры.

— Господа, вы видите, шеф нездоров. Со всеми претензиями, если таковые имеются, обращайтесь, господа, к старшему юрисконсульту фирмы. Прощайте, господа. Прошу вас, господа... Ну, в самом деле, не вызывать же охрану...

Трое мальчиков и девочка шагали по пестрому приморскому городу. Было на что посмотреть. У причала морского вокзала стоял многоэтажный (ну просто целый город!) океанский лайнер. По трапам спускались на пристань пестрые ленты пассажиров. Играл оркестр, и его трубы сияли, как упавшие на землю осколки солнца.

— Это что? Встречают какого-то шейха? — с уважительной (и даже боязливой ноткой) спросил Джонни.

— Какого там шейха! Туристов встречают, — отмахнулся Максим. — Сервис и бизнес...

— Джонни, хочешь мороженого?! — спросила, перекивая оркестр, Ника.

— Конечно, хочу! Я его любил еще четыре тыщи лет назад! Пуще всего на свете! — так же громко возрадовался Джонни.

Люди на причале заглядывались — какой забавный мальчишка!

Ника купила мороженое всем.

От морского вокзала Ника, Владик, Максим и Джонни вышли на широкий бульвар. Здесь работал удивительный разноцветный тир. В нем стреляли из луков. Всем, кто покупал билетки, рыжий хохочущий клоун вручал стрелу и лук с резиновой тетивой. Надо было попасть в пирамиду из желтых и красных кубиков или в прыгающий на воздушной струе шар. И тем, кто попал, и тем, кто промазал, клоун радостно вручал призы — воздушные шарики с картинками.

Нашим друзьям не очень-то повезло: в цель попал только Максим — кубики с треском разлетелись по сторонам. Остальные стрелки после промахов шумно сопели (и Джонни — совсем как мальчишка).

— Не думаю, что Охохито похвалил бы нас, — сокрушенно сказал Владик.

— Да уж... — отозвалась Ника. Без большого, впрочем, огорчения.

Шарики-призы, врученные клоуном, утешили всех.

— Смотрите, у меня верблюд! — радовался Джонни, у которого на шарике желтел веселый верблюжонок. — Совсем как в пустыне Джум-Карайя...

— Не упусти, — предупредил Максим. — Ну вот! Я же говорил!

Мальчик Джонни Кукунда смотрел на улетающий шарик с приоткрытым, как у огорченного первоклассника, ртом.

— Ты разве не можешь вернуть его своим колдовством? — спросил Владик.

— Не могу. У превращенных магов колдовская сила пропадает. Пока не превратятся обратно...

— Обратно пока не надо, — сказал Максим. — Здесь не место.

— Ему будет одиноко. Верблюжонку... — тихо сказал Джонни, подняв лицо.

— Не будет! Ребята, пускаем! — скомандовала Ника. Она, Максим и Владик разом выпустили нитки. Их шарики (с обезьяной, попугаем и кроликом) взмыли, помчались вверх, догоняя Джонниного верблюжонка. Джонни быстро посмотрел на каждого из ребят и смущенно зацарапал подошвой сандалии ракушечную плитку...

Капитан Ставридкин со скомканными бумагами в кулаке шагал понуро, быстро и сердито. Жора торопился чуть позади. Он чувствовал себя виноватым: втравил друзей в авантюру с перегоном, и теперь — полный крах.

— Слушай, Данилыч, а может, правда обратиться в морской арбитраж?

— А какой смысл? Мы ведь в самом деле нарушили контракт!

— Но обстоятельства...

— Эти обстоятельства будут рассматривать несколько лет, и мы подохнем с голоду...

— Но, клянусь дедушкой, не все еще потеряно! — горячился Жора. Главным образом, чтобы заглушить свою виноватость. — Ведь есть еще коллекция! Можно с ее помощью поправить финансовые дела...

— Жора, ну что за ахинею ты несешь, — поморщился Степан Данилович. — Портфель с медяшками. Кому нужны старые пуговицы? Это мальчишкам позволительно верить в сказки, да еще старому фантазеру Юферсу, он тоже как мальчишка. А мы-то не дети...

— Как сказал бы дедушка Анастас, «как языком ни мели, все равно на мели», — грустно признал поражение Жора..

— И еще на какой мели... «Кречета» придется по условиям контракта вернуть прежним владельцам, и к тому же они потребуют неустойку. А где у нас деньги на эту неустойку?..

— Клянусь дедушкой, нету... Данилыч, побей меня, может, станет легче...

— Ох и трепло ты, Жора, — вздохнул капитан.

В отличие от капитана и старпома, ребята не испытывали горестей и сомнений. Наоборот! Бульвар привел их к городскому парку, где мелькали, вертелись, разбрасывали обрывки музыки и яркие краски всякие аттракционы.

Все четверо оказались в открытом вагончике сказочной железной дороги. Вагончик под залихватскую мелодию нырял в туннели, взлетал на горки, описывал «мертвые петли», пронесся сквозь густые струи фонтанов. Ребята

хохотали. Джонни — не меньше остальных. Никто не узнал бы в нем надутого и недовольного жизнью джинна.

— Как на заливке у птицы Рух! — вскрикнул он, когда вагончик сделал очередной вираж. Выставил наружу тощие коричневые ноги, болтал ими и радостно верещал. Упругая струя сорвала с его ноги сандалию.

— Вай! Теперь не найти!

— Наплевать! Бросай и другую! — веселился Владик.

— А здешние обычаи позволяют мальчикам ходить по городу босиком?

— Позволяют! На то мы и мальчики! — Владик сдернул, швырнул «за борт» свои сандалеты. В знак солидарности!

— Тебе влетит от отца! — предупредил рассудительный Максим.

— Он не узнает! У меня есть запасные!

— У меня тоже! — вспомнил Максим. И радостно выкинул свои стоптанные башмаки.

— Тогда и я! — Ника потянулась к ноге.

— А тебе не надо! Ты же девочка! — крикнул сквозь дребезжание вагончика Владик.

— Ну и что! Никто не знает, что я девочка!

— Мы-то знаем! — возразил Максим. — К тому же у тебя нет запасных!

— Ладно уж...

У Джонни весело перекошились очки, продолговатые восточные глаза горели за стеклами от ликования.

Наконец вагончик остановился. Ребята спрыгнули на площадку.

— Фу, укачало даже, — чуть кокетливо пожаловалась Ника. — По-моему, требуется еще порция мороженого...

С мороженым в руках они выбрались из парка и оказались на улице со старинными зданиями. Одно из них — трехэтажное, с похожими на маяки башенками по углам — особенно бросалось в глаза. У высокого гранитного крыльца лежали тяжелые якоря. Над входом горели начищенной бронзой буквы литой вывески:

Музей истории флота,
корабельного дела
и морской археологии

— Ой! Это ведь тот *самый музей!* — обрадовалась Ника. — В который папа, Гоша и Охохито понесли коллекцию!

— Может, зайдем? — Владик нетерпеливо запританцовывал босыми ступнями.

— Босиком в музей все-таки неудобно, — рассудил Максим. — Это не по паркам и бульварам скакать...

— Но ведь интересно! — заспорила Ника. — Может, сейчас там как раз идут переговоры. Интересно, за какую сумму музей купит пуговицы?

— Думаете, купит? — сказал Максим. — Что-то опять у меня всякие сомнения. Боюсь, что будет новый «привет от Васи»...

— Обязательно купит. Папа говорил, он в таких делах понимает... Ой! — спохватилась Ника.

— Что? — подскочили Максим и Владик.

— А где *та* пуговица? Ну... из которой появился Джонни. Неужели в том портфеле?

— Да ты что! — возмутился Владик. — Здесь она! — И похлопал по карману. — Это же Джоннина собственность, нельзя ее в музей!

— На кой она мне! — возмутился в свою очередь Джонни. — Я в нее больше ни за что не полез!

Все смутились. Разом вспомнили, *кто такой* этот Джонни. Мальчишка-то всего на час-два! И кроме того... он почти что их пленник. *Пленник желания*...

— Ну так что? Будем заходить? — скованно спросила Ника.

— Не будем, — решил Владик. — Если Илья Ильич, Гоша и Охохито уже там, они нас от себя больше не отпустят. И мы не попадем на пляж.

— А что такое пляж? — радостно спросил Джонни.

— Место у моря. Там плавают и загорают! Знаешь, как здорово! — оживился Владик.

— Ой... Кажется, я не умею плавать, — смутился Джонни.

— А мы научим, — многозначительно пообещал Максим.

— Только, чур, не верещать, — предупредила Ника.

Взявшись за руки, они заспешили по ракушечному тротуару — в конце улицы синело море.

Едва ребята миновали музей, как у крыльца с якорями оказались Илья Ильич Верхотуров, Гоша с тяжеленным портфелем под мышкой и настороженно поглядывающий по сторонам Охохито.

— Директор музея замечательный человек, — объяснял Никин отец. — Я созвонился с ним, он ждет. Правда, я не сказал, с чем именно мы идем к нему, решил сделать сюрприз...

— Сюрприз — это, конечно, хорошо, да только будет ли директор в восторге? — заметил Охохито, словно в нем вдруг проснулась частичка опасливого Макарони. — Тем более что наши мучачос даже не успели вычистить все пуговицы...

— Директор умеет распознавать истинные ценности под слоем копоти и пыли, — утешил спутников Илья Ильич. — Впрочем, я понимаю: для сомнений, конечно, есть некоторые основания...

— В сомнениях бывает это... немалый поэтический смысл, — со своих позиций оценил ситуацию Гоша. — Вот послушайте... я... это самое, на ходу...

В сомнениях — тоже своя острота:
Они лишь сильнее обостряют надежду.
Недаром обшарили мы Три Кота
Средь скал — и внутри, и снаружи, и между
Гранитных теснин и заржавленных стен,
Где даже отважный от страха заплачет,
Но мы не дрожали в глухой тесноте...

Тут я еще... это самое... не совсем...

— И значит, нас всех ожидает удача! — подвел итог профессор Верхотуров, не потерявший оптимизма в пиратском плену. — Вперед!..

Дядюшка Юферс (охая и держась за поясицу) и Макарони собирали имущество, готовились покинуть яхту: ведь вот-вот она должна была уйти к новому владельцу.

— Значит, скоро домой, Витя, — говорил дядюшка Юферс, застегивая стоявший на крыше кубрика баул. — Небось соскучился по своим? А Шурик твой, наверно, ждет не дождется брата с велосипедом.

— Тьфу-тьфу-тьфу, дядя Юферс... — не верил в добрую судьбу Макарони. — Не надо загадывать. Еще неизвестно, как оно все обернется. Все-таки скребет у меня на душе из-за той проклятой пуговицы. Хотя она и не с нами теперь, а все равно боязно...

— Это уж ты чересчур, Витя. Опасаться, конечно, надо, но не так постоянно, как ты. Все будет, как задумано. Придут сейчас агенты по приемке, попрощаемся с яхтой, получим денежки и — в аэропорт... Надо только еще дожидаться результата с коллекцией. Глядишь, и там повезет...

Макарони, конечно, трижды сплюнул украдкой.

— Признаться, жаль мне расставаться с «Кречетом», — продолжал рассуждать дядюшка. — Славный кораблик. Напомнил мне мою боцманскую молодость.

— Неплохое судно. Руля слушается от любого шевеления штурвала, — осторожно согласился Макарони. — Я к нему тоже привязался... хотя и попадали мы на нем в перedelки... А! Смотрите! Вон идут капитан и Жора!

Степан Данилович и старпом шагнули с пирса на борт. Сразу можно было увидеть: нет на их лицах радости. Макарони втянул голову в плечи, а дядюшка Юферс все же не удержался от вопроса:

— Ну, как дела? Где они, агенты по приемке-то?

— Если я захочу сказать, где они, то придется назвать место, куда попала Поганелю та самая пуговица, — дал исчерпывающий ответ Жора Сидоропуло. Дядюшка и Макарони понимающе переглянулись. Стало ясно, что собираться в аэропорт не следует...

Несмотря на предупреждение Ники, Джонни верещал, когда его тянули в воду. Правда, он делал вид, что не боится, а просто дурачится, но упирался всерьез. К тому же он был в слишком широких полосатых (словно из восточного халата скроенных) трусах, которые съезжали — их приходилось поддерживать.

— Вот уж не думала, что джинны такие боязливые, — сказала Ника.

— Я ведь не морской джинн, а сухопутный! — заспорил Джонни. Как маленький мальчик, которого в чем-то упрекнули незаслуженно. — У меня не было времени на купанье-бултыханье...

— Ну так пользуйся случаем, учись, — посоветовал Максим.

— Ай!.. Я боюсь...

— Все сперва боятся, — объяснил Владик. — А ты привыкай. Сперва погрузись с головой...

— Ничего себе «с головой»! Вода нальется в уши!

— А ты их на первый раз заткни. И нос тоже. Вот так... — Владик отдал Нике очки, большими пальцами зажал уши, а мизинцами ноздри. И гнусаво продолжил: — Набери воздуха, зажмурься и — с головой в воду... Смотри! — Он присел, исчез под водой, выпустил пузыри. Выскочил на поверхность. — Понял, как надо?

— Ага... — Джонни тоже отдал Нике очки, повыше подпернул трусы, «закупорил» уши и нос, как Владик. Потом надул живот, присел с размаха и выскочил из-под воды через две секунды. — Ну как? Получилось у меня?

— На первый раз неплохо, — слегка покривил душой

Максим. — А теперь ложись животом на воду. Я буду тебя держать, а ты махай руками и ногами, чтобы не погружаться... Да не хватайся ты за трусы, не уплывут...

Джонни добросовестно молотил конечностями по воде. Но когда Максим пытался отпустить его, снова начал верещать.

— Подождите, я придумала! — воскликнула Ника. Выскочила на берег, пошарила в брошенной там одежде и с зажатыми в кулаке пятирублевыми монетками побежала к пляжному киоску. И скоро пошла обратно, надувая на ходу зеленый резиновый круг, с какими плавают малыши.

— Вот! Надевай! С ним не потонешь, даже если захочешь!

С кругом Джонни быстро обрел уверенность. Кувыр-кался в воде, плавал в размашку, подымал фонтаны брызг, дурачился и визжал от радости...

Наконец они выбрались из воды и упали животами на горячий песок. Джонни отфыркивался и шумно дышал.

— Кажется, мы тебя замучили, — виновато сказала Ника.

Джонни подскочил:

— Ни чуточки не замучили! Наоборот! Я и не знал, что это так здорово — быть мальчиком!

— Ну так оставайся таким навсегда! — простодушно посоветовал Владик. — Кто тебе мешает?

Радость Джона Кукунды поугасла.

— Я не имею права... У джиннов куча правил и запретов. Я должен сохранять волшебную силу, чтобы исполнить единственное желание тех, кто меня освободил...

— А когда исполнишь... что дальше? — осторожно спросила Ника.

— Дальше — пф-ф! Исчезну с ваших глаз и полечу в звездные пространства набираться новых сил. Такая у нас, у джиннов, судьба, что поделаешь... — Джонни старался говорить беззаботно, однако видно было, что ему сделалось невесело.

Ребята отвели от него глаза и стали смотреть в песок. Будто были виноваты...

— Пора обратно, — насупленно сказал Джонни. — Заклятие кончается. Вот превращусь тут в глобус с ножками, весь народ сбежится...

Когда они вернулись на яхту, сперва показалось, что она пуста. Но Владик заглянул в кубрик и увидел, что отец, Жора, Макарони и дядюшка Юферс сидят у стола и о чем то озабоченно беседуют. Он махнул рукой друзьям: давайте, мол, на корму.

В кокпите не было никого.

Джонни со вздохом оглядел себя с головы до ног, вздохнул и решительно сказал:

— Ну ладно, поиграли, и хватит. А то вся магия истратится не туда, куда надо... — Он надул щеки, тряхнул руками и тут же сделался прежним — шаром с цилиндром на макушке, с тонкими ножками в лаковых башмачках. Только вместо узких брючек на нем были яркие полосатые трусы — те, в которых он резвился на пляже. Кукунда недоуменно посмотрел на них и махнул рукой: наплевать, мол...

Он обвел ребят взглядом — уже не Джонниным, а «джинниным», нетерпеливым и слегка капризным:

— Ну, в общем, такие дела. Давайте ваше желание. Мне пора. Еще увидит кто-нибудь, подымет шум...

— Ох, мы еще не придумали! — вспомнил Владик. — Да, ребята? Гуляли, дурачились...

— Ну вот, я так и знал! — Кукунда был раздосадован, будто сам он не развлекался недавно с друзьями. — Сейчас начнется волынка...

— Ну, Джонни... то есть господин Кукунда! — взмолилась Ника. — Не сердитесь, мы сейчас сосредоточимся!

— Надо узнать, как там дела, — рассудительно сказал Максим и кивнул на вход в кубрик. — Когда придется

прощаться с яхтой? Владик, ты спросил бы у отца, выяснил обстановку...

— Я сейчас... — Владик скатился по трапу внутрь.

— Не понимаю, чего мы ждем. — Кукунда нервно переступил башмачками. — Думайте скорее.

— Мы должны сначала выяснить ряд обстоятельств, — веско проинформировал Кукунду Максим. — Чтобы *сориентироваться*. Подождем еще минуту... Владька, как дела?

Появившийся Владик понуро сел на палубу.

— Клянусь Жориним дедушкой, дела хуже некуда. Хозяин отказался принимать яхту, потому что опоздали. Папа сказал, что теперь мы в долгах по самую макушку...

— Но, может быть, нас выручит коллекция? — с жалобной надеждой вмешалась Ника. — Папа же говорил...

— Я сказал про коллекцию, — вздохнул Владик. — А папа разозлился. «Хватит, — говорит, — забивать головы детскими сказками про медяшки»...

— Вот теперь все ясно, — с удовольствием произнес Максим.

— Что? — разом повернулись к нему Владик и Ника.

— Ясно, какое желание. Формулирую точно. Господин Кукунда, слушайте. Нам необходимо, чтобы коллекция капитана Румба была продана музеем за сумму, которая покроет долги капитана и экипажа «Кречета». И чтобы она позволила решить другие вопросы: купить корабельному Гоше парусник для жилья, велосипед брату Макаро-ни, новую квартиру Нике и ее папе. А дядюшке Юферсу выкупить таверну «Долбленая тыква»... и... чтобы осталось еще всем кое-что для будущей жизни... Все согласны?

— Ага... — выдохнули Ника и Владик, изумленные всеобъемлющим содержанием и четким изложением желания (а Владик на всякий случай достал из кармана и сжал в кулаке медную пуговицу с арабской вязью).

— Можно было бы и покороче, — проворчал Кукунда. — И так все ясно... Ладно, приступаю... В общем, спа-

сибо за компанию, хорошо было с вами. И прощайте. Как только желание будет принято к исполнению, я улечусь, не успеете помахать руками...

Джинн Иекокконан Коканд-ибн-Даххар Кукунда сел, скрестив ножки (они совсем спрятались под шаром). Поднял перед носом вытянутые вверх указательные пальцы. Замер (Владик, Ника и Максим тоже замерли). Между кончиками пальцев Кукунды проскочила похожая на крошечную молнию искра. И еще... И еще... Ребята перестали дышать.

Но... искры прыгали, потрескивали, а больше ничего не случилось. Кукунда не исчезал. Мало того, наконец он уронил руки и озадаченно пробормотал:

— Ни фига не получается... Не могу понять...

— Не хватает магической силы? — грустно догадалась Ника.

— Да всякой силы у меня хватает! — подскочил Кукунда. — Не в этом дело! Поступает ответный сигнал: «Данное желание не имеет смысла. Ячейка с намеченной для задания целью пуста!»

— То есть как это? — разом спросили Максим и Владик. Первый подозрительно, второй с обидой.

— Как-как... Так случается, если желание уже исполнено. Само собой, без всякой магии...

Профессор Верхотуров, Охохито и Гоша возбужденно шагали в направлении яхтенных причалов.

— До сих пор не могу поверить, сеньоры! — восклицал Охохито. — Можно сказать, одним выстрелом сразу в сто мишеней! Я кое-что понимаю в музейном деле, но чтобы вот так... Ох, как будут радоваться наши мучачос!..

— Я и сам сперва не поверил, — вторил ему Илья Ильич. — Нет, я, разумеется, понимал ценность коллекции досточтимого капитана, но думал, музей станет упираться, торговаться, отнекиваться, ссылаться на отсут-

вие средств... хотя директор прекрасный человек... А он мало того, что выпотрошил все музейные финансы, так еще и связался с международным фондом «Морской антиквариат»...

— И там, судя по всему, отвесили рты от изумления, — подхватил Охохито. — Это надо же: «Немедленно выпишывайте чек!»

— Боюсь только, что дядюшка Юферс будет огорчен, — слегка озаботился Илья Ильич. — Ведь пришлось оставить в музее тетрадь и рисунки капитана.

— Но директор обещал хорошие ксерокопии, — напомнил Охохито.

— Да-да. И это утешает...

— Думаю, дядюшку больше всего утешит возможность получить обратно свою «Тыкву», — заметил Охохито. — Я поставлю свою карронаду у него на дворе, и по праздникам мы будем устраивать салюты!

— А как вы... это... полагаете, если я дам своему паруснику имя... это самое... «Элеонора»? — одолев смущение, выговорил Гоша.

Илья Ильич и Охохито наперебой заверили его, что лучшего названия невозможно придумать.

— Тогда это... вот... сочинилось...

Мы вспомним, друзья, эту славную пору,
На праздничный ужин собравшись все вместе
На солнечной палубе «Элеоноры»,
Пропитанной солью морских путешествий!..

— Георгий Лангустович, вам нет равных среди певцов морской жизни, — сказал Илья Ильич Верхотуров.

— Ну, что вы... я... это самое... А вот еще. Так сказать, это... итог...

Незгоды встречали в пути без конца мы,
Но славен финал. Кто не верит — взгляни-ка!
Поскольку с прекрасными очень сердцами
И мальчики наши, и храбрая Ника!

Профессор и Охохито, по правде говоря, не поняли, при чем здесь сердца мальчишек и Ники (они ведь не знали о надписи на сертификате), но снова похвалили Гошу.

— Ой... *они идут*, — слабым голосом сообщила Ника, увидев на причале отца, Гошу и Охохито.

— Между прочим, без портфеля, — многозначительно заметил Максим.

— Господин Кукунда, вам надо на минуточку снова под брезент, — быстро сказал Владик. — А то увидят.

— Ну вот, опять... — заныл Кукунда. — Сколько можно...

— Но мы же не виноваты, что с прошлым желанием вышел сбой, — официальным тоном проговорил Максим.

— А я, что ли, виноват? Сами не знаете, чего хотите...

— Но теперь-то уж мы точно решим! Очень скоро! — пообещала Ника. И пока мальчишки укрывали Кукунду, она выскочила на причал.

— Ну-с, как тут дела? — бодро и деловито спросил у дочери Илья Ильич.

— Ох, папа... у нас плохие новости... — И глянула выжидательно: «А у вас?»

— Зато у нас хорошие! — не выдержал профессор Верхотуров. — Просто чудесные! Настолько замечательные, что ваши плохие новости перед ними ноль с минусом!..

Пожалуй, нет смысла подробно описывать радостную беседу в кубрике «Кречета»: рассказ о событиях в музее и обсуждение планов на будущее. О сеньоре Бамбинусе — хозяине «Зеленого льва» — теперь говорили уже без досады, а просто со смехом. Это даже прекрасно, что он не принял яхту. И возвращать ее прежним владельцам тоже нет нужды. Степан Данилыч без труда выплатит нужную сумму, и «Кречет» станет семейной яхтой Ставридиных. С прекрасным, уже сложившимся дружным экипажем!

Всех это радовало, потому что каждый успел привязаться к небольшому, но замечательному кораблику, на котором пережили столько приключений...

— Ой, а Кукунда-то!.. — спохватился Владик.

Он, Максим и Ника бросились из кубрика.

Кукунда сердито пыхтел под брезентом.

— Если он вместо исполнения желания превратит нас в креветок, то будет совершенно прав, — прошептал Максим.

— А какое теперь желание-то? — выдохнула Ника.

— А вы что, не догадываетесь какое? — удивился Владик.

Они... кажется, догадывались. Да, конечно! Быстро и понимающе взглянули друг на друга.

— Кто «за»? — строго спросил Максим и поднял руку. А Ника и Владик вскинули по две руки!

Максим отбросил брезент.

— Наконец-то! — Кукунда сердито поправил цилиндр. — Вы меня уморите!

— Нет! — объявила Ника. — Мы наконец придумали желание. Вместо того, которое исполнилось само собой. *Это* еще точно не исполнилось.

— Ну и...

— Господин Кукунда, мы желаем, чтобы вы стали прежним Джонни, — официально произнес Максим.

— Вы что... это... офонарели? — жалобно спросил Кукунда. В отличие от Максима, он не сумел сохранить официальность!

— Нисколько! — подпрыгнул Владик. — Мы по правде! Вы ведь сами говорили, что поняли, как замечательно быть мальчиком! Пусть вы сделаетесь таким, как мы, и навсегда станете нашим другом. И чтобы всегда были с нами и росли вместе с нами... Знаете, как будет здорово!

— Или... вы не хотите? Тогда не надо, конечно... — тихо сказала Ника.

— Да хочу я, хочу! — взвыл Кукунда, и показалось даже, что в голосе старого джинна прорезался голос мальчика Джонни. — Но я же не могу! Я джинн — исполнитель желаний! И должен беречь силы и каждый раз выполнять желание того, кто меня освободил! А не свое! На свое я не имею права!

Максим скрестил руки.

— А это и не ваше! Это *наше* желание, господин Кукунда. Это *мы* хотим, чтобы вы опять превратились в Джонни. А в том, что этого хотите и вы, никто не виноват. Просто совпадение.

— Д-да? — осторожно сказал Кукунда.

— Да! — хором сказали трое. А Владик, как и в прошлой раз, достал из кармана и сжал старинную пуговицу.

— Только имейте в виду... — снова заговорил Кукунда.

— Что? — опять хором сказали друзья.

— Если я превращусь в настоящего мальчишку... я ведь растеряю все свое волшебство.

Владик, Максим и Ника переглянулись. Владик пфыкнул губами. Максим пожал плечами. Ника сказала:

— А оно нам надо?.. Ой...

— Почему «ой»? — вздрогнул Кукунда. Он, кажется, уже настроился на превращение.

— Я подумала... Если сделаетесь обыкновенным... как мы... то ведь потеряете и свое долголетие. То есть перестанете быть бессмертным.

— Глупые вы... — вздохнул Кукунда. — Все люди бессмертны, только до поры не знают этого... Ну так что?

— Тогда... давай! — Владик нетерпеливо обвел глазами друзей. — Мы хотим, чтобы...

Он не успел договорить. Вместо живого шара перед ребятами снова возник Джонни.

— Ура! — Они сплели ладони в дружеском рукопожатии.

Неизвестно, сколько времени друзья ликовали бы, но тут в кокпите возник Жора.

— Клянусь дедушкой, опять четверится в глазах! Или... это по правде? — Он старательно пересчитал пальцем ребятам.

— Дядя Жора, это по правде! — радостно заверила его Ника. — Это Джонни!

— Бедный мой дедушка, даже он не вынес бы всего этого... Значит, еще одна беспризорная личность, которую придется укрывать от таможенной стражи?

— Дядя Жора, это уже не беспризорная! Это наш с папой родственник! Мы его встретили здесь, он жил в интернате! А теперь будет жить с нами. В новом доме, который мы с папой построим у моря...

Старпом Жора Сидоропуло меланхолично покачал головой. После всего, что произошло за последнюю неделю, удивляться еще чему-то было бессмысленно.

Максим, который был рассудительней остальных, вдруг встревожился:

— Ох, Ника... А твой папа согласится?

— Да! Я ему все расскажу!.. Скоро Джонни забудет, что он был каким-то там джинном, и станет моим братишкой!

Максим и Владик посмотрели друг на друга.

— Во как... — проговорил Максим негромко и без восторга. Ника взглянула на него, на Владика, вздохнула:

— Бестолковые какие... Встаньте рядом. Закройте глаза...

Они подчинились. Догадались. Ника по очереди обоим чмокнула в щеку. А потом и Джонни. Мальчишки стояли, не открывая глаз, но на лицах их расплывались улыбки...

...Все кончилось хорошо. И было потом много радостного. Плавания на «Кречете», веселые посиделки на крохотной обшарпанной шхуне «Элеонора», которую Гоша недорого приобрел у местного яхт-клуба. И встречи с самой мадам Элеонорой — она приехала из Синетополя устраивать литературные дела поэта Г.Л. Ныряйло и писателя Юферса (и устроила весьма удачно). И дружные суб-

ботники в белом домике над морем, который стал жильем для профессора Верхотурова, Ники и ее братишки Джонни. И... всего не расскажешь.

А Шурик и Женя неумоимо гоняли на новеньких велосипедах по приморским улицам...

Одно было плохо: никакие сокровища не в состоянии остановить время. И в конце концов за августом обязательно подкрадывается сентябрь. Здесь, на юге, его приближение никто еще не замечал — сплошное лето, но Максиму от этого было только хуже. Ведь неотвратимо придвигался день прощания. День расставания с этим теплом, с морем, с «Кречетом», с друзьями.

И Максим, давно поклявшийся себе никогда не плакать, перед отлетом в Москву расплакался, как дошкольник.

— Я не хочу... Ну я изо всей силы НЕ ХО-ЧУ! Не могу без вас...

Это было уже в аэропорту, перед тамбуром, ведущим на взлетную полосу.

Максима провожали все друзья — и ребята, и взрослые. Даже братишка Макарони Шурик и его друг Женя были здесь. Все уговаривали безнадежно плачущего Максима как могли:

— На будущий год приедешь... Будем переписываться по Интернету... Тебя мама и папа ждут...

— Да не ждут они! — вырвалось у Максима. — У них там свои дела: сходятся, расходятся, выясняют что-то... Поэтому и меня сюда на каникулы отправили, чтобы я им не мешал...

Что тут скажешь, как утетишь?

Утешали как могли, и никто не обратил внимания, как Женя и Шурик что-то зашептали друг другу на ухо и сцепились мизинцами — так у ребят бывает, когда загадывают тайное желание... Нет, один из провожавших — пудель Чапа — все же заметил это. Поднял ухо и глянул с одобрением. Затем подошел к Гоше, деликатно, но настойчиво потянул его за подол фуфайки к двум друзьям.

Понурый, одетый уже по-осеннему (в Москве дожди), Максим наконец унял слезы, молча пожал всем руки. Взглянул на Нику, чуть улыбнулся и... закрыл глаза. Владик и Джонни деликатно отвернулись. А она сделала то, чего Максим ждал. Хоть какое-то утешение...

Потом друзья грустно брели от аэровокзала...

А Максим сидел в кресле авиалайнера и отрешенно смотрел перед собой. Облака за окном напоминали надутые паруса, но от этого не было легче...

— Уважаемые дамы и господа, предлагаем вам свежую прессу. Журналы, газеты... — Это симпатичная стюардесса катила по проходу тележку.

Максим не хотел газет и журналов. Он вообще ничего не хотел. Кроме одного. Но это «одно» было несбыточным... Он машинально вытащил из кармана джинсовой (твердой, непривычной) курточки билетную книжку, из которой при регистрации вырвали последний полетный купон. «Все нужные бумажки уже выдрали, а сколько еще осталось — правила, инструкции... Бюрократия такая...» Максим повертел книжку в пальцах... Пригляделся к билетному номеру...

Что это?..

Нет, в самом деле, что это? Максиму помнилось, что раньше номер был совсем другим. И цифр в нем было гораздо больше. А теперь...

«Счастливей...»

«Счастливей!» Шесть знакомых цифр: 123321...

Вмиг вспомнились все рассказы Ники о прежнем чудесном билете. И колдовство во время путешествия!

«Надо сочинить какое-нибудь заклинание! Вдруг случится чудо?! Скорее!..» Максим прикусил губу, отчаянно напрягся и... сказал:

Славный мой «Кречет»!
Лети мне навстречу!..

Казалось, за иллюминатором мелькнули белоснежные грот и стаксель. Уже не облака, а настоящая вздувшаяся парусина...

Бортпроводница подошла и недоуменно остановилась у пустого кресла.

— Простите, господа... Мне кажется, здесь только что был мальчик?

Пассажиры смотрели недоуменно. Никакого мальчика они не помнили. А через секунду забыла о нем и стюардесса. Поскольку бывает, что волшебство оказывается сильнее, чем строгие инструкции авиакомпаний...

...А мальчик вышел из боковой аллеи на главную, ведущую от аэровокзала, и зашагал навстречу друзьям. Улыбался чуть виновато...

Они не поверили...

Поверили...

Бросились к Максиму!

Отец и мама Владика, которые тоже были среди проводивших, переглянулись.

— Негодный мальчишка, — жалобно сказала мама.

— Боюсь, что теперь это надолго. Придется объясняться с его родителями, — подвел итог капитан Ставридкин.

А ребята... Когда первая радость прошла и они выпустили Максима из объятий, Владик весело спросил Гошу:

— Скажи, это твоя проделка?

— Скорее уж вот их... — Гоша кивнул на Женю и Шуррика. — Дело в их счастливом билете... Ну, немножко и я помог... А главное Максим сделал сам. Он... это самое... *очень хотел...*

Ну и что дальше? Пожалуй, нужна какая-то заключительная сцена. Оптимистичная и символическая. Такая, например. Все герои этой истории (за исключением мамы Владика, которая по телефону убеждает родителей Макси-

ма, что «ничего особенного, поживет с годик у нас...») идут на «Кречете» к выходу из бухты, в открытое море. Ветер почти встречный, курс крутой бейдевинд, яхта взбегает на волну. Просвеченная солнцем пена с гребешков летит на палубу. Юные представители отважного экипажа стоят на носовой палубе (на баке!) и, отплываясь от пены, голосят песню — при этом Владик дирижирует зайцем Андрюшкой, а Джонни очками.

Песня, конечно, *та самая*:

Кто же, ох, скребется в сундучке том,
ребята?
Может, просто злая чернота?
Это юнга Генри взял с собою,
ребята,
Драного бродячего кота —
без хвоста!

Кот, кстати, тоже здесь присутствует. Черный, вполне пиратского вида. Месяц назад он в самом деле был драным и бродячим (правда, с хвостом), и его подобрал дядюшка Юферс. И кот стал жить на кухне дядюшкиной таверны «Долбленая тыква», которая за несколько дней обрела прежнюю шумную известность. Кот по имени Ботончито (сокращенно Ботик) не был домоседом и не упускал случая отправиться в плавание на «Кречете». Он подружился с пуделем Чапой и зайцем Андрюшкой.

И сейчас Ботончито и Чапа сидят у носовых релингов, фыркают от прилетающей пены, но не уходят с палубы.

...Вот и вся история. Теперь самое время приниматься ругать автора. Хотя нет, прочтите еще послесловие.

**Как это все появилось
ВМЕСТО ЭПИЛОГА**

Тот, кто набрался мужества прочитать это сочинение (и кто читал другие книги автора), поймет: здесь смешались две вещи: роман «Портфель капитана Румба» и по-

весть «Возвращение клипера «Кречет». Но смешались они очень перепутанно, с изменением сюжета, появлением новых героев и событий. Мальчика Гвоздика из «Портфеля» нет совсем, его всюду заменяет Владик из «Клипера». С корабельным гномом Гошей не случается таких несчастий, как в повести. Зато случается множество приключений, о которых раньше читатели не ведали...

«А зачем все это? — могут спросить те же читатели. — Стоило ли городить такие хитросплетения и перестраивать то, что уже есть?»

Если спросят, автор готов ответить: «Я не виноват... То есть виноват, но не очень...»

Дело было так. В начале 2003 года стали вестись в «соответствующих кругах» разговоры, что надо возрождать детское телевидение и детский кинематограф. Ну, разговоры у нас все любят. Говорить — это ведь не то что дело делать. Когда у автора начинал трезвонить телефон: «Не напишете ли для нас сценарий?» — автор отвечал, что охотно напишет, если только это предложение всерьез. «Разумеется, всерьез! — восклицали на том конце провода. — Вы же знаете, что есть самые высокие указания о том, что детям нужны новые фильмы! Мы завтра вам перезвоним, чтобы уточнить все детали!» И... разумеется, больше не звонили. Видимо, считали, что «обратившись с предложением», сделали для ребят-кинозрителей больше чем достаточно...

Однако некоторые продюсеры и режиссеры шли дальше. Однажды к автору приехала из Москвы целая группа специалистов. Они сказали, что хотят получить сценарий приключенческого телесериала для детей. Срочно! А чтобы автор не слишком ломал голову, даже предложили наметки будущих серий. «По мотивам» историй о капитане Румбе и гноме Гоше.

«Да что там общего-то?!» — изумился автор.

«Море и приключения, которые так любят ребята», — ответствовали киноспециалисты.

Человек слаб. Автор почесал в затылке и согласился, тем более что дело это при некотором размышлении показалось интересным. Да и работы было всего-то на месяц-полтора («Нас отчаянно поджимают сроки!»).

«Чем черт не шутит!» — подумал автор.

Потом стало ясно, что все не так просто, как представлялось вначале. Приехавшие специалисты были люди очень славные и, безусловно, энтузиасты своего дела, и они искренне хотели, чтобы сериал «дошел до зрителя». Но они, как паутиной, были опутаны разными требованиями и ограничениями. Оказалось, что необходимо соблюдать условия, которые «требуют от детских сериалов коммерческие телеканалы». И я как сценарист, тоже должен был их соблюдать. Следовало писать таким образом:

а) чтобы каждая серия была рассчитана ровно на сорок пять минут показа (около тридцати страниц текста);

б) чтобы в каждой происходило «остросюжетное событие»;

в) чтобы в сериале было «несколько ложных находок клада и разочарований»;

г) чтобы канвой общего сюжета служило плавание на яхте (потому что большой парусник для съемок — это очень дорого), перемежаемое пестрыми сценами в приморских городах;

д) чтобы героями были обязательно два мальчика и девочка одиннадцати-двенадцати лет и при этом по ходу действия девочка должна несколько раз награждать мальчишек поцелуями;

е) чтобы девочка была занята поисками отца, которого взяли в заложники отрицательные герои;

ж) чтобы так или иначе была задета тема безнадзорных детей: «Это сейчас актуально!»;

з) чтобы непременно были включены в действие сцены подводного плавания;

и) чтобы корабельный гном Гоша в обязательном порядке бродил с пожилой интеллигентной дамой по таин-

ственным подземным коридорам (зачем — автор совершенно не мог понять);

к) чтобы джинн Кукуда появился лишь в последней или предпоследней серии («Это усилит динамику!»);

л) чтобы среди героев присутствовал симпатичный пудель, который своим целебным языком исцелял раны мореходов. (Автор имел неосторожность рассказать о знакомом псе Чапе с яхты «Фиолент», и специалисты потребовали: «Включите его обязательно!»);

м) чтобы мальчики (два главных героя) сначала конфликтовали, а потом подружились;

н) чтобы в действии принимал участие тряпичный заяц («Ах какой симпатичный!») вроде зайца Митьки, который много лет живет у автора и описан им в нескольких книгах;

о) и много еще всякого, что перечислять уже не хватает терпения...

«Но вы же понимаете, что это явная халтура, винегрет, безвкусица и штампы!» — воскликнул в отчаянии автор.

«Да, — согласились режиссеры и продюсеры. — Но именно таковы сейчас требования каналов ТВ, которым мы собираемся предложить снятый сериал. Без соблюдения этих условий надеяться не на что... А ваша задача — свести халтуру и безвкусицу к минимуму и попытаться дать детям что-то более приемлемое, нежели та халтура, которая появляется на экранах сейчас...»

Задача представилась автору невыполнимой. Но... в невыполнимости есть своя привлекательность. А в попытках решения такой задачи — даже некоторый героизм! Автор испытал некий творческий азарт (подогреваемый, кстати, мыслями про обещанный гонорар). И... сел за клавиатуру.

Около месяца он выдавал на-гора тридцатистраничные серии одну за другой, подбадриваемый телефонными беседами и обещаниями столичных продюсеров и режиссеров. Охваченный уже упоминавшимся творческим азартом, он не сразу заметил, что содержание бесед становится все более абстрактным, а подбадривания — несколько вя-

лыми. И лишь после восьми серий вернулся к реальности. Вспомнил, что имеет дело с КИНО, где все как всегда. Ибо очень знакомо стали звучать фразы, что «надо еще подумать», «поискать варианты», «не следует торопиться», «необходимо учитывать неожиданно возникшие обстоятельства» и так далее. Полностью все встало на места, когда наконец прозвучало слово «деньги», которых, конечно же, для съемок (и, значит, для вожделенного полновесного гонорара) не было...

И очередной раз автор оказался у разбитого кинокорыта, прекрасно отдавая себе отчет, что «сам виноват».

Особого огорчения автор не испытал — не первый раз. Жаль только было потерянного месяца и тех новых героев, которых придумал специально для сериала. Их-то за что обидели? Так и не попадут к зрителям!

Но... если не со зрителями, то, может быть, с читателями они все же встретятся? Кто мешает автору вставить сценарий несостоявшегося сериала в очередной том собрания сочинений (тем более что в этом собрании предполагалось поместить *все* фантастические произведения автора)? Пусть читатели увидят, к чему приводят необдуманные попытки прозаика очередной раз связать свою работу со скрипучим механизмом кино и ТВ. Кто-то посмеется, кто-то вздохнет, а кто-то, возможно, сделает правильные выводы...

И через два года, вернувшись к прерванной работе, автор досочинил две последние серии.

...Есть еще надежда: может быть, этот дурашливый, вполне ребячий сценарий возьмет для производства действующая при отряде «Каравелла» студия «FIGA» (тоже детище автора)? Она до сих пор снимает фильмы, и некоторые из них даже получают призы на всяких фестивалях.

А в самом деле! Яхты есть, девчонок и мальчишек — актеров сколько угодно! Пушку где-нибудь раздобудем или смастерим (имеется опыт). За приморский город вполне сойдут прибрежные кварталы Верх-Исетского озера в Ека-

теринбурге. К тому же никто не станет предъявлять «обязательных требований», как на коммерческом телеканале. Самый большой вопрос — кто станет играть корабельного гнома? Однако автор полагает, что с этой ролью он справился бы сам — когда от всех огорчений усохнет до нужных параметров. Правда, для этого требуется время.

А пока — не ругайте автора слишком сильно. В конце концов, главное, что Ника нашла отца, Максим остался с друзьями, а у Шурика Вермишелкина и его друга появились велосипеды...

СОДЕРЖАНИЕ

ТОПОЛИНАЯ РУБАШКА. Повесть	5
ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ. Повесть	111
ЯХТА «КРЕЧЕТ», ИЛИ СНОВА О КАПИТАНЕ РУМБЕ. Киноroman	283

Литературно-художественное издание

Крапивин Владислав Петрович
ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *В. Авдеева*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *В. Савватеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-книц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-книц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Суваревская пл., 12. Тел.: 937-85-81, 780-58-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 23.10.2006.

Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 31,92. Уч.-изд. л. 25,8.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 4155.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

